

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

БУРЯТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
ЛАБОРАТОРИЯ ПАЛЕОЭКОЛОГИИ

RUSSIA'S AKADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH

BURYAT SCIENTIFIC CENTRE
THE INSTITUTE OF SOCIAL SCIENCES

CHITA STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE
named after N. G. CHERNYSHEVSKY
THE LABORATORY OF PALAEOEKOLOGY

M. V. KONSTANTINOV

STONE AGE
OF THE EASTERN PART
OF BAIKAL ASIA

For the world intersongress of the archaeologists
(Zabaikalye, 1996)

Ulan-Uda — Chita
1994

М. В. КОНСТАНТИНОВ

КАМЕННЫЙ ВЕК
ВОСТОЧНОГО РЕГИОНА
БАЙКАЛЬСКОЙ АЗИИ

К Всемирному археологическому интер-конгрессу
(Забайкалье, 1996)

Улан-Удэ — Чита
1994

ББК Т4(2)21+Т4(4/8)
УДК 903 (1/9)

М. В. Константинов.

Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интер-конгрессу. (Забайкалье, 1996).— Совместное издание Института общественных наук БНЦ СО РАН и Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского.— Улан-Удэ.— Чита, 1994.

В монографии характеризуется каменный век /поздний палеолит, мезолит, неолит/ обширной территории, простирающейся к востоку от Байкала вплоть до Яблонового хребта. На берегах р. Селенги и ее притоков изучены поселения Толбага, Куналей, Читкан, Студеное-1, 2, Усть-Менза-3, 4, Санный Мыс, Ошурково. Выявлены основные черты материальной и духовной культуры древнего населения. Создана региональная археологическая периодизация.

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук, профессор **А. Д. Столяр,**
доктор геолого-минералогических наук **С. М. Цейтлин**

Издательство ИОН БНЦ СО РАН (N 020494) — Издательство ЧГПИ им.
Н. Г. Чернышевского (ЛР N 040275), 1994.

ISBN 5—85158—052—6

© М. В. Константинов, 1994.

M. V. Konstantinov.

Stone Age of the eastern part of Baikal Asia For the world intercongress of the archaeologists (Zabaikalye, 1996).— Joint publication of the Institute of Social Sciences BNC CO RUN and Chita State pedagogical Institute named after N. G. Chernyshevsky.— Ulan-Uda — Chita, 1994.

The monography gives the characteristics of the Stone Age /Late Palaeolithic, Metholithic, Neolithic Age/ of the wast territory stretched to the east of the Baikal to Yablonovy mountain cidge. On the banks of ihe river Selenga and its tributes the sites of Tolboga, Kunalei, Chitkan, Studyonoye — 1,2, Ust-Menza, Sanny Myss, Oshyrkovo are studied. The main features of the material and spiritual culture of the ancitnt sites are revealed. The regional archaeological division has been created.

Editors-in-Chief

D-r of histor. scs **A. D. Stolyar**

D-r of geol.-mineral scs **S. M. Tseitlin**

Publishing House ION BNC CO RUN /N 020494/ -Publishing House Ch SPI named after
N. G. Chernyshevsky/LR N 040275/, 1994.

© М. В. Konstantinov, 1994.

*Светлой памяти
Даши—Дондока Базаровича
Базарова—
геолога-четвертичника*

«Чем больше человек будет становиться человеком, тем меньше он согласится на что-либо иное, кроме бесконечного и неустрашимого движения к новому»

ПЬЕР ТЕЙЯР ДЕ ШАРДЕН

«Возникновение нового — не это лишь наш дух более всего ищет в минувшем!»

ПОСИФ ХЕЙЗИНГА

ВВЕДЕНИЕ

Байкальская Азия — это географическое пространство, занимаемое озером Байкал и бассейном всех рек, впадающих в него, а также верхним течением Ангары, вытекающей из Байкала, и истоком Лены, находящимся в пределах горного кольца великого озера. На карте Азии ее байкальская часть выглядит как обширное внутриконтинентальное ядро, играющее бесспорно важную роль в природных структурах и их научной систематике (рис. 1).

Использование понятия Байкальская Азия оправдано с точки зрения исторической, особенно для древности, поскольку единая водная система безусловно создавала наилучшие возможности для освоения территории, этнических и культурных контактов.

В пределах Байкальской Азии отчетливые восточные позиции занимает река Селенга с притоками Чикой, Хилок и Уда, что позволяет в полном соответствии с принципами географического районирования выделить восточный регион Байкальской Азии (рис. 2).

Этот регион в течение четверти века, не пропуская ни одного полевого сезона, исследовала археологическая экспедиция Читинского пединститута, к которой автор монографии имеет прямое отношение. Раскапывая памятники, расположенные в горных долинах, отдаленных от Байкала во многих случаях на сотни километров, мы ощущали привязанность к нему, создаваемую общими природными условиями и, конечно, реками, несущими воды (и наши байдарки!) в Байкал. Отсюда понятно, что определение позиции региона исследований с ориентировкой на «Славное море» вполне оправдано и с учетом нашего психологического восприятия окружающего пространства.

При осмыслении Байкальской Азии как единой природной структуры в ее пределах оккупирована и российская и монгольская части бассейна Селенги, что в нашей ситуации немаловажно. Действительно Селенга пересекает южную границу России могучей полноводной рекой, оставляя в пределах Монголии не только свои истоки, но и значительную часть среднего течения, а также крупные притоки — Орхон и Толу. Из Монголии, из дальних окрестностей Улан-Батора, берет начало Мэнза — самый значительный приток Чикоя, а сам

Чикой долгие версты течет по границе с Монголией, скорее объединяя, чем разделяя прилегающие к нему территории.

По другим классификациям Монголия и Российское Забайкалье выступают в рамках разных структур, соответственно, Центральной Азии и Северной Азии. В данной ситуации такое разграничение выглядит весьма условно и не совсем убедительно. Район исследования можно определить и более традиционно, например, как юго-западную часть Забайкалья, но это название будет менее выразительным и к тому же не точным, поскольку оно, как таковое, должно включать и Джиду — еще один приток Селенги, на этот раз левобережный, занимающий на карте позицию «под Байкалом»; еще западнее Джиды на контакте с Тувой находится восточносибирская Тунка — самая юго-западная часть на картах Забайкалья. Районы Джиды и Тунки остались пока в стороне от поисковых маршрутов.

Выделение Байкальской Азии не отдаляет, а напротив, приближает к району исследования другие регионы: Среднюю Сибирь с Енисеем, связанную через Ангару с Байкалом; Якутию, куда устремляется Лена, принимающая в себя забайкальский Витим, истоки которого близки к Уде, и, конечно, восточные районы Забайкалья с истоками Амура, хотя и отделенные мировым водораздельным Яблонным хребтом, но близкие территориально.

Заметим, что первоначальные соображения о выборе региона исследования вытекали из двух сопряженных позиций. Во-первых, учитывалась административная принадлежность его восточного района к Читинской области и Чите как областному центру, что в провинциальных условиях существенно облегчало организацию экспедиций местному педагогическому институту. Во-вторых, — малой изученностью этого района, в значительной степени обойденного вниманием археологов. Археологическая разведка верхнего и среднего течения селенгинских притоков, естественно вывела экспедицию в их нижнее течение, и непосредственно к Селенге, по которой уже недалеко до Байкала. Эти районы относятся к Бурятии; в физической географии они носят название Селенгинской Даурии. В ее пределах были известны археологические памятники, например, Усть-Кяхта, Мыльниково, Няньги, Ошурково,

Санный Мыс, Мухино, Нижняя Березовка, Посольское, Фофаново, Варварина Гора и др., открытые в конце XIX и разные десятилетия XX в.

Впрочем, только на первый взгляд, история и результаты археологических изысканий этого региона известны и наглядны. обстоятельный историографический поиск, основанный на архивных и библиотечных материалах, позволил натолкнуться на многие имена и факты прежде неизвестные или полузабытые, непонятные или отвергнутые. В их свете иначе стали смотреть уже знакомые сюжеты и ситуации, дела и личности. Представители многих поколений российской интеллигенции составили удивительно колоритный личностный ряд практиков и теоретиков науки, внесших вклад в изучение древней истории природы и общества Байкальской Азии, Сибири, Забайкалья. В него вошли: декабрист-ссыльнопоселенец Николай Бестужев, князь-путешественник-революционер Петр Кропоткин, забайкальский казак Иван Поляков, столичный граф Алексей Уваров, поляки Иван Черский и Николай Витковский, литератор Владимир Птицын, кяхтинские краеведы Александр Мостиц и Юлиан Талько-Грынцевич, востоковед Гомбоджаб Цыбиков, геолог Владимир Обручев, иркутский этнолог Бернгард Петри и его ученики Георгий Дебец, Алексей Окладников, Михаил Герасимов, Георгий Сосновский.

Этот ряд в дальнейшем, наверное, будет продолжен, но применительно к современным этапам исследований правомернее подчеркивать не столько заслуги, сколько возникающие и нерешенные проблемы из области методики и теории специального знания о прошлом. Здесь на первый план выходят оценки исследовательских подходов, например, в интерпретации леваллуа, путей возникновения микро-техники, принципов создания периодизации, вариантов развития этно- и культурогенеза и т. д. Всем этим вопросам уделено надлежащее внимание в историографической главе данной монографии, при этом вектор критического анализа определен результатами новых полевых открытий. Благодаря коллективным усилиям участников экспедиции, они оказались достаточно существенны: удалось обнаружить и изучить серию выразительных древних поселений (рис. 3).

Первым среди них стала Толбага, датированная началом позднего палеолита. Ее культурные отложения, связанные с делювиальным шлейфом, сохранили богатые планиграфические структуры и выразительные ансамбли каменных изделий. Здесь найдена скульптура головы медведя, являющаяся древнейшей в пределах азиатского континента. Затем последовал Куналей с оригинальной каменной индустрией, возраст которой длительное время представлял немалую загадку, но ныне нашел

свое место в хронологической шкале, примерно на той же позиции, что и Толбага.

Большое внимание было уделено поселению Студеному-1, где удалось выявить 26 культурных горизонтов конца палеолита, мезолита, неолита и бронзы. По соседству с этим поселением обнаружено Студеное-2 с пятью разновременными горизонтами (их число прибавляется после каждого полевого сезона).

Комплекс из пяти многослойных памятников, обладающих в совокупности 60 культурными горизонтами, продолжает изучаться на Усть-Мензе. Из рядовой стоянки в опорный памятник палеолита превратился Читкан; один из его культурных горизонтов занял важную позицию в отложениях первой фазы сартанского оледенения. Вслед за Студеным-1 и Усть-Мензой-1 неолитические горизонты обнаружены в числе 19 слоев Алтана.

Немалые усилия прилагались для изучения таких разноплановых памятников как Черемушки, Подлопатки, Черноярво, Конюхово, Фомичево, Солонцовое, Нижняя Еловка-2, Мельничное, Приисковое, Косая Шивера и др.

Исследовалось два пещерных памятника — Егоркина и Кристинкина пещеры — с выразительными комплексами неолита и бронзы. Возобновлены исследования на объектах, открытых в 1950-60-х годах А. П. Окладниковым. На Санном Мысе удалось завершить исследование уникального палеолитического жилища; на стоянке Мухино — установить, что под ее верхним культурным слоем скрывается еще шесть слоев; в Ошурково, считавшемся полностью уничтоженным строительными работами, — открыть участок слоя раннего мезолита, а на Посольской и Нижней Березовке уточнить возраст керамических горизонтов.

Активные полевые работы позволили получить представительные материалы по каменному и бронзовому векам. В связи с этим возникла необходимость обобщения результатов в форме специального исследования.

Цель исследования определена так:

— с единых методических позиций осветить древнюю историю Восточного региона Байкальской Азии как крупной составной части нашей страны и Внутренней Азии;

— выявить достижения древнего человека в области материальной и духовной культуры, отметив общее и своеобразное в сравнении с другими территориями;

— раскрыть характер, структуру и значимость забайкальских памятников археологии как полноценных исторических источников и как памятников, отражающих культурное достояние народов нашей страны.

На пути к цели необходимо решить следующие задачи:

— провести специальный историографический поиск, позволяющий создать максимально полную историю исследования региона с анализом деятельности ученых различных поко-

лений и их достижений в области полевой и теоретической археологии и смежных наук;

— обобщить результаты всех этапов научного поиска; дать оценку достигнутого, обратив особое внимание на критику археологических источников и памятников;

— систематизировать вновь полученные материалы, представив сведения об основных памятниках в форме развернутой характеристики их геологической и археологической структуры;

— определить закономерности в геоморфологии и стратиграфии поселений, выявить генотип террас и строение террасового ряда как необходимую базу для геохронологических и палеогеографических заключений;

— на основе изучения системы культурных отложений и коллекций предметного материала разработать детальную археологическую периодизацию и хронологию, раскрыв характер каждого из периодов и этапов с хозяйственной и технико-типологической стороны;

— провести анализ культурных и хозяйственных достижений древних забайкальцев как результата их интеллектуальной и производственной деятельности, а также творческого освоения достижений населения сопредельных территорий;

— выявить структурные подразделения в форме культур, локальных вариантов и путей развития, стремясь к объяснению их происхождения и взаимоотношения;

— произвести увязку природных и исторических этапов, раскрыть характер взаимовлияния природы и общества в условиях конкретного региона;

— использовать представленные темой и материалом возможности для общеисторических обобщений и построений.

Актуальность темы исследования определяется возможностью плодотворно решать научные задачи, касающиеся изучения эпохи камня; она воспринимается нами как достойная составная часть истории человечества, равноправная с другими по значимости, но уникальная по длительности и изначальности позиции.

Достаточно определенные границы и существенные масштабы региона исследования позволяют осуществить конкретно-исторический анализ, предполагающий выявление характера и направления исторического процесса, общего и особенного в нем в сравнении с другими регионами. До настоящего времени такая работа выполнялась лишь отчасти, при этом в публикациях представлялся не весь регион, а только его локальные участки, или же исследовались отдельные периоды, а не весь каменный век в целом. Из-за разных авторских подходов и степени проработки источников возникали непреодолимые сложности в соединении частей в единое целое. Представляется возможным осветить историю региона под

одним углом зрения, начиная с технико-типологических построений и завершая вопросами этнокультурной истории и общественного развития. Углубленное изучение древних пластов истории региона важно для понимания истории других регионов, как с ним контактирующих (Прибайкалье, Монголия, Восточное Забайкалье, Якутия), так подчас, и весьма отдаленных (например, Северной Америки).

Без правильного понимания характера древних этапов невозможно разобраться в дальнейшей истории региона, в том числе в становлении местных этносов и хозяйственных структур, в соотношении автохтонных и миграционных элементов, в развитии общественных институтов.

Изучение археологических памятников региона имеет не только региональный и межрегиональный аспекты. Оно предлагает материалы и сюжеты для размышлений над общеисторическими и общечеловеческими проблемами, как-то: соотношение естественных и исторических начал; анализ человеческой деятельности как важнейшей движущей силы в истории; понимания культуры как формы самозащиты человека от природной среды и способа проникновения в нее; взаимоотношения результатов собственных творческих усилий и освоения культурно-технических достижений соседей и т. д. Освещение гуманитарной проблематики на основе фактов и событий первобытнообщинной формации, лишенных наслоений и сложности, рожденных цивилизацией и классовым обществом, позволяет выявить корни многих современных процессов и явлений, и в силу этого глубже раскрыть взаимосвязь и неразрывность исторических эпох. Обращение автора к столь ответственной проблематике означает, помимо прочего, несогласие с необъявленной, но существующей теорией «провинциализма», по которой уже для начальных археологических эпох (например, для палеолита и мезолита) устанавливаются «столичные» и «окраинные» зоны, при этом материалы первых предназначаются для разработки теории общественного развития, а материалы вторых — лишь для ее частичных изменений и дополнений, нередко с употреблением приставок «эпи» и «пост», которые воспринимаются как символы застойности и косности.

Исследование древних памятников региона щедро предоставляет материалы для наук природного цикла: четвертичной геологии, геоморфологии, палеонтологии, палеопедологии и т. д., решающих задачи проникновения в тайны живой и неживой материи.

Одновременно данные геологии и других наук естественного профиля являются крайне важными для понимания характера памятников, и в конечном счете, природной обстановки, в условиях которой обитали древние люди.

Древние поселения выступают как феномен, содержащий совокупную информацию о природе и обществе. В последующие эпохи природная и историческая информация приобретает самостоятельные виды источников.

В процессе исследований древних поселений наблюдается столь тесное сближение первобытной археологии и четвертичной геологии, что фактически создается основа для возникновения особой науки, которая определяется нами как литоведение. Введение такого названия вполне может заменить уже употребляемые, более частные — палеолитоведение, мезолитоведение, неолитоведение. При данном подходе литоведение — это наука, изучающая каменный век. Но в рассуждениях на эту тему полезно пойти и дальше. «Литос» — в переводе с греческого — не только «камень», но и «порода», «слой». Отсюда под литоведением допустимо понимать науку, изучающую как культурные, так и геологические напластования, заключенные в одних и тех же разрезах отложений археологических памятников. Осознание литоведения как реально существующей науки позволит исследователю, ведущему раскопки древнего поселения ощущать себя полноценным специалистом, владеющим знаниями и методами, происходящими из разных наук, но аккумулярованными в одно целое ради решения конкретных взаимосвязанных задач историко-природного характера. Антипод этому подходу выглядит прискорбно: затратив немало усилий на раскопки, археолог растерянно пасует перед сложной картиной отложений, отсылаясь каждый раз по их поводу к геологам. Признание литоведения позволяет избежать болезненного перехода от одной науки к другой, как только исследователь покидает пределы чисто археологической проблематики и оказывается перед необходимостью разбираться в геологической стратиграфии. Разумеется, литоведческий статус требует особой теоретической и полевой подготовки, но при этом совсем не исключает консультаций со специалистами разных направлений, в том числе с «чистыми» геологами-четвертичниками.

Признание литоведения ни в коем случае не отменяет существующего разделения наук, поскольку не поглощает собой всего комплекса задач, решаемых самостоятельно как первобытной археологией, так и четвертичной геологией. Например, «погребальная тематика» (если только погребение не оказывается в пределах раскопа) явно выпадает из интересов литоведения. Тем более в литоведение не включишь изучение петроглифов. Точно так же четвертичная геология, обладающая необозримым полем деятельности, сохраняет личное достоинство и неприступность во всем, что обстоит за пределами археологического раскопа.

«Литоведение» созвучно по названию с существующей «литологией», но последняя относится к числу чисто геологических созданий и определяется как «наука о составе, структурах, текстурх и генезисе осадочных пород, включая и руды» (Геологический словарь, т. 1, 1978, с. 396). Сходство между науками по названию, как известно, не отмечается и в других случаях; сравним, например, археология — археография — палеография; хронология — хронометрия и т. д., но предмет и методы этих наук различны.

Предложение о выделении литоведения как науки, возникающей на стыке первобытной археологии и четвертичной геологии, дается нами в постановочной форме и может быть «отозвано» в случае крайне критического ее неприятия по каким-либо неведомым нам серьезным причинам.

В порядке заблаговременного оправдания заметим, что основным побудительным мотивом литоведческих построений является стремление полнее понять характер древних поселений как памятников, обладающих сложной пространственной археолого-геологической структурой. Выявление сущности и особенностей каждого памятника — одна из важнейших и самая объемная по затратам усилий задача. Необходимость ее исполнения заключается в том, что памятники обладают самоценностью и относительной свободой от авторских теорий и интерпретаций обобщающего характера. Памятники должны быть представлены так, чтобы их достоинства и возможности могли бы быть оценены другими исследователями. В то же время детальное и многостороннее изучение памятников позволяет автору раскопок получить надежную и выверенную базу для теоретических оценок в историко-археологической и естественно-природной областях.

В сравнении с поселениями сравнительно небольшой групп в нашем регионе представлены погребения. Единичные погребения выявлены в раскопках различных поселений — Мельничное, Усть-Менза-5, Кандабаево. Несколько погребений оказались в поле зрения исследователей в прошлые годы. Они происходят из пещеры близ с. Поворот, из местечек Тулту-Дабан, Дунда-Киреть, Хамнигота и др. Уникальный могильник неолита-бронзы известен в Фофаново. Его изучали А. П. Окладников и М. М. Герасимов. Обобщение всех материалов по погребениям позволяет составить представление о погребальном обряде и получить оригинальные данные по материальной и духовной культуре. К сожалению, антропологические материалы из погребений, как правило, фрагментарны. Существует определенная неясность в том, как вести результативный поиск древних погребений и почему погребальные комплексы встречаются столь редко, особенно в сравнении с Прибайкальем, где они представлены удивительными по богатст-

ву могильниками (серовскими, китойскими, глазковскими).

Хронологические рамки исторического отрезка времени, отраженного исследованием — от начала позднего палеолита до ранней бронзы. Выбор нижней границы определяется тем, что достоверные памятники археологии в регионе относятся ко времени не раньше рубежа между мустье и поздним палеолитом, тогда как собственно мустьерские материалы пока только появляются и в полной мере не идентифицированы. Верхняя граница исследования выбрана так, чтобы было возможно полностью характеризовать каменный век и в качестве «эпилога» показать его «судьбу» в рамках начавшейся эпохи бронзы. В абсолютных хронологических рамках исследуемый период имеет протяженность более 30 тысяч лет. В этих пределах выделены поздний палеолит (35—10,8 тыс. л. н.), мезолит (10,8—6,5 тыс. л. н.), неолит (6,5—3,8 тыс. л. н.). Внутри каждого из них намечено по три последовательных периода.

Созданная периодизация раскрывает развитие материальной культуры во времени. Она построена на технико-типологических и хозяйственных критериях. Особое значение придается археологическим маркирующим признакам. Они достаточно традиционны и документируются появлением лука и стрел, керамики и металла. Создание периодизации начинается с разработки хронологии. Для опорных памятников возможно определение их возраста на базе «внутренних ресурсов», что более надежно, чем опосредственные корреляционные датировки. Первостепенную важность для разработки периодизации имеет геологическая и археологическая стратиграфия. Первая позволяет выделить реперы природного характера (палеопочвы, зоны криотурбации и т. д.). Вторая наиболее продуктивно проявляет себя как строгая последовательность культурных горизонтов в колонке многослойных памятников, позволяющая установить границы, отделяющие культурные горизонты разных периодов. Для определения «абсолютного» возраста используются радиоуглеродные даты, полученные по пробам (уголь, кость, гумус), отобранным из культурных горизонтов различных памятников.

«Сквозное» изучение каменного века (палеолит-мезолит-неолит) позволяет в равной степени заинтересованно относиться ко всем составляющим ее эпохам, не допуская «перетягивания» памятников, материалов и тысячелетий из одного периода в другой, как это нередко случается в исследованиях, посвященных только одному из периодов, часто неосознанно в угоду его большей представительности. Данный момент отражает вполне реальную и серьезную болезнь первобытной археологии, приводящую подчас к спекулятивному «опустошению» от памятников значительные

по длительности периоды древней истории в том или ином регионе. Так в Забайкалье и некоторых других районах Сибири, ряд исследователей исходя из принципиальных теоретических позиций, отрицают мезолит. Это приводило к тому, что эпоха раннего голоцена вообще оставалась без памятников, а подходящие для этого объекты перемещались в палеолит.

Преобладавшая одно время установка на первостепенное изучение неолита привела к тому, что в него оказались втянутыми «неолитоидные» по облику индустрии, которые правомерно относить (что и было в итоге доказано) к бронзе или раннему железу. Данная ситуация наблюдалась в Забайкалье, на Дальнем Востоке, в Монголии.

Исследователи мезолита, как такового, нередко «покупаются» на поздний палеолит, наращивая за счет него 6—8 тысячелетий, объявляя «индикатором» мезолита вкладышевую технику. Эта ситуация известна по Прибайкалью.

Еще одна болезненная черта современного этапа исследования каменного века — выделение множества переходных периодов. Так в единые периоды объединяются памятники: конца мустье и начала позднего палеолита; конца позднего палеолита и раннего мезолита; позднего мезолита и раннего неолита; позднего неолита и ранней бронзы. Объединение производится в зонах контактов археологических эпох и обосновывается сходством в технологии и типологии ансамблей каменных изделий. На наш взгляд, для решения археологических задач в локальных хронологических рамках подобное допустимо, но оно становится усложняющим элементом при сквозном историко-хронологическом исследовании. Выделение одного переходного периода провоцирует «создание» соседнего, смежного по времени (например, чем не «переходный период» время зарождения техники микронуклеуса — от 25 до 18 тыс. л. н.!), при этом какие-либо качественные различия все более стираются, границы размываются, анализ затрудняется.

Принципиальная особенность концепции автора заключается в подходе к периодизации как рабочему инструменту исследования, позволяющему выявить и продемонстрировать объективно существующее поступательное развитие, в котором на основе особо приметных культурных проявлений удается выделить качественные рубежи между археологическими периодами.

Новизна концепции автора (в рамках региональной археологии) заключается в «укорочении» эпохи палеолита за счет выделения мезолита, признании мезолита самостоятельной эпохой, а также уточнении границ неолитического периода. Последнее выполнено за счет отсева из числа неолитических большого числа стоянок, которые с учетом новых данных следует отнести к бронзе. Сопоставление тех-

нико-типологических показателей различных индустрий позволило подтвердить излагаемое нами ранее мнение о сложном характере этно-культурной истории региона и правомерности выделения культур. Наиболее отчетливо выделяются культуры, существовавшие в начале позднего палеолита — толбагинская и куналейская. Каждая из них представлена группой памятников. Если первой культуре присуща пластинчатая техника, то второй — техника отщепы. Существенно отличаются и орудийные наборы. Обе культуры развиваются во времени, благодаря чему намечаются этапы и пути развития.

Специальному анализу подвергались вопросы техники расщепления камня и типологии орудий. Анализировалась леваллуазская, ортогональная, подпризматическая, микронуклеидная варианты техники расщепления камня. Установлено, что появление микронуклеуса возможно связывать не только с постепенной трансформацией нуклеусов леваллуа, но и с приемами оформления рабочих элементов орудий. Углублено понимание фрагментации пластин как особого технического приема. Определено его место в эволюции каменной индустрии.

Впервые для Забайкалья разработана типология мезолитических индустрий. Отмечено широкое использование микропластин, достигшее преобладания по отношению к другим формам основ к концу мезолита. Определен характер наконечников стрел, оказавшиеся весьма своеобразными — вкладышевыми и костяными. Из костяных изделий выделены рыболовные крючки — цельнорезные и составные. Усовершенствована типология инструментария и классификация керамики неолита. Раскрыта значимость керамической орнаментации, как сферы действия художественного творчества.

Большое внимание уделено изучению жилищ. Определены элементы и принципы их конструкции. Представлены жилища, сохранившиеся как в аллювиальных, так и делювиальных отложениях. Наряду с жилищами хорошей сохранности, описаны комплексы, подвергшиеся мерзлотной и эрозионной деформации. Всего первоклассный «жилищный фонд» забайкальского палеолита включает 20 единиц «домостроения». К ним следует добавить 5 жилищ эпохи мезолита. Типичная черта подавляющего большинства жилищ — наличие каменных обкладок во внешнем обрамлении его основания и очагов во внутреннем пространстве. В неолите жилища сооружались без использования камня как обкладочного материала.

Приводятся соображения о продолжительности и сезонной принадлежности жилищ и поселений.

Выявлена конкретная история развития присваивающего хозяйства, прошедшего этапы от охоты на крупных плейстоценовых животных в палеолите к охоте с применением лука и стрел в сочетании с рыболовством — в мезолите, неолите и ранней бронзе. Элементы производящего хозяйства зафиксированы только на позднем этапе бронзового века.

По отношению ко всем периодам проводится корреляция с соседними регионами с целью оттенить общее и своеобразное в развитии материальной культуры.

Многолетние полевые и камеральные исследования проводились с участием геологов С. М. Цейтлина, Д. Б. Базарова, Л. Д. Базаровой, И. Н. Резанова, А. Б. Иметхенова, А. К. Тухохонова, А. Ф. Ямских, палеонтологов Н. Д. Оводова и Г. И. Карасева, палинолога В. В. Савиновой. Радиоуглеродное датирование производилось Л. Д. Сулержицким, Л. М. Фирсовым, В. А. Панычевым, Л. А. Орловой, Ю. Н. Свеженцевым. Трасологические определения каменных и костяных изделий осуществлялось Г. Ф. Коробковой, В. Е. Щелинским, А. К. Филипповым. Минералогические заключения принадлежат С. П. Смеловскому. Антропологические материалы изучались Н. Н. Мамоновой и Г. Н. Рыкушиной. Иллюстрация к монографии выполнены, в основном, Л. В. Семиной, ей помогали С. Г. Васильев, А. В. Константинов, В. К. Колосов, А. В. Дроботушенко. На английский язык тексты переведены А. А. Малышевой.

В археологических раскопках и обработке материалов постоянно участвовали студенты-историки Читинского пединститута, учителя-краеведы и школьники.

Многие аспекты по тематике данной монографии рассматривались на заседаниях отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН и кафедры археологии Санкт-Петербургского университета.

Особо отметим, что издание данной монографии стало возможным, благодаря финансовой поддержке дружески оказанной автору Информационно-коммерческой фирмой «Азия» (В. П. Кочетов), Читинским областным центром по сохранению историко-культурного наследия (В. К. Колосов), Читинским советом по истории и культуре (Г. Ф. Гениатулин, П. Б. Попов, А. И. Лыцусь), Читинской частной школой (В. В. Корячкин). Приятно подчеркнуть, что все названные организации возглавляют выпускники исторического факультета Читинского пединститута.

Сердечно благодарю коллег по науке, товарищей по экспедициям и спонсоров за действенную помощь, внимание и доброжелательность.

Г Л А В А 1

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛИ, ЭКСПЕДИЦИИ, ПАМЯТНИКИ

Инициативное и самостоятельное выделение литоведения, как научного направления на стыке первобытной археологии и четвертичной геологии, не означает, что оно не имеет своей истории. Обе составляющие литоведения возникли из лона природоведческих наук, постепенно формируя и осозная себя как устойчивые направления в познании различных аспектов прошлого. В дальнейшем первобытная археология сделала шаги в сторону исторической науки и — в итоге — оказалась включена в нее, но при этом почувствовала себя неуверенно без природоведческой основы.

Точно так же геология, выделив структурный раздел, изучающий последние миллионы лет, постепенно уяснила, что данный период тесно связан с существованием человека и вполне может называться не только четвертичным, но и антропогенным; четвертичная геология включает археологию в число сопредельных, «дружественных» наук (см. Стратиграфия, 1982).

Взаимозависимость первобытной археологии и четвертичной геологии выступают в виде все более устойчивой тенденции, что позволяет в итоге допускать их тесное сочленение в рамках литоведения.

Возможность введения в употребление нового термина определяется сложностью и

многогранностью предмета исследования и подходов к нему.

Кроме того: реалии научного поиска таковы, что даже оставаясь в рамках своего предмета ученые нередко вносят вклад в смежную науку, и чем выше масштаб и уровень исследований, тем чаще такое происходит.

Конкретная история научных исследований в Байкальской Азии и сопредельных районах подтверждает и иллюстрирует изложенные соображения. Занимаясь ее разработкой мы натолкнулись на многие имена и факты, оказавшиеся неизвестными и полузабытыми, непонятыми или отвергнутыми. В их свете иначе стали смотреться уже известные сюжеты и ситуации, дела и личности.

Необходимость проникновения в тайны прошлого природы и общества Сибири диктовалось разнообразными по происхождению интересами: государственными и личными, экономическими и гуманитарными, сложнопереплетающимися между собой и проявляющимися в судьбах и делах удивительных по самобытности и творческому горению исследователей.

Первым среди них может быть назван Николай Александрович Бестужев — представитель славной когорты декабристов, прошедших тюрьмы и ссылку в Сибири.

НИКОЛАЙ БЕСТУЖЕВ: ВОСПОЙ ПРОСТЫЕ ПРЕДКОВ НРАВЫ

После освобождения из тюрьмы Петровского Завода, Бестужеву удалось добиться права на поселение в Селенгинске, где он жил с 1839 по 1855 г. Бестужев стремился реализовать свою энергию и способности не

только в практическом хозяйстве, но и в живописи, механике, литературе, науке. Поскольку существует мнение, что «сибирской этнографией и историей декабристы интересовались мало» (Формозов, 1990, с. 69)¹, по-

¹ В историографических обзорах по археологии Забайкалья (а их не менее десяти; см. Ларичев, 1969; Гришин, 1975, 1981; Ивашина, 1979; Хамзина, 1970, 1982; Кириллов, Рижский, 1973; Кириллов, 1979; Окладников, Кириллов, 1980; Окладников, Запорожская, 1969; Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984), также как и в «Истории Сибири» (т. I, 1969) каких-либо сведений

о Бестужеве и его археологических увлечениях не приводится. Отсутствуют указания на работы Бестужева в археологических библиографиях (см. Михалкин, Хороших, 1929; «Библиография Бурятии», 1970). Чуть ли не впервые эту тему поднял и отчасти осветил в специальной статье А. В. Тиваненко (1988, с. 116—117).

стараемся выявить факты, достоверно доказывающие, что разработка темы может дать положительный результат¹. Для начала укажем на свидетельства современников, сообщавших о рукописях Бестужева под следующими названиями: «О наскальных изображениях вблизи Селенгинска», «Несколько надписей на Селенге», «О найденных ирригационных сооружениях в Забайкалье» (Барановская, 1954, с. 214; Букштиневич, Сокольский, 1977, с. 241; Бахаев, 1980, с. 139—140). Эти статьи не сохранились, однако, по названиям вполне можно представить направленность исследований. Еще более важно то, что еще при жизни Бестужева были опубликованы его краеведческие статьи «Гусиное озеро» и «Очерки забайкальского хозяйства», знакомство с которыми в связи с нашей темой весьма полезно. В них можно найти богатейшие материалы по этнографии бурят, в том числе об устройстве юрт, характере одежды, пищи, промыслов, ремесел, гаданий, игр, религии, обычаев, свадебных обрядов и законов гостеприимства (Пасецкий, Пасецкая-Кремнинская, 1989, с. 113—114). Бестужев проводит историко-этнографические параллели между бурятами и древними греками, отмечая многие общие черты, в том числе: пастушеское хозяйство как основу экономики, преобладающие бараны «трапезы» и простоту в приготовлении пищи; важную роль треножников в качестве подарков; высокое качество медных орудий труда (Бестужев, 1975, с. 150). Исследователь особо раскрывает последний тезис: «Здесь, где железные руды встречаются на каждом шагу, беспрестанно выпаживают из земли медные ножи, копья, стрелы, и медь эта такова, что твердостью не уступает железу, а упругостью — стали. Значит, в этом отношении древние буряты походили на древних греков Гомеровых» (там же, с. 151). Такое сравнение позволяет Бестужеву «еще раз подчеркнуть временный характер отсталости кочевых племен и народности от более развитых народов и наций» (там же, с. 158). Заметим, что Бестужев демонстрирует подход, составивший научную славу исследователя американских индейцев Л. Моргана (Аверкиева, 1979, с. 18—45), изложенным им (в более развернутом виде) почти на два десятилетия позднее, в 1870-х годах.

Пока еще никто не задавался вопросом: откуда происходит интерес Бестужева к этнографии и археологии. Сначала можно обратить внимание на то, что в молодые свободные годы Бестужев был морским офицером, видевшим много стран и народов. Он был человеком «пространством и временем полный».

Забайкалье — новая страна в его теперь уже полуневольничьем существовании, и он стремится расширить рамки своей свободы за счет познания этой страны и ее народа. Вспомним и о том, что Бестужев был художником, создавшим замечательную живописную летопись декабристского движения, включающую портретную галерею и изображения «каторжных нор» декабристов (Зильберштейн, 1988). Еще будучи в Петербурге Бестужев начинал учиться в Академии художеств, которую в то время возглавлял А. Н. Оленин, известный не только как художник, но и археолог, автор работ об античных древностях. Оленин был ярким проявлением того направления в российской археологии, которое выводило археологию из искусствоведения (Формозов, 1961).

Бестужев в своем художественном творчестве стал не классицистом, а реалистом. В науке — волею судьбы — занимался тем, что ему оказалось доступно — историей бурятского народа. Но классицизм Оленинской археологии пробил вдруг себе дорогу в неожиданных бестужевских сравнениях культуры бурят и античных греков! Уроки Оленина не пропали даром и дали всходы «во глубине сибирских руд»! Впрочем, дело не только в Оленине, но и вообще в атмосфере той эпохи, когда наука еще была как бы составной частью культуры и ей занимались светские люди; и еще дело в семейном воспитании: в родном доме будущего декабриста, в кабинете его отца А. Ф. Бестужева «в шкафах за стеклами и на высоких этажерках были расположены минералы, граненые камни, редкости из Геркуланума, Помпеи» (Формозов, 1979, с. 23). Здесь же могли быть книги о древностях Крыма Муравьева-Апостола — старшего. До Бестужева вполне могли дойти строки (Цит. по Богач, 1979, с. 19) из послания В. Ф. Раевского «К друзьям...», написанного в 1822 г. в Тираспольской крепости:

«Воспой простые предков нравы,
Отчизны нашей век золотой,
Природы дикой и святой
И нрав естественных уставы.»

В очерке Бестужева «Гусиное озеро» идет речь не только об этнографии, но и о природе Забайкалья, причем с серьезным геологическим и географическим анализом: рассматривается происхождение Гусино озеро, описывается окружающий его рельеф, выясняются причины массового распространения песков, указывается на следы вулканических извержений. Удивительна мысль Бестужева о том, что «Ангара есть продолжение Селен-

лись декабристы, сосланные в Ялуторовск и сведения о них. Заканчивалась записка обращением: «Для пользы и удовольствия будущих археологов, которым желаю всего лучшего в мире, кладу эту записку 18 августа 1849 г.» (Букштиневич, Сокольский, 1977, с. 40).

¹ Это касается и других декабристов. Стимулом к поискам, на наш взгляд, вполне может служить записка, обнаруженная в доме, где жил М. И. Муравьев-Апостол в г. Ялуторовске (в плотно закупоренной бутылке, под полом). В ней сообщалось о том, когда и кем был построен и переделан дом, далее перечисля-

ги» (Бестужев, 1927, с. 47), находящая некоторое подтверждение в современных геологических исследованиях (Флоренсов, 1983, с. 98).

К краеведческим очеркам Бестужева неоднократно обращались этнографы и геологи, отмечавшие его тонкую наблюдательность, основательность и оригинальность суждений, достоверность изложенных фактов. Именно в публикации, посвященной Бестужеву, геолог Н. А. Флоренсов написал: «Нам всем свойственно смотреть на науку прошлого немного свысока, а между тем в огромном большинстве случаев наша современная наука не ставит заново и не создает совершенно новые идеи, а развивает — и часто удивительно успешно — давно высказанные мысли» (Флоренсов, 1983, с. 94).

Возможно будет замечено, что геологические наблюдения Бестужева не имеют прямой связи ни с этнографией, ни с археологией. В ответ на это заявим, что они бесспорно подготавливают почву для такой связи! Дальнейшее развитие геологических наблюдений о строении земных толщ, с одной стороны, а с другой — обнаружение древних

вещей уже не на поверхности (как у Бестужева), а в определенных отложениях — довольно скоро (в 1860-70-х годах) создаст такое соприкосновение — и труды Бестужева будут тому способствовать.

В этом отношении небезынтересна история первой публикации «Гусиного озера» (Флоренсов, 1983, с. 100—102). Желая поскорее дать жизнь своему научному детищу, подцензурный декабрист Бестужев передал его первый вариант для публикации в Иркутске И. С. Сельскому. Став первым правителем Сибирского отдела РГО, Сельский под своей фамилией опубликовал очерк в одном из первых Вестников РГО (1852, кн. V). Без указания на авторство этот же очерк вышел в «Вестнике естественных наук» за 1854 г. Под именем автора он появился в 1862 г. Очерк Бестужева использовался сибирскими учеными А. П. Орловым и И. Д. Черским.

Как бы откликаясь на яркий очерк Бестужева о сибирской земле, в том же 1862 г. Урал пересек новый исследователь Сибири — Петр Алексеевич Кропоткин (ГАЧО, ф. 18, оп. 1, д. 21, л. 1—10).

ПЕТР КРОПОТКИН: ИССЛЕДОВАНИЕ О ЛЕДНИКОВОМ ПЕРИОДЕ

Потомственный аристократ, Кропоткин отправился в Сибирь после окончания Пажеского корпуса Санкт-Петербурга в чине казачьего офицера Его блестящая эрудиция и молодая энергия, были незамедлительно «востребованы» руководством Сибирского отдела Географического общества. Кропоткину было поручено организовать экспедицию по Лене и Витиму для обнаружения «скотопрогонного» пути с целью обеспечения «живым мясом» работников северных золотых приисков. Экспедиция состоялась в 1866 г. Неожиданно для всех Кропоткин избрал маршрут с севера на юг с завершением в г. Чите, а не наоборот, как поступали его предшественники-неудачники. В итоге сложного трехмесячного путешествия по горному таежному безлюдью доступный путь для прогона домашнего скота был выявлен; наука же обогатилась новыми оригинальными наблюдениями по геологии и истории.

Кропоткин так отзывался о природе тех мест: «Глухая, молчаливая тайга, альпийская горная страна с ее северным колоритом, с ее бешено-ревущими пятнистыми реками, блестящими гольцами, глухими темными падами и ослепительными наледями...» (1873, с. XI). Основная проблема, волновавшая исследователя, формулировалась так: распространялись ли ледниковые явления на Сибирь? «В то время как любой геологический учебник говорит

о ледниковом периоде в Европе и Северной Америке, а любое геологическое описание, изучая формации этих стран, прежде всего отделяет диллювий, — об Азии умалчивается, а ее геологи не делают различия между аллювием и диллювием... Сибирь доньше остается особняком...» (1873, с. 210—211). Самый существенный вопрос состоит в том: «действительно ли климат Сибири оставался столь же сухим, как и теперь, и тем препятствовал также как и теперь, образованию ледников?» (1876, с. 222—223).

Производя геологические наблюдения и отмечая округленные гольцы, воронкообразные ямы, отполированные и изборозженные валуны, а также «новейшие образования», сходные с рейнским и гималайским лессом (1873, с. 189, 238, 272), Кропоткин приходит к выводу, что ледниковые явления распространялись и на Восточную Сибирь, по крайней мере на северо-восточную ее часть (1873, с. 222, 223). Вместе с тем, ему пока не представляется возможным заключить (был ли то сплошной покров льда в роде гренландского льда или море с плавающими льдинами, или наконец местные ледники в тех местах, где ныне их не существует...).

В связи с этим ставится и более близкая задача: «Для нас важно в настоящее время доказать, что следы более холодного климата есть в Сибири» (1873, с. 222, 225). Осматри-

вая разрезы золотоносных приисков, Кропоткин неоднократно встречал останки мамонтов и носорогов, связывая их с ледниковыми отложениями (1873, с. 185, 416).

Кроме Лены и Витима, Кропоткин путешествовал по многим районам Сибири — Байкалу, Саянам, Шилке, Аргуни, Амуру. Он побывал также в Маньчжурии. Практическая работа и научные занятия не помешали Кропоткину наблюдать многотрудную жизнь простого народа (1873, с. XX); к тому же он стал невольным свидетелем судебной расправы над участниками восстания на Кругобайкальской дороге (1866 г.). В результате ученый пришел к выводу о необходимости революционного переустройства общества. Возвращение в столицу и активная подпольная противоправительственная деятельность закончились для него заключением в Петропавловскую крепость. В казематах царской тюрьмы вольнолюбивый ученый избрал своеобразную форму борьбы за выживание. Добившись права на использование письменных принадлежностей, он полностью отдается работе над двухтомным «Исследованием о ледниковом периоде» (1876). Нелишне отметить: третья недописанная часть «Исследования» продолжила свое тюремное заключение, прикрывая героический побег ее создателя на волю. (Кропоткин, 1988, с. 339; см. также ГАЧО, ф. 1, пол., оп. 1, д. 1201, л. 5).

В «Исследовании» впервые на российских материалах обобщенно формулировалась теория материкового оледенения, противопоставляемая автором теории «плавающих льдин». Им отмечается, что «гипотеза ледников» уже почти пробила себе дорогу в Западной Европе, но отживающую «гипотезу потоков» взяты под защиту Лэйэлль и Дарвин. Кропоткин доказательно полемизирует с Лэйэллем, имея в виду его книгу «Древний человек» (1864), что свидетельствует об его полной осведомленности в научных течениях и публикациях в данной области (Кропоткин, 1873, 1876).

Строгая научная аргументация и богатство полевых наблюдений (сибирские и финляндские экспедиции) позволяют считать геологические труды Кропоткина не просто профессионально-добротными, но и новаторскими, открывающими новые возможности науки в познании прошлого.

На наш взгляд, Кропоткин по праву может считаться одним из авторов теории материкового оледенения, вошедшей в своей основе в современные представления о плейстоцене и палеолите (см. Марков, 1986а, с. 192—193; 1986б, с. 150—153).

Сохраняют свою силу и многие геоморфологические наблюдения Кропоткина (например, о плоскогорьях в противопоставленных горным странам; и по долинам рек как эрозионным образованиям), а также его рассу-

ждения о значении классификаций, о сочетании полевых и кабинетных исследований и т. д. (см. по этим вопросам: Марков, 1986, с. 192, 193, 1986а, с. 149—154; Лазуков, 1980, с. 11).

Во взаимосвязи с возрастом и характером отложений нередко затрагивается Кропоткиным и «антропологическая» проблема. Так во время экспедиции по северу Забайкалья он замечает: «Не менее интереса могут представлять ленские пещеры. Издавняя заселенность Азии, обилие пещер в ленских известняках,— все заставляет думать, что в них могут встретиться новые факты для разъяснения темных вопросов о временах младенчества человеческого рода». Здесь же напоминает: «не менее настоятельно исследовать громадные нижеудинские пещеры» (1873, с. 189, 190). Установлено, что Кропоткин совершил специальную поездку по Байкалу, для того «чтобы ревизовать пещеры» на Кадильном мысу, где и было найдено три черепа. Рассуждая о характере пещеры и находок, исследователь заключает: «поле слишком обширно для догадок, чтобы все их высказать. Достоверно только одно, что в древние времена в Сибири действительно были народы, жившие в пещерах или землянках, остатки которых еще доньше находятся в окрестностях Окнинского караула..., затем на Чикое (притоке Селенги), на Белом Иркуте, в байкальских горах, на Талой около Тунки и, вероятно, еще во многих местах» (1865).

В геологических работах Кропоткина встречаются исторические пассажи: «Переходя от кремневых орудий к стальным изделиям, человечество могло, конечно, сначала употреблять шлифованные орудия, потом — орудия из легкоплавких металлов, затем — бронзовые, железные и наконец стальные; но оно могло также миновать некоторые из этих ступеней,— если бы отличалось меньшею козностью мышления и большей восприимчивостью» (1876, с. 422). Как замечено по публикациям Кропоткина, он никогда не пропускал возможность отметить любую вещественную находку, выявленную в стратиграфических разрезах, будь то бронзовый нож, монета или кусочек серебра (1873, с. 185, 238, 468).

В специальной историко-социологической монографии «Взаимная помощь как фактор эволюции», созданной уже в годы эмиграции, Кропоткин (1907) отмечал, что «человек сперва был зерноедным животным, стал плотоядным во времена ледникового века», высказал соображения о характере родовых отношений, опустошениях, производимых болезнями, голоде и каннибализме (С. 117). Кропоткин был первым из выдающихся общественников, непосредственно знавших жизнь сибирских народов.

Во время Олекминско-Витимской экспедиции он нашел необходимым потратить вре-

мя «на подробные антропологические описания, приблизительно по Брока, тех немногих человеческих особей, которых мы встречали» («...две-три полуголодные семьи тунгусов на Витиме, пять-шесть якутских и тунгусских семей при устье Муи, 2-3 бурятские семьи на Ендагине») (1873, с. XXI). Он отмечал всевозможные детали, касающиеся знаний и обычаев его проводников-тунгусов. Вот одна удивительная подробность: «Когда я готовился к экспедиции, мне попалась среди другого материала... небольшая карта, вырезанная тунгусом, ножом на куске бересты. Эта берестяная карта (она между прочим, является отличным примером полезности геометрической способности, даже для первобытного человека...) так поразила меня своей очевидной правдоподобностью, что я... выбрал путь, обозначенный на ней» (1988, с. 216). Но, как выяснилось в экспедиции, сама по себе карта еще не решает всей проблемы выбора дороги. «Мы шли большей частью тропою, но тунгусская тропа в большинстве случаев значит то, что в 50—100 саженях одно от другого надломлено деревце, или на его коре сделано пальвою крошечная затесь. Никто из нас, русских и бурят, никогда не мог разглядеть этой тропы» (1873, с. XIX; см. также с. 109, 154).

Общаясь с тунгусами, Кропоткин приходил к важным наблюдениям социального плана. Приведем примечательную запись: «Я помню как тщетно я старался объяснить моим приятелям-тунгусам нашу цивилизацию, построенную на индивидуализме: они не понимали меня и прибегали к самым фантастическим догадкам. Дело в том, что дикарь, воспитанный в идее родовой солидарности, практикуемой во всех случаях, худых и хороших, точно также не способен понять «нравственного» европейца, не имеющего никакого понятия с такой солидарности, как и средний европеец не способен понять дикаря. Впрочем, если бы нашему ученому пришлось прожить среди полуголодного рода дикарей, у которых всей наличной пищи нехватило бы даже для прокормления одного человека на несколько дней, тогда он, может быть, понял бы, чем дикари руководятся в своих поступках. Равным образом, если бы дикарь пожил среди нас и получил наше «образование» он, может быть, понял наше европейское бездушие по отношению к ближним...» (Кропоткин, 1907, с. 116).

В отношении бурят Кропоткин записывает: «Вообще, русские завоеватели Сибири были настолько поражены коммунистическими обычаями бурят, что они назвали их «братскими» и доносили в Москву: «у них все сообща; все, что у них есть, они делят между всеми». Живут буряты «неделимыми семь-

ями» из трех поколений: три юрты за одной оградой, несколько таких семей составляют улус, несколько улусов — племя (или род). Чувство единения переживают буряты и во время охоты-аба, на которую каждую осень собираются представители 46 родов. «В таких национальных охотах вся бурятская нация переживает этнические традиции того времени, когда она была объединена в одну могущественную лигу» (1907, с. 148—151).

Опираясь на периодизацию Л. Моргана, Кропоткин относит тунгусов к стадии дикости, а бурят — к стадии варварства. Их историю и обычаи он рассматривает на фоне развития всемирной истории.

Благодаря П. А. Кропоткину для последующих поколений исследователей оказалась зафиксирована та этнографическая обстановка, которая существовала в Забайкалье в 60-х годах прошлого века, еще явственно сохранявшая черты первобытно-родовых отношений, быстро утрачиваемых в последующем.

Таким образом, поле научного анализа для Кропоткина — от ледниковья до современности, при этом общество и природа в его построениях выступают не изолированными структурами, а взаимодополняющими и взаимозависимыми. Изучая окружающий мир, он приходит к выводу, что и в природе и в обществе существует не только взаимная борьба, но и взаимная помощь (1907). Не только «борьба между видами» (Ч. Дарвин); не только «классовая борьба» (К. Маркс), но и взаимная помощь между видами (в природе) и между людьми (в обществе) является фактором эволюции. Это важнейшее мировоззренческое положение, в полной мере соответствующее закону диалектики Гегеля о борьбе и единстве противоположностей, может быть признано фундаментальным вкладом Кропоткина в мировую науку.

Научные заслуги Кропоткина в существенной степени игнорировались отечественной наукой. Это печальное обстоятельство вызвано его политическими взглядами — приверженностью к анархизму. Возвращение научных идей и взглядов Кропоткина необходимо для восстановления справедливости и объективности, для полноты представлений о научной картине мира. Имя Кропоткина должно занять видное место в ряду выдающихся русских ученых.

В деятельности Кропоткина важна не только общественно-политическая и научная стороны, но и педагогическая, до сих пор практически неизвестная: Кропоткин воспитал ученика, ставшего ученым — Ивана Семеновича Полякова.

ИВАН ПОЛЯКОВ: ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КАЗАК, РОССИЙСКИЙ УЧЕНЫЙ

Поляков имеет прямое отношение к археологии. Но прежде всего сообщим несколько строк из его биографии. Поляков родился в 1845 г. в станице Новоцурхайтуй, на Аргуни, в Забайкалье. (Анучин, 1950; Формозов, 1961). Его отец — русский казак, мать — бурятка. Он был разночинцем по происхождению и по духу; иркутянин — по годам ученичества и юности. Кропоткин пригласил учителя Полякова в качестве научного сотрудника в Олекминско-Витимскую экспедицию. В экспедиции Поляков проводил зоологические и ботанические исследования. В его отчете содержатся заметки о промысловой охоте, имеющие этнографическую ценность (1868). За свой экспедиционный отчет Поляков был удостоен Золотой медали Географического общества России.

Для Полякова эта экспедиция стала серьезной научной школой, необходимым прологом для дальнейшей самостоятельной работы. Уже на следующий год он направляется в Восточные Саяны, где проводит разнообразные природно-исторические исследования, в том числе изучает древние дюнные стоянки в Тунке (Поляков, 1869, с. 109—198). Сам по себе этот факт отмечался историографами, однако, в тени осталось то, что молодой ученый применил новаторскую для своего времени типолого-морфологическую характеристику древних изделий. Она предполагает выделение типов и вариантное детальное описание каждого из них. Поляков пробует применить свой метод при анализе наконечников стрел. Вот образец описания одного из типов: «Равнобедренный треугольник, иногда с совершенно прямыми сторонами, иногда одна из сторон, именно основание, имеет дуговидное очертание, в первом случае ребра бывают преимущественно гладкие; во втором, при выемчатом основании, заостренные, в некоторых экземплярах весьма правильно зазубренные, вообще в этом случае наконечник принимает ланцетовидную или копьевидную форму...» (Там же, 1869, с. 141).

Отсюда понятно, что Поляков обращает внимание на формы предмета, его сторон, ребер, характер обработки. Кроме этого, судя по его отчету, он указывает на исходную породу, отмечает размеры вещей, пытается определить их функции и место изготовления, а также приводит археологические и этнографические аналогии.

Можно совершенно определенно утверждать, что столь детальный и разносторонний анализ каменных изделий был собственным открытием Полякова, поскольку российских и зарубежных предшественников на этот счет у него не было. Скорее всего, Поляков творчески переложил принципы хорошо известной ему зоолого-ботанической систематики с живых организмов на «мертвые тела», впро-

чем одухотворенные целенаправленной деятельностью человека.

Внешне опыт морфологического анализа тункинских артефактов выглядит скромно, но, по сути своей, — это уникальный прорыв из естественнонаучной области в историческую, важное структурное звено в возведении здания новой научной дисциплины — первобытной археологии.

Поляков сделает еще некоторые шаги в этом направлении. Он составит выразительное физико-географическое описание местности, а также постарается выяснить по естественным обнажениям и собственным зачисткам (школа Кропоткина!) геологическую позицию древних изделий, словно демонстрируя для будущих археологов обязательность сочетания геологических и археологических исследований.

Молодой ученый включит в состав собираемых коллекций древние человеческие черепа, в полной мере осознавая их антропологическую ценность. В его научном отчете по итогам поездки найдут место выразительные этнографические зарисовки образа жизни тункинских и джидинских жителей, в том числе о традиционных, восходящих к глубокой древности, способах охоты.

Провинциальные исследования начинающего, еще не знающего себе цену ученого, не пропадут в туне, как это может показаться на первый взгляд. Он найдет дорогу в Петербургский университет, а затем станет сотрудником Зоологического музея Академии Наук, защитит магистерскую диссертацию, продолжит зоологические и археолого-этнографические изыскания (Поляков, 1877, 1879 и др.) в различных районах России (Онежское озеро, Кавказ, Урал, Обь, Сахалин), откроет палеолитические Костенки, проведет раскопки в Японии (этот факт заслуживает особого внимания). Но даже среди многочисленных экспедиций и открытий, его восточносаянская Тунка не потускнеет. Именно с анализа находок Полякова в Тунке (а также немного более поздних раскопок И. Д. Черского) начнет монументальную «Археологию России» А. С. Уваров (1881 г.) (см. далее). Впрочем Поляков был не только «поставщиком» материала для теоретических обобщений. В том же 1881 г. выйдет очередной том в прекрасном издании «Живописная Россия» (хранящийся в библиотеках как особая ценность) с разделом «Каменный век», написанным Поляковым. Ему же принадлежат две первые российские специальные книги по эпохе камня (см. Формозов, 1983).

На Антропологической выставке в Москве в 1879 г., ставшей крупным достижением российской науки, Поляков выступил с докладом, состоявшимся в большой аудитории Политехнического музея. Поляков критически выска-

зался по поводу еще сохраняющихся взглядов, основанных на том, что в Сибири в научном отношении ничего не сделано и каменных орудий оттуда неизвестно. Он рассказал о многочисленных находках из различных сибирских районов, в том числе о тункинских, при этом подчеркнул, что каменный век в Сибири в остаточном виде живет и поныне (Поляков, 1879, с. 87—95).

С учетом общей ситуации в представлениях о характере и методах изучения древностей, сложившихся в России в 60—80-х годах XIX века, становится понятно, что Поляков своей подвижнической деятельностью максимально способствовал становлению первобытной археологии как самостоятельной научной дисциплины и сам был одним из первых отечественных специалистов в этой области.

Имя и труды Полякова, умершего в возрасте 42 лет, занимали уважаемое место в дореволюционной историографии, но в дальнейшем его во многом забыли, упоминая, пожалуй, только как первооткрывателя Костенок (Праслов, 1982, с. 8—10). В конце 1940-х — начале 50-х годов, в связи с переоценкой некоторых заскоруждлых догматов в отношении русских народников и разночинцев,

имя Полякова вновь появилось в публикациях. Во многом этому способствовало переиздание очерка о Полякове, написанного известным русским ученым Д. Н. Анучиным (1950, с. 96—107). В археологической литературе тункинские исследования Полякова характеризовались А. П. Окладниковым (1950, с. 28, 29), хотя на наш взгляд им не было достигнуто подлинного понимания значимости его исследований. Об этом свидетельствует и тот факт, что в «Истории Сибири» (т. 1, 1968, редактор Окладников) Поляков упоминается буквально однострочно как рядовой собиратель древних предметов на Оби без каких-либо ссылок на публикации (с. 18). Важные историографические публикации А. А. Формозова (1961, 1983), в которых немало страниц посвящено Полякову, достойно возвратили его в ряды первых российских археологов.

Свою же задачу мы видели в том, чтобы выявить вклад Полякова в изучение сибирских древностей и раскрыть их принципиальную важность для отечественной археологии в целом.

Следующий этап в исследовании байкальских древностей связан с деятельностью Ивана Дементьевича Черского.

ИВАН ЧЕРСКИЙ: ОТКРЫТИЯ И ЗАБЫТЫЯ ИТАНЦА

Как известно, Черский был польским сыльным и только заступничество местной интеллигенции доставило осужденному фактическую свободу; в этой гуманной поддержке молодого таланта проявились удивительные особенности сибирской стороны — удаленной от имперского центра и обладающей собственными традициями в отношении к гонимым. «Звездным часом» Черского стало открытие в 1871 г. палеолитического поселения Военный госпиталь в Иркутске — первого памятника плейстоценового возраста в России. В культуросодержащем слое поселения выявлены предметы искусства и украшения из бивня мамонта, каменные изделия и кости животных. Обладая солидными познаниями в области палеонтологии, Черский приходит к выводу, о том, что древняя фауна включала в себя первобытного быка и лошадь. Отметив, что среди находок были и обломки керамических изделий. Этот факт ныне не выглядит столь одиозным, как прежде, поскольку стали известны керамические поделки из палеолитических памятников, раскопанных в наше время в Чехословакии (Пржедмости, Долни Вестонице) и на Енисее (Майнинская) (Елинек, 1983, с. 259, 303, 304, 314, 329, 342 и др.; Васильев, Ермолова, 1983, с. 72).

Об иркутском Военном госпитале существует обширная литература (см. напр. Арембовский, Иваньев, 1956, с. 55—60; Ларичев, 1969, с. 29—34), она как бы оставила в тени исследования Черского по другую сторону Байкала. В долине р. Селенги он обследовал небольшую пещеру близ устья р. Итанцы, «откуда добыты некоторые кости козули (*Segus cargeolu*), человека и оригинальной формы гребень..., всего лишь с девятью зубцами, сделанный с немалою долей искусства из кости». Здесь же дается изображение гребня «в естественную величину». Черский изложил эти данные в опубликованном отчете (1880, с. 36), а также в письме к А. С. Уварову («Сообщение», 1880, с. 36). Создавая «Археологию России», Уваров посчитал необходимым подробно осветить итанцинское открытие сибирского исследователя. «Гребень, как сказано в письме И. Д. Черского, сделан из оленьего рога и отполирован только на одной из двух поверхностей. К сожалению, в напечатанном отчете, названном предварительным, он не сообщил подробностей о положении, в котором нашел человеческие кости и на какой глубине в наносе лежал описанный гребень. Во всяком случае одна уже находка подобного гребня в высшей степени любопытная, как находка, указывающая на вторую половину палеолитической эпохи. Та-

кое указание прямо следует из нахождения совершенно подобного гребня (но только с четырьмя зубьями и с дырочкой для привешивания) в кухонных остатках (Kjockkenmoedding у Мейльгардта, Madsen Antiquities prebistoriques in Dunemark, 1869, pl. 2, fig. 3, page 9).

Вследствие такого сходства можно отнести пещеру к концу палеолитической эпохи, который на азиатском материке наверно предшествовал концу той же эпохи в Европе. Такие гребни, по мнению Ворсо, служили для сучения ниток и веревок из звериных жил» (Уваров, 1881, с. 203).

Если считать оценку Уварова итанцинской находки завышенной или неправомерной, все равно данные сведения заслуживают пристального внимания историографов, поскольку Итанцинская пещера — это фактически первая попытка приобщения забайкальской археологии к палеолиту. Нам же пока не удалось выявить ссылок на открытие в Итанце, как имеющее отношение к палеолиту, в последующих научных публикациях. Не входит Итан-

ца и в обзоры археологических памятников Бурятии (см. напр., Хамзина, 1982).

Обобщая материалы экспедиционных исследований разных лет, Черский постепенно определил свои позиции по важнейшим вопросам о характере древней природы Сибири и возрасте открытых им памятников. В отличие от Кропоткина, он считает, что в Сибири не было сплошного ледникового покрова и ледники получили только локальное распространение. Ему представлялось, что человек на сибирских просторах появился на ранних этапах «постлищенской истории», но фактические материалы характеризуют только конец ледникового периода. Так Военный госпиталь он отнес «к солотре или к самому началу мадленской части палеолита, желая этим скорее уменьшить, нежели преждевременно увеличить, ее древность» (Черский, 1891).

В одну из поездок на Селенгу Черский пригласил Николая Ивановича Витковского — еще одного «сибирского поляка», прошедшего ссылку.

НИКОЛАЙ ВИТКОВСКИЙ: ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ПОДОБНЫ ЛИСТКАМ ЛЕТОПИСИ

Благодаря неустанным трудам, Витковский, не имевший специального образования, стал квалифицированным ботаником и археологом. О Витковском писали, что его деятельность была первым лучом света, ярко прорезавшим тьму древней истории Восточной Сибири (Попов, 1927). Первые раскопки он произвел в 1880 г. на Ангаре, изучая Китайский неолитический могильник (Витковский, 1881). Посетивший эти раскопки Черский определил фаунистический материал и породы каменных орудий. А на следующий год (1881 г.) состоялась их совместная забайкальская экспедиция (Черский, 1881, с. 87—90; 1881б, с. 1—1; 1882; Кузнецова, 1893, с. 8—9; Попов, 1927, с. 4; Яснитский, 1927, с. 101). Известно, что они «выехали из Иркутска 4 июня и возвратились 10 июля 1881 г. За это время путешественники вместе с боковыми экскурсиями проделали 1683 версты маршрута. Были посещены нижнее течение Джиды, Чикой, Мухор-Шибирь, побережье Байкала, между устьями Селенги и Кикой. Для сравнения следует указать, что за все четыре года работы на Байкале, включая боковые

экскурсии, Черский прошел около 3000 в., — так анализировала данные по экспедиции Н. В. Тюменцева — биограф Черского (см. Черский, 1956, с. 176—177). Витковский вел во время путешествия дневниковые записи¹.

В них он с болью замечает «как время и люди как бы в перегонку стремятся там к уничтожению многочисленных разбросанных по степям гробниц». Исследователь размышляет: «Геолог, ботаник, зоолог, даже этнограф по истечении десятков лет найдут везде достаточно еще данных для суждения как о настоящем, так и о целом ряде протекших лет, но не то будет с археологом. Для него десяток лет в большинстве случаев равнозначителен полнейшему исчезновению памятников в данной местности; для него часто потерять листок при единственном экземпляре летописи» (цит. по Окладникову, 1950, с. 41).

Научные исследования в Байкальском регионе постоянно привлекали внимание крупнейшего археолога того времени Алексея Сергеевича Уварова.

¹ На этот дневник (Н. И. Витковский. Дневниковые записи, веденные во время поездок в Забайкальскую область, 1881) есть ссылки в печатных работах (напр.,

Окладников, 1950, с. 41). Дневник хранился в фондах Иркутского областного краеведческого музея, оп. 1, д. 87. К сожалению, в настоящее время он затерялся.

АЛЕКСЕЙ УВАРОВ: НА ПОЛЬЗУ И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В предисловии к своему основному труду «Археология России» (1881 г.) Уваров сделал примечательную запись: «Наконец, припоминая, с искренней благодарностью, то живое содействие, которое оказали моим занятиям: В. Б. Антонович, Д. Н. Анучин, А. П. Богданов, Ю. Б. Иверсен, Л. Н. Майков, И. С. Поляков, В. Е. Румянцев, Л. А. Тихомиров, А. С. Усов и И. Д. Черский, не могу объяснить это участие одним только интересом к избранному мною предмету, но также и тем **ученым общением**, в котором мы живем в продолжении стольких лет, и в особенности — **теми дружескими отношениями, которые между нами возникли на общей научной почве** и при одинаковом стремлении на пользу и развитие русской науки» (1881). Подчеркнутые нами фамилии и строки показывают сколь видное место отводилось сибирским исследователям и контактам с ними. В главе «Отношение геологии к первобытной археологии» Уваров в рассуждениях о ледниковом периоде опирается на данные Кропоткина по Витимскому нагорью и Чекановского по Саянам и Байкалу (с. 67—68).

Один из важнейших вопросов, волнующих Уварова, заключается в том, жил ли человек в России вообще, и в Сибири, в частности, в эпоху мамонта?¹ Он приводит мнение датского ученого Борсо (1873, 1874 г.), который считал, что заселение России началось в конце эпохи камня. Примерно такой же позиции придерживался Гревинг (Дерптский университет, 1874 г.). Уваров опровергает это положение, приводя данные о находках костей мамонта совместно с орудиями в Гонцах и Карачарове. Затем он указывает, что в России известно 268 пунктов, где обнаружены кости мамонтов и носорогов, из них 16 пунктов приходится на Сибирь. Каждый из них описан в его книге под самостоятельным номером. Обращают на себя внимание следующие номера: «49 — Нижнеудинская пещера, где И. Д. Черский нашел кожу носорога» (Вспомним: на перспективность этой пещеры еще раньше указывал Кропоткин — М. К.); «53 — В Тункинской котловине и по р. Ахалик»; «55 — При устье р. Селенги, в самой дельте — кости носорога» (1881, с. 122).

Далее указывается «на те находки отбивных орудий из сибирских местностей, кото-

рые могут принадлежать палеолитической эпохе»; «...они в особенности часто попадают на золотых промыслах; следовательно, может быть, и в таких слоях, в которых прежде уже были открыты мамонты или другие остатки мамонтовой фауны». При этом Уваров прежде всего обращается к находкам каменных орудий в золотых промыслах Енисейского и Баргузинского округа, ссылаясь на сведения Полякова, а также на коллекцию каменных изделий, переданных преосвященником Нилом Петербургскому университету и происходящих из сборов в Баргузинском округе и в окрестностях байкальского озера (с. 161—162).

К концу палеолитической эпохи Сибири автор обобщающего труда относит уже упоминавшиеся иркутский Военный госпиталь и селенгинскую Итанцу.

По мнению Уварова, палеолит Азии древнее европейского, поскольку Сибирь является родиной мамонта. Сначала палеолитический человек «своими поселениями достиг до берегов Байкальского озера», а затем длительное время, затратил, передвигаясь вслед за мамонтами, для перехода на европейский материк (с. 158, 159, 238).

Вслед за палеолитом выделяется «переходная эпоха», предшествующую неолиту, при этом отмечается, что развитие происходит «без всяких резких переломов, одна эпоха следует постепенно за другой» (с. 251—274). Отличительной чертой переходной эпохи считается «открытие шлифовки каменных орудий», а наиболее подходящими для характеристики находками — сборы из Тунки Полякова и Черского. Напомним, что Уваров предложил не региональную, а общероссийскую сводку по археологии, но тем знаменательней, уделяет первостепенное внимание материалам из Байкальского региона, полагаясь на них как на самые выразительные. Можно смело утверждать, что первобытная археология России начиналась с археологии Байкальского региона², с открытий Полякова и Черского, за которыми постоянно (подспудно и подстрочно) угадывается опальный политический беглец, русский князь и отечественный геолог Кропоткин.

¹ Работа А. С. Уварова издана в 1881 г., но в ней еще не используются сведения о Костенках, где И. С. Поляковым открыты орудия совместно с костями мамонта (1879 г.)

² Материалы раскопок Военного госпиталя и авторские публикации использовались также в обобщающих трудах по первобытной археологии В. А. Городцовым (1908, 1923) и А. А. Спицыным (1913).

кое указание прямо следует из нахождения совершенно подобного гребня (но только с четырьмя зубьями и с дырочкой для привешивания) в кухонных остатках (Kjøkkenmoedding у Мейльгардта, Madsen Antiquities prebistoriques in Dunemark, 1869, pl. 2, fig. 3, page 9).

Вследствие такого сходства можно отнести пещеру к концу палеолитической эпохи, который на азиатском материке наверно предшествовал концу той же эпохи в Европе. Такие гребни, по мнению Ворсо, служили для сучения ниток и веревок из звериных жил» (Уваров, 1881, с. 203).

Если считать оценку Уварова итанцинской находки завышенной или неправомерной, все равно данные сведения заслуживают пристального внимания историографов, поскольку Итанцинская пещера — это фактически первая попытка приобщения забайкальской археологии к палеолиту. Нам же пока не удалось выявить ссылок на открытие в Итанце, как имеющее отношение к палеолиту, в последующих научных публикациях. Не входит Итан-

ца и в обзоры археологических памятников Бурятии (см. напр., Хамзина, 1982).

Обобщая материалы экспедиционных исследований разных лет, Черский постепенно определил свои позиции по важнейшим вопросам о характере древней природы Сибири и возрасте открытых им памятников. В отличие от Кропоткина, он считает, что в Сибири не было сплошного ледникового покрова и ледники получили только локальное распространение. Ему представлялось, что человек на сибирских просторах появился на ранних этапах «постплиоценовой истории», но фактические материалы характеризуют только конец ледникового периода. Так Военный госпиталь он отнес «к солютре или к самому началу мадленской части палеолита, желая этим скорее уменьшить, нежели преждевременно увеличить, ее древность» (Черский, 1891).

В одну из поездок на Селенгу Черский пригласил Николая Ивановича Витковского — еще одного «сибирского поляка», прошедшего ссылку.

НИКОЛАЙ ВИТКОВСКИЙ: ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ПОДОБНЫ ЛИСТКАМ ЛЕТОПИСИ

Благодаря неустанным трудам, Витковский, не имевший специального образования, стал квалифицированным ботаником и археологом. О Витковском писали, что его деятельность была первым лучом света, ярко прорезавшим тьму древней истории Восточной Сибири (Попов, 1927). Первые раскопки он произвел в 1880 г. на Ангаре, изучая Китайский неолитический могильник (Витковский, 1881). Посетивший эти раскопки Черский определил фаунистический материал и породы каменных орудий. А на следующий год (1881 г.) состоялась их совместная забайкальская экспедиция (Черский, 1881, с. 87—90; 1881б, с. 1—1; 1882; Кузнецова, 1893, с. 8—9; Попов, 1927, с. 4; Яснитский, 1927, с. 101). Известно, что они «выехали из Иркутска 4 июня и возвратились 10 июля 1881 г. За это время путешественники вместе с боковыми экскурсиями проделали 1683 версты маршрута. Были посещены нижнее течение Джиды, Чикой, Мухор-Шибирь, побережье Байкала, между устьями Селенги и Кикой. Для сравнения следует указать, что за все четыре года работы на Байкале, включая боковые

экскурсии, Черский прошел около 3000 в., — так анализировала данные по экспедиции Н. В. Тюменцева — биограф Черского (см. Черский, 1956, с. 176—177). Витковский вел во время путешествия дневниковые записи¹.

В них он с болью замечает «как время и люди как бы в перегонку стремятся там к уничтожению многочисленных разбросанных по степям гробниц». Исследователь размышляет: «Геолог, ботаник, зоолог, даже этнограф по истечении десятков лет найдут везде достаточно еще данных для суждения как о настоящем, так и о целом ряде протекших лет, но не то будет с археологом. Для него десяток лет в большинстве случаев равнозначителен полнейшему исчезновению памятников в данной местности; для него часто потерять листок при единственном экземпляре летописи» (цит. по Окладникову, 1950, с. 41).

Научные исследования в Байкальском регионе постоянно привлекали внимание крупнейшего археолога того времени Алексея Сергеевича Уварова.

¹ На этот дневник (Н. И. Витковский. Дневниковые записи, веденные во время поездок в Забайкальскую область, 1881) есть ссылки в печатных работах (напр.,

Окладников, 1950, с. 41). Дневник хранился в фондах Иркутского областного краеведческого музея, оп. 1, д. 87. К сожалению, в настоящее время он затерялся.

АЛЕКСЕЙ УВАРОВ: НА ПОЛЬЗУ И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В предисловии к своему основному труду «Археология России» (1881 г.) Уваров сделал примечательную запись: «Наконец, припоминая, с искренней благодарностью, то живое содействие, которое оказали моим занятиям: В. Б. Антонович, Д. Н. Анучин, А. П. Богданов, Ю. Б. Иверсен, Л. Н. Майков, **И. С. Поляков**, В. Е. Румянцев, Л. А. Тихомиров, А. С. Усов и **И. Д. Черский**, не могу объяснить это участие одним только интересом к избранному мною предмету, но также и тем **ученым общением**, в котором мы живем в продолжении стольких лет, и в особенности — теми дружескими отношениями, которые между нами возникли на общей научной почве и при одинаковом стремлении на пользу и развитие русской науки» (1881). Подчеркнутые нами фамилии и строки показывают сколь видное место отводилось сибирским исследователям и контактам с ними. В главе «Отношение геологии к первобытной археологии» Уваров в рассуждениях о ледниковом периоде опирается на данные Кропоткина по Витимскому нагорью и Чекановского по Саянам и Байкалу (с. 67—68).

Один из важнейших вопросов, волнующих Уварова, заключается в том, жил ли человек в России вообще, и в Сибири, в частности, в эпоху мамонта?¹ Он приводит мнение датского ученого Ворсо (1873, 1874 г.), который считал, что заселение России началось в конце эпохи камня. Примерно такой же позиции придерживался Гревинг (Дерптский университет, 1874 г.). Уваров опровергает это положение, приводя данные о находках костей мамонта совместно с орудиями в Гонцах и Карачалове. Затем он указывает, что в России известно 268 пунктов, где обнаружены кости мамонтов и носорогов, из них 16 пунктов приходится на Сибирь. Каждый из них описан в его книге под самостоятельным номером. Обращают на себя внимание следующие номера: «49 — Нижнеудинская пещера, где И. Д. Черский нашел кожу носорога» (Вспомним: на перспективность этой пещеры еще раньше указывал Кропоткин — М. К.); «53 — В Тункинской котловине и по р. Ахалик»; «55 — При устье р. Селенги, в самой дельте — кости носорога» (1881, с. 122).

Далее указывается «на те находки отбивных орудий из сибирских местностей, кото-

рые могут принадлежать палеолитической эпохе»; «...они в особенности часто попадаются на золотых промыслах; следовательно, может быть, и в таких слоях, в которых прежде уже были открыты мамонты или другие остатки мамонтовой фауны». При этом Уваров прежде всего обращается к находкам каменных орудий в золотых промыслах Енисейского и Баргузинского округа, ссылаясь на сведения Полякова, а также на коллекцию каменных изделий, переданных преосвященником Нилом Петербургскому университету и происходящих из сборов в Баргузинском округе и в окрестностях байкальского озера (с. 161—162).

К концу палеолитической эпохи Сибири автор обобщающего труда относит уже упоминавшиеся иркутский Военный госпиталь и селенгинскую Итанцу.

По мнению Уварова, палеолит Азии древнее европейского, поскольку Сибирь является родиной мамонта. Сначала палеолитический человек «своими поселениями достиг до берегов Байкальского озера», а затем длительное время, затратил, передвигаясь вслед за мамонтами, для перехода на европейский материк (с. 158, 159, 238).

Вслед за палеолитом выделяется «переходная эпоха», предшествующую неолиту, при этом отмечается, что развитие происходит «без всяких резких переломов, одна эпоха следует постепенно за другой» (с. 251—274). Отличительной чертой переходной эпохи считается «открытие шлифовки каменных орудий», а наиболее подходящими для характеристики находками — сборы из Тунки Полякова и Черского. Напомним, что Уваров предложил не региональную, а общероссийскую сводку по археологии, но тем знаменательней, уделяет первостепенное внимание материалам из Байкальского региона, полагаясь на них как на самые выразительные. Можно смело утверждать, что первобытная археология России начиналась с археологии Байкальского региона², с открытий Полякова и Черского, за которыми постоянно (подспудно и подстрочно) угадывается опальный политический беглец, русский князь и отечественный геолог Кропоткин.

¹ Работа А. С. Уварова издана в 1881 г., но в ней еще не используются сведения о Костенках, где И. С. Поляковым открыты орудия совместно с костями мамонта (1879 г.).

² Материалы раскопок Военного госпиталя и авторские публикации использовались также в обобщающих трудах по первобытной археологии В. А. Городцовым (1908, 1923) и А. А. Спицыным (1913).

ВЛАДИМИР ПТИЦЫН: ДРЕВНИЕ БОГАТСТВА ДАУРСКИХ СТЕПЕЙ

Изучением забайкальских древностей увлечено занимались краеведы из среды интеллигенции г. Кяхты. Развитию краеведения способствовала вся деловая и творческая атмосфера этого города. Кяхта зародилась как «дитя торгового брака России с Китаем» (Распутин, 1987, с. 103) и длительное время была единственным самоуправляемым городом Империи (там же, с. 105). В нем процветало купечество, считавшее своим долгом затрачивать немалые средства на развитие культуры, просвещения и науки. Вместе с богатством купцов формировался «исторический капитал» Кяхты, вбирая в себя биографии и судьбы выдающихся деятелей этого края и всего Отечества — назовем их имена: востоковед и физик П. Л. Шиллинг, востоковед-лингвист Иакинф-Бичурин, ученик Н. А. Бестужева медик П. А. Кельберг, бурятский ученый Доржи Банзаров, поэт и учитель Д. П. Давыдов, сибирский историк И. В. Щеглов и др. В разные десятилетия 19 века, они находили время и желание для поиска исторических раритетов, древних курганов, загадки тайн исчезнувшего народа «чудь», занимаются изучением фольклора и языка бурято-монголов. Многие их суждения, свидетельствуют о том, что они воспринимали местную историю в свете и длительности тысячелетий развития. В этом плане они продвинулись значительно вперед в сравнении с исследователями XVIII века, «дотягивающими» в исторических размышлениях только до времен Чингис-хана, и вполне подготовили «прорыв» в первобытность, осуществленный их последователями, жившими в той же Кяхте в 80—90-х годах XIX века. Не забудем еще и то, что из Кяхты начинали свои экспедиции по Центральной Азии Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Н. М. Пржевальский, Г. Е. Грум-Гржимайло, П. К. Козлов, В. А. Обручев и др. (Яруцкий, 1961; Даревская, 1961; Чимитдоржиев, 1987). Многие из них справедливо полагали, что земля от Байкала до Кяхты есть тот же центрально-азиатский мир, но волею исторических процессов, оказавшийся в российских пределах. Вклад этих исследователей в изучение прошлого Забайкалья заслуживает самостоятельного научно-го труда.

Особую экзотику Кяхты и прилегающей Даурии последней трети XIX века впитал в себя и полноценно отразил в различных очерках писатель Владимир Васильевич Птицын (1890, 1896). Он публиковался в газетах и журналах не только Сибири, но и Петербурга. У него мы найдем природные и бытовые зарисовки, этнографические сюжеты и сведения о древней истории. Из сочинений Птицына, как писателя, а не ученого, легче выписывать фрагменты текста, чем пытаться изложить его взгляды в виде сухих научных

тезисов. Приведем наиболее характерные образцы.

«Вся описываемая страна, т. е. Юго-Западная Даурия богата остатками и следами древнейших жителей не менее, чем знаменитая Абаканская степь в Минусинском округе Енисейской губернии. О следах жителей каменного и бронзового веков в долине р. Селенги будет сказано дальше. Но не одни прибрежья Селенги, а и берега Чикоя, Джиды, Кирана, Темника и Гусинога озера, все горы, леса, но в особенности степи: Хоринская, Селенгинская, Кудара и Баргойская покрыты курганами, каменными и бронзовыми первобытными орудиями и огромными костями мамонта, носорога, первобытного быка, рогами каменного барана и давно вымерших животных. Бывало из каждой поездки в эту часть Даурии приходилось привозить для музея иркутского географического общества по нескольку таких костей, иногда самим подобранным дорогой, как, например, огромный бивень и зубы мамонта из горы Ноцогой на о-ве Морозова на правом берегу Селенги, а больше выпрошенных для музея у знакомых обывателей, русских и бурят, раньше их подобранных... В деревнях по среднему Чикюю мне приходилось покупать бронзовые наконечники стрел, «громовые стрелы», как зовут их крестьяне и видеть, бронзовые, вероятно, сидельные украшения с звериным орнаментом, похожие, на скифо-сарматские древности... Систематически древности юго-западной Даурии пока не изучаются и не собираются, никакой литературы о них нет, если не считать нескольких полутных заметок Черского, Кельберга, Дубровы, Ядринцева и др. Единственный ученый человек, который был вполне компетентен и хотел заняться археологическими исследованиями в Забайкалье, но для него не нашлось в иркутском отделе географического общества 400—500 рублей на экскурсии за Байкал, был, не так давно застрелившийся от хорошей жизни в Иркутске — консерватор тамошнего музея географического общества Николай Иванович Витковский... Слабость моих геологических и археологических познаний, к сожалению, не дают мне возможности сделать на основании предлагаемых орудий каменного, бронзового и железного периодов какие-нибудь общие выводы о типе и быте народов-творцов этих орудий. Но даже при поверхностном осмотре предлагаемой коллекции, едва ли можно сомневаться в том, что каменные орудия и глиняные черепки, с одной стороны, и отличающиеся изяществом и чистотой отделки бронзовые орудия — с другой, принадлежат двум совершенно различным народам, разделенным большим промежутком времени. Затем доисторический человек каменного века долины Селенги по культурности (я здесь не говорю о

сравнительной древности) уступает, по-видимому, своему собрату побережья Ладожского озера, имеющему по Иностранцеву костяные и роговые изделия, даже украшенные орнаментом, и полированные каменные орудия... Мамонт едва ли был современником доисторического человека каменного периода долины р. Селенги, в противном случае сохранились бы поделки из мамонтовой кости, превосходно поддающихся выделке. Но нельзя ли сблизить каменные орудия долины р. Селенги со следами доисторического человека в пещерах на правом берегу этой реки, в 7 км от с. Усть-Кяхты...» (Птицын, 1896, с. 93—95).

Свободно изложенные и поразительно разнообразны сведения — как о находках из многих пунктов с упоминанием колоритных местных названий, так и о людях, сумевших внести свою лепту в изучение древностей или же трагически лишенных этой возможности. и, наконец, смелые сравнения с отдаленной Ладогой, — все это делает конкретными и зримыми интересы и возможности, владеющего пером рядового интеллигента.

АЛЕКСАНДР МОСТИЦ: ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК НА БЕРЕГАХ СЕЛЕНГИ И ЧИКОЯ

Так мы встречаемся с именем еще одного кяхтинского краеведа, обладающего, судя по рекомендациям, солидными познаниями в археологии. Как можно установить по другим источникам, Мостиц имел для этого реальные основания: в семинарские годы он прошел полевою школу у самого И. Т. Савенкова на Афонтовой горе! (Труды ТКО РГО, 1899—1900, т. II, вып. 1, 2. Обыкновенное общее собрание, 20 октября; Кузнецов, 1989, с. 79—81). Кроме Савенкова, молодой археолог мог многое почерпнуть у А. С. Еленева — преподавателя Красноярской учительской семинарии, начавшего в 1885 г. обследование енисейских пещер (Ларичев, 1969, с. 68—70, Макаров, 1989). С 1886 г. Мостиц (Петряев, 1981, с. 69) учительствует в забайкальском Тарбагатае (известном и до сих пор богатством костеносных оврагов). В 1889 г. он помогает Птицыну собирать коллекции древних вещей (Ларичев, 1969, с. 80), оказавшихся в итоге в Археологическом институте Петербурга (Птицын, 1896, с. 95). С 1895 г. Мостиц работает в Кяхте; уже годом раньше он опубликовал через местное издание свою первую научную работу, посвященную археологическим находкам в окрестностях слободы Усть-Кяхты (1894, с. 7—18). Кяхта привлекала Мостица возможностью участвовать в работе научного кружка, состоящего в основном из политических ссыльных. В июле 1894 г. на базе кружка создается Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского геогра-

Воспользуемся случаем сравнить их со взглядами другого писателя-путешественника, писавшего однако не в конце 19 века, как Птицын, а в начале этого же столетия. Так в 1820-х годах в Забайкалье побывал А. И. Мартос (сын известного скульптора). Он оставил восторженный очерк о дикой природе Хилка и Чикоя, украсив его строчкой: «до прихода сюда промышленников здесь была пустыня» (Мартос, 1822, с. 99—107); наверное, она может служить своего рода формулой общедолетанского представления о дорусском прошлом Сибири (полностью не изжитого даже в настоящее время).

Птицын, приходящий «правнуком» по возрасту Мартосу, воспринимает Забайкалье совершенно иначе: он видит перед собой не «пустыню», а пространства, «покрытые» курганами, орудиями и костями, накапливающимися здесь тысячелетиями, начиная с эпохи камня. Откровенно и бесхитростно Птицын сообщает, что большая часть коллекции собрана не им самим, а «спутником моих экскурсий» учителем Александром Павловичем Мостицем.

фического общества (ТКОРГО), а затем и краеведческий музей (Окладников, 1961, с. 19—37; Ларичев, 1969, с. 77—78). По достоинству оценивая успехи Мостица в изучении древностей, руководство ТКОРГО предложило ему оформить к первому заседанию выставку находок и выступить с научным докладом. Выставка и доклад имели немалый успех и общественный резонанс в Кяхте. (Протоколы общего собрания ТКОРГО, 1894, № 3, заседание 23 ноября 1894). Теперь уже молодой исследователь проводит поиски следов каменного века при содействии Общества. Он избирает новые весьма протяженные маршруты — по Селенге (1895 г.) и по Чикюю (1896), публикуя результаты исследований в виде двух статей (Мостиц, 1896, с. 5—7; 1897, с. 5—9). К этим публикациям не раз обращались современные историографы, при этом взгляды кяхтинского исследователя подчас модифицировались под необходимую тему, например, под историю открытия палеолита (см. например, Ларичев, 1969, с. 80—84). С тем, чтобы избежать невольного искажения, предоставим «слово» самому Мостицу, выбрав из его научной работы типичный фрагмент, показывающий, как он описывал открытые стоянки: «На противоположном берегу Чикоя, в 4-х верстах ниже деревни Мыльниковой, найдена еще одна стоянка, расположенная высоко над рекою, хотя и на самом ее берегу. Площадь стоянки около одной четверти версты. Берег здесь весьма крутой и состоит из осыпающего песка

высотой 4—5 сажен... Как на дне оврагов, так и на осыпающихся боковых поверхностях их, попадает много обломков глиняной посуды, измельченные кости мелких животных — со следами огня, встречающиеся в большинстве случаев группами, шлак, тоже массажи, железные обломки котлов, или вообще каких-то сосудов и множество каменных осколков, указывающих на существование здесь мастерских для выделки каменных орудий; кроме того собраны: костяные изделия, каменные наконечники стрел, каменные ножички и нуклеусы. Эта стоянка весьма богата и приходится только сожалеть, что она мало-помалу разрушается, подмывается рекою; есть основания думать, что Чикой уже многое отнял у археологии» (Мостиц, 1897, с. 4).

Описывая находки достаточно бегло, Мостиц особо остановился на редких изделиях со стоянки Мыльниково-2: нескольких одинаковых палочек из мамонтовой кости длиной 10—13 см, слегка изогнутых, с зарубками на концах, «служивших, вероятно, для привязывания их к какому-либо предмету» (Там же, 1897, с. 9). Не исключено, что Мостиц заострил внимание на «палочке» как бы «в пику» Птицыну, рассуждавшему об отсутствии поделок из бивня мамонта.

Всего на Чикое и Селенге Мостиц открыл более 20 стоянок, а также видел множество могильников. Он нанес их на две специально созданные карты — первые в истории забайкальской археологии (Хамзина, 1986, с. 56, 57). Отмечая в названиях статей то, что освещаемые в них находки относятся к следам «доисторического человека» и «каменного века», Мостиц далее практически не возвращается к вопросу о возрасте стоянок, оставляя

эту задачу для последующих поколений археологов. На наш взгляд, открытые им стоянки содержат разновременный материал, причем с преобладанием позднего компонента, относящегося к эпохе металла, но для доказательства этого положения нам пришлось бы привести всю совокупность современных знаний по региональной археологии.

Мостиц, несомненно, еще многое бы сделал для забайкальской археологии, но судьба к нему была немилосердна. Его не стало в возрасте 39 лет. Но даже спустя много лет «можно было видеть, какая недюжинная и страстная душа жила в нем, сколько было в этом простом сельском интеллигенте, наследнике русских разночинцев 60-х годов, живой наблюдательности, ума и благородной страсти к приключениям» (Окладников, 1961, с. 33—34).

К поискам древних стоянок по примеру Мостица приобщились и другие кяхтинские краеведы — Самарин, Разинцев, Шепшелевич, Котов и др. (ТКОРГО, 1897, № 4, 5, 1898, т. 1, вып. 1. Годовое собрание № 2, заседание 4 марта). В течение тридцати лет периодически посещал окрестности села Дурены на Чикое П. С. Михно (Попов, 1927), собирая «обильную дань» с песчаных выдувов этих мест. В нее вошли разнообразные материалы — от каменных орудий до средневековой керамики. Он же совершал дальние по тому времени поездки вверх по Чикойю до Ямаровских минеральных вод, открыв по дороге стоянки у лечебного источника и с. Урлук (ТКОРГО, 1904 т. 7, вып. 3, с. 4; Свинин, 1971).

Самостоятельное направление в кяхтинской археологии разрабатывал польский врач, правитель дел ТКОРГО Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич.

ЮЛИАН ТАЛЬКО-ГРЫНЦЕВИЧ: ИСТОРИЯ, ПРОЧИТАННАЯ ПО КУРГАНАМ

Стремление получить достоверные факты о древних насельниках края, их культуре и антропологии, предопределило многолетний интерес Талько-Грынцевича к могильникам и погребениям. Он систематически раскапывал курганы с каменными кладками и публиковал результаты раскопок в Трудах ТКОРГО, уделяя внимание анализу обряда погребения, вещественному материалу и костным останкам человека.

Все это позволило ему предложить классификацию и периодизацию погребальных комплексов. В них нашли место грунтовые погребения, херексуры, плиточные могилы, погребения в срубах.

Эпохой камня исследователь датировал грунтовое захоронение в местности Тулту-Дабан и херексуры в форме массивных курганных выкладов из разных пунктов. Со време-

нем стала очевидна ошибка исследователя в отношении херексуров. Они принадлежат к более поздней эпохе, хотя и непонятно к какой — скифской или тюрской? В целом, Талько-Грынцевич справедливо соотнес плиточников с эпохой металла; и уже совершенно точно оказалась привязка погребений в срубах к истории гуннов (Талько-Грынцевич, 1899, 1900, 1902а, 1905а, 1928; см. также Гохман, 1977).

Талько-Грынцевичу довелось представлять кяхтинскую археологию на XII Археологическом съезде в Москве. Объединив собственные материалы по погребениям и результатам исследований стоянок Мостица и Михно, он выступил с докладом «Древние памятники Западного Забайкалья». Этот доклад был опубликован с приложением умело выполненной

археологической карты (Талько-Грынцевич, 1905).

В 1912 г. Талько-Грынцевич уехал на родину в Польшу. Он выпустил (1930—1932 гг.) двухтомное воспоминание о своей жизни, в том числе с освещением се забайкальского периода (Петряев, 1968, с. 202). Эти воспоминания находятся как бы в «золотом запасе» историографии: они еще не прочитаны археологами.

БЕРНГАРД ПЕТРИ: СЧАСТЬЕ ОТКРЫТИИ И ТРАГЕДИЯ ЖИЗНИ

Особая страница в археологии Байкальской Азии связана с именем Бернгарда Эдуардовича Петри (Ларичев, 1969, с. 137—142; Сирина, 1986, с. 30—33; Савельев, 1989). Он приезжает в Сибирь из Петербурга в 1912 г. Его раскопки многослойного поселения в Улан-Хаде на западном побережье Байкала впервые для этого района дали возможность увидеть археологические остатки в четко стратифицированных условиях (Петри, 1914, 1916). С 1918 г. Петри обосновался в Иркутске, где становится одним из профессоров только что созданного университета. Он занимается исследованиями, которые определяются им как этнологические. Они включают в себя археологические и этнографические изыскания, тесно переплетающиеся между собой как по организации, так и по результатам. Петри проявляет себя выдающимся воспитателем молодых научных кадров. Одну из своих важнейших публикаций он предупредил предисловием, где с большой теплотой к своим ученикам вспоминал «наши экскурсии на раскопки, на которых мы, не жалея сил, рыли землю и возвращались домой усталые, засыпанные пылью и глиной, но счастливые сделанными «открытиями» и обогащенные увесистыми находками. Оглядываясь на прошедшие десять лет, я с радостью вспоминаю моменты возвращения из первых научных поездок наших молодых исследователей, их волнение, когда они разворачивали пакеты с находками и захватывающий интерес начинающих (младших) товарищей, которые слушали их доклады. В нашей маленькой семье создавалась та коллективная работа, которая особенно ценна в области наук, требующих коллективных усилий многих исследователей; к этим наукам относится и археология (Петри, 1928, с. 4). Напомним, что «из-под крыла» Б. Э. Петри вышли А. П. Окладников, М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец, Г. П. Сосновский, Е. И. Титов и др.

Основные усилия Петри направлял на изучение археологии в Прибайкалье, но в своих обобщающих публикациях он плодотворно анализировал сибирские древности в целом. Его

Одним из важнейших результатов деятельности Талько-Грынцевича и его коллег стало создание в Кяхте краеведческого музея. Первое здание для музея пожертвовал А. Д. Старцев — родной сын декабриста Н. А. Бестужева, выросшего в семье кяхтинского купца Д. Д. Старцева (Даревская, 1981, с. 154; Бараев, 1991). Так продолжалась декабристская культурная традиция!

«Сибирский палеолит» (1923, 1927) и «Сибирский неолит» (1926) являются важнейшими трудами синтезирующего характера. Они были переведены в Америке, благодаря чему имя Петри стало известно в научном мире. В 1935 г. ему было присвоено звание члена-корреспондента Английского Антропологического общества (Пархоменко, 1991).

Судьба Петри имела счастливое начало, драматическое продолжение и трагический финал. В расцвете сил его пытались отлучить от науки: в 1926 г. был закрыт исторический факультет, а вместе с ним и единственная в Сибири кафедра истории первобытной культуры...» (Дебец, 1929, с. 131). Некоторое время Петри преподает на экономическом факультете, однако, с 1930 г. там для него не находится учебной нагрузки (Пархоменко, 1991, с. 30). Петри разрешили трудиться научным консультантом в облисполкоме — но не долго. В 1937 г. ученого арестовали и через полгода расстреляли по ложному обвинению в шпионаже. Подробности «дела Петри» стали известны из протоколов НКВД (Архивно-следственное дело № 10136. Начато 27 мая 1937 года, закончено 25 февраля 1963 г., 426 л.).

Со страниц протоколов — вопреки воле фабрикаторов обвинений — встает образ человека удивительной биографии: швед по национальности, швейцарец по рождению, немец по языку, итальянец по первым годам жизни, петербуржец по гимназии и университету и первой работе, он помнил свою родословную с шестнадцатого колена; в ее древе были великие реформаторы и ученые, его отцом был антрополог-профессор Э. Ю. Петри, а наставником академик В. В. Радлов. За его плечами стояли европейская наука и культура; он ощущал себя ее полноценным представителем в Сибири и отдавал все силы восстановлению истории ее народов, не пренебрегая решением практических задач по организации жизни туземных народов в конкретных условиях (Петри, 1929).

По достоинству оцененный за рубежом, он был растоптан режимом, существующим в стране, которую считал родной. Ошеломлен-

ное научное потомство и окружение длительное время не вспоминало об учителе; другие же, не знавшие его прямо и почти не знакомые с его трудами (они только сейчас официально вышли их спецхрана), сообщали о Петри как об одном из многих краеведов, объявившихся почти случайно на сибирском научном небосклоне.

Молодой сибирский археолог не найдет в доступных публикациях не сколько-нибудь развернутых сведений о биографии ученого, ни данных о его судьбе. Теперь они установлены доподлинно. Точно стало известно и то, когда прозвучал выстрел палача — 1937 г., 25 ноября, 23 часа 25 минут.

В судьбе Петри отразилась трагедия российской исторической и археологической наук, подвергшейся разгрому в условиях формирования тоталитарной политической власти (см. напр. Шмидт, 1989, с. 16; Лихачев, 1991, с. 5, 6; Ярошевский, 1991, с. 18—20).

Оценивая роль Петри (и памятуя о деятельности его именитых учеников), можно не преувеличивая сказать: подавляющее большинство сибирских археологов имеют возможность при желании начинать свою научную родословную с палеоэтнолога Петри (оставив в стороне споры о принадлежности к конкретным школам — исходно дочерним)! Впрочем, должно смотреть и глубже — к Черскому, Полякову, Кропоткину, Бестужеву!

Особый разворот темы о Петри: ученый и Забайкалье. В 1926 г. во время путешествия на озеро Косол в Монголию Петри избрал маршрут вдоль Селенги. Эта дорога позволила Петри непосредственно познакомиться с краем, которого он нередко касался в публикациях (Петри, 1926). Ему были известны стоянки, открытые у Кяхты и около Улан-Удэ и Читы (Петри, 1928). Совместно с Михно им опубликована заметка «Чикойский всадник» с анализом бронзовой пластинки, найденной у Троицкосавска (Михно, Петри, 1929). Он понимал, что в сравнении с Прибайкальем, с его Верхоленской Горой, Улан-Хадой, Китоем и Глазково, Забайкалье в плане изученности явно проигрывало. Наверное, поэтому Петри прямо рекомендует и активно содействует своим ученикам в проведении исследований в Забайкалье. Один за другим осваивают молодые археологи селенгинские просторы, открывая древние стоянки и публикуя труды, отмеченные не только собственным талантом, но и несущие творческий дух, традицию, да и, прямо скажем, «руку мастера» (заметим при этом, что выправляя робкие строки начинающих, Петри никогда не ставил свою фамилию в число авторов).

Что же было конкретно сделано в Забайкалье учениками Петри, еще в то время, когда он мог направлять их деятельность или, по крайней мере, познакомиться с ее результатами?

В 1924 г. студент ИГУ Г. Ф. Дебеч, получив от ГАИМК по ходатайству Петри «открытый лист» (Ивашина, 1979, с. 11), совершил несколько маршрутов по Забайкалью: от Улан-Удэ до Читы вдоль р. Уды, включая долину р. Брянь, по Селенге на юг до Кяхты, по берегам Еравнинских озер и озера Котокель, а также изучил коллекции Кяхтинского и Читинского музеев (Дебеч, 1925а, б, 1929, 1939). В публикациях Дебеча впервые для Забайкалья применяется термин культура, под которым понимается устойчивая совокупность археологических элементов. Предпринимается попытка картирования культурных элементов и определения ареалов их распространения. Собственно неолитическая культура Забайкалья, распространенная на территории от Байкала до Амура, называется даурской. Она сравнивается с одновозрастной Ангарской культурой. Даурской культуре в Забайкалье предшествует селенгинская. Ее следы зафиксированы только в одном локальном районе — около Кяхты.

Возраст культуры условно определяется как раннеолитический с возможным удревнением до конца четвертичной эпохи и сближением с культурой Верхоленской Горы (Дебеч, 1930, с. 164). За археологическими культурами Дебеч видит реальные этнические группы, развивающиеся во времени и взаимодействующие между собой. «Палеоэтнологический этюд» (подзаголовок в одной из публикаций Дебеча, 1930) приводит его к мысли о том, что «история человеческой культуры протекает не в виде параллельного процесса однородного и независимого в различных этногеографических группах, а является в значительной мере синтезом эволюции и взаимодействия отдельных групп, из которых каждая представлена в общем процессе, как необходимое звено» (1930, с. 151). В статьях Дебеча забайкальская археология приобщается к проблеме этно- и культурогенеза, считающейся одной из важнейших в настоящее время.

В 1926 г. в низовьях Селенги, в тех местах, где начинается ее прителевая часть, побывал 18-летний А. П. Окладников (1927, с. 102—105; 1928, с. 63—69). Его визит в окрестности сел Кабанск и Фофаново был весьма результативным. Молодой археолог зафиксировал несколько разновременных стоянок, неолитическое погребение и петроглифы. Наиболее богатые находки были сделаны на Фофановой горе. С тех пор она стала одним из мест в Забайкалье, где археологические исследования периодически возобновлялись. В 1931, 1934—1936 гг. на Фофановой горе исследовал погребения М. М. Герасимов, начавший в то время разработку метода восстановления лица по черепу (Герасимов, 1941). Он упоминает также о двух стоянках, предшествующих неолиту (Герасимов, 1941).

Еще один ученик Петри — Г. П. Сосновский, возглавил археологическую экспедицию в Бурят-Монголию в 1928—29 гг. По результатам первого года исследований Сосновский сообщал, что пройдено «600 км маршрута, раскопано 52 погребения, частично 1 городище, 1 стоянка, 1 пещера и добыт материал с 15 дюнных стоянок». Во второй год «раскопано 90 могил, 1 землянка, 1 стоянка и добыт разнообразный подъемный материал с дюнных песков по берегам р. Селенги, в долине рр. Чикоя и Джиды». (Сосновский, 1929, 1930). Упомянутая стоянка — это Нижняя Березовка, где был поставлен шурф площадью 9 кв. м. (Ивашина, 1979, с. 36).

Большинство памятников, открытых Сосновским, относится к эпохе металла (Сосновский, 1936, 1940, 1947). К позднему неолиту и энеолиту отнесены каменные орудия микролитического облика, керамика с гребенчатым и штриховым орнаментом, а также погребения с бусами из белой кости. Особое внимание Сосновский уделил проблеме забайкальского палеолита. К этой эпохе он отнес ряд стоянок с подъемным материалом — Номохоново, Зарубино, Харанхой и др. (Сосновский, 1928, 1932, 1933, 1934, 1940). Назвав их палеолитическими, он не был уверен в том, что люди, оставившие их, были современниками мамонтов, носорогов, винторогих антилоп и страусов (Сосновский, 1932, с. 21). «Геологически забайкальский палеолит возможно датировать или самым концом ледникового периода или началом послеледникового» (Сосновский, 1933, с. 35). Сосновский полагал, что забайкальская палеолитическая индустрия близка к восточносибирскому и северо-китайскому палеолиту» и отмечал «общие типы орудий для Селенги, Ордоса, Енисея, Прибайкалья (Сосновский, 1933, с. 36). Среди них назывались остроконечники, скребла, концевые скребки, пластины с ретушью, диски-нуклеусы, нуклеидные орудия, провертки. Ближе всего, по его мнению, забайкальские палеолитические

стоянки к Верхоленской горе и Бадаю в Прибайкалье (Сосновский, 1933, с. 37).

Начиная с исследований Сосновского Забайкалье постепенно рассматривается как одна из областей сибирского палеолита.

Подводя итоги изучению древностей в Забайкалье в 1920—30-х годах отметим, что открытие Иркутского университета и деятельность профессора Петри стимулировали научные исследования в Восточной Сибири и, в частности, в Забайкалье. Данный момент вытекал из виду историками науки. Имя Петри в забайкальской историографии фактически отсутствовало. Оно было заслонено именами его учеников. Фактически в рамках забайкальских экспедиций они прошли путь научного становления и в полной мере заявили о себе как профессионалы. Можно сказать, что забайкальская земля стала для молодых исследователей школы Петри своего рода стартовой площадкой для крутого взлета к вершинам науки. Вместе с Петри и его учениками в археологию Байкальской Азии вошла европейская школа археологии с ее методическими подходами и научной проблематикой.

Археологические исследования в Забайкалье в 1920-х годах стыкуются с историко-этнографическими. Особенно показательны научные сочинения бурятского ученого, востоковеда Г. Ц. Цыбикова, опубликовавшего статьи «Культ огня у восточных бурят-монголов», «Цагалган», «Шаманизм у бурят-монголов» (Цыбиков, 1927, 1981). Он обращается к проблемам характера и генезиса религиозных верований и праздников бурят, возводя их корни к родовому строю. Два потока научной мысли — от древности к современности, идущий от археологии, и противоположный по направленности, связанный с этнографией, дополняют друг друга, актуализируя результаты исследований и раскрывая новые горизонты поиска.

ВЛАДИМИР ОБРУЧЕВ: СТРОЕНИЕ И ВОЗРАСТ ЧЕТВЕРТИЧНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ

Движутся навстречу и еще две науки — археология и геология. Несмотря на разветвленный характер древних стоянок, археологи пытаются обнаружить хотя бы незначительные зацепки в определении стратиграфических условий их залегания (Дебец, 1930; Сосновский, 1932, 1933). В свою очередь все более разветвленными становятся геологические работы в Забайкалье. Продолжается деятельность Владимира Афанасьевича Обручева. Он внес исключительный вклад в разработку проблем четвертичной геологии, заложив основы современных подходов и оценок. Посвятив не-

сколько лет изучению геологии зоны забайкальского участка транссибирской железной дороги. Обручев непосредственно осматривал многие разрезы отложений вдоль берегов Селенги и Хилка в тех местах, где в дальнейшем обнаружены древние памятники. Археологи между тем в своих историографиях дела и открытия В. А. Обручева близоруко не замечают (не помогает даже «Земля Санникова» — своеобразный поклон геолога исследователям первобытных культур!). Напротив, в геологических трудах заслуги Обручева оцениваются по достоинству, в том числе отмеча-

ется концептуальное значение его выводов для понимания среды обитания древнего человека. Заметим, что итоговые исследования о четвертичной геологии и геоморфологии Забайкалья созданы Обручевым в 1920—1930-х годах (1929, 1931, 1938). В это время к исследованиям в Забайкалье подключаются Н. А. Флоренсов, П. И. Налетов, высказывающие важные соображения о строении и возрасте четвертичных отложений (см. Базаров, 1962, с. 46—48). Один из геологов — Н. П. Михно (сын краеведа П. С. Михно) — обращается к анализу строения и соотношения речных террас в долине Селенги. Он нашел новые стоянки с отдельными артефактами и костями животных в разрезах отложений, а некоторые предложил датировать весьма ранним временем — последним межледниковьем (см. Абрамова, 1953, Окладников, 1961). Несмотря на очевидную ошибочность такого датирования, общие подходы Михно несомненно заслуживали внимания, но его работа осталась в рукописи.

Те же проблемы, но только в общесибирском масштабе, разрабатывает В. И. Громов. Используя геолого-палеонтологические наблюдения, он приходит к выводу о принадлежности палеолитических стоянок Северной Азии к трем возрастным группам (Громов, 1948). Из забайкальских материалов ему в тот период знакома голоценовая фауна

с Нижней Березовки (Ивашина, 1979, с. 37).

Актуальность поднимаемых проблем, касающихся возраста, особо подчеркивалась появлением большой статьи известного путешественника В. К. Арсеньева «Ледниковый период и первобытное поселение Восточной Сибири», впервые изданной во Владивостоке в 1929 г. В ней он размышляет: «По существу мы только типологически можем относить каменные орудия Восточной Сибири к той или иной эпохе первобытной культуры, а по времени это было совсем недавно. Тут в наличии будут и ледниковые отложения, и соответствующие растительные остатки, и кости делювиальных животных, словом — все необходимые условия залегания и вся та обстановка, которая требуется для палеолита, но время другое... Сибирский палеолит совсем молодой, а неолитические каменные орудия относятся к XVII, XVIII и даже к концу XIX столетия» (Арсеньев, 1948, с. 127—128). Эти высказывания Арсеньева смыкаются с прежними соображениями Талько-Грынцевича, считавшего, что каменный век, возникший в древности, существовал в дальнейшем наряду с эпохой бронзы и железа, вплоть до последнего времени (Талько-Грынцевич, 1900, с. 3).

Старые подходы вступали в противоречие с новыми, но вместе с ними образовывали реальную картину жизни науки во всех ее сложностях и противоречиях.

АЛЕКСЕЙ ОКЛАДНИКОВ: ТРИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОИСКОВ И ОТКРЫТИЙ

В предвоенные годы экспедиционные дороги ученых по разным причинам обошли Забайкалье, а военное время заставляло заниматься более насущными жизненными задачами. Возобновление исследований относится к 1947 г. Оно связано с именем Алексея Павловича Окладникова. С этого времени на три с лишним десятилетия он становится ведущим специалистом в области забайкальской археологии — от камня до средневековья. Первооткрыватель Тешик-Таша и Бурети, поставил перед собой задачу и в Забайкалье найти памятники со стратифицированными культурными слоями. Это далось нелегко. Первые два года — 1947 и 1948 — ушли на рекогносцировку в долине Селенги и сборы подъемного материала на уже известных и новых стоянках. Среди новых стоянок наибольший интерес представляло Няньги, где было найдено около 400 артефактов (Окладников, 1948а, б, 1949, 1950а, б, 1960). Третий год экспедиции — 1949 — подвел к необходимости раскопок на Нижней Березовке, открытой еще в 1926 г. В. В. Поповым и представленной материалом с керамикой (Окладников, 1949, 1951а, б, 1952а; Ивашина, 1979). В 1950 г. ис-

следование Нижней Березовки продолжалось (Окладников, 1951). В 1951 г. удалось выявить долгожданный памятник с палеолитическими культурными слоями — Ошурково. Его исследование проводилось в 1952, 1953 и 1958 г. Ошурково стало считаться эталонным памятником забайкальского палеолита (Окладников, 1952б, 1953, 1957). В 1958 г. Окладников совершил маршрут от Читы до Улан-Удэ, открыв в долине Уды Санный Мыс — новый многослойный памятник с 4-мя культурными слоями, в том числе тремя палеолитическими (Окладников, 1958, с. 204—207). В 1968 г. на Санном Мысе были организованы раскопки на значительной площади, позволившие определить его как семислойное поселение, а в слое 6 расчистить первое в Забайкалье палеолитическое жилище (Окладников, 1971). В 1973—74 гг. Окладников изучает крупное палеолитическое поселение Варварина Гора (Окладников, 1974). В 1976—1978 гг. раскапывается поселение близ Усть-Кяхты (Окладников, 1977, 1979, отчеты).

В 1975 г. Окладников впервые кратко упомянул стоянку Мухино, представляющую ранний неолит Забайкалья и стоянку Посольское,

характеризующую «следующий этап неолита» (наряду с Нижней Березовкой). Впрочем открыты эти стоянки были Окладниковым существенно раньше, соответственно, в 1959 и 1949 гг. и раскапывались (без публикации материала) П. Б. Коноваловым и Е. А. Хамзиной в 1959, 1962—1964 гг.

Свои представления о древней истории Забайкалья Окладников изложил в ряде обзорных статей. Важнейшими среди них являются: «Палеолит Забайкалья. Общий очерк» (1959), «Древнее Забайкалье (Культурно-исторический очерк)» (1975). Во взглядах исследователя на палеолит Забайкалья прослеживается определенное развитие. Опираясь на материалы Ошурково и подъемные селенгинские сборы, он полагал, что палеолитическая культура Забайкалья по возрасту — «мадлено-азильская», а по характеру однообразная, в ней тысячелетиями продолжали существовать устойчивые традиции (Окладников, 1959, с. 17, 21). Открытие Санного Мыса позволило затронуть вопрос об эволюции палеолитической культуры. Поначалу представлялось, что изменение культуры происходит весьма своеобразно, и в основе ее лежит индустрия из каменных изделий миниатюрных размеров (Окладников, 1958, с. 206—207; 1960, 1961, 1975). Этот этап сопоставлялся со временем существования поселений Мальта и Буреть в Прибайкалье. Дальнейшие раскопки на Санном Мысе подтвердили возможность эволюционных построений, но заставили иначе выстроить их направленность. К изначальному этапу теперь относится индустрия леваллуазского облика. В горизонтах 6 и 7 были найдены многочисленные, но выразительные каменные изделия — «массивные подтреугольных очертаний нуклеусы, крупные пластины, достигающие длиной до 16 см, орудия, изготовленные из этих пластин: ножи... и резцы срединного типа» (Окладников, 1971, с. 78, 80). Возраст этих горизонтов — около 40 тыс. лет тому назад (Окладников, 1972, с. 15—24). Следующий этап позднего палеолита представлен горизонтами 3—5 Санного Мыса, где найдены нуклеусы подпризматической и гобийской формы, отдельные леваллуазские нуклеусы, пластины, микропластинки, резцы на крупных сколах и пластинах, скребла и скребки из отщепов. Горизонт 2 этого же памятника датировался эпохой мезолита и сопоставлялся с Ошурково и Няньги, а горизонт 1 — с поздним неолитом (Окладников, 1971, с. 78—80).

Раскопки на Варвариной Горе укрепили Окладникова в правомерности положений о леваллуазском характере самых ранних проявлений неолита Забайкалья (Окладников, 1974, с. 215—216; 1974б, с. 338) Ему несомненно принадлежит приоритет во введении леваллуазской проблематики в палеолитоведении Сибири. (1966, 1968). Впервые она проявилась в статье «Палеолит Забайкалья»

(1959). Леваллуазские традиции Забайкалья выводились из Средней Азии и Монголии (Окладников, Ларичев, 1963, с. 78—79; Окладников, 1972а, с. 15—24; 1972б, с. 23—30; 1972в, с. 5—8). В одной из итоговых монографий Окладников выделил специальный раздел, посвященный леваллуазской проблеме в Центральной и Северной Азии (1981, с. 101—115). Галечная техника — по Окладникову — наиболее полно представляла себя на последующих этапах палеолита Забайкалья, прежде всего в Ошурково. Под галечной техникой понималось «выраженное стремление выделывать крупные орудия из целых или расщепленных речных галек» (Окладников, 1975, с. 8). Технику микронуклеуса он выводит из леваллуазской техники (Окладников, 1974, 1981) полагая, что торцовые (гобийские, клиновидные) микронуклеусы получают широкое распространение в период от 15 до 10 тыс. л. н. (Окладников, 1981, с. 110—115, Окладников, Кириллов, 1980, с. 170—171).

Забайкальский палеолит воспринимался Окладниковым как составная часть единокультурного палеолита Северной и Центральной Азии. Только для двух сибирских памятников — Мальты и Бурети — допускалось исключение: они «дают представление не об определенном звене исторического процесса, а всего лишь о ярком и внушительном, но изолированном эпизоде, вклинившемся 20—21 тыс. лет тому назад в историю автохтонного населения Прибайкалья. Вполне закономерно видеть исторические корни этой культуры не на Востоке, а на западе Евразии» (Окладников, 1981, с. 114).

Как известно, Окладников в программных построениях не выделял мезолит в самостоятельную эпоху. Его концепция основывалась на эпипалеолитическом варианте развития. Типичная палеолитическая культура Сибири, сложившаяся в послемальтинское время (позже 25 тыс. л. н.), продолжала существовать практически в неизменном виде вплоть до появления неолитических комплексов с керамикой. В то же время внутри этой культуры, по характеру макролитической, вызревают новые элементы. Благодаря этому сибирский палеолит в очень короткие сроки сменяется неолитом. Только самый конец палеолита, когда уже, по сути дела, сформировалась неолитическая по облику культура, но еще не было керамики, возможно назвать мезолитом. Определяя путь развития сибирских культур как эпипалеолитический, Окладников противопоставлял его европейскому, по характеру микролитическому.

Впервые проблема перехода от палеолита к неолиту в Сибири была затронута Окладниковым в 1938 г. Уже тогда он отмечал макролитический характер каменной индустрии сибирских памятников, сохраняющийся вплоть до неолитического времени, противопоставляя

его микролитическим индустриям Европы. В совокупности известных в то время сибирских материалах им использовались и селенгинские коллекции из подъемных сборов Сосновского (Окладников, 1938). Эти положения были развиты Окладниковым в 1950 г. в связи с анализом генезиса прибайкальского неолита. На этом этапе исследователь датировал позднейшие палеолитические комплексы Сибири 8—6 тыс. до н. э. «Везде, где бы это ни было — на Лене, Ангаре, Енисее или Селенге — во всех памятниках одинаково доминируют специфические массивные скребла, представленные в многочисленных, повсюду повторяющихся вариациях, в основном полулунной «мустьерской». Повсюду встречаются сходные «арханчского» типа изделия и своеобразная «мустьероидная» техника их изготовления (Окладников, 1950, с. 144). Полную разработку взгляды Окладникова нашли в его статье «К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части (Сибирь и Средняя Азия, опубликованной в одном из сборников МИА (1966, с. 212—223). В этой статье автор использовал материалы раскопок на поселении Ошурково.

В «Истории Сибири» (т. I, 1968), созданной под руководством А. П. Окладникова, принята и изложена его концепция сибирского эпипалеолита в прямом противопоставлении европейскому мезолиту.

Исходя из приведенных дат публикаций — 1938, 1950, 1960, 1968 — отчетливо устанавливается устойчивость взглядов Окладникова на изложенную проблему.

Однако, в дальнейшем Окладников потерял полную уверенность в правомерности своих построений. Сначала от Сибири был «отделен» Дальний Восток, где была выделена мезолитическая эпоха (Окладников, 1977, с. 115—120). Затем «мезолитические допуски» были сделаны в связи с публикацией монгольских материалов, как в отношении самой Монголии, так и соседней, «родственной» Сибири (Окладников, 1981). Один из этапов позднего палеолита этого региона считается возможным называть «в хронологическом смысле» (там же, с. 114) мезолитическим, причем с весьма ранними датировками — «от 15 до 12—10 тыс. лет» (там же, с. 115). Данные положения вступали в явное противоречие с основной концепцией, но самим автором на это обстоятельство внимание не акцентировалось и даже формально не отмечалось.

Неолитическая эпоха в научном творчестве Окладникова применительно к Западному Забайкалью — в сравнении с донеолитической эпохой этого края и при сопоставлении с исследованием неолита соседнего Прибайкалья — занимала более скромные позиции. О неолитических стоянках бассейна р. Селенги (Мухино, Нижняя Березовка) исследователь опубликовал только краткие сведения, допол-

ненные наметками периодизации. Впрочем, следует признать, что немалое влияние на оценку селенгинского неолита оказало разработка Окладниковым проблем прибайкальского неолита, нашедших отражение в 2-х томной монографии «Неолит и бронзовый век Прибайкалья» (1950, 1953), а затем и в 4 книгах с публикацией «погребальных» источников (1974, 1975, 1976, 1978).

Окладниковым была предложена периодизация с последовательной сменой шести этапов: хиньским, исаковским, серовским, китойским, глазковским. В дальнейшем хиньский этап был связан с «переходным от палеолита к неолиту» временем (Окладников, 1974). За неолитом остались исаковский, серовский и китойский этапы. Глазковский и шиверский представляли эпоху бронзы.

Данная периодизация создана, в основном, по материалам ангарских погребений, но при этом использовались и результаты раскопок могильников на селенгинском Фофаново, где были выявлены китойские, глазковские и шиверские погребения. «В результате стало возможным представить историю древнего Прибайкалья в неолитическое время на всей его обширной территории, занимающей лесные области Сибири, расположенные между Енисеем на западе и Селенгой на Востоке, между Витимом на севере и Улан-Удэ на юге, как единый и целостный исторический процесс, охватывающий несколько тысячелетий» (Окладников, 1974, с. 7).

Сопоставляя археологические и этнографические материалы, Окладников приходит к выводу, что на территории Прибайкалья и Забайкалья, а также в Монголии и Северной Маньчжурии обитали родственные племена охотников и рыболовов неолита и ранней бронзы, составившие пратунгусскую общность, от которых происходят эвенки, эвены и юкагиры (Окладников, 1953, с. 8). Впервые была осуществлена увязка археологии каменного века Сибири «с историей конкретных народов нашего времени» (Окладников, 1974, с. 7—8).

В целом, благодаря усилиям Окладникова селенгинская археология обогатилась новыми полноценными памятниками, такими как Ошурково, Санный Мыс, Нижняя Березовка, Мухино, Фофаново. Изучение культурных слоев поселений и погребальных комплексов позволили выявить характер и направленность развития древнего населения этих мест, вписать древнюю забайкальскую историю в общесибирский контекст.

Существенный момент в научно-организационной деятельности Окладникова состоит в том, что он стал привлекать к исследованию древних стоянок геологов. Н. А. Флоренсов представлял заключение по Ошурково и Санному Мысу. На Санном Мысе также изучали разрез И. А. Волков и Д. Б. Базаров. Базаров открыл Варварину Гору (Базаров, 1968) и со-

общил об этом Окладникову; в дальнейшем он составил заключение о геологическом возрасте его культуросодержащих отложений (Окладников, Флоренсов, 1961; Флоренсов, 1971; Базаров и др., 1982).

По всем памятникам, исследованным Окладниковым, выполнено определение остеологического материала, а по Ошурково, кроме списков фауны, дана развернутая палеонтологическая характеристика, позволившая полнее понять результаты и характер охотничьей деятельности обитателей стоянки (Бибикова, Верещагин, Гарутт, Юрьев, 1953). Приобщение геологов к забайкальскому палеолитоведению открыло для них возможность изучать разрезы древних поселений самостоятельно, вне рамок археологических раскопок. В 1969 г. разрез Ошурково расчистил С. М. Цейтлин, при этом не только составил его детальное описание, но и отобрал пробы на радиоуглеродный и спорово-пыльцевой анализы. Полученная дата 10900 ± 150 соответствовала геологическим выкладкам (Цейтлин, 1979). Впервые для древнего забайкальского поселения выполнена палинологическая аналитика (Цейтлин, Голубева, 1977).

На Санном Мысе Цейтлин определил геологический возраст отложений, вмещающих семь культурных горизонтов. Нижние горизонты им датированы иным возрастом, чем Окладниковым. Разрезы Санного Мыса и Ошурково вошли в книгу Цейтлина «Геология палеолита Северной Азии» (1979), являющуюся фундаментальным вкладом в науку, формирующуюся на стыке четвертичной геологии и первобытной археологии. Развивая подходы и взгляды Громова, Цейтлин выделил в книге раздел, посвященный методическим основам определения геологического возраста палеолита. В нем рассмотрены наиболее эффективные методы исследования, в том числе основанные на определении закономерностей в позициях погребенных почв и криогенных деформаций. На базе климатостратиграфической теории формирования накоплений речных террас Цейтлин разрабатывает вопрос о характере осадконакопления и хронологических рамках позднелайстоценовых террас речных долин Южной Сибири.

Собственное мнение на возраст отложения Санного Мыса изложили Э. И. Равский, А. П. Александрова, Э. А. Вангенгейм, включив анализ геологии и палеонтологии этого памятника, а также Ошурково в свои обобщающие труды, посвященные общесибирским проблемам (Равский, Александрова, Вангенгейм, Гербова, Голубева, 1964; Равский, 1972; Вангенгейм, 1977).

Приложение усилий к изучению одних и тех же объектов способствовало сближению задач четвертичной геологии и первобытной археологии в рамках осуществления региональных научных программ. Будучи руководителем и ве-

дущим сотрудником ЛОИА, АН, а затем ИИФФ СОАН, Окладников фактически выступал координатором этих программ. Он же способствовал появлению оперативной информации о проведенных полевых исследованиях через центральные и местные издания. Следует отметить, что при немалом внимании к Забайкалью этот район был только одним из многих в масштабной полевой деятельности Окладникова, охватывающей Северную, Среднюю и Центральную Азию. От Копет-Дага до Чукотки им были открыты сотни археологических памятников. Может быть именно поэтому не состоялись монографические публикации Окладникова по селенгинским поселениям, не появились и сколько-нибудь полные публикации археологических коллекций. Отсутствие статистических данных, типологических таблиц, графических материалов существенно затрудняет понимание характера древних памятников Забайкалья. В обобщающих публикациях забайкальская археология каменного века продолжала играть вспомогательную роль. Весьма показательна в этом отношении структура первого тома «Истории Сибири» (1968), посвященного ее древностям. В ней нет разделов, специально отведенных эпохе камня в Забайкалье. Весь каменный век этого региона отражен в нескольких абзацах, занимающих в общем одну страницу. Фактически между Прибайкальем и Амуром образовался зияющий провал, своего рода «terra incognita» (Формозов, 1974, 101).

Касаясь вопросов методики полевых исследований, применяемой Окладниковым, заметим, что ему принадлежит заслуга в постановке первых обширных раскопок на древних поселениях Забайкалья и применение послойно-поквадратной фиксации находок. Однако практикуемая система разборки отложений «на штык» (см. напр. Окладников, Хамзина, 1958) не позволяла провести точного разграничения культурных слоев между собой и затрудняла определение их геологической позиции. Методика, применяемая Окладниковым, была усовершенствована им при раскопках Варвариной Горы, о чем свидетельствуют его публикации и полевые отчеты. На этом поселении была сделана удачная попытка выявить поверхность обитания с жилищными и хозяйственными структурами, стали применяться нивелировочные промеры (Окладников, 1973, 1978, отчеты).

Многочисленные экспедиции Окладникова в Забайкалье, выстроенные во временную цепочку с 1947 по 1982 гг., стали полевой школой для большой группы исследователей. Ее прошли З. А. Абрамова, А. Д. Столяр, Н. Н. Диков, С. Н. Астахов, В. Е. Ларичев, А. П. Дервянко, Р. С. Васильевский, Е. А. Хамзина, П. Б. Коновалов, И. И. Кириллов и др. Ученники и младшие коллеги Окладникова внесли существенный вклад в изучение древней культуры Забайкалья и других регионов страны.

В этом отношении особо показательны исследования З. А. Абрамовой. В одной из своих статей (из сборника, посвященного 60-летию Окладникова) она вспоминала: «Моя первая встреча с палеолитом Сибири произошла 20 лет назад, когда А. П. Окладников, отступив от своего обычного правила, впервые согласился взять на археологическую практику девушек-студенток. В те трудные послевоенные годы численно небольшая и плохо оснащенная Бурят-Монгольская археологическая экспедиция под руководством А. П. Окладникова проделала огромную работу по комплексному археологическому исследованию территории Бурятской АССР. Особенно много было сделано в области изучения палеолита. На лодках, пешком, на открытой машине обследовались не только берега Селенги от монгольской границы до Байкала, но и частично долины рек Уды, Джиды, Хилка, Чикоя, осматривались и изучались ранее известные пункты. В этот год было обнаружено свыше 30 новых палеолитических местонахождений» (З. А. Абрамова, 1970). Материалы забайкальских экспедиций 1949—1950 гг. легли в основу дипломной работы студентки ЛГУ З. А. Абрамовой «Первоначальное заселение человеком Забайкалья», защищенной в 1951 г. Дипломная работа сохраняется в рукописи у автора, но к ней неоднократно обращались историографы (см. напр. В. Е. Ларичев, 1972, с. 45—96). В ней подробно описаны более 40 палеолитических стоянок бассейна Селенги. Фактически дипломная работа является наиболее полным сводом археологических источников по данной теме. Уже в первой опубликованной работе З. А. Абрамова подошла к палеолиту Забайкалья с несколько иных позиций, чем А. П. Окладников. Анализируя подъемный материал с кяхтинских стоянок, она наметила два комплекса: 1) с крупными архаическими формами каменных изделий; 2) с маленькими изделиями, изготовленными из того же материала (пластинки, нуклеусы-скребки, скребки). В дальнейшем З. А. Абрамова обратила внимание на тот факт, что листовидные двустороннеобработанные наконечники известны только на юге Забайкалья (Селенгинская Даурия), тогда как в Ошурково они отсутствуют (З. А. Абрамова, 1966, с. 55). С открытием Санного Мыса З. А. Абрамова отметила, что эта стоянка, как и Икарал (Восточное Забайкалье), «существенно выпадает из селенгинского комплекса, что позволяет говорить о двух забайкальских традициях — «западной (селенгинской) и восточной (Санний Мыс и Икарал)» (З. А. Абрамова, 1970, с. 12, 16). Все эти наблюдения были сформулированы в положении: «Забайкальский палеолит в своем хронологическом развитии не представляет единого целого, а имеет различные культурные традиции» (Абрамова, 1966, с. 55). Так стала формироваться

новая парадигма, суть которой состоит в выделении палеолитических культур. В наиболее полной форме она проявится в характеристике Абрамовой афонтовской и кокоревской культур, существовавших на Енисее (Абрамова, 1966, 1969, 1971, 1975а, б, 1979а, 1979б).

В той же Бурят-Монгольской экспедиции, что и Абрамова, начинала археологическую деятельность Е. А. Хамзина. Ее дипломная работа была посвящена стоянке Нижняя Березовка, которую она раскапывала в составе экспедиции в 1949—50 гг. В последующие годы (1959, 1964) Хамзина проводила раскопки на стоянке Посольское на берегу Байкала. К сожалению, об этом в печати появились только краткие и поздние сообщения (Хамзина, 1973, 1982). Одновременно проводились сведения о Нижней Березовке. Обе стоянки характеризовались как двухслойные, относящиеся к неолиту и бронзе.

С экспедицией А. П. Окладникова многие годы сотрудничал историк-востоковед из Читинского пединститута М. И. Рижский. В 1958 году он, совместно со студентами, принимал участие в раскопках Ошурково. В 1965 г. им опубликована увлекательная научно-популярная книжка «Из глубины веков», в которой первая глава посвящена забайкальскому палеолиту. Ему принадлежит также рукописное учебное пособие «Древнее Забайкалье», непременно изучавшееся студентами по курсу отечественной археологии.

Итоги исследований в селенгинском бассейне нашли отражение в справочнике «Палеолитические местонахождения СССР», изданным Н. А. Береговой в знаменитой академической серии «Материалы и исследования по археологии» (Береговая, 1960). В форме краткого описания, под номерами 427—467 представлены забайкальские стоянки, расположенные в полосе между Кяхтой на границе с Монголией и дельтой Селенги, и отмеченные на выразительной археологической карте.

В 1960-е годы большим коллективом ученых велась работа над многотомной «Историей Сибири», начинающейся с палеолитического первозаселения территории. Рабочий макет первого тома (1964) вызвал оживление дискуссии по всем направлениям исследований. В завершённом виде «Древняя Сибирь» под общей редакцией А. П. Окладникова увидела свет в 1968 году. В общий контекст сибирской истории оказались внесенными памятники селенгинского бассейна—Санний Мыс, Ошурково, Няньги, Усть-Кяхта.

Историографический труд по палеолиту Северной, Центральной и Восточной Азии подготовлен и защищен как докторская диссертация В. Е. Ларичевым. В нем найдено отражение история исследования забайкальского палеолита — от кяхтинского краеведа А. П. Мостица до профессора А. П. Окладникова и его раскопок в Ошурково в 1951 году. Опубликован-

ный в виде двухтомника (1969, 1972), он стал настольным изданием для молодых исследователей сибирского палеолита. Имена европейских и азиатских ученых, с их фотопортре-

тами, сведениями из биографии, анализом взглядов предстают со страниц этих книг как достойный раздел мировой археологии.

НОВЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЙ

Начиная с 1970-х годов постепенно расширяется круг исследователей, занимающихся изучением древней истории восточной провинции Байкальской Азии; публикуются теоретические труды, включая монографии; вводятся в научный оборот результаты раскопок, как новых, так и проведенных в предыдущее время.

В 1975 году появилась статья о раскопках М. М. Герасимова на Фофаново в 1959 году (Герасимов, Черных, 1975). В тот год было изучено 41 погребение, из них семь датированы неолитом. В статье приведены планы и разрезы погребений, детально характеризован обряд погребений, сделаны важные стратиграфические наблюдения, установлена относительная хронология погребений. Самые ранние погребения синхронизированы с китойской культурой Прибайкалья и отнесены «тем самым к финальной стадии неолита в этом районе Сибири» (там же, с. 45). Такая точка зрения Герасимова на возраст китойской культуры несколько неожиданно разошлась с его же позицией, изложенной ранее в более развернутой форме в капитальном труде «Восстановление лица по черепу» (1955), где сообщалось, что китойский этап, если его воспринимать по Окладникову, «разрывает стройную картину единого развития материальной культуры Прибайкалья. Он как бы врежется инородным телом между серовским и глазковским этапами, не обнаруживая элементов перехода от серовского к глазковскому этапу. Китойский этап не имеет преемственной связи ни с предшествующим, ни с последующим этапом истории. Такое внедрение инородной культуры можно объяснить только вторжением нового населения на данную территорию, что вряд ли вероятно». В то время Герасимов считал, что китойский этап логичнее поместить перед исаковским, а не после серовского этапа, поскольку черепа китойского типа несут в себе черты недифференцированного протомонгольского типа, наиболее архаичного в пределах неолита (там же, с. 445—450).

Полноценный антропологический материал, сохранившийся в погребениях Фофановой горы и других мест, позволил Герасимову совместно с учениками исполнить несколько графических и скульптурных портретов древних забайкальцев, отличающихся научной достовер-

ностью и художественной выразительностью (см. Герасимова, 1973).

Антропологические материалы из погребений Байкальской зоны являются предметом обстоятельного изучения Н. Н. Мамоновой. По ее первоначальному мнению «китойская группа занимает промежуточное положение между серовской и глазковской, вклиниваясь между ними и являясь как бы инородной группой» (Мамонова, 1973, с. 25). В отличие от Герасимова «инородность» китойцев она определяет не ранним возрастом, а происхождением: «китойцы пришли в Прибайкалье с юго-востока — с территории Забайкалья» (там же, с. 27).

Точку зрения Мамоновой разделял В. Н. Чернецов. Рассматривая вопрос о неолитических этно-культурных ареалах в лесной и субарктических зонах Евразии, он большое внимание уделил «даурской культуре» (вспомнив, очевидно, старое название, предложенное Дебецем, 1926, 1930), полагая, что даурское проникновение приводит к сложению локальной в пределах верховьев Ангары китойской культуры» (Чернецов, 1973, с. 17).

Впечатляющие результаты по определению возраста древних погребений байкальской зоны достигнуты в последние годы, благодаря совместным усилиям Н. Н. Мамоновой и Л. Д. Сулержицкого. Более ста двадцати погребений из Забайкалья и Прибайкалья, классифицированные по антропологическим и археологическим признакам, были датированы по методу C^{14} с использованием в качестве проб костных останков человека. В результате установлено, что китойские погребения старше всех других групп погребений — исаковских, серовских, глазковских (единичные хиньские погребения не датировались). Периоды существования культур определились в следующем виде: «глазковская — конец IV — конец III тыс. до н. э., серовская — IV тыс. до н. э., исаковская — конец V — начало IV тыс. до н. э., китойская культура — VI тыс. до н. э.; «обособленное положение китойской культуры на хронологической шкале делает понятным отличие китойцев от более близких между собой серовцев и глазковцев» (Мамонова, Сулержицкий, 1989, с. 31). Наиболее древними среди китойских могильников оказались погребения из Фофаново, что «возможно... отражает связи Приангарья с Забайкальем, которые прослеживаются по данным кра-

ниологии (Мамонова, Сулержицкий, 1986, с. 17).

В 1979 г. была опубликована монография сотрудницы БИОНА (г. Улан-Удэ) Л. Г. Ивашиной «Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии». В основу исследования положены материалы стоянок и погребений из района Еравнинских озер, располагающихся севернее бассейна Селенги и связующихся с Витимом. Новые материалы подсказали задачу собрать воедино все сведения по неолиту и началу бронзового века Бурятии, при этом оказалось возможным привлечь отчеты о полевых исследованиях, архивные данные и фондовые коллекции. В книге Ивашиной отражены наиболее существенные, прежде неизвестные данные из истории раскопок и характере коллекций с поселений Нижняя Березовка, Посольское, Мухино.

Ивашина предложила периодизацию, пытаюсь совместить в ней прибайкальскую схему Окладникова и новые забайкальские материалы, как с погребений, так и стоянок. Периодизация состоит из пяти этапов: мухинский (ранний неолит), нижнеберезовский (развитый неолит), бухусанский (поздний неолит), фофановский (энеолит и ранняя бронза), карасукско-шиверский (бронза) (Ивашина, 1979).

В 1969—1972 гг. в Западном Забайкалье проводил разведки И. И. Кириллов во главе экспедиции Читинского пединститута. Они охватили Хилок и Чикой в их верхнем и среднем течении, в пределах Читинской области — там, где ранее археологи практически не бывали. Водные маршруты на байдарках открывали доступ к обоим берегам рек во все места, куда при других вариантах попасть было затруднительно. В результате удалось открыть не только большое число стоянок с подъемным материалом, но и перспективные памятники с культурными горизонтами, содержащими камень и керамику (Черемушки, Фомичево, Читкан, Н. Нарым). На этих памятниках были поставлены небольшие шурфы. Новые и старые западно-забайкальские материалы включаются Кирилловым в процессе анализа в более крупный регион, объединяющий все Забайкалье (за исключением его севера). Впервые западнозабайкальские материалы оцениваются не с прибайкальских, а, напротив, с восточных позиций. В предложенной Кирилловым культурно-хронологической шкале выделяется ряд этапов, в совокупности охватывающих эпоху камня. К первому, санномысскому этапу, он относит горизонты 6—7 Санного Мыса (здесь и далее подчеркнуты мною памятники из Западного Забайкалья), нижние слои Титовской сопки, Сухотино-1 и «недавно открытую на Хилке Толбагу». Заключительную стадию первого этапа представляет Сухотино-4. Этот этап датируется в пределах 40—20 тыс. л. н. Второй этап, Тан-

гинский, представлен горизонтами 3—4 Санного Мыса, Тангой, Икаралом, Чиндантом, Амоголоном (слои 3—4), Сохатино-2. Он «совпадает в хронологических рамках с сартанским временем — 22—10 тыс. л. н.». К третьему, ошурковскому, отнесены Ошурково, Няньги, Туринская, Доронинская-2 и др. «Материал в них залегает в супесях, датируемых позднеступнейстоценовым временем». Несколько стоянок — Санний Мыс (слой 2), Сухотино-3, Дакетуй, Ченгурук — датированы переходным от палеолита к неолиту периодом, «они заключают собой ошурковский этап в развитии палеолитической культуры» (Кириллов, Рижский, 1973, с. 33, 38, 43; см. также Кириллов, 1969).

Эпоху неолита и раннего металла, по данным Кириллова, представляли чиндантский, будуланский и доронинский этапы. Их эталонные памятники находятся в Восточном Забайкалье, на реках Ингода и Онон. Из числа западнозабайкальских стоянок в качестве конкретных аналогов назывались стоянки доронинского этапа: «в долине Чикоя: Качены, Нижний Нарым, Читкан; в долине Хилка: у г. Хилок, у разъезда Сосновка» (там же, с. 68). Для взглядов Кириллова этого времени характерно выделение единой забайкальской палеолитической культуры, существующей вплоть до неолита; мезолит, как самостоятельная эпоха, не рассматривался; «неолитическая культура Забайкалья возникает на местной почве, уходит своими корнями в местный палеолит» (там же, с. 43), внутри ее «четко» прослеживаются два локальных культурных варианта, которые мы предлагаем назвать ононским и ингодинским. Они, очевидно, входят в состав различных неолитических культур — монгольско-забайкальскую, прибайкальско-забайкальскую» (там же, с. 54).

Примерно, также как Кириллов, объединяет в единые забайкальские географические рамки территорию от Байкала до Амура московский археолог Ю. С. Гришин. Его основной труд носит название «Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья» (1981). Гришин использует периодизацию, предложенную Окладниковым (1970) и состоящую из трех этапов — мухинского, чиндантского и будуланского. Поскольку самостоятельных полевых исследований в Западном Забайкалье им не проводилось, он опирается на материалы уже известных стоянок и единичных погребений — Мухино, Нижняя Березовка, Новая Брянь, Усть-Кяхту-1, 2, Капчерангу, Тулту-Дабан, Кудара-Сомон. По не совсем понятным причинам из обзора полностью выпали Посольское и Фофановский могильник. Отчетливо бросается в глаза пестрая мозаичность подъемных материалов, с большой натяжкой распределяемых по этапам. Явно не хватает сведений статистического характера, упускаются из ви-

ду какие-либо стратиграфические привязки в позиции культурных слоев. Приводимые датировки строятся на отдаленных корреляционных связях.

Впрочем, все это относится не столько к исследованию Гришина, сколько к общему состоянию изученности западнозабайкальских памятников, особенно голоценовых. Повторения уже известного, дополняемые отвлеченными рассуждениями например, о самой ранней керамике или абсолютном возрасте этапов, отчетливо показывают отсутствие самого необходимого — стержневых памятников с падежной стратификацией и материалами, проработанными на достаточном статистико-типологическом уровне.

В 1970—90-х годах исследования древних памятников в Западном Забайкалье проводились автором монографии совместно с коллегами по экспедиции В. Ф. Немеровым, Л. В. Семиной, А. В. Константиновым, С. Г. Васильевым, В. К. Колосовым, В. В. Черепановым, О. В. Кузнецовым, М. Н. Мещеряковым, К. О. Шлямовым, Р. Г. Федотовым.

Основные усилия были направлены на поиск стратифицированных и, главным образом, многослойных поселений. Исследование памятников на обширных площадях позволило выявить жилища, очаги и другие конструкции, раскрывающие характер хозяйственного уклада и планиграфию поселений. Первое обобщение результатов исследований выполнено автором в кандидатской диссертации «Палеолит Хилка и Чикоя (юго-западное Забайкалье)», защищенной в ИИФФ СОАН в 1979 г. В основу диссертации положены материалы стоянок Толбага, Куналей и Студеное-1. В диссертации иначе, чем прежде решался ряд проблем забайкальского палеолита, подчеркивалась сложность и своеобразие его характера. Обосновывалась идея реальности существования отдельных культур (варварино-толбагинской, куналейской), высказывались соображения об их происхождении и месте в кругу сопредельных культур. Проводились различия между памятниками мустье (соседних территорий), начала позднего палеолита, конца позднего палеолита и мезолита. Возраст позднего палеолита юго-западного Забайкалья устанавливался в пределах от 35 до 12 тыс. л. н. Палеолит сменялся мезолитом, ранее исследователями не выделяемого. Особое внимание уделялось изучению техники обработки камня, при этом выявлена фрагментация пластинчатых основ орудий, ранее неизвестная в Северной и Центральной Азии (Константинов 1979).

В кандидатской диссертации автора отражалась только часть материалов, полученных в процессе полевых исследований. Так на многослойных поселениях, культуросодержащими были не только плейстоценовые, но и голоценовые отложения. Кроме того, за несколько

летних сезонов удалось поднять из нижних разрядов в более высокий ранг ряд стоянок, раскрыв их значимость и информативность. В экспедиционных работах теснее стали контакты с представителями смежных естественных наук. Все это вместе взятое позволило подготовить коллективную монографию «Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья», изданную к XI конгрессу ИНКВА в Москве (1982). Ее авторами являются геолог-четвертичник Д. Б. Базаров, геоморфолог Л. Б. Иметхенов, географ Л. Д. Базарова, палинолог В. В. Савинова, археолог М. В. Константинов. В монографии анализировались поселения Толбага, Куналей, Студеное-1, Студеное-2, Мельничное, Береговое, Фомичево, Читкан, Черемушки, Кандобаево, а также приводились обзорные данные по памятникам, исследованным А. П. Окладниковым — Санному Мысу, Варвариной Горе и Ошурково. В совокупности материалы этих поселений позволили осветить эпоху камня и бронзы, начиная с 35 тыс. лет и вплоть до наступления новой эры. Предложенная в монографии археологическая периодизация, основывалась на расчленении каменного века на три эпохи — палеолит, мезолит и неолит. Для Западного Забайкалья такой подход был новым, поскольку в самостоятельную эпоху выделялся мезолит — с особым характером каменной индустрии и хозяйственного уклада. Ранее мезолит вообще не замечался или же считался составной частью палеолита. Выделение мезолита позволило подчеркнуть неуклонность прогрессивного развития древнего забайкальского населения.

Для всех эпох подчеркивалась сложность и неоднородность этнокультурного развития; для палеолита выделялись культуры, для мезолита, неолита и бронзы намечались локальные варианты. Внутри всех эпох выделялись отдельные этапы. Широкое использование археологических данных при определении возраста плейстоценовых и голоценовых отложений позволило надежнее обосновать местные схемы стратиграфии четвертичных отложений. На основе сопоставления археологической и геологической периодизаций удалось разработать единую природно-историческую схему, показывающую соотношение природных и исторических событий и явлений в их изменении и развитии в пределах Западного Забайкалья.

Интенсивные полевые исследования, продолжающиеся на Хилке и Чикое, организуемые совместно археологами и геологами, позволили провести в 1986 г. Всесоюзную конференцию «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири». Конференция открылась в г. Улан-Удэ, а затем ее участники совершили 800-километровый маршрут с остановками и детальным знакомством с палеолитическими поселениями Толбага,

Присковое и многослойными поселениями Усть-Менза-1—5 и Студеное-1—2.

На поселениях были продемонстрированы стратиграфические разрезы делювиальных шлейфов и надпойменных террас (I—IV), общей длиной до 500 м и высотой от 3 до 9 м. В раскопах поселений совокупной площадью около 2000 кв. м были раскрыты 7 жилищ палеолита и мезолита, два погребения неолита и бронзы, а также очаги, рабочие площадки и другие хозяйственные элементы различных эпох. В конференции приняли участие представители 31 организации из 13 городов страны, в том числе археологи Ю. А. Мочанов, М. П. Аксенов, С. Н. Астахов, Н. Ф. Лисицын, С. А. Васильев, Н. И. Дроздов, В. И. Дьяков, О. В. Дьякова, О. И. Горюнова, А. Г. Генералов, Н. М. Черосов, А. М. Мацкевой; геологи С. М. Цейтлин, И. А. Волков, С. А. Архипов, В. В. Колпаков, И. Н. Резанов, А. М. Сизиков и др.; палеопедологи — Г. А. Воробьева, В. С. Зыкина, Г. А. Демиденко; палинолог А. И. Томская, палеонтолог А. А. Хамзина, антрополог Н. Н. Мамонова и др.

Непосредственно на древних поселениях и в экспедиционных лагерях заслушивались доклады и возникали дискуссии по многим теоретическим и методическим вопросам. В центре обсуждений оказались вопросы о возрасте и строении террас, датировке культурных горизонтов, морфологии жилищ, правомерности выделения перигляциального аллювия, динамике и характере ландшафтов позднего антропогена.

К конференции было выпущено два сборника тезисов (Улан-Удэ, 1986, ч. 1, ч. 2) и буклет «Памятники археологии Читинской области» (Чита, 1986), а после конференции — сборник статей (Улан-Удэ, 1987).

Полевая конференция стимулировала процесс исследований древних поселений в Забайкалье, акцентировала внимание на нерешенных вопросах, способствовала более интенсивному вовлечению забайкальских материалов в региональные схемы и обобщающие труды, сблизила интересы ученых различных специальностей. Конференция способствовала решению сложнейшей задачи по датированию древних поселений: участник полевых экскурсий Л. Д. Сулержицкий отобрал пробы на радиоуглеродное датирование со всех демонстрируемых памятников; ему же, в лабораторию ГИН, отсылались пробы в дальнейшем. В результате получено около 60 «абсолютных» дат (Базаров, Константинов, Базарова, 1985; Константинов, Семина, Колосов, Сулержицкий, 1989).

Ко времени конференции ее активными организаторами Л. В. Семиной и Л. Д. Базаровой защищены кандидатские диссертации.

Диссертация Семиной посвящена археологическим проблемам и имеет название «Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного За-

байкалья» (Ленинград, 1986). Исследование построено на материалах береговых поселений Усть-Менза 1, 2, 3, Студеное-1, Алтан, где в совокупности обнаружено 36 культурных горизонтов неолита и бронзы, а также Кристинкиной и Егоркиной пещер. Семиной удалось существенно уточнить стратиграфические позиции неолита и бронзы в разрезах отложений многослойных поселений. В отличие от авторов «Геологии и культуры...» (1982) она пришла к выводу, что представленные на всех поселениях каштановые подпочвенные слои содержат материал не позднего неолита, а ранней бронзы. Доказательство строилось на находках в этом слое редких, но достоверных изделий из бронзы, литейной формы, абразивных инструментов, кусков руды и т. д. Поздний неолит переместился на нижележащие стратиграфические уровни, потеснив соответственно средний неолит и уточнив позиции раннего неолита. В целом, это привело к переоценке характера неолита и бронзы и составляющих их этапов в исследуемом районе. Пещерные памятники содержали выразительный материал, характеризующий намеренно спрятанные в кладовочке вещи эпохи неолита (Егоркина пещера) и погребальный комплекс бронзового века (Кристинкина пещера).

Диссертация Базаровой разрабатывала проблемы геоморфологии и палеогеографии в рамках темы «Палеогеографические реконструкции эпохи обитания первобытного человека в Юго-Западном Забайкалье (по материалам исследования археологических памятников)», (Новосибирск, 1985). Ее автор, продолжая линию, избранную в монографии «Геология и культура...» (Новосибирск, 1982), внес весомый вклад в определение возраста древних поселений, что позволило уточнить стратиграфические схемы и геологическую периодизацию. Особенно существенные наблюдения выполнены в отношении голоцена. Палеогеографические реконструкции создавали основу для понимания среды обитания древних охотников и рыболовов в условиях конкретного региона.

В это же время был опубликован важный теоретический труд по геологии кайнозоя Забайкалья (1986). Он подготовлен Д. Б. Базаровым — основателем бурятской школы геологов-четвертичников, видным исследователем, безвременно скончавшимся годом раньше. В монографии, которая должна была защищаться им как докторская диссертация, рассматривались структурно-геоморфологическое районирование и структурно-формационные комплексы осадков Прибайкалья и Западного Забайкалья, дана стратиграфия кайнозойских отложений. Во многом по-новому излагались вопросы палеогеографии: ариадизация и континентализация климата, соотношение плювиальных и аридных периодов, аридных и перигляциальных зон и т. д. Отдав немало сил

изучению археологических памятников Забайкалья, Базаров с полным основанием опирался на результаты их изучения при изложении разделов стратиграфии верхнего плейстоцена и голоцена.

В 1992 г. А. В. Константиновым защищена кандидатская диссертация по теме «Палеолитические жилища Чикойско-Мензинской провинции Западного Забайкалья». В ней анализировалось 18 жилищ из аллювиальных горизонтов многослойных поселений Студеное-1, Усть-Менза-1, 2, 3, Косая Шивера, датированных в пределах 17—11 тыс. л. н. В диссертации представлен критический обзор истории исследования палеолитических жилищ Сибири, изложены принципы морфометрического, планиграфического и логического анализа остатков жилищ, выявлена строительная техника и архитектурные формы жилищ, рассмотрены вопросы палеогеографии и палеоэкологии в связи с условиями строительства и эксплуатации, моделируются трудовые затраты, необходимые для сооружения жилищ. Данная диссертация является первым для сибирского региона опытом тематического обобщения результатов изучения «жилищной проблемы», находящейся, как правило, в тени других аспектов палеолитоведения — хроностратиграфии, палеоэкологии, типологии, культурологии и т. д. (А. Константинов, 1992).

Наряду с исследованиями памятников в долинах Хилка, Чикоя и Мензы, археолого-геологическая группа читинских и улан-удэнских исследователей поставила перед собой задачу дать новую оценку ранее открытым поселениям на Уде, Селенге и Байкале — Санному Мысу, Мухино, Ошурково, Нижней Березовке, Посольскому. Это позволило правильно понять их геологическую и археологическую стратиграфию, возраст отложений и культурных горизонтов и, в итоге, подобрать ключи к совмещению новых и старых данных.

Результаты археологических исследований в Западном Забайкалье в 1970—80-х годах получили определенное отражение в публикациях обобщающего характера. В учебном пособии Кириллова «Восточное Забайкалье в древности и средневековье» (Иркутск, 1979) дана краткая характеристика Толбаги, Варваринной Горы и Санного Мыса (Слон 6—7). Они отнесены к «раннему палеолиту Забайкалья» с датировками «примерно, 40—35 тысяч лет тому назад» (с. 9). Второй этап палеолита связывался с сартанским оледенением и понимался как «тангинский этап палеолитической культуры Забайкалья» (с. 18). Среди стоянок селенгинского бассейна к этому времени приурочены слои 3—4 Санного Мыса. «Если в предшествующее время была возможна оседлость, о чем свидетельствует материал поселений раннего палеолита Забайкалья, то во второй период население переходит к кочевому характеру охоты. Этим, вероятно, объ-

ясняется и характерное измельчание орудий труда — теперь нужны были более легкие орудия» (с. 20). В самостоятельный раздел выделен «Мезолит Забайкалья». Мезолит оценивается как «переходный период от палеолита к неолиту» (с. 22). В противопоставлении с северными районами Европы, где «при господстве охоты усиливается роль собирательства и рыболовства, начинается приручение животных», в Сибири «продолжает существовать древний как в палеолите уклад жизни. Охота остается основным видом хозяйственной деятельности. Рыболовство играло явно вспомогательную роль» (с. 22—23).

К концу палеолита — началу мезолита (12—10 тыс. лет до н. э.) отнесены Ошурково, Няньги, Фомичево, Куналей, Дворцы. Собственно мезолитическое время представляет в качестве наиболее изученного поселение Нижний Нарым (Студеное), а также Дакета, слой 2 Санного Мыса и стоянки с верхнеамурского бассейна (с. 22—24).

Для характеристики неолита вновь используются материалы многослойного Нижнего Нарыма (Студеное) и Мухино. Поздний неолит считается возможным определять и как энеолит, поскольку на некоторых поселениях обнаруживаются «кусочек крицы» (Дворцы), медный рыболовный крючок (Молодовск) и медное шило (Антипиха) (с. 27—38).

В совместной монографии Окладникова и Кириллова «Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы» (1980) палеолитические памятники рассматриваются более подробно. Толбага, Варварина Гора и Санний Мыс представлены как памятники «мустьерского облика с характерными леваллуазскими приемами обработки камня» (с. 24), связанными «с третьими надпойменными террасами крупных забайкальских рек» (с. 51). Открытие жилищ на этих памятниках свидетельствует об «определенной оседлости» населения. Напротив, «во второй половине позднего палеолита население Забайкалья, видимо, переходит к кочевому образу жизни. Переходом к кочевой охоте объясняется, по всей вероятности, и отмеченное выше измельчание орудий труда» (с. 57). В числе памятников, характеризующих сартанскую эпоху, называется хилковский Куналей.

Все памятники палеолита Забайкалья рассматриваются авторами монографии в рамках забайкальской палеолитической культуры, входящей в единый забайкальско-монгольский палеолитический культурный регион» (с. 54). Ими намечены этапы развития забайкальской культуры, но отрицалась возможность выделения внутри ее локальных вариантов в силу отсутствия в Забайкалье четкого очерченных локальных районов с распространением единовременных палеолитических памятников разного типа», при этом «по меньшей мере неубедительными» признаются попытки выделить

разнокультурные, но единовременные памятники «в долине одной реки» (с. 55).

Мезолитическая эпоха в данной монографии не выделяется и вообще этот временной отрезок не рассматривается, в результате образуется разрыв между палеолитом и неолитом в несколько тысячелетий.

Неолит и бронза характеризуются полностью по материалам Ингоды и Онона, без привлечения западнозбайкальских материалов.

В докторской диссертации Кириллова «Восточное Забайкалье в древности» (1981), судя по автореферату, изложены, примерно, те же позиции, что и в рассмотренной монографии.

В дальнейшем Кириллов (1987) счел возможным изменить отчасти взгляды в отношении выделения культур в палеолите. Им опубликована статья, посвященная толбагинской культуре и ее месту среди культур сопредельных территорий.

Археологические памятники Западного Забайкалья нашли отражение в 20-томном издании «Археология СССР». В книге «Палеолит СССР» (1984) в разделе «Поздний палеолит Азиатской части СССР», подготовленном З. А. Абрамовой, дана характеристика Санного Мыса, Толбаги, Няньги, Куналея, Студеного, Ошурково (с. 317, 318, 323, 324).

В книге «Мезолит СССР» (1989) в разделе «Мезолит Юга Сибири и Дальнего Востока», написанном Л. В. Кольцовым и Г. И. Медведевым, излагаются данные по Студеному-1 (горизонты 10—13 (2) и Куналею (слой 2) (с. 184, 185).

В новом справочнике по палеолитическим местонахождениям СССР, составленном Н. А. Береговой, среди 767 памятников, открытых на территории страны в 1958—1970-х годах, представлены сведения о четырех стоянках с берегов селенгинских притоков (Береговая, 1984).

Более весомое представительство древние памятники Забайкалья получили в издании «Палеолит мира» в томе «Палеолит Кавказа и Северной Азии», где впервые выделен самостоятельный подраздел «Забайкалье» (1989, с. 210—223). Его автор Абрамова представила критический анализ всего круга палеолитических памятников региона и особо остановилась на вопросе о правомерности выделения палеолитических культур на забайкальских материалах. В частности, ею положительно оценены разработки, доказывающие существование толбагинской и куналейской культур.

Характеристика забайкальских материалов в названных трудах показывает, что исследования в Забайкалье органично вписываются в региональную мировую научную проблематику.

В заключение отметим, что детальный и пристальный историографический анализ «текущих лет», равно как и лично-значимые оценки исследователей ныне действующего поколения станут возможными только для будущих аналитиков, отстраненных от существующих взаимоотношений и усложняющей сиюминутности. Уже в силу этого наше изложение современного этапа историографии должно было стать сухим и выдержанным.

ГЛАВА 2

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ КАК ПРИРОДНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Древние поселения — опорный вид памятников археологии и истории. Это подтверждается всей теорией и практикой археологических исследований. Данное положение имеет также юридическое оформление, что отражено в действующем Законе РФ «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

Несколько иначе обстоит дело с тезисом о том, что древние поселения являются памятниками природы. Так в основах законодательства «О недрах» закрепляется охрана участков недр, представляющих особую научную и культурную ценность, которые могут быть объявлены в установленном порядке заповедниками, либо памятниками природы и культуры. Наряду с редкими геологическими обнажениями, минералогическими и палеонтологическими образованиями называются и археологические памятники, но при этом последние подлежат охране только как объекты культурного наследия, а не как уникальные банки данных о природных процессах. Подобное «ведомственное» разграничение характерно не только в юридической области. В научной сфере древние поселения, безусловно, относятся к объектам изучения археологической науки и не избалованы вниманием представителей естественных наук (Базарова, Константинов, 1987, Константинов, Базарова, 1988). В лучшем случае для обоснования возраста культурных горизонтов приводятся данные геолого-палеонтологического изучения. Вместе с тем еще В. И. Громов (1948) отмечал, что при изучении археологических стоянок важно не только установление геологического возраста, более существенна информация о физико-географической среде и хозяйственно-бытовых особенностях жизни древнего человека, которая позволяет проследить ход эволюции первобытного общества на фоне геологической истории. При комплексном изучении древних поселений исследователь получает богатую и разнообразную информацию не только по истории общества и человека, но и по истории природы.

Соединение в одном объекте исторической и естественно-природной информации состав-

ляет феномен, позволяющий воспринимать палео-мир в его реалиях, в которых многое основано на взаимодействии человека и природы.

В процессе изучения археологических памятников данные различных наук переплетаются столь тесно, что границы между ними стираются, образуя комплексную историко-природную дисциплину, определяемую нами как литоведение.

Древние поселения изучаются, как правило, методом раскопок на обширных площадях, хотя весьма редко площадь поселения вскрывается полностью: вполне справедливым можно считать мнение о том, что последующие поколения ученых должны иметь возможность составить собственное представление о памятниках, которые мы считали наилучшими или достойными внимания.

На наших памятниках площади вскрытия варьируют от 70—100 до 600—1000 кв. м, что определяется степенью изученности и сложностью строения. На любом из памятников (за исключением некоторых дюнных стоянок) площадь раскопок можно увеличить многократно.

В ходе раскопок, ведущихся по системе прямоугольных полей и четко обозначенных в пространстве структур, возникают многочисленные вертикальные стенки, иначе определяемые как профили или разрезы, отражающие характер, последовательность и взаимоотношение древних слоев.

Разрезы археологических памятников, обладающие существенной протяженностью, тщательно зачищенные, выгодно отличаются от привычных геологических объектов: шурфов, траншей и зачисток, вскрывающих лишь локальные фрагменты изучаемых толщ. У исследователей появляется возможность непосредственного наблюдения за формами геологических тел, прослеживания их пространственно-генетических связей с элементами рельефа.

На протяженных (по 300—400 метров в совокупности), значительных по высоте (известные варианты: 2—4—7—9 м) разрезах каждого памятника отчетливо проявляются зако-

номерности не только вертикальной, но и латеральной фашиально-литологической изменчивости отложений.

В то же время поселения дают не только итоговые разрезы, но и промежуточные бровки. Более того — каждое движение лопаты или ножа создает новый срез (микрпрофиль), подчас неуловимо, но отличающийся от предшествующего. Постоянное наблюдение за микрпрофилями подобно чтению световой «бегущей» строки, по которой часть текста уже прочитана, а другая только появляется, присоединяясь к уже известному и дополняя его. Можно считать, что археологический раскоп представляет собой систему изменяющихся разрезов.

Исследователь, наблюдающий «движущийся» разрез, лучше понимает его особенности, увереннее определяет границы литологических слоев, позиции мерзлотных нарушений, генезис осадочных пород, надежнее отделяет основные моменты от второстепенных деталей. Его выводы базируются на непосредственных, причем длительных по времени впечатлениях и наблюдениях. Они строятся по принципу: «от живого созерцания к абстрактному мышлению». Возникающие гипотезы проверяются на месте, на определенном этапе раскопок, при этом вполне правомерно любой из имеющихся разрезов, в том числе и промежуточный, проанализировать и зафиксировать в удобной и необязательной форме, или же малый (подсобный) разрез превратить в большой (основной). Впрочем, здесь есть, конечно, определенное противоречие между необходимостью изучать последовательно горизонтальные пласты или получить «сиюминутно» значительный по высоте разрез. Это противоречие решается в зависимости от конкретных задач на данный момент раскопок.

Все это вместе взятое способствует правильному прочтению пространственно-временной последовательности слоев, выяснению их взаимоотношений, а следовательно, дальнейшему совершенствованию методики расчленения и корреляции отложений. Так изучение I надпойменной террасы, вмещающих культурные горизонты поселений Студеное-1 и Усть-Менза-1, позволило: 1) выявить полигенетические отложения, отличающиеся серией черных иловато-гумусных прослоев, перекрывающих собственный аллювий данной террасы; 2) выделить высокую и среднюю пойму как самостоятельные уровни, установив, что высокая пойма по высотным отметкам (5,0—5,5 м) может быть весьма близка к I террасе, что делает их подчас внешне неотличимыми. На протяжении длительного времени неразличение высокой поймы и I террасы являлось причиной ошибочного удревнения аллювия поймы.

Полученные данные способствовали уточнению высотной и возрастной последовательно-

сти террасового ряда, выявлению особенностей осадконакопления и его скоростей и тем самым — более детальному расчленению аллювиальных отложений, с которыми связано большинство археологических памятников.

Разрез археологического памятника в отличие от чисто геологического объекта содержит культурные горизонты. Судя по нашим памятникам, культурный горизонт — это тот же геологический слой, но подвергшийся антропогенному воздействию. Его формирование начинается с освоения человеком дневной поверхности, то есть превращения ее в поверхность обитания. На поверхности обитания накапливался предметный материал и выстраивались хозяйственные сооружения, т. е. формировались культурные проявления из органических или неорганических остатков (камень, кость, зола и т. д.), использованных или переработанных человеком в процессе производства и потребления.

Культурные проявления нередко проникали естественным или искусственным путем под «поверхность» на определенную глубину, превращая в «жизнедеятельный» горизонт обычную горную породу. В дальнейшем, в основном в период пост-обитания, в результате продолжающихся процессов осадконакопления культурные проявления включались в формирующуюся рыхлую горную породу, выступающую в форме несущей и консервирующей основы и образующую литологический слой.

Поскольку литологический слой включает в себя культурные проявления, он может определяться как культурный горизонт. Следовательно, культурный горизонт — сложное по характеру образование, имеющее в основе природный субстрат. Не случайно возникли предложения определять культурные горизонты как культуросодержащие (Воробьева, Медведев, 1984).

Мощность культурного горизонта складывается из нескольких компонентов, в том числе из совокупного объема культурного материала, но в значительной степени зависит от характера подстилающей и перекрывающей горной породы. Культурный горизонт может сохранять внутри себя поверхность обитания. Ее легче выявить в том случае, если сохранились хозяйственные конструкции, занимающие определенные плоскости (или пространства). Сложнее обстоит дело с выделением поверхностей обитания по предметному материалу, более подвижному. В практике исследований возникают разные комбинации литологического слоя — культурного горизонта — поверхности обитания.

Покажем это на примере памятников нашего региона.

На поселениях Усть-Менза-1, Студеное-1, Алтан, связанных с I террасой, известны культурные горизонты, представляющие собой очень тонкие иловато-гумусные прослойки

(рис. 14). Обладая естественно черным цветом, они легко выделяются на фоне светлых супесчано-суглинистых отложений. Их мощность — 1—2 см. Культурные проявления — зольные пятна, очажные камни, орудия труда и т. д. занимают всю «толщину» прослойки, в силу этого можно наблюдать достаточно редкий вариант пространственного совпадения литологического прослоя культурного горизонта и поверхности обитания. Вместе с тем даже столь малая мощность прослоек не означает, что заключенные в них находки строго одновременны. Выпадение наилка во время высоких паводков может быть, исходя из современных наблюдений, и микроскопическим — в 1—2 млн, в связи с чем и 2-сантиметровая прослойка могла формироваться, по меньшей мере, несколько лет, а то и десятилетий. Разделение культурных проявлений из одной «плоскости» теоретически возможно на основе археологического анализа (например, сравнения комплексов или предметного материала из них), но не всегда результативно.

На этих же памятниках известны культурные горизонты — прослойки мощностью 4—7 см. В них находки встречаются также по всей мощности, но сами прослойки имеют свойство на отдельных участках распадаться на еще более тонкие, чем выдают в своих «утолщенных» вариантах «совмещенность» уровней, которые намеренно разделить практически невозможно.

На этих же памятниках в нижней части разрезов выявлены культурные проявления, залегающие в основании прослоев коричневого ила мощностью от 5 до 15 см. В данном случае точно определяется поверхность обитания. Она обозначается углисто-сажистыми проявлениями, предметным материалом и камнями из обкладок очагов жилищ.

В этой ситуации также наблюдается почти полное совпадение культурного горизонта и поверхности обитания, за исключением только «объемных» камней, поднимающихся своими верхушками над поверхностью обитания на 5—15 см. В качестве литологического здесь выступает прослой коричневого ила, мощность которого, хотя и невелика, но все равно больше культурного в 3—5 раз.

Отметим, что иловато-гумусные прослои обладают таким важным качеством, как вязкость и плотность: они удерживают находки в себе, не позволяя проседать им в нижележащие прослои или же подниматься в вышележащие.

На поселениях, связанных со II террасами, например, Усть-Менза-2, 3, Студеное-2, Нижняя Еловка-2 и др. культурные проявления связываются с тонкими песчаными или иловатыми прослойками (рис. 12, 13). И те и другие отличаются небольшой плотностью. В связи с этим находки оказываются заключенными не только в указанных прослойках, но и ниже их до 10 см. Они проседают вниз под

силой тяжести или по микропроймам. В результате формируется культурный горизонт, представляющий как поверхность обитания, так и итог ее деформации.

Наиболее сложное соотношение указанная триада (поверхность обитания — культурный горизонт — литологический слой) имеет в отложениях, сформировавшихся в делювиальном процессе. В делювиальных шлейфах происходит непереносное, но с разной степенью интенсивности перемещение находок вниз по склону, что может сопровождаться переотложением в более молодые литологические слои. Такие ситуации наблюдались в Толбаге, Кунале, Усть-Менза-4, Читкане, Мельничном. Выделить поверхность обитания в данной ситуации возможно лишь в том случае, если сохраняются хозяйственные комплексы. Предметный материал, прилегающий к поверхности обитания, с небольшим разносом вверх и вниз, может указывать на примерные границы и мощность культурного горизонта.

Существенную деструктивную роль в отношении культурных горизонтов играют мерзлотные процессы. Они приводят к перемещению грунта и разрушению культурных горизонтов. Но и здесь, как выясняется, могут, хотя бы частично, сохраняться первоначальные структуры, более полное восстановление которых возможно, если понять характер и направление действия сил деформации (Куналей, Усть-Менза-4).

Особый вариант памятников составляют многослойные поселения, т. е. совокупность однослойных древних поселений, остатки которых запечатлены в последовательных культурных горизонтах одного стратиграфического разреза антропогенных отложений.

В нашем регионе большинство памятников относится к числу многослойных с различным числом культурных горизонтов. На поселении Конюхово и Усть-Менза-4 их выявлено по 3, Куналей и Н. Еловка-2 — по 4, Студеное-2 — 5, Усть-Менза-3 — 6, Мухино — 7, Читкан — 8, Солонцовая — 9, Косая Шивера — 14, Алтан — 19, Усть-Менза-1 — 25, Студеное-1 — 26, Усть-Менза-2 — 27. На некоторых из указанных памятников число горизонтов фактически еще более представительно. Например, на Студеное-1 на одном из участков выявлено 38 культурных горизонтов, а на Усть-Менза-1 культурный горизонт 2 в зоне, приближенной к бровке террасы, распадается на 5 самостоятельных горизонтов.

Возникает вопрос: что способствовало возникновению многослойных поселений? Ответ может быть такой: в горно-долинных условиях выбор площадок для мест обитания весьма затруднен. В связи с этим подходящие площадки на террасах заселялись неоднократно или даже многократно. Выбор места обитания скреплялся, возможно, традицией.

Многослойные поселения можно определить как диахронную совокупность древних посе-

лений. На конкретном стратиграфическом срезе каждое древнее поселение является самостоятельным, но совместно они образуют «вертикальный» комплекс, отчетливо фиксирующий временную последовательность их существования. Особую ценность составляют многослойные поселения с горизонтами, представляющими большие отрезки времени, без существенных пропусков внутри их. К таким памятникам относится Усть-Менза-2, где культурные горизонты с 4 по 27 дают последовательную развертку от 20 до 11 тыс. л. н., а также поселения Усть-Менза-1 и Студеное-1 с датировками горизонтов от 13 до 2 тыс. л. н. Некоторые памятники образуют бесспорные «связки». Так поселения Усть-Менза-1 и Усть-Менза-2 расположены вплотную друг к другу, соответственно, на I и II террасах. Они соединены между собой системой раскопов, в том числе раскопом, вскрывающим стык между террасами. В совокупности Усть-Менза-1 и 2 дают 53 культурных горизонта, датированных от 20 до 2 тыс. л. н.

Подобная картина наблюдается и на Студеном, где два памятника находятся в «террасовой связке», при этом на Студеном-1 археологический разрез выявлен полностью, а на Студеном-2 есть возможность прибавить к существующим пяти еще несколько горизонтов.

Существенная черта многослойных поселений — разделение культурных горизонтов стерильными прослоями: они формировались в те периоды, когда человек не селился на данном месте. Стерильные прослойки обеспечивают практически абсолютную чистоту археологических комплексов каждого культурного горизонта, что создает гарантии для надежности и правомерности научных наблюдений и выводов.

Чередование культурных горизонтов и стерильных прослоев дополняется максимальной выразительностью разрезов в целом. Ее обеспечивают структурные и цветовые разности, наличие палеопочв, мерзлотных деформаций в виде клиньев и солифлюкций, сочетание и замещение разнотипных отложений. Например, на многослойных поселениях Алтан, Усть-Менза-1, Студеное-1 выделяется от 11 до 16 голоценовых палеопочв и до 10 горизонтов с присутствием гумуса в слоях позднеплейстоценового возраста. На этих же памятниках отмечается, как минимум, по два уровня мерзлотных нарушений. В делювиальных отложениях, перекрывающих аллювий, IV террасы, выделяются почвы голоценового оптимума, позднесартанского интерстадиала и каргинского межледниковья. Как правило, они частично нарушены последующими похолоданиями (Принсковое, Кунальсай, Фомичево).

Разрезы памятников, отличаясь несомненной индивидуальностью, вместе с тем уверенно коррелируются между собой (с учетом привязки к террасам), что позволяет опреде-

лять типичное и случайное, общее и особенное в характере отложений, а также устанавливать геологическую и археологическую синхронизацию.

В целом разрезы многослойных археологических памятников обладают высокой информационной отдачей: расположение культурных горизонтов друг над другом фиксирует временную последовательность — обязательное условие для создания историко-хронологической шкалы; сочетание в одном разрезе культурных и чисто литологических слоев позволяет определить соотношение природных и социальных ситуаций и процессов, разработать единую природно-историческую периодизацию.

Особого анализа заслуживает методика изучения многослойных поселений. В литературе по древней истории Сибири она практически не освещена. Между тем в процессе раскопок приходится затрачивать немало усилий на поиски оптимальной стратегии и тактики исследований, далеко не однозначной в сравнении с однослойными памятниками и неодинаковой для каждого в отдельности многослойного памятника. Так сложность изучения памятников, связанных с аллювием I и II террасы (Усть-Менза-1, 2, Студеное-1, 2, Алтан и др.) и покровными отложениями III террасы (Читкан, Мельничное) заключается в том, что приходится, по сути дела, одновременно вести исследование нескольких поселений, остатки которых заключены в тонкие культурные горизонты, разделенные столь же тонкими стерильными прослойками. Объективно стерильные прослойки обеспечивают максимальную чистоту археологических комплексов. Задача состоит в том, чтобы приемы исследования способствовали сохранению этой чистоты. В частности, это заставляет вести вскрытие путем тонких вертикальных срезов, захватывающих сразу несколько потенциальных или уже выявленных культурных горизонтов, что дает возможность получать микропрофили, фиксирующие положение горизонтов по отношению друг к другу. Попытка изучения только одного горизонта на значительной площади ведет к утрате микропрофиля и, как правило, «потере» горизонта, создавая сложность при определении какому горизонту принадлежит находка. Единичные находки при такой методике могут извлекаться из горизонта сразу после фиксации, тогда как структуры (очаги, хозяйственные ямы, жилища, скопление артефактов и пр.) локализируются в пространстве, расчищаются и изучаются в планиграфической взаимосвязи. Нередко в процессе раскопок приходится «выводить» горизонт с микропрофиля на основные профили стенок и бровок с тем, чтобы убедиться, что в определении порядкового номера и характера горизонта не произошла ошибка. Поведение культурных горизонтов в пространстве представляет немало загадок. Ситуация в их взаиморасположении весьма

изменчива. Так отдельные горизонты могут неожиданно обесцветиться, «исчезнуть» и вновь появиться на соседнем участке. Другие горизонты, как уже отмечалось, разбиваются на более мелкие, заставляя дополнять цифровые обозначения горизонтов буквенными «литерами». Немалую сложность создают мерзлотные клинья, произвольно сводящие концы ими же разорванных слоев. Все это предполагает непрерывное, весьма напряженное визуальное наблюдение, не позволяющее покидать раскоп во время работы. Никакие нивелировочные промеры, даже выполненные тысячекратно, не могут заменить непосредственный взгляд исследователя и логику его рассуждений. Они могут только помочь исследователю закрепить увиденное и понятое.

В силу указанных причин общий план изучения поселения на обширной площади приходится проводить в жизнь через постановку по единой разметке малых, смыкающихся между собой раскопов, что дает возможность увеличить число профилей и значит надежнее контролировать ситуацию. Если же раскопы находятся на расстоянии и при этом имеют разную археологическую стратиграфию, то возникает необходимость соединить их траншеями или, скажем, зачисткой по уступу террасы, не допуская, однако, разрушения ими целостности хозяйственных структур. Такое вполне возможно, поскольку на месте, где встретится структура, траншея или зачистка разворачиваются в раскоп. Изучение памятников системой смыкающихся раскопов и траншей позволяет охватить его различные части и создать надежную нумерацию культурных горизонтов. Игнорирование этой задачи приводит к тому, что нумерация горизонтов вынужденно изменяется после очередного сезона, что вносит большую сложность в работе с коллекциями, затрудняет сотрудничество с коллегами — представителями смежных наук, лишает уверенности в своевременности подготовки публикаций о ходе раскопок. Отсюда вытекает, что разработка нумерации не может откладываться на заключительную стадию исследований ради более быстрого решения других, вроде бы и существенных задач.

Формально многослойными выступают такие памятники как Толбага, Мельничное (гор. 2), Читкан (гор. 2), Усть-Менза-4 (гор. 2). «Многослойность» проявляется в залегании материала в различных литологических слоях, но в результате раскопок выясняется, что здесь имеет место переотложение предметного материала из указанного культурного горизонта в вышележащие слои как результат механических и прочих процессов в делювиях склонов и покровах террас. В самих же культурных горизонтах полностью или частично могут сохраняться хозяйственные структуры. Заметим, что «формальная многослойность» выявляется лишь благодаря методам,

отработанным на подлинных многослойных поселениях.

Несколько иной методики приходится придерживаться при изучении культуросодержащих каргинских почв, перекрывающих аллювий IV террасы. Этот педокомплекс имеет мощность до 1 метра и состоит из 2—3 почв и разделяющих их тонких осветленных прослоев (Фомичево, Куналей, Приисковое). Их изучение приходится проводить по искусственно выделяемым уровням. Выясняется, что материал локализуется в том или другом отделах педокомплекса «в пачках» мощностью 0,4—0,7 м. Дальнейший анализ показывает причины столь существенной мощности пачки. Он дает два варианта: деструкцию одной поверхности обитания и рассеивание предметного материала; возможное первоначальное многослойное залегание, нарушенного деструкцией.

На такого рода памятниках в зонах, насыщенных материалом, приходится отказываться от больших раскопов и выполнять узкие прирезы, работая на каждом метре, как «на столе» с профилем — «зеркалом» напротив.

Разумеется, на конкретный ход исследований оказывают влияние не только характер памятника, но и многие жизненные «реалии» — погодно-климатические условия, время и сроки, материальное обеспечение и трудовые ресурсы экспедиции. Немаловажное значение имеют и перспективы сохранения памятников на время, необходимое для проведения планомерных и неторопливых исследований; нет тяжелее условий, чем работать на уникальном по своему характеру и значимости памятнике в жестком цейтноте под «домкловым мечом» какого-либо промышленного строительства, грозящего уничтожением памятника.

Важной и во многом нерешенной является проблема комплексного изучения древних поселений как историко-природных объектов. Постоянные геологические работы на археологическом памятнике — сравнительно новое, но весьма перспективное направление в четвертичной геологии. Заметим, что для правильного взаимодействия геологов и археологов важно, чтобы те и другие обладали познаниями в смежной для себя науке, понимали ее задачи, подходы к источникам, степень точности хронологических определений, значимость и направленность результатов. Без этого взаимопроникновения научных знаний согласовать результаты исследований весьма сложно (см. Цейтлин, 1987). Особенно важны и ценны дискуссии, возникающие в процессе изучения памятников: в ходе их рождаются приемлемые и достойные результаты, имеющие существенное значение для формирования окончательных выводов. Напротив, геологи, посещающие памятники на стадии завершения работ или в отсутствие археологов, становятся обладателями крайне урезанной информации.

Для археологов, работающих на раскопах, важно стать литоведами (см. гл. 1 и 2).

Изучение природы прошлого в процессе раскопок древнего поселения проводится не только геологами, но и географами, палеонтологами, минералогами, палинологам и т. д., использующими свои научные методы и приемы.

Следует отметить, что археологию и естественные науки сближают общие методологические принципы исследования прошлого. Так в естественных науках широко используется метод актуализма — познания прошлого через наблюдения за современной природой. Для понимания современной природы не меньше значение имеет знание того, как она развивалась в прошлом, что немыслимо без использования принципа историзма.

Стоит ли доказывать, что история — это не только постоянно изменяющаяся действительность, но и прошлое, удаленное и продолжающее удаляться от современности, но обязательно сохраняющее с ним определенную связь. Эти соображения относятся и к археологии — науке исторической, не чуждающейся, как и собственно история, актуалистических методов познания, которые чаще всего в этих науках выступают под именем ретроспекции.

Комплексное изучение древних поселений, построенное на анализе данных как археологии, так и естественных наук, создаст основу для суждений о взаимном влиянии природных и социальных элементов и, значит, позволяет составить мнение об экологии древнего человека. Как известно, экология в чисто биологическом виде — это наука о месте обитания живых существ и их взаимоотношении с

окружающей средой (Герасимов, 1985). Человек как биологический вид испытывает серьезное влияние природной среды, что проявляется наиболее наглядно в формировании расовых признаков. Вместе с тем человек, в отличие от других живых существ, уже в древности приобрел возможность сознательно изменять определенные элементы окружающей среды и частично отделять себя от нее за счет создания культурных экранов (жилище, одежда, огонь в очаге и т. п.). Человек и природа тесно связаны между собой не только потому, что человек — часть природы, но и потому, что человеческий коллектив (общество) не может существовать без производства. Производство в древности, еще не приобретшее всех социальных и технологических сложностей современного мира, безусловно и откровенно выступает как добыча и переработка продуктов природы, приспособления и изменения их в удобное для использования и употребления вид и форму.

Древние поселения как раз и являют собой места обитания людей, организующих производство, основанное на возможностях, предоставляемых природной средой в той степени, какой эта среда подвластна человеку. Древние поселения можно рассматривать как пример антропогенной природы, хотя сама природа еще во многом диктует условия человеческим коллективам как в организации производства, так и быта. В тафономическом состоянии древнее поселение обретает форму природного тела (составной части геологической структуры) с заключенными внутри его антропогенными остатками.

Г Л А В А 3

ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Возможность выбора предоставляет не только преимущества, но и создает немалые сложности: одни памятники придется отнести к основным, другие — зачислить в более низкие категории и сообщить о них сжато. Необходимость разграничения диктуется тем, что общее число памятников эпохи камня и бронзы в исследуемом районе достигает 300. Диапазон их научной значимости — от нескольких подъемных артефактов до многослойных поселений с богатыми хозяйственными комплексами и орудийными ансамблями. Первые, скромные по характеру — преобладают, но и достойных памятников немало; по крайней мере, на 27 поселениях поставлены раскопы. Примерно, четвертая часть памятников открыта в прошлые десятилетия нашими предшественниками на археологическом поприще или же «в текущее время» учеными из других научных центров. Большинство памятников стало известно, благодаря усилиям Читинской экспедиции.

После тщательного и длительного отбора (диктуемого отчасти разумным объемом монографии) к опорным археологическим памятникам отнесены: Толбага, Куналей, Усть-Менза-3, 4, Студеное-1, 2, Читкан, отражающие в

совокупности вклад в полевую археологию читинских исследователей. Этот ряд дополняет Санный Мыс и Ошурково, представляющие полевое научное наследие А. П. Окладникова, но отмеченные и нашими раскопками последних лет, вызванными, в основном, охранно-спасательными задачами. Еще одна группа, состоящая из 15 памятников, характеризуется кратко. Они включены в раздел под вынужденно-нейтральным названием — «И все остальные». Впрочем среди них есть и весьма информативные объекты — Алтан, Усть-Менза-1, 2, Егоркина пещера. О памятниках с подъемным материалом можно узнать по археологической карте и упоминаниям в главах, посвященным анализу материальной культуры каменного века.

Большое значение для понимания древней истории региона имеют Варварина Гора, Усть-Кяхта, Нижняя Березовка, Мухино, Каменка, но права и задачи их развернутого ввода в научный оборот принадлежат уважаемым коллегам по науке из Новосибирска, Иркутска, Улан-Удэ.

Итак,— в длительное и обстоятельное путешествие по опорным памятникам древности нашего региона — от Толбаги до Ошурково.

ТОЛБАГА

Древнее поселение Толбага находится в отрогах хребта Цаган-Хуртей на правобережье р. Хилок в начале Тарбагатайской впадины по соседству с одноименным железнодорожным поселком и слюдяными шахтами 1920-х годов. Долина в этом районе довольно широкая, по форме ящикообразная, ширина ее достигает 2—3 км. Выделено четыре скульптурных уровня — 25—30, 50—60, 80—100 и 200 м, сложенных коренными породами. Комплекс речных террас срезан почти до основания. Они сохранились только в устьях рек Толбага и Индяжина, впадающих в Хилок с левой стороны. Здесь замечены террасовые уровни высотой 4—5, 6—8 и 12 м (рис. 4).

В долине Хилка широко представлены наклонные и слабонаклонные шлейфы. С одним из таких шлейфов связано древнее поселение, при этом важно отметить, что его конкретная позиция не совсем обычна: поселение располагается не на краю шлейфа, у эрозионного уступа, где поверхность почти горизонтальна, а существенно выше по склону, на отметках 30—60 м над уровнем реки, в глубине амфитеатра созданного сопками. Шлейф в этом месте имел значительную крутизну — 10—12°, внешне этот участок не кажется привлекательным и заслуживающим внимания.

Этот поисковый стереотип несомненно сработал во время первой разведки, проведенной

в мае 1971 г. Тогда были осмотрены только краевые части шлейфа, что позволило зафиксировать лишь небольшую сильно разрушенную стоянку, получившую в итоге название Толбага-2. В июне того же года с окрестностей Толбаги предполагалось начать водный маршрут вниз по р. Хиллок, вплоть до его устья. Это позволило еще раз осмотреть окрестности поселка. Оно было более успешным, чем прежде, благодаря участию в нем студентов-первокурсников. Не скованные традиционными подходами, они стали осматривать и те участки, которые вроде бы не представляли интереса, в том числе верхнюю часть склона. В самой вершине одного из небольших оврагов, на удалении около 200 м от края шлейфа, ими были подняты древние кости и артефакты. В дневниках экспедиции отмечено, что открыл поселение Валерий Немеров (в дальнейшем ставший профессиональным археологом, кандидатом исторических наук). Открытию объективно способствовало то, что лес на поверхности склона был раскорчеван под пашню. Это произошло в годы Отечественной войны; тогда же женщины (в отсутствие воевавших мужчин) вытаскивали деревья на себе. Распоротая от хлыстов поверхность дала многочисленные мелкие овраги, затруднивших распашку склона, но облегчивших обнаружение памятника. Прямо следует сказать, что открытие «крутоверхой» Толбаги вряд ли состоялось бы, если бы сохранялся естественный природный ландшафт — лесной массив с дерновым покровом на достаточно крутом склоне. Открытие Толбаги существенно изменило поисковые оценки местности во время археологических разведок.

Раскопки в Толбаге проводились в 1972, 1973, 1975, 1978, 1979 гг. Первое обобщение материалов представлялось с учетом исследований 1971—1975 гг. (Константинов, 1973, 1979; Окладников, Кириллов, 1980; Базаров, Константинов и др., 1982; Кириллов, 1981, 1987). В данной работе помимо ранее опубликованных, приводятся результаты раскопок 1978, 1979 годов. Изучение памятника продолжается. Так ныне в научной обработке находятся коллекции 1985, 1986 гг. (Васильев, Кузнецов, Мещерин, 1987).

Нами анализируются материалы раскопок с площади около 700 кв. м. Большая часть площади (624 м²) приходится на единую систему раскопов, вытянутых вдоль склона с севера на юг. Общая длина раскопов 55 м при ширине 6—17 м. Вокруг раскопов поставлена серия шурфов. Шурфы дали единичные находки, или оказались вообще без таковых, подтвердив то, что поселение ориентировано не вдоль долины реки (как чаще всего бывает), а поперек ее, вдоль склона, по центральной части продольной ложбины (наблюдение С. Г. Васильева).

В целом геоморфологическая позиция поселения весьма выразительна и информативна, что позволяет обратиться к ней еще раз, в той части, где пойдет речь о хозяйственно-бытовом укладе жизни его обитателей.

В процессе раскопок по профилям поселения (общей длиной 357 м) зафиксирована в принципе одинаковая стратиграфия. Кроме стабильности, она отличается простотой для восприятия и для расчленения на отдельные литологические слои. Выделяются четыре слоя: 1) почвенный; 2) каштановая супесь; 3) коричневая супесь с дресвой; 4) серая супесь. Указанные 4 литологических слоя и содержат археологический материал. «Материком» для культурной части разреза служит древнисто-щепнистый слой, обозначаемый как 5-й.

Поначалу этот слой воспринимался нами, как зона дезинтеграции скального цоколя. Вместе с тем в дальнейшем выяснилось, что он является верхней частью достаточно мощной пачки щепнисто-песчаных отложений, пройденной шурфами (с немалыми сложностями из-за мерзлоты до глубины 3 м, при этом цокольной поверхности так и не удалось достичь). Благодаря шурфам разрез поселения оказался представленным 11 литологическими слоями, но палеокультура по-прежнему остается сосредоточенной в его верхней части.

Простота «культурной» части разреза, представляла немалые удобства в процессе раскопок, но весьма сокращала аналитические возможности на предмет определения возраста отложений. Маломощный разрез позволял заметить о себе только то, что является, в основе позднеплейстоценовым с незначительным голоценовым покрытием.

Однако постепенное увеличение раскопанной площади позволило выйти на разрезы с более богатой информацией. Так выявился участок, где в нижней части каштановой супеси (2) сохранился гумусированный прослой почвы с достаточно интенсивным черным цветом (2А). На другом участке поверхность серого суглинка оказалась затянута темно-серой «пленкой» толщиной 1—3 см, в которой была предположена палеопочва, что подтвердилось при специальном анализе на гумус. Еще в одном случае в сером суглинке была выявлена рытвинка длиной до одного метра и глубиной до 0,3 м, в которой сохранилось два прослоя палеопочв мощностью до 5—7 см каждая. Выявление палеопочв существенно обогатило стратиграфию Толбаги, что дает надежду на ее более углубленную интерпретацию.

Ниже приводится — в соответствии с наблюдениями Д. Б. Базарова, Л. Д. Базаровой и автора — полный стратиграфический разрез памятника (рис. 10):

Мощность
(в м)

1. Почвенно-пахатный супесчаный слой, темный, граница с нижележащим слоем четкая	0,20
2. Супесь темно-каштановая, с рассеянной дресвой и отдельными включениями щебня. Наблюдаются ожелезненные разводы, прожилки. На одном из фронтальных (по отношению к реке) разрезов в основании слоя прослеживается черный гумусированный прослой мощностью 10—12 см, обозначенный как 2А	0,2
3. Супесь светло-коричневая, местами желтоватая с дресвой и в меньшей степени щебнем, неслоистая	0,2
4. Суглинок серый, карбонатизированный, с рассеянной дресвой и щебнем, неслоистый. Верхняя поверхность волнистая. Граница подошвы нечеткая постепенная, с ритмичными западинами, увеличивающимися мощность слоя на 15—20 см
На одном из участков при горизонтальной расчистке, а затем и на профиле замечена тонкая (1—3 см) темно-серая гумусированная прослойка (4А).
На одном из фронтальных профилей установлена микроритвина, в которой сохранилось переслаивание двух прослоек темно-серых палеопочв мощностью 5—7 каждая и такой по мощности светло-серой прослойкой между ними.
В верхней части раскопов слой нарушают две древние овражные промоины шириной 1—4 м, затянутые отложениями из слоя 3.	0,3—0,5
5. Щебнисто-древянистый слой с супесчаным заполнителем, неслоистый. В слое имелись линзы тонкозернистого слюдястого песка, образовавшегося вследствие разрушения гнейсов	0,20
6. Песок тонкозернистый, темно-серый с сиреневым оттенком, слюдястый, с щебнем и дресвой гнейсов. В верхней части прослой желтовато-коричневого песка мощностью 5 см с горизонтальной слоистостью. В нижней части увеличивается масса грубообломочного материала	0,30
7. Песок серый, мелкозернистый, со слюдой, с большим количеством грубообломочного материала: глыб, щебня, дресвы. В средней части прослой неслоистого тонкозернистого темно-серого песка с щебнем, дресвой и обломками глыб мощностью 5 см. Нижняя часть слоя образована в основном плоскоскатными, средних размеров глыбами	0,45
8. Песок мелкозернистый, слюдястый, рыжевато-коричневый, с глыбами, щебнем, неслоистый	0,15
9. Суглинок сизовато-серый, с глыбами, щебнем, линзами мелкозернистого темно-серого слюдястого песка. В нижней части наблюдается хорошо выраженная горизонтальная слоистость, которая обусловлена тонким переслаиванием сизовато-серого суглинка с тонкими прослоями желтого мелкозернистого песка	0,30
10. Супесь коричневая, с щебнем и дресвой, линзами выветрелых гнейсов, неслоистая	0,20
11. Глыбы плитчатые выветрелые, с щебнем и разнозернистым темно-серым песком	0,40
(видимая)

В данном разрезе выделено пять пачек:

1) почвенный горизонт, развивающийся на делювиальных супесях (слой 1); 2) супесчано-суглинистая, отчасти карбонатизированная, делювиальная (слои 2—6); 3) дресвяно-щебнистая песчаная с отдельными глыбами, пролювиальная (слои 7—8); 4) делювиальная супесчано-суглинистая с дресвой, щебнем и глыбами (слои 9—10); 5) элювиальная зона дезинтеграции коренных пород (слой II).

Из отложений разреза видно, что во время осадконакопления происходила смена условий: медленный делювиальный снос сменялся более быстрым процессом — пролювиальным.

В разрезе наблюдаются остатки двух палеопочв, подчеркивающих периодическое затухание делювиального процесса и развитие растительно-дернового покрова.

Для понимания геологии памятника существенное значение имеет строение шлейфа на участке от древнего поселения до эрозионного уступа. О нем можно судить по стенкам нескольких оврагов. Их вершины подходят к поселению, где имеют глубину до 1,0 метра, а устья приходятся на эрозионный уступ при высоте стенок 3—4 или 8—9 м. По этим естественным разрезам длиной до 200 м отчетливо устанавливается, что слой 1—3 профилей поселения практически в неизменном виде сохраняются по всей латерали. Четко прослеживается и нижележащий слой 4, но, в отличие от верхних, мощность его увеличивается постепенно до 2,5—3 м. Увеличение мощности этого слоя может свидетельствовать о заметном сносе материала сверху вниз. На краю эрозионного уступа, на стыке глубокого бокового оврага и фронтального обнажения по уступу, в нижней части слоя 4 выявлен педокомплекс, представленный двумя темно-бурыми почвами, разделенным прослоем светлой супеси. Мощность составляющих педокомплекс отложений 0,7 м (0,3—0,1—0,3 м). По фронтальному профилю отчетливо видно, что педокомплекс выстилает поверхность древней ложбины, в центре вогнутой, с поднимающимися краями. Несомненно, что почва сохранилась благодаря ложбине. Под почвой залегают палево-, палево-бурые суглинки видимой мощностью 1,0 м. По характеру и строению, почвы определены как каргинские. В связи с соотношением нижнего (на эрозионном уступе) и верхнего (на древнем поселении) разрезов возможно предположить, что в верхней части шлейфа почва на уровне слоя 4 была почти полностью разрушена, тогда как в нижней части шлейфа, в ложбине, она представлена полным профилем. В нижнем разрезе слой 4 имеет полный профиль и может быть определен как каргино-сартанский, тогда в верхнем разрезе слой 4, во-первых, маломощен, во-вторых, размывает сверху; не исключено, что сохранилась от него только каргинская часть. Отсутствие криогенных нарушений в слое 4 поселения согласуется с такой интерпретацией.

С верхнего разреза получены споро-пыльцевые спектры, к сожалению, малопоказательные. Одна из причин этого — карбонатизация слоя 4. Из него выделена пыльца сосны и березы. Более богатый спектр получен для нижней части разреза (слои 6—9). Они свидетельствуют о распространении сосново-березового редколесья. В подлеске встречался ольховник. Обнаружена также пыльца лещины. Травянистая растительность представлена злаково-лебедовыми ассоциациями. По характеру растительности они близки современным лесостепным формациям, распространенным повсеместно на территории Бурятии.

Раскопки поселения велись по раскопам площадью от 30 до 120 кв. м с обязательными бровками между ними. Первый раскоп был заложен на отметках 32—35 м, а последующие — по единой центральной оси — вверх по склону, до отметок более 50 м. В 1978—79 гг. появились раскопы слева и справа от центральной линии. Место их выбиралось сознательно, с тем, чтобы раскрыть определенные планиграфические сюжеты. В пределах раскопов снятие отложений производилось послойно; слои «отбивались» друг от друга без особых затруднений с ориентировкой на цвет, плотность и механические включения в слое. Так, например, граница между литологическими слоями 2 и 3, близкими по цветовой окраске (каштановый и светло-коричневый), определилась по шероховатой от дресвы и щебня верхней поверхности слоя 3. Нарушения отложений локальны и четко фиксируемы. Природные нарушения представлены вершинной современной оврага, включенного в рамки раскопа 1, а также следом от древнего оврага в раскопе 7. Антропогенные вмешательства заключаются, во-первых, в распашке почвенного слоя с частичным захватом подстилающей каштановой супеси; во-вторых, в отдельных «старательных ямах», прорезающих отложения по слой 5 включительно. Эти ямы выкапывались, по нашим соображениям, в конце прошлого века в процессе поиска слюдяных пластин, проводимой командами вольных людей.

Археологический материал на памятнике первоначально был выявлен в трех верхних литологических слоях, а затем (в конце сезона 1972 г.) в четвертом литологическом слое. Ниже дается характеристика культуры каждого слоя (снизу вверх, согласно их формирования), а затем представляется анализ причин послойного залегания материала, имеющего, как выяснилось весьма оригинальное происхождение.

Слой 4. По своей литологии — серый карбонатизированный суглинок, мощностью, в основном, 0,3 м; в западинах до 0,5 м. Этот слой, как и современная поверхность, имеет наклон в сторону реки 10—12°. Верхняя поверхность слоя фиксируется с максимальной

четкостью — по белесой, карбонатной, плотной массе суглинка. Поверхность имеет волнистый рельеф, как бы имитирующий легкое волнение водной глади при небольшом ветре; при этом все линии сглажены, «вершины» — куполообразны; западины — полуокруглы. Амплитуды колебания синусоиды составляют 10—15 см. Нижняя граница слоя менее отчетлива. В основании слой 4 приобретает коричневый оттенок, что сближает его с цветом нижележащего щебнисто-дресвяного слоя. Там, где этот слой имеет существенную плотность, там граница обнаруживается проще, но на участках с большим содержанием дресвяно-супесчаной массы возникают определенные проблемы. В пределах раскопов на уровне границы между слоями 4 и 5 выделена устойчивая продольная ложбина шириной 5—6 м со слегка поднятыми боковыми гребнями. В центральной части слой 4 приобретает западину мощностью 0,2, иногда 0,3 м, а на гребнях, более щебнистых, он «подпирает» слой 4, удерживая его мощность в пределах 0,3 м.

Столь подробное описание геометрии слоя 4 необходимо в силу его важнейшего положения в культуросодержащей части разреза. Именно с этим слоем связаны все хозяйственно-бытовые комплексы и большая часть материала древнего памятника. Артефакты и кости выявляются уже при зачистке поверхности слоя и распространяются до его основания, исключая описанные выше западины. Итак, мощность слоя 4, как культуросодержащего — 0,3 м. В процессе изучения слой разбирался 4 горизонтами, но при этом фиксировалось и положение каждой находки в отдельности. В нижней половине слоя (без учета западин) при разборке горизонтов 3 или 4 было выявлено 24 очага и хозяйственная яма, а также каменные выкладки из внешнего обрамления жилища.

Визуальные наблюдения, а также анализ промеров показывают, что все хозяйственные элементы связаны с одной поверхностью, являющейся сечением литологического слоя, расположенной на глубине 25—30 от поверхности этого слоя, близко к его основанию. Ни в одном случае не устанавливается перекрытие одного хозяйственного элемента другим или их дифференциация по вертикали слоя, скольнибудь четко читаемая. К тому же отдельные хозяйственные элементы образуют композиционные поля с внутренними структурными взаимосвязями. Реконструируемая поверхность является реальным проявлением геологического тела, имеющим определенное пространственное положение и физические характеристики. Она была суглинистой, по цвету серой с белесым оттенком, однородной по структуре, плотной и т. д., в принципе неотличимой по естественным данным от остальной части слоя 4. Поверхность была наклонной в сторону реки (с уже привычным углом наклона в 10—12°) и, наверно, с естествен-

ными неровностями; на ней были, как минимум, ямки и бугорки, а также микропромоины. Микрорельеф поверхности в силу однородности с перекрывающей его массой слоя, буквально не устанавливается, но угадывается по позиции находок костей животных и артефактов. Они выявлены, как на уровне очагов, так и немного ниже — на 5—10 см.

Вместе с тем точно такой же археологический материал располагается и выше хозяйственно-конструктивных элементов на 15—20 см, вплоть до поверхности литологического слоя. Незначительный отрыв вещей от основной плоскости в условиях делювиального накопления и указанной крутизны представляется вполне естественным. Разумеется он происходил не по вертикали вверх, а по наклонной вниз, но с определенным «подкидыванием» вверх за счет подстилки накапливающейся делювиальной массы. Эти наблюдения оказались возможным сделать на основе расположения апплицирующихся предметов. Наиболее типичная ситуация такова: предметы находятся на расстоянии до 2 м, при этом предмет, расположенный выше по склону, лежит ниже по уровню (например, в горизонте 3), а — нижний по склону, выше по уровню (в горизонте 1 или 2).

Все указанные моменты позволяют сделать два вывода: 1) о возможности выделения поверхности обитания древних людей — единой и единственной для всей раскопанной площади в рамках слоя 4; 2) о частичной деструкции этой поверхности, приведшей к отторжению от нее части предметного материала: это и привело к тому, что весь слой 4 стал культуросодержащим. Отсюда понятно: мощность слоя 4 нельзя признать результатом последовательного культурного накопления, она определялась в значительной степени естественным геологическим процессом.

Возможен ли другой вывод о характере слоя 4, как культуросодержащего? Например, нельзя ли все же представить рассеянные, хотя и достаточно многочисленные находки, из горизонтов 1 и 2, как самостоятельный культурный слой (или как два слоя). Считаю, что для этого нет оснований, причем не только с учетом аппликации. На уровне горизонтов 1 и 2 не выявлено самостоятельных хозяйственных комплексов: нет и каких-либо стерильных прослоек между горизонтами, даже частичных, намекающих на возможность локализации по вертикали.

Еще один оборот темы видится в известном критическом подходе к возможности выделения поверхности обитания в условиях достаточно большой крутизны склона. Лучше всего на это отвечать на основе анализа очагов. При полном деструктировании слоя от них ничего бы не осталось. На самом же деле они бесспорно существуют как целостные самостоятельные культурные единицы, обладаю-

щие сравнительно небольшими размерами, отчетливым золистым наполнителем, сопутствующим предметным материалом (артефакты и кости), а в некоторых случаях и специальной конструкцией, заглублением в грунт на 15—20 см (очаги 5, 6, 7, 23) с дополнительной обкладкой сторон плитками (очаг 5). Очаги без заглубления в грунт отличаются растеканием золистой массы вниз по склону, при этом очаг приобретает удлиненную форму, но не теряет единой структуры. Добавим, что помимо очагов хорошо сохранилась хозяйственная яма, заполненная челюстями и костями животных. В этом же плане возможно отметить существование намеренных выкладок из каменных плит, но здесь уже естественен переход к проблеме выделения остатков жилищ. Этот анализ и будет окончательным ответом на вопрос о степени сохранности поверхности обитания на памятнике. На возможность выделения жилищ указывает бесспорное существование определенных культурных элементов и их внешних взаимосвязей: 1) очагов, образующих связки в виде «пар», «квадратов», «линий» и др.;

2) каменных (гнейсовых или гранитных) плит размерами 20—40 см, расположенных системно, в виде полос, цепочек или дуг протяженностью 7—10 м и представляющих, на наш взгляд, намеренные выкладки;

3) соотношения между очагами и каменными выкладками, при котором очаги оказываются как бы во внутреннем пространстве, образованных выкладками.

Наиболее выразительная ситуация встречена в раскопе 4, где обратили на себя внимание небольшие плитки гнейса, стоящие на ребре (р и с. 15). Затем рядом с ними (в процессе расчистки) выявилась дуга из камней длиной около 9 м с хордой около 6 м и высотой «сегмента» более 2 м. В дугу входило около 60 камней. Они лежали плашмя или слабонаклонно, вплотную или по соседству друг с другом. Наблюдалась комбинация линейных и условных групп позиций камней с максимальным расширением до 1 м. Каменная выкладка напоминала натянутую дугу лука. Во внутреннем пространстве оказалось 4 очага. Они располагались «квадратом». Края очажной зоны находились в двух метрах от концов каменной выкладки. Выше (по склону) от очагов расположился только один камень, а ниже около 10. Эти камни могут рассматриваться как продолжение кладки. С другой стороны от очагов столь выраженной кладки вроде бы не было, но наблюдалось растянутое вниз скопление небольших (10—20 см) кусков щебня. После некоторых раздумий мы нашли возможным признать их за сильно деформированную часть обкладки. К этому мнению склонило нас то, что они в сочетании с хорошо выраженной дуговой обкладкой образывали почти симметричную окружность диаметром 6 м. Ко всему прочему плитки,

стоящие на ребре, как бы обрамляют вход — тамбур во внутреннее пространство. Весь описанный комплекс воспринимается нами как жилище, а точнее остатки жилища, его нижняя, наземная часть. Опираясь на опыт изучения данного жилища были выделены еще два жилища. Их открытие было результатом прогнозирования на основе анализа планиграфических ситуаций. Так в раскопе 3 находок оказалось в целом немного, его продольный край занимали камни, расположенные беспорядочно в полосе длиной около 8 м и шириной 2 м. Первоначально, позиция камней не вызвала особого интереса, но в дальнейшем возникло предположение, что она является результатом разрушения кладки. Для проверки этого предположения по соседству был заложен новый раскоп (3А). Действительно полоса из камней получила закругление и превратилась в дугу с общим числом камней 75. Внутри дуги оказался очаг (15) и многочисленные находки. Примерно такая же ситуация выявилась при расширении раскопов 6—7 — дугообразная выкладка, достаточно четкая, однолинейная длиной около 6 м, с 60 камнями. На ее нижнем по склону конце камни образуют коридор, повторяющий по форме и положению вход-тамбур жилища. Внутри дуги вновь расширен очаг (24) и находки.

В обоих случаях кладки могут получить продолжение, если еще более расширить раскопы. Но не исключено и то, что кладки жилищ представлены лишь фрагментарно в силу их разрушения в древности (природного или антропогенного).

Обращает на себя внимание ситуация, выявленная в раскопе 2, где зафиксировано 12 очагов, располагающихся, в основном, двумя линиями, примерно параллельными друг другу. Длина линий 6—8 м, расстояние между ними 2,5—3,0 м. Промежуток между очагами в линии — 1—2 м. Внутри очагов и вокруг них много находок. Все это создает впечатление системно устроенного пространства с внутренней организацией и приблизительно намеченными границами. Их определение затруднено в силу отсутствия представительной обкладки: вдоль одной из линий очагов тянется полоса из плиток гнейса, но они слишком мелкие и не выразительные. Из-за фактического отсутствия кладки граница намечается по зоне наибольшего распространения находок. В результате обрамляется площадка размерами 12×6,4 м. На наш взгляд, данная площадка может интерпретироваться как жилище, при этом не исключается, что это жилище было без внешней обкладки (рис. 16).

Выделение жилищ позволяет определить позицию межжилищных пространств. К таковым относится большая часть раскопов 1, 3, 7. Их отличительная черта — сравнительно немногочисленные находки и отсутствие хозяйственных конструкций.

Особой интерпретации заслуживает зона между жилищем 1 и 4 размерами 8×4 м. На этой площади выявлено 3 очага (21—23) и хозяйственная яма. Вокруг — очень много артефактов, мелких кусков камня и костей животных. Создается впечатление, что эта площадка первоначально использовалась под жилище с очагами, а затем (возможно, после устранения жилища) под место для отходов (рис. 15).

В слое 4 обнаружены многочисленные кости животных, в большинстве расколотые. Установлена их принадлежность к носорогу, северному оленю, бизону, байкальскому яку, винторогой антилопе, дзерену, архару (Оводов, 1987, с. 122—140).

Костяных орудий длительное время обнаружить не удавалось, но в коллекции последних лет они все-таки появились. Среди них выделяется ребро с пазом в средней части маргинала, используемого, вероятно, в качестве рукояти для скребка. Обнаружены также три обломанных иглы из мелких костей и подделки небольших размеров непонятного назначения (Васильев, Кузнецов, Мещерин, 1987, с. 115—117). Особо следует отметить, что в раскопе 3А вплотную к очагу 15 найдена уникальная скульптура головы медведя, выполненная из обломка позвонка носорога (рис. 17), (см. главу 6).

В качестве сырья для изготовления каменных орудий использовалась речная галька размерами 5—20 см. По отобранным образцам определены различные варианты ороговикоманного липиритпорфира, ороговикоманного пеплового туфа, полосчатого кремня и халцедона. Коллекция артефактов состоит из 3980 экз. Выделена группа опробованных галек с несколькими сколами, не позволяющими установить полностью планы древнего мастера (55 экз.). Нуклеусов найдено сравнительно немного — 282 экз., среди них — основная часть представлена заготовками — гальками со следами оформления ударной площадки, фронта, контрфронта. Иногда при сочленении фронта и контрфронта выделялось ребро. Оформление, как правило, не завершено, поэтому на поверхности в большей или меньшей степени сохранялась корка. Вместе с тем можно выделить экземпляры с несколькими первичными пластинчатыми снятиями. К заготовкам примыкает небольшая серия обломков нуклеусов — 29 экз. Из настоящих нуклеусов особого внимания заслуживают леваллуазские (8 экз.). Они овальные и прямоугольные по форме. Из их числа выделяется один однофронтальный двуплощадочный нуклеус и три нуклеуса двуфронтальных — двух- и четырехплощадочных. Прослеживаются следы оформления фронта в форме четкой системы мелких радиальных снятий. У одного из нуклеусов фронт приобрел пирамидальную форму, на вершине которой сохранилась галечная корка. В дальнейшем, вероятно, пред-

полагалось сбить эту вершину: среди находок имеются отщепы, повторяющие по характеру среднюю часть фронта описанного нуклеуса. Нуклеусы предназначались для снятия одной пластины с каждого фронта; повторные стадии предполагали дополнительную техническую подготовку фронтальных поверхностей.

Ударные площадки нуклеусов наклонны и оббиты (рис. 40, 1, 3; 41, 7).

Большинство нуклеусов относится к подпризматическим (99 экз.). По форме они прямоугольные и трапециевидные (рис. 39, 1, 3). Фронт представляет собой широкую поверхность, чаще всего выпуклую, дугой в пределах 70—180°. Контрфронт сохраняет корку: полностью или частично. Изредка контрфронт оббивался полностью. Прослеживалась тенденция к выбору плоского контрфронта. Однофронтальные нуклеусы делятся на одно- и двуплощадочные. Площадки, как правило, оббиты, они слегка наклонны или горизонтальны (75—90°). У двуплощадочных нуклеусов площадки располагались на противоположных полюсах. У одноплощадочных нуклеусов — нижний конец также чаще всего имеет форму площадки, в данном случае опорной. Иногда встречаются двуплощадочные двуфронтальные нуклеусы.

Пластины снимались вдоль длинной оси нуклеуса. На лучших экземплярах негативы от снятых пластин — удлиненные прямоугольные, крупные, сравнительно правильные, проходящие через всю длину фронта. Но даже на этих экземплярах негативы разновелики — широкие соседствуют с более узкими, длинные — с более короткими. Не обходилось без заломов и несогласованного сочетания негативов. Вдоль рабочей кромки нуклеусов четко выделялась зона оббитости. У двуплощадочных однофронтальных нуклеусов негативы нередко встречались в центре, но они короткие. Подобные негативы соответствовали по форме небольшим отщепам. В дальнейшем станет ясно, что в дело главным образом шли крупные заготовки, прежде всего пластины. Помимо пластинчатых снятий, фронт изредка сохранял и следы подправок. В основном это были концевые подтески. В единичных случаях можно увидеть боковые подтески, к тому же они охватывали только часть бокового края. При отсутствии подправок контакт между фронтом и галечной коркой боковых сторон становился непосредственным.

У двух нуклеусов наблюдается использование в качестве фронта не только верхней широкой, но и узкой боковой поверхности, при этом противоположный край оформляется двусторонней подтеской в форме клина (рис. 39, 5, 7). Эти нуклеусы становятся похожи на торцовые клиновидные.

Перейдем к анализу обработанных и необработанных пластин. Их можно рассматривать совместно, поскольку обработка пластин

весьма экономна и не скрывает первоначальной формы заготовки.

При измерении длины пластины вводилась дискретность: 1) до 3 см (подобных экземпляров пока нет); 2) 3—6 см; 3) 7—9 см; 4) более 9 см. У пластин групп 2—4 ширина и толщина пропорциональны длине. Больше половины пластин относилось к группе 2 (57%), далее следовала группа 3 (34%), остальные пластины включены в группу 4 (9%), длина двух самых крупных пластин из этой группы достигала 13,4 см и 15,9 см. Кроме группировок пластин с описанным выше дискретным делением, были сделаны расчеты с иным дискретным делением (1—3, 3—5, 5—7, 7—9, 9—11, 11—13) (Константинов, 1973, с. 73—89). Сопоставление двух группировок позволило считать самой большой совокупность пластин размерами 5—8 см. Данные двух группировок дополнили и взаимопроверили друг друга. Пластины имели подпрямоугольную или подтреугольную форму. Боковые края различны: прямые, слегка выпуклые, волнистые. Нижние края: прямые (горизонтальные или скошенные), полукруглые. Спинка пластины обычно оформлена 2—3 гранями. Есть пластины без четкой огранки и сохраняющие полностью или частично корку. В профиле пластины чаще всего слегка ассиметричны. У крупных пластин (более 9 см) брюшко обычно слегка вогнутое. В целом пластины по форме индивидуальны. Они легко запоминаются и узнаются, жесткой строгостью форм отличались лишь немногие экземпляры.

Следует остановиться на пластинах, оставшихся без вторичной обработки. Всего их 303 экземпляра, из них 37 — первичные и полупервичные. Нередко эти пластины искривлены, излишне утолщены или имеют неровные лезвия. Ударные площадки пластин иногда естественные (6%), но преимущественно искусственные, оббитые (50%) или подготовленные одним ударом (19%). Последнее фиксируется прежде всего на пластинках с тонким сечением. Некоторые оббитые площадки можно назвать фасетированными, поскольку они обработаны тонко и тщательно (12%). Площадки располагались или слегка наклонно или горизонтально. Они прямые, есть также выпуклые, что зафиксировано на отдельных крупных и средних экземплярах.

В отдельную серию выделены укороченные пластины. Они повторяют по характеру пластины, но пропорции их иные (длина относится к ширине как 1,3:1,9). Среди пластин их около 18%.

Особую группу сколов составляют фрагменты пластины. Их можно разделить на три группы: верхние — с ударной площадкой, зоной сбитости и ударным бугорком; нижние — с опорным концом, иногда с опорной площадкой, сохраняющей корку; средние — с двумя сечениями — верхним и нижним. Важнейшим признаком фрагментов являлись сечения. У

верхних и нижних фрагментов их по одному (внизу или сверху), у средних — по два. Сечения, как правило, перпендикулярны длинной оси пластины или с небольшим (5—10°) отклонением. Формы фрагментов (трапециевидные, прямоугольные, подтреугольные) — более строгие, чем у пластин. По параметрам фрагменты делились на две большие группы: первые имели пропорции отщепов, вторые, несмотря на неполную длину, сохраняют пропорции пластин, они названы пластинами с усеченными концами. Фрагментов и усеченных пластин примерно в 3 раза больше, чем полных пластин.

Анализ фрагментов позволил выявить такой важный и своеобразный технический прием, как фрагментацию, иначе говоря, намеренное рассечение пластин на части (см. главу 6).

При изготовлении орудий, помимо фрагментации, широко использовалось ретуширование. Преобладало краевое ретуширование. Унифациальное ретуширование было применено при изготовлении нескольких скребел из отщепов. Изделий, выполненных бифациальной ретушью, не обнаружено.

Орудия на поселении изготовлены из пластин, фрагментов, отщепов и целых галек. Индекс орудий из пластин и фрагментов — 81%. Он наглядно показывает пластинчатый характер толбагинской индустрии. При этом следует учесть еще и то, что среди орудий из отщепов 64% составляли отщепы неустойчивых очертаний с мелкой или эпизодической ретушью по краю.

Орудия представлены несколькими типами. Самую крупную группу орудий составляли пластины и фрагменты, боковые края которых обработаны ретушью — 1087 экз. (рис. 40, 41). Крутой ретушью оформлено примерно 20% орудий этой группы. Она охватывала полосу вдоль края шириной 0,3—0,4 см. Такая ретушь обычно выполнялась на основах длиной более 6 см. На остальных орудиях ретушь более мелкая, в один ряд, иногда — эпизодическая. Известны экземпляры, на которых по одному краю ретушь крутая, по другому — мелкая. В отдельных случаях ретушь получалась выемчатая. Большое число орудий с ретушью имело обработку со спинки, чаще по одному краю (475 экз.), чем по двум (340 экз.). С брюшка ретушь наносилась значительно реже, при этом в большинстве случаев — по одному краю (105 экз.), в отдельных случаях — по двум (14 экз.). Выделены группы пластин с противоположащей ретушью (88 экз.) и с чередующейся (31 экз.). У первых один край обработан со спинки, другой — с брюшка. У вторых оформлялся только один край — попеременно с брюшка и со спинки. Довольно распространен был прием притупления одного бокового края за счет торцового снятия, устраняющего острую кромку (226 экз.). Он нередко напоминал технику снятия микропла-

стинки. Таким снятием создавался обушок орудия. Иногда функцию обушка выполняли торец или круто наклонная грань с естественной коркой (90 экз.). На 25 экз. отмечено применение плоскостных подтесок краев, нанесенных с брюшка. Пластины и фрагменты с краевой ретушью могли, очевидно, применяться как ножи или скребла. Можно, конечно, предполагать, что пластины с крутой ретушью использовались как скребла, а пластины с плоской ретушью — как ножи, но эта общая посылка не позволяет конкретно определить функцию каждой ретушированной пластины во всем разнообразии их вариантов. Трасологическое исследование нескольких изделий подтвердило, что они выполняли роль скребел или ножей. Отдельные изделия могли быть полифункциональными (рис. 40, 4, 6—8, 10; 41, 8—13).

Выделена серия концевых скребков (49 экз.). Они изготавливались из пластин, фрагментов пластин и отщепов (рис. 40, 5, 9, 11). По форме — преимущественно подпрямоугольные. Рабочий край оформлялся на нижнем конце крутой ретушью. Чаще всего он выпуклый, в одном случае — прямой. На двух экземплярах имелась подтеска с брюшка. Ретушью оформлялись и боковые края некоторых изделий. Они могли быть также рабочими. Один скребок из пластинчатого отщепы — двойной (двуконцевой).

Примерно, такая по представительству серия скребков (29 экз.). Выделяются скребки с ретушью по периметру и на две трети периметра, а также с продольным и поперечным рабочим краем. Скребки выполнены, в основном, из отщепов.

Большой массивностью отличаются скребла из крупных отщепов, целых и расколотых галек (26 экз.). Оформление рабочего края производилось крутой ретушью со спинки. Рабочий край мог быть продольным или поперечным, прямым или выпуклым. На 2 скреблах, кроме того, оббиты спинки, это скребла односторонние краевые. Отмечаются подтески по краю с брюшка (тыльной стороны). Одно скребло имело два лезвия. Не исключено, что оно оформлено на расколоте леваллуазском нуклеусе.

Остроконечники (53 экз.) изготовлены из пластин и фрагментов. У наиболее типичных острие оформлялось формирующей ретушью. Она наносилась со спинки по боковым краям, при этом края располагались симметрично (под одним углом) к длинной оси основы. Только в трех случаях острие смещено к краю. У 4 экз. ретушью обработан только один край, второй же достаточно острый и прочный, не оформлялся. Остроконечники отличаются и по характеру основы. Одни изделия изготовлены из сравнительно широких и плоских в сечении пластин и фрагментов листовидной формы, другие — из пластин и фрагментов более узких, с высокой спинкой. Наиболее четко раз-

личия проявляются у остроконечников из пластин (рис. 39, 8—10; 41, 2).

Резцы (25 экз.) так же, как остроконечники, имели преимущественно пластинчатую основу. Однако отделить пластины от фрагментов здесь труднее, поскольку резцовый скол делает пластину усеченной. Наиболее распространенными являлись срединные резцы. Для них характерны два симметрично расположенных, идущих от центра к краю, резцовых скола. Такое же расположение имела рабочая кромка у боковых резцов, но оформлена она иначе: с одной стороны — резцовым сколом, с другой — ретушью. У угловых резцов — по одному резцовому сколу. Это скол угловой, отвесный и короткий. Боковые края обработаны ретушью со спинки, в одном случае ретушь противоположная. Заметим, что резцами могли быть и очень многие фрагменты без специальных резцовых сколов, так как сечение образовывало с боковым краем очень острый и прочный «зуб пилы». Напоминали резцы и некоторые фрагменты с наклонным полотном сечения. Не отсюда ли происходили трансверсальные резцы?

Проколки (44 экз.) изготовлены из пластин, фрагментов, реже отщепов. К проколкам отнесены орудия, близкие по функциям: собственно проколки, провертки, развертки, сверла и т. д. Разграничение этих типов изделий по внешним признакам затруднительно. Рабочая часть у большинства из них оформлена краевой ретушью на нижнем конце со смещением к боковому краю. В одних случаях это массивные клювовидные выступы, обработанные почти отвесной ретушью; в других — клювовидные вытянутые жальца; в третьих — жальцешип. Почти всегда эти изделия имели по одному более или менее выраженному плечу. В числе атипичных проколов — 2 пластины, расколотые по диагонали так, что образовался острый колющий край. Боковой край у них обработан ретушью с брюшка. В трех случаях у проколов замечена подтеска с брюшка (рис. 41, 1, 3—6).

Устойчивую серию образуют долотовидные орудия с чешуйчатой подтеской одного или обоих концов основы (99 экз.), что подтверждено трасологическим анализом. Характер основы долотовидного орудия распознать не просто. Тем не менее удалось установить, что для их изготовления чаще, чем для других орудий, использовались отщепы и реже — пластины и фрагменты, реже — нуклеусы. По размерам изделия делились на мелкие (до 3 см), средние (до 5 см) и крупные (свыше 5 см). Угол заострения между плоскостями, образующими лезвие, обычно составлял 30°, что достигалось в результате плоской (меньше 30°) и приостряющей (30—35°) подтески. Подтеска носит чешуйчатый характер. В сечении лезвие нередко было желобчатым. Тело орудия обычно подквадратное или подпрямоу-

гольное. Обушок однолезвийного орудия в большинстве случаев имел четко выраженную площадку с характерными выщербинами и выкрошенностью, являющимися, очевидно, следами от ударов. Отдельные орудия обработаны ретушью по одному или двум боковым краям с брюшка или со спинки. Несколько экземпляров обломано. Это является, вероятно, результатом прямого сильного удара по обушку. При этом орудие находилось в рабочем положении с упором на твердое основание. Излом происходил в основном в продольном направлении.

Долотовидные орудия можно подразделить на однолезвийные (70 экз.) и двулезвийные (22 экз.). Последние имели лезвия на противоположных концах. Кроме того, выделены долотовидные орудия в сочетании с лезвием скребла (скребка). Одно долотовидное орудие являлось в то же время двулезвийным скобелем.

Выделено 7 скобелей с выемками на краях, образованными ретушью, а также отщепы с эпизодической мелкой ретушью по краям.

Крупные галечные изделия представлены чоперами (16 экз.), чоппингами (7 экз.), топориками (5 экз.) и отбойниками (19 экз.), лошила (2 экз.). Первые два типа имели лезвия с небольшой кривизной и углом заострения 45—55°. Соотношения между длиной изделия и шириной лезвия 3:1 или 2:1. У чопперов лезвия оббивались с одной поверхности, у чоппингов — с двух. Оббивалась чаще всего только кромка лезвия, но иногда и определенная часть поверхности. Два изделия можно считать топориками. Одно из них, округлое, выполнено из кварцитовой гальки с двусторонней затеской лезвия почти по всему периметру. Второе — из небольшого желвака с двусторонней затеской нижнего асимметрично-выпуклого конца. Отбойниками служат округлые и удлиненные кварцитовые гальки с одним или несколькими концами, отмеченными забитостью. Две гальки с сильно пришлифованными поверхностями определены по следам сработанности как лошила. Эти изделия предназначались для выглаживания шкур животных.

Слой 3. Представляет собой светло-коричневую супесь с дрсевой мощностью 0,2 м, в западинах — до 0,3 м. Нижняя граница контакт со слоем 4 — плавноволнистая. Верхняя граница — прямая. Слой изучался двумя горизонтами. Предметный материал встречается по всей вертикали слоя, от границы до границы без преимущественного размещения. По площади находки располагаются рассеянно, более или менее равномерно. Выявлено только одно кострище, но в своеобразной ситуации. Оно располагается в шурфе в самой подошве слоя (3) на контакте с щебнисто-древянистым слоем (5); слой 4 в данном разрезе отсутствовал. Остеологический материал представлен костями носорога, лошади, изюбря и волка, их сохранность средняя и плохая.

Каменных изделий выявлено 1939 экз. Состав материала, типология и стилистические особенности оформления полностью повторяют материал из слоя 4.

Слой 2. Представляет собой каштановую супесь мощностью до 0,3 м, но чаще всего 0,15—0,20 м. Границы слоя достаточно четкие, прямые. Слой относительно рыхлый, легко водопроницаемый. Изучался двумя горизонтами. Хозяйственных комплексов не выявлено. Предметный материал располагается, в основном, в горизонте 2 (нижние 5—7 см). Единичные находки встречаются в горизонте 1. Представлены неопределимые обломки костей и каменные изделия. Находки располагаются рассеянно, по всей вскрытой площади, но с определенными лакунами. Каменных изделий обнаружено 278 экземпляров. Он по всем позициям повторяет материал из слоев 3 и 4, хотя — в силу меньшего объема коллекции — отдельные типы изделий отсутствуют.

Слой 1. Пахотно-почвенный слой с резкой нижней границей с включением отдельных линз от затронутого слоя каштановой супеси. В слое выявлены единичные изделия и кости животных, соответствующие по характеру тому, что известно из вышеописанных слоев.

Итак, культурные проявления отмечены во всех 4 литологических слоях. По крайней мере, в трех из четырех слоев они носят систематический характер и только в почве — явно случайный, связанный с распахом и другими нарушениями нижележащих отложений. В слоях 2, 3, 4 найдены каменные орудия и кости животных. В слое 4 — хозяйственные комплексы. Хотя стерильных прослоев между слоями нет, но границы все же достаточно четкие — все это создает внешне хорошие предпосылки для установления культурной многослойности поселения; однако с таким выводом не стоит спешить. Следует обратить внимание на характер каменной индустрии, представленный послойно. Анализ материалов из слоев в сравнении друг с другом показывает, что их технико-типологические показатели принципиально одинаковы. Для изготовления орудий используется одно и то же сырье в виде речных галек.

В слоях 3 и 4 представлены практически одинаковые по объему коллекции (1763 и 1939 экземпляров), что делает сравнение их наиболее показательным. В слое 2 артефактов в 10 раз меньше (278 экземпляров), что приводит к выпадению отдельных видов изделий.

Для всех слоев характерно наличие одних и тех же категорий, типов и вариантов изделий. Они включают в свой состав нуклеусы, пластины и отщепы, орудия. Артефакты из разных слоев легко составляют единые типологические серии. Неотличимыми являются также морфологические детали. Только по внешнему виду (без обращения к шифру) определить принадлежность изделия к тому или

другому слою практически невозможно. Принципиально одинаковыми являются статистические выкладки.

По трем слоям нами составлены статистико-типологические таблицы (2—10), которые наглядно подтверждают изложенные соображения. Теперь обратим внимание на состав фауны, известной по слоям 3 и 4. Существенны совпадения — носорог и лошадь. Различия второстепенны и определяются прежде всего тем, что в слое 4 фауна сохраняется лучше.

Такие выводы по анализу материала из трех слоев могут привести к суждению о сверхпродолжительном существовании одной и той же культуры, не изменяющейся по времени, судя по геохронологическим наметкам от каргинского времени до средних отделов голоцена. Одно это уже заставляет поставить вопрос: не происходит ли переотложение материала из слоя 4 в вышележащие отложения? Действительно слой 4 при всей общности предметного материала со слоями 2, 3 имеет существенную особенность: только в нем сохранились жилища, очаги и хозяйственные ямы, только здесь выявляется планиграфическая ситуация, сохраняющая надежды на анализ хозяйственной жизнедеятельности человека. В слоях 2 и 3 ничего подобного нет, хотя, судя по литологии отложений, они вполне могли сохраниться.

Обращают на себя внимание культурные «связки» между слоями. Так, очаг 21 из раскопа 6 располагался фактически на стыке слоев 3 и 4, при этом очаг сохранился как единое целое, хотя и попал в зону частичного размыва поверхности слоя 4. Отметим также, что две крупные тазовые кости одного животного (носорога) также найдены в разных слоях — третьем и четвертом. Но самыми главными связующими звеньями являются апплицирующиеся изделия, прежде всего фрагменты пластин, подходящие друг к другу и захороненные в разных слоях (выявлено С. Г. Васильевым). Апликация не оставляет сомнений в единстве комплекса каменных изделий.

Как же могло происходить переотложение материала? Нами уже отмечалось, что этот процесс имел место внутри слоя 4, при этом часть изделий оказалась на поверхности этого слоя (к тому же частично размыва). В процессе формирования слоя 3 находки оказались включенными в него, но в силу его маломощности и возможной деструкции вновь появились на дневной поверхности, с тем чтобы затем закрепиться в основании слоя 2 или, в отдельных случаях, в слое 1. В результате такого перемещения находки оказывались на несколько метров ниже по склону и на 20—30 см выше по стратиграфическому уровню, чем первоначально. В связи с этим интересно обратить внимание на одно вроде бы частное различие в материале слоя 3 и 4. В слое 4 в два раза больше крупных массивных вещей

(нуклеусов, их заготовок, чопперов), чем в слое 3; если же взять отщепы, отличающиеся в сравнении с другими артефактами небольшой массивностью, то их в слое 4 меньше, чем в слое 3, примерно на треть. В слое 2 крупные вещи единичны. Эти факты становятся понятными в контексте наших рассуждений и выводов о тенденции в переотложении материала: массивный материал задерживался там где и был, а легковесный — переотлагался.

Показательно будет и сравнение планиграфии слоев 3 и 4. Если в «инситу» слое 4 выделяются жилища с многочисленными находками и межжилищные пространства с малочисленными изделиями, то в слое 3, в переотложенном состоянии, изделия располагаются рассеянно более равномерно, а в слое 2, где их уже намного меньше — также рассеянно, но с большими лакунами.

Таким образом, Толбага воспринимается нами как памятник с одной поверхностью обитания, заключенной в слое 4, с достаточно хорошо сохранившимися хозяйственными комплексами. Этот слой по своей физической структуре вероятно был достаточно жестким, (не пластичным) и монолитным, с существенной консервирующей силой. Все это в значительной степени нейтрализовало отрицательные воздействия крутизны склона в отношении хозяйственных комплексов, но не исключило переотложение части предметного материала с поверхности обитания на другие стратиграфические уровни. Это переотложение было многократным, постепенно затухающим: с поверхности обитания — в верхнюю половину слоя 4, затем последовательно, в слои 3, 2, 1. Эти слои являются культуросодержащими. Их возможно обозначить буквами А, В, С, определяющими последовательность переотложения материала (А — слой 3, В — слой 2, С — слой 1).

Отчасти упрощая ситуацию можно определить Толбагу как памятник с одним культурным слоем и тремя слоями переотложения материала.

Обратим внимание на процентное соотношение каменных изделий (в среднем по всем горизонтам). Отщепы составляли 41,05%, орудия — 42,86%, нуклеусы — 7,08%. Из этого следует, что почти каждое второе изделие, найденное на поселении, — орудие. Для поселений такой индекс орудий весьма высок. Напротив, доля отщепов незначительна. Подобное соотношение указывает на то, что первичная обработка камня производилась в основном за пределами поселения. Толбагинцы использовали для изготовления орудий речную гальку: обработка камня, вероятно, производилась на берегу реки. Дополнительным доказательством этого служат сравнительные результаты петрографического исследования галек из раскопа и с галечных пляжей Хилка в окрест-

ностях ст. Толбага (местечко Сосновый Култук). Они показывают сходство составов анализируемого материала. Кроме того, здесь же, на речных пляжах, встречались отдельные обработанные, хотя и сильно замытые, каменные изделия.

Для определения археологического возраста культурного слоя правомерно обратиться к каменной индустрии, при этом возможно опираться на всю коллекцию, без послойного разделения. Она весьма представительна и насчитывает 3980 экземпляров. Приведем важнейшие индексы. В качестве заготовок употреблялись прежде всего пластины и фрагменты (90%). Пластины снимались с подпризматических, реже леваллуазских (8,0%) нуклеусов. У некоторых нуклеусов прослежена тенденция к смещению фронта с верхней широкой поверхности на боковую (3,4%).

Орудия изготавливались не только из пластин и фрагментов, но также из отщепов (7,2%) и целых галек (2,7%). Из вторичных приемов обработки камня наиболее часто использовалось краевое ретуширование с довольно искусной (без ступенчатых заломов) проработкой краев. Помимо ретуширования была известна техника резцового скола и разнообразных подтесок (для оформления рабочего края, уменьшения толщины орудий и т. д.).

Набор инструментов из вторичных заготовок включал: пластины и фрагменты с ретушью (63,7%), долотовидные орудия (5,8%), концевые скребки (2,8%), остроконечники (3,1%), проколки (2,5%), резцы (1,46%) и скребла (1,5%). Крупные галечные изделия представлены чопперами (0,9%), чоппингами (0,4%), отбойниками (1,1%), ложилами (0,1%).

В каменной индустрии наблюдается бесспорное преобладание позднепалеолитических элементов, это проявляется как в технике расщепления, преимущественно призматической, так и в орудийном наборе, включающем в себя такие показательные типы, как резцы, проколки, долотовидные орудия. Приемы и стиль оформления орудий также позднепалеолитические.

В пределах позднего палеолита возможно предполагать достаточно ранний возраст памятника. На это указывают немногочисленные, но отчетливо выраженные леваллуазские нуклеусы. Существенным моментом является отсутствие микронуклеусов. В выборе орудийных основ наблюдается полное господство крупных и средних по размерам основ, тогда как миниатюрных орудий не известно. Можно отметить мустьероидность некоторых видов изделий, прежде всего, скребел из отщепов и остроконечников из широких пластин. Галечные изделия в целом немногочисленны. Все вместе взятое позволяет возможным датировать каменную индустрию началом позднего палеолита. Это же подтвержда-

ется корреляцией с индустриями других памятников, о чем речь впереди.

По Толбаге получена серия радиоуглеродных дат (табл. 1).

Таблица 1

Радиоуглеродные даты

Лабораторный номер	Характер проб	Слой	Дата, лет
СОАН-810	Кости, взятые из основания слоя с площади 200 м ²	3	15100±520
СОАН-1522	Кости шерстистого носорога, взятые из раскопа 6	4	34860±2100
СОАН-1523	Неопределимые кости	4	27210±300

На наш взгляд, особенно надежной является дата 34860±2100. Она дана по костям одного животного, взятым из одного небольшого раскопа из горизонтов, характеризующих поверхность обитания. Дата 27210±300 в плане общей археологической датировки по существу не противоречит первой, но является ее омоложенным вариантом. Проба для этой даты составила по менее жестким критериям: кости разных животных с большой площади из всех четырех горизонтов слоя 4. Особых оговорок заслуживает дата по слою 3. Материал из этого слоя не является самостоятельным: он, как доказывалось выше, перетолжен из слоя 4. Если дело обстоит так,

то дата 15100±520 выглядит существенно омоложенной и прямо противоречащей всем остальным данным. Причины омоложения даты могут быть или в более поздней примеси, оказавшейся среди отобранных для пробы костей, или, что более вероятно, в заражении костей в грунте гумидными кислотами вследствие близкого залегания к дневной поверхности.

В итоге о возрасте памятника собрана многопрофильная по происхождению информация, причем независимая друг от друга. Геологические данные с большой долей вероятности указывают на каргинское время. Обе радиоуглеродные датировки по слою 4 попадают на ту же эпоху, причем более древняя совпадает с малохетским потеплением, а более молодая — с липовско-новоселовским потеплением. Характер каменной индустрии доказательно начальнопозднепалеолитический. Состав фауны, в которой преобладает носорог, по меньшей мере, не противоречит тому же выводу.

Итак, большинство данных позволяет определить возрастные рамки существования поселения в пределах начала позднего палеолита; в широких пределах от 35 до 25 тысяч лет назад. Сужение рамок — до 35—30 тысяч лет возможно с опорой на дату СОАН-1522, а также с учетом корреляции с другими забайкальскими поселениями того же характера — Варвариной Горы и Каменкой (А).

Таблица 2

Толбага. Состав каменных изделий

Литологический слой	Слой 2		Слой 3		Слой 4		Итого	
	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
1. Опробованные гальки	3	1,07	21	1,08	31	1,75	55	1,38
2. Нуклеусы	9	3,23	95	4,89	178	10,09	282	7,08
3. Пластины	26	9,35	150	7,73	127	7,2	303	7,61
4. Отщепы	93	33,45	862	44,4	579	38,5	1634	41,05
5. Орудия	147	52,87	811	41,82	748	42,4	1706	42,86
Итого:	278	100	1939	100	1763	100	3980	100

Таблица 3

Толбага. Нуклеусы

Типы нуклеусов	Слой 2		Слой 3		Слой 4		Итого	
	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Заготовки	2	22,22	44	46,31	90	50,56	136	48,22
2. Обломки	2	22,22	12	12,63	15	8,42	29	10,28
3. Леваллуазские однофронтальные								
а) одноплощадочные			1	1,05	1		1	0,35
б) двуплощадочные			2	1,10	1	0,56	3	1,06
4. Леваллуазские двуфронтальные								
двуплощадочные			2	2,10	2	1,12	4	1,4
четыреплощадочные					1	0,56	1	0,35

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5. Подпризматические однофронтальные								
а) одноплощадочные	3	33,33	18	18,94	38	21,34	55	19,50
б) двуплощадочные	1	11,11	11	11,55	21	11,76	33	11,70
6. Подпризматические двухфронтальные								
а) одноплощадочные					1	0,56	1	0,35
б) двуплощадочные	1	11,11	3	3,15	7	3,92	11	3,90
7. Торцовые клиновидные (крупные)			2	2,10	2	1,12	4	1,4
Итого:	9	100	95	100	178	100	282	100

Таблица 4

Толбага. Каменные орудия

Категории орудий	Слой 2		Слой 3		Слой 4		Итого	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
1. Пластины с ретушью	97	65,93	497	61,28	493	65,90	1087	63,71
2. Концевые скребки	2	1,36	19	2,34	28	3,74	49	2,87
3. Скребки	1	0,68	16	1,97	12	1,60	29	1,69
4. Скребла			7	0,86	19	2,54	26	1,52
5. Остроконечники	4	2,72	25	3,08	24	3,20	53	3,10
6. Резцы	2	1,36	8	0,98	15	2,00	25	1,46
7. Проколки	2	1,36	24	2,95	18	2,40	44	2,57
8. Долотовидные орудия	8	5,44	54	6,65	37	4,94	99	5,80
9. Орудия с выемками			9	1,10	7	0,93	16	0,93
10. Чопперы			4	0,44	12	1,60	16	0,93
11. Чоппинги			4	0,49	3	0,40	7	0,41
12. Топорики			3	0,36	2	0,26	5	0,29
13. Лошила					2	0,26	2	0,11
14. Отбойники			11	1,35	8	1,06	19	1,11
15. Отщепы с ретушью	31	21,08	130	16,02	68	9,09	229	13,42
Итого:	147	100	811	100	748	100	1706	100

Таблица 5

Толбага.
Концевые скребки. Скребки. Скребла.
Типы и виды изделий

Типы и виды изделий	Количество			
	слой 2	слой 3	слой 4	итого
1	2	3	4	5
1. Концевые скребки из пластин				
а) с выпуклым рабочим краем	1	6	10	17
б) с выпуклым рабочим краем и подтеской			6	6
2. Концевые скребки из фрагментов пластин				
а) с выпуклым рабочим краем и дополнительной ретушью по краям		2	3	5
б) с выпуклым высоким рабочим краем и дополнительной ретушью по краям		4	2	6

1	2	3	4	5
в) с прямым рабочим краем и дополнительной ретушью по краям		1	2	3
3. Концевые скребки из отщепов				
а) с выпуклым рабочим краем и дополнительной ретушью по краям	1	2	2	5
б) с высоким рабочим краем		2	2	4
4. Двойной (двуконцевой) скребок		2	1	3
1. Скребки пластинчатые с ретушью по периметру		2	1	3
2. Скребки из отщепов				
а) с продольным краем		4	4	8
б) с поперечным краем		4	1	5
в) с ретушью на 2/3 периметра		2	4	6

Таблица 6

Толбага.
Остроконечники. Резцы. Проколки.
Долотовидные орудия. Орудия с выемкой.
Типы и виды изделий

Типы и виды изделий	Количество			
	слой 2	слой 3	слой 4	итого
1. Остроконечники из пластин и фрагментов				
а) широкие плоские	2	16	10	28
б) узкие высокие	2	9	14	25
1. Резцы из пластин и фрагментов				
а) срединные	1	3	6	10
б) боковые	1	1	1	3
в) угловые		1	6	10
2. Резцы из отщепов				
а) срединные	1	3	8	9
б) боковые	1	2	3	6
в) угловые		3	4	7
1. Прокладки из пластин и фрагментов				
а) с массивным клювовидным выступом	1	7	2	10
б) с вытянутым клювовидным жальцем	1	7	7	15
в) с жальцем-шипом		2	4	6
г) атипичное		2		2
2. Проколки из отщепов				
а) с массивным клювовидным выступом			1	1
б) с вытянутым клювовидным жальцем		2	2	4
в) с жальцем-шипом		3	1	4
г) атипичные		1	1	2
1. Долотовидные орудия из пластин				
а) однолезвийные	3	12	7	22
б) двулезвийные	3	6	2	11
2. Долотовидные орудия из отщепов				
а) однолезвийные		26	18	44
б) двулезвийные		5	5	10
3. Долотовидные орудия из нуклеусов				
а) однолезвийные			2	2
б) двулезвийные			—	—
4. Долотовидные орудия из галек				
а) однолезвийные			2	2
б) двулезвийные		1		1
1. Пластины с выемками		6	4	10
2. Отщипы с выемками		3	3	6

Таблица 7

Толбага.
Чопперы. Чоппинги.
Типы и виды изделий

Типы и виды изделий	Количество			
	слой 2	слой 3	слой 4	итого
1. Чоппер из уплощенной гальки				
а) с выпуклым рабочим краем		1	3	4
б) с прямым рабочим краем			1	1
2. Чоппер из массивной кубовидной гальки				
а) с выпуклым рабочим краем		2	8	10
б) с прямым рабочим краем		1	1	2
3. Чоппер двойной			1	1
4. Чоппинг из гальки				
а) с выпуклым рабочим краем		3	2	5
б) с прямым рабочим краем		1	1	2

Таблица 8

Толбага.
Пластины с ретушью. Локализация ретуши

Локализация ретуши	Слой 2	Слой 3	Слой 4	Итого
а) по двум краям со спинки	5	20(1)	21(1)	46(2)
б) по одному краю со спинки	9(1; 1)	40(10; 5)	30(9; 5)	79(20; 11)
в) по двум краям с брюшка	1	1		2
г) по одному краю с брюшка	1	5	8(3; 1)	14(3; 1)
д) противолесжащая		4	5	9
е) чередующаяся	1(0; 1)	8(1)	3(1)	12(2; 1)
Итого:	17(1; 2)	78(12; 5)	67(14; 6)	162(27; 13)

ПРИМЕЧАНИЕ к табл. 7—9: В скобках указано количество изделий с притупленным краем, при этом первая (или единственная) цифра за счет бокового торцового снятия; вторая — за счет сохранения бокового торца или круто наклоненной грани с естественной коркой.

Толбага. Пластины усеченные с ретушью. Локализация ретуши

Локализация ретуши	Слой 2			Слой 3			Слой 4			Общий итог			
	1	2	3	1	2	3	1	2	3		итого		
а) по двум краям со спинки	1		1	2	14	6	34	14	5(1)	9	28(1)	64(1)	
б) по одному краю со спинки	1(1)	1	2(1)	4(1)	10(6; 1)	9(3)	2(2)	21(11; 1)	19(5; 2)	25(4)	73(9; 4)	98(21; 5)	
в) по двум краям с брышка	1			1	1		1					2	
г) по одному краю с брышка	2(0; 1)			2(0; 1)	6(2)		4(0; 1)	8(2; 1)	3(1; 1)	1(0; 1)	4(1; 2)	14(3; 4)	
д) противоположная	1	1		2	2	4	3	9	2	2	4	15	
е) чередующаяся					4(0; 1)		4(0; 1)	1(0; 1)			1(0; 1)	5(0; 2)	
Итого:	6(1; 1)	2	3(1)	11(1; 1)	37(8; 2)	27(3)	13(2; 1)	77(13; 3)	39(6; 4)	34(1; 2)	37(4; 1)	110 (11; 7)	198 (25; 11)

ПРИМЕЧАНИЕ: Характер усечения пластины: 1 — без нижнего конца; 2 — без обоих концов; 3 — без верхнего конца. См. также примечание к табл. 7.

Толбага. Фрагменты с ретушью. Локализация ретуши

Локализация ретуши	Слой 2				Слой 3				Слой 4				Общий итог
	в	с	н	ит	в	с	н	ит	в	с	н	ит	
а) по двум краям со спинки	9	3	3	16	40	42	17(1)	99(1)	40(2)	38(1)	27(0; 1)	105(3; 1)	220(4; 1)
б) по одному краю со спинки	14(2; 1)	13(6)	4(1; 1)	31(9; 2)	68(15; 1)	37(20)	30(4)	135 (39; 1)	75(17; 1)	34(16; 2)	23(5; 2)	132 (38; 5)	298 (86; 8)
в) по двум краям с брышка					3	2		5		6		6	11
г) по одному краю с брышка	3	6(3)	1	10(3)	21(6; 3)	10	6(2; 5)	37(8; 8)	12(1; 1)	14(7)	4	30(8; 1)	77(19; 9)
д) противоположная	1	3	1	5	16(0; 1)	13(1)	6	35(1; 1)	9	11	4	24	64(1; 1)
е) чередующаяся		1		1	1	5	1	7	3(0; 1)	2	1(1)	6(1; 1)	14(1; 1)
Итого:	27(2; 1)	27(9)	9(1; 1)	63(12; 2)	149 (21; 5)	109(21)	60(7; 5)	318 (49; 10)	139 (20; 3)	105 (24; 2)	59(6; 3)	303 (50; 8)	684 (111; 20)

ПРИМЕЧАНИЕ: Характер фрагментов: в — верхние; с — средние; н — нижние; ит — итог (для одного горизонта). См. также примечание к табл. 7.

КУНАЛЕЙ

Поселение Куналей открыто в 1971 г. во время разведки, возглавляемой автором. Раскопки проводились в 1973, 1977 гг. Их результаты обобщены в кандидатской диссертации (1979 г.) и монографии «Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья» (1982 г.).

Поселение определялось как трехслойное со слоями конца палеолита, раннего мезолита и бронзы. В 1988 и 1989 гг. исследования памятника возобновились: решались задачи по уточнению геоморфологической позиции памятника, геологической и археологической стратиграфии отложений и возраста культурных горизонтов. Эти исследования привели к существенному изменению взглядов на геологию и археологию памятника. Новая оценка памятника излагается нами впервые.

Поселение Куналей расположено в долине р. Хилок, на северной окраине с. Малый Куналей у подножия Кукуйской сопки (рис. 5).

На этом участке р. Хилок антецендентно пропиливает низкогорную перемычку, находящуюся между собственно Хилокской и Буйско-Зардалинской впадинами и образует долину прорыва. Низкогорная перемычка на юге соединена с отрогами Малханского хребта, на севере с продольной грядой, отделившие Хилокские впадины от Шибертуйского ответвления.

Древнее поселение находится в самом начале Хилокской впадины. В этой зоне развит комплекс аккумулятивных уровней, начиная от низкой поймы (0,5—1 м) до высокой террасы (60—80 м). Выявлен также скульптурный террасовидный уровень высотой 125—140 м, сложенный легко размываемыми эффузивными породами. Террасовый комплекс полнее представлен по левой стороне р. Хилок, а справа от реки прослеживается делювиально-пролювиальный шлейф, тыловая часть которого закрыта голоценовыми конусами выноса, а фронтальная — представляет собой террасовую поверхность с вытянутым вдоль реки уступом. Высота террасовой поверхности вниз по течению реки постепенно уменьшается от 40 до 5 м. Древнее поселение связано с этой поверхностью в том месте, где ее высота равняется 7—10 м. Следует отметить, что с точки зрения поисковых критериев определить местоположение памятника не составляет труда, поскольку данная местность открытая, легко читаемая по рельефу, с выразительными позициями вдоль края достаточно ровной поверхности, выводящей к крутым склонам и глубоким логам Кукуйской горы. К тому же край поверхности и ее уступ размыты мелкими промоинами и несколькими глубокими оврагами, из которых вымываются плейстоценовые кости и артефакты. Значительно сложнее обстоит дело с определением характера террасовой

поверхности как геологического тела. В основе ее лежит валунно-галечный слой, перекрываемый песками, что позволяет считать данную форму аллювиальной террасой. С учетом ее небольшой высоты и отсутствия промежуточных уровней между ней и урезом воды терраса была первоначально определена как I надпойменная (Базаров, Константинов и др., 1981).

После дополнительного изучения разреза отложений выяснилось, что ее аллювий перекрывают плейстоценовые покровные отложения, что заставило удрежить террасу и отнести ее ко II надпойменной (Базаров, Константинов, 1982). Однако и эти выводы не подтвердились. Раскопки последних лет позволили выявить серию палеопочв и несколько уровней криогенных нарушений. Это значительно обогатило понимание разреза и его коррелятивные возможности. Исходя из новых данных терраса определена как IV надпойменная. Ее незначительная высота вроде бы входит в противоречие с таким выводом, но следует помнить, что терраса располагается в зоне впадины, предполагающей постепенное понижение образующих ее долинных уровней. Кроме того, благодаря новым расчисткам по уступу террасы удалось заметить фрагменты отложений более молодой террасы, прислоненной к основной. Молодая терраса выделяется теперь и геоморфологически — по легкому перегибу с бровкой, расположенной ниже основной на 2 м. Возраст ее, судя по характеру отложений, позднеплейстоценовый, скорее всего, сартанский.

Раскопы на поселении были поставлены на уступе террасы. Раскоп 1 первоначально имел площадь 210 кв. м. Затем он расширен на 22 кв. м за счет фронтальной и латеральной метровых прирезок, что позволило получить важные данные по гео- и археостратиграфии. В 21 м от раскопа 1 находится раскоп 2 площадью 30 кв. м. Оба раскопа представили принципиально одинаковую стратиграфическую панораму, позволяющую дать совокупную характеристику разреза памятника, составленного автором с учетом наблюдений С. М. Цейтлина, Д. Б. Базарова, Л. Д. Базаровой, А. Ф. Ямских. Описание разреза дается сверху вниз (рис. 11).

Мощность
(в м)

1. Почва темная, черная. Граница с желтым слоем неровная, четковыраженная. На некоторых участках отмечается усложненное строение почвы с более темными верхней и нижней частями и осветленной средней полосой

0,5—0,7

2. Супесь палево-бурая или светло-коричневая тонкая с отдельными расплывчатыми пятнами гумуса в средней части. В слое имелись кротовины и остатки следов корневой системы в виде фиолетовых пятен. Слоистость не выражена

0,3

Мощность
(в м)

0,2

3. Супесь светло-серая, тонкая, лессовидная, сильно карбонатизированная. Особенно яркая полоса карбонатизации наблюдается в верхней части слоя. При высыхании — граница с вышележащим слоем подчеркнута резкая. Нижняя граница менее отчетлива

0,2

4. Зона почвообразования. Общий цвет серо-бурый. При тщательной зачистке по свежему срезу отчетливо проявляются две бурые супесчаные лентообразные прослойки мощностью по 5—7 см, разделенные светлой опесчаненной прослойкой такой же мощности. При небольшом высыхании проявляется налет карбонатизации, затягивающий прослойки. Однако и в этой ситуации данная зона имеет более темный оттенок. В некоторых местах темная полоса прерывается белыми пятнами, указывающими на вершины мерзлотных клиньев шириной до 1 м. Они разрывают зону почвообразования и восходят к основанию слоя 3

0,5

5. Супесь светло-серая, близкая к слою 3, но менее карбонатизированная. В нем заметны отдельные гумусированные полоски и линзы сильно разрушенной палеопочвы

1,5—1,6

6. Зона почвообразования с существенной деформацией (пересотложением) ее верхней части. В основе представляет собой бурый алевритистый песок, довольно плотный, при смачивании вязкий со следами почвообразования. Верхняя часть. Содержит включения буро-коричневой супеси, а также пятна и линзы растащенной почвы. Ближе к основанию сохраняется более или менее устойчивый прослой почвы мощностью 0,15—0,25 м. С кровли заложены мелкие косорасположенные клинья. Подстиляется тонкой волнистообразной, но все-таки устойчивой песчаной прослойкой мощностью 0,03—0,05 м. Мощность верхней части — 0,6—0,7. Средняя часть. Следы почвообразования явные и устойчивые, что проявляется в более насыщенном черном цвете и лентообразном характере залегания и достаточно определенно очерченной кровле. На некоторых участках заметно разделение ленты на две полосы. Подстиляется песчаной прослойкой, извилистой, с размазанными пятнами гумуса мощностью 0,15—0,2 м. Мощность средней части — 0,5 м. Нижняя часть. Темная почвенная лента с отчетливой кровлей и подошвой с включением более светлых пятен супесей без четких границ. Мощность нижней части — 0,35—0,4 м. Общая мощность

1,35

7. Песок желтовато-бурый, тонкозернистый, глинистый, однородный, рыхлый, с редкой хорошо окатанной галькой. В нижней части слоя частые пятна и вкрапления ожелезнения. Встречались линзы иловатых песков. Слоистость горизонтальная и слабовыраженная

0,3

8. Валуну средних и крупных размеров. Окатанность их средняя. Среди них встречались сильно выветрелые, разрушенные, каолинизированные отложения пестрого состава и цвета. Многие превращены в песок и глину. Заполнителем является мелкозернистый песок и галька

3,5

9. Галечники и разнозернистые пески. Окатанность их хорошая. Слоистость горизонтальная

(видимая)

В разрезе террасы выделялись две генетически разные толщи: делювиальные отложения, сложенные тонкой супесью и песком с несколькими уровнями почвообразования (слои 1—6), аллювиальные — старично-пойменные — отложения (слой 7) и русловые (слои 8—9).

Русловая фация состояла преимущественно из песчано-галечного материала, мощность ее не превышала 4 м. Окатанность гальки и песчаных зерен средняя и хорошая. Сверху эти отложения покрыты сильно выветрелыми, каолинизированными и расколотыми галечниками и валунами довольно пестрого состава и цвета.

Местами валунно-галечный материал разрушен до песков и глин. Их сильная выветрелость и разрушенность объясняется тем, что при размыве коренных пород во время врезания реки материал переносился уже в разложившемся состоянии и на сравнительно небольшое расстояние. На этих галечниках и валунах залегали отложения пойменостаричного комплекса, представленные желтовато-бурими, тонкозернистыми, глинистыми песками с редкой галькой. Выше по разрезу песчаный материал становился более тонким и представлен иловатыми и алевритистыми песками. Слоистость в песках почти не выражена, хотя ближе к сужению реки она становится более заметной. В гранулометрическом составе песка преобладали в основном фракция 0,05 мм (63—69%). Окатанность зерен плохая и средняя. Песок довольно средний и хорошо отсортированный. По петрографическому составу он полимиктовый с преобладанием полевого шпата (45—56,5%). В качестве примесей повсеместно встречались глинисто-слюдистые массы. В тяжелой фракции шлихов ведущее место занимали неустойчивые минералы, такие как амфиболы, эпидот, сфен, анатит, магнетит и др. Присутствие устойчивых минералов незначительно (Базаров, Константинов, Иметхенов, Савинова, Семина, 1981; Базаров, Константинов, Иметхенов, Базарова, Савинова, 1982).

Теперь постараемся определить возраст отложений. Слой 1, 2 представляет несколько голоценовых почв разной степени сохранности. Нижележащий слой 3 отмечен сильной карбонатизацией. Граница распространения карбонатов указывает, как можно полагать, на рубеж плейстоцена и голоцена. Из основания слоя 3 уходят вниз мерзлотные клинья существенной мощности. Они прорезают две тонкие бурые почвы (слой 4). Такая связка позволяет датировать эти почвы позднесартанскими интерстадиалами, перекрытыми слоем норильского времени, в начале которого были заложены мерзлотные клинья.

Слой 5, судя по его позиции и характеру, характеризует холодное время, увязываемое с ньяпанской стадией сартанского оледенения. Локальные проявления почвы из этого слоя

Пока трудно идентифицировать полностью, но не исключено, что она указывает на кратковременное потепление внутри этой стадии.

Существенное место в делювиальной части разреза занимает нижний педокомплекс (литологический слой 6). Судя по его мощности и весьма существенной гумусации отложений, он мог сформироваться в период длительного потепления, связанного с межледниковьем, судя по всему — последним, каргинским. Педокомплекс состоит из трех частей, характеризующихся почвами разной степени выразительности и сохранности. Нижняя почва представляет раннюю теплую фазу; средняя ючва — среднюю, малохетскую; верхняя — позднюю, линовско-новоселовскую, сильно деформированную и отчасти вовлеченную в раннесартанский солифлюкционный процесс, дополненный мерзлотным расклиниванием, произошедшим в гыданскую стадию (возможно, где-то около 20 тыс. л. н.). Таким образом, верхняя часть педокомплекса отражает не только последнюю фазу каргинского межледниковья (формирование липовско-новоселовской почвы), но и первую фазу сартанского оледенения (разрушение и переотложение почвы). Осветленные песчаные прослои между почвами соответствуют интерстадиальным похолоданиям.

Аллювиальные отложения из слоя 7 могут принадлежать зырянскому оледенению. В отношении галечников отмечалась их разрушенность, что предполагает их значительный в пределах верхнего плейстоцена возраст, скорее всего, соответствующий казанцевскому межледниковью. На это же указывает заполнение галечника каолинизированными отложениями пестрого цвета.

Исходя из характера и возраста отложений, составляющих разрез, а также с учетом представлений о террасовом ряде, позиция террасы определяется как IV надпойменная, сниженная по высоте в условиях впадины. Напомним, что первоначально возраст отложений Куналея определялся иначе. Это было связано с тем, что верхние почвы в плейстоценовой части разреза не были замечены; при этом, естественно, нижние почвы считались позднесартанскими. Позиция террасы в той ситуации определялась как I или II надпойменная (Базаров, Константинов и др., 1981, 1982).

Изучение отложений в двух раскопах позволило выявить серию культурных горизонтов. Два горизонта зафиксировано в слое почвы: один из них располагается в кровле почвы, другой — в ее основании. Горизонты обозначены как 1А и 1Б. В них найдены очаги и немногочисленные находки эпохи бронзы.

В литологическом слое 2, 3, 4 находок не выявлено.

В литологическом слое 5 (светло-серая супесь мощностью до 0,5 м) выявлена серия ка-

менных изделий и отдельные обломки костей. Они отнесены к культурному горизонту 2. Этот горизонт разбирался тремя уровнями по 0,15—0,17 м каждый. Стерильных прослоек внутри уровней и между ними обнаружить не удалось. Отсутствует и зона преимущественной концентрации находок по вертикали. Не удалось обнаружить и других «зацепок» для выделения реальной поверхности обитания. Состав находок в трех уровнях одинаков. Инвентарь горизонта сравнительно немногочисленный (266 экз.). Основную массу изделий составляли отщепы (216 экз.). Нуклеусы единичны, но показательны. Они предназначались для снятия микропластин, но снятия неустойчивы и несоразмерны. Фронт располагается на торце, сделана попытка оформить клин (рис. 42, 1—3, 5). Два основных экземпляра дополняются семью оббитыми желвачками с единичными, возможно случайными, микроснятиями.

Из орудий наиболее выразительны проколки (17 экз.). Они изготовлены из отщепов. Одна из проколки крупная асимметричная. Ее массивное клювовидное жальце оформлено в нижней части бокового края ретушью со спинки. Шесть проколки имели основы средних размеров. Две из них являлись плечиковыми. Их жальца оформлены ретушью на нижнем конце, в одном случае ретушь направлялась со спинки, в другом — с брюшка. Еще у двух проколки жальца выполнены на боковой стороне, при этом с одной кромки жальца нанесена ретушь, с другой — мелкий резцовый скол. Обращают на себя внимание 2 проколки с двумя жальцами-шипами. Шипы обработаны ретушью со спинки.

Долотовидные орудия (4 экз.) имели двустороннюю чешуйчатую подтеску одного края. Эти орудия изготовлены на пластинчатых отщепах и отщепах средних и мелких размеров (рис. 42, 4, 8, 9).

Концевой скребок сделан из подтреугольного отщепа с крутой тщательной ретушью со спинки, по боковым краям и узкому нижнему концу. Один боковой край скребка прямой, другой — выпукло-скошенный (рис. 42, 12). За счет этого изделие приобретало асимметричные очертания. Два скребла представлены обломками (пластин?). Они оформлены крутой тщательной ретушью по обоим продольным краям со спинки. Микроскребок обнаружен только один, он изготовлен из отщепа. Ретушь нанесена на нижнем конце со спинки на участке дугой до 60° (рис. 42, 10).

Пластинки (9 экз.) имели неправильные очертания или сохранились только в обломках (рис. 42, 6, 7). Один из них напоминает микропластинку. У единственной пластинки ретушь противоположная. Кроме того, найдены отщепы с мелкой краевой эпизодической ретушью (6 экз.) и отбойник из небольшой гальки.

В литологическом слое б, в его верхней части мощностью 0,7 м, выявлен представительный археологический материал. Культуросодержащая часть литологического слоя определена как культурный горизонт 3. Он разбит на 6 уровней, по 10—12 см каждый. Предметный материал располагался во всех уровнях, без каких-либо четко выделяемых стерильных прослоев. Качественных различий в характере каменных изделий между уровнями не устанавливается. Данное обстоятельство может быть объяснено процессом формирования литологического слоя. Несомненно, что поверхность обитания (не исключено и множественное число) должна быть связана с липовско-новоселовской почвой, от которой в лучшем случае сохранилась ее нижняя половина (или же только основание), тогда как верхняя половина (или же еще большая часть) вовлекалась в солифлюкционный процесс. Частичное разрушение и переотложение почвенной массы привело к перемещению изделий с предполагаемой поверхности обитания в вышележащие уровни, что сопровождалось, без сомнения, и перемещением их вниз по склону. Иначе говоря, мощный культуросодержащий горизонт сформировался не в результате чрезвычайно длительного обитания людей на одном месте, а вследствие природных процессов, разрушивших поверхность обитания, насыщенными каменными изделиями. Из хозяйственных конструкций в культурном горизонте 3 сохранился только один очаг размерами 1,20×1,05 м. Он отмечен несколькими крупными гальками, лежащими плашмя, несколько галек по краю стояло на ребре. Строгой системы в расположении камней не было. Между камнями встречались углестолистые примазки. В очаге найден обломок чоппера.

В качестве исходного материала для изготовления орудий употреблялись ороговикованный фельзит-порфир, липарит-порфир, щелочной липарит, фельзит, кремь, пелитовый и глинистый туф. В основном использовалась речная галька. Ее собирали здесь же на берегу реки под уступом террасы. Изредка в дело шли также желваки, которые находили близ поселения на склонах Кукуйской сопки. Точно такие же желваки, в том числе обработанные, можно собирать там и сейчас.

Всего каменных изделий в культурном горизонте найдено 2283 экз. (табл. 11—12). Большое место в коллекции занимали отщепы различной формы: подтреугольной, подтрапециевидной или бесформенные и мелкие вплоть до чешуек (1887 экз.). Широко представлены ортогональные нуклеусы крупных и средних размеров (76 экз.), предназначенные для снятия отщепов (см. главу 6).

Первоначально в коллекции выделялась небольшая серия из микронуклеусов (Базаров, Константинов и др., 1982). Однако при их

дальнейшем изучении выяснилось, что такая интерпретация не является правильной. В итоге данные артефакты были определены как долотовидные орудия, что подтвердилось и трасологическим анализом. По форме они нуклевидные, по размерам — миниатюрные, односторонние, с плоскими забитыми обушками. На плоскостях изделий отмечаются отдельные фасетки, напоминающие микропластинчатые. Наверно, отсюда происходит несколько технических или ненамеренных снятий, сходных с мелкими обломками микропластин (5 экз.) (рис. 44, 1, 2).

Еще 9 долотовидных орудий изготовлены из отщепов, в основном небольших размеров, у шести из них один рабочий край, у трех — два края. Рабочие края несут следы чешуячатой подтески (рис. 44, 3).

Самое заметное место среди орудий занимали скребла (91 экз.). Они не однотипны. Различия между скреблами определялись формой рабочей части, характером основы и ретуши, хотя во всех случаях ретушь краевая. Классификационные признаки являлись взаимно пересекающимися (рис. 42, 13—15; 43, 7; 44, 4—13; 45, 1—8). Тем не менее возможно выделить типы и виды изделий, систематизировав их в таблице 13.

В особую серию выделены концевые скребки (18 экз.). Они изготовлены на продолговатых основах, из которых 15 являлись отщепами, 3 — пластинами. Обработка заключалась в ретушировании нижнего конца и боковых краев крутой ретушью со спинки (рис. 43, 10, 11, 16). У одного из орудий ретушь, оформляющая боковые края, начиналась со средней продольной линии, благодаря чему обработка становилась близкой к унифицированной (рис. 43, 13). Это орудие изготовлено на правильной удлиненной пластине. Единственный скребок является двуконцевым.

Особо примечательна серия концевых скребков с плечиками (34 экз.). Орудия изготовлены из отщепов. За счет формирующей ретуши им придана продолговатая форма. В качестве рабочего края употреблялся нижний конец отщепа, который ретушировался со спинки. Он выпуклый, крутой. Кроме того, ретушировались боковые края, при этом они приобрели вогнутые очертания, а в месте сочленения обушка с рабочей частью выделялись плечики, ставшие особенностью этих орудий. По данным трасологического исследования, эти скребки использовались для обработки шкур. В процессе работы лезвия скребков неоднократно подправлялись, в результате чего линейные следы частично уничтожались. Об изношенности боковых лезвий свидетельствуют заглаженность, стертость, заполированность, отсутствие линейных следов. Степень изношенности становилась менее заметной ближе к плечикам. Плечики, как особые части орудия (предназначенные, к примеру, для резания) не использовались. Это, как и само на-

личие плечиков, позволяет предположить, что скребки использовались в рукоятках (рис. 43, 8, 9).

Из серии проколов (18 экз.) наиболее интересны 4 орудия. Они изготовлены из небольших отщепов сложных очертаний с устойчивыми приемами оформления рабочих шипов — узких подтреугольных выступов, по одной кромке выступа и прилегающему краю ретушь ведется со спинки, по другой — с брюшка. Трасологически эти изделия определены как провертки (сверла?) для работы на толстых шкурах, а также, возможно, по дереву, т. е. на материалах грубых и плотных. В процессе работы рабочие шипы неоднократно переоформлялись (рис. 43, 18).

У 11 проколов жальце оформлено ретушью только со спинки, при этом в четырех случаях оно расположено на стыке бокового края и нижнего конца, а в семи — на нижнем конце основы, симметрично ее продольной оси. Основами этих проколов являлись отщепы. По массивности они различны (рис. 43, 18).

Отдельно опишем три проколки. Первая проколка, изготовленная из отщепа, имеет четыре жальца-шипа, оформленных ретушью со спинки (рис. 43, 12). Вторая проколка сделана из пластины подтреугольной формы с жальцем на узком конце и крутой ретушью по длинным боковым краям со спинки (рис. 43, 15). Третья проколка имела такое же жальце, как у предыдущей, но в отличие от нее не краевую, а бифациальную обработку. Это единственное орудие с такого рода обработкой в палеолитическом горизонте (рис. 43, 14).

Резцы типологически неоднородны и в большинстве своем маловыразительны (9 экз.). Наиболее четкую морфологию имели два срединных и один угловой резцы. Первый срединный резец изготовлен из продолговатого первичного отщепа. Одна длинная грань его покрыта крутой притупляющей ретушью со спинки. Противоположная грань устранена торцовым сколом. Рабочая часть оформлена двумя резцовыми сколами, направленными от центра к краю. Аналогичное оформление имел второй срединный резец. Он изготовлен из широкого прямоугольного отщепа, похожего на фрагмент пластины. Угловой резец близок к первому, срединному, по пропорциям, но изготовлен из неправильной пластины. Его рабочая часть оформлена одним наклонным сколом, другим же сколом снят боковой край по всей его длине. Противоположный край ретуширован со спинки. Резцовые сколы на остальных резцах (?) из небольших отщепов могут иметь случайное происхождение.

Остроконечники немногочисленны (2 экз.). Для них характерны симметричные формы. Рабочее острие оформлено на нижнем конце отщепа, ретушь наносилась по краям со спинки.

Широкая и длинная пластина найдена только одна. Она имела прямоугольную форму и тщательно заостряющую ретушь по обоим краям со спинки. Еще одна достаточно правильная пластина средних размеров, кроме ретуши по краям, отмечена легкой полтеской нижней конца со спинки. Остальные пластины — 20 полных и 17 фрагментов — средние по размерам, с субпараллельными боковыми краями, не стандартные (рис. 43, 1, 2). В большинстве своем они могли быть сняты с тех же ортогональных нуклеусов. Фрагменты пластин в данном случае так же определены условно, возможно, это обломки сравнительно правильных отщепов. Некоторые пластинки по краям обработаны ретушью: по обоим со спинки — 5 экз., по одному со спинки — 5 экз., по одному с брюшка — 4 экз., противоположная — 2 экз. (рис. 43, 3—6).

Классификация чопперов (26 экз.) построена с учетом критериев, выработанных З. А. Абрамовой (Абрамова, 1972, с. 125—141). Согласно предложенной ею методике, измерялись кривизна рабочего края (к. р. к.) и угол заострения (у. з.) чопперов. Большинство орудий этой серии подходило под определение чопперов. Классическим примером такого типа изделий являлась массивная плоская трапезиевидная в плане галька, оббитая по одному краю. Оббивка производилась с одной поверхности. Она захватывала 2—4 см вдоль рабочего края, к. р. к. — меньше +1; лезвие слегка волнистое, у. з. — 60°. Второе изделие отличалось от первого тем, что его нижняя поверхность в зоне рабочего края естественно скошена. Изделие имеет: к. р. к. — больше +1, у. з. — 60°. Еще одно изделие, изготовленное из плоской плитки, обработано по двум краям, расположенным под прямым углом друг к другу. Ретушь по обоим краям односторонняя крутая, ступенчатая, с заломами, что определялось, вероятно, характером материала. Один край после обработки стал дугообразно-выпуклым, к. р. к. — +3, другой — вогнутым к. р. к. — 1, у. з. — 65°. Орудие могло использоваться как чоппер и как скобель. Очевидно, первоначально плитка служила наковаленкой. Об этом свидетельствуют частые и глубокие вмятины, насечки на нижней и отчасти верхней плоскостях (рис. 46, 5). Еще один чоппер — с двумя рабочими выпуклыми (+1, +2, 45°—50°) на противоположных концах расколотой вдоль гальки. У чопперов (18 экз.) встречаются различные варианты оформления лезвия, иногда в сочетании с частичной оббивкой остальной части изделия. Преимущественно к. р. к. — 0, +1, у. з. — 55°—65°. У двух изделий при к. р. к. +2, у. з. — 65° и 75°. Для 6 чопперов основами послужили гальки, использовавшиеся сначала как нуклеусы. «Рукоятки» этих орудий покрыты фасетками от отщепов и только частично сохраняют корку. Рабочие края орудий дополнительно подправлены ретушью. Кривизна лезвия

к. р. к.—около +1, у. з.—50°—66°. У одного из этих орудий выделен четкий массивный клювовидный выступ, оформленный выемками с двух сторон (рубящее изделие с носиком) (рис. 42, 16).

Три орудия по характеру обработки и форме скорее похожи на рубила, хотя это название, конечно, условное. Их можно сравнить с енисейскими рубящими орудиями, определенными З. А. Абрамовой как вариант типа Г (Абрамова, 1972, с. 126—127). Одно из орудий—треугольное в плане. Обе широкие поверхности почти полностью оббиты широкими сколами. Нижний конец имеет дополнительную мелкую подправку. У второго изделия форма примерно такая же, но оббивкой затронута только одна поверхность. Третье изделие представляет собой обломок.

Кроме того, выделены: скобель—массивная галька с выемкой по длинному краю, наковаленки—плитки со следами меток по поверхности (3 экз.), отбойники—речные гальки с забитостями на узких концах (6 экз.) и отщепы с мелкой эпизодической ретушью (56 экз.).

Большой интерес представляют костяные поделки—шилья из обломков трубчатых костей длиной 8,4 см (3 экз.) (рис. 46, 2—4) и обломок иглы длиной 2,1 см, диаметром 0,2 см.

В горизонте 3 найдены немногочисленные определимые кости, в т. ч. лошади, носорога и, предположительно, сайги, бизона, оленя (Оводов, 1975, с. 39).

Археологический материал из горизонта 3, несомненно, палеолитический, находки отличаются крупными формами, среди них ведущими являются скребла и чопперы. Орудия изготавливаются, преимущественно, из отщепов, которые снимаются с ортогональных нуклеусов. Весьма показательно отсутствие техники микронуклеуса и микропластин. Если набор скребел вполне резонно напоминает мустьерские комплексы, то концевые скребки, проколки и долотовидные орудия составляют беспорядочный позднепалеолитический компонент. В целом, по характеру каменной индустрии этот горизонт возможно датировать начальным этапом позднего палеолита.

Геологический возраст слоя определен липовско-новоселовской фазой каргинского межледниковья и первой фазой сартанского оледенения (30—20 тыс. л. н.), хотя фактическое время, когда мог сформироваться культурный горизонт, лежит в пределах каргинской эпохи (30—25 тыс. л. н.). Это соответствует археологическому определению возраста.

Присутствие в фауне носорога, по меньшей мере, указывает на возможность такой же датировки. По гумусу, выделенному из грунтовой пробы, взятой из средней части каргинской почвы, получена дата 21100 ± 300 тыс. л. н.

(ГИИ-6124). Она не повторяет возможную геолого-археологическую датировку, хотя и не противоречит ей кардинально. Если признать ее правильной, то она подсказывает возможные варианты в датировке каргинских почв.

Труднее датировать материал из культурного горизонта 2 (табл. 11—12). Он менее представителен. Сам же горизонт не отличается четкой внутренней структурой, в связи с чем непонятна истинная позиция поверхности обитания. По своей стратиграфической позиции он может быть увязан с сартанским оледенением, начиная от максимума холода в районе 20 тыс. л. н. (подошва слоя, отмеченная серией клиньев) до 16 тыс. л. н., обозначенного в слое легким проявлением гумуса, отражающей короткий теплый интерстадиал.

В составе каменных изделий этого горизонта в отличие от нижележащего присутствуют микронуклеусы. Они отличаются определенной архаичностью, что позволяет увидеть в них ранние образцы микронуклеоидной техники. Существует вероятность датировки горизонта в пределах 20—18 тыс. л. н.

В целом, оценивая Куналей как объект исследования, следует отметить весьма сложный характер строения его культуросодержащей части.

Оставив в стороне достаточно самостоятельные голоценовые горизонты, обратим внимание на то, что находки залегают в толще мощностью 1,2 м, в которой располагаются практически везде без перерывов, при этом литологические особенности и цветовые градации несущих отложений (особенно в процессе плоскостного снятия) сглажены и лишь при детальном исследовании вертикальных структур проявляют себя, позволяя выделять слои и прослой и увязывать с ними археологический материал. Куналей является образцом делювиальной террасовой археологии, представленной весьма сложно читаемой стратиграфией, богатыми комплексами каменного инструментария, немногочисленным, но показательным фаунистическим материалом и единичными хозяйственными структурами. Наибольшее значение имеет ансамбль каменных изделий, характеризующих «ортогонально-отщеповую» индустрию с преобладанием в орудийном наборе скребел, дополняемыми оригинальными сериями концевых скребков и проколов.

На Куналее могут быть открыты новые, более древние культурные горизонты. Так уже сейчас известны единичные каменные изделия из средней части каргинского педокомплекса, из верхней части аллювия обнаружены обломки костей животных. Словно заманивая в глубь отложений, Куналей приоткрывает возможность для решения мустьерской проблематики.

Таблица 11

Куналей. Состав каменных изделий

Категории каменных изделий	Культурные горизонты			
	2		3	
	кол-во	%	кол-во	%
1. Нуклеусы	9	3,38	76	3,32
2. Орудия (в т. ч. отщепы с ретушью)	32	12,0	299	13,1
3. Пластины	9	3,38	21	0,91
4. Отщепы	216	81,2	1887	82,6
	266	100	2283	100

Таблица 12

Куналей. Состав орудий

Типы орудий	Культурные горизонты			
	2		3	
	кол-во	%	кол-во	%
1. Микроскребок	1	3,0	91	30,73
2. Скребла	2	6,0	18	6,07
3. Концевые скребки	1	3,0	34	11,3
4. Концевые скребки с плечиками	—	—	—	—
5. Долотовидные орудия	4	12,0	14	4,71
6. Проколки	17	53	18	6,07
7. Резцы	—	—	9	3,03
8. Остроконечники	—	—	2	0,66
9. Пластины с ретушью	1	3,0	18	6,07
10. Чоперы	—	—	26	8,77
11. Рубящие изделия	—	—	3	1,0
12. Скобель	—	—	1	0,32
13. Отбойники	1	3,0	6	2,01
14. Отщепы с ретушью	6	18,0	56	18,39
15. Наковаленки	—	—	3	1,0
Итого:	32	100	299	100

Таблица 13

Куналей. Горизонт 3. Типы и виды скребел

Тип и вид	К-во
1. Из галек и сколов	8
а) продольные	4
б) поперечные	4
2. Из массивных отщепов	4
а) поперечное дорсальное одинарное	1
б) поперечное вентральное одинарное	4
в) продольное дорсальное одинарное	1
г) продольное дорсальное двойное	1
д) поперечное дорсальное двойное	1
е) продольно-двойное поперечное дорсальное	1
3. Из отщепов	12
а) продольное дорсальное одинарное	3
б) продольное вентральное одинарное	2
в) продольное дорсальное одинарное с зубчатой ретушью	12
г) продольное дорсальное двойное	3
д) продольное дорсальное двойное с подтеской нижнего конца	2
е) продольное дорсально-вентральное	7
ж) поперечное дорсальное одинарное прямое	12
з) поперечное дорсальное одинарное выпуклое	2
и) поперечное дорсально-вентральное двойное	2
к) поперечно-продольные дорсальные	2
л) поперечно-продольное дорсально-вентральное	2
м) угловатые дорсальные двойные	1
н) угловатые дорсально-вентральные тройные	2
о) конвергентные дорсальные двойные	2
п) концентрические дорсальные	1
р) концентрические дорсально-вентральные	1
Итого:	91

ЧИТКАН

Читкан открыт в 1970 г. И. И. Кирилловым. (Кириллов, Ковычев, 1970). В 1974 г. нами на стоянке был собран палеолитический подъемный материал, а в 1975 г. в небольшом раскопе палеолитические вещи удалось выявить в слое (Константинов, Немеров, 1978). В 1977 г. этот раскоп расширен до 66 кв. м. Геологические работы на памятнике проводились в 1980 г. В первой публикации по Читкану указано, что его основной культурный горизонт относится к концу палеолита (Базаров, Константинов и др., 1982). В 1988—1989 гг. работы на стоянке возобновились. Были проведены раскопки на площади 18 кв. м с тщательной проработкой позиции каждой находки и детальным изучением всех профилей раскопа — новых и старых. Это позволило существенно продвинуться вперед в понимании Читкана, превратившегося из скромной второ-

степенной стоянки в один из опорных памятников палеолита района исследования. Ныне на поселении известно 6 палеолитических горизонтов, отражающих малоизученный период от 30 до 20-ти тысяч лет назад. Отметим, что существование горизонта конца палеолитического времени не подтвердилось.

Расположено поселение на правом берегу р. Чикой, в пади Читкан, в 2 км выше с. Жиндо, на краю амфитеатра, образованного отступающим от реки полукругом сопками. В пределах амфитеатра прослеживаются пологие шлейфы и речные террасы с распаханными поверхностями. Наиболее четко прослеживается террасовый уровень высотой 8—9 м. Он вытнут непосредственно вдоль берега Чикой и представляет собой обнажение, в котором по описанию А. Б. Иметхенова, наблюдаются следующие отложения:

	Мощность (в м)
1. Почва, состоящая из дерна (0,15 м) и темно-серой супеси	0,4—0,5
2. Супесь серая и палево-серая, слегка карбонатизированная с рассеянной мелкой дрсвой и щебнем. В основании слоя прослоя прослеживаются два бурых прослоя мощностью по 7—10 см каждый с тонкой песчаной прослойкой между ними.	1,5
3. Песок серый и палево-серый, тонкозернистый, слегка пылеватый, с линзами и прослойками хорошо окатанной мелкой гальки и крупнозернистого, гравелистого песка. Слоистость тонкая, горизонтальная, реже — косая	0,8
4. Песчано-галечно-валунные отложения с хорошо выраженной горизонтальной слоистостью. Галька и валуны имеют среднюю окатанность (2—3 класс, по А. В. Хабакову)	5,2

В данном разрезе различимы аллювиальные отложения (слой 3 и 4) и покровные супеси с дрсвой и щебнем (слои 1 и 2). В основании слоя 2 залегают почвы, судя по их строению и позиции, относящиеся к поздне-сартанским интерстадиям. На основании строения террасы она определена как II надпойменная.

Древнее поселение также связано с береговой террасовой линией, но геологическая ситуация здесь все же иная. Зона поселения отделена от основной части амфитеатра сухим, хорошо разработанным, оврагоподобным руслом, выходящим из бокового распада. Поселение располагается на стыке конуса выноса этого распада и террасовой поверхности высотой 12—14 м. Ее геоморфологическую позицию в террасовом ряду по внешним данным установить сложно, но она проявляется в результате изучения разреза памятника, полученного на основании наблюдения за фронтальными и латеральными профилями раскопа.

Ниже приводится общая стратиграфическая колонка (рис. 11):

	Мощность (в м)
1. Почвенный слой, черный, гумусированный. Нижняя часть более осветленная. Переход к нижележащему слою постепенный. Имеет место иллювиальное внедрение в слой 2 и отчасти 3	0,4
2. Песок грязно-коричневый, плотный с рассеянной дрсвой, слабогумусированный. В ближней к реке части раскопа (секторы 1, 2) этот слой не прослеживается	0,25
3. Песок светло-коричневый пылеватый с рассеянной дрсвой, плотный, слабокарбонатизированный. В средней части и в основании слоя отчетливо выделяются два слабогумусированных прослоя мощностью по 6—12 см.	0,36
4. Супесь серая, при высыхании сильно карбонатизированная, с рассеянной дрсвой. Верхняя граница четкая, подчеркнутая особенно яркой палево-серой полоской мощностью 10—15 см. Под этой прослойкой прослеживаются две полосы потемнения, которые более заметны по мере высыхания	

профиля после зачистки, но «исчезают» при сильном высыхании. Прослои имеют темно-серый цвет и неотчетливые границы. Мощность каждого прослоя по 10—12 см каждый. Между ними — светлая прослойка мощностью 3—4 см. Эта часть слоя может быть определена как зона почвообразования. Ниже ее слой приобретает более однородный серый цвет, мощность этой части слоя 0,4—0,6 м. По направлению скребков мощность слоя уменьшается в 1,5—2 раза, при этом зона почвообразования уже не прослеживается. В секторах 1 и 2 слой приобретает наклон до 10—12° в сторону реки. В целом мощность слоя колеблется в пределах.

5. Супесь, при высыхании карбонатная; дресвы меньше, чем в вышележащем слое; выявляется переслаивание двух видов прослоек. Первый вид: темно-бурый, местами черноватый, со следами гумусирования. Второго вида: светло-коричневый, при высыхании они быстрее становятся белесыми. При более сильном высыхании стенки первого вида прослоек, как бы уплотняются и хорошо сохраняются, тогда как прослойки второго вида, более рыхлые, начинают высыпаться. Из-за этого стенка становится как «стиральная доска», микрорельефная, волнистая. Оба вида прослоек имеют мощность 2—4 см. Исключение представляет нижняя стерильная прослойка мощностью 24 см. Прослойки располагаются линейно, слабонаклонно в сторону реки. Угол наклона дает перепад в 0,4 м на 5 м латерального профиля. Прослоек того и другого вида по пять. На латеральных профилях выявлены клинья. Они заложены с кровли слоя 5, косорасположенные, разрыв имеет ширину до 0,5 м. В зоне клиньев одно «плечо» слоя подброшено вверх и сжато, другое — опущено вниз. Установлено, что клинья, отраженные на профилях, взаимосвязаны между собой.

Общая мощность слоя

В сторону реки мощность слоя уменьшается до 0,3—0,4 м, при этом слой начинает терять свою слоистую структуру и предстает в виде темно-серой супеси с неясными оборванными прослойками мощностью до 0,2 м.

Слой 5 подстилается литологическим слоем 6, вскрытым в раскопе частично. Полностью слой 6, как и нижележащие слои, изучены в шурфе, заложенном на дне раскопа в секторе 3 на кв. 29, 30 м, л. Его размеры 1,5×1,5 м.

Ниже дается стратиграфия шурфа (с сохранением общей нумерации слоев):

6. Супесь коричневая однородная с рассеянной дрсвой. В основании — белые известковые примазки, вытянутые извилистой ленточкой и представленные отдельными пятнами

7. Супесь серовато-желтая. В ее верхней части прослой слабогумусированной (?) супеси мощностью 3—7 см. Хорошо виден по северо-восточной стенке. Замечен небольшой клин, разбивающий этот прослой. С большим трудом угадывается микрослоистость, она очень неотчетливая. Дрсва рассеянная, местами образует короткие линзы. Встречаются отдельные сильно разрушенные камни

В средней части слоя, ниже его кровли олоя на 0,8 м найден обломок крупной кости

Мощность
(в м)

0,4—0,9

0,6

0,5

1,2—1,3

	Мощность (в м)
8. Супесь коричневая, более насыщенная дресвой, карбонатные примазки, неотчетливая слоистость, отдельные разрушенные камни, обломок кости	0,5
9. Суглинок, сильно-карбонатизированный, коричневый	0,7
10. Галечник слабоокатанный с песчаным наполнителем	2,3
11. Коренные гнейсовые породы	6,0
	(видимые)

Генезис отложений раскопа может быть такой: слои 1—6 явно делювиальные. Слои 7—8—трудноопределяемы по генезису. Слоистость едва заметна. Гравия и гальки нет. Предположительно,—это аллювий тыловой части террасы. Слой 10—русловый галечник. Слой 11—террасовый цоколь.

Полученный разрез позволяет по-новому оценить геоморфологическую позицию памятника. Ранее мы считали, что он связан с тыловой частью II террасы, хорошо выраженной в основной части амфитеатра и почти полностью уничтоженный в зоне памятника. Теперь нам представляется важным обратить внимание на следующие обстоятельства: галечник в основании разреза на поселении принципиально иной, чем в разрезе собственно II террасы, он слабоокатанный и мелкий, тогда как на II террасе его окатанность в пределах 3 класса, а размеры не только галечные, но и валунные. Принципиально иное строение имеет терраса в зоне расположения памятника в целом. Так в делювиальных отложениях в слоях 3, 4, 5 прослеживаются палеопочвенные прослойки. Не исключено, что остатки почвы есть в слое 7. Установлено два явных уровня мерзлотного клинообразования. Все это делает разрез достаточно «читаемым». На наш взгляд, слои 1—3—голоценовые, слой 4—сартанский; в его верхней части намечаются почвы позднесартанского интерстадиала и мерзлотные глиняные норильского времени; слой 5—позднекаргинский с хорошо выраженной слоистостью, в том числе с пятью прослойками палеопочв; слои 6—8—датировать сложнее; можно предположить, что слабогумусированный (?) прослой в верхней части слоя 7 относится к среднекаргинскому времени, в этом случае нижележащие отложения являются раннекаргинскими. В целом разрез отражает строение III надпойменной цокольной террасы, что подтверждается на основании корреляции с поселением Мельничное (см. главу 4).

Отдельные орудия и фрагменты керамики были обнаружены в слое современной почвы. Он определен как культурный горизонт I и датирован эпохой бронзы.

В слоях 2 и 3 находок не оказалось.

Литологический слой 4 разбирался 4 уровнями мощностью по 20 см:

Уровень 1. В нем обнаружено 42 артефакта, из них 34 отщепов, 4 пластинки, пластинка с

ретушью, скребло, 10 обломков костей, обломков зуба, кусочки охры.

Уровень 2. В нем найдено 152 артефакта, из них 119 отщепов, 2 нуклеуса, 21 пластина, 2 пластины с ретушью, скребло, 3 проколки, чоппер, 3 отщепов с ретушью, а также 8 обломков костей и зубов, кусочки охры.

Уровень 3. Выявлено два хозяйственных комплекса. Первый приходится на среднюю часть раскопа. С ним связан частично разрушенный очаг с тонким золистым заполнением и 18 камнями на поверхности. Один из камней имеет глубокую конусовидную естественную западину, ее можно было приспособить для зажима нуклеуса в процессе расщепления. В очаге найдены 2 отщепов, обломки кости и зуба.

Обращает на себя внимание то, что по дугообразной линии, как бы обрамляющий очаг с севера и востока, располагается 8 камней размерами 20—40 см. Они представляют собой слабоокатанные речные гальки, лежащие плашмя или с небольшим наклоном, по одиночке или сдвоенно. Расстояние между камнями обкладки и краями очага — от 0,5 до 1,5 м. Дугообразная линия, образованная «пунктиром» камней имеет протяженность 5,5 м. Соотношение очага и линии камней позволяет предположить, что выявлено частично сохранившееся жилище. Оно располагалось на сером суглинке со слабонаклонной поверхностью. Следует отметить, что с южной стороны от очага следов обкладки не зафиксировано. Это связано с тем, что здесь наблюдается перегиб и падение слоя. В зоне жилища, в основном внутри его, обнаружено 152 артефакта, в том числе 124 отщепов, 16 пластин, 5 пластин с ретушью, 2 отщепов с ретушью, проколка, 3 концевых скребка, резец, отбойник, а также 16 обломков костей и 3 обломка скорлупы яиц страуса.

Второй комплекс отделен от первого комплекса примерно на 3 м. Представлен 7 камнями, из которых выделяется крупный валун диаметром до 0,5 м. Под его нижним краем оказался маленький камень, возможно специально подоткнутый для того, чтобы создать устойчивость большому валуну. Рядом расчищено еще пять менее массивных камней и 72 артефакта, в том числе 65 отщепов, 5 пластин, 2 нуклеуса, резец, долотовидное орудие, а также обломок кости.

Уровень 4. В нем обнаружен предметный материал, образующий отчетливое скопление. В него входят 439 отщепов, 12 пластин, 2 пластины с ретушью, отщеп с ретушью, нуклеус, проколка, 2 обломка кости, кусочки охры. Замечено, что находки концентрируются вокруг камней из вышележащего уровня (3), но под ними отсутствуют.

На остальной площади этого уровня находки располагаются рассеянно, с определенным тяготением к зоне жилища из уровня 3. Здесь найдены 45 отщепов, нуклеус, 3 пластины, 3

концевых скребка, округлый скребок, 2 резца, а также обломки костей и кусочки охры.

Важно отметить, что стерильных прослоек внутри слоя 4 не зафиксировано. Если сравнивать материал из различных уровней по технологическим и типологическим критериям, то определяется его общность, без каких-либо принципиальных различий. По определенным обломкам зубов и костей установлено присутствие быка или бизона. Напомним, что найдены обломки скорлупы яйца страуса.

Существенным для понимания структуры слоя 4 является то, что выявлены остатки жилища и рабочая площадка. Они связаны с одной поверхностью, которая может быть определена как поверхность обитания. Предметный материал с этих комплексов заключен в уровень 3. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что находки из уровня 4 располагаются под комплексами 1 и 2 из уровня 3. Иначе говоря, эти находки «просели» ниже «пола» камней и золистой прослойки на 5—15 см, что возможно как вследствие микрорельефа древней поверхности, ее частичных микроразрывов, а также физического продавливания вниз материала. Представляется правомерным определять уровни 3 и 4 как культурный горизонт с выделяемой поверхностью обитания и с разносом находок по вертикали до 0,4 м. В культурном горизонте частично целело жилище с очагом и каменной обкладкой, а также рабочая площадка с крупным камнем — «сидением». В жилище и рядом с ним встречается заметно больше орудий и пластин, тогда как на рабочей площадке они единичны при полном преобладании отщепов. Если признать, что жилище и рабочая площадка по расщеплению камня строго одновременны, то можно считать, что процесс расщепления камня производился, в основном, за пределами жилища, тогда как внутри жилища в большей степени находили применение орудия — скребла, резцы, пластинки с ретушью.

Два верхних уровня литологического слоя 4 представлены только рассеянными находками. По своему составу и характеру они повторяют материал из нижележащих основных уровней. Отметим, что находки из уровней 1 и 2 располагаются в основном в ближней к реке части раскопа, тогда как комплексы и находки из уровней 3 и 4 — в дальней. Этот момент имеет немалое значение, поскольку литологический слой 4 наклонен в сторону реки. Возникает соображение, что материал на уровнях 1 и 2 оказался в результате частичного переотложения с нижних уровней в результате делювиального и мерзлотного процессов. Переотложение происходило вниз по склону с небольшим подъемом по уровню залегающих.

Наш вывод сводится к следующему: правомерно выделить культурный горизонт 2 на основе уровней 3 и 4 литологического слоя 4 с частичным переотложением предметного ма-

териала с этих уровней в уровни 1 и 2. Такая оценка ситуации позволяет дать совокупную характеристику каменного инвентаря из культурного горизонта 2.

В нем представлено 936 изделий (табл. 14). Выявлено 5 нуклеусов. В целом все они выглядят примитивными. Первый нуклеус относится к ортогональным (рис. 46, 1). Его ударные площадки грубо оббиты. Фронтальные поверхности сохранили ряд коротких, неправильных снятий. Второй нуклеус следует определить как крупный торцовый клиновидный. Фронт смещен на торцовую сторону. Она широкая, прямоугольная, покрыта удлиненными неправильными фасетками от снятых пластинок. Ударная площадка имеет подтреугольную форму. Латерали образуют острый клин, специальной подправки они не имели. Одна латераль подготовлена одним ударом, вторая — грубо оббита, частично сохраняет корку. Опорный конец подтесан со стороны фронта и одной из латералей (рис. 47, 14). Примерно такой же вид имел еще один нуклеус, но он меньше по размерам, площадка его оббита более тщательно, клин дугообразной формы, грубо затесан поперечными сколами. Четвертому нуклеусу придана коническая форма. Снятие пластинок производилось практически по всей поверхности, поэтому фронт получился замкнутым по контуру. Негативы от пластинок разноразмерны. Нижний конец подтесан на конус (рис. 47, 11). Пятый нуклеус представляет собой обломок. Сохранилась часть фронта с несколькими достаточно правильными, но короткими микроснятиями. Этот экземпляр ближе всего к микронуклеусам.

Пластин найдено 62 экз. Половина из них представлена обломками. Размеры целых пластин: длина от 3,5 до 10,5 см, ширина 1,5—3,5, толщина 0,3—2,7 см (рис. 47, 1—4). Пять экземпляров имели пропорции микропластинок. Все пластины неправильной формы. Многие из них полностью или частично сохраняли первичную корку. Ударные площадки или подготовлены одним ударом, или естественные. Выявлено 10 пластин с краевой ретушью. По характеру они такие же, как вышеописанные. Обработка пластин весьма ограничена. Она заключалась в ретушировании одного края со спинки или с брюшка. Ретушь всегда мелкая, приостряющая, регулярная (рис. 47, 5). Среди находок 6 концевых скребков (рис. 47, 13, 16; рис. 48, 4, 5, 10). Ретушью оформлялся нижний конец, а также боковые края. Ретушь кругая, регулярная, наносилась со спинки. Две основы являлись пластинами, четыре — отщепами. Концевой скребок из отщепы имел подтеску верхнего конца с брюшка. Один скребок более массивный, чем остальные. Его «брюшко» — плоская галечная корка, частично сохранилась корка и на «спинке». Спинка ассиметрично-выпуклая, рабочий конец и прилегающие края образовали дуго-

образные лезвия, оформленные крутой ретушью (рис. 47, 10).

Представлено 5 скребел. У всех ретушь носилась со спинки, причем в трех случаях основы (отщепы, плитка), массивные, грубые, в двух — тонкие, сравнительно правильные. Выделяются следующие виды: поперечное, продольное двойное, конвергентное (рис. 47, 9; 48, 3, 6, 9).

Проколочка насчитывается 5. Для них характерны небольшие жальца-шпы. Они оформлены ретушью со спинки на нижнем конце основы. У 2 изделий жальца смещены к боковому краю. Основами изделий в трех случаях служили пластинки, в одном — отщеп (рис. 47, 6—8, 15; 48, 2). Резцов выделено 6. Пять резцов изготовлено из пластин (угловые и боковые варианты) (рис. 48, 1), один — из желвака (полиэдрическая форма).

В единичных экземплярах сохранились долотовидное орудие, чоппер, отбойник.

В литологическом слое 5 выявлены культурные горизонты 3—7, связанные с тонкими темно-бурыми прослойками мощностью по 2—4 см.

Поскольку культурные горизонты маломощны, то каждый из горизонтов фактически является поверхностью обитания. По отношению друг к другу горизонты бесспорно самостоятельны.

В культурном горизонте 3 (первая прослойка) найдено 42 артефакта, 5 отдельно лежащих камней, 10 обломков костей, зуб и обломок челюсти.

В культурном горизонте 4 (вторая прослойка) — 10 артефактов, необработанный камень, обломок кости, обломок скорлупы яйца страуса.

В культурном горизонте 5 (третья прослойка) — 9 артефактов и мелкие обломки костей.

В культурном горизонте 6 (четвертая прослойка) — 20 артефактов и 2 камня.

В культурном горизонте 7 (пятая прослойка) — 10 артефактов и 2 кости (рис. 48, 13).

Из числа артефактов выделяются отщепы, пластинки, скребла из отщепов, нуклеусы

(табл. 14). Примечательно скребло с выемчато-зубчатым лезвием. Оно выглядит достаточно архаично. В целом материал соответствует геологическому возрасту литологического слоя, что позволяет датировать его в пределах 30—25 тыс. л. н.

Культурный горизонт 2 более представительен по материалу. Техника расщепления основывалась на использовании ортогональных и призматических нуклеусов. С ортогональных нуклеусов снимались отщепы, с призматических — пластинки, чаще всего неправильные, укороченные. Среди призматических нуклеусов намечаются формы со смещением фронта к торцовой стороне и подправленным ребром или клином. Однако эти формы еще неустойчивые. К тому же с них снимались пластинки и пластинки, а микропластинки получались как исключение. Из орудий выделяются скребла, концевые скребки, резцы, проколки, долотовидные орудия. Они изготавливаются в основном из отщепов и пластинчатых отщепов. Пластинки использовались, главным образом, как основы для краевого ретуширования. Этот культурный горизонт предшествует по времени появления индустриям с устойчивой развитой микротехникой и может быть датирован временем от 25 до 20 тыс. лет назад. Поскольку собственно культурный горизонт 2 залегает в нижней части серого суглинка (литологический слой 4), то с геологических позиций его возможно считать раннесартанским. В последующие периоды сартанского времени происходило частичное разрушение горизонта с переотложением материала в верхнюю часть литологического слоя.

В итоге отметим: Читкан — это поселение с редким по возрасту культурным горизонтом (2), представляющим время от 25 до 20 тыс. л. н. В перспективе большое значение могут иметь культурные горизонты 3—7, связанные с ритмично залегающими позднекаргинскими почвами. Именно в Читкане эти почвы впервые в пределах региона исследования были замечены и характеризованы.

Таблица 14

Читкан. Изделия из камня

Культурные горизонты уровня типы и виды	2					3	4	5	6	7
	1	2	3	4	итого					
	2	3	4	5	6					
1. Нуклеусы:										
— призматический одно-		1			1			1		
фронтальный одноплос-										
щадочный				1	1					
— призматический с зам-										
кнутым контуром одноплос-										
щадочный		1			1	1				
— крупный торцовый кли-										
новидный										
— ортогональный				1	1					

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
— обломки			1		1					
— оббитые желваки			1	1	2				1	2
2. Пластины										
— целые	2	9	16	1	28	1				1
— обломанные	2	12	7	13	34	2				
3. Пластины с ретушью										
— по двум краям со спинки	1				1	1				
— по одному краю со спинки			3	1	4					
— по одному краю с брюшка		1	3		4					
— по одному краю чередующаяся		1			1					
4. Концевые скребки										
— из пластин			2		2	1				
— из отщепов			1	3	4	1				
5. Округлый скребок				1	1					
6. Скребла из отщепов										
— поперечные		1	2		3	2	1			
— продольные двойные	1				1					
— конвергентные			1		1					
7. Проколки с жальцами-шипам										
— из пластин		2	1		4					
— из отщепов		1		1	1					
8. Долотовидные орудия из отщепов			1		1					
9. Резцы										
— пластинчатый угловой			1		1					
— пластинчатый угловой двойной			1	2	3					
— пластинчатый боковой			1		1					
— полуэдрический из желвака			1		1					
10. Чоперы		1								
11. Отбойники			1		1					
12. Отщепы с ретушью		3	2		6					
13. Отщепы	34	119	190	484	726	33	9	8	19	7
Итого:	42	152	233	509	936	42	10	9	20	10

СТУДЕНОЕ-1.

Древнее поселение Студеное было открыто в 1970 г. И. И. Кирилловым во время разведки по Чикою (Кириллов, Ковычев, 1970). На поселении был забит шурф размерами 1×1 м, при этом из двух слоев (почвенного и подпочвенного) извлечены находки, датированные неолитом и бронзой.

С 1974 г. на поселении стала работать экспедиция, возглавляемая автором. В первый сезон выполнялась задача по изучению двух верхних слоев на достаточно обширной площади (200 кв. м) и выявлению (с помощью шурфов) границ поселения. Исследования показали, что поселение вытянулось вдоль реки примерно на 200 м, а слои содержат выразительный археологический материал. В 1975 г. была поставлена особая задача: предстояло

выяснить не скрываются ли в толще отложенных более древние культурные горизонты? С этой целью было намечено поставить серию шурфов и траншей. Результат превзошел все ожидания: уже первый шурф дал 11 новых культурных горизонтов. В 1976—78 гг. раскопки и разведки на поселении увеличили число горизонтов до 21. В 1980—81 гг. их стало 23., в 1985—87 гг.— 26 культурных горизонтов. Культурные напластования охватывают время от конца палеолита до бронзы включительно. Общая площадь вскрытия достигла 1000 кв. м. Первое обобщение материалов Студеного производилось нами в кандидатской диссертации (1979 г.) и монографии (1982 г.) с учетом данных по 1978 г. включительно. Ныне анализируются результаты за все годы стационарных раскопок (1974—1987 гг.).

Расположено поселение Студеное около с. Нижний Нарым Красночикойского района Читинской области, у впадения правобережного ручья Студеного в р. Чикой (рис. 7). С левой стороны к Чикой выходит падь Мельничная с одноименным ручьем. Река отделяет отроги Малханского хребта (Кударинскую и Бичурскую гряды) от Зачикойской горной страны. Долина Чикой в этом месте суженая, эпигенетическая, с асимметричными бортами: правый — пологий, а левый — крутой. По левобережью по сопке Береговой выделяются скульптурные уровни высотой 35—40 м, 60 м, 80—100 м. В приустьевой части Мельничного и Студеного прослеживаются аккумулятивные уровни — пойменные и террасовые. Низкая пойма (1,0—1,5 м) сложена в основном галечно-валунными отложениями, а средняя (2,0—2,5 м) — более тонкими супесчаными и суглинистыми отложениями пойменной фации. Она прислоена к I надпойменной террасе, хорошо выраженной на левом берегу р. Чикой, где образует ровную поверхность шириной 200—400 м. Ближе к склону терраса переходит в слабонаклоненный делювиальный шлейф. На правобережье I терраса располагается в устье ручья Студеного, рядом с высокой островерхой сопкой со скалистым прижимом к реке. Высота террасы по верхней бровке равна 5,0—6,0 м. На этой террасе и находится древнее поселение Студеное-1.

Работы на поселении велись на двух участках — непосредственно у ручья (уч. 1) и в 50 м от него вдоль Чикой (уч. 2). Участки соединены сначала траншеей, а затем серией раскопов. В результате раскопок был получен профиль длиной 81 м, параллельный Чикой и несколько профилей, параллельных Студеному, длиной до 20 м. Наиболее полный разрез отложений поселения находится на уч. 2 (рис. 14). Он изучался С. М. Цейтлинным, Д. Б. Базаровым, Л. Д. Базаровой и автором.

Мощность
(в м)

1. Почвенно-растительный слой, представленный дерниной и серой супесью с небольшими вкраплениями угля. Культурный горизонт эпохи поздней бронзы (1а) 0,2
2. Супесь тонкая, пылеватая палево-бурого цвета. Верхняя часть слоя имеет каштановый оттенок и отличается расплывчатыми пятнами органики. К ней приурочен культурный горизонт эпохи ранней бронзы (1Б) мощностью 0,2 м. Ниже супесь становится более светлой и грубой. В этой части слоя на локальном участке выявлен горизонт 1В (ранняя бронза). С основанием слоя связаны вершины клинцев, разрывающих нижележащие отложения. Мощность слоя непостоянная 0,2—0,65
3. Супесь серая и светло-серая, пылеватая, с пятнами и вкраплениями ожелезнения. Слоистость слабовыраженная, тонкая. Со слоем связано шесть культурных горизонтов (2—7) среднего и позднего неолита. Они сильно гумусированные, черносажистые, темно-коричневые. Супесь рядом с культурными горизонтами становится бо-

Мощность
(в м)

- лее темно-глинистой за счет частичного размыва и рассеивания гумусированных прослоек. Мощность этих прослоек 1—10 см. В основании слоя заметен прослой серого, хорошо отмытого, разнoзернистого песка. Мощность прослоя колеблется от 7 до 20 см. Общая мощность 0,8
4. Переслаивание серой, иловатой супеси с тонко-зернистым, заиленным песком. Со слоем связано пять культурных горизонтов (8—12), представленных тонкими гумусированными прослойками мощностью 0,5—10 см. Они сложены довольно пористым слюдистым, жирным на ощупь илом. Горизонты 8, 9 датируются ранним неолитом, а 10—12 — позднемезолитические. В слое замечены мелкие пятна и вкрапления ожелезнения и марганцевосности 0,6
 5. Неясное переслаивание тонкозернистых сероватожелтых песков с иловатыми супесчаными прослойками, мощностью 8—10 см. Более мощным является верхний песчаный прослой с линзовидными включениями среднезернистых песков. С основания слоя прослеживаются вершины клинцев. С двумя иловатыми прослойками, лежащими на 3—4 см соответственно выше и ниже илесто-песчаного прослоя, связаны культурные горизонты раннего мезолита — 13/1, 13/2 0,4
 6. Илесто-тонкопесчаный слой с двумя илистыми сероватыми прослойками мощностью 7—8 см в кровле и на 25 см ниже кровли, с которыми связаны культурные горизонты 14 и 15 позднего палеолита. В основании слоя иловатый прослой мощностью 8 см. Слоистость горизонтальная 0,4
 7. Переслаивание коричнево-бурых вязких илов и тонкозернистых светло-серых песков. Мощность иловатых прослоек увеличивается вниз по слою от 5 до 10 см. Иловатые прослойки содержат культурные горизонты позднего палеолита (16, 17, 18/1, 18/2, 19/1—19/4). Слоистость четкая, горизонтальная и горизонтально-волнистая. Границы кровли и подошвы четкие, подчеркнуты прослоями песка. 0,85
 8. Галечники и мелкие валуны слабокачаные с крупнозернистым песком и гра- 0,3
(видимая)

На участке 1 (раскоп 12) изучен другой разрез отложений I надпойменной террасы, который в принципе соответствует разрезу, описанному выше. Некоторые отличия заключаются в том, что мощность рыхлых отложений здесь на 1,2—1,5 м больше, чем в разрезе 1. Несколько иначе выглядит «картина» с черными иловатыми прослойками. Именно поэтому оба участка соединялись между собой стратиграфической траншеей, при этом выяснено, что ряд культурных горизонтов эпохи неолита и мезолита естественно расчленяется на более тонкие прослойки. Так, горизонты 2, 7, 11, 12, 13 состоят из двух прослоек, а горизонт 7 — из восьми. Важно отметить, что культурные горизонты позднего палеолита (14—19/4) на уч. 1 не представлены. На уровне этих горизонтов вскрыта пачка слоистых тонко- и мелкозернистых и иловатых песков мощностью 2,2—2,5 м.

Отложения данных разрезов можно разделить на следующие толщи: покровную, сложного генезиса, с сочетанием делювиального и аллювиального компонентов (слои 1—4), аллювиальные отложения пойменной фации (слои 5—7), отложения русловой фации (слой 8).

Отложения русловой фации представлены погребенными образованиями ручья Студеный и грубыми отложениями, снесенными с близрасположенного мыса. Кровля русловых отложений неровная, с западинами. Она является нижней границей распространения культурных горизонтов поселения. От аллювия современного русла р. Чикой эти отложения отличаются меньшей окатанностью и петрографическим составом, близким к местным породам. Аналог этого древнего бара наблюдаем в устье современного ручья Студеный. Русловые отложения образуют погребенный прирусловый вал. В наивысшей точке вала галечник располагался на глубине 1,66 м от современной поверхности. Относительная высота вала от галечника составляет 1,0—1,5 м и ширина — до 3 м. За прирусловым валом галечник на глубине 2,80—2,88 м принимает горизонтальное положение. Происхождение вала, по всей вероятности, связано с набросом и частичным растаскиванием вниз по Чикой грубых отложений ручья Студеного. Ближе к современному устью ручья над галечником появляется довольно мощная толща косослоистых, светло-серых прирусловых песков, образующих погребенную косу р. Чикой или прирусловую отмель, по-видимому, наложенную на русловый бар. Мощность песков достигает 3 м.

Выше русловой фации залегают песчано-илистые отложения нормального аллювия пойменной фации I террасы, которые накапливались в условиях слабодинамичного водного потока (слои 6—7). Возможно, что в то время устье ручья Студеный время от времени превращалось в залив главной реки во время паводков. Долина р. Чикой в этом месте сужается, поэтому здесь существовали благоприятные условия для значительного подъема уровня воды. Благодаря мысу, который расположен выше ручья, стержневая часть русла всегда отжималась к левобережью Чикой. В образовавшемся «тенево» заливе устанавливались условия замедленного, полустойкого течения, при которых могли накапливаться тонкие псаммитовые и алевроитовые осадки. В отдельные периоды сюда прорывались струи основного русла, в результате чего внутри этого слоя формировались прослои мелко- и среднезернистых слоистых песков. Со временем такие размыты становились все реже, и в верхних частях слоя они отсутствовали. Периодически уровень воды в Чикое понижался и прибрежная ровная площадка обсыхала.

Во время накопления этих отложений существовал теплый и увлажненный климат. Об этом свидетельствует господство в спектре древесной растительности (61—77%), представленной светло-хвойными (сосново-березово-ольховниковыми) лесами с примесью широколиственных (лещины и вяза). В спорово-пыльцевом спектре пыльца трав, главным образом полыни и злаковых, составляет всего 12—26%. Такой расклад соответствует позднесартанским потеплениям (кокоревско-таймырское время).

Из фаунистических материалов в этих отложениях выявлены остатки плейстоценовых форм, в том числе байкальского яка, бизона, винторогой антилопы.

Вышележащий слой 5 также является аллювиальным, но он отмечен деформациями, выраженными в неясном переслаивании слоев и мерзлотном расклинивании. Аллювий возможно определить как перегляциальный. Он сформировался в условиях похолодания и иссушения климата. В это время были распространены степные ландшафты со злаково-полюнными группировками (злаковые — 25%, полыни — 44%). Это похолодание скорее всего охватывает конец сартанской эпохи, его норильскую стадию.

После завершения формирования слоя 5 или немного позже произошел врез Чикой и, возможно, плоскостной размыв верхней части аллювиальной поверхности террасы. Этот размыв похоже уничтожил бореальные отложения.

В дальнейшем на поверхности аллювия I террасы происходило накопление полигенетических отложений (слои 3—4), представленных песчано-супесчаной массой. Кратковременные затопления, превносящие наилок, давали толчок к формированию тонких почвенных слоев, при этом аллювиальный материал подвергался органической переработке. Во время формирования слоя 4 в основном преобладала древесная растительность, представленная сосной (21—26%) и березой (27—33,7%). Пыльца трав составляла 37—39%, в ее составе: полынь, злаки и разнотравье. Исходя из данных спорово-пыльцевого анализа, можно предполагать, что климатические условия в то время были умеренными, не холодными. Они сформировались в конце бореального или в начале атлантической стадии.

В период образования слоя 3 наблюдается увеличение древесно-кустарниковых пород (52—57%) в спорово-пыльцевом спектре. Они представлены сосной, пихтой, березой, ольховником, ивой, а в понижениях широкое развитие имели заболоченные участки с плауновыми и папоротниковыми. В составе травянистой растительности сокращается содержание злаковых (7—9%) и полыни (22—27%). Это потепление относится к среднеголоценовому климатическому оптимуму (атлантическая стадия).

Мерзлотные нарушения, связанные с основанием слоя 2 свидетельствовали об этапе похолодания внутри голоцена, отражающие наступление суббореального периода. Верхний почвенный слой характеризует субатлантическое время.

Для голоценовых слоев характерна фауна: благородный олень, косуля, дзереи, баран.

Особо следует остановиться на археологической стратиграфии памятника. Как уже отмечалось, поселение Студеное является многослойным. С тем, что легче описывать культурный разрез, литологические проявления определяются как слои и прослойки, а культурные — как горизонты. Для обозначения культурных горизонтов применяется цифровая нумерация с дополнительными литерами в отдельных случаях, вызванными тем, что некоторые горизонты были открыты как бы «опозданием», т. е. уже после того как система обозначений сложилась и вошла в употребление. Так существуют обозначения: 1А, 1Б, 1В, 13/1, 13/2, 18/1, 18/2, 19/1, 19/2, 19/3, 19/4. Некоторые горизонты на участке 1 поселения естественно распадаются на более тонкие прослойки — подгоризонты, получившие название 2а, 2б, 7а, 7б, 9а — 9з, 10а, 10б, 11а, 11б, 12а, 12б. В принципе каждый из них имеет полное право называться самостоятельным культурным горизонтом, что увеличивает их число с 26 до 38.

Культурные горизонты располагаются в разрезе отложений, охватывая его от современной верхней поверхности до кровли галечника. В силу этого высота культуросодержащего разреза совпадает с геологическим, достигая 3,3 м. Разумеется, собственно культурные напластования занимают только часть объема разреза, составляя чересполосное залегание со стерильными прослоями. Ими разделены все культурные горизонты и подгоризонты; исключение составляют только два верхних горизонта — 1А и 1Б. Они смыкаются непосредственно. Мощность этих горизонтов 0,2—0,25 м. находки встречаются по всему профилю того и другого слоя. Ко всему прочему на некоторых участках поселения естественная граница между этими слоями нарушена распахкой. Во всех остальных случаях культурные горизонты разделены совершенно определенно и четко. Культурные горизонты 1В, 2—12 представлены черными прослойками, по характеру иловато-почвенными. Цвет прослоек естественный, яркий, хорошо заметный. Искусственный цвет — углисто-сажистый — вносится только там, где есть очаги и кострища. Остальные искусственные включения (предметный материал) цветности горизонтам не придают.

Мощность прослоек-горизонтов варьирует в пределах от 1 до 10 см, конкретно:

- 1) горизонты 1В, 2, 3, 8, 10—12—1—2 см;
- 2) горизонты 4, 5, 6—3—5 см;
- 3) горизонты 7, 9—6—10 см.

На участке 1 горизонты из группы 3, расклинаясь на более тонкие, фактически переходят в группы 1 или 2.

В группах 2 и 3 находки встречаются по всему профилю слоя. В группе 1, в силу минимальной мощности, находки нередко занимают весь объем горизонта по вертикали.

В силу сказанного понятно, что литологическая прослойка и культурный горизонт материально полностью совпадают.

Однако надо иметь в виду, что культурные проявления в черных прослойках встречаются далеко не на всей площади раскопов. Они локализованы в пространстве в виде пятен, скоплений и т. д. Именно в рамках локализации черные прослойки и могут определяться как культурные, оставаясь естественными в зонах без находок.

Культурные горизонты 13/1 и 13/2 связаны с тонкими иловатыми прослойками мощностью 1—1,5 см, чуть более темными, чем вмещающий литологический слой. Поиск позиции этих горизонтов сопряжен с определенными сложностями и облегчается только тем, что предметный материал обычно сопровождается углисто-золистыми пятнами, и наоборот.

Культурные горизонты 14—19/4 связаны с коричневыми илистыми прослоями, мощность которых увеличивается к основанию от 5 до 15 см. Нижний горизонт (19/4) располагается в наиболее вязком илистом прослое, лежащем на галечнике, затянутом тонкой песчаной прослойкой. Эти прослойки выявляются довольно легко, поскольку перестигаются более светлыми и рыхлыми песками. Культурные проявления представлены в них чаще всего в виде жилищ или очагов. Углисто-сажистые прослойки мощностью 1—3 см, являющиеся составными частями этих комплексов, залегают во всех случаях в основании коричнево-иловатых прослоев. Эту же позицию занимает предметный материал, и только валуны и гальки, используемые для сооружения обкладок, своими верхними краями достигают до кровли прослоя и — изредка — приподнимаются над ним. Такая раскладка свидетельствует о том, что культурный горизонт фактически представляет только часть (в данном случае — нижнюю) литологического прослоя.

Заметим, что все культурные горизонты — от 2 до 19/4 связаны с более или менее плотными илами, что играет важную роль в тофономии находок, поскольку консервируют находки внутри себя, не позволяя проникать на чуждые им уровни. Благодаря этому Студеное отличается исключительной чистой стерильных прослоек в отношении культурных проявлений. Мощность стерильных прослоек различна. Если передать ее в сантиметрах сверху вниз, то получится следующий ряд: 4—12—6—6—8—16—14—6—4—4—20—18—22—18—6—8—8—4—18—5—5—6. Этот ряд показывает степень сближенности культурных горизонтов. Максимальная сближенность на-

блюдается между горизонтами внутри одного литологического слоя. Напротив, на границах слоев возрастает и разрыв между горизонтами.

Четкое понимание особенностей археологической стратиграфии дает возможность обеспечивать выделение культурных горизонтов с максимальной надежностью.

Ниже дается описание культурных горизонтов, снизу вверх по разрезу:

Горизонт 19/4. Выявлено два жилища. Они располагались прямо на поверхности речной гальки, затянутой тонкой песчано-глинистой прослойкой. Первое жилище представлено внешней кладкой из камней и очагом (рис. 29). Кладка выполнена из 58 валунов средних и крупных размеров, взятых из местного галечника. Высота камней 10—20 см. Один из них использовался в качестве нуклеуса для снятия отщепов. На ребро валуны специально не устанавливались. Исключение составляли два небольших камня, они стояли под углом, наваливаясь друг на друга. Разрыв в кладке только один, шириной 0,7—0,8 м. Он обозначал вход в жилище и был несколько развернут по отношению к «стенкам». Очевидно, это затрудняло проникновение холодного воздуха в центр жилища. Заметим, что вход располагался с подветренной южной стороны. По характеру кладка жилища одинарная, по форме — близкая к округлой. Ее размеры 4,3×3,7 м.

Очаг внутри жилища имел округлую форму с четкой обкладкой из речных галек. Его диаметр не превышал 0,5 м. Внутри очага сохранилась прослойка угля мощностью 0,5—1 см. В его центре находился плоский шестиугольный кремешок ярко-красного цвета, возможно, это своеобразный «символ огня» (рис. 58, 2). В очаге найдены: скребло из отщепа с тщательной приостряющей ретушью по прямому краю со спинки (изделие аплицировано) (рис. 58, 5), 8 отщепов, 3 отщепа с ретушью, 3 чешуйки, мелкие обломки костей, кусочки красной охры. Внутри жилища, но вне очага обнаружено скребло полулунной формы с унифациальной обработкой со спинки. Рабочий край орудия широкий, выпуклый. Верхняя поверхность (фас) изделия асимметрично-выпуклая, ретушь разнофасеточная. В верхней части расположена плоская наклонная площадка, подготовленная одним ударом. Арьфас плоский, галечный с частичной подтеской лезвия (рис. 58, 7). Среди находок были и отдельные мелкие обломки костей. Они неопределимы. В целом жилище выглядело замкнутым оригинальным комплексом. За его пределами иногда попадались угольки, сажистые примазки и мелкие перегнившие обломки костей.

В кладку второго жилища (рис. 30) входили 33 речных валуна средних и крупных размеров, образующих замкнутый контур. По

форме он неправильно-округлый. Большинство валунов имеет плоское основание. Они лежат вплотную или на небольшом расстоянии друг от друга. Только с северной стороны кладка более разряженная. Три камня лежат в стороне от линии кладки, но их первоначальное положение (указанное стрелками) предположительно можно установить. Если эти предположения верны, то существенный разрыв в кладке остается только один — с юго-восточной стороны, длиной 0,64 м. Возможно, этот разрыв обозначает вход в жилище. Примерно в центре жилища находится очаг в форме розетки, выложенной из пяти галек. Дно очага выстилает углисто-сажистая масса, немного выходящая за пределы очага. В углистом очажном пятне найдены 5 отщепов и 11 костяных обломков. Вокруг очага обнаружены 13 отщепов, расколота поперек плоская галька, костные обломки и три орудия — два скребла и микродолото. Первое скребло изготовлено из крупного полупервичного отщепа подтреугольной формы с выпуклым боковым рабочим краем, оформленным чередующейся пологой разнофасеточной ретушью; мелкой однорядовой выемчатой ретушью со спинки обработан еще один край (рис. 58, 1). Второе скребло — из крупного отщепа, с мелкой эпизодической ретушью по длинному боковому краю со спинки (рис. 58, 8). Основой для микродолота послужил трапещевидный по форме отщеп, у которого на противоположных концах подтеской оформлены два лезвия (рис. 58, 6). Размеры жилища 3,6×3,2 м.

В этом же горизонте, в зоне прируслового вала, обнаружены: отщеп, зуб быка или бизона, а в одном из разведочных шурфов — кость байкальского яка.

Горизонт 19/3. Обнаружено жилище (рис. 28). Его характеризует внешняя обкладка и очаг внутри. В качестве «строительных» использовались слабоокатанные валуны длиной до 0,4 м. Во внешней обкладке жилища использовано 10 камней. Форма обкладки неправильно-округлая. Размеры 4,0×3,2 м. Внутри жилища обнаружен очаг, представленный серией из 7 камней. Его размеры 0,93×0,78 м. Четыре камня лежат на границе углисто-сажистого пятна и 3 камня — в пределах пятна. Размеры пятна, имеющего неправильно-округлую форму, — 1,0×0,9 м. Его мощность равномерна — в пределах 3 см. Внутри очага найдены: 3 микропластины и 3 отщепа, обломки косточек. За пределами очага, но в пределах жилища, обнаружены 2 отщепа и мелкие косточки.

Горизонт 19/2. Найдены два обломка кости.

Горизонт 19/1. Выявлена жилистая площадка. Ее представляет очаг, камни по соседству с очагом и отдельные находки. Очаг имеет округлую форму, в его обкладке использовано 8 камней. Камни уложены в один ряд, вплотную друг к другу, с небольшим разрывом с

северо-восточной стороны. Размеры очага — $0,85 \times 0,92$ м. Внутри очага сохранилась углисто-сажистая масса мощностью 1—3 см. Она затекла под камни и вышла отчасти за их пределы. Внутри очага и под его обкладкой при разборке очажной массы выявлены мелкие обломки пережженных костей. Вне очага в радиусе не более 1,0 м расчищено 3 камня, один из которых оказался чоппером. В соседних с очагом квадратах на расстоянии до 2,0 м от него найдены: обломки костей, 2 челюсти и зубы копытного, фрагмент микропластины, 2 отщепы.

Горизонт 18/2. Расчищено два жилища. Одно из них представлено внешней эпизодической обкладкой и очагом. Они выполнены из крупных речных валунов. В обкладке сохранилось 9 камней, из них 4 образуют дугообразную линию протяженностью около 2 м. Кладка имела в целом круглую форму диаметром до 3 м.

Очаг находился в центре жилища. Валуны обкладки лежали плашмя. Внешний диаметр очага составлял 0,95 м, внутренний — 0,5 м. Пространство внутри и около него (в общем диаметре до 1,3 м) заполняла углистая масса. Почти на всей площади жилища рассеяны угольки.

В жилище найдены: скребло из массивного отщепы, с унифациальной обработкой спинки, конвергентное по расположению двух рабочих краев (рис. 57, 8), 30 отщепов, обломки зубов и трубчатой кости; мелкие перегнившие кости. Особо важной находкой является основа костяного вкладышевого ножа длиной 26,8 см. Она изготовлена из выпрямленного ребра копытного животного. Основа имеет прямой четкий паз, проходящий через всю длину основы. Ширина паза 0,2 см, глубина 0,3—0,4 см (рис. 58, 9).

Второе жилище имеет размеры $3,4 \times 1,9$ м (рис. 27). От внешней обкладки сохранились 14 валунов и галек, образующих дугообразную, как бы пунктирную линию. В предполагаемом центре жилища находится углистое пятно с пятью гальками на поверхности — остатки очага. Отдельные угольки рассеяны по полу жилища. Основные находки сосредоточены вокруг очага. Помимо трех микропластинок и пяти отщепов здесь обнаружены восемь орудий: четыре скребла и пять скребков. Для одного из скребел использован отщеп листовидной формы. Слегка выпуклый фас изделия оформлен крупнофасеточной ретушью. Рабочий край подправлен дополнительной пологой регулярной ретушью. Противоположный край на одном участке сохраняет галечную корку в виде наклонной плоскости, а на другом — уплощен сколом. Арьерфас плоский, оббит более широкими сколами. У второго скребла из первичного подквадратного отщепы два рабочих края. Они расположены почти под прямым углом, но стык между краями за-

круглен. Третье скребло изготовлено из отщепы сложной формы с грубыми изломами на обеих поверхностях. Рабочий край угловатый, на одном участке прямой, на другом — вогнутый. Оформлен крутой разнофасеточной ретушью со спинки. Изделие могло употребляться и как скобель. Четвертое скребло выполнено на крупном нуклевидном отщепе, один край которого с помощью приостряющей ретуши превращен в рабочее лезвие (рис. 57, 4, 5, 9, 11).

Все пять скребков изготовлены из отщепов больших или меньших размеров. Рабочие края у них выпуклые или дугообразные, ретушированные со спинки (рис. 57, 1—3, 6, 7).

За пределами жилища выявлено небольшое зольное пятно диаметром 0,5 м с заполнением мощностью 0,08 м, а также скребло с дугообразным рабочим краем, сформированным разнофасеточной приостряющей ретушью с заломками с двух плоскостей, с галечным обушком (рис. 57, 10); отщеп, обломки зубов и челюсти копытного, отдельные обломки костей.

Горизонт 18/1. Обнаружено жилище (рис. 25). Оно было построено, когда камни из очага и кладки нижележащего жилища (из горизонта 18/2) затянуло песком и на дневной поверхности того времени виднелись лишь их верхушки. Расчищено углистое пятно округлой формы (разм. $3,1 \times 2,9$ м) с очажной обкладкой из гальки и отдельные гальки, очевидно, из внешней обкладки конструкции. Здесь найдены полупервичная двугранная пластинка, изогнутая с брюшка, 25 отщепов, 15 обломков костей.

За пределами жилища обнаружен массивный чоппер с двумя рабочими краями, расположенными на противоположных концах под прямым углом друг к другу. Первый рабочий край обработан крутой ретушью с заломками, при этом фасетки начинаются почти с медиальной зоны, второй оформлен на естественной крутой наклонной плоскости мелкой подправкой по краю.

Вне пределов жилища найдены обломки зубов и костей копытного.

Горизонт 17. Обнаружено два жилища. Одно из них округлой формы диаметром около 3 м (рис. 23). Его «пол» выстилает углистая масса в виде пленки толщиной 2—3 см, четко выделенная на фоне желтого суглинка. Границы жилища обозначались тремя валунами средних размеров, расположенными по контуру углистого пятна. В центре жилища находился очаг диаметром около 1,0 м, имевший четкую кольцевую обкладку. Внутри жилища найдены: оббитый нуклевидный желвак, 2 скребла из крупных отщепов с тонким сечением, с ретушью по краю со спинки, обломок неправильной пластины, 244 отщепы, обломки костей животных. За пределами жилища, в непосредственной близости от него, выявлены обломки рога полорогого животного (сибир-

ский козел?), а также обломок рога благородного оленя, который мог употребляться в качестве молотка до того как обломался надглазничный отросток (рог был сброшен зверем). К сожалению, не удалось точно зафиксировать принадлежность к определенному культурному горизонту рога винторогой антилопы. Он найден при зачистке нижней части стенки раскопа и может происходить из горизонта 17 или 18.

Второе жилище овальной формы, четко выраженное (рис. 24). Его размеры 5,1×4,4 м. От жилища сохранилась внешняя обкладка, состоящая из 28 валунов. Самая плотная часть кладки — с южной стороны. С других сторон она сравнительно разреженная, а линия камней изломанная. Установить точно, где мог располагаться вход, невозможно. Примерно в центре жилища находится очаг округлой формы, состоящий из 11 камней. Углистая масса сохранилась как внутри очага, так и вокруг него. На полу жилища обнаружено большое число культурных остатков различного характера. Они образуют плотное кольцо вокруг очага, тогда как рядом с кладкой жилища находок почти нет. Исключение составляет только зона у юго-восточной части кладки. Основная масса находок — отщепы (563 экз.) и чешуйки (698 экз.). Среди костных обломков (119 экз.) только единичные представляют интерес для палеонтологов. Наиболее существенную часть коллекции, полученную из жилища, составляют нуклеусы, пластинки и орудия.

Нуклеусы подразделяются на два типа — ортогональные и торцовые клиновидные. Ортогональные нуклеусы (2 экз.) предназначены для снятия отщепов. Первый нуклеус однофронтальный одноплощадочный, из кладки очага. Второй — двуфронтальный четырехплощадочный. Ударные площадки — искусственные (подготовленные одним или несколькими ударами) или естественные (с галечной коркой), по расположению горизонтальные или слабонаклонные. Фронтальные поверхности покрыты крупными фасетками от снятых отщепов. В некоторых случаях одна и та же поверхность попеременно служила площадкой и фронтом.

Торцовые клиновидные нуклеусы (4 экз.) в 10—15 раз меньше ортогональных, находились на стадии подготовки к работе (заготовки нуклеусов). У двух заготовок на торце, где отводилось место фронту, сохранились фасетки первых пластинчатых снятий. У двух других отмечены следы предварительной оббивки или естественная корка. Заготовки, судя по их характеру, предназначались для снятия микропластин.

Микропластинки действительно широко представлены среди находок: 113 экз., из них 6 целых и 97 обломанных. Напротив, пластинки в данном комплексе редки (5 экз.), к

тому же все они искривленные или с неправильной огранкой, что указывает на их случайное происхождение.

Из орудий больше всего найдено чопперов (5 экз.). Наиболее выразительный чоппер — из массивной трапецевидной в сечении речной гальки. Обух изделия заузен, сохраняет корку. Слегка выпуклое рабочее лезвие является кромкой почти отвесной тщательно оббитой плоскости. Угол заострения порядка 75° (рис. 57, 12).

В жилище найдено скребло из крупного отщепы подтрапецевидной формы. На спинке отщепы следы грубой частичной оббивки. Краевой ретушью со спинки оформлены два рабочих края, один выпуклый поперечный, другой дугообразный, напоминающий по расположению лезвие концевой скребка (рис. 56, 15).

Небольшой серией (4 экз.) представлены трансверсальные резцы. Они изготовлены из отщепов. Полотно резцового скола почти перпендикулярно боковым краям. Изделия имеют дополнительную ретушь по краям со спинки. У одного из резцов ретушью со спинки оформлен нижний дугообразный край, что позволяет оценивать изделие как комбинированное. Еще одно орудие представляет собой комбинацию скребка с выпуклым рабочим краем, оформленным крутой ретушью со спинки, и долота с чешуйчатой подтеской лезвия. Два рабочих края перпендикулярны друг другу (рис. 56, 1—4).

Двойное назначение имела небольшая продолговатая речная галька с забитостями на конце и одной сильно заглаженной плоскостью. Орудие, очевидно, использовалось как отбойник для расщепления камня и как лошало для размягчения шкур и разглаживания швов.

Поделки из кости и рога представлены шилом из обломка трубчатой кости с намеренно приостренной рабочей частью и обломком рога, на одном конце которого по периметру вырезаны семь подтреугольных зубцов — похоже, что заготовка рукоятки (рис. 56).

Особо следует отметить, что удалось зафиксировать следы от сгнивших, по-видимому, деревянных изделий в форме длинных тонких стержней.

За пределами жилища обнаружено еще одно скребло из отщепы с выпуклым продольным лезвием и плоским обушком. Спинка изделия обработана ретушью полностью, а брюшко — только частично, вдоль рабочего края (рис. 56, 5).

Горизонт 16. Выявлено два жилых комплекса. Первое из них аналогично одному из жилищ, найденных в горизонте 17, но менее сохранившееся (рис. 22). Оно представлено углистым пятном округлой формы размером 3,2×2,6 м. В центре пятна находился очаг диаметром 1,0 м из галек, образующих незамкнутое кольцо. На поверхности углистого пятна — несколько крупных речных галек, рас-

положенных произвольно. Внутри жилища обнаружены: долотовидное изделие из продолговатого первичного отщепла с чешуйчатой подгетской узкого края, двугранная неправильная пластинка с мелкой ретушью по краю спинки, микропластинчатый боковой скол, микроскребок из отщепла с дугообразным лезвием, 3 отщепла, обломки костей (рис. 56, 9, 10, 13).

В 6 м от жилища вскрыта еще одна подобная конструкция. Она сохранилась в виде углистого пятна размерами 3,0×2,0 м с отдельными камнями на поверхности. В нем найдены: обломок микропластинки, неправильная пластинка с мелкой ретушью по краю со спинки 9 отщепов, 19 чешуек, обломки костей.

Горизонт 15. (рис. 55, 1—16, 27—29). Полностью расчищено жилище в виде неправильного-округлого углистого пятна размерами 3,1×2,1 м с гальками на его поверхности и рядом с ним. В пределах пятна, в основном в его северо-западной части обнаружены многочисленные культурные остатки, в том числе 147 фрагментов микропластинок, 136 отщепов, 72 чешуйки, 88 костных обломков, обломок микронуклеуса, который, возможно, использовался в качестве долотовидного орудия, а также скребло из первичного отщепла с поперечным слегка выпуклым рабочим краем, оформленным мелкой однорядовой ретушью со спинки. Неподалеку от пятна выявлены торцовый клиновидный микронуклеус с дугообразным клином, обломки рога и костей. В стороне от пятна наряду с отдельными обломками костей обнаружено изделие из подквадратного отщепла с ретушированными краями — скорее всего скребло.

Выявлено также три углистых пятна. Одно из них имело размеры 2,0×1,6 м. На поверхности пятна — несколько речных галек. Они тяготеют к его границам. В пятне и рядом с ним найдены: обломок крупного скребла из отщепла с пологой ретушью по одному краю с брюшка, фрагмент пластины без четкой окантовки с мелкой приостряющей ретушью по продольным краям со спинки, концевой скребок из массивной правильной двугранной пластины с ретушью по нижнему полукруглому концу и боковым краям со спинки, обломок скребла из отщепла с крутой ретушью по краю со спинки, скребло из крупного неправильно-го отщепла, с тонким сечением, с мелкой ретушью по продольным краям со спинки, концевой скребок из неправильной пластинки, 3 концевых микроскребка из отщепов, 2 микроскребка высокой формы из отщепов можно условно отнести к округлым, у них, как и у концевых, ретушь нанесена со спинки, 2 микропластинки с ретушью по краю, у одной — со спинки, у второй — с брюшка, 2 угловых резца из микропластинок, проколка из микропластинки с ретушью по краям со спинки, чоппер из массивной гальки с крутой ступен-

чатой оббивкой прямого рабочего лезвия, 3 отщепла с мелкой ретушью по краю, 13 микропластинок, 35 отщепов, 33 чешуйки, обломок костяного пришлифованного шильца и кости благородного оленя. Углистое пятно с находками в нем и рядом с ним — это скорее всего след небольшого жилища типа тех, что известны из нижележащих горизонтов.

В 4 м от него найден очаг размером 0,85×0,6 м, который выложен шестью крупными гальками. Они овальные, плоские, обожженные. В очаге и рядом с ним зафиксированы: концевой микроскребок высокой формы из отщепла, отщеп с мелкой ретушью по краю со спинки, 3 фрагмента пластинок, 2 отщепла, 3 обломка трубчатых костей оленя, 2 кусочка охры.

В 2 м от очага расчищено кострище — углистое пятно диаметром 1,5 м с двумя речными гальками на поверхности. В кострище и рядом с ним найдены: нуклевидный желвак, 5 отщепов, 2 угловых резца из микропластинок, обломки костей благородного оленя. Неподалеку от кострища обнаружен целый рог (длиной 95 см) и челюсть благородного оленя. Вне перечисленных комплексов найдены обломки зубов и костей благородного оленя, а также скребло из крупного отщепла с тонким сечением, с обушком в виде наклонной плоской площадки, подготовленной одним ударом и выпуклым рабочим краем, оформленным приостряющей ретушью со спинки, 28 фрагментов микропластинок, 18 отщепов.

Горизонт 14 (рис. 55, 17—26). В горизонте вскрыты частично два углистых пятна размерами 1,8×1,2; 2,5×1,9 м. Они являются кострищами или остатками жилищ, «пол» которых был затянута углистой массой. В одном из них найдены: обломок торцового клиновидного микронуклеуса, на его рабочей части сохранились тонкие правильные фасетки; здесь же обнаружены: округлый микроскребок из отщепла с дугообразным рабочим краем, оформленным ретушью со спинки, концевой микроскребок из отщепла с ретушью с брюшка, массивное двулезвийное скребло из отщепла с ретушью по одному продольному краю со спинки, по другому — с брюшка, скребло из крупного отщепла с мелкой ретушью по краю с брюшка, скобель из отщепла с выемкой по краю со спинки, небольшая плоская речная галечка, которая, возможно, использовалась как ретушер, 60 обломков микропластинок, 34 отщепла, 156 чешуек, большое число неопределенных обломков, а также зубы и челюсти оленя.

В этом же горизонте частично вскрыто углистое пятно. Размеры видимой части — 1,8×1,2 м. Оно является или кострищем или остатками жилища. В пятне найдены: 2 долотовидных орудия из небольших отщепов с чешуйчатой подгетской края, обломок такого же орудия, пластинка двугранная, неправильная, с мелкой ретушью по краю со спинки, 4 об-

ломка микропластинок, боковой скол, 9 отщепов, мелкие обломки костей.

В заполнении второго пятна обнаружены: 3 фрагмента микропластинок, 6 отщепов, 13 костных обломков. На других участках раскопа выявлены пластинчатый отщеп, 2 отщепы и 17 обломков костей, гобийский нуклеус, он имел узкий фронт с негативами от правильных микропластин, оббитые плоские латерали, асимметрично-выпуклое ребро и вогнутую фасетированную площадку; отщеп с разнофасеточной ретушью по краю со спинки, пластинка, один край которой тщательной разнофасеточной ретушью превращен в рабочее лезвие скребла, второй край также обработан, но менее тщательно; 46 отщепов, 3 фрагмента микропластинок, зубы копытного, кости оленя, мелкие трубчатые косточки.

Горизонт 13/2. Частично вскрыто углистое пятно — кострище, видимые размеры $1,2 \times 0,7$ м. Здесь найдены обломки костей и челюсти. На других участках зафиксированы скребок с дугообразным рабочим краем, скребло продольно-поперечного типа с выпуклыми рабочими краями, оформленными приостряющей разнофасеточной ретушью со спинки, обломок гальки, отщеп, трубчатые косточки (рис. 54, 1, 2, 9, 12).

Горизонт 13/1 (рис. 54, 3—5, 10). Обнаружено округлое углистое пятно размером $2 \times 1,5$ м. На его поверхности пять произвольно лежащих речных галек. Это, как и в предыдущих случаях, — кострище или след жилища. В пятне и рядом с ним найдены: торцовый клиновидный микронуклеус с тонкими сквозными фасетками на выпуклом торце и дугообразным ребром, оформленным подтеской с двух латералей, площадка ретуширована, два обломка от пластинок подтреугольной формы с крутой ретушью по краю со спинки, 31 микропластинка, крупная заготовка нуклеуса из гальки с оббитой ударной площадкой и двумя короткими снятиями с фронта, долотовидное орудие из отщепы с чешуйчатой подтеской, 34 отщепы, 70 чешуек, костные обломки.

На других участках поселения обнаружены: скребло подчетыреугольной формы, три рабочих края которых оформлены крупной разнофасеточной крутой ретушью с дополнительными мелкими подправками по краю, сработанный до предела микронуклеус, пластина с крутой ретушью по краям со спинки, оббитый кварцитовый желвак, отщеп с мелкой нерегулярной ретушью по краю со спинки, использовавшийся в качестве скребка или долота, обломок пластинки, 27 отщепов, крупный кусок охры, обломок сустава, мелкие трубчатые кости.

Горизонт 12. Найден торцовый клиновидный микронуклеус с четкими сквозными фасетками на уплощенном торце и дугообразным ребром, имевшим одностороннюю затеску бо-

ковой части и двустороннюю подтеску нижнего конца. Подтреугольная площадка оформлена ретушью. Длина нуклеуса в два раза больше ширины.

На уч. 1 горизонт 12 представлен двумя подгоризонтами — а, б. Материал выявлен в подгоризонте 12б. В числе находок оказались: скобель из отщепы средних размеров с вогнутым рабочим краем, остроконечник из крупной, слегка вогнутой с брюшка пластины с крутой формирующей ретушью по краям со спинки, торцовый клиновидный микронуклеус с правильными тонкими фасетками и с заломом посередине подтреугольного фронта, боковое ребро у него выпуклое, оформленное ретушью с двух латералей, площадка вогнутая, подправленная ретушью. Здесь же обнаружены микропластинки, 2 микроотщепы, отдельные кости благородного оленя (рис. 54, 6—8, 18).

Горизонт 11 (рис. 54, 11, 13—16; 59, 1—14). На уч. 2 можно выделить два комплекса находок. Они располагались в соседних раскопах.

В раскопе 7 найдены: 6 микропластинок, 2 пластинки с ретушью по краю со спинки, 13 отщепов, 2 чешуйки, обломки костей оленя, отдельные речные гальки.

В раскопе 11 обнаружены: сработанный торцовый клиновидный нуклеус с правильными фасетками на рабочем торце, его клин в нижней части оформлен двусторонней затеской, площадка ретуширована, ширина нуклеуса примерно равна длине; трансверсальный резец из короткой пластинки с резцовым сколом «правой руки» и ретушью по краям со спинки (не исключено, что это изделие могло использоваться и как скребок), 34 микропластинки, микропластинка с мелкой ретушью по краю со спинки, 20 отщепов и 25 чешуек, мелкие обломки костей, кусочки охры.

В траншее на кв. 45—46И было 3 обломка микропластинок, 3 отщепы, элифиз оленя (?).

На уч. 1 горизонт 11 делился на два подгоризонта — а, б. В подгоризонте 11а вскрыто углистое пятно округлой формы размерами $3,75 \times 3,1$ м. По нашему мнению, это след от жилища. Зона жилища богата разнообразными находками. Большой серией представлены торцовые клиновидные микронуклеусы. Торцы нуклеусов покрыты правильными сквозными фасетками. Ударные площадки слегка вогнуты, оформлены ретушью. Латерали в большинстве случаев сохраняют неправильные фасетки. У 7 экз. клин имел дугообразную форму. При такой форме боковая затеска плавно переходила в концевую. У 2 экз. клин оформлен только в нижней части, еще у 2 экз. представлено только боковое ребро. Нуклеусы имели среднюю степень сработанности. Один нуклеус признан гобийским. Он имел такое же оформление, как обычные торцовые нуклеусы, но ширина у него вдвое больше длины. Клин затесан только в нижней части. Вместо

бокового ребра — естественная слегка наклонная площадка.

На этом же участке найдены 4 концевых микроскребка из отщепов. Только один из них сохранился полностью, тогда как у двух скребков обломился обушок, а у одного — рабочий край. У целого скребка обушок заужен. У всех скребков рабочий край выпуклый, оформленный ретушью со спинки. Два микроскребка из отщепов являлись округлыми с ретушью по периметру со спинки. Один концевой скребок изготовлен из пластинки. Рабочий край его выпуклый с ретушью со спинки.

Резцы (4 экз.) относились к трансверсальным. Они изготовлены из пластин. Три из них двойные, при этом режовые сколы располагались на противоположных концах основы. Продольные края резцов оформлены крутой тщательной ретушью со спинки.

Самой распространенной находкой являлись микропластинки — 466 экз. Подавляющее большинство микропластинок представлено обломками. Семь микропластинок оформлены мелкой ретушью по краю с брюшка.

Пластин значительно меньше: 24 целых и 9 обломанных. Кроме того, ряд пластин имел вторичную обработку: у одной пластины есть тщательная приостряющая ретушь по обоим краям со спинки, у 9 экз. — ретушь мелкая, чаще всего эпизодическая по одному краю, при этом у 4 экз. она нанесена со спинки, у 5 экз. с брюшка. Еще у одной пластины ретушь чередующаяся по обоим краям. Все пластины неправильные. Четкая огранка встречалась в единичных случаях. Длина пластин — 3,5—6,5 см. К пластинам примыкали 2 боковых пластинчатых скола. К рубящим изделиям относится чоппер. Он изготовлен из массивной речной гальки с прямым рабочим краем, оформленным крутой, односторонней ретушью. Здесь же обнаружено 643 отщепа и 310 чешуек.

Большой интерес представляли костяные изделия: двулезная основа для вкладных лезвий с глубокими четкими прорезями, своеобразная охотничья заколка из метакарпалия косули, а также 2 рыболовных крючка из рогов косули. Они слабоизогнутые с кососрезанным основанием, пришлифованные по всей поверхности. Фауна представлена останками оленя, косули, дзерена (?), лося (?). Найдены кости рыб.

В подгоризонте 116 обнаружены только два изделия: торцовый клиновидный микронуклеус с широкой подтреугольной фасеткой, занимающей весь фронт, клин наиболее выражен в нижней части, концевой скребок из полупервичного отщепа с выпуклым рабочим краем, оформленным ретушью со спинки.

Горизонт 10 (рис. 54, 17, 19—36). На уч. 2 материал располагался двумя комплексами. В раскопе 7 найдены 6 торцовых клиновидных микронуклеусов. Ударные площадки обрабо-

таны ретушью, клин чаще всего имел дугообразную форму. Еще у одного микронуклеуса два фронта, занимавших противоположные торцы. Клин оформлен в нижней части. Нуклеус сильно сработан. Единственным экземпляром представлен подпризматический нуклеус, одноплощадочный, однофронтальный. Фронт занимал всю верхнюю поверхность, сохраняющую широкую центральную и более узкие боковые фасетки. Видна боковая подправка. Ударная площадка узкая, перпендикулярная фронту. Контрфронт грубо оббит. Нуклеус сохраняет леваллуазскую традицию.

Из остальных изделий выделены долото-видное орудие с тремя рабочими лезвиями, расположенными на смежных гранях, 5 микропластинок с ретушью по краю с брюшка, одна микропластинка с ретушью по краю со спинки, 92 микропластинки, 13 пластинок, 9 пластинок с ретушью по краю со спинки, пластинка с ретушью по двум краям со спинки, пластинка с ретушью по краю с брюшка, 5 концевых микроскребков из отщепов, обломок микроскребка из отщепа, трансверсальный резец из фрагмента пластин с двумя режовыми сколами «правой руки» с ретушью по продольным краям со спинки, пластинчатый боковой скол, 168 отщепов и чешуек.

В раскопе 10 вскрыт комплекс из речных галек, занимающий площадку диаметром до 2,5 м. Можно предположить, что гальки первоначально располагались по окружности. С этой конструкцией связаны округлый микроскребок из отщепа, боковой скол, 5 обломков микропластинок, 2 отщепа, обломок челюсти и мелкие обломки костей. Возможно, что конструкция из галек являлась остатками сильно разрушенного жилища.

В раскопе 24 обнаружена площадка с небольшими рассеянными камнями и отдельными находками: скребок, 6 фрагментов микропластинок, 10 отщепов.

На уч. 1 выявлено углистое пятно — след от жилища. Его размеры — 3,2×3,0 м. Пятно насыщено археологическим материалом. В нем найдены обломок гобийского нуклеуса, его ударная площадка оббита, фронт несет две фасетки, частично сохранился боковой клин; 6 торцовых клиновидных микронуклеусов такого же характера, как на уч. 2, один из нуклеусов вдоль бокового ребра дополнительно обработан тщательной ретушью и тем самым превращен в скребок; скобель из нуклеовидного желвака с ретушью по вогнутой кромке ударной площадки; остроконечник из крупной пластины с крутой формирующей ретушью по краям со спинки; трансверсальный резец из пластинки с режовым сколом «правой руки» и ретушью по продольным краям со спинки; такой же резец из фрагмента пластинки; угловой резец из микропластинки; 2 концевых микроскребка из отщепов; чоппер из массивной речной гальки с крутой оббивкой рабочего

края на одном из концов и такой же крутой, но упрощенной оббивкой бокового края и «пятки»; 596 микропластинок, микропластинка с пильчатой ретушью по краю с брюшка, 2 микропластинки с мелкой ретушью по краю со спинки, микропластинка с противоположной ретушью со спинки, 5 боковых пластинчатых сколов, 41 пластинка; 23 пластинки с ретушью, из них 9 — по одному краю со спинки, 10 — по двум краям с брюшка, 2 — по одному краю с брюшка, 1 — по двум краям со спинки, 1 — с противоположной ретушью; 747 отщепов и чешуек, 2 костяных стерженька от рыболовных крючков длиной 4,7 см. Фауна представлена останками оленя и дзерена (?). Найдены кости рыб: сибирского ельца, сибирской плотвы и налима и щуки. Промысловая длина плотвы и ельца — 15—20 см, налима и щуки — 40—50 см.

Второе углистое пятно расположено в 5,5 м от первого. Оно имеет диаметр 0,8 м. С ним связано 6 обломков микропластинок и 4 отщепов.

Горизонт 9. На уч. 2 выявлено скопление находок, занимавшее частично раскоп 7. В скопление вошли наковаленка из плоской речной гальки, рубящее орудие из очень крупной плоской плиты с затеской одного прямого края (разновидность чоппера), торцовый клиновидный микронуклеус с клином, оформленным в нижней части, гобийский нуклеус с торцом, покрытым четкими правильными фасетками, широкими оббитыми латеральями, дугообразным клином и вогнутой, обработанной ретушью ударной площадкой, 52 микропластинки, обломок микропластинки с крутой ретушью по краю с брюшка, 2 пластинки, 2 отщепов с эпизодической ретушью по краям, изделие из речной гальки, похожее на чоппер, пластинчатый боковой скол, 168 отщепов и чешуек.

На остальной площади участка зафиксировано два небольших зольных пятна округлых очертаний диаметром до 0,3 м. В их заполнении находились фрагменты микропластинок и 4 отщепов.

В коллекцию горизонта входит еще ряд находок: 4 торцовых клиновидных нуклеуса, трансверсальный резец с обработанными со спинки краями, скребок-скобель на отщепе, 2 пластинчатых фрагмента с ретушью по краям, пластинка с мелкой ретушью по краю со спинки, 17 фрагментов микропластинок, 56 отщепов, два из них с ретушью по краям (рис. 53, 1—9, 11).

Керамика происходит от одного сосуда с толщиной стенок от 0,4 до 0,8 см. Тесто грубое, с большими добавками песка, травы и хвонок. На внешней стороне черепков — следы от тонких перевитых нитей.

В траншее горизонт 9 расслаивается на ряд прослоек — подгоризонтов, обозначаемых как 9а—з.

В подгоризонте 9ж значительная часть находок располагалась в скоплении: 3 торцовых клиновидных нуклеусов со скошенными ударными площадками, заготовка нуклеуса, 56 фрагментов микропластинок, 337 отщепов. На остальной площади найдены: 3 торцовых клиновидных микронуклеуса со скошенными площадками, торцовый нуклеус с галечным контрфронтом, трансверсальный резец с резцовым сколом «правой» руки и ретушью по краям со спинки, 3 пластинки и 2 их фрагмента, 169 фрагментов микропластинок, отщеп с краевой ретушью. Интересны находки 2 обломков узких двупазных основ с четкими глубокими прорезями для вкладышей, костяной заколки из метакарпалия косули и обломок конца рога этого же животного с пришлифованной поверхностью. Керамика малочисленна и невыразительна — 2 плохо обожженных фрагмента без орнамента (рис. 52, 1—8, 13).

В подгоризонте 9е находки располагались пятью скоплениями, не имеющими, правда, четких границ. В них обнаружены: торцовый клиновидный микронуклеус с дугообразным клином и ретушированной площадкой; скребло из отщепов средних размеров с выпуклым рабочим краем, оформленным ретушью со спинки и, частично, с брюшка; 5 концевых скребков из отщепов, 3 скребка округлой формы на отщепках; 4 трансверсальных резца, их длинные стороны ретушированы со спинки; боковой резец на фрагменте микропластинки, на стороне противоположной резцовому сколу — три небольшие выемки, обработанные ретушью с брюшка, ретушь нанесена и на торец изделия: 2 пластинки с мелкой ретушью по одному краю со спинки, 2 пластинки с мелкой ретушью по двум краям со спинки, 5 отщепов с краевой ретушью, 2 чоппера из массивных речных галек с круто затесанными рабочими краями, 2 плоских тесла овальных очертаний с оббивкой по краям, 334 фрагмента микропластинок, 6 пластинок, 835 отщепов (рис. 52, 35; 53, 13—19, 22—30). Имеется костяная поделка — миниатюрная заколка, в качестве которой употреблялся метакарпаллий косули. Керамика немногочисленна: 5 мелких фрагментов со шнуровым орнаментом.

В подгоризонте 9д найден обломок костяной поделки подпрямоугольной формы с уплощенным концом и следами поперечных штрихов на одной плоскости (рис. 53, 21).

В подгоризонте 9г выявлено углисто-прокаленное пятно вытянутой формы небольшого размера (0,54×0,74 м). Рядом с пятном располагался круглый камень. В заполнении пятна обнаружены многочисленные мелкие косточки, 2 отщепов. Инвентарь подгоризонта включает: сильно сработанный торцовый клиновидный микронуклеус с дугообразным клином и четкими сквозными фасетками на рабочей части, концевой микроскребок из отщепов, пластина с ретушированным со спинки краем, микропластинка с ретушью по краю,

отщеп с ретушью по краю со спинки, 48 фрагментов микропластинок, 55 отщепов (рис. 53, 10, 12, 20).

Найдено 55 фрагментов керамического сосуда. Фрагменты грязно-коричневого цвета, тонкостенные (толщина 0,4—0,5 см, у основания она увеличивается до 0,8 см). По одному из фрагментов можно установить, что сосуд был остродонный. Венчик не сохранился, но где-то ближе к венчику располагались два небольших конусовидных налепа. Керамика покрыта тонкими отпечатками нитей. На одном фрагменте сохранились короткие насечки в один ряд (рис. 49, 4—6).

В том же горизонте в траншее, в кв. 27-И, 50-Н выявлено 5 фрагментов микропластинок, 24 отщепов, чоппер из массивной речной гальки с плоской нижней и «двускатной» верхней поверхностями, рабочий край изделия выпуклый, фасетки идут от края к центру.

В подгоризонте 9в находок не обнаружено.

Находки подгоризонта 9б представлены обломком верхней части сосуда с толщиной стенки 0,5—0,7 см. Керамическая масса рыхлая, содержит значительную примесь мелкозернистого песка. Внешняя поверхность сосуда грязно-черного цвета, внутренняя — кирпичного с белесоватым налетом. Снаружи отчетливо видны вертикально располагающиеся отпечатки тонких нитей. Сохранилась небольшая часть венчика сосуда. Он слегка отогнут наружу, при этом на глине сохранились рельефные отпечатки кончиков пальцев гончара. Возможно, что вдоль бортика сосуда проходили сквозные отверстия, одно из которых имеется на обломке (рис. 49, 1).

В подгоризонте 9а найден отщеп.

Горизонт 8. На уч. 2, примерно в центре раскопа 7, обнаружено скопление находок. Оно включает: 20 микропластинок, 2 пластинки, обломок пластинки с ретушью по краям со спинки, долотовидное орудие из небольшого отщепов с чешуйчатой подтеской одного края, концевой скребок из прямоугольного отщепов (обломка пластинки?) с ретушью по нижнему концу и боковым краям со спинки (не исключено, что это вкладыш), боковой скол, а также отдельные речные гальки.

В раскопе 9 выявлена рабочая площадка. В центре ее — наковаленка. Она располагалась наклонно. Верхний ее край, служивший упором при обработке камня, намеренно оббит с двух поверхностей. На площадке найдено 58 целых и обломанных пластин, преимущественно неправильных очертаний, первичных и полупервичных: пластина такого же характера с мелкой ретушью по краям со спинки, микропластинка с выемкой по краю со спинки, 2 угловых резца из микропластинок; скребло из плоской плитки, округлой по очертанию, с ретушью по периметру; долото-

видное орудие с чешуйчатой подтеской рабочего края, 2 отщепов с ретушью по краю с брюшка, концевой микроскребок из отщепов, фрагмент керамики толщиной 0,5 см грязно-коричневого цвета. Размеры площадки, где находки встречались наиболее часто — 2,8×1,3 м.

В раскопе 9 выявлен старый закопанный геологический шурф, прорезающий все культурные отложения вплоть до галечника. На дне шурфа у самого галечника найден крупный двуплощадочный нуклеус. Ударные площадки нуклеуса грубо оббиты, наклонны. Фронт асимметрично-выпуклый с заломами. С него снимались пластины шириной 1,5—2,5 см, длиной около 6,3 см. Нуклеус происходит с рабочей площадки из слоя 8. Это доказывает тем, что к нуклеусу апплицировано 25 пластин и отщепов с этой площадки.

Вне скопления найдены: расколотый гобийский нуклеус с короткими неправильными снятиями на рабочем торце, рабочая площадка его частично оббита, 7 торцовых клиновидных нуклеусов со скошенными или выемчатыми площадками, 6 скребков на отщепов, четыре из них являются концевыми, два имеют овальную форму с ретушью со спинки почти по всему периметру, фрагмент микропластинки с мелкой ретушью по краю со спинки, фрагмент микропластинки с эпизодической ретушью по краю со спинки и частично с брюшка, 108 фрагментов микропластинок, 162 отщепов, костные обломки (рис. 52, 9—12, 14—34, 36).

Керамики немного. Она тонко- и толстостенная (0,5—0,8 см), темного и грязно-коричневого цвета. На внешней поверхности черепков отпечатки тонких нитей. Имеется обломок венчика — прямого, гладкосрезанного. По его внешней поверхности идут нечеткие вдавления косо поставленной округлой лопаточки, придающие ему легкую волнистость (рис. 49, 2—3).

Горизонт 7. На участке 2 найдены: торцовый нуклеус, половинка расколотого нуклеуса, микропластинка с мелкой эпизодической ретушью по одному краю со спинки, обломок микропластинки с приостряющей ретушью по краю с брюшка, 22 фрагмента микропластинок, 18 отщепов, 13 фрагментов тонкостенной (0,4—0,5 см) керамики с техническими отпечатками в виде тонких нитей.

В траншее на кв. 49—52-И обнаружены: 2 остроконечника из пластин с приостряющей регулярной формирующей ретушью по краям со спинки; конический микронуклеус с четкими сквозными фасетками на подтреугольном фронте, по характеру контрфронта можно предположить, что ранее этот нуклеус был торцовым клиновидным; концевой микроскребок из отщепов с крутой ретушью со спинки, оформляющей рабочий край и переходящей на боковые края: обушок его слегка заужен, на

стыке рабочего и боковых краев едва намечено плечико; скобель из отщепа с выемкой по краю, оформленной крутой ретушью со спинки, микропластинчатый боковой скол, отщеп.

На участке 1 горизонт представлен двумя подгоризонтами. В подгоризонте 76 найден нож, выполненный бифациальной ретушью с неправильно-округлыми фасетками. Один длинный край ножа прямой, второй — дугообразный, что придает изделию асимметричную форму. В подгоризонте 7а найден отщеп (рис. 51, 1—17).

Горизонт 6. На уч. 2 среди находок выделены: торцовый клиновидный нуклеус; концевой скребок полупервичного отщепа с крутой ретушью на спинке, оформляющей рабочий край, а также боковые края; скребок на нуклеидной желвачке: крупная трехгранная пластина с мелкой регулярной ретушью по краю со спинки, вдоль противоположного края имела затеска, как на боковом сколе; чоппер из массивной речной гальки прямоугольных очертаний с грубо оббитым волнистым лезвием; 13 микропластинок, 31 отщеп, 9 мелких фрагментов тонкостенной керамики грязно-коричневого цвета, без орнамента, кусочки красной охры.

В траншее в кв. 59-И обнаружены: микропластинка с мелкой ретушью по краям с брющка, обломок микропластинки, 2 отщепа.

Из хозяйственных комплексов выявлено золистое пятно небольшого размера — $0,42 \times 0,63$ м (рис. 51, 8—14, 18, 19, 22, 31).

Горизонт 5. На уч. 2 зафиксировано два скопления находок. В первое скопление входят: торцовый нуклеус с уплощенным контрфронтом; торцовый нуклеус с латералиями, затесанными на неровный клин; желвачок с затесками по периметру, 2 концевых скребка на отщепах, один с приподнятым обушком со следами сильной выкрошенности на прилегающих к рабочим лезвиям краях; 19 микропластинок, 22 отщепа и фрагмент тонкостенной керамики.

Второе сосредоточение находок связано с округлым углистым пятном ($1,40 \times 2,60$ м) с речным валуном на поверхности. В скопление входили: 4 нуклеидных скребка, концевой боковой скребок, микропластинка с диагональным резцовым сколом и тщательно отретушированным краем; фрагмент микропластинки с двумя зубчиками по краю, оформленными мелкой ретушью с брющка, и обработанным прилегающим краем; 2 фрагмента микропластинок с ретушью по краю с брющка, 5 фрагментов микропластинок с ретушью утилизации, чоппер на плоской гальке с дугообразным рабочим краем, 68 микропластинок и их фрагментов, 93 отщепа.

Керамика из скопления принадлежит одному сосуду с толщиной стенок $0,6—0,7$ см. Тесто

сосуда грубое, легко расслаивается, обжиг неравномерный. На внешней поверхности фрагментов видны заглаженные оттки нитей, верх них — бессистемные отпечатки растительности. Венчик сосуда гладкосрезанный, слегка нависающий наружу.

Значительная часть артефактов была найдена в раскопе 13: 5 торцовых нуклеусов, 3 опробованных желвачка, концевой скребок на отщепа, рубящее орудие с «клювиком» на небольшой гальке, 6 фрагментов микропластинок с ретушью утилизации по краям, фрагмент микропластинки с ретушью по краям со спинки, боковой скол с нуклеуса, 6 фрагментов микропластинок, 4 отщепа. Расчищено 2 скопления керамики от одного сосуда. Удалось восстановить зону венчика и частично тулово. Сосуд выполнен в технике выколачивания. Обжиг слабый, неравномерный, цвет черепков от белесого до темно-коричневого. Венчик гладкосрезанный, слегка нависший над стенкой сосуда. В зоне венчика имеется легкий изгиб стенки. Толщина стенок сосуда в пределах $0,6—0,7$ см, доходя до $1,2—1,3$ см в месте утолщения венчика.

На остальной площади уч. 2 найдены: конический нуклеус с четкими сквозными фасетками, 3 опробованных желвачка, 3 концевых скребка на отщепах, у одного намечены небольшие боковые выемки, фрагмент микропластинки с ретушью утилизации, 144 фрагмента микропластинок, 107 отщепов, фрагмент прямого гладкосрезанного венчика, мелкие фрагменты керамики, аналогичные вышеописанным (рис. 50, 1—6, 10; рис. 51, 20—21, 23—30, 32—42).

На уч. 1 найдены: мелкий фрагмент керамики и два костных обломка.

Горизонт 4. Находки горизонта приурочены в большинстве своем к заполнению трех зольных пятен аморфной формы на уч. 2: скребок с округлым лезвием, микропластинка со снятыми резцовыми сколами краями и ретушированным торцом, 6 фрагментов микропластинок, 35 отщепов, мелкие косточки.

На оставшейся вскрытой площади уч. 2 обнаружено 5 фрагментов микропластинок, 8 отщепов.

В траншее, на кв. 60—61, найдены: крупный отщеп с фронтальной поверхности нуклеуса, с рядом неправильных пластинчатых снятий и оббитой площадкой, 2 отщепа (рис. 50, 7—9).

Горизонт 3. На уч. 2 выявлено золистое пятно размером $2,0 \times 1,5$ м. В нем и по соседству с ним найдены тесло овалной формы с рабочим краем, оформленным на слегка расширенном конце за счет двусторонней краевой оббивки, частично оформлены ретушью верхняя и нижняя поверхности; торцовый клино-

видный микронуклеус удлиненных пропорций, сработанный почти до конического, боковой клин у него, однако, еще сохранился, он затесан с одной поверхности; концевой скребок из пластинки с неправильной огранкой, нижний конец и один боковой край обработаны крутой регулярной ретушью со спинки, еще один боковой край имел частичное торцовое снятие; угловой резец из микропластинки с дополнительной мелкой ретушью по краю со спинки; 2 микропластинки с мелкой ретушью по краю со спинки, 6 обломков микропластинок, 5 пластинок, 2 пластинчатых скола, 19 отщепов и чешуек, 3 мелких фрагмента керамики без орнамента, мелкие костные обломки. Особый интерес представляет молоток из гальки с перехватом, выполненным в технике пикетажа (рис. 50, 12). На уч. 1 вскрыто кострище диаметром 0,8 м в виде углистого округлого пятна мощностью 0,02—0,03 м. В кострище найден раздавленный сосуд грязно-черного цвета, круглодонный со слегка выпуклыми стенками, прямым венчиком, под внешним краем венчика — ряд сквозных отверстий, на внешней поверхности сосуда — заглаженные отгиски нитей. Отличительная черта сосуда — слабый обжиг. Некоторые фрагменты кажутся едва прихваченными огнем, внутри же остается уплотненная, но сырая глина (рис. 49, 7). Вполне возможно, что кострище предназначалось для обжига сосуда, но он во время обжига растрескался. На одной из раздавленных стенок сосуда лежал обломок топора из речной гальки. У топора по краям ретушью оформлены выемки для привязки. В том же кострище найдена микропластинка, а рядом с кострищем на «подстилке» из розоватого прокаленного песка — обломок основания сброшенного рога благородного оленя. В стороне от этого комплекса лежала заготовка гобийского нуклеуса (?), его площадка оформлена одним продольным сколом, верхняя поверхность грубо обита, фронт не сформирован, нижняя поверхность сохраняла корку.

Горизонт 2. На уч. 2 выявлено зольное пятно 1,64×1,88 м. Оно густо заполнено находками. Отдельные находки обнаружены также рядом. К этому комплексу относилось 12 микропластинок; 7 микропластинок с ретушью, при этом у трех из них ретушь велась по двум краям с брюшка, у трех — по одному краю со спинки, у одной — по двум краям со спинки; торцовый клиновидный микронуклеус с асимметрично-вогнутым ребром; топор из речной гальки с узким рабочим краем, экономно оббитым с двух поверхностей и двумя выемками на боковых краях в зоне обушка, оформленных с разных поверхностей; чоппер из раско-

лотой речной гальки с грубо затесанным рабочим краем; тесло из небольшой речной гальки такого же характера, что и в слое 3, но менее выработанное; 17 отщепов. Здесь же найдено 10 фрагментов керамики толщиной 0,4 см без орнамента.

На уч. 1 горизонт делится на 2 подгоризонта. В подгоризонте 2а вскрыто округлое углистое пятно диаметром около 0,7 м, без четких границ. Мощность заполнения 0,02—0,03 м. В кострище и вокруг него — мельчайшие обломки косточек. Рядом с кострищем находились 6 микропластинок и торцовый микронуклеус с волнистым дугообразным ребром и серией правильных фасеток на рабочем конце (рис. 50, 11—13, 15).

Горизонты 1А, 1Б, 1В специально не анализируются, поскольку по возрасту выходят за пределы каменного века.

Анализ археологического материала позволил проследить последовательное развитие материальной культуры — от горизонта к горизонту — снизу вверх. Это выражалось в неуклонном развитии техники микронуклеуса-микропластинки, совершенствовании ретуши, появлении новых форм орудий, прогрессивной миниатюризации индустрии, а также в техническом освоении качественно новых материалов. Так в горизонте 9 появляется керамика, а в горизонте 1Б зафиксировано присутствие бронзы.

Исходя из этого, можно считать, что горизонты 10—19 являлись донеолитическими, горизонты 2—9 — неолитическими, а горизонты 1А, 1Б относились к эпохе металла.

Очень существенной является позиция культурных горизонтов 8—12. Они сближены и связаны с одним литологическим слоем (4). Для них характерен один и тот же каменный инвентарий, дополненный в горизонтах 8—9 архаичной керамикой. Такая раскладка позволяет относить горизонты 10—12 к позднему мезолиту, а горизонты 8—9 — к раннему неолиту. Выше по разрезу в неолитических горизонтах наблюдаются различия в камне и керамике, позволяющие относить горизонты 6, 7 — к среднему неолиту, а горизонты 2—5 — к позднему неолиту. Разграничение по периодам горизонтов 13/1—19/4 возможно только с учетом их корреляции с другими памятниками, что будет сделано в дальнейшем. Забегая вперед, отметим: горизонты 13/1, 13/2 представляют ранний мезолит, а горизонты 14—19/4 — конец палеолита.

По культурным горизонтам Студеного получена большая серия радиоуглеродных дат. Они даны или по углю из очагов и кострищ, или по гумусу из почвенных проб.

Даты сведены в таблицу 15.

Студеное. Радиоуглеродные датировки

Лабораторный номер	Культурный горизонт	Дата	Характер пробы	Археологический период	Геологический возраст
ГИН-2623	1a	1130±70	уголь	поздняя бронза	субатлантический
ЛЕ-1845	1a	2240±40	уголь	»	»
СОАН-1646	1a	2635±75	уголь	»	»
ГИН—	16	2280±80	уголь	ранняя бронза	суббореальный
СОАН-1647	3	10580±155		поздний неолит	»
СОАН-2626	4	570±100			атлантический
СОАН-1648	5	10400±155	уголь	»	»
ГИН-4577	6	10780±150	уголь	»	»
ГИН-5492	7	9690±250	гумус	»	»
ГИН-5493	76	10450±300	гумус	»	»
ГИН-5494	9	17700±400	гумус	ранний неолит	»
СОАН-1650	10	12550±280	уголь	поздний мезолит	»
СОАН-1651	11a, 6	12510±80	уголь	»	»
СОАН-1652	12a, 6	12510±175	уголь	»	»
СОАН-1653	13/1	10755±140	уголь	ранний мезолит	норильский
СОАН-1655	14	11395±100	уголь	конец палеолита	позднесартанские интерстадиалы
СОАН-1654	14	10975±135	уголь	»	»
ГИН-2925	14	12300±700	уголь	»	»
ГИН-2931	15	14900±2000	уголь ³	»	»
ГИН-2931a	15	11340±180	уголь ⁴	»	»
ГИН-2930	15	11660±400	уголь	»	»
ЛЕ-2062	15	12290±130	уголь	»	»
ГИН-6128	15	1226±390	уголь	»	»
ГИН-2932	16	11340±200	уголь	»	»
СОАН-1656	16	11630±50	уголь	»	»
ГИН-2933	17	6030±400	уголь	»	»
ГИН-2934	17	12140±150	уголь ¹	»	»
ГИН-2934a	17	12130±150	уголь ²	»	»
ГИН-2935	18/1	12110±150	уголь	»	»
ЛЕ-2061	18/1	13430±150	уголь	»	»
ГИН-6129	18/1	2100±100	уголь	»	»
ГИН-2947	18/2	12800±400	уголь	»	»
ГИН-6133	19/1	18550±35	уголь	»	»
ГИН-6139	19/1	12330±60	уголь	»	»
ГИН-2938	19/4	11030±380	уголь	»	»
ИЭМЭЖ-199	19/4	11314±160	уголь	»	»

ПРИМЕЧАНИЕ к таблице: 1, 2 — лаборатория ГИН считает эти образцы наиболее надежными по размеру и по качеству; 3, 4 — образец очень мал, сделано два измерения: по глию (2931) и по выделенному из него гумусу (2931a).

Имеющиеся радиоуглеродные даты разбиваются на две группы. В первой группе наблюдается правильное соотношение с геологическим возрастом несущего литологического слоя. К этой группе относится большинство дат по горизонтам 13/1—19/4. Они размещаются в пределах от 13 до 10,3 тыс. л. н., что соответствует позднесартанскому интерстадиалу и норильскому периоду. В эту же группу входят даты по слою 1A, соответствующие субатлантическому периоду. Все указанные даты даны по углю.

Во вторую группу входят даты по горизонтам 2—12, не соответствующие геологическому

возрасту отложений, причем различие достигает 6—8 тысяч лет, в сторону удревления. Нет соответствия и археологии этих горизонтов, поскольку иначе придется признать существование керамической культуры с возрастом 10—12 тыс. л. н. Даты этой группы (в связи с невозможностью получить полноценных угольных проб) даны по гумусу. Причины столь странных отклонений в этих датах остаются пока непонятными.

С учетом всех данных можно составить таблицу 16 по предполагаемым датировкам горизонтов.

Студеное. Возраст культурных горизонтов

Культурный горизонт	Литол. слой	Геологический этап	Археологический период	Абсолютный возраст (тыс. л. н.)
1А	1	Субатлантический	Поздняя бронза	2,8—2,0
1Б, 1В	2	Суббореальный	Ранняя бронза	3,8—2,8
2—3	3	Суббореальный	Поздний неолит	4,0—3,8
4—5	3	Атлантический оптимум	Поздний неолит	4,5—3,8
6—7	3	Атлантический оптимум	Средний неолит	5,5—4,5
8—9	4	Атлантический оптимум	Ранний неолит	6,5—5,5
10—12	4	Атлантический оптимум	Поздний мезолит	8,0—6,5
—	Зона размыва	Бореальный	—	10,3—8,0
13/1, 13/2	5	Норильский	Ранний мезолит	10,8—10,3
14—16	6	Таймырский	Конец палеолита	12,0—10,8
17	6	Холодный	>	12,2—12,0
18/1—19/4	7	Кокоревский	>	12,7—12,2

Следует отметить, что полное обоснование приведенных результатов возможно только с учетом корреляции с другими памятниками района исследования, прежде всего с Усть-Мензой-1.

В итоге можно сделать вывод: Студеное — это поселение берегового типа с 26 культурными горизонтами (сверхмногослойное!). Они охватывают отрезок времени около 12 тысяч лет, позволяя разобраться в соотношении археологических эпох — палеолита, мезолита, не-

олита и бронзы — в их конкретном локальном проявлении. Выразительные жилища эпохи палеолита выводят этот памятник на первенствующие позиции в плане изучения образа жизни плейстоценовых охотников. Как геологический объект исследования, Студеное позволило идентифицировать I надпойменную террасу, что существенным образом повлияло на понимание строения и характера террасового ряда селенгинского водного бассейна.

СТУДЕНОЕ-2.

Древнее поселение Студеное-2 располагается в плотную к Студеному-1 (рис. 7). Первоначально они не разделялись на два памятника и воспринимались как единое поселение с позицией на двух смыкающихся надпойменных уровнях: 6- и 9-метровом (Константинов, Немеров, 1978). В дальнейшем была установлена существенная разновозрастность двух уровней, при этом 6-метровый уровень стал определяться как I терраса, а 9-метровый уровень как II терраса. Поселение на I террасе получило название Студеное-1, на II террасе — Студеное-2. На Студеном-2 в 1974—1980 гг. было поставлено три шурфа, показавших наличие культурных проявлений на различных уровнях залегания. В 1986—1990 гг. на месте шурфов развернут раскоп, позволивший окончательно установить многослойный характер памятника и его принципиальные отличия от Студеного-1 (Базаров, Константинов и др., 1982).

В итоге Студеное-2 определено как многослойное поселение, связанное со II надпойменной террасой высотой 9—10 м. В зоне поселения терраса имеет форму мыса, одна сторона которого вытянута непосредственно вдоль Чикоя, а вторая — параллельна ручью Студеному, отступая от него примерно на 150 м.

Раскоп на поселении занимает позицию вдоль чикойского края террасы, его площадь 437 кв. м. Он открыт в сторону реки, имеет ступенчатую форму с максимальной глубиной до 7 м. Раскоп разделен бровками на три примерно равных сектора.

Стратиграфия поселения представляет собой следующее (рис. 12):

Мощность
(в м)

II. Почвенно-растительный горизонт со следами распахки, захватывающий подпочвенную каштановую супесь. В связи с этим слой выглядит как пестрое сочетание темных и цветных линз и прослоев

На уступе террасы слой сохранился непо потревоженными. Здесь они обозначены как 1А (почва) и 1Б (каштановая супесь)

0,35

2. Супесь палевая, пылеватая микропористая, с рассеянной мелкой дрсвой, неслоистая. По цветовым различиям удается выделить три составные части: а) светло-серый — 0,2 м; б) серый, серо-желтый с оттенком черного цвета в следствии гумусации — 0,4 м. В его средней части проходит осветленная песчаная прослойка мощностью 7—8 см, в секторе 2 эта прослойка разделяется на две. В отдельных местах прослойка(ки) имеет разрывы с разведенными, в том числе вскинутыми вверх концами; в) светло-серый, близкий к

Мощность
(в м)

верхнему — 0,2—0,3 м. Границы между тремя частями постепенные, неотчетливые. Общая мощность

0,8—0,9

3. Зона почвообразования супесчано-песчаная, бурая с некоторыми цветовыми разностями. Представлена тремя прослоями лентообразной формы примерно одинаковой мощности по 0,1—0,15 м. Верхний и нижний прослой супесчаные, они несут следы гумусации, в виде пятен черноты. Между ними находится более светлый песчаный прослой. Общая мощность

0,4

4. Переслаивание светло-коричневых сероватых полимиктовых тонкозернистых песков и более темных серовато-коричневых супесей. Слойки не постоянны по протяженности, линзовидные, слоистость в целом горизонтальная, волнистая. В нижней части слоя четко выделяются два тонких прослоя мелкозернистого белесого песка

1,1

5. Переслаивание тонко-зернистых серых, отмытых белесоватых песков и темно-серых супесей. Слойки маломощные, местами пережатые. Слоистость горизонтальная, слабоволнистая. В нижней части слоя встречаются единичные галечки. Ожелезнение в виде ржавых пятен и полос придает слою бурый оттенок

1,2

6. Пески тонко- и мелкозернистые, буровато-серые, слоистость горизонтальная, горизонтально-наклонная. В верхней части два прослоя сизовато-серых и темных илов мощностью 4—5 см

0,4

7. Неясное переслаивание тонкозернистых иловатых песков с сизым илом и светло-серым среднезернистым песком. Слоистость слегка волнистая, наклонная, местами горизонтально-волнистая

1,7

8. Иловый, сизовато-бурый песок, ожелезненный, мощностью 10 см, затем более тонкие прослой желтого мелкозернистого отмытого песка и сизоватого ила

0,17

9. Валунно-галечные отложения с разнозернистым желтым песком.

0,2
(видимая)

Анализ разреза позволяет предположить следующий генезис отложений: слои 1—3 — делювиальные, с тремя уровнями почвообразования; слои 4—6 — перегляциальный аллювий; слои 7—9 — нормальный пойменный и русловый аллювий. Согласно строению терраса определена нами как II надпойменная.

Спектры нижней части пойменных отложений (слои 7, 8) характеризуют распространение разреженных светлыхвойных лесов (21—27%) с большой примесью темнохвойных пород с подлеском из березы (23—33%) и ивы (2,58%). Темнохвойные породы представлены кедровой сосной, елью и пихтой. Травяной покров полынно-злаково-разнотравный (11—14,3%; 16,8—17,4%). Климат во время формирования этих осадков был сравнительно теплым и сухим.

Из средней части разреза II террасы (слои 4—6) получен спорово-пыльцевой спектр, указывающий на распространение лесостепных группировок с березовыми колками, ольховником и ивой в понижениях. Были развиты заболоченные участки с плауновыми и папоротниковыми. Данный спектр свидетельствует

о похолодании и оскудении растительности.

Исходя из характера отложений и результатов палинологического анализа, можно определить, что слои 7—9 сформировались в позднекаргинское время (30—25 тыс. л. н.); слои 4—6 — в первые периоды сартанской эпохи (25—12,7 тыс. л. н.); слой 3, являющийся зоной почвообразования, относится к позднекартанским интерстадиалам (12,7—10,8 тыс. л. н.); слой 2 (основание) — финальноплейстоценовый, норильский (10,8—10,3 тыс. л. н.) и раннеголоценовый (10,3—8,0 тыс. л. н.); слой 2 (средняя часть) — атлантический оптимум голоцена (8,0—4,0 тыс. л. н.), слой 2 (верхняя часть) и слой 1 — суббореальный и субатлантический периоды голоцена (менее 4 тыс. л. н.).

На поселении выявлена серия культурных горизонтов.

Горизонт 1 связан с почвенно-пахотным слоем. На тех участках, где распашка не проводилась, возможно выделить два горизонта: 1А (почва) и 1Б (каштановая супесь). Они датированы эпохой бронзы.

Горизонт 2 выявлен в литологическом слое 2, в нижней части его среднего отдела (2б), иначе — в основании слоя атлантического оптимума, на глубине 0,6—0,8 м от поверхности.

Расчищено 18 небольших валунов и галек, располагающихся по дуге. Они обозначают площадку размерами 4×2,4 м. На уровне камней выявлены артефакты: скребло из отщепы с дугообразным рабочим краем, оформленным ретушью со спинки, скребло из отщепы с двумя рабочими краями, концевой скребок на удлиненном отщепе, 2 целых и 2 обломанных экземпляра торцовых клиновидных микронуклеусов, 4 микропластинки, 69 отщепов, обломок зуба копытного и неопределимые обломки костей. Этот уровень определен как 1-ый, его мощность 7—10 см.

Сразу под ним выделен уровень 2 такой же мощности. В нем найдены 2 торцовых клиновидных микронуклеуса, долотовидное орудие из отщепы, оббитый желвак, 9 микропластин, 38 отщепов, отщеп с ретушью, обломки костей.

Еще одна зона с находками зафиксирована в 3—4 м от вышеописанной. Она представляет собой округлое по форме скопление разнообразных артефактов. Диаметр скопления — 2,5 м. За пределами скопления, с определенным тяготением к нему, выявлены рассеянные находки. Рядом со скоплением находится 4 камня. Они образуют «цепочку», указывая, возможно, на какое-то внешнее обрамление скопления. Скопление и площадка вокруг него разбирались двумя уровнями мощностью 7—10 см каждый. На уровне 1 обнаружены: 2 угловых резца из пластинок, скребло из плитки, скребло полулунной формы из отщепы, концевой скребок из пластины, долотовидное орудие из отщепы, абразивный инструмент с тремя желобками для заточки, скорее

всего, костяных инструментов, 18 микропластин, 4 пластинки, пластинчатый скол, 5 отщепов с ретушью, 133 отщеп. На уровне 2 сосредоточены следующие находки: 3 концевых скребка из отщепов; абразивный инструмент с двумя желобками, 43 микропластинки, 3 пластинки, пластинка с ретушью, отщеп с ретушью, 218 отщепов (рис. 59, 20—28).

Для горизонта 2 удается выделить поверхность обитания. Она отмечена камнями, лежащими в спокойной позиции. По «полу» камней и немного выше его располагаются находки из уровня 1; находки из уровня 2 оказались ниже основного уровня из-за проседания или неровностей рельефа. В совокупности оба уровня образуют культурный горизонт мощностью 0,15—0,20 м.

Общий состав находок, а также позиция культурного горизонта в системе отложений позволяет датировать поздним мезолитом в пределах от 8,0 до 6,5 тыс. л. н. Существенным для установления и проверки датировки является корреляция комплекса артефактов с другими позднемезолитическими комплексами (Студеное-1, гор. 10—12, Усть-Менза-1, гор. 9, Подлопатки).

Горизонт 3 связан с основанием литологического слоя 3, с нижней палеопочвенной прослойкой мощностью 7—10 см. Примерно в центре раскола выявлено жилище (рис. 32). Оно представлено внешней обкладкой из камня, камнями и кострищем во внутреннем пространстве, предметным материалом. Размеры жилища 4,69×4,76 м, форма округлая. Во внешнее кольцо заложено 13 валунов и глыб, расположенных достаточно симметрично по всему периметру; некоторые камни группировались попарно. С внутренней стороны к указанному кольцу примыкало еще 13 камней, причем с юго-восточной стороны образовывалась плотная выкладка. Отсюда вполне возможно предположить, что жилище, помимо внешнего покрытия, имело внутренний пол. В центре жилища находилось кострище размерами 0,8×0,64 м. Оно размещалось в небольшом углублении, ниже уровня песчаного пола на 0,15 м и имело тонкое золистое заполнение. В зоне кострища по обе стороны от него — еще 4 камня. Предметный материал включает в себя обломок однолезвийного долотовидного орудия, фрагмент пластинки, 26 отщепов, обломки зубов и костей.

За пределами жилища, вплотную к нему и в нескольких метрах от него (по направлению к уступу террасы) обнаружены проколка на крупном плоском отщепе, нуклеидный желвак, оббитый кварцевый желвак, обломок долотовидного инструмента, двулезвийное долотовидное орудие, верхний фрагмент пластинки с ретушью по двум краям со спинки, крупный галечный скол с краевой ретушью, скребло на крупном отщепе с выпуклым рабочим краем, фрагмент микропластинки с ретушью

по краю, отщеп с ретушью, 6 пластин и фрагментов, 19 фрагментов микропластинок, 52 отщеп, обломки зубов и челюсти копытного, мелкие трубчатые кости.

Возраст жилища определяется по геологической позиции, поскольку установлена его взаимосвязь с нижней позднесартанской почвой, датируемой 12,7—12,0 тыс. л. н.

Горизонт 4 приурочен к верхней части аллювия (литологический слой 4). Он связан с тонкой иловатой прослойкой мощностью 2—3 см. Горизонт изучен на площади 54 кв. м. В нем выявлена жилая площадка. От нее сохранилось углисто-сажистое пятно вытянутой формы размерами 2,0×4,5 м, на поверхности которого расчищено более сорока речных галек и обломков глыб. Часть камней располагается по контуру пятна, другие же тяготеют к двум проколам, обозначая позицию очагов.

При выборке углисто-сажистого пятна обнаружены следующие находки: торцовый клиновидный нуклеус, сработанный микронуклеус, 4 заготовки микронуклеусов, орудие лавролистной формы, обработанное по периметру со спинки тщательной ретушью, изогнутая в профиле пластинка с ретушью по краю со спинки, боковой скол с мелкой разнофасеточной ретушью по краям, скребок языковидной формы, фрагмент микропластины с ретушью по краю со спинки, проколка на отщепе, 3 фрагмента пластинок, 5 боковых сколов, 4 отщепов с ретушью, 67 фрагментов микропластин, 240 отщепов, зубы копытного, многочисленные обломки трубчатых костей (рис. 59, 15—19).

Вне контура углисто-сажистого пятна, вплотную к нему, найдены рассеянные отщепы и мелкие обломки костей. Определение комплекса как жилой площадки означает, что у него нет той строгости и определенности в границах, порядке и сочетании элементов, которые присущи жилищам.

Геологическая позиция жилой площадки в разрезе отложений позволяет уверенно ориентироваться на конец ньяпанской стадии и оперировать временем около 13 тыс. л. н.

Горизонт 5 выявлен в литологическом слое 6 на глубине 5,25 м от поверхности. Он связан с тонкой иловатой прослойкой. Частично расчищена жилая площадка, представленная серией из 7 речных валунычков и углистыми примазками. Здесь же найдены угловой резец из пластины, отщепы и костные останки — вершина верхнекоренного зуба носорога, оленья и какого-то мелкого копытного. Геологическая позиция горизонта и палинологические данные указывают на его формирование на ранней стадии сартанской эпохи (25—20 тыс. л. н.). Археологический материал этому не противоречит. Изучение поселения Студеное-2 пока еще не завершено. Появились наметки, указывающие на возможность открытия новых культурных горизонтов в литологических слоях 4 и 5. Это позволит найти связую-

щее звено между началом и концом сартанской эпохи. Данное обстоятельство заставляет считать цифровое обозначение горизонта 5 предварительным.

В целом, Студеное-2 является перспективным многослойным поселением с серией культурных горизонтов позднего палеолита и мезолита, содержащими выразительные жилища и жилые площадки.

УСТЬ-МЕНЗА-3

Поселение Усть-Менза-3 располагается в таежном урочище при впадении р. Мензы в р. Чикой, на стыке отрогов Малханского хребта и Чикой-Хэнтэйского нагорья (рис. 6). Ближайший населенный пункт находится в 20 км вниз по Чикой (с. Большая Речка). Урочище представляет собой террасовое поле, вытянутое вдоль левого берега Чикоя и правого берега Мензы и обрамленное с юго-востока террасовалом, крутыми склонами и скальными вершинами. В урочище обнаружено пять археологических памятников — все они с разной степенью подробности характеризуются в этой монографии. Усть-Менза-3 базируется в примечательном месте — «на стрелке», образованной мензинской и чикойскими террасами. Высота террасового уровня достигает 14 м. В 1980 г. на Усть-Мензе-3 был собран подъемный материал эпохи бронзы, а в 1981 г. проложена траншея, позволившая открыть палеолитические горизонты. В 1982—87 гг. на поселении велись планомерные раскопки. Раскоп поставлен вдоль края мензинской террасы. Он открыт в сторону реки, его стенки имеют ступенчатую форму. Площадь раскопа равняется 487 кв. м, общая глубина 6,5 м, на одном из участков — до 10 м. Длина профилей: фронтального — 80 м, латеральных — 74 м.

На ровной поверхности террасы в 13 м от раскопа заложен разведывательный шурф размерами 3×3 м, глубиной до 2,6 м. Поиск культурных отложений проводился параллельно с изучением стратиграфии объекта. Описание разреза выполнено Л. Д. Базаровой и автором. Характеристика слоев дается сверху вниз (рис. 13).

	Мощность (в м)
1. Современные эоловые отложения: песок светло-коричневый, мелкозернистый с линзами черной гумусированной супеси в нижней части. Граница подошвы слоя четкая, ровная	0,9—1,0
2. Погребенный почвенный горизонт, представленный гумусированной супесью; верхняя часть слоя более светлая, серовато-коричневого цвета, нижняя часть слоя интенсивного черного цвета. Нижняя граница четкая. Культурный горизонт 1	0,30
3. Супесь красновато-каштановая, неслоистая непостоянной мощности, с постепенной границей подошвы. Со слоем связаны находки и хозяйственные комплексы культурного горизонта 2	0,30

	Мощность (в м)
4. Песок коричневый, среднезернистый с линзочками темно-коричневого мелкозернистого песка, неслоистый, с неясной границей подошвы	0,30
5. Горизонтально-волнистое переслаивание серых и коричневых иловатых мелкозернистых и белесых среднезернистых песков. Слоистость тонкая, мощность слоев не превышает 1,5 см. С кровли слоя прослеживаются устья мерзлотных клиньев. Ниже кровли слоя на 0,15—0,20 м зафиксирован культурный горизонт 2х	2,0
6. Песок темно-серый мелкозернистый неяснослоистый с примесью иловатых частиц и линзочками коричневого обохренного песка. В подошве данного слоя располагаются устья морозобойных трещин верхнего уровня	0,10
7. Горизонтальное переслаивание темно-коричневых среднезернистых и темно-серых иловатых песков. Слоистость тонкая, волнистообразная. В нижней части линзовидно залегающий прослой светло-коричневого мелкозернистого обохренного песка непостоянной мощности (0,08—0,20 м). Со слоем связаны находки культурного горизонта 2а	0,3
8. Песок сизовато-серый тонкозернистый с примесью иловатых частиц, с тремя прослойками буро-коричневых илов. Слоистость горизонтальная, прослеживается в основном по слосчкам ила, которые располагаются равномерно по толще всего слоя. Культурный горизонт 3	0,30
9. Песок белесо-серый плотный от мелкозернистого до иловатого тонкозернистого, обохренный, с пятнами карбонатизации, неслоистый	0,40
10. Ил буро-коричневый, переслаивающийся с серыми тонкозернистыми песками; переслаивание тонкое, волнистообразное, напоминающее рябь мелководья. В целом прослеживается два прослоя илов: в кровле и подошве, — которые разделены в средней части светло-серыми неслоистыми песками мощностью 0,1 м. Мощность верхнего прослоя — 0,05 м, нижнего — 0,2 м	0,4
11. Песок серый мелкозернистый обохренный, неслоистый, постепенно переходящий в серо-коричневый иловатый тонкозернистый горизонтально-слоистый несок. В средней части проходит темно-коричневая, обохренная причудливо изогнутая прослойка, очень плотная. Мощность прослойки 2—3 см. С верхней частью слоя связан культурный горизонт 4	0,5
12. Песок от темно-коричневого и серовато-коричневого до светло-коричневого, тонкозернистый, неяснослоистый, иловатый со следами ожелезнения и омарганцевания. Ожелезнение в основном приурочено к песчаным прослоям, особенно интенсивно этот процесс протекает в местах, где толща отложений была нарушена в ре-	

	Мощность (в м)
зультате морозобойного трещинообразования. В кровле слоя начинаются клинья среднего уровня мерзлотных деформаций	0,70
13. Горизонтальное переслаивание темно-серых иловатых тонкозернистых и светло-серых белесоватых мелкозернистых песков. Нижняя часть слоя более иловата, преобладают сизовато-серые тонкозернистые пески, белесые пески залегают в виде линз и невыдержанных прослоев	0,60
14. Песок светло-серый, среднезернистый, непостоянной мощности, ближе к уступу террасы происходит уменьшение толщины слоя. Слоистость волнистая. Нижняя граница четкая, пески с размывом залегают на нижележащих отложениях	0,05—0,20
15. Песок темно-серый тонкозернистый иловатый. Слоистость практически отсутствует. На глубине 35 см от кровли линзовидный прослой серого мелкозернистого песка, также неслоистого мощностью 10 см. Нижележащая часть отложений более песчаниста. Нижняя граница четкая волнистообразная. Выше линзы песка в иловатой части шли находки, которые относятся к культурному горизонту 5	0,50
16. Тонкое горизонтальное переслаивание темно-серых иловатых и светло-серых белесоватых песков. Мощность слоев не превышает 1,5 см	0,20
17. Пески серые: темные и белесые, переслаивающиеся между собой, тонкозернистые, иловатые. Наблюдается увеличение вниз по слою мощности темно-серых иловатых песков, белесые светло-серые пески, напротив утончаются, встречаемость их уменьшается вплоть до полного отсутствия в нижней части слоя. Нижняя граница четкая, с западинами и карманами. Отложения данного слоя лежат с угловым несогласием на нижележащих песках	0,90
18. Пески серо-коричневые, горизонтально-слоистые; слои тонкие, волнистообразные, слегка изогнутые. Хорошо прослеживается несогласное залегание верхней более тонкой серой и нижней коричнево-серой песчаной толщ. Видимая мощность	1,30

Покровные отложения (слои 1—4) могут быть уверенно отнесены к голоцену, а аллювиальные (слои 5—18) — к плейстоцену, о чем свидетельствует скрытая волнистая слоистость, заиленность, следы криогенных нарушений. Для уточнения возраста отложений в рамках плейстоцена оказалось необходимым произвести изучение всего профиля береговых отложений в зоне древнего поселения. Это удалось сделать с помощью траншей и зачисток, охвативших участок длиной около 200 м. Данные исследования показали, что ряд литологических слоев, представленных в разрезе памятника, вверх по течению Мензы постепенно выклиниваются, превращаясь в небольшие прослои или исчезая совсем. В связи с этим мощность аллювиальных отложений уменьшается на 3—4 метра, а разрез приобретает характер очень близкий к Усть-Мензе-2. Все это позволяет уверенно полагать, что разрез Усть-Менза-3 представляет собой вариант II террасы, сформировавшейся в особых условиях, определяемых приустьевым режимом. Этот ре-

жим включал в себя разные комбинации водного баланса Мензы и Чикоя (от почти полной остановки Мензы полноводным Чикоем до стремительного впадения полноводной Мензы в Чикой). Русловая фация террасы (выявленная в некоторых траншеях) могла сформироваться в каргинское время (30—25 тыс. л. н.). пойменные осадки относятся, в основном, к гыданьско-ньяпанским стадиям сартанского оледенения. Не исключено, что слой 5, представленный слоистыми песками, отложился в период поздне-сартанских интерстадиалов (потепление привело к увеличению водности реки, что проявилось в затоплении поверхности уже сформировавшейся террасы и в итоге к увеличению ее высоты). Не случайно в кровле слоя отмечаются мерзлотные клинья. Они могут быть норильскими. Слои 6—11 относятся к ньяпанской стадии, а залегающие еще ниже по разрезу — к гыданьской. Такая хронологическая раскладка нуждается в дополнительной системе доказательств.

Культурные проявления Усть-Мензы зафиксированы на 7 стратиграфических уровнях. Они представлены разными по объему материалами: от единичных находок до выразительных комплексов. Ниже дается их характеристика.

Горизонты 1 и 2 датируются эпохой металла.

Горизонт 2Х. Выделен по находкам в шурфе, заложенным рядом с раскопом. Здесь, в кровле слоя 5, в тонкой иловатой прослойке найдено 6 отщепов, 2 гальки, мелкие обломки породы. Расчищено овальное углистое пятно размерами 0,52×0,30 м.

Горизонт 2А. Связан с литологическим слоем 7. В этом горизонте найдено три скребла, изготовленных на крупных галечных отщепах и из плоской гальки. Рабочие края обработаны уплощающими сколами и ступенчатой ретушью, в двух случаях — со спинки, в одном — с брюшка. Два скребла тесно соприкасались и налегали друг на друга, третье лежало от них в 3-х см. Возможно, они образовывали нечто вроде «кладовочки» (рис. 60, 5, 6, 10).

Горизонт 3. Связан со слоем 8, представляющим собой плотный ил мощностью 0,2—0,3 м. В нем выявлено 5 углисто-золотистых пятен подовальной формы с максимальными размерами 2,25×1,35 м. Заполнение одного из них насыщено отходами производства — 54 отщепа, 17 пластинок, скребло на отщепе, долотовидное орудие. Кроме того расчищено самостоятельное скопление находок. В него входили тонкие отщепы и чешуйки, плотно налегающие друг на друга (72 экз.), пластины и микропластинки (15 экз.). Отдельные находки встречались по всей площади раскопа. Они располагаются в иловатом слое на разных уровнях, как бы во взвешенном состоянии, среди них: 2 торцовых-клиновидных нуклеуса, обломок микронуклеуса, нуклевидное изделие из гальки, долотовидное орудие на отщепе; скребло полудунной формы с рабочим краем, оформленными крутой регулярной ретушью;

скребло-скобель с двумя конвергентными лезвиями, обработанными крутой отжимной ретушью; резец, 3 чоппера из речных галек, микропластинка с ретушью утилизации по краю; 23 пластины; 11 микропластин; 125 отщепов; остроконечник из уплощенного рога подтреугольной формы; обломки зубов и костей.

Горизонт 4. Связан с верхней частью слоя 11, представляющего собой серый лесок. Поскольку его перекрывает второй иловатый слой (10), то позиция горизонта становится весьма приметной. В нем выявлена жилищная структура, отличающаяся хорошей сохранностью и строгой локализацией в пространстве (рис.). Она занимает площадку 14×3 м, ориентированную длинной осью по направлению юг — север, а относительно р. Мензы под углом 35° . Соотношение длины и ширины показывало ее удлиненность в форме сильно вытянутого овала. Структура состоит из 4 комплексов, при этом в каждом из них по одному очагу с обкладкой из камней, по несколько камней из внешней обкладки и предметный материал (рис. 34; 60, 1, 2, 4, 7, 8, 9, 11).

В комплексе 1 очажная кладка имеет дугообразную форму, сооруженную из 8 галек, при этом одна из них оказалась внутри очага. Заполнение очага — тонкая золистая пленка мощностью до 0,5 м. К внешней обкладке относятся 16 валунчиков, из них 12 камней в виде дуги располагаются с южной и юго-западной стороны. Выявлено 7 артефактов, в том числе 2 скребка из отщепов, 2 пластинки с ретушью и фрагмент пластинки с ретушью.

В комплексе 2 очаг по форме также дугообразный: его размеры $1,45 \times 1$ м. В обкладке — 7 галек. Золистое пятно растеклось за пределы очага, его размеры $1,2 \times 6,6$ м при мощности 0,5 см. К внешней обкладке принадлежат 17 валунчиков. Наиболее плотная кладка из 11 камней с западной стороны, длиной 1,2 м. Выявлено 157 артефактов, в том числе торцовый клиновидный микронуклеус, нуклевидный обломок, 4 микропластины, 11 фрагментов микропластин, 2 микропластины с эпизодической ретушью по краю, отбойник, 25 отщепов, 112 мелких отщепов, а также кусочки красной охры.

В комплексе 3 конструкция очага отчасти нарушена, а золистое пятно расплылось и занимает большую часть комплекса. Зона с наибольшей интенсивностью заполнения (3—4 см) имеет размеры $1,15 \times 0,75$ м. По ее краю располагаются 4 камня, еще 5 камней оказалось на поверхности пятна. На расстоянии до 0,5 м от крайних очажных камней находятся 9 камней внешней обкладки. Наибольший интерес из них представляют 4 камня, образующих треугольную «связку». В эту конструкцию опирается ожелезненный след от деревянного

предмета, четко видимый на фоне песка. Его длина 0,8 м, ширина — $0,08—0,1$ м. След от предмета напоминает обломок жерди. Не исключается, что жердь устанавливалась между указанных камней и служила одной из опор в жилище. С комплексом связано 140 находок, в том числе торцовый клиновидный микронуклеус, 2 чоппера, концевой скребок, отщеп с ретушью, 29 фрагментов микропластин, 66 отщепов, 42 мелких отщепа.

Комплекс 4 представлен очагом округлой формы размерами $0,6 \times 0,7$ м. В обкладке очага 9 камней. Внутри очага — золистая масса мощностью 3—4 см с отдельными пятнышками красной охры. К комплексу относится 20 валунчиков, из них половина принадлежала, вероятно, внешней обкладке, а другая половина использовалась во внутреннем пространстве, предположительно для крепления причажных конструкций. Один из камней мог служить наковаленкой. На нем есть следы забитостей. Рядом обнаружено 8 отщепов и мелкие косточки.

Между комплексами заметны свободные пространства шириной до 0,5 м. Особенно оно отчетливо между комплексами 2 и 3. К тому же длинная ось общей структуры получила в этом месте приличный «излом» со смещением на 0,5 м.

За пределами внешней обкладки структуры оказалось 6 камней, при этом 4 камня образуют дугу с южной стороны, а 2 камня базируются с северной структуры. Сложность строения жилой структуры допускает следующие варианты в интерпретации:

1) четыре малых жилища, расположенных вплотную друг другу или даже взаимосвязанных внутренними переходами;

2) одно большое жилище с четырьмя малыми секторами, отделенными перегородками или пологами;

3) два средних жилища, в каждом из которых по два очага (№ 1 и 2 — с дугообразными обкладками; № 3 и 4 — с округлыми формами).

Камни за пределами внешней обкладки могли служить для крепления внешних растяжек каркаса жилой конструкции.

В тафономическом состоянии структура выступает как сложносоставное (полинарное) жилище.

Горизонт 5. Выявлен в литологическом слое 15. Представлен 2 отщепами.

В порядке определения возраста отметим, что для основных культурных горизонтов (3 и 4) типична техника микронуклеуса.

Геологический возраст культуросодержащих отложений указывает на время: для горизонтов 3—4 — 13—16 тыс. л. н., для горизонтов 2х и 2А — 11—13 тыс. л. н. Горизонт 5 с еди-

ничными артефактами оказывается, ориентировочно, в рамках гыданьской стадии сартанской эпохи.

В целом, Усть-Менза-3 воспринимается как

оригинальный многослойный памятник с серией культурных горизонтов, в одном из которых сохранилась редкая по выразительности жилая структура.

УСТЬ-МЕНЗА-4

Поселение Усть-Менза-4 находится в пределах усть-мензенского урочища (рис. 6). Геоморфологическая позиция памятника определяется привязкой ко II надпойменной террасе, сформированной р. Чикой. Высота террасы 9—10 м. Ее поверхность периодически распадается. В 1982 г. на пашне был собран подъемный материал — 28 артефактов из камня, в том числе обломок микронуклеуса, пластины с ретушью, отщепы (А. Константинов, 1983, отчет). В 1984 г. на месте небольшого изгиба уступа террасы в результате сильного ливня «мгновенно» образовался овраг длиной 40 м при глубине 1,5—2,0 м. В стенках оврага объявились артефакты, позволившие наметить места для зачисток и шурфов. (Шлямов, 1987, отчет; А. Константинов, Шлямов, 1987). В дальнейшем по обе стороны оврага были развернуты раскопы общей площадью 292 кв. м.

Установлено, что Усть-Менза-4 является поселением с тремя культурными горизонтами; наибольший интерес представляет горизонт 2. В этом горизонте выявлено жилище. Его выделение, интерпретация и «привязка» к определенному литологическому слою, равно как и выяснение соотношения «инситуных» и деформированных элементов конструкции составляет основное содержание работы на памятнике. О сложности этой работы свидетельствует то, что в раскопном поле площадью около 140 кв. м оказалось 360 «строительных» камней, располагающихся на первый взгляд весьма произвольно, как в плоскости, так и по вертикали. Распознавание данной ситуации иллюстрирует проблемы делювиальной плейстоценовой археологии, типичной чертой которой является определенное разрушение культуро-содержащего горизонта в силу действия склоновых и мерзлотных процессов.

Стратиграфия поселения изучалась С. М. Цейглиным, Л. Д. Базаровой и автором. Описание слоев дано сверху вниз (рис. 12).

Мощность
(в м)

1. Почвенно-пахотный слой, темно-серый, песчаный, с неправильными по форме линзами и примазками осветленного песка (распашкой практически полностью захвачен слой каштановой супеси, сохранившейся, однако, на некоторых участках стенок оврага и располагающийся сразу под почвой). Нижняя граница в целом ровная, лишь изредка с язычками, внедряющимися в нижележащий слой

0,2—0,4

Мощность
(в м)

2. Супесь светло-коричневая, разнозернистая, неструктурная, при высыхании белесая со следами не очень отчетливой карбонатизации, с отдельными включениями мелкого щебня. В отдельных квадратах есть прослой древней почвы мощностью до 10 см. Вероятнее всего, остатки этой почвы были затянута в микроложбины, заложившиеся по более древним мерзлотным нарушениям. Нижняя граница постепенная, волнистообразная

0,2—0,4

3. Супесь серо-бурая, карбонатизированная, с отдельными оборванными прослоями светло-коричневого мелкозернистого песка. С основания слоя заложены вершины мерзлотных клиньев. Ширина вершин клиньев 0,2—0,6 м. Клинья прорезают нижележащие отложения, вторгаясь в слой 4—5. Высота клиньев до 1,0 м.

0,25—0,40

4. Зона почвообразования на отдельных участках намечаются три прослоя супеси мощностью по 8—10 см каждый. Верхний и нижний прослой имеют буро-коричневый цвет, иногда с налетом черноты, как отражением гумусированности. Верхняя граница слабоволнистая. При высыхании слой становится белесым. Общая мощность

0,25—0,30

5. Толща глинистых супесей горизонтально- и волнистослоистых, линзовидных. Слойки неравномерны по мощности, пережаты, оборваны. В кровле слоя — песчаный прослой светло-палевого цвета, извилистый непостоянный по мощности (до 10 см). Среди супесей тоже встречаются линзовидно-песчаные прослои. В 0,2—0,35 м от кровли слоя видна пачка сильно и прихотливо изогнутых песков и супесей, их внедрения друг в друга

Мерзлотные клинья, залеженные с основания слоя 3, имеют ширину до 0,35 м и уходят вниз до 1,2 м ниже кровли слоя 5, превращаясь в «ус» шириной 3—4 см. Встречаются жилы отгибания мощностью по вертикали 0,4—0,5 м (сингетичные клинья)

1,4

6. Пески слоистые, хорошо промытые, горизонтально-волнистослоистые, грубо- и среднезернистые светло-сероватые. На глубине 0,35—0,57 м от кровли слоя слойки песков резко изогнуты, разорваны, местами смяты. По-видимому, это не солифлюкционные структуры, а скорее деформации речным льдом в прибрежной зоне или на косе. Наблюдается ожелезнение и омаргонцевание на глубинах 0,4—0,5 м. Граница подошвы четкая, ровная по смене цвета песков

0,85

7. Переменяемость песков более темных, чем в слое 4, с светло-серыми песками. Слоистость волнистая. Мощность прослов светлых песков от 1 до 3—4 см, а серых песков — до 6—7 см. Иногда встречаются пятна слабой обожренности. На глубине 0,53 м от кровли встречена широкая лен-

Мощность
(в м)

та заглиненных песков, внутри которых имеются тонкие изогнутые линзочки чистых песков. Эта часть слоя пятнисто ожелезнена. Ниже лежат волнисто-слоистые преимущественно серые пески, а в подошве слоя — три ленты тонких (до 1 см) прослоек заглиненных серых песков

8. Переменяемость песков светло-серых и серых в виде волнистых прослоев, особенно четкое в средней части слоя. Среди серых песков выделяются те, которые обогащены тяжелыми минералами. Они более темны, слоистость отчетливая. На глубине 0,67 м от кровли слоя — пачка песков мощностью 12 см ожелезнена послойно. Ниже — вновь горизонтально-слоистые пески, где чередуются прослои светлых песков с несколько более темными. В основании слоя лежат два прослоя илистых суглинков светло-коричневого тона мощностью по 5—6 см. Под нижним прослоем — сыпучий песок мощностью 6,5 см.

Граница кровли ровная, отчетливая, а подошвы — по смене галечниками

9. Галечник полимиктовый, без валунов, хорошо окатанный с заполнителем из крупнозернистого песка. Видимая мощность

1,03

1,51

0,2

Общая мощность вскрытых отложений — 5,8 м.

Генезис отложений определен следующим образом: слой 10 — русловые отложения, слой 5—9 — пойменный аллювий, слой 1—4 — делювиально-почвенные. Палеопочва представлена в слое 4. Следы почвообразования также отмечены в овражном вложении на уровне слоя 5. Современный слой почвы деформирован распашкой. Для определения возраста отложений существенное значение имеют палеопочвы и мерзлотные клинья. Слой 4 (палеопочва) может быть отнесен к позднесартанским интерстадиалам (12,7—10,8 тыс. л. н.). Ниже их лежат отложения, ориентировочно относимые к концу каргинского времени (слой 8,9; 30—25 тыс. л. н.) и к сартанскому периоду (слой 5—7; 25—12,7 тыс. л. н.). Выше слоя 4 лежит слой, отмеченный сильной карбонатизацией и серией мерзлотных клиньев, достаточно уверенно датируемый норильским этапом (10,8—10,3 тыс. л. н.). Слои 1,2 — голоценовые.

Изучение отложений проводилось по литологическим слоям с непременным анализом позиций всех культурных проявлений.

Литологический слой 1 (почвенно-пахотный). В нем найдено кострище, насыщенное мелкими обломками костей. Кроме того найдены единичные фрагменты керамики, отщепы, микропластинки, торцовый микронуклеус, чоппер. Определен как культурный горизонт 1. Датирован условно эпохой бронзы.

Литологические слои 2—4. Представляют собой супеси, слабо различающиеся между собой по структуре и цветности, особенно на первый взгляд. При детальной проработке полнее проявляется цветовая гамма, отмечается разная степень карбонатизации, а в ниж-

ней части выделяются две полосы потемневшей — следы позднесартанских интерстадиальных почв, разорванные мерзлотными клиньями. Все это позволяет в итоге выделить три литологических слоя.

Во всех литологических слоях оказались артефакты и большое количество речных валунычков — своеобразный «сад камней», позволяющих проводить планиграфический анализ (рис. 35). Вместе с тем возникла возможность для анализа не только внутрислойного, но и междуслойного. Это облегчалось тем, что находки и камни из всех трех слоев длительное время сохранялись на месте обнаружения. При формальном подходе легко отнести происходящее из трех литологических слоев к трем разным культурным горизонтам. Однако мы пришли к другому выводу. Он сводится к тому, что перед нами материалы одного культурного горизонта, в основном, сохранившего *in situ* в литологическом слое 4, но с частичным переотложением материалов в вышележащие слои 2 и 3. Простым и наглядным доказательством этого является аппликация как обычных природных камней, так и артефактов, происходящих из разных слоев. В результате анализа выделено жилище с кострищем в центре и округлой внешней каменной обкладкой (слой 4); при этом часть камней, первоначально связанных с внешней обкладкой, оказалась перемещена в вышележащие слои (2, 3). Всего камней обнаружено 360. В подавляющем большинстве камни представляют собой речные гальки и валуны и только изредка скальные обломки. Сами по себе речные гальки в делювиальных отложениях оказаться не могли. К тому же они сопровождаются бесспорными культурными проявлениями в виде артефактов и кострища. Отсюда понятно, что гальки и валуны принесены с берега реки и использовались в качестве «строительного» камня.

Изначальный культурно-стратиграфический уровень строительства жилища позиционно определяется: кострищем и серией находок рядом с ним, большим числом камней, отличающихся значительными размерами (до 70—80 см) и спокойным устойчивым положением на широких плоскостях без существенных наклонов. К тому же эти камни образуют систему в виде нескольких разорванных цепочек — скоплений, равноудаленных от проколенного пятна — кострища. Непосредственно к обкладке жилища возможно отнести до 60 камней. Обкладка ограничивает пространство диаметром в пределах 5 м. Обращает на себя внимание симметричность обкладки и центральная позиция кострища. Размеры кострища 0,44 на 0,35 м, мощность заполнения 5—7 см. Внутри жилища найдено 4 ортогональных нуклеуса и 35 отщепов. За пределами жилища — 58 отщепов, 2 оббитые гальки, 4 пластинки, обломок челюсти оленя, обломок зуба копытного.

Точно установлено, что палеоповерхность, освоенная человеком, приходится на верхнюю почвенную прослойку слоя 4, что позволяет уверенно датировать ее временем 12,0—10,8 тыс. л. н. Данная палеоповерхность определена как культурный горизонт 2.

Камни из слоев 2 и 3 оказались, в основном, за пределами жилища, образуя «гряду» к западу от него. Эти камни отличаются небольшой массой и неустойчивым положением. В слое 3 найдено 8 артефактов (обломок микронуклеуса, пластинка, 2 микропластинки, долотовидное двулезвийное орудие, 3 оббитые гальки), а также 3 косточки и обломок зуба копытного. В слое 2 обнаружено 9 артефактов (фрагмент пластины с ретушью, боковой резец из микропластины, 4 отщепа, 2 микропластины, оббитая галька) и 13 косточек.

Камни и артефакты из слоев 2 и 3 перетолжены из слоя 4 в результате действия мерзлотно-солифлюкционных и склоновых процессов, что не позволяет выделять эти уровни в самостоятельные культурные горизонты.

Литологический слой 5 (песок светло-коричневый, слоистый, аллювиальный). В слое ниже его кровки на 0,2—0,3 м выявлена тонкая (0,5—1,0 см) илистая прослойка с артефактами, золистыми пятнами и камнями. Она определена как культурный горизонт 3.

В процессе изучения горизонта замечен морозобойный клин. В плоскости он имеет форму узкой трещины шириной 5—10 см с отличающимся по цвету песчаным заполнителем. Форма трещины дугообразная. Ее концы подходят к клиньям, зафиксированным на профилях. Мерзлотный клин разделяет площадь культурного горизонта на две части, при этом одна его часть приподнята над другой на 10—20 см.

Выявлено два крупных золистых пятна размерами 2,6 на 1,0 м и 1,7 на 2,0 м, мощностью по 2,0—2,5 см. В пятнах обнаружены: 41 микропластинка, 171 отщеп, 19 обломков костей, кусочки охры. Между крупными пятнами и вокруг них располагается серия из 22 золистых пятен средних и малых размеров, диаметром от 6 до 43 см, мощностью до 3 см, с единичными находками. В этот же комплекс входят речные валунчики размерами 20—40 см. На пространстве между валунчиками и золистыми пятнами рассеяны находки, в их числе 9 торцовых клиновидных микронуклеусов, 35 микропластинок, 2 микропластинки с ретушью, 13 пластинок, 4 пластинки с ретушью, проколка, отщеп с ретушью, оббитая галька, 280 отщепов, челюсть и обломки костей (рис. 81; 3, 7).

Весь комплекс возможно характеризовать как жилую площадку, насыщенную предметным материалом. Золистые пятна, очевидно, являются остатками кострищ. Валунчики, возможно, входили в конструкцию жилища. Несомненно, что часть жилой площадки разрушена оврагом.

В этом же культурном горизонте по другую сторону оврага (в раскопе 2) выявлены рассеянные находки, в том числе 2 микронуклеуса, 3 пластинки, микропластинка, концевой скребок, 13 отщепов, 4 обломка кости.

Этот горизонт, исходя из его геологической позиции, возможно датировать временем, непосредственно предшествующим позднеархангельским интерстадиалам — около 13 тыс. л. н.

Не исключается открытие новых горизонтов в нижележащей толще отложений. Вполне возможно расширение раскопа по обширной поверхности террасы с целью поиска новых выразительных жилищно-хозяйственных конструкций, как в аллювии, так и в делювии.

САННЫЙ МЫС

Поселение открыто А. П. Окладниковым в 1958 г. и раскапывалось под его общим руководством в 1968 г. Непосредственно раскопки проводил И. И. Кириллов. Вскрыта площадь 398 м² (Окладников, 1958, 1971; Okladnikov, 1960, 1961; Окладников, Кириллов, 1980).

Расположено поселение в долине р. Уда, в 35 км ниже по течению от поселка Хоринск, на оконечности правобережной останцовой гряды, вплотную примыкающей к руслу реки. У подножия останца сохранился тыловой сегмент песчаной террасы высотой 9—10 м (рис. 18).

Первоначальное описание стратиграфии поселения было выполнено в 1958 г. Н. А. Флоренсовым (1971) по траншее, заложенной примерно в 50—60 м западнее оконечности мыса. Н. А. Флоренсов выделил здесь 4 литологиче-

ских слоя, к которым были привязаны 4 культурных горизонта. Санномысская терраса была определена Н. А. Флоренсовым как третья. А. П. Окладников датировал три культурных горизонта эпохой палеолита, а верхний горизонт — неолитом.

Раскопки 1968 г. показали, что культурные остатки содержатся по всей мощности рыхлых отложений, начиная от современного почвенного слоя до глубины 5,7 м. А. П. Окладников отмечал, что «однородная рыхлая песчаная масса, из которой сложена терраса, не позволяла строго фиксировать культурные слои. Поэтому фиксация уровней производилась по уровням очагов и по высоте над уровнем реки» (Окладников, 1971). Всего А. П. Окладниковым выделено семь культурных горизонтов. Первый горизонт залегал в почве (слой

1). Второй горизонт увязывался с подпочвенными песками. Наибольшую сложность представляет привязка слоев к конкретному литологическому слою и разделению между собой культурных горизонтов 3—5. Затруднения связаны с нечеткостью границ между слоями, а также их деформированностью, возникшей вследствие мерзлотных процессов и проседания глыб. Весьма условно также разделены культурные горизонты 5 и 6, частично разрушенные полевой дорогой, проходящей по краю террасы. Исключение представлял только участок раскопа 1, где между этими горизонтами наблюдался стерильный, не нарушенный слой песка мощностью 0,9 м. В горизонте 6 раскопа 1 обнаружено хорошо сохранившееся жилище. Стерильный прослой мощностью 0,7 м зафиксирован также между горизонтами 6 и 7.

Ниже дается краткая характеристика археологических находок из культурных горизонтов. Она построена на опубликованных материалах (Окладников, 1971; Окладников, Кириллов, 1980).

Горизонт 7. Выявлен комплекс, состоящий из 4 очажных пятен. Вокруг них на площади, равной примерно 18 кв. м, обнаружены леваллуазский, подпризматический и галечный нуклеусы, крупная пластина с эпизодической ретушью по краям со спинки и с брюшка, срединный резец из фрагмента пластины, 15 пластин и 2 фрагмента пластин, 24 отщеп (рис. 62, 1—8).

Горизонт 6. Выявлен фундамент жилища вытянуто-овальной в плане формы. Он состоит из плотно пригнанных друг к другу и поставленных на ребро глыб гранита и сиенита. В центре его, по длинной оси жилища, располагались три очага. При очистке фундамента между камнями найден череп шерстистого носорога, рога винторогой антилопы и северного оленя. Кости носорога, горного козла и бизона обнаружены и в хозяйственной яме внутри жилища» (Окладников, Кириллов, 1980, с. 30—31). Внутри жилища обнаружено несколько оббитых кварцитовых желвачков, леваллуазский нуклеус из кварцита, грубое скребло-видное орудие из отщепа горного хрусталя подтреугольной формы с ретушью по одному краю, 3 отщеп.

Западнее жилища, на уровне его пола зафиксированы 76 отщепов, 2 подпризматических нуклеуса и несколько костей животных.

На других участках поселения, на уровне пола в жилище, по данным А. П. Окладникова (1971), находок или совсем нет, или они залегают близко к полотну полевой дороги, что значительно снижает вероятность их принадлежности к данному горизонту.

Горизонты 3—5. Выявлено 9 очажных пятен, фаунистические остатки и каменные изделия. Фауна представлена костями носорога, лошади, оленя, кулана. В состав каменного инвентаря входили 711 отщепов, 52 небольшие

оббитые галечки, 34 пластинки, 11 микропластинок, 38 нуклеусов, 56 орудий. Среди нуклеусов выделены гобийские микронуклеусы (8 экз.) и обычные микронуклеусы (8 экз.); подпризматические нуклеусы с одним фронтом, с одной или двумя площадками, предназначенные для снятия небольших пластинок (14 экз.); нуклеусы-галечки, с которых без предварительной подготовки сбивались отщепы (2 экз.). Отдельные более крупные экземпляры нуклеусов можно считать леваллуазскими (6 экз.). Инструментарий включал скребла из отщепов с краевой ретушью (21 экз.), подтреугольные подквадратные скребки из отщепов (7 экз.), концевые скребки из пластинок (9 экз.), пластины и пластинки с ретушью по краям (6 экз.), проколки (3 экз.), в том числе одна плечиковая, резцы различного характера из пластин и отщепов (9 экз.), микроскребки (2 экз.), чопперы (2 экз.). В этих же горизонтах зафиксированы явно более поздние включения — 3 двусторонне обработанных наконечника стрелы и 19 фрагментов керамики (рис. 61, 1—35).

Горизонт 2. Расчищено 3 очажных пятна. Обнаружены 5 клиновидных микронуклеусов, подпризматический нуклеус, 6 скребел из отщепов, 3 концевых скребка из пластинок, 3 пластинки с ретушью, микроскребок, 4 пластинки, 4 микропластинки, отщеп с ретушью, 53 отщеп, 3 оббитые галечки. В слое найдено также 6 наконечников стрел и 29 фрагментов керамики. Из фаунистических остатков выявлены только зубы лошади.

Горизонт 1. В этом горизонте, сохранившемся на площади не более 30 м², выявлена западина, возможно являющаяся частью жилища. В горизонте найдено 4 микронуклеуса различных типов, острие из микропластинки с противоположной ретушью по длинным краям, обломок ножа с двусторонней обработкой, пластинка, 7 микропластинок, тесловидное орудие, оформленное ударной ретушью, двусторонне обработанный подтреугольный наконечник с выемкой в основании, черепки керамики от тонкостенных сосудов с оттисками нитей, а также с оттисками прямыми, гребенчато-пунктирными или желобчатыми.

Возраст культуры определялся так: горизонт 1 — поздний неолит — ранняя бронза; горизонт 2 — развитый неолит (по одному из вариантов — мезолит), горизонты 3—7 — поздний палеолит.

Еще в процессе полевых исследований А. П. Окладников поставил вопрос о музеефикации жилища и создании на Тапхаре археологического заповедника. «Что касается многослойного поселения, — писал он в Министерство культуры Бур. АССР, — то это древнейшее в Забайкалье жилище древнекаменного века. Сохранность остатков его такова, что они могут быть экспонированы для всеобщего обозрения. Это единственная стоянка человека

каменного века на территории от Костенок на Дону и Мезина на Украине, которую можно наблюдать в реальном виде. После относительно небольших ремонтно-реставрационных работ здесь будет эффектный культурно-исторический ансамбль (цит. по Конопацкий, 1984, с. 24). Совет Министров Бурятии поддержал идею А. П. Окладникова, объявив Тапхар и Санний Мыс заповедной зоной. Санномысское жилище полностью сохранено, при этом его каменная кладка закреплена с помощью цементного раствора.

В 1980-х годах в связи с подготовкой в Бурятии свода памятников истории и культуры возникла необходимость проведения на Санном Мысе дополнительных работ, позволяющих уточнить возраст и характер жилища, а также детально зафиксировать жилище на чертежах, поскольку в отчете А. П. Окладникова и других публикациях графические материалы по жилищу отсутствуют. Исключение составляет весьма упрощенный план раскопа, на котором запечатлены очаги и находки, выявленные внутри жилища, тогда как внешняя обкладка, хозяйственная яма и крупные фаунистические остатки остались как бы «за кадром» (Окладников, 1971, с. 44—51).

Исследование санномысского жилища проводилось автором совместно с П. Я. Эйдельманом, Л. Д. Базаровой, С. Г. Васильевым и А. В. Константиновым в 1985—1986 гг. (Васильев, Базарова, А. Константинов, М. Константинов, 1993).

Как участнику раскопок 1968 г., автору легко было убедиться в том, что жилище сохранилось без каких-либо повреждений.

Жилище было расчищено от частичной специальной грунтовой засыпки и естественного эолового завейвания, а затем детально зарисовано и описано (рис. 20, 21).

Располагается жилище под скалистым останцом, сложенным из сиенитовых пород с сильной трещиноватостью (вплоть до образования блоковой структуры), ниже его вершины на 12 метров и выше уровня воды в современной Уде на 5 метров. От цельной скальной основы жилище отделено двумя-тремя метрами пространства, занятого наклонным (30—40°) глыбовым свалом. Весь строительный материал для жилища взят с этого же глыбового свала. Для точности определим, что под жилищем понимается искусственная каменная выкладка, образующая его основание или, точнее, внешнюю обкладку (или обрамление). Кладка имеет овальную форму. Длинная ось жилища ориентирована по долине реки, с северо-запада на юго-восток. В жилище, хотя и несколько условно, можно выделить четыре стороны. Искусственный характер трех сторон (двух коротких и одной длинной) не вызывает сомнений. Четвертая сторона (северо-восточная) является краем глыбового свала и может быть естественной, но, возможно, ви-

доизмененной или дополненной. Впрочем, нельзя исключить и такого варианта: глыбовый свал отчасти перекрыл или деформировал подлинный край жилища, после того, как его оставили обитатели. Так, положение камня 108, установленного явно искусственно (вертикально, острым концом вверх), показывает, что кладка в этой части могла закругляться более плавно и уходить под глыбовый свал, хотя и ненамного.

Все видимые камни в жилище получили самостоятельный номер. Всего их 116. Со стороны глыбового свала можно учитывать большее или меньшее число камней. Обломки от крупных камней дополнительно обозначены буквами, но с той же самой цифрой, что у основного камня. В юго-восточной части кладки отдельные камни не видны сверху; они заметны только снизу («благодаря» подбою, едва не разрушившего кладку). Напомним также, что пространство между многими камнями занимают плоскости цементной заливки, не позволяющие увидеть некоторые камни полностью. Примерно треть от всех камней — это крупные глыбы, длиной более полуметра. Они устанавливались на торцы или ребра, плоские поверхности обращены внутрь. Длинные оси камней, как правило, совпадают с ориентацией стенки, в которую они входят. Основа конструкции, созданная крупными глыбами, дополнялась средними и мелкими камнями: они подпирали и заклинивали крупные камни, заполняли между ними пустоты. Там, где использовались наиболее крупные глыбы, кладка однородная. На других участках — многорядовая, а точнее утолщенная, за счет введения дополнительных камней с внешней стороны кладки. Наибольшая толщина кладки — 1,0—1,3 м. Высота кладки достигает 0,7—0,85 м. Кладка жилища является сплошной, края камней касаются или налегают друг на друга. Разрыв в кладке только один — между камнями 1 и 115 — длиной до 40 см. В этом месте мог быть вход в жилище. Здесь же располагается наиболее приметный камень (1), стоящий, в отличие от других, почти вертикально и не очень устойчиво — создается впечатление, что с упором на боковое ребро он мог отворачиваться в сторону, дополнительно раскрывая вход. В юго-западной стенке жилища обращают на себя внимание крупные плиты 10, 11, 16. Они, по-видимому, упали внутрь, нарушив единую линию. Остальные камни, в основном, сохранили первоначальную позицию, приданную им строителями жилища.

Размеры жилища определены следующим образом: а) по внутреннему свободному пространству: длинная ось, от камня 40 до камня 112 — 825 см; короткая ось, от камня 48 до камня 93 — 280 см; б) включая обкладку: длинная ось, от камня 48 до камня 111а — 1025 см; короткая ось, от камня 9 до камня 90 —

500 см. Полезная площадь внутри жилища около 18 кв. м.

Пол жилища — естественная ровная песчаная площадка. Песок — речной, разнозернистый, палево-желтый. Уровень пола определяется по трем очагам и находкам. Он совпадает с основаниями камней, хотя у некоторых камней нижние края были возможно немного присыпаны песком.

Очаги, артефакты, остеологический материал выявлены в жилище в процессе раскопок 1968 года. Их позиции устанавливаются на основе сопоставления наших чертежей и данных, почерпнутых из отчета А. П. Окладникова. Очаги располагаются вдоль длинной оси жилища. Они представляют собой золистосажистые пятна неправильной округлой формы с заполнением мощностью 5—8 см. Самый крупный очаг (до 1,4 м) находится в центре. На его поверхности расчищено несколько камней, лежащих без определенной системы. Слева и справа от центрального — еще по одному очагу, диаметром, соответственно, до 0,9 и 1,1 м.

Рядом с камнями (107—112, 114, 116) кладки жилища в его северо-западной части обнаружена хозяйственная яма размерами 1,2 × 0,7 м и глубиной 0,6 м. В яме выявлены нижняя челюсть шерстистого носорога и обломок черепа горного козла. Между камнями 1 и 115 размещился череп шерстистого носорога (без нижней челюсти). Один конец его закрывал единственный разрыв в кладке. Это не противоречит определению этого места как входа, поскольку череп легко мог отодвигаться в сторону. В юго-западной части кладки, в западине между камнями 17 и 21 найдены два рога винторогой антилопы. Прочие находки внутри жилища крайне немногочисленны и невыразительны. Несколько отщепов, оббитые желваки кварца, еще один такой же желвак, напоминающий леваллуазский нуклеус, мелкие обгорелые косточки животных.

Существенной особенностью современного состояния поселения на Санном Мысе является полное отсутствие стратиграфических разрезов: боковые стенки раскопов давно разрушились, а тыловой стенки у раскопа по сути дела и не было, поскольку ее заменяла достаточно крутая поверхность глыбового свала. Это обстоятельство несколько затрудняет геологическое изучение поселения. Правда, можно получить новый разрез верхней части террасы за пределами старых раскопов, но они вряд ли будут соответствовать разрезу отложений над жилищем. В силу этого правомерно воспользоваться описанием памятника, данным Д. Б. Базаровым, поскольку он был выполнен непосредственно во время раскопок в 1968 г., по весьма показательному поперечному профилю, зафиксированному в полевом отчете А. П. Окладникова.

По заключению Д. Б. Базарова, в разрезе, прошедшем по юго-западной кромке жилища (раскоп 1, линия 9), устанавливается следующая смена слоев (рис. 19):

	(Мощность в м)
1. Почва: темно-серая гумусированная супесь, пылеватая мелкозернистая	0,2—0,4
2. Супесь тонкая, пылеватая, местами более грубая. В слое зафиксированы обломки щебня и мелких глыб. Слоистость слабонаклонная	0,7
3. Супесь грубая, пылеватая с обломками щебня и глыб	1,0
4. Тонкое переслаивание грубой и тонкой глинистой супеси. Тонкая супесь имеет мощность от 0,2—0,3 до 10 мм, грубая — до 5—10 мм. Слоистость хорошо выраженная, волнистая, слегка наклонная в сторону р. Уды, угол наклона составляет 2—3°. В нижней части слоя (0,3 м) выделена линза с выраженной слоистостью	0,8
5. Супесь грубая, с тонкими прослоями более однородной негрубой супеси и среднезернистого песка. Слоистость заметно выраженная, горизонтальная	1,2
6. Песок разнозернистый с глинистыми примазками. В средней части наблюдаются линзы песка мелко- и среднезернистого, отмытого, отсортированного. Слоистость горизонтальная	1,0

Этот разрез имел продолжение вниз в раскопе 3 (восточнее жилища), где представлен слоем среднезернистого песка с прослоями крупнозернистого песка и линзами иловатых песков мощностью до 1,7 м.

Нижележащая часть отложений террасы ниже не изучалась, в связи с чем оставался открытым ряд вопросов по их генезису и возрасту, для решения которых нами была предложена дополнительная стратиграфическая траншея. Она ориентирована поперек террасы и обнажает отложения юго-западнее жилища, вплотную к нему (по линиям 10—11), ниже слоя 6 и вплоть до зоны дезинтеграции цоколя. Глубина траншеи — 2,8 м. По своему пространственному положению новый разрез является фактическим продолжением разреза, изученного Д. Б. Базаровым (смещение в сторону не более одного метра), что позволяет нам сохранить нумерацию литологических слоев.

В траншее, по описанию Л. Д. Базаровой, вскрыты следующие отложения (рис. 19).

	Мощность (в м)
7. Переслаивание желто-коричневых мелкозернистых иловатых (мощность до 20—30 мм) и розовато-коричневых среднезернистых (мощностью до 50 мм) песков. В толще слоя встречаются единичные тонкие (до 10 мм) серые иловатые прослойки. Слоистость горизонтальная. По форме, слоики волнистые, по простиранию — прерывистые с деформациями и разрывами. Нижняя граница слоя постепенная	0,4
8. Неясное переслаивание розоватых и коричневых песков с линзами серых заиленных песков. Слоистость проявляется в чередовании лент крупнозернистого и среднезернистого песка	0,9

Мощность
(в м)

9. Пески коричневые, мелкозернистые с линзами более грубого песка и включением гравия и щебня. Слоистость практически не прослеживается. Нижняя граница слоя четко выраженная

0,35

10. Переслаивание розовато-коричневого среднезернистого и серо-коричневого иловатого песков. Слойки волнистые, невыдержанные, с небольшим падением в сторону реки

0,64

11. Зона дезинтеграции сиенитов, представленная крупными глыбами. Пространство между глыбами заполняет палеошпатовая дресва с зернами кварца и каолинизированный суглинок. Видимая мощность

0,3

По генезису верхняя часть разреза (слои 1—3) является делювиальной с частичной золовой переработкой материала, нижняя (слои 4—10) — аллювиальная, для которой характерны слабо выраженная горизонтально-волнистая слоистость, изогнутость, линзовидность слоев, невыдержанность их по простирацию, наличие следов мерзлотных деформаций. По всей толще отложений рассеяны крупные глыбы сиенитов, часть из которых подвергалась флювиальной обработке, о чем свидетельствует окатанность, сглаженность форм обломков. В основании разреза вскрыт элювий пород останца (слой 11), слагающих цоколь террасы.

Существенное значение имеет определение геологической позиции памятника. Исходя из геолого-геоморфологических наблюдений в окрестностях поселения, разработанной возрастной последовательности формирования террасовых уровней в бассейне р. Селенги, а также широких корреляций санномысского разреза с разрезами других археологических памятников Западного Забайкалья (Черемушки, Усть-Менза — 2, 3, 4, Студеное-2), санномысскую террасу следует рассматривать как II надпойменную террасу р. Уды. Согласно хронологической схеме формирования позднеплейстоценовых террас рек Южной Сибири возраст отложений II террасы определяется в интервале от 30 до 12,7 тыс. л. н., при этом за первые пять тысяч лет могли сформироваться галечники русловой фации и наиболее древняя часть нормального пойменного аллювия, а в оставшееся время шло накопление так называемого перигляциального аллювия. Аллювиальные песчано-иловатые отложения санномысской террасы по своим текстурно-литологическим признакам могут быть отнесены к перигляциальному аллювию, образовавшемуся в суровых климатических условиях сарганской эпохи.

Древнее жилище заключено в среднюю часть этих отложений, конкретно — в литологический слой 6, причем пол жилища располагается близко к подошве слоя. Учитывая, что длительность формирования подстилающей и перекрывающей толщ примерно одинакова, возможно датировать жилище середи-

ной сарганской эпохи в пределах 20—18 тыс. лет назад. Эта датировка совпадает в принципе с суждениями С. М. Цейтлина, отмечавшего, что в ходе раскопок 1968 года осталась не вскрытой нижняя часть перигляциального аллювия, предполагаемый возраст которой 20—25 тыс. л. н. Заметим, что первые исследователи этого жилища считали его более древним, датируя в пределах от 40 до 25 тыс. л. н. В таком случае, жилище следует «переместить» из середины в самое основание разреза II террасы, либо в осадочное тело III надпойменной террасы, не представленной на данном участке долины. Проведенные нами работы позволили изучить нижнюю часть аллювия, выявить цоколь террасы, определить стратиграфическое положение и, тем самым подвести надлежащую геологическую основу под определение возраста санномысского жилища.

Рассмотрим, насколько наше определение возраста жилища совпадает с археологическими и палеонтологическими данными.

Как уже отмечалось, в жилище обнаружены остатки плейстоценовых животных, в том числе винторогой антилопы и шерстистого носорога. Ранее считалось, что винторогая антилопа исчезла где-то в начале верхнеплейстоценового времени. Ныне остатки этого животного найдены в культурных горизонтах поселений Студеное-1 (см. главу III) и Сохатино-4, возраст которых около 12 тыс. л. н. (Оводов, 1975). Установлено также, что в забайкальских условиях до этого времени обитает и шерстистый носорог (кости этого животного найдены в слое 3 Санного Мыса). Следовательно, остатки указанных животных не могут служить точными «индикаторами» в рамках верхнего плейстоценового времени, по крайней мере, для Забайкалья.

Археологический материал из жилища, к сожалению, беден и невыразителен. В связи с этим, он обычно рассматривается совокупно с находками из соседних участков горизонта 6 и нижележащего горизонта 7, приуроченного к литологическому слою 8. Характер данного комплекса находок чаще всего определяется как леваллуазский. Нам же представляется, что его принадлежность к леваллуе существенно преувеличена. Входящие в набор изделий единичные нуклеусы правильнее относить к подпризматическим, или иначе — однофронтальным, предназначенным для снятия пластин, одного- или двухплощадочным, без специальных подправок на поверхностях. Данное утверждение не означает, что леваллуазские нуклеусы в этом комплексе не могут присутствовать вообще. Напротив, весьма выразительный нуклеус такого типа обнаружен в проложенной нами траншее в горизонте 7. Известны они и в вышележащих горизонтах 3—5 (связанных, соответственно, с литологическими слоями 3—5), где, однако, на первом

месте стоят подпризматические нуклеусы и разные варианты микронуклеусов. На наш взгляд, горизонты 3—5 (исходя из их геологической позиции и состава археологического материала, включающего в себя микронуклеусы) должны относиться ко времени 18—11 тыс. л. н. В материале горизонтов 3—5 есть определенная примесь (керамика, наконечники стрел и др.), проникающая из вышележащих горизонтов 2 (мезолитический 3) и 1 (бронза), тогда как горизонт 6 в зоне жилища и горизонт 7 представлены «чистыми» комплексами, защищенными от примесей стерильными прослоями.

Все это свидетельствует о том, что палеолитическим обитателям Санного Мыса, включая строителей жилища, леваллуазская техника расщепления камня, хотя и была известна, однако занимала подчиненное (горизонты 6 и 7) и все более угасающее (горизонты 3—5) положение. Такой вывод из анализа характера каменной индустрии не позволяет считать комплекс находок из горизонтов 6—7 чрезмерно архаичным и не размещать его непосредственно близко к началу позднего палеолита.

Остается ответить на вопрос: можно ли установить возраст жилища, исходя из его архитектурных особенностей? Отметим, что ныне палеолитические жилища открыты на ряде

забайкальских памятников: Толбага, Студеное-1, 2, Усть-Менза-1, 2, 3, 4, (см. главу III), Сохатино-4, Амаголон (Окладников, Кириллов, 1980). Эти жилища наземные, с естественными грунтовыми полами, одним или несколькими очагами. Большинство жилищ имеет каменную обкладку («костяные фундаменты» совершенно неизвестны). Типы обкладок существенно варьируют. Из них можно выделить элементарные (с отдельными камнями), фрагментарные (с группами камней) и замкнутые. Санномыское жилище среди других — самое сложное по конструкции и самое представительное по массе использованного для строительства материала. Предложенный анализ с выделением общего и особенного можно было бы и продолжить, однако следует признать, что он пока не приводит к выявлению тенденций в изменении характера жилищ на протяжении позднего палеолита.

Таким образом, палеонтологические и археологические данные или подтверждают или не противоречат определению возраста жилища в пределах 20—18 тыс. л. н. Нижележащий горизонт (из литологического слоя 8) может датироваться, с учетом его геологической позиции и характера археологического материала, в пределах 25—20 тыс. л. н.

ОШУРКОВО.

Поселение Ошурково открыто А. П. Окладниковым в 1951 г. Краткая информация об этом памятнике появилась в 1952 и 1953 гг. Затем сведения об Ошурково вошли в обобщающие статьи А. П. Окладникова, а также в его статьи, опубликованные в Америке (Окладников, 1952, 1953, 1959, 1960, 1961).

Древнее поселение располагается в 14 км от г. Улан-Удэ, рядом с шоссе, ведущим к Байкалу (рис. 8). Находки остатков палеолитической культуры приурочены к тыловой части 6—8 террасы, непосредственно примыкающей к коренному склону. Терраса «представляет в основном делювиальное образование, или, точнее, внутреннюю смешанную часть террасы р. Селенги, наружный, собственно аллювиальный край, который уничтожен рекой в современную стадию новейшего эрозийного цикла... В верхней части разреза мы видим преимущественно желтые известковистые, частью лессовидные делювиальные супеси, содержащие примесь мелкого гранитного гравия, а также темного органического вещества, располагающегося то отдельными линзами, то в виде двух-трех горизонтов ископаемой почвы. С ними и связаны три культурных слоя... Последние заключены в вертикальном интервале около 1,3 м» (Окладни-

ков, 1959, с. 19—20; см. также Окладников, Флоренсов, 1961). В культурных слоях обнаружены кости следующих животных: заяц, первобытный зубр, благородный олень, северный олень, лось, кабан. Очажные скопления густо заполняли кости рыб. Для каменной индустрии характерны обычные «для палеолита Сибири» предметы, в том числе галечные скребла, изготовленные из расколотых поперек галек». Из роговых и костяных изделий найдены гарпун, вкладышевые ножи и игла. Помимо трех основных слоев прослежен еще один, самый верхний, культурный горизонт, залегающий в самой верхней части лессовидной супеси, под дерновым слоем. Из него происходят отщепы, оббитые гальки и ножевидные пластинки правильных очертаний. Их можно отнести уже к раннему неолиту (там же, с. 16, 20, 94, 96).

Из публикаций А. П. Окладникова известно также, что в нижних слоях Ошурково «имеются нуклеусы-скребки и скребки обычного рода, изготовленные из отщепов», а в верхнем слое «широко распространяются призматические нуклеусы, пластины с которых снимались не с одной стороны, а со всех сторон, «вкруговую» (Окладников, 1975, с. 9).

По опубликованному отчету о раскопках в Ошурково в 1958 г. (Окладников, Хамзина, 1965) можно составить более конкретное представление о предметном материале из культурных слоев. В зоне раскопа «на современной поверхности, слегка смытой дождем, найдены фрагменты керамики. Один — от венчика, со следами пагара на внутренней стороне, и два — от стенок сосуда. Керамика эта бронзового века». В поддерновом слое расчищено углистое пятно с мелкими косточками, а также обнаружены фрагменты керамики, обломки костей и расщепленный клык кабана. Слой датирован неолитом.

В первом слое, связанном с «гумусированной желтой супесью» и определенном по возрасту как «вероятно мезолитический (ранне-неолитический)» находки были немногочисленны: оббитые гальки, крупные отщепы, конический нуклеус, ножевидная пластинка, кости.

Во втором слое, происходящем из супеси «на уровне пятого штыка», найдены чоппер, чопперовидные и расколотые гальки, в большом количестве отщепы, скребок, сделанный из крупного отщепа с подправкой на расколотой стороне, концевые скребки, скребочки, 2 скребла из плоских галек, ножевидные пластинки, боковой скол с нуклеусом, маленький нуклеус, кости оленя, лося и неопределимые. В слое расчищены углистые пятна.

В третьем слое, залегающем в супеси на глубине с отметками от 175—180 до 220 см от дневной поверхности обнаружены чопперовидные, оббитые и нуклеовидные гальки, крупная галька с двусторонней оббивкой рабочего края, концевые скребки, полулунные скребки и скребла, скребки, скобель, своеобразные орудия из отщепов, с подправкой мелкими сколами острого края, отщепы, кусочки графита, обломки костей. Из числа особо примечательных находок отмечается подвеска из плоской галечки яшмовидных пород темно-коричневого цвета подтреугольной формы с насечками на одной стороне. Кроме того, выявлена галька округлой формы со следами двустороннего сверления.

В слое обнаружены очаг и углистые пятна.

В опубликованном отчете не представлены иллюстрации.

С целью разобраться в позиции культурных горизонтов в разрезе отложений нами просмотрен отчет, хранящийся в архиве ОПИ Института археологии РАН (Окладников, 1958). К отчету приложены 2 чертежа, выполненные на кальке: план культурного слоя 3 и стратиграфический профиль фронтальной стенки раскопа длиной 12 м. На профиле рукою А. П. Окладникова указана позиция культурных слоев, при этом обращает на себя внимание следующее. Два верхних слоя, датированных бронзой и неолитом и сохранивших немногочисленные находки, цифровые обозна-

чения не получили. Три основных слоя, имеющие номера 1, 2, 3, определены как палеолитические, тогда как в тексте слой 1 назван мезолитическим или ранне-неолитическим. Слои 1 и 2 залегают в верхней части лессовидных супесей, включающих в себя погребенные почвы, образующие, в основном, две темные полосы. Граница между слоями 1 и 2 приходится (судя по боковой скобке на чертеже) на середину верхней погребенной почвы (такое разграничение, вероятно, является результатом раскопок «на штык»). Слой 3 — и этот момент самый поразительный! — залегает не в погребенной почве, а в обычной лессовидной супеси, что подчеркивается и в тексте: «По цвету и структуре он мало отличается от выше и ниже лежащих слоев. Это та же серовато-желтая супесь с примесью крупнозернистого песка. Отличается он только тем, что иногда в нем встречаются небольшие линзы чрезвычайно мелких, сильно разрушившихся угольков, которые очень трудно собрать, но все же они видны, особенно в свежем срезе» (с. 58). Впрочем эта фраза есть и в опубликованном тексте отчета, но без графического дополнения она остается непонятной. Из всего этого вытекает, что по Окладникову — только два основных слоя можно увязывать с почвами, а не три (как считается обычно, исходя из излишне обобщенных сообщений о стратиграфии памятника).

К сожалению, в публикациях нет полных типологических и статистических данных о составе материала из культурных горизонтов. В связи с этим представляют интерес сведения о каменной индустрии Ошурково, изложенные З. А. Абрамовой. Согласно ее данным для Ошурково типичны «нуклеусы из галек со следами пластинчатых снятий и микронуклеусы, включающие типичные клиновидные. Многочисленны чопперы и скребла, иногда с двусторонней обработкой, отщепы и пластины с ретушью, разнообразные скребки из отщепов, долотовидные орудия. Отмечены и резцы: косоретушные и поперечные. Примечательны основные костяные вкладышевых орудий с очень ровными пазами; на обломке основы виден геометрический узор. Имеются также маленький плоский гарпун и верхняя часть иглы с просверленным ушком». (Абрамова, 1989, с. 212). «Из украшений интересна зашлифованная подвеска из агальматолита» (Абрамова, 1984, с. 324, см. также Абрамова, 1962).

Как первый стратифицированный памятник Забайкалья, поселение Ошурково получило достаточно широкую известность. Оно включено в справочно-монографическое издание «Палеолитические местонахождения СССР» (Береговая, 1960) и в соответствующие разделы книг «Палеолит СССР» (1984, с. 324) и «Палеолит Северной Азии» (1989, с. 212). К его материалам и разрезам неоднократно об-

ращались археологи, геологи, палеонтологи, палинологии (см. главу I).

В полевом отчете А. П. Окладников подчеркивал, что «поселение заслуживает дальнейшего исследования, которое даст, несомненно, еще более обильный материал». Однако сразу эти исследования продолжения не получили, а в дальнейшем (в 1970-х годах) поселение оказалось разрушено в процессе реконструкции автомобильной дороги. По крайней мере, так считали все исследователи, знакомые с этим памятником.

В 1986 г. наша экспедиция решила проверить на месте правомерность сведений о полном разрушении Ошурково. Осмотр зоны поселения подтвердил, что от раскопов не осталось внешних следов. Не удалось обнаружить и подъемный материал. От террасы сохранилась полоса в десять метров шириной, переходящая в крутой склон. На краю террасы решили поставить шурф. Он дал положительные результаты: выявлен участок хорошо выраженного культурного горизонта. Работы в шурфе продолжались в 1988 и 1990 гг. В результате шурф приобрел размеры 4 на 5 м. Форма шурфа ступенчатая, глубина 7,4 м от поверхности террасы.

Стратиграфический разрез, описанный Л. Д. Базаровой, представляет собой следующую смену слоев (рис. 13):

	Мощность (в м)
1. Дерновый горизонт современной почвы. Поддерновый горизонт почвы представлен темно-коричневой с каштановым оттенком супесью со столбчатой отдельностью	0,05
2. Супесь черно-коричневая, плотная, неслоистая, несколько жирная на ощупь, хорошо прослеживающаяся на профиле четкой выдержанной полосой мощностью 0,15—0,18. Нижняя граница слоя постепенная, слой переходит в буро-коричневую супесь	0,20
3. Супесь темно-коричневая, неслоистая, с пятнами и внедрениями нижележащей супеси	0,20
4. Супесь коричневая, неслоистая, тонкая пылеватая, интенсивно карбонатизированная в нижней части. На глубине 0,25—0,20 м от кровли слоя проходит прослой черновато-серой супеси мощностью 0,20 м. Ниже этой полосы на 0,15 м — более отчетливая, разорванная полоска темной супеси с черными пятнами, вкраплениями угольков. Более интенсивно карбонатизированы супеси, включающие нижний прослой. В основании слоя — прослой неясно-слоистых щепнисто-древянных супесей. Карбонатизация в виде пятнышек и вкраплений. Нижняя граница слоя неровная	1,0
5. Супеси коричневые, с каштановым оттенком, неяснослоистые с линзовидными прослоями крупнозернистых щепнисто-древянных песков. Слоистость горизонтальная, подчеркивается грубозернистыми прослоями	1,8

Мощность
(в м)
0,9

6. Перемежаемость коричневых тонко-горизонтально-слоистых супесей с прослоями серо-коричневых древесных волнисто-слоистых крупнозернистых песков. Мощность первых от 0,30 до 0,50 м, внутри прослеживаем тонкое горизонтально-волнистое переслаивание серых иловатых песков, коричневых песков и белесых линзовидных песочков. Мощность песчаных прослоев меньше до 0,30 м.

7. Горизонтально-волнистое переслаивание илов, иловатых песков и песчано-гравийных крупнозернистых песков. Верхние 0,60 м представлены тонким переслаиванием иловатых серых песков и нитевидных и линзовидных белесо-серых мелкозернистых песочков. Слойки волнистообразные, линзовиднопрежатые. Слои интенсивно обохрен — пятна и вкрапления. Ниже слоистость становится более четкой, продолжая оставаться тонкой, хорошо выдержанными серые иловатые слои, которые ниже по профилю утолщаются и перемежаются с мелкозернистыми обохренными песочками коричневыми иловатыми песочками. Слоечки волнистообразные, изогнутые. По всему слою прослеживаются тонкие (до 0,02 м) белесоватые пески.

8. Косослоистое, волнистообразное переслаивание серых мелкозернистых отмытых и коричневых иловатых песков

9. Галечные щепнистые отложения, представленные плоскоокатанными обохренными, выветрелыми среднезернистыми гранитами

2,20

0,5

Согласно представлению С. М. Цейтлина, изучавшего данный разрез, в основании слоя 5 возможно выделить слабые проявления гумусации в виде тонких полосок и пятен. С этим наблюдением возможно согласиться. Генезис отложений представляется следующим: слой 8, 9 — русловой аллювий, слой 6, 7 — пойменный аллювий, отличающийся сильной заиленностью. С кровли слоя 6 очевидно, произошел врез и осушение образовавшейся поверхности, что стимулировало накопление гумусового материала (из основания слоя 5). Слои 4, 5 — делювиальные, что подчеркивается многочисленными прослоями щепнисто-древянных песков. В верхней части слоя 4 — достаточно отчетливые следы почвообразования. Верхние три слоя визуально объединяются в единый мощный почвенный горизонт.

Для понимания геологического возраста разреза большое значение имеет анализ характера и позиции палеопочв. Так, вполне возможно предположить, что следы почвообразования в основании слоя 5, перекрывающие аллювий, могут принадлежать позднесартанским интерстадиалам (12,7—10,8 тыс. л. н.). Слои 4 и 5 в целом отражают холодное время, находящее проявление в активном накоплении делювиального материала и карбонатизации. Они формировались в основном в норильский период сартанского оледенения (10,8—10,3 тыс. л. н.), а почвы из верхней части слоя 4 — в бореальное время начала голоцена (10,3—8 тыс. л. н.). Слой 2 с его насыщенным чер-

ным цветом, превосходящим современную почву, явно претендует на принадлежность к атлантическому оптимуму голоцена (8—4 л. н.). Примыкающий слой 3 может открывать этот период. Поддерновый осветленный слой удачно попадает на суббореал с его небольшим похолоданием, а дерново-почвенное покрытие — на субатлантику. Нижняя часть разреза — аллювиальная может характеризовать позднекаргинское (слой 9; 30—25 тыс. л. н.) и сартанское (слои 6—8; 25—12,7 тыс. л. н.) время. Исходя из строения террасы ее следует признать II надпойменной.

В шурфе обнаружен культурный горизонт и отдельные находки на разных уровнях. На глубине 2,0—2,10 м в верхней части литологического слоя 6 в тонкой локально выраженной коричневой иловатой прослойке обнаружена заготовка подпризматического нуклеуса. На глубине 2,95—3,10 м в нижней части литологического слоя 5, на контакте делювиальной норильской супеси и позднекартинской зоны гумусации, выявлена тонкая черная углистая прослойка, проходящая под небольшим наклоном в сторону реки. Она является отражением углистого пятна с находками и может быть охарактеризована как культурный горизонт (описывается ниже). На глубине 3,7 м в литологическом слое 6 в тонкой иловатой прослойке мощностью 2—3 см найдены единичные артефакты — отщепы и скребок. На глубине 5,38 м в литологическом слое 7 найден маленький обломок кости.

Итак, опишем культурный горизонт, (глуб. 2,95—3,10 м), представленный углистым пятном и находками, как в пятне, так и вокруг него. Пятно имеет размеры 1,84—1,26 м. Его форма — неправильно-округлая. В его восточной части на общем черном фоне выделяется красно-белое пятно размерами 0,5×0,97 м. Очевидно, именно в этом месте располагалось кострище, в котором пережигалась не только древесина, но и кости, что и обеспечило белый цвет. Ближний к дороге край пятна (выходящий к краю шурфа) пострадал. Он подрезан бульдозером во время земляных работ. При разборке пятна выяснилось, что оно имеет заполнение мощностью до 5 см в центре с уменьшением до 1 см по краям. На поверхности пятна найдены отдельные обожженные камни, не образующие системы. Пятно насыщено находками, в том числе артефактами, обломками костей, мелкими костями рыб (рис. 63, 1—23).

Рядом с пятном найдены 2 небольших гранитных камня. Здесь же обнаружен костяной гарпун, двузубчатый, с хорошо оформленным острием и округлым основанием. Вплотную к гарпуну — обломок ребра, возможно это заготовка для гарпуна. В этот же комплекс входит длинная тонкая кость с эпифизом. Она сохранилась почти полностью, но обломан нижний, наверно, рабочий конец. Похоже, что

это птичья кость, использованная в качестве шила или же вязальной спицы (последнее точно бы соответствовало рыболовному комплексу). Вокруг — несколько рыбных косточек.

Среди каменных изделий выделяются два чоппера из речных галек. Первый чоппер имеет естественные поверхности: верхнюю — трехгранную и нижнюю — выпуклую. Рабочий край оформлен односторонней крутой ретушью, охватывающе вдоль края 1—1,5 см. Лезвие прямое, скошенное волнистое. Пятка естественно-скошенная с забитостью на углу, что указывает на использование гальки и в качестве отбойника. Второй чоппер подквадратный в сечении. Его рабочий край почти отвесный, ретушь полностью занимает нижнюю поверхность. Лезвие волнистое скошенное выпуклое. Пятка изделия искусственно уплощена.

Из плоской гальки оформлено скребло с крутой краевой ретушью по выпуклому рабочему краю. Плоскость рабочего края имеет ширину до 2 см. Остальные поверхности, включая плоский обшук, естественные, однако с тыльной стороны нанесен скол утончения.

Второе скребло изготовлено из небольшого, но грубого отщепы, частично сохраняющего на спинке корку. У него поперечный рабочий край с ретушью со спинки. Верхняя часть сужена.

Большой серией представлены скребки (16 экз.). Один из них является концевым: его основой служит продолговатый отщеп. Ретушью со спинки обработаны выпуклый рабочий край и менее тщательно, боковые края. Весьма показательны 8 миниатюрных (0,6—1,3 см) скребков из отщепов с высокой спинкой. Они оформлены краевой ретушью, выходящей на боковые края, где могут намечаться небольшие выемки, возможно предназначенные для более плотного крепления изделия в рукоятке.

Для 7 скребков подбирались отщепы размерами до 2,5 см различных очертаний. У них выпуклые поперечные рабочие края с ретушью чаще всего со спинки, но у одного изделия — с брюшка на продольном крае.

Из резцов (3 экз.) наиболее показателен трансверс из пластинки с поперечным резцовым сколом и тщательной ретушью по краям со спинки. Еще один трансверс — из укороченной пластинки, двойной. Серию заключает срединный резец из бокового скола.

Основания долотовидных орудий (2 экз.) служили отщепы. Одно из долот имеет два рабочих края; второе изделие — менее выраженное, возможно, сохраняющееся в начальной стадии оформления.

Техника первичного расщепления нашла отражение в двух заготовках нуклеусов. Одной из них придана гобийская форма, при этом лыжевидная площадка и один торец сохраняет галечную корку, а широкие фронталь-

ные плоскости оббиты. С одной торцовой поверхности выполнено предварительное пластинчатое снятие. Клин только слегка обозначен в нижней части изделия. Вторая заготовка нуклеуса — уплощенная бифасиальная с лезвием-клином почти по всему периметру. В зоне намечаемой ударной площадки сохранен фрагмент естественной плоской поверхности.

Среди продуктов расщепления выделяется 14 микропластинок (беспорных, но не совсем правильных, в основном, обломленных), 7 пластинок, пластина с мелкой ретушью по краю с брющка, 838 отщепов, из них 10 отщепов с ретушью.

По данному культурному горизонту, по углю, взятому из кострища, получены три даты: 9700 ± 700 , ГИН—5788; 11230 ± 80 , ГИН—5787; 11630 ± 140 , ГИН—6121. Даты на хронологической шкале располагаются достаточно компактно, а две из них показывают на один и тот же геологический период — таймырский интерстадиал. Эти даты в целом согласуются с геологическими наблюдениями, по которым позиция культурного горизонта фиксируется как контакт грубых песков норильского времени и зоны со следами гумусации позднесартанских интерстадиалов. При такой раскладке первая дата, указывающая на начало голоцена, выглядит немного омоложенной.

Представленная серия дат удачно дополняется датой, полученной по почвенному образцу, взятому из первой почвы слоя 4 (глубина 0,85—0,9 м) — 8070 ± 180 , ГИН—5796. Как и предполагалось, эта почва может относиться к бореальному времени.

Как соотносится позиция выявленного нами культурного горизонта и таковых из раскопа А. П. Окладникова? Ответить на этот вопрос достаточно точно стало возможно после того как на латеральной стенке нашего шурфа при его расширении проявился контур старого раскопа с четкими границами — почти вертикальной фронтальной стенкой и горизонтальным полом. Стало ясно, что наш шурф примкнул к раскопу, тыловые контуры которого сохранились под осыпями края террасы. Пол ста-

рого раскопа — немного глубже культурного горизонта в шурфе. Этот факт, пожалуй, указывает на то, что нами выявлено продолжение культурного горизонта 3 по нумерации А. П. Окладникова. Разница в глубинных отметках (в раскопе — 1,7—2,2 м; в шурфе — 2,95—3,10 м) лишь внешне противоречит такому выводу, поскольку измерения в обоих случаях производились от фронтальных бровок: их реальное различие четко фиксируется и находится в пределах обозначенного раскопления.

Все это позволяет совместить данные из новых и старых раскопов. Ранее мы выяснили, что культурный горизонт (слой 3) — по заключению А. П. Окладникова — лежит в лесовидных супесях, ничем не отличающихся от окружающих (т. е. не имеющих особой цветовой гаммы, кроме углистых примазок). Ныне, благодаря более тонким геологическим наблюдениям, в зоне расположения культурного горизонта замечены следы почвообразования. Они отражают позднесартанские интерстадиалы и существенно отличаются от почв, расположенных выше по разрезу.

Культурные горизонты (слои) 1 и 2 из раскопа А. П. Окладникова находятся, по его определению, в зоне почвообразования, из литологического слоя 4 (по нашей нумерации). Эти почвы голоценовые, бореальные, на что указывает и новая дата — 8070. В новом шурфе на этих уровнях находок не обнаружено. Вспомним, что единичные находки в старом раскопе найдены в дерне и поддерновом слоях, а в новом шурфе в верхней части литологического слоя 5 и литологических слоях 6, 7, что свидетельствует о возможном увеличении числа культурных горизонтов с 3 до 7.

Итак, Ошурково — это памятник из археологического наследия А. П. Окладникова. Благодаря новым раскопкам удалось установить его продолжающееся реальное существование на местности и уточнить геологическую позицию культурных горизонтов. На наш взгляд, основные горизонты (1, 2, 3) характеризуют мезолитическую эпоху.

И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ...

Подбор названия для этого раздела оказался весьма затруднительным: как определить совокупность полутора десятков памятников, о которых приходится сообщать кратко, хотя каждый из них заслуживает столь же развернутого повествовательно-аналитического изложения, как и те, что включены в основную серию, открывающуюся Толбагой и завершающуюся Ошурково? Ни географические, ни хронологические подходы здесь невозможны. Остается — с виду нейтральный, и вроде бы

неуважительный, но таящий в себе потенциальные возможности первенствующего положения обозначенных в нем памятников в будущих публикациях, право представления которых во многих случаях принадлежит их непосредственным исследователям — сотрудникам нашей экспедиции; впрочем и автор данных строк прилагал некоторые усилия к их изучению.

Несмотря на краткость изложения, информация о памятниках содержит все необходи-

мые компоненты — определение его типа, местоположения, геоморфологической и стратиграфической ситуации, возраста и содержания культурных горизонтов, а также ссылки на публикации и полевые отчеты.

Начнем обзор памятников с долины р. Мензы.

Егоркина пещера. Открыта во время первого сплава читинских археологов по Мензе в 1980 г. в окрестностях с. Шонуй в скальном массиве на высоте 12 м над рекой. Размеры пещеры небольшие: длина 10 м, ширина 1,1 м, высота 3,7 м, площадь пола с грунтом — 7 кв. м. В слое 1 (пылеватый мелкозем) обнаружены остатки средневекового погребения. В слое 2 (гумусированный песок — 0,8 м) выявлено 187 артефактов, в основном, тщательно оформленных орудий труда, а также фрагментов от одного сосуда. Предполагается, что материал происходит из кладовочки, первоначально спрятанной в глубине пещеры, а затем разнесенный по всему «полу» (рис. 80). Возраст — финальный неолит. Дата — 3760 ± 40 (ЛЕ-2064). В слое 3 (палево-бурый песок) найдена первичная пластина с ретушью палеолитического облика (Семина, 1986, 1989; Коробкова, Семина, 1993).

Солонцовое-1. Многослойное поселение, открытое в 1981 г., во время повторной разведки по Мензе в устье р. Солонцовой на I террасе высотой 5 м. Изучено 14 кв. м. Выявлено 9 культурных горизонтов. Горизонты 1—2 связаны с верхними дерново-почвенными слоями; относятся к эпохе бронзы. Горизонты 3—9 — с иловатыми прослойками, включенными в слой тонкозернистых песков мощностью 0,6 м. В горизонте 3 обнаружено 56 артефактов (отщепы, микропластинки: и 2 фрагмента тонкостенной керамики (неолит). В горизонтах 4—9 — 287 артефактов (отщепы, микропластинки, торцовые микронуклеусы, микроскребки, проколка, тесло, скребло), обломки костей, кострище (конец палеолита — ранний мезолит) (рис. 59, 5—9). В нижнем метре отложений возможно открытие более древних горизонтов (Семина, 1991).

Алтан. Многослойное поселение, открытое в 1981 г. устье р. Алтан на I террасе высотой 5 м. Площадь раскопа 54 кв. м. Выявлено 19 культурных горизонтов (рис. 14, 64). Горизонты 16—19 — датируются концом палеолита. Они связаны с пойменным аллювием из нижней части отложений террасы (13—11 тыс. л. н.). Находки единичны: 7 оббитых галек, чоппер, отбойник. Горизонты 9—15 — поздне-неолитические. Они представляют собой иловато-гумусовые прослойки, включенные в светло-коричневые пески полигенетического характера относящиеся к атлантическому оптимуму (разрыв в 2—3 тысячелетия с ниже лежащей культурной пачкой вызван серией размывов, проявляющихся в виде песчаных прослоев).

В горизонтах 9, 10, 11, 13, 15 — находки немногочисленны. В горизонте 12 выявлено жилище в форме углистого пятна с кострищем в центре и многочисленными находками: в их числе 32 микронуклеуса, 899 микропластин, 26 микропластин с рабочей ретушью, 1 микропластина с краевой ретушью, 2 концевых скребка, 2 боковых резца, 2 обломка костяных крючков, костяные шильцо и игла, 2 чоппера и 5 оббитых галек, 976 отщепов.

В горизонте 14 расчищено жилище в виде углистого пятна с обилием находок, в т. ч. 31 микронуклеус, 1207 микропластин, 2311 отщепов, 37 микропластин с рабочей ретушью, 5 микропластин с краевой ретушью, 3 резца, 7 скребков, долотовидное орудие, чоппер, 2 оббитые гальки и керамика от двух сосудов с гребенчато-пунктирным штампом.

Горизонты 1—8 определяются эпохой бронзы и раннего железа. По горизонту 4 получена дата 2770 ± 40 (ЛЕ-2401); по горизонту 2 — 2360 ± 40 (ЛЕ-2400) (Константинов, 1984, 1985, Семина, 1986, Базарова, Семина, Суриной, 1987).

Нижняя Еловка-2. Многослойное поселение, открытое в 1981 г., в устье р. Н. Еловка, на II террасе высотой 8 м. Изучена площадь 70 кв. м. Горизонты 1—2 (почвенный и подпочвенный слой) датируются бронзой. Горизонт 3 связан с 4-ой палеопочвенной прослойкой (всего их 6) в слое золотого песка. Выявлены орнаментированные фрагменты круглодонного сосуда, датируемого поздним неолитом. Горизонт 4 представлен в кровле аллювиальных песков на глубине 0,9 м в виде сажистой прослойки, с серией микропластинок, отщепов, а также с единичными чоппером, оббитой галькой, микронуклеусом. Возраст горизонта — около 13 тыс. л. н. (М. В. Константинов, 1991).

Косая Шивера. Многослойное поселение, открытое в 1981 г., в пади Широкая на I террасе высотой 8,5 м. Раскопано на площади 48 кв. м. Выявлено 14 культурных горизонтов (рис. 14; 31; 65, 1—50; 66, 1—16). В нижнем горизонте изучено палеолитическое жилище диаметром 5 м с обкладкой из 21 камня, очагом в центре и зольным пятном вокруг него. С пятном связано 765 артефактов, в т. ч. 4 микронуклеуса, 9 орудий, 348 отщепов, 398 чешуек, 7 микропластин, косточка. В горизонтах 10—13 — единичные находки конца палеолита — раннего мезолита. В горизонтах 3—9, представляющих иловато-гумусовые прослойки, обнаружено 125 артефактов, включая микронуклеусы, микропластинки, трансверсальные резцы, остроконечники, отщепы, фрагменты керамики. Горизонты датируются: 1—2 — бронза, 3—4 — поздний неолит, 5 — средний неолит, 6 — ранний неолит, 7—9 — поздний мезолит, 10—12 — ранний мезолит, 13—14 — конец палеолита. Дата по горизонту

14 — 12070±300 (ГИН — 6123) (А. Константинов, 1988 а, б).

Усть-Менза-1. Многослойное поселение, близкое по характеру к Студеному-1. Расположено в устье р. Менза. Открыто в 1980 г. Раскопано на площади 500 кв. м. Связано с I террасой (основная площадь) и высокой поймой (прибрежная часть) с высотами 5—6 м. В отложениях мощностью 4 м сохранилось 25 культурных горизонтов (рис. 6; 14; 36—38; 67—72). Горизонты 2—5 ближе к реке разбиваются (или заменяются) более дробными прослойками, дополнительно обозначаемые буквенными литерами. Горизонты 11—25 связаны с плейстоценовым аллювием, а горизонты 1—10 с полигенетическими и покровными отложениями голоценового возраста. Нижний горизонт (25) базируется непосредственно на русловом галечнике, верхний (1) — заключен в современную почву. В горизонтах 9, 11, 12, 20, 25 расчищены одноочажные жилища с каменными обкладками. В жилищах обнаруживаются выразительные серии каменных изделий сопровождаемые отщепами и костяными отходами. В горизонтах 2—8 находки столь же многочисленны, но рассеяны по площади или же группируются в пятна. В горизонтах 1, 10, 13—19, 21—24 каменные изделия встречаются сравнительно редко. Примечательные изделия выявлены в горизонтах 11, 12 — костяной вкладышевый наконечник стрелы и костяной цельнорезный наконечник стрелы. Керамика впервые появляется в горизонте 8. Следы использования металла — в горизонте 2.

В целом, раскладка горизонтов по периодам выглядит так: 1—2 — бронза, 3—5 — поздний неолит, 6 — средний неолит, 7—8 — ранний неолит, 9 — поздний мезолит, 10—12 — ранний мезолит, 13—25 — поздний палеолит (не древнее 13 тыс. л. н.). По ряду горизонтов получены корректные даты: 1 — 2080±140 (ГИН-4577); 2 — 2630±50 (ГИН-4579); 11 — 10380±250 (ГИН-5459); 13 — 11350±250 (ГИН-5503); 14 — 11820±120 (ГИН-7161) (Семина, 1986, 1992).

Усть-Менза-2. Многослойное поселение, открытое в 1980 г. Расположено в устье р. Мензы, на II террасе, высотой 8—10 м. Раскопано на площади 324 кв. м (рис. 6; 13; 73—75). Раскоп имеет ступенчатую форму с максимальной глубиной 9 м (до галечника). Верхние 7, 5 метров отложений содержат 27 культурных горизонтов, при этом горизонты 1—4 связаны с покровными отложениями, а горизонты 5—27 — с аллювиальными. По периодам горизонты распределяются следующим образом: 1—2 — бронза, 3 — неолит, 4—27 — поздний палеолит (не древнее 20 тыс. л. н.). По некоторым горизонтам получены даты: 2 — 4700±50 (ГИН-5505), 11 — 14830±390 (ГИН-6116), 17 — 15400±400 (ГИН-5478), 16900±500 (ГИН-6117), 20 — 16980±150 (ГИН-

5465), 21 — 17190±120 (ГИН-5464), 17600±250 (ГИН-5464).

Наиболее примечательны горизонты 4, 20, где выявлены жилищные конструкции сложной формы, близкие к тому, что найдены на Усть-Мензе-3 (горизонт 4). Наиболее богаты предметным материалом горизонты 2, 4, 5, 6, 8. (А. Константинов, Шлямов, 1987; А. Константинов, 1987, 1988, 1989).

Усть-Менза-5. Многослойное поселение, входящее в усть мензинский комплекс археологических памятников (рис. 6; 81, 1—2; 82). Открыто в 1984 г. Связано с IV террасой высотой 20—22 м, заключенной в тело террасовала. Раскопано на площади 110 кв. м. Горизонт 1 (современная почва) относится к бронзе. С горизонтом 2 (каштановая супесь) связано погребение (см. главу 7). В горизонте 3 (покровная светлая супесь) найдены единичные изделия. В горизонте 4, в прослойке, насыщенной мелкими кусками щебня, обнаружено 18 бесспорных артефактов мустьерского облика, в том числе 2 скребла с краевой ретушью, 2 грубых подпризматических нуклеуса, 2 оббитых желвака, боковой пластинчатый скол, 11 отщепов. Артефакты переотложены. В аллювиальных песках на нескольких уровнях выявлены кости носорога, лошади и отдельные камни, похожие на артефакты (Константинов, 1986, Константинов, Пархоменко, 1986, Родникова, Селин, 1986).

Усть-Мензинский комплекс памятников естественно выводит с Мензы в долину Чикоя.

Фомичево. Поселение открыто в 1970 г. Расположено у с. Фомичево, в зоне впадины. Связано с IV террасой высотой 10 м. Вскрыта площадь 70 кв. м. По данным С. М. Цейтлина, наблюдается следующая система отложений: почвенный слой, культурный горизонт эпохи бронзы — 0,2 м; супесь глинистая, коричневая — 0,47 м; палеопочва в виде гумусового пласта черного цвета, датируемая голоценовым оптимумом — 0,71 м; разнозернистая песчаная супесь — 0,51 м; линзовидно построенная толща из линз промытого песка, глинистого песка и гравия — 0,3 м; зона каргинского почвообразования, сильно деформированная, растащенная с двумя-тремя горизонтами гумусирования с отдельными палеолитическими артефактами, костями и очажным пятном, переослаивание глинистых песков и супесчано-илистых прослоев — 0,63 м; галечно-гравийно-валунные отложения.

В подъемном материале, собранном по дну оврага, выделяется серия палеолитических изделий, в т. ч. чопперы, отбойники, различные варианты скребел из отщепов, концевые скребки, подпризматические нуклеусы, отщепы (рис. 76, 1—9). (Кириллов, Ковычев, 1970, Базаров, Константинов и др., 1982).

Присковое. Древнее поселение, расположенное в окрестностях с. Большая Речка. Открыто в 1985 г. Раскопано на площади 40 кв. м. Связано с IV террасой высотой 18 м, пред-

ставленной делювиальными отложениями с включением позднесартанского и каргинского педокомплексов и аллювиальных отложений с палеопочвами интерстадиалов зырянского оледенения. Археологический материал связан с каргинским педокомплексом (рис. 11; 77—78). Выявлено более тысячи каменных предметов, а также кости оленя, медведя, лошади и бизона. Индустрия памятника изучается аспирантом В. К. Колосовым. (Цейтлин, А. Константинов, Одосв, Дружинин, Золотарев, 1986; Цейтлин, А. Константинов, Одоев, 1987; М. Константинов, 1985, 1986 и др.).

Мельничное. Древнее поселение открыто в 1974 г.; располагается в устье р. Мельничной. Связано с III надпойменной террасой высотой 14 м. Площадь раскопа 128 кв. м. Стратиграфия: 1) почвенно-пахотный слой — 0,2 м; 2) светло-коричневая супесь — 0,2 м; 3) буро-коричневый карбонатизированный суглинок в верхней части с двумя нечетко выраженными палеопочвенными прослоями и осветленным прослоем между ними и тонкой черноватой прослойкой в средней части, с основания слоя заложены клинья с устьями шириной 10—15 см — 0,85 м; 4) переслаивание суглинистых прослоев коричневого цвета и тонких светлых песчаных прослоев; рассечены клиньями, заложены из слоя 3—0,75 м; 5) галечник. Общая мощность — 2,2 м (рис. 11).

Наряду с геологическими наблюдениями, выполнены почвенные анализы (В. М. Остроумов). В слое 4 выявлена реликтовая почва, профиль которой начинается с гумусового горизонта мощностью 0,3 м, с содержанием гумуса 1,65 %, с убыванием к основанию горизонта до 1,10 %. Реакция близка нейтральной (рН солевой 6,7) отмечается бурное вскипание. Предполагается, что данная почва сформировалась в условиях остепнения и относится к ряду черноземных террасовых почв. Она могла сформироваться в период липовско-новоселовского потепления каргинской эпохи (30—25 тыс. л. н.). Клинья из основания слоя 3 заложены в период раннесартанского холода, а собственно слой 3 сформировался в сартанскую эпоху, при этом включенные в него палеопочвы увязываются с интерстадиалом около 16 тыс. л. н. и 12,8—10,8 тыс. л. н. Археологический материал выявлен в четырех верхних слоях, но правомерно выделять не более двух культурных горизонтов. Горизонт 2 связан со слоем 4. В нем найдено 2 изделия — фрагмент пластины и резец из отщепка. Горизонт 1 привязывается к нижней половине слоя 3, но отсюда происходило переотложение материала (в зоне уступа террасы) в вышележащие слои — 2 и 1, на это дополнительно указывает карбонатный налет на артефактах, естественный лишь для изделий из слоя 3. В целом, к горизонту 1 относится 101 артефакт, в т. ч. 3 подпризматических нуклеуса со следами неправильных пластинчатых фасеток, 3 чоппера

из массивных галек, 2 скребла из отщепов с ретушью по краю со спинки, 7 пластин средних размеров, в основном, нестандартных, неправильных, 37 отщепов, 8 отщепов с мелкой ретушью (рис. 76, 10—18). Этот горизонт возможно датировать раннесартанским периодом (25—20 тыс. л. н.).

В пределах раскопа оказалось грунтовое погребение эпохи неолита (см. главу 7). (Черепанов, 1986, Черепанов, Остроумов, 1986).

Конюхово. Многослойное поселение, расположенное у с. Харьяста. Открыто в 1988 г. Связано с I террасой высотой 6—7 м с поверхностью, покрытой котловинами выдувания. На сохранившихся участках выявлено 3 культурных горизонта, датируемых: 1—2 — эпоха бронзы, 3 — ранний мезолит. Горизонт 3 увязывается с серым илистым песком, залегающим в верхней части аллювия. В нем обнаружено кострище, кости лошади (?), 7 скребков, 3 микропластинки с ретушью, отщепы. Под уступом террасы по галечнику собран разнообразный подъемный материал (М. В. Константинов, 1989, 1990).

Завершим обзор сведениями о памятниках в долине р. Хилок.

Черемушки. Многослойное поселение, представленное тремя пунктами с существенно отличающейся стратиграфией. Открыто в 1971 г. Располагается у дер. Черемушки в зоне конуса выноса бокового распада на террасовидном мысе высотой 5—6 м. Основной раскоп площадью 221 кв. м. заложен на западном краю террасы. В почвенном и подпочвенном слоях выявлены два культурных горизонта эпохи бронзы. В аллювиальных отложениях (пески, перестилающие валунно-глыбовые горизонты) обнаружены кости носорога и лошади периода сартанского оледенения. Разрез отложений представляет вариант строения II террасы. В центре мыса поставлен шурф, демонстрирующий отложения III террасы (цокольной). Зафиксировано 5 культурных горизонтов, представленных отдельными артефактами и костями животных; горизонты датируются: 1, 2 — бронза, 3 — мезолит, 4 — конец палеолита (13—11 тыс. л. н.), 5 — ближе к началу позднего палеолита (30—25 тыс. л. н.). На северном краю мыса в раскопе площадью 28 кв. м вскрыты отложения делювиального шлейфа, состоящий из 4 слоев, опирающихся на глыбово-щебнистый слой. В каждом слое обнаружен археологический материал, слои датируются в интервале от позднего палеолита до бронзы. Соотношение разрезов из трех пунктов раскопок подлежит выяснению (Семина, 1981, Базаров, Константинов и др., 1982, Константинов, 1987).

Черноярово. Стоянка расположена в нижнем течении Хилка на террасовидной возвышенности высотой 40 м, отмеченной обширной котловиной выдувания. Открыта в 1973 г. Изучена площадь 20 кв. м (вдоль бортов котловины). Культурный горизонт связан с кровлей

палеопочвы, представленной в виде общего более темного фона и мелких частых черноватых пятен. Сформировалась в эоловых песках на глубине 1,5 м. В этом горизонте найдено 93 артефакта, в т. ч. трансверсальные резцы, концевые скребки, гобийские нуклеусы, пластинки, микропластинки, отщепы. Здесь же обнаружено 2 мелких фрагмента керамики с оттисками нитей. Кроме того, в подъемном материале представлено 912 артефактов такого же характера как в культурном горизонте (рис. 79. 1—28). Возраст стоянки определяется ранним неолитом (Семина, 1992).

Подлопатки. Поселение расположено у с. Подлопатки в местности Лужки на террасовидной возвышенности высотой 20 м. Открыто в 1973 г. Частично разрушено котловиной выдувания. По краю котловины поставлен раскоп площадью 68 кв. м. Разрез отложений представлен пачкой разноцветных песков эолового-деллювиального генезиса мощностью 1,8 м, содержащей палеопочвы и опирающейся на щебнистый слой (зону дезинтеграции цоколя). Основной археологический материал связан с голоценовой палеопочвой, залегающей на глубине 0,42—0,67 м, а также с кровлей нижележащего светло-бурого песка (литологические слои 4 и 5). Выявлено 13 фрагментов толстостенной керамики, 72 микропластинки, 146 отщепов, скребок из отщепа, скребло из плоской гальки, остроконечник из отщепа, торцовый клиновидный микронуклеус, 7 заготовок нуклеусов, оббитая галька, обломки костей и

зубов. Находки рассеяны на площади раскопа и находятся как бы во взвешенном состоянии, поверхность обитания не выделяется. Археологический возраст материала может быть весьма широк — от конца мезолита до средневековья. Слой с находками, вероятно, сформировался в результате неоднократного переувлажнения эоловых песков. В литологическом слое 6, представляющем самостоятельный культурный горизонт, выявлена хозяйственная яма глубиной 0,8 м, дополняемая выкладкой из крупных камней (без вещественного материала). Исходя из геологических наблюдений, отнесена к бореальному периоду, что позволяет ориентироваться на мезолитическую эпоху. В основании разреза, в литологическом слое 10, найден оббитый желвак и крупный обломок кости, предположительно датированных концом плейстоцена.

Выразительный археологический материал выявлен в котловине выдувания. Он представлен подпризматическим нуклеусом, 7 торцовыми клиновидными микронуклеусами, 5 «псевдогобийских» нуклеусов из отщепов со снятием микропластин с торцовой стороны, 58 микропластин, 9 пластин, 11 боковых сколов, 29 концевых скребков, 6 скребел, 3 резца, 2 рубящих орудия, долотовидное орудие, пест, 45 фрагментов толстостенной керамики. Материал из выдува (за исключением керамики), может рассматриваться как мезолитический (Константинов, Немеров, 1974, Константинов, 1992).

ГЛАВА 4

ГЕОЛОГИЯ И ГЕОХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ

ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Согласно геоморфологическому районированию Байкальской Азии, ее восточный регион может быть отнесен, в основном, к Селенгинскому среднегорью, а его окраинные территории — к Становому нагорью (нижнее течение Селенги), Витимскому плоскогорью (истоки Хилка), Хэнтэй — Даурскому нагорью (Менза и верхнее течение Чикоя). Для региона характерно частое чередование кулисообразно расположенных межгорных впадин и горных хребтов с преимущественно слабыми и умеренными неотектоническими движениями. В пределах межгорных впадин сосредоточены мощные толщи осадков четвертичного времени.

На характере осадконакопления существенное влияние оказывали палеоклиматические условия. Сухость и континентальность климата способствовала интенсивным процессам физического выветривания и широкому фор-

мированию делювиальных и пролювиальных отложений. В эпохи оледенений эти процессы усиливались, при этом образовывались криогенные структуры — вечномерзлые толщи, солифлюкционные текстуры, клиновидные деформации и др. Реки производили перераспределение массы осадков, формируя аллювий пойм и террас. Террасовый ряд начинается с уровня 4—6 м и завершается уровнем 160 м. (Флоренсов, Олюнин, 1965, Цейтлин, 1979, Базаров, 1986). Нами представляются собственные разработки в области изучения строения террасового ряда, выполненные с учетом рекомендаций геологов — С. М. Цейтлина, Д. Б. Базарова, Л. Д. Базаровой и др. При определении возраста отложений автор опирается на геохронологическую шкалу позднего антропогена Сибири (Кинд, 1974) и голоцена Северной Евразии (Хотинский, 1977).

ТЕРРАСОВЫЙ РЯД И ГЕНОТИПЫ ТЕРРАС.

Археологические памятники исследуемого района располагаются в основании межгорных впадин, занятых долинами рек, на склонах, террасах и высоких поймах. В процессе исследований удалось выявить их строение, соотношение между собой, а также с низкими пойменными уровнями (рис. 9).

Особенно существенны результаты, полученные при изучении комплекса памятников на Усть-Мензе (рис. 6). Поселение Усть-Менза-1 расположено на террасовом уровне высотой 5—6 м. О строении террасы мы узнаем по фронтальным профилям, выполненным вдоль берегового уступа и в тыловой части террасы; и по латеральным профилям, проходящим через всю террасу, вплоть до ее тылового шва с переходом на более высокий террасовый уровень. О представительности профилей свидетельствует их протяженность — в совокупности до 200 м, и высота — 4—5 м — вплоть до галечника, и с частичной его выборкой в зонах шурфов. Поскольку р. Менза в этом месте как бы по ди-

агонали срезает пойменные уровни, то не только латеральный, но и фронтальный (береговой) профиль дает возможность изучить строение и взаимоотношение низкой поймы (0,5 м), средней поймы (2,5 м), высокой поймы (4—5 м) и I террасы (до 6 м). Все пойменные уровни имеют галечную основу, перекрытую песками, переслаиваемыми иловато-гумусовыми горизонтами. Прослеживается следующая закономерность: в более низком уровне иловато-гумусная масса увеличивается, при этом преобладает черный цвет; слои менее уплотнены; в более высоких уровнях наблюдается обратная картина. Особого внимания заслуживает соотношение пойменных уровней и 6-метрового террасового уровня. Оно оказалось весьма сложным и характеризуется не только прислонением более низкого уровня к высокому, но и частичным наложением молодых отложений на выложенные уступы врезания более древних уровней, что создает немалые сложности в идентификации отложений

в процессе археологических раскопок. Для полноты картины отметим, что в основании 6-метрового террасового уровня залегают галечники, перекрытые песчано-супесчаными отложениями мощностью до 2,5 м. После накопления данных отложений (с отметками до 4,5 м над современным меженным уровнем реки) произошел врез, выраженный отчетливым уступом. Выше осветленных отложений в разрезе террасы залегает пачка иловато-гумусовых прослоев черного цвета, переслаиваемых плотными осветленными супесчано-суглинистыми слоями. Общая мощность данной пачки — до 1,0 м. Ее генезис может быть определен как полигенетический. В зоне отмеченного уступа эта пачка сочленяется с пачкой из серии drobных тончайших черных прослоев, составляющих основную часть разреза высокой поймы. Наглядность картины не оставляет сомнений в том, что этап накопления высокой поймы синхронен полигенетическим отложениям I террасы. Однако на этом процесс формирования осадков в анализируемом разрезе не завершается. В верхней части разреза (сразу под современной почвой) располагается еще один более черный по цвету почвенный прослой. На контакте с отложениями высокой поймы он стыкуется с пачкой из пяти черных прослоев, которые в свою очередь (в зоне берегового уступа) разбиваются на большое число более тонких прослоев, образующих тело средней поймы мощностью до 2,5 м.

Точно такая же картина, как на Усть-Мензе-1, наблюдалась нами на поселениях Студеное-1 и Алтане. В последнем случае выявляется еще один «эпизод» перекрытия. Выше отложений, синхронных средней пойме, в разрезе I террасы оказываются прослой, одно-временные формированию низкой поймы. Они занимают позицию, принадлежащую в других ситуациях современному дерново-почвенному слою (рис. 14). Такая особенность Алтана обусловлена характером местности, в том числе существенным сужением долины Мензы и двумя ручьями, впадающими в реку с двух сторон. При высоком уровне воды в Мензе она останавливает боковые ручьи, превращая их приустьевые участки в заливы, при этом водная гладь достигает 5-метровых отметок. По данным местных жителей, они наблюдали однажды подобный разлив. Это подтверждает стратиграфические наблюдения. Впрочем, Алтан представляет собой исключение, а не правило, но и там затопление возможно только в катастрофические паводки и только внешнего, слегка сниженного края террасы.

В целом, террасовый уровень высотой 5—6 м уверенно определяется как I надпойменной с учетом его бесспорно плейстоценовой основы и как вышедший в настоящее время из пойменного накопления.

Опираясь на опыт изучения I террасы Усть-Мензы-1, Студеного-1, Алтана, нам удалось выделить I террасу на Солонцовой-1, Нижней Еловке-1, Шонуге, Косой Шивере (Менза), Конюхово (Чикой), Зугмарах (Хилок). Обладая единым генетическим типом, указанные разрезы имеют определенные особенности. Они связаны с появлением выразительных песчаных прослоев, фиксирующих процессы размыва, в результате которых могла разрушаться некоторая часть отложений. Так на Алтане два песчаных прослоя мощностью по 0,3 м каждый «вытеснили» нижнюю и среднюю части полигенетических отложений, синхронных высокой пойме. На Конюхово и Зугмарах размывами полностью заменен этап «высокой поймы». В результате в этих разрезах наблюдается ситуация, при которой на собственный аллювий I террасы и серию песчаных прослоев накладывается отдел «средней поймы». Менее заметны в разрезах следы плоскостных размывов. В результате их действия уничтожалась часть сформировавшейся аллювиальной поверхности, но песчаный прослой не накапливался. В силу этого возникает перерыв в осадконакоплении, угадываемый по резкому и несогласному контакту полигенетических и аллювиальных отложений. Такие «перерывы» отмечены на Усть-Мензе-1 и Студеном-1. Существуют варианты в строении всех компонентов отложений I террасы. Для пойменного аллювия террас они выражаются в характере слоистости. На Студеном-1 отмечено «идеальное» переслаивание прослоев плотного коричневого ила с белесыми песчаными прослойками. В коричневых прослоях установлено содержание гумуса (следы палеопочвообразования) (рис. 14). Близкая к этому картина наблюдается на Алтане. На Усть-Мензе-1 выявлена отчасти иная ситуация: переслаивание песчаных и тонких иловатых прослоев. Полигенетические отложения представляют примерно одинаковую картину, определяемую ритмичной иловато-гумусовых горизонтов. Между Студеным-1 и Усть-Мензой-1 степень сходства такова, что легко устанавливается «та же самая» прослойка, при этом оценка прослойки производится по мощности, цвету и положению среди других прослоев. Отличия заключаются в том, что на Студеном-1 на две прослойки больше.

Вместе с тем при сравнении полигенетических осадков в разрезах I террас следует помнить об их вариабельности в пределах одного памятника. На более низких по гипсометрическому уровню участках (с различием до 1 метра) иловато-гумусные прослойки разделяются на более мелкие, при этом происходит увеличение общей мощности полигенетических отложений до 1 метра. Такого рода ситуации выявлены на участке I Студеного-1 и в раскопках 1, 2 Усть-Мензы-1, а также на Алтане (где поставлен один раскоп). Верхняя часть полигенетических отложений, синхрон-

ных отделу средней поймы, представлена пятью одинаковыми иловато-гумусовыми прослоями на Усть-Мензе-1, Студеном-1, Алтане, но на Конюхово и Зугмаре таких прослоев всего по 2.

В процессе формирования отложений I террасы происходило изменение в соотношении субаквальных и субаэриальных условий осадконакопления. Руслый галечник формировался в субаквальных условиях; пойменный аллювий — в условиях преимущественно субаквальных, что прежде всего относится к накоплению песчаных прослоев, тогда как прослойка, возникающая в результате паводкового затопления, фиксирует последующее временное обсыхание поверхности. Пачка полигенетических отложений формируется как за счет делювиальных, так и аллювиальных накоплений, при этом затопление поверхности происходит значительно реже, чем прежде, что позволяет формироваться почвам в виде иловато-гумусовых прослоев. В этой пачке отложений встречаются галечно-гравийные высыпки из тающего льда и отдельные, в том числе крупные валуны, доставляемые во время ледохода.

Изложенная ситуация определяет понимание возможностей древнего человека в освоении поверхностей на разных этапах формирования террасы.

Возраст I террасы выявляется прежде всего на основе весьма выразительных геологических критериев. Наиболее существенна граница между нижней частью разреза, представленной осветленными песчано-иловатыми отложениями и верхней частью, отмеченной черными иловато-гумусовыми прослоями. Эта граница свидетельствует об изменении характера осадконакопления, что вызывалось кардинальной переменной в климатической обстановке. На наш взгляд, она определяет рубеж между плейстоценом и голоценом. Ниже этой границы в верхней части осветленных аллювиальных отложений находятся устья мерзлотных клиньев. В разрезе Усть-Мензы-1 они имеют ширину 0,4—0,6 м. Данный уровень мерзлотных нарушений определяет последний в плейстоцене максимум холода. Он относится, по нашим представлениям, к норильскому периоду сартанского оледенения.

Ниже по разрезу наблюдается нормальная, не нарушенная мерзлотными процессами слоистость. Она могла возникнуть в теплые интерстадиальные периоды конца сартанского оледенения. Если теперь обратиться к голоценовому отделу террасы, то следует еще раз обратить внимание на следы от более или менее сильных размывов. Очевидно, они приходились на начало голоцена и связаны с увеличением водности реки. Размывы могли приходиться на бореальное время, но иногда продолжаться и в последующее (отчасти это зависело от позиции участка террасы в долине реки; известны варианты: ближе к рус-

лу, в отдалении от него, под прикрытием скалы и т. д.). Формирование иловато-гумусовых прослоев (по цвету более черных, чем современная почва) из полигенетической пачки, синхронной «высокой пойме», имело место в период атлантического оптимума. С кровли этой пачки берут начало небольшие мерзлотные клинья, определяющие похолодание; его возможно признать позднеголоценовым и отнести к началу суббореального времени. За данный период формируется верхняя часть полигенетических отложений или делювиальная каштановая супесь. Современная почва, покрывающая разрезы, может быть отнесена к субатлантическому времени.

«Абсолютный» возраст отложений I террасы определяется по радиоуглеродным датам. Для собственного аллювия этой террасы получены даты по Студеному-1 и Усть-Мензе-1. Литологические слои, отнесенные к позднесартанским интерстадиалам, датируются 15 датами в пределах от 12,7 до 10,8 тыс. л. н.

Вышележащие слои, отнесенные к норильскому времени, датированы в пределах 10,8—10,3 тыс. л. н. Эти даты совпадают с датами по общесибирской геохронологии.

К сожалению, неудовлетворительно обстоит дело с датировкой отложений голоцена, особенно его атлантического и суббореального периодов. По трем памятникам (Усть-Менза-1, Студеное-1, Алтан) в трех лабораториях (ГИН, СОАН, ЛОИА) получено 13 дат (по углю и по гумусу). Они оказались заключенными в пределы 18—9 тыс. л. н. Их удревнение на 5—6 тысяч лет против возраста, рассчитываемого по геологической позиции, совершенно очевидно, но пока еще не объяснимо (Константинов, Семина, Колосов, Сулержицкий, 1989). Для специалистов по изотопным методам датирования здесь открывается большое поле деятельности. Нормальные серии дат характеризуют субатлантический период. По углям из кострищ, расположенных в современной почве, получены даты 1130, 2240, 2635 л. н. (Студеное), 2080 л. н. (Усть-Менза-1), 2360 л. н. (Алтан).

Итак, методами радиоуглеродного датирования определены возраст нижней половины и кровли разреза I террасы и оставлены открытыми вопросы по датировке его средней части. Для восполнения пробела возможно воспользоваться датами с коррелируемых голоценовых разрезов Прибайкалья и Якутии. Это позволяет опереться на даты от 8 до 5(4) тыс. л. н. для атлантического оптимума и 5(4)—3 тыс. л. н. для суббореального периода (Мочанов, 1973, Кинд, 1974, Хотинский, 1977, Воробьева, Медведев, 1984, Фирсов, Паньчев, Орлова, 1985).

В итоге возможно заключить, что формирование I террасы происходило с 13 до 3 тыс. л. н. (от галечника до современной почвы). Удастся сделать прикидку с целью определе-

ния возраста пойменных уровней: высокая пойма формировалась с 8 тыс. л. н., средняя — с 4 тыс. л. н., низкая — с 3(2) тыс. л. н.

В связи с близостью высотных отметок I террасы (5—6 м) и высокой поймы (4—5 м) возникают ситуации, когда морфологически они практически неразличимы. Только изучение их строения позволяет ответить на вопрос о ее возрасте и перспективности на предмет археологических находок. В этом мы убедились, изучая 5-метровые уровни в Шонуге, Средней Еловке, Непомнящем, Конюхово, Доложино и других местах, где вместо возмозной I террасы оказывалась высокая пойма. Впрочем, в некоторых случаях (Конюхово, Шонуй) на соседних участках удавалось обнаружить I террасу.

Особо следует отметить, что I терраса может иметь варианты по высоте. Если на Мензе и Чикое ее высота чаще всего равняется 5—6 м (в качестве редкого варианта: Косая Шивера — 8,5 м), то для Хилка высота этой террасы не поднимается выше 4 м в среднем течении (Зугмары), а в верхнем течении будет и того меньше. I терраса представлена значительно лучше в верхнем и среднем течении рек, чем в нижнем, где реки приобретают большую эрозионную силу, разрушая нижний, а подчас и последующие террасовые уровни. В силу этого на самой крупной (материнской) реке обнаружить I террасу с обозначенным генетическим типом вообще не удастся. Данное обстоятельство привело к тому, что исследователи четвертичных отложений, уделявшие чаще всего внимание непосредственно Селенге, «пропустили» подлинную I террасу, присваивая ее номер более высокому уровню (иначе говоря, начиная террасовый ряд фактически со II-ой, а не с I-ой террасы). (см. также Цейтлин 1979, с. 19—20, Базарова, 1985, Базаров, 1986, с. 93—94).

Теперь перейдем к выяснению вопроса о соотношении I террасы и следующего по возрасту террасового уровня. С этой целью вновь вернемся на Усть-Мензу, где с высокой поймой II I террасой связано поселение Усть-Менза-1, а с 9-метровым уровнем — Усть-Менза-2. Уступ 9-метрового уровня спускается на I террасу, представляя собой хорошо заметный перегиб между поверхностями. Оба поселения соединены единой системой раскопов, в том числе раскопом (шириной 6 м) по уступу 9-метрового уровня. В результате образовался единый латеральный профиль длиной 70 м и высотой до 7 м. Он показывает строение того и другого террасового уровня от поверхности до галечника. Схема строения I террасы уже описана нами выше. Принципиальные позиции в строении 9-метрового террасового уровня сводятся к тому, что в его основе залегает галечник, перекрываемый несколькими пачками песчано-супесчаных слоистых осветленных песков мощностью до 7 метров. Он пе-

рекрыт (снизу вверх) тонкими палеопочвенными прослоями, маломощным слоем бесструктурного песка делювиального генезиса и современной почвой (рис. 13). В целом разрез 9-метрового уровня существенно отличается от разреза I террасы, отражая систему отложений более древнего геологического образования.

По раскопу, поставленному на стыке террас, возможно заключить, что галечник в основании 9-метрового уровня залегает с превышением на 2 м над галечником I террасы, при этом галечники существенно отличаются между собой по характеру. Отчетливо прослеживается уступ врезания от более высокого уровня к I террасе. Он имеет наклон до 35°, тогда как современная поверхность 9-метрового уровня выложена до 8—10°. Уступ отмечен сползанием вниз песчаной массы и соответствующей слоистостью, а также проследованием отдельных песчаных блоков. В результате наглядно прослеживается прислонение отложений I террасы к уступу 9-метровой террасы. Нижняя часть отложений I террасы сохраняет строгую горизонтальность, тогда как иловато-гумусовые черные прослои из нижней части полигенетических отложений на последних «тыловых» метрах перекрывают поверхность уступа 9-метрового уровня, слегка приподнимаясь и стыкуясь с верхней частью однородного неструктурного песка, перекрывающего аллювий 9-метрового уровня. Это обстоятельство делает бесспорным сопряжение голоценовых отложений I террасы и голоценовых отложений 9-метрового уровня. Это свидетельствует о последовательности в образовании террасовых тел, характеризующейся прислонением I террасы ко II террасе, и отсутствию между ними временной лакуны. Все это вместе взятое позволяет определять 9-метровый уровень как II надпойменную террасу.

Такое же соотношение 6 и 9 метровых террас наблюдается на Студеном, где Студеное-1 связано с I террасой, а Студеное-2 со II террасой (рис. 6). Контакт между террасами проверен разведочной траншеей. Особенностью Студеного является латеральное прислонение террас, тогда как на Усть-Мензе оно фронтальной последовательности.

Аналогичные ситуации наблюдались нами на Солонцовой, Алтане, Нижней Еловке, но там они менее наглядны, поскольку исследования этих памятников находятся на начальной стадии.

Если взять теперь разрез II террасы как таковой, то возможно выделить определенные, весьма характерные черты ее строения (рис. 9). В основании II террасы лежат русловые галечники, поднимающиеся над урезом воды до 4 м. Их перекрывают аллювиальные пески с четко выраженной слоистостью, определяемые как нормальный аллювий, сформировавшийся в теплое время. Их мощность достигает 1,0—

1,5 м. Выше располагаются слоистые песчано-супесчаные отложения перегляциального аллювия, нарушенного мерзлотными деформациями. Их накопление бесспорно происходило в холодное время. Такое соотношение позволяет предположить, что галечно-песчаное основание террасы сформировалось в конце каргинского межледниковья, а вышележащая «холодная» толща — в период сартанского оледенения. Заметим сразу, что для этих отложений по Усть-Мензе-2 получена показательная серия радиоуглеродных дат в пределах от 18 до 14 тыс. л. н. Нижний возрастной предел характеризуют отложения, лежащие на глубине 4 м от кровли и на высоте 1,5 м от подошвы песчаного аллювия (культурные горизонты 20—24). Верхний возрастной предел представляет уровень, расположенный ниже кровли перегляциального аллювия на 1 м (культурный горизонт II). На поселении Студеном-2 культурный горизонт 4, залегающий близко к кровле аллювия, датируется 12100 ± 250 л. н. (с учетом утроенной ошибки, она показывает возраст около 13 тыс. л. н.). Аллювиальные отложения перекрываются зоной почвообразования. Почва представлена двумя тонкими (5—7 см) бурыми супесчаными прослоями (два отличимыми по цвету от «соседних» слоев). Они разделены таким же по мощности, но более светлым по цвету прослоем песка. Судя по облику всего слоя, почвообразование происходило в рамках плейстоцена, причем, исходя из позиции палеопочвы, в его конце, в период позднесартанских интерсталиалов. По этому уровню еще не получено радиоуглеродных дат, но отталкиваясь от таких из оснований I террасы, вполне правомерно ориентироваться на время 12,7—10,8 тыс. л. н., считая при этом (на основании общесибирских данных), что нижний прослой почвы формируется от 12,7 до 12,2 тыс. л. н., затем наступает короткое похолодание с 12,2 до 12,0 тыс. л. н. и вновь потепление с образованием верхнего прослоя почвы от 12,0 до 10,8 тыс. л. н. Зона позднесартанского почвообразования пересекается мерзлотными клиньями с устьями шириной от 10—15 см (Усть-Менза-2) до 0,6—1,0 м (Усть-Менза-4) и длиной 3—4 метра. Позиция устьев клиньев указывает на начало холодного времени, которое может быть только норильским. В это время происходило накопление делювиальных супесей с существенным содержанием карбонатов, благодаря которым они становятся белесыми. Мощность норильского слоя, судя по Усть-Мензе-4, — 0,2—0,3 м. На Усть-Мензе-2 и Студеном-2 его верхняя граница не определяется четко, возможно, в силу эолового развеивания.

Здесь следует отметить то обстоятельство, что плейстоценовые мерзлотные клинья в норильское время завершают свое «существование», а не возникают, как это может показаться на первый взгляд. Судя по их морфоло-

гии, они должны быть сингенетическими и постоянно наращиваться вверх по мере процесса осадконакопления. В связи с этим важно отметить, что клинья берут начало в верхней части достаточно приметного слоя в пачке аллювиальных отложений сартанского времени. Этот слой залегает на глубине 4—5 м от поверхности. Он отличается более выраженной слоистостью и более крупнозернистым составом песков. Создается впечатление, что данный слой формировался во время повышения водности реки, что происходило (на это указывает и поведение клиньев) в какой-то кратковременный эпизод потепления. Радиоуглеродные даты из соседних слоев указывают на возможную датировку этого эпизода временем около 15 тыс. л. н. Известно, что на Енисее также отмечается теплый эпизод, примерно, около 16 тыс. л. н. (Кинд, 1974, с. 228, табл. 17, Ямских, 1992, с. 86). В целом по Сибири данное интерстадиальное потепление фиксируется с существенными затруднениями.

Венчают разрезы II террасы маломощные голоценовые отложения (до 1,3 м). Они имеют трехслойное строение: светло-бурая супесь, каштановая супесь, дерново-почвенный слой. Впрочем на Студеном-2 в светло-бурой супеши отмечается зона потемнения, которая может быть принята за плохо сохранившуюся почву оптимума. На Усть-Мензе-4 она прослеживается в виде линз почвы густого черного цвета в небольших овражных вложениях и промоинах. На Нижней Еловке-2 — фиксируется в виде черного прослоя выдержанного по мощности (до 10 см). Исходя из позиции данной почвы, можно расчленить голоценовые отложения на бореальные (основание отложений), атлантические (палеопочва), суббореальные (каштановая супесь) и субатлантические (современная почва). Доказательством правомерности датировки почвы из средней части голоценовых отложений временем атлантического периода является ситуация в зоне контакта I и II террас на Усть-Мензе, описанная выше. Напомним, что иловато-гумусовые горизонты из нижней части полигенетических отложений из разреза I террасы сопряжены именно со светло-бурыми отложениями в голоценовой пачке II террасы.

В целом для II террасы в известных нам вариантах характерен достаточно низкий уровень галечника, перекрытие его нормально слоистыми «теплыми» аллювиальными сравнительно маломощными песками и весьма представительной пачкой аллювиальных песков перегляциального характера, венчаемых покровными отложениями с включением палеопочв позднесартанских интерстадиалов и — выше по разрезу — атлантического оптимума, между которыми расположилась «холодная» делювиальная карбонатизированная супесь с устьями мерзлотных клиньев, датируемая норильским временем. Из этого описания видно, что очень важная естественно-геологическая граница ме-

жду плейстоценом и голоценом связана не с аллювиальными отложениями, как в теле I террасы, а с покровными отложениями. Ее помогают определить карбонатные включения, характерные для плейстоценовых отложений. Иногда насыщение карбонатами верхнего плейстоценового слоя столь существенно, что он приобретает белесую известковую «корочку», тогда как вышележащий слой лишен такой выразительной «белизны».

Выше отмечалось, что высота II террасы равняется 9 метрам, но это не является неизменным условием. Бесспорны варианты в пределах от 8 метров до 10—11 метров (в тех случаях, когда II терраса приближена к склонам). Особый случай представляет Усть-Менза-3, расположенная «на стрелке» при впадении Мензы в Чикой. Высота террасы достигает 14 м, а в ее строении отмечается существенная особенность — наличие в верхней половине разреза рыхлых, сыпучих тонкослоистых аллювиальных песков, которые, на наш взгляд, накапливались в период позднеархангельских интерстадиалов (в кровле этих песков находятся мерзлотные клинья норильского времени) (рис. 13). Если ситуация воспринимается нами правильно, то это значит, что в данном разрезе аккумуляция аллювия завершилась не 13 тыс. л. н., как обычно, а около 11 тыс. л. н. Причиной этого выступает приустьевая позиция террасы, принимающей на себя высокие паводки двух рек. Высокие паводки Чикоя подпруживают р. Мензу, в результате чего возникают аномально высокие уровни накопления водных отложений.

Некоторыми особенностями в строении обладает II терраса на Санном Мысе. От нее сохранился узкий тыловой сегмент, в котором аллювиальные перегляциальные отложения сопряжены с коллювиальным свалом, связанным со скальным останцом, поднимающимся над террасой и образующим ее цоколь. Присутствие коллювиального свала и цоколя создает неповторимую ситуацию, однако характер аллювия не оставляет сомнений в генотипе и возрасте террасы.

Тыловая часть II террасы представлена в Ошурково. Она отличается представительностью делювиальных отложений, включающих в себя почвы оптимума, бореала и позднеархангельских потеплений.

Анализируемая нами II терраса наблюдалась не только в разрезах древних поселений, но и во многих других местах по речным долинам. Она лучше представлена на Мензе и Чикое, известна на Уде и Селенге, но с большим трудом обнаруживается на Хилке, где представлена пока только Черемушками, причем высотная отметка террасы находится в пределах 6 метров. Впрочем такая высота II террасы для долины Хилка представляется допустимой, поскольку I терраса на этой реке поднимается над водой всего на 4 м.

В пределах усть-мензинского урочища, к которому мы периодически возвращаемся, кроме I и II террас выявлен также террасовал, постепенно повышающийся от 12 до 100 метров. Установлено, что террасовал имеет сравнительно узкий гребень и два боковых склона: один более короткий и крутой, спускающийся к древнему логу, за которым располагается сопка со скалами; другой — более пологий и длинный, опирающийся на II террасу. Густой смешанный лес затрудняет полный обзор местности, но при взгляде со стороны по высоте древостоя намечаются легкие перегибы поверхности в сочетании с длинными плавными участками. Несколько пробных шурфов, заложенных в разных местах, подтвердили наши соображения о том, что террасовал представляет собой систему террас, со сглаженными, перекрытыми делювиальным шлейфом, уступами. На высоте 14 м над уровнем реки шурфом были обнажены отложения с высоким русловым галечником (до 9 м над урезом Мензы), слоистыми аллювиальными песками мощностью до 3 м, перекрытыми зоной почвообразования в виде пяти прослоек со следами гумуса, и неструктурными песками делювиального генезиса, образующими покров. Археологического материала не выявлено.

Выше по склону террасовала, на высоте 20—22 м, в начале выделенного участка был сначала поставлен шурф, а затем раскоп размерами 11×11 м. На глубине 7 м раскоп достигает галечника. Основная часть полученного разреза охарактеризована как перегляциальный аллювий с волнисто-слоистыми песками и супесями мощностью 5,8 м, пронизанными мощными мерзлотными клиньями. Ее перекрывают покровные отложения с черной двухъярусной почвой в основании.

В раскопе на разных уровнях выявлен археологический и палеонтологический материал. Этот памятник получил название Усть-Менза-5.

Разрезы, полученные шурфом с отметкой 14 м и раскопом с отметками 20—22 м, принципиально отличны как друг от друга, так и от разреза II террасы. С учетом их положения в пространстве возможно считать, что на высоте 14 м вскрыты отложения III террасы, а на высоте 20—22 м — IV террасы.

Более полное представление о III террасе дают разрезы поселений Мельничное и Читкан. Мельничное связано с террасой высотой 14 м (рис. 11). Терраса вытянута вдоль правого борта долины р. Мельничной — правобережного притока Чикоя. От участка, где находится поселение, до чикойского края террасы — расстояние около 200 метров. В этом месте отчетливо выделяется терраса высотой 8—9 м, уверенно определяемая как II надпойменная. С ней связано поселение Сенокосное. Уступ III террасы опирается на поверхность II террасы, а с чикойского края — непосред-

венно на среднюю пойму высотой 2,5 м. Выше поселения Мельничного прослеживается еще один террасовый уступ с отметками 18—20 м (отчасти сглаженный распашкой). Отсюда понятно, что морфологически позиция террасы с поселением Мельничное вполне может подходить под определение III надпойменной. В строении этой террасы наблюдается существенное своеобразие в сравнении с I и II террасами, вместе с тем сходство с 14-метровым уровнем Усть-Мензы. Разрез террасы по раскопам поселения Мельничного отличается высоким галечником — до 12 м над урезом реки. Галечник перекрыт 2-метровой пачкой супесчано-суглинистых отложений. Сразу над галечником располагается слоистый песок с чередованием более темных и светлых прослоек мощностью 0,8 м. На основании почвенных анализов установлено, что в данном слое содержится гумусовый горизонт мощностью до 0,3 м (Черепанов, Остроумов, 1986). Судя по литологии слоя, к гумусовым следовало бы отнести темные прослой, тогда как светлые прослой являются нейтральными. В связи с залеганием слоя непосредственно на галечнике и характером светлых прослоев возможно предположить его сложный делювиально-аллювиальный генезис, предполагающий чередование подтопления и обсыхания, что возможно при аккумуляции в пойменном режиме. Выше по разрезу располагаются серые лессовидные карбонатизированные суглинки с устьями мерзлотных клиньев в верхней части. Венчают разрез маломощные супеси.

Бликий по характеру разрез выявлен в Читкане, также связанном с террасой высотой 14 м. На профилях Читканского раскопа отчетливо выделены три генерации почв. Все они находятся в делювиальной части разреза. В основании делювия залегают позднесартанская почва. Так же, как в Мельничном, она представлена пятью буровато-черными прослойками с явными гумусовыми примазками. Они разделены светлыми прослойками. Каждая прослойка имеет мощность по 4—5 см, а в совокупности они составляют пачку мощностью 0,4 метра. Еще одна зона почвообразования располагается близко к кровле делювия. Она выражена в двух сближенных темно-бурых прослоях мощностью по 7—8 см. Эта зона почвообразования пока что не замечена в Мельничном, но зато она хорошо известна по разрезам II террасы. Однако в отличие от II террасы, где она залегает в подошве делювия, в III террасе она занимает позицию близко к его кровле. Несколько черных прослоек замечено в голоценовых супесях. Обе плейстоценовые почвы разбиты мерзлотными клиньями двух генераций. Они связаны с подошвами слоев, перекрывающих почвы. Такая «раскладка» и характер почв и мерзлотных нарушений позволяет уверенно определить их возраст. Нижняя почва должна быть признана

позднекаргинской (липовско-новоселовский), она разбита клиньями раннесартанского времени. Вышележащая почва — позднесартанская в пределах кокоревского и таймырского интерстадиалов, а клинья — норильского периода.

Делювиальные отложения в разрезе Читкана подстилаются аллювиальными супесями и галечниками, опирающимися на высокий цоколь. Аллювиальные отложения могут быть отнесены к раннекаргинскому периоду.

С целью обобщения еще раз подчеркнем отличие III террасы от II террасы. III терраса, как более древняя, имеет более мощное делювиальное перекрытие, содержащее две плейстоценовые почвы, тогда как во II террасе наблюдается только одна плейстоценовая почва. В основании III террасы залегают более мощные галечники, чем во II террасе, что может объясняться большей длительностью их аккумуляции: для III террасы — около 15—20 тысяч лет (ранне-средне-каргинское время); для II террасы — около 5 тысяч лет (позднекаргинское время).

Отметим, что к III террасе предварительно отнесена тыловая часть мыса в Черемушках на Хилке, разрез которой вскрыт шурфом. Это позволило увидеть делювиальные отложения, близкие по строению к читканским, но опирающиеся непосредственно на галечное основание, как на Мельничном. Напомним, что ближняя к реке часть мыса в Черемушках, изученная в раскопе, дает разрез II террасы. Получается, что II и III террасы в Черемушках, обладающие высотой 6 м и составляющие единую современную поверхность, морфологически совершенно неразделимы. Если это так, то мы имеем совершенно особенный случай соотношения II и III террас. Заметим однако, что полностью это станет ясно, когда будет изучено пространство между раскопом, что находится на краю мыса, и шурфом в его тыловой части.

О характере IV террасы уже шла речь, когда мы касались усть-мензинского комплекса памятников и конкретно — позиции Усть-Мензы-5. Высотные отметки и строение террасы Усть-Мензы-5 существенно отличают ее от нижерасположенных террас. Однако морфологически терраса Усть-Мензы-5 выражена недостаточно ярко, поскольку оказалась скрыта во внешне едином теле террасовала. Более четко представлена данная терраса в Приисковой на Чикое (рис. 11). Она имеет хорошо выраженную верхнюю поверхность и крутой уступ, спускающийся на пойму Большой Речки — притока Чикоя. Со стороны самого Чикоя террасовый уступ столь уверенно не прослеживается, но это связано с антропогенными факторами в пределах поселка Б. Речка. Высота Приисковой террасы 18—20 м над уровнем Чикоя. Раскопом и шурфами она изучена до глубины 10 м. Нижнюю часть отложений пока изучить не удалось. В полученном

разрезе террасы четко выделяются аллювиальная и делювиальная фации. Аллювий представлен несколькими пачками слоистых песков, переслаиваемых черными и темно-бурыми прослоями палеопочв. Мощность пойменного аллювия может достигать 15 м (с учетом нижней невоскртой части). В делювиальной части разреза прямо по кровле аллювия залегает зона почвообразования мощностью 0,8—1,0 м. Она представлена двумя почвами, сложенными пластичной илистой глиной серого тона с полосами и пятнами гумусированности. Почвы разделены прослоем коричневого суглинка мощностью 3—5 см. Зона почвообразования разорвана мощными клиньями. Ширина клиньев достигает 1,0—1,5 м. Еще одна зона почвообразования располагается выше по разрезу на 0,5—0,65 м. Она выражена в виде двух тонких бурых прослоев мощностью по 5—7 см каждый и разделенный более светлым прослоем. Они также разбиты серией мерзлотных клиньев, взаимосвязанных с нижней зоной криогенеза. Устья верхних клиньев приходится на прослой сильной карбонатизации, тогда как выше по разрезу (слой 2) она исчезает почти полностью.

Заметим, что верхняя зона почвообразования полностью повторяет таковые в отложениях большинства палеолитических памятников, связанных со II, III, IV надпойменными террасами. Однако, если на II террасе данная зона почвообразования базируется в основании делювиального слоя, непосредственно перекрывая аллювий, то на более высоких террасах она располагается в верхней части делювиальной пачки и перекрыта только маломощными голоценовыми отложениями. Данная зона почвообразования уверенно датируется временем позднесартанских интерстадиалов. Нижняя зона почвообразования отличается существенно большей мощностью. Она превышает верхнюю в 5—6 раз. Обращает на себя внимание присутствие тонкой суглинистой прослойки в средней части, свидетельствующей о холодном интерстадиале внутри длительной по времени достаточно теплой эпохи. Если же обратиться к собственно почвам — верхней и нижней, то весьма заметна большая степень гумусированности и черноты нижней почвы, тогда как верхняя почва более светлая. С учетом того, что педокомплекс располагается в разрезе отложений ниже позднесартанского и непосредственно перекрывает аллювий, возможно полагать его принадлежность к каргинской межледниковой эпохе, при этом нижняя почва может относиться к более теплой фазе межледниковья (малохетской), средняя песчаная прослойка — к похолоданию (коношельскому), а верхняя почва к заключительной теплой фазе того же межледниковья (ли-

повско-новоселовской). Разрушение этого педокомплекса происходило в сартанскую эпоху, тем не менее он сохранил целостность и выразительность. Аллювиальные отложения террасы сформировались, в большей части в холодное время. На это указывает характер слоистости и мощные мерзлотные клинья, заложённые из-под каргинского педокомплекса. Возможно датировать аллювий зырянским оледенением. Внутри его, очевидно, были теплые интерстадиалы. Они нашли отражение в серии почвенных прослоев. Их возрастные характеристики в пределах зырянской эпохи еще подлежат уточнению. Русловый галечник этой террасы мог сформироваться в казанцевское межледниковье.

По принципиальным позициям разрез Приисковой террасы повторяет Усть-Менза-5. Это выражается в соотношении и строении аллювия и делювия, в характере и позиции педокомплексов. На Приисковой они выражены более полно, что следует отнести за счет лучшей сохранности террасы и ее позиции в рельефе местности. Усть-Менза-5 и Приисковая имеют, примерно, одинаковую высоту в пределах 18—22 м. Данная терраса в целом получается более древняя, чем III терраса, представленная, в основном, Читканом и Мельничным и имеющая высоту 14 м. Важным показателем этого является перекрытие аллювия полным профилем каргинской почвы на террасе высотой 18—22 м, тогда как на III террасе аллювий закрыт менее мощной почвой, составляющей как бы половину каргинской и определенной нами как позднекаргинская (липовско-новоселовская). Все это вместе взятое позволяет определять охарактеризованную террасу с присущим ей генотипом как IV надпойменную с казанцевско-зырянским аллювием и каргинско-сартанским голоценовым делювием.

Как и в отношении других террас, высота IV террасы не является устойчивым показателем и зависит от характера долины. Так поселение Фомичево располагается в долине р. Чикой в зоне древнего озеровидного расширения эоплейстоценового (?) возраста. Строение террасы Фомичево по генотипу в принципе такое же, как на Приисковой и Усть-Мензе-5 (с дополнением в виде хорошо выраженной почвы голоценового оптимума в верхней части делювия), но высота террасы составляет 10 метров. Очень важно привести здесь соображения по поселению Куналей с террасой высотой 8—9 метров, расположенного на р. Хилок (рис. 11). Поскольку Куналей начал изучаться нами в то время, когда существовали еще старые представления о террасах, то на нем отразились все сложности разработки «террасового» вопроса. Поначалу Куналей был признан I

террасой каргинско-сартанского возраста. За тем терраса определялась как II надпойменная того же возраста. А ныне — по генотипу отложений — отнесена к IV надпойменной. Характеристике террасы как IV вроде бы «мешает» ее крайне небольшая высота, но следует помнить, что, во-первых, поселение Куналей располагается в начале обширной Бичурско-Хилокской впадин, где несомненно имело место погружение террас; во-вторых, то обстоятельство, что Хилок по силе водотока существенно уступает Чикюю, террасы на Хилке на порядок ниже чикойских, здесь известна I терраса высотой 4 метра, II терраса — 6 метров, III терраса — такой же высоты. В этой ситуации неудивительно, что 8-метровая терраса в принципе может быть IV надпойменной. Но самое главное в том, что терраса в Куналее принципиально повторяет строение террасы на Приисковой и т. д. Практически сходится строение делювия. В Куналее, также как на Приисковой, выделяется мощный каргинский педокомплекс с двумя (на отдельных участках — тремя) почвами; также установлена зона позднесартанского почвообразования, те же уровни мерзлотных клиньев. Аллювиальная часть Куналея в ее пойменной фации менее выразительна; она более «тенивая», со скрытой слоистостью, однородная и одноцветная; зато русловый галечник (невидимый в Приисковой) поднимается над урезом на 3—4 м и отличается выразительностью песчаного заполнителя, имеющего показательный зелено-оранжевый цвет, что свидетельствует о его формировании в теплое межледниковое время существенной древности, определяемой как казанцевская.

Все ли вопросы, касающиеся интерпретации IV террасы, в настоящее время прояснены? Пожалуй, в дальнейшем необходимо выявить и изучить ситуацию, связанную с контактом III и IV террас. Пока такой контакт наблюдается морфологически на Усть-Мензе-5 и Мельничном, но стратиграфически эта ситуация непроверена. Отсюда может возникнуть впечатление, что выделяемые нами III и IV террасы представляют вариант одной — III террасы. Разделение III и IV террасы по предложенным нами генотипам заслуживает дополнительной разработки и проверки, но уже сейчас она может быть представлена в качестве версии.

Весьма показательна ситуация, касающаяся соотношения IV террасы с более высокими формами долинного рельефа. Известны террасы высотой 25, 32, 40—45 м с определенным характером строения. Они условно называются V, VI, VII террасами. Для их настоящей идентификации необходимы специальные ис-

следования, которые пока только планируются. Вполне возможно в связи с этим, что на каких-то участках будет выявлено прислонение (или другая форма контакта) IV и V террас. Но возможны и варианты контакта IV террасы и склоновых отложений. Морфологически такая ситуация прослеживается в Куналее. Она подтверждается стратиграфическими наблюдениями по глубоким оврагам, соседними с разрезами древнего поселения. Однако специально склоновые отложения изучались в другом месте — в Толбаге. Если самое древнее поселение Толбага находится в верхней части склона, то в его нижней части, заканчивающейся эрозионным уступом, выполнен весьма информативный геологический разрез. Он интересен тем, что в его средней части (при общей высоте бровки над урезом воды в Хилке — 8—9 м) отчетливо выделяется, как во фронтальной, так и латеральной проекциях, каргинская почва, такая же по мощности, как в основании делювия IV террасы на Приисковой и Усть-Мензе-5. В толбагинском разрезе под ней лежат не аллювиальные, а делювиальные отложения, что позволяет наблюдать строение склона в более полный профиль. С учетом морфологии верхней поверхности склона возможно предположить, что склоновые отложения могли стыковаться с аллювиальными отложениями террасы (похоже, что она должна быть IV-ой), но эта угадываемая аллювиальная фация оказалась полностью уничтоженной боковой эрозией водного потока р. Хилок. Каргинская почва нижнего разреза Толбаги располагается в основании серого лесовидного суглинка. Выше по склону, как это прослеживается по оврагам, почва исчезает, а серый суглинок существенно уменьшается по мощности (от 2—3 м до 0,2—0,3 м) и вытягивается вверх до отметок 32—60 м над уровнем Хилка, где в нем выявлен культурный горизонт древнего поселения. В разрезе поселения над серым суглинком прослеживается серия литологических слоев, сохранившиеся фрагменты позднесартанской (?) и голоценовой почвы.

Особо следует отметить, что в двух случаях на склонах с высокими отметками выявлен археологический материал в голоценовых отложениях — в Подлопатках и Черноярво, расположенных в низовьях Хилка. В обоих случаях культурные горизонты залегают в эоловых песках, отмеченных сериями голоценовых почв в виде гумусовых прослоев различной мощности. Эти почвы, несмотря на их своеобразный генезис, возможно сопоставлять с голоценовыми почвами в отложениях террасового комплекса, что позволяет относить их к бореальному и атлантическому времени.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Геологический возраст древних поселений определяется позицией культурных горизонтов в разрезах отложений террас и склонов. Его возможно установить с той степенью точности, которую предоставляет геологический метод с учетом его разработки для данной территории. Строго говоря, геологическая наука, как таковая, абсолютными датами не располагает. Она позволяет создать относительную хронологию, устанавливающую последовательность событий, как природных, так и историко-археологических (по позициям культурных горизонтов). В том случае, если идет речь об одном разрезе, последовательность событий устанавливается с максимальной точностью. Корреляция однотипных разрезов, например, принадлежащих одной и той же террасе, уже допускает возможность для некоторой ошибки, хотя, на наш взгляд, дает в целом удовлетворительные результаты. Сопоставление разрезов, принадлежащих разным по генотипу геологическим телам (например, террасам и склонам), открывает перспективы для своего рода «удлинения» разрезов во времени, но несет в себе еще большую вероятность ошибки, зависящую как от субъективных моментов (степени подготовленности и прозорливости исследователя), так и объективных причин, связанных с уровнем развития науки. Так, при составлении террасового ряда очень существенным является момент, касающийся выявления без пропусков всех составляющих его террас, поскольку нет таких участков, где с безусловной очевидностью сохранились бы все террасы без исключения. Заметим, что выявление террасового ряда — дело весьма сложное, даже если это связано только с зачисткой естественных обнажений, и невероятно трудоемкое, если оно проявляется в постановке траншей, шурфов, раскопов и анализе многометровых профилей. Тем не менее, именно составление террасового ряда позволяет разрабатывать относительную хронологию для больших промежутков времени. Нами эта работа производилась для времени — от казанцевского межледниковья до субатлантического времени голоцена. Однако культурные горизонты охватывают не весь хроноспектр отложений, а только его верхний «отдел», начиная с каргинского времени. Создание относительной хронологии, базирующейся на ситуации «раннее-позднее», не может в полной мере удовлетворить исследователя, поскольку весьма желательно знать конкретно: когда это было!

На рельсы «абсолютной хронологии» геохронологию ставят даты, полученные по изотопному методу. Несмотря на критику «абсолютности» этого метода, даже при получении адекватных систем датировок, другой, более точной системы, пока не существует. Для наших памятников получены серии радиоуглеродных дат, позволяющих привязать относи-

тельную геохронологию к более или менее реальной исторической шкале с датами, используемыми человечеством для определения места события в истории по принципу от наших дней назад (другой вариант, требующий специального пересчета: от эры, как точки отсчета времени, в обоих от нее направлениях). Радиоуглеродное датирование воспринимается нами как самостоятельный метод датирования, основанный на физических методах, и потому независимый от геологии и археологии как таковой. Эта система датирования дополняет относительную геохронологию и проверяет ее, точно также происходит проверка и в обратном направлении.

С учетом высказанных соображений перейдем к конкретному изложению вопроса об относительном и абсолютном возрасте культурных горизонтов.

К каргинскому времени отнесен нами культурный горизонт Толбаги. Сам по себе разрез Толбаги недостаточно информативен, но благодаря длинным овражным профилям разрез поселения весьма точно выводится на разрез, связанный с эрозийным уступом, содержащим каргинскую почву. Каргинский возраст культурного горизонта подтверждается датами 34 860 и 27 600 л. н. Различие в датах оставляет возможность для отнесения Толбаги к малохетскому или липовско-новоселовскому этапу каргинского межледниковья. Такую же геоморфологическую и стратиграфическую позицию, как Толбага, занимает Варварина Гора. Датировки этого памятника — 34 900 и 30 600. Споро-пыльцевые анализы вроде бы указывают на холодный климат. Исходя из этих данных, существует вероятность как малохетского, так и конощельского возраста поселения.

С большей геологической достоверностью к каргинской эпохе относятся Куналей (горизонт 3), Присковое, Фомичево (горизонт 2), соответствующие культурные горизонты которых отчетливо увязываются с каргинской почвой, при этом устанавливается их принадлежность к ее конкретным частям. Все указанные памятники выявлены в отложениях IV террасы. Их дополняют культурные горизонты из почв позднекаргинского (липовско-новоселовского) времени III террасы — Читкан (горизонты 3—7), Мельничное (горизонт 2).

Начало сартанской эпохи представлено суглинистыми делювиальными отложениями, перекрывающими позднекаргинские почвы III террас. Здесь выявлены горизонт 2 Читкана и горизонт 1 Мельничного. Если признать, что каргинская эпоха заканчивается (с учетом общесибирских данных) 25 тыс. л. н., то этот геохронологический этап возможно датировать временем 25—20 тыс. л. н.

Следующую фазу сартана характеризует средняя часть перегляциального аллювия II террасы. В ней выявлены горизонты 6, 7 Сан-

ного Мыса и горизонты 25—27 Усть-Мензы-2. Возможные датировки — от 20 до 18 тыс. л. н.

Очередная фаза сартана включает в себя горизонты из верхней половины перегляциального аллювия II террасы, к которым относятся Усть-Менза-2 (5—20), Студеное-2 (4), Нижняя Еловка-2 (4). Датировки по Усть-Мензе-2 весьма представительны. Они подтверждают возможность границ от 18 до 12,8 тыс. л. н., при этом реальна внутренняя дифференциация.

Отложения позднесартанских интерстадиалов представлена нижней половиной аллювия I террасы и зоной почвообразования, состоящих из двух гумусированных лент, перекрывающих аллювий II террасы. С нижней половиной аллювия I террасы связаны горизонты Студеного-1 (14—19(4), Косой Шиверы (14), Усть-Мензы-1 (21—25), Алтана (16—19). По Студеному-1 получена большая серия радиоуглеродных дат, указывающая на время от 12,8 до 10,8 тыс. л. н. На этот же период приходится дата по горизонту 14 Косой Шиверы.

В зоне почвообразования, перекрывающей аллювий 2 террасы, залегают горизонты на Студеном-2 (3), Усть-Мензе-4 (2), Ошурково (3), при этом здесь возможно разграничение по трем фазам — кокоревскому, промежуточному, таймырскому. По Ошурково (3) получено 4 даты, укладывающиеся в пределы от 11630 до 9700 тыс. л. н.

Норильские отложения выражены в верхней части аллювия I террасы и определенных отделах делювия II, III, IV террас. Аллювиальные слои этого времени с датами в пределах 11060—10380 выявлены на Студеном-1 (13/1, 13/2) и Усть-Мензе-1 (11—12). К ним по геологической позиции примыкает Конюхово (3). Делювиальные слои норильского периода содержат только переотложенные материалы, происходящие из более древних горизонтов (Усть-Менза-4).

Голоценовые отложения представлены пойменными образованиями и их хронологическими аналогами верхней части надпойменных террас и склонов.

Бореальные отложения в I террасах или не отражены, в силу плоскостных размывов (перерыв в осадконакоплении — геохронологическая лагуна), или представлены песчаными прослоями («намывами») без культурных горизонтов. В отложениях II террасы к этому времени относятся серые суглинки, содержащие две почвы темно-серого цвета. В Ошурково с ними связаны горизонты 1, 2. По горизонту 1 получена дата 8070 тыс. л. н. Слои атлантического оптимума содержат серии горизонтов в виде черных иловато-гумусированных прослоев из полигенетических отложений I террас — Усть-Менза-1 (3—10), Студеное-1 (4—9), Алтан (9—14). Это же время представлено палеопочвенным прослоем из покровных отложений II террасы — Студеное-2 (2), Нижняя Еловка-2 (3), а также палеопочвенным прослоем, сформировавшимся в эоловых отложениях на склонах с высокими отметками — Подлопатки, Черноярово. Суббореальные отложения отражены в верхней части полигенетических отложений I террасы и в подпочвенном и почвенном слоях, встречающихся на I и II террасах: Студеное-1 (16), Усть-Менза-1 (2а-д), Усть-Менза-2, 3(2), Алтан (4—8). Как уже отмечалось, атлантические и суббореальные отложения пока не поддаются корректному датированию изотопными методами. Исключение составляет финал суббореала, отраженный в дате по горизонту 4 Алтана (2770 ± 40).

Субатлантические отложения представлены, как правило, современными почвами, содержащими культурные материалы. Даты по этому слою — в пределах 2,7—2,0 тыс. л. н. — получены по Усть-Мензе-1, Студеному-1. На Алтане эта эпоха отражена в горизонтах 1—3 из нескольких тонких почвенных слоев, венчающих I террасу.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ
(природно-историческая схема)

Климатогеографические подразделения	Возраст тыс. лет	Фаза	Древние поселения	Археологическая периодизация	Возраст тыс. лет			
Голоцен	Субатлантический период	XVIII	Студеное-1(1А), Усть-Менза-1, 2(2), Алтан (1—3)	раннее железо — поздняя бронза	2,8—2,0			
	Суббореальный период	XVII	Студеное-1(1Б, 1В), Усть-Менза-1(2), Усть-Менза-2, 3(2), Алтан (4—8), Крестинкина пещера	ранняя бронза	3,8—2,8			
	Атлантический период (оптимум)	XVI	Студеное-1(2—3) Усть-Менза-1(3—5), Студеное-1(2—5), Алтан (9—15), Косая Шивера (3—4), Егоркина пещера, Нижняя Еловка-2(3) Усть-Менза-1(6), Студеное-1(6,7), Косая Шивера (5) Усть-Менза-1(7—8), Студеное-1(8—9), Мухино (6), Косая Шивера (6), Чернорыво Усть-Менза-1(9), Студеное-1(10—12), Студеное-2(2)	поздний неолит средний неолит ранний неолит поздний мезолит	4,5—3,8 5,5—4,5 6,5—5,5 8,0—6,5			
Плейстоцен	Бореальный период	XV	Ошурково (1—2)	средний мезолит	10,3—8,0			
	Норильская стадия	XIV	Студеное-1(13)1; 13(2), Усть-Менза-1(11—12), Ошурково (3), Конохово (3)	ранний мезолит	10,8—10,3			
Сарпанское оледенение	Таймырское потепление	XIII	Студеное-1(14—17), Усть-Менза-1(13—20), Усть-Менза-4(2)	палеолит	18,0—10,8			
	Походание	XII	Усть-Менза-2(4), Косая Шивера (14)					
	Кокоревское потепление	XI	Усть-Менза-1(21—25), Студеное-1(18)1—19(4), Студеное-2(3), Алтан (16—19), Санный Мыс (3)					
	Ньяпанская стадия	X	Усть-Менза-2(5—13), Студеное-2(4), Усть-Менза-3(3—4), Санный Мыс (4), Усть-Менза-4(3), Нижняя Еловка-2(4)					
	Интерстадия	IX	Усть-Менза-2(14—16)					
	Гыданская стадия	VIII	Усть-Менза-2(17—24), Санный Мыс (5)					
		VII	Куналей (2), Санный Мыс (6), Усть-Менза-2(25—27)					
		VI	Читкан (2), Мельничное (1), Санный Мыс (7)					
	Каргинское межледниковье	Липовско-новоселовское потепление	V			Куналей (3), Читкан (3—7), Каменка (А), Мельничное (2), Студеное-2(5)	поздний	25,0—18,0
		Ковощельское похолодание	IV			Варварина Гора		
Малохетское потепление		III	Толбага, Каменка(Б), Мастерова Гора (4), Фомичево (2)					
Раннее похолодание		II	Мастерова Гора (6), Усть-Менза-5(4)					
Раннее потепление		I	Прильское (2)					
Верхний				начальный период	35,0—25,0			
				Мустье (позднее)	50,0—35,0			

ГЛАВА 5

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПО ДАНЫМ АРХЕОЛОГИИ: ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ И МЕСТНАЯ СПЕЦИФИКА

ИСХОДНЫЕ ПОЗИЦИИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Детальные геологические и геохронологические разработки, дополненные радиоуглеродными датами, позволили расставить памятники по определенным хронологическим отрезкам, что, казалось бы, снимает проблему определения возраста по собственно археологическим материалам. Действительно: парадигма «определение возраста культуры по геологическому контексту» достаточно распространена и безусловно имеет право на существование. Однако нам не хотелось бы ее абсолютизировать. В силу этого, а также в связи с общей направленностью исследования, представляется необходимым по возможности абстрагироваться от геологии и попытаться разобратся в возрасте археологического материала на основании его характера. Но здесь мы встречаемся с немалыми сложностями.

Не только геологическая порода (см. главу 4), но и археологический материал не обладают возможностями сообщать непосредственно исторические даты. В этом отношении и то и другое совершенно мертво.

Даты — это элемент исторического счета времени, создаваемого человеком; это проявление его способности мыслить и, в том числе, мысленно конструировать достаточно абстрактные (хотя и связанные с природными циклами) системы счета времени не только для настоящего и будущего, но и прошлого, при этом все три компонента жестко взаимосвязываются.

Исторический счет времени (или счет времени в истории) основывается на представлении о линейности течения времени (противоположные представления: хаотичность и цикличность) и употреблении следующих элементов: единиц счета (сутки, месяц, год, век, тысячелетие и т. д.) и точки отсчета (эры или «современного» дня). Время представляется в виде бесконечной линии и передается графически в виде отрезка прямой с закрученным в спираль «началом» (бесконечность) и вектором-стрелкой на «конце» (указывающим направление). Исторический счет времени вы-

кристаллизовывается в эпоху цивилизации (текущий счет возникает в эпоху первобытности), а представление о линейности — с возникновением христианства. Счет времени передается с помощью графических знаков (письменности). Даты (года) фиксируются на материале (бумага, пергамент, камень, глина, металл). Обнаруженная историком она переводится в существующую систему счета времени, подвергается научной (содержательной и формальной) критике. Воспринятая дата позволяет точно ответить на вопрос: «когда это было?». (Бикерман, 1975, Каменецкий, Маршак, Шер, 1975).

Заметим: если геологическая порода существует вне зависимости от воли человека, то археологический материал — является вещественным продуктом человеческой деятельности. В археологических материалах эпохи цивилизации есть определенная возможность натолкнуться на конкурентную историческую дату. Первобытная археология такой возможности лишена полностью.

Как же происходит датировка событий истории, выявленных по археологическому материалу?

Первоначально существовал только один вариант: отталкиваясь от датированного археологического материала эпохи цивилизации найти его аналогии, «реплики», подражания на соседней территории, а затем и на более отдаленных пространствах. Используя метод корреляции (в том числе многозвеньевой) — датировалось то, что находится за пределами цивилизованной ойкумены, по возможности сверяясь с письменными источниками и их хронологией. Данный подход оставляет возможность и для ретроспективных построений. Ретроспекция построена на определении сходства датированного и явно более древнего (например, по позиции в разрезе или по внешнему виду). В данном случае абсолютная хронология переходит в относительную (примерную, определяющую последовательность). Такие варианты расчета в развернутой форме

выполняли В. А. Городцов (для бронзы степей Восточной Европы) и А. П. Окладников (для неолита и бронзы Прибайкалья) (Городцов, 1916, 1921; Окладников, 1950, 1953). Данным способом первобытная археология «получала» даты от археологии и истории цивилизации.

Геологические слои датировались на основании содержащегося в нем археологического материала.

Ситуация существенно изменилась с появлением радиоуглеродного метода датирования. Геология и археология получили возможность датировок независимо друг от друга и напрямую от физики (Колчин, Шер, 1972, Фирсов, 1976).

И хотя считается, что абсолютные даты не являются прямым повторением исторической

линейки с годовыми отметками, тем не менее лучшей системой определения временной позиции для древности наука не располагает.

Все это не означает, что геология и первобытная археология к определению времени отношения не имеют. Они дают возможность относительного расчета по принципу «то, что залегает ниже, то древнее» (разумеется в ненарушенных условиях). Для археологии возможен еще один относительный вариант: в данном месте, для данного народа и культуры древнее то, что выглядит архаичнее (но этот подход может давать сбои).

Попробуем использовать эти «относительные» подходы для составления периодизации и определения позиций культурных горизонтов каждого археологического периода в стратотипических разрезах.

КОНКРЕТНАЯ ЗАДАЧА И ЕЕ РЕШЕНИЕ.

Из археологического материала в наших коллекциях важнейшую роль играет каменный инвентарь и (для неолита) керамика, тогда как костяные орудия редки (но и они показательны!), а жилищно-хозяйственные комплексы, хотя и представительны, все же более пригодны не для хронологических определений, а для выяснения вопросов, касающихся организации быта и производства. Анализ камня и керамики — при достаточных количественных и качественных показателях коллекции открывает возможность для выявления общего, единичного и особенного; традиционного и новационного, отживающего, преобладающего и возникающего. Эти возможности многократно расширяются при сравнении коллекций между собой, как в диахронном, так и синхронном аспектах.

Немаловажное значение для создания археологической хронологии имеет позиция культурных горизонтов в колонке многослойных памятников, поскольку отчетливо показывает их последовательность событий и явлений археологической истории. Позиция и последовательность культурных горизонтов составляет суть археологической стратиграфии, являющейся, на наш взгляд, «связующим звеном между гео- и археохронологией. Археологическое датирование предполагает не только нахождение ответа на вопрос — какое время?, но и выявление другого аспекта — какой период?. Археологическое датирование сопряжено со строительством» периодизации. Периодизация подразумевает выделение периодов на основании археологических признаков. Периодизация — не однозначна делению истории на определенные хронологические отрезки. Она имеет смысл лишь в том случае, если способна демонстрировать развитие человеческой

культуры в тех ее проявлениях, что отражены в конкретном археологическом материале. С учетом того, что развитие, как правило, происходит по принципу ускорения (общая тенденция), то периоды могут быть не равны по длительности.

Создание периодизации ставит вопрос об основополагающих признаках, появление которых свидетельствуют о наступлении нового периода. Эти признаки выявлены археологической наукой за длительное время ее существования. Наиболее показательными и наглядными признаками являются: появление лука и стрел, керамики, металла, следы земледелия и скотоводства. В зависимости от подхода исследователя, а также в связи с особенностями региона — те или иные признаки могут быть более важными, или же, напротив, отступать на второй план. Применительно к нашей теме исследования не действуют признаки, отражающие возникновение производящего хозяйства, поскольку вплоть до поздней бронзы его следов не выявлено. Весьма показательно «поведение» каменной индустрии. Ее анализ позволяет выявить развитие в технике расщепления камня и формообразования, но при этом весьма затруднительно наметить более или менее выраженные границы между этапами. Причина состоит в том, что соседние по хронологической позиции ансамбли артефактов не позволяют найти контрастных различий между ними. Становится очевидным: развитие индустрий происходит достаточно плавно, качественные изменения накапливаются постепенно, занимая период в несколько тысячелетий.

В связи со всеми изложенными соображениями представляется оправданным произвести «строительство» периодизации для нашего ре-

гиона — как это не покажется на первый взгляд парадоксальным — не с «начала», а с «конца», то есть в обратной временной последовательности, отталкиваясь от рубежа между каменным и бронзовым веками. Этот рубеж удобен своей достоверностью. Он определяется обширностью и выразительностью коллекций, включающих такие индикаторы, как бронзовые изделия, литейные формы, руду и орудия для ее обработки. Культурно-хронологическая граница имеет четкое стратиграфическое проявление, выражающееся в позиции культурных горизонтов в системе стратификации многослойных памятников. Культурные горизонты эпохи бронзы связаны с дерново-почвенными и подпочвенными каштановыми слоями разных террас, а также с верхней частью отложений высокой поймы. Возможны разграничения между ранней и поздней бронзой, но они не входят в нашу задачу. По абсолютным и рассчитанным датам бронзовый век приходится на время от 3800 л. н. до 2500—2000 л. н., по геологическим данным — это суббореальный и субатлантический периоды голоцена. Естественно, что установление нижней границы бронзового века показывает и время окончания эпохи камня, являющегося предметом нашего непосредственного исследования.

В пределах каменного века, нашедшего реального археологического отражение в пространственных структурах древних поселений, мы прежде всего сталкиваемся с культурными горизонтами, содержащими, помимо каменных орудий, — керамику. Сочетание «камень-керамика» (при выверенном отсутствии металла) позволяет уверенно относить данные горизонты к неолиту. Они располагаются в полигенетических отложениях, относящихся к атлантическому оптимуму и отчасти суббореальному периоду голоцена. На многослойных поселениях известно 24 культурных горизонтов неолита с керамикой и камнем: Студеное-1 (2—9), Усть-Менза-1 (3—8), Алтан (9—14), Косая Шивера (3—6). По двум памятникам отчетливо устанавливается стратиграфическое начало неолита (Студеное-1; Усть-Менза-1). Оно определяется позицией культурного горизонта, в котором впервые появляется керамика. Очень существенным в данном случае является то, что керамика в этом горизонте предельно архаична, а каменная индустрия фактически повторяет донеолитическую, известную по подстилающим горизонтам этих же памятников. На третьем из названных памятников (Алтане) эти условия не соблюдаются: его нижний керамический горизонт содержит керамику со сложным штамповым орнаментом и камень далеко не изначальных для неолита форм. В силу этого данный горизонт датируется не ранним, а поздним неолитом. Заметим, что раннеолитические горизонты имеют абсолютно одинаковые стратиграфиче-

ские позиции, устанавливаемые по предельно выразительной структуре нижней части полигенетических отложений I террасы и отражающиеся в мощности и соотношении черных иловато-гумусовых прослоек. Абсолютный возраст начала неолита еще предстоит уточнить, пока же он намечается в пределах 7,0—6,5 тыс. л. н.

Следующий «по глубине времени» рубеж выражается в появлении «лука и стрел». В рамках Сибири и Байкальской Азии данный индикатор указывает на наступление мезолитической эпохи. Появление лука и стрел, на наш взгляд, отражает изменения в способах охоты, что увязывается с изменениями в природно-климатической обстановке и существенным «потерям» в составе промысловой фауны. Для этого же времени характерно возникновение рыболовства, проявляющее себя в гарпунах, крючках, костях рыб. Культурные горизонты с наконечниками стрел и орудиями рыболовства, но без керамики, с соответствующей, в целом более архаичной, чем выше по разрезу, индустрией, выявлены на Усть-Мензе-1 (9—20), Студеном-1 (10—13/2), Конюхово (3), Ошурково (1—3). Они формировались в период от 10800 до 6500 тыс. л. н., в норильскую фазу сартанского оледенения и начале голоцена, включая первую фазу оптимума.

Именно на эту пачку культурных горизонтов приходится очень важный природно-геологический рубеж — между плейстоценом и голоценом, а также стратиграфическая лагуна, выраженная в плоскостном размыве отложенных бореального времени, по-видимому, уничтожившая горизонты среднего мезолита в отложениях I террасы. Этот пробел восполняют материалы Ошурково, нижний горизонт (3) которого отнесен к раннему мезолиту, а два верхних горизонта (1—2), связанных с зоной бореального почвообразования — к среднему мезолиту.

Ниже по хронологической шкале простираются пределы позднего палеолита. Его фаза, представленная культурными горизонтами эпохи позднесартанских интерстадиалов еще позволяет оставаться в пределах все той же единой стратиграфической колонки любого из многослойных памятников, связанных с I террасой, но вместе с тем эта фаза находит полное отражение в структуре археологической стратиграфии поселений, заключенных в теле II террасы. Сравнение материалов из палеолитических горизонтов I террасы (нижней части пойменного аллювия) и II террасы (подошва делювиальных отложений, зона почвообразования) показывает их принципиальное сходство по всем позициям. Это очень важно подчеркнуть, потому что в плане археологической стратиграфии осуществляется переход от одной колонки к другой. Их взаимоотношение устанавливается с помощью наложения на геологическую основу и анализа

террасового ряда (т. е. собственно геологическими методами). Упомянутая II терраса открывает возможности для анализа и более древних отделов палеолитической эпохи, определяемых датами, начиная с 18 тыс. л. н. Для каменной индустрии этого времени (от 18 до 11 тыс. л. н.) типично широкое использование техники торцового микронуклеуса в его сложившихся весьма выразительных формах. Торцовые микронуклеусы сопровождаются сериями микропластинок, подходящих для использования в качестве лезвий для вкладышевых орудий. «Аксессуары» эпохи выражаются в плейстоценовой фауне, включающей шерстистого носорога. К памятникам, представляющим эту эпоху относятся Усть-Менза-1 (13—25), Усть-Менза-2 (4—24), Усть-Менза-3 (2—4), Усть-Менза-4 (2, 3), Студеное-1 (14—19/4), Студеное-2 (3, 4), Нижняя Еловка-2 (4), Санный Мыс (3—5).

На двух поселениях, связанных с той же II террасой, известны горизонты, расположенные еще ниже по разрезу (Усть-Менза-2, гор. 25—27, Санный Мыс, гор. 6—7). Для них рассчитываются даты от 20 до 18 тыс. л. н. В этих горизонтах отмечается существование ранней техники микронуклеуса, но еще в полной мере проявляют себя крупные и средние пластины, орудия из них и отщепов. К сожалению, эти ансамбли артефактов малочисленны, но от них отчетливо перекидывается мостик к другой группе памятников, культурные горизонты которых находятся за пределами стратиграфических колонок с полноценным археологическим материалом двух нижних террас. Они связаны с более древними формами рельефа, определяемыми как III и IV террасы, а также склонами.

В этой группе находится Толбага, Варварина Гора, Куналей, Мельничное, Читкан и др. Для первых трех памятников характерно полное отсутствие микропластинчатой индустрии, как таковой. Орудия труда изготавливаются из крупных основ, прежде всего из пластин и отщепов, реже из целых и расколотых галек. По всем параметрам эти индустрии выглядят существенно архаичнее комплексов возраста от 20 до 11 тыс. л. н. Встает вопрос: можно ли считать, что эти индустрии остаются в пределах позднего палеолита? Ответ на него будет положительным, поскольку они включают в себя типы каменных изделий, встречающихся прежде всего в позднепалеолитических комплексах. Речь идет о долотовидных орудиях, проколках с различными ва-

риантами оформления жалец, резцах и концевых скребках, костяных орудиях. Напомним еще один существенный момент, касающийся Толбаги. На этом памятнике найдено произведение искусства — скульптура головы медведя, выполненная из позвонка шерстистого носорога. На всех памятниках найдены жилища с очагами (разной степени сохранности). Все это вместе взятое позволяет размещать Толбагу, Варварину Гору, Куналей в начале позднего палеолита, где-то в пределах от 35 до 25 тыс. л. н. Такие датировки рассчитаны с учетом радиоуглеродных дат по Толбаге и Варваринной Горе и на основе геохронологических данных по каждому из трех памятников данной группы.

Особую позицию занимают Мельничное (1) и Читкан (2). Их каменная индустрия опирается на использование крупных основ, но содержит определенные зачатки микротехники, проявляющейся в появлении первых несерийных микронуклеусов и микропластин. Присутствуют здесь и другие, более частные, моменты, касающиеся орудийного набора (см. главу 6). В целом эти памятники можно рассматривать, как промежуточные между «начальной» и «конечной» стадиями позднего палеолита и относить ко времени 25—20 тыс. л. н., что увязывается с геологическими данными по позициям культурных горизонтов.

Как можно заметить, археологическая периодизация создается с использованием и с проекцией на археологическую стратиграфию. Последнее означает, что предприняты попытки найти стратиграфические границы между поздним палеолитом, мезолитом, неолитом и бронзой. Полагаем, что эти границы можно определить, по крайней мере, как достоверные, оставляя оценки «надежные» и «абсолютно точные» в качестве перспективы и задачи для дальнейшего исследования. Стратиграфические границы между периодами внутри палеолита, мезолита и неолита следует определять как менее жесткие, поскольку они опираются на изменения в каменном инвентаре и керамике, где на первый план выступает не «признак», а «процесс», находящий отражение в плавном изменяющемся индексах и наблюдениях.

Приведенная периодизация с раскладкой памятников по археологическим периодам отражает только основной ход рассуждений по этому вопросу. Предложенная схема будет наполняться «реалиями» в последующих главах.

ГЛАВА 6

ПАЛЕОЛИТ.

ПЕРИОДЫ И КУЛЬТУРЫ

Знакомство с предшествующими главами, пожалуй, не оставит сомнений в том, что палеолитическая эпоха характеризуется выразительными памятниками.

«Чисто» палеолитической по возрасту является Толбага с ее единственным культурным горизонтом и тремя горизонтами переотложения предметного материала. По два горизонта этой эпохи известно на Куналее (2, 3), Меньничном (1, 2), Усть-Мензе-4 (2, 3), Косой Шивере (13, 14). Три горизонта открыто на Студеном-2 (3, 4, 5). Четыре горизонта известно из разреза Алтана (16—19). По пять горизонтов из Санного Мыса (3—7) и Усть-Мензы-3 (2А, 2Х, 3—5). Шесть горизонтов — по Читкану (2—7). Десять горизонтов со Студеного-1 (14—17, 18/1, 18/2, 19/1—19/4). Тринадцать горизонтов — по Усть-Мензе-1 (13—25). Поразительная серия из двадцати четырех горизонтов изучена на Усть-Мензе-2 (4—27). Кроме того палеолитические горизонты известны на стоянках Солонцовое, Нижняя Еловка-2, Усть-Менза-5, Присковое, Фомичево, Черемушки, Мастерова Гора, Кандабаево и др. Существенное значение для понимания регионального палеолита имеют памятники Варварина Гора, Каменка, Сапун и др., исследованные археологическими экспедициями из Новосибирска и Улан-Удэ.

Как уже доказывалось (см. главы 4 и 5), палеолитические памятники занимают позиции на разных ступенях хронологической лестницы, более или менее равномерно заполняя пространство в пределах от 35 до 10,8 тыс. л. н. Учитывая возраст памятников возможно выделить три археологических периода: начальный — 35—25 тыс. л. н.; средний — 25—18 тыс. л. н.; поздний — 18—10,8 тыс. л. н. С целью объединить климатостратиграфические подразделения и археологические периоды вводится понятие фазы со сквозным числовым обозначением через весь каменный век (табл.).

Всесторонний сравнительный анализ каменных индустрий одновозрастных памятников позволяет обосновать существование археологических культур.

К начальному периоду позднего палеолита (35—25 тыс. л. н.) относятся поселения Тол-

бага и Куналей (3). Ансамбли каменных изделий этих памятников обладают представительностью и выразительным своеобразием. В Толбаге найдено 3980 экз., в Куналее — 2283 экз. На обоих памятниках производилось расщепление камня (хотя и в разной степени: в Толбаге, скорее всего, этот процесс был частично вынесен за пределы поселения), а также изготовление орудий труда и их использование в различных производственных операциях. Все это не только позволяет, но делает весьма желательным сравнение коллекций между собой. При этом с очевидностью проявляются различия в характере индустрий.

Для Толбаги характерна пластинчатая техника (рис. 39—41). Орудий, изготовленных из пластин и фрагментов пластин (90%) в 9 раз больше, чем в совокупности орудий из отщепов и целых основ (соответственно, 7,25% и 2,75%). В Куналее (рис. 42—45) дело обстояло напротив — основами орудий служили преимущественно отщепы (69, 95%). Чаще, чем в Толбаге, шли в дело целые гальки (21%). При подсчетах из состава орудий исключены отщепы с ретушью, как не отвечающие требованиям полностью сформированных инструментов. В той и другой индустрии у них, примерно, одинаковые индексы (Куналей — 18,72%, Толбага — 13,42%).

Различия в предпочтительном использовании форм заготовок связано с техникой расщепления камня. В Толбаге нуклеусы предназначались для снятия пластин. Они относились к леваллуазским и подпризматическим. Со всех нуклеусов пластины снимались вдоль длинной оси, после предварительных операций по обработке поверхностей. Куналейские нуклеусы определены как ортогональные. С таких нуклеусов в разных направлениях сбивались отщепы и только при удачном стечении обстоятельств — пластины.

Принципиальное несходство в нуклеоидной технике создавало базу для своеобразия в типологии и морфологии инструментария. В Толбаге яркими сериями представлены остроконечники (53 экз.) и резцы (25 экз.), в Куналее первые единичны (2 экз.), вторые — совершенно иного плана, более мелкие и невыразительные (9 экз.). Большая серия доло-

товидных орудий Толбаги (99 экз.) противостоит немногочисленным изделиям из Куналея (14 экз.). В то же время в Куналее имело место устойчивая серия концевых скребков с плечиками (34 экз.), не знакомая толбагинцам. Существенно отличались друг от друга проколки. В Толбаге они более массивные, с оформлением рабочей части обязательно со спинки (44 экз.), тогда как в Куналее проколки чаще всего мелкие, с особой прогнволежащей ретушью или плечиковые, с одним или несколькими шипами (18 экз.). И в Толбаге, и в Куналее есть скребла, изготовленные из отщепов и реже — галек и крупных сколов. Между ними много общего, но на первом памятнике эти скребла немногочисленны и буквально теряются среди массы других орудий (26 экз., 1,52%), на втором же они занимали ведущее положение (91 экз., 30,73%).

Все это, на наш взгляд, достаточно наглядно свидетельствует о различиях между индустриями двух памятников.

Напомним, что возраст Куналея (3) определяется нами в границах от 30 до 25 тыс. л. н., а Толбаги — от 35 до 25 тыс. л. н. Принципиальное сходство в возрасте при существенном различии в характере индустрий позволяет поставить вопрос о их принадлежности к разным культурам, обладающим, как минимум, технико-типологическим «суверенитетом».

Но для полного доказательства правомерности выделения данных палеолитических культур сравнения двух памятников между собой недостаточно; следует выявить аналоги каждого памятника. Это сделать вполне возможно.

Наибольший интерес представляет сравнение с Варваринной Горой, расположенной в долине р. Брянь притоке р. Уды. Поселение открыто Д. Б. Базаровым и Е. А. Хамзиной (Базаров, 1968). Раскопки производились в 1973—1977 гг. под руководством А. П. Окладникова (Окладников, 1973, отчет, 1974, 1978, отчет). Варварина Гора, также как и Толбага, расположена на значительном по крутизне склоне (8—10°) в глубине амфитеатра, в существенном удалении от реки. Культурный горизонт того и другого поселения связан с делювиальными отложениями, с карбонатизированными суглинком. На обоих памятниках наблюдалось частичное переотложение материала в выше лежащие слои, что при неправильной интерпретации стратиграфии могло привести к выводу о многослойности поселений (Базаров, Константинов и др., 1982).

На Варваринной Горе выявлено жилище с костями животных и артефактами на площадке, которую обрамляли выкладки из камней (Окладников, Кириллов, 1980). К сожалению, подробные сведения о нем не опубликованы, но, судя по полевому отчету (Окладников,

1973), оно соответствует толбагинским жилищам с каменными кладками в основании.

На обоих поселениях широко представлены остатки млекопитающих. Основное место среди них занимают носорог и лошадь (см. главу 6).

Очень близки между собой каменные индустрии двух памятников (Константинов, 1979а, 1979б; Окладников, Кириллов, 1980, Кириллов, 1987).

На Варваринной Горе обнаружено 1199 каменных изделий. Это в три с лишним раза меньше, чем в Толбаге, хотя материал получен примерно с одинаковой площади. Тем не менее коллекция Варваринной Горы достаточно информативна. Она включала в себя те же группы изделий, что и толбагинская — нуклеусы, орудия, отходы производства. Соотношение этих групп, однако, отличалось некоторым своеобразием. В Толбаге отщепы занимали только 41% от общего числа каменных изделий; в Варваринной Горе они составляли 67,8%. Это, очевидно, объясняется тем, что в Варваринной Горе, как и в Толбаге, существовали мастерские по обработке камня за пределами поселения. На это указывал небольшой процент нуклеусов (7%; 2,3%)*. В Толбаге для изготовления орудий использовалась речная галька, а на Варваринной Горе, чаще всего, желваки из скальных выходов (темные углисто-кремнистые сланцы; светлые сильно охремененные доломиты и др.).

Для инвентаря Варваринной Горы полностью применима типология, разработанная на материалах Толбаги. Для обоих памятников характерна пластинчатая техника расщепления камня. Основная часть нуклеусов относилась к подпризматическим (89,2%; 77%).

Сохранились отдельные, но четко выраженные леваллуазские формы нуклеусов (8%; 10,1%). На некоторых, пока еще редких экземплярах, зафиксирована прогрессивная тенденция к смещению фронта с верхней поверхности на торцовую и появлению бокового клина. Такие нуклеусы определены как торцовые клиновидные (3,5%; 10,1%). Все типы нуклеусов предназначались для снятия крупных и средних пластин. Во многом повторяли друг друга и приемы вторичной обработки. Наиболее распространенным являлось краевое ретуширование. Такой прием употреблялся при оформлении подавляющего большинства орудий из пластин и отщепов (более 99% в обоих случаях). Ретушь могла быть крутой, приотрянутой и пологой. Наносилась она чаще всего со спинки. Унифициальное ретуширование применялось исключительно редко. Оно отмечено всего на 7 скреблах из Толбаги и 1 обломке изделия из Варваринной Горы. Бифациальное ретуширование отсутствовало. (И. И. Кириллов — 1987, с. 71 — выделяет в Варва-

* Здесь и далее при сравнении индексов двух памятников первая цифра дается по Толбаге, вторая — по Варваринной Горе.

риной Горе один бифациальный артефакт — «острие бифас»).

Особый прием — чешуйчатая подтеска лезвий, долотовидных орудий — употреблялся в равной степени на двух памятниках. В Варваринной Горе так же, как и в Толбаге, широко применялась одинаковая по характеру фрагментация пластин и пластинчатых орудий. Орудия изготовлены, в основном, из пластинчатых основ: из пластин — 19% и 23,6%, из усеченных пластин — 10,2% и 6,7%, из фрагментов пластин — 50,4% и 26,5%; в целом по всем видам пластинчатых основ — 79,7% и 58%. Основами остальных орудий служили отщепы — 7,2% и 28,8%, и целые гальки — 2,7% и 13,1%. В Варваринной Горе наблюдался несколько меньший процент орудий из пластин и несколько больший из отщепов и целых галек, но оценки характера индустрии это в корне не изменяет. Возможно сделать вывод о том, что обоим памятникам присуще определенное соотношение пластинчатой техники с галечной техникой и техникой отщепа, при этом пластинчатая техника занимала ведущие позиции.

Среди орудий на первом месте по распространению стояли пластины и фрагменты с ретушью по боковым краям (63,7%; 19,1%). Ретушь наносилась, в основном, со спинки. На обоих памятниках нередко употреблялось притупление одного края вторичной основы за счет торцового снятия, с помощью которого удалялась острая кромка (15%; 15,1%). Кроме того применялось естественное притупление за счет сохранения бокового торца или круто наклоненной грани с галечной коркой. В инструментарий обоих памятников входили также остроконечники (3,1%; 3,5%), концевые скребки (2,8%; 5,5%), резцы (1,4%; 0,46%), проколки (2,5%; 1,2%), долотовидные орудия (5,8%; 9,4%), скребла (1,5%; 2,0%). Индексы орудий очень близки между собой. В Варваринной Горе отсутствовали только некоторые частные варианты орудий, например, односторонние краевые скребла и срединные резцы. Скребла из отщепов играли подчиненную роль и в Толбаге и в Варваринной Горе. Особенно наглядно это выступило при сравнении индексов скребел из отщепов и пластин с ретушью. Первых меньше, чем вторых в 42 раза в Толбаге и 33 — в Варваринной Горе. Среди рубящих орудий того и другого памятника наиболее типичны чопперы. На ряду с ними в Толбаге известны чолпинги. На обоих памятниках найдены топорики, но в Варваринной Горе они более выразительны. Топорики менее массивны, чем чопперы и чолпинги. Они имели одно- или двустороннюю затеску лезвия и дополнительную оббивку боковых краев и поверхностей. В особую серию выделены ложила — крупные речные гальки с сильно пришлифованными поверхностями, нередко дополненные точечной забитостью в цент-

ре. В Толбаге такие изделия единичны (0,11%), в Варваринной Горе они представлены значительной серией (6,82%).

Возраст Варваринной Горы определен радиоуглеродными датами по кости: 34900 ± 780 (СОАН-1524) и 30060 ± 500 (СОАГ-850), тогда как в Толбаге 34860 ± 2100 (СОАН-1522) и 27210 ± 300 (СОАН-1523). Обе пары дат очень близки друг другу. Все вместе взятое позволило считать Толбагу и Варваринную Гору памятниками одного возраста и одной культуры. Первоначально она была названа варварино-толбагинской (Константинов, 1979а, 1979б), а затем (по принципу упрощения) — толбагинской (Константинов, 1982, Базаров, Константинов и др., 1982).

Существенное значение для расширения источниковедческой базы толбагинской культуры имеют исследования Л. В. Лбовой. Ею проведено дополнительное обследование Варваринной Горы (Лбова, 1992). По ее данным на этом поселении археологический материал связан с четырьмя литологическими слоями (5—8), определенными как культуросодержащие. Изучение отчетов и коллекций А. П. Окладникова в сопоставлении с новыми стратиграфическими наблюдениями позволило Л. В. Лбовой считать комплекс находок 1973 г. (слой 6) позднесартанским с пластинчатой основой индустрии, а материалы раскопок 1974—77 гг. (слой 7) — раннекаргинским, начально-позднепалеолитическими. Слой 5 оценивается как перспективный в плане выявления раннесартанского археологического материала. Слой 8, судя по всему, остается в пределах каргинского времени.

Л. В. Лбова склоняется по-видимому, к мысли о возможной археологической многослойности Варваринной Горы. С точки зрения культурной интерпретации Варваринной Горы ее оценки (типологические и статистические) подтверждают сходство этого памятника с Толбагой.

Л. В. Лбова с 1989 г. изучает также соседнее с Варваринной Горой поселение Каменка из долины р. Брянь. Особенность памятника заключается в том, что делювиальные культуросодержащие отложения перекрыты мощным эоловым чехлом (10—12 м). Комплекс А этого поселения (6—7 м над уровнем реки) «характеризуется пластинчатой техникой расщепления (индекс 64), представлен 116 артефактами, из которых орудийный набор, выполненный на пластинчатых заготовках, составляет 34 ед. (29%). Характерной чертой является наличие фасетированных площадок различного контура. Во вторичной обработке преобладает краевое дорсальное ретуширование мелкой и среднефасеточной ретушью, в основном, в многорядном варианте. В инструментарии доминируют остроконечные орудия (определенные функционально как ножи), ножи (преобладают прямые однолезвийные обушковые модификации) — 61%, скребки конце-

вые, боковые, комбинированные — 11,7%, выемчатые орудия — 5,8%, отщепы и пластины с ретушью — 10,8%, костенные орудия — 5 экз.» (Лбова, 1992, с. 163). В слое, кроме каменных артефактов, выявлено кострище и фаунистические остатки, в том числе лошадей, горного барана, бизона, носорога. Для комплекса А получена датировка — 28060 ± 475 (СОАН-2903), подтверждающая его позднекаргинский возраст (Базарова, Лбова, 1992). Автор раскопок на Каменке полагает, что индустрия комплекса А имеет «отдельные аналогии с технокомплексами Толбаги, Варваринной Горы, Баин» (Лбова, 1991, с. 55). На наш взгляд, правомерно, включать Каменку (комплекс А) в толбагинскую культуру, отмечая лишь одно ее своеобразие — фасетированность ударных площадок пластин, редко встречаемую в Толбаге и Варваринной Горе.

К толбагинской культуре следует отнести местонахождение Сапун, расположенное в долине р. Оны — притоке р. Уды. Подъемный материал собран на поверхности делювиального шлейфа на высотных отметках вплоть до 30 м. По данным авторов сборов И. В. Асеева и Ю. П. Холюшкина коллекция состоит из 1074 каменных артефактов, достаточно подробно описанных, с морфометрическими и типологическими таблицами, подсчетом индексов и сопровождающими рисунками. В коллекцию входит 15 нуклеусов (леваллуазский, грубопризматические, торцовые), 464 орудия, в том числе скребки, скребла, зубчато-выемчатые изделия, резцы, пластины с ретушью, проколки, клыковидные орудия и др. Более половины орудий относятся к пластинчатым. Подчеркивается сходство техники расщепления, типологии и морфологии сапунского комплекса с Варваринной Горой и Толбагой (Асеев, Холюшкин, 1981, 1983, 1985).

Большой интерес представляет новый хилокский памятник — Мастерова Гора (Мещерин, Туганов, 1993), находящийся в бассейне той же реки Хилок, что и Толбага. Это поселение располагается в соответствии с толбагинской традицией — в отдалении от реки, в почти незаметном боковом распадке, на шлейфе, с отметками 17 и более метров. Раскоп площадью 20 кв. м выявил стратиграфию, повторяющую толбагинскую, но имеющую дополнительную выразительную деталь — следы члчв позднесартанских интерстадиалов. Основной материал залегает в каргинских отложениях — палево-серой карбонатизированной супеси и буром песчано-древесно-щербнистом слое (аналоги толбагинским слоям 4 и 5). Последний слой остается в Толбаге пока без находок. Есть надежда на то, что на Мастеровой Горе на этом уровне будет выявлен «пролог» толбагинской культуры, возможно уходящий в мустьерскую эпоху. В этом слое (5) найдено 150 артефактов, в том числе нуклеусы (двухплощадочные, односторонние, упло-

щающего принципа расщепления, крупный торцовый нуклеус), угловой резец из плоского прямоугольного отщепа, 16 фрагментов крупных и средних пластин с ретушью, 2 отщепа с крутой зубчато-выемчатой ретушью и др. В слое 4 (соответствующему по позиции и характеру основному толбагинскому) обнаружены 2 средних по размерам торцовых нуклеуса, концевой скребок, реберчатый пластинчатый скол, 2 проколки.

Кроме того открыты стоянки с незначительными по числу, но достаточно выразительными по характеру подборками изделий, включающими пластинчатые нуклеусы, пластины и орудия из них — Окино-Ключи, Береговое (Базаров, Константинов и др., 1982); Баин, Базино (Лбов, 1987). Они также могут принадлежать толбагинской культуре.

Толбагинская культура имеет достаточно представительную и вместе с тем компактную территорию с протяженностью по сторонам света, примерно на 250—300 км. Она явно охватывает значительные части бассейнов Хилка и Уды и, возможно, распространяется на р. Чикой (Береговое).

По данным И. И. Кириллова, памятники толбагинского типа открыты также в Восточном Забайкалье, на р. Ингоде. Они носят названия Арта-3 и Сухотино-2 (слой 5) (Кириллов, Каспаров, 1990). С учетом территориального соседства распространение толбагинской культуры в долину Ингоды вполне возможно (Хилок и Ингоду разделяет Яблонный хребет, с вершин которого в разные стороны направляются притоки этих рек), но для разъяснения этого вопроса необходимы развернутые публикации ингодинского материала.

Толбагинская культура находит аналогии в культурах и памятниках Северной и Центральной Азии.

В Китае, в бассейне р. Хуанхэ (в 100 м от Великой китайской стены) располагается поселение Шуйдунгоу, открытое в 1923 г. П. Тейер де Шарденом и Э. Лисаном. В слое песчанистого леса, на глубине 12 м выявлен культурный горизонт, содержащий «камни со следами обработки, раздробленные и со следами обжига кости, многочисленные обломки скорлупы яиц страуса». Они «располагались на строго ограниченной площади, где, по-видимому, находилась жилая постройка» (Ларичев, 1980, с. 123). В дальнейшем (1957, 1960, 1963 гг.) раскопки в Шуйдунгоу проводили Ван Юй-пин, Гай Пэй, Пэй-Вэнь-чжун и др. Для памятника, если судить не только по опубликованным текстам, но и по рисункам и фотографиям, характерны дисковидные, леваллуазские и подпризматические нуклеусы, пластины с ретушью, концевые скребки из пластин, и отщепов, долотовидные орудия из пластин, симметричные и ассиметричные остроконечники из пластин, угловые и срединные резцы из пластин, фрагментов пластин и отщепов, чопперы, чоплинги, редкие скребла

из отщепов. Индустрии Шуйдунгоу присуще краевое ретуширование. Особый вопрос о микроиндустрии. В некоторых публикациях указывается на использование микропластин, однако по рисункам видно, что скорее всего речь идет о небольших пластинках и их обломках. Что-то похожее на микропластинки могло получаться при оформлении резцов.

По геологической позиции и археологическому материалу Шуйдунгоу датируют рубежом мустье и начала позднего палеолита (Boule, 1928, Окладников, 1959, Ларичев, 1980).

К западу от Байкала памятник начала позднего палеолита обнаружен в бассейне Енисея, в долине р. Белый Июс. Он получил название по соседнему селу Малая Сья (Ларичев, 1978, Муратов, Оводов, Панычев, Сафарова, 1982; Ларичев, Холушкин, 1992, Чеха, Оводов, 1992; А. Ямских, Г. Ямских, 1992). Поселение связано с делювиальным шлейфом бокового лога (высотные отметки 32—35 м), с каргинскими отложениями. В каменном индустриальном материале представлены подпризматические нуклеусы для пластин и кубовидные нуклеусы для отщепов, пластины с краевой ретушью, концевые скребки из пластин, «коленчатые» наконечники копий и шилья из кости. В целом, индустрия крупно-среднепластинчатая. Есть упоминания о микронуклеусах, но без описаний и рисунков. В состав фауны входят заяц-беляк, сурок, медведь бурый, мамонт, лошадь, кулан, шерстистый носорог, благородный олень, антилопа, баран-аргали, сибирский горный козел, бизон, северный олень. Датировки: 34500 ± 450 (СОАН-1286), 34420 ± 360 (СОАН-1287), 20370 ± 340 (СОАН-1124). Авторы публикаций о Малой Сье отдают предпочтение первым двум датам и связывают поселение с началом позднего палеолита.

На Алтае ближе всего по возрасту и характеру к Толбаге поселение Кара-Бом, расположенное в устьевой зоне р. Семисарта, у подножия скалы, на склоне с современным наклоном поверхности $15-20^\circ$. Археолого-палеонтологический материал выявлен в раскопе площадью 60 кв. м. по всей толще делювиально-пролювиальных отложений мощностью 5,35 м и обладает единством характеристик. Список фауны включают в себя остатки следующих животных: заяц-беляк, суслик, сурок, тушканчик, волк, гиена, лошадь, носорог, бизон, винторога антилопа, дзерен, баран. Коллекция каменных изделий (более 6 тысяч единиц) состоит из леваллуазских и подпризматических нуклеусов, ретушированных пластин, пластин с анкошами, скребел разных типов, концевых скребков на крупных пластинах, резцов угловых, срединных и многофасеточных. Отмечается фрагментация пластин. Получены две даты: 32200 ± 600 (ГИН-5934) и 33800 ± 600 (ГИН-5935). Исследова-

тели памятника считают его эталонным для этапа перехода от мустье к началу позднего палеолита («Археология и палеоэкология...», 1990; см. также Окладников, 1983; Деревянко, Петрин, 1988; Абрамова, 1989).

Самый северный аналог Толбаги находится на верхней Лене. Его название — Макарово-4. Памятник расположен в конусе выноса пади, на отметках около 40 м. Культурные остатки выявлены в делювиальных отложениях раннего и малохетского потеплений каргинского межледниковья (50(55) — 35 тыс. л. н.). Установлен своеобразный вариант переотложения предметного материала с относительно мало измененным планиграфическим рисунком. Обнаружено 4119 каменных изделий, в том числе 268 оформленных изделий. Основные принципы расщепления — радиальный, субпараллельный и параллельный (протопризматический). Орудия изготавливаются из отщепов (70), из пластин и их сегментов (30), из галек (64). Среди орудий выделяются остроконечники, проколки, чопперы, скребла, скребки, микроскребки, ножи. Особо следует отметить большое число необработанных пластин и их сегментов (501) и таковых с рабочей ретушью (70). Археологический возраст памятника представляет этап начала позднего палеолита или перехода от среднего к позднему палеолиту (Аксенов, 1990а, 1990б).

Толбагинскую культуру со всеми указанными памятниками — Шуйдунгоу, Малая Сья, Кара-Бом, Макарово-4 — объединял как общий характер, так и уровень развития индустрии. Для всех памятников типичны леваллуазские нуклеусы в определенном сочетании с подпризматическими. Пластины, снимаемые с тех и других, крупные и средние по размерам, сравнительно правильные. Обработывались они экономно, в основном, краевой ретушью со спинки. Бифасиальная ретушь не употреблялась. Набор орудий включал в себя прежде всего орудия из пластин, меньшая часть орудий изготавливалась из отщепов. Обычными являлись орудия типа чопперов и чоппингов, но они занимали скромное место в коллекциях. По сравнению с более поздними памятниками здесь нет микротехники. Дальнейшая разработка вопроса о соотношении этих памятников позволит более полно выявить черты сходства и различий. Пока же их можно отнести к одному археологическому периоду и к разным, но близким культурам. Геологическая позиция этого этапа достаточно определена — каргинская эпоха, при этом исследователи чаще всего отдают предпочтение ее малохетской фазе. Несколько сложнее обстоит дело с обозначением стадийной позиции. Представлялись мнения следующего плана: рубеж между мустье и началом позднего палеолита; переходный этап, включающий конец мустье и начало позднего палеолита; начало позднего палеолита. Очевидно, основной вопрос состоит в возможности разрешения зада-

чи разграничения конца мустье и начала позднего палеолита. Попытки опереться на понятие «переходный этап», по-видимому, означают, что таковое принципиально невозможно по причине неразличимости каменных индустрий стыкующихся эпох. Но может быть нам поможет то обстоятельство, что в рамках толбагинской культуры зафиксированы следы специально устроенных жилищ и очагов, произведения искусства (скульптура головы медведя), украшения и костяные орудия? Эти культурные элементы перетягивают чашу весов в пользу начала позднего палеолита, хотя данный момент не означает полного решения этого вопроса для всех затронутых территорий и памятников. Не хотелось бы полностью игнорировать и каменную индустрию как потенциальную аналитическую базу для сравнительных характеристик уровня развития культуры конца мустье и начала позднего палеолита. Скажем, ответы могут скрываться в определении соотношения леваллуазской и подпризматической техники, в соотношении элементов орудийного набора (в начале подного палеолита он включал в себя серии резцов, долотовидных орудий, проколов и т. д.), во вторичных приемах оформления орудий и их стилистическом облике. Для толбагинской культуры эта задача станет разрешимой с открытием в бассейне Селенги мустьерских памятников с леваллуазской традицией. Вероятность этого вполне реальна, поскольку на этой территории уже известно мустье иного характера (см. последующие страницы), а собственно мустье-леваллуа открыто в пределах Байкальской Азии, в Монголии, на поселении Орхон-1 (Деревянко, Петрин, 1990. Деревянко, Николаев, Петрин, 1992).

Теперь обратимся к Куналею (3). В отличие от Толбаги ему длительное время не было аналогий, но ныне ситуация изменилась — на поселении Каменка в 1991 г. открыт комплекс Б (Лбова, 1992а, б). Он связан с глинистым горизонтом со следами почвообразования (с гипсометрией 4—5 м над уровнем реки), относящимся к каргинскому времени — 35845 ± 695 (СОАН-2904). Артекомплекс представлен 359 экз., из них орудий 32 экз. В этом комплексе, как в зеркале, отразились основные черты Куналея, позволяя выделить типичное для обоих памятников. Оно отражается в использовании в качестве основной — техники получения отщепов, в ведущей роли среди орудий скребел из отщепов различных модификаций и присутствии своеобразно-показательных скребков с плечиками. В комплексе Б Каменки выделены бифасы, составляющие 25% орудий. Напомним, что в Куналее есть единственный, но выразительный экземпляр бифаса-проколки. Составление пары Куналей — Каменка (комплекс Б) позволяет выделить еще одну культуру начала позднего палеолита — куналейскую. Помимо Куналея и

Каменки в нее может быть включено Фомичево, где выявлены артефакты в трех почвенных отделах каргинского педокомплекса, дополняемые выразительным подъемным материалом, собранным по дну оврага, разрезающее поселение.

Куналейская культура по технологическим показателям выступает по отношению к толбагинской, как антиподальная.

Для выявления истоков куналейской культуры полезно обратиться к поселению Присковому на р. Чикой. Культуросодержащий слой поселения приходится на нижнюю часть каргинского педокомплекса (ранняя фаза), что определяет его большую древность в сравнении с куналейским. Присковский слой насыщен артефактами, их более тысячи, с преобладанием отщепов, но вместе с тем с небольшим включением информативных изделий — нуклеусов и орудий. Устанавливается безусловное господство ортогональной техники, основанной на снятии отщепов со специальных нуклеусов, как правило, многофронтальных и многоплощадочных. Среди орудий преобладают различные модификации скребел из отщепов, но их ассортимент значительно беднее, чем в Куналее, особенно по части специфических форм с двумя-тремя рабочими краями и усложненным характером вторичной обработки. Концевые скребки с плечиками, представленные в Куналее великолепной серией, — в Присковой неизвестны. В Куналее немного пластин, но в Присковой их меньше еще в три раза. Небольшой серией в Присковой фиксируются миниатюрные орудия в виде долот проколов и скобелей, но типологически и стилистически они повторяют куналейские. В целом, каменную индустрию Присковой следует признать более древней, чем куналейская, но генетически они взаимосвязаны. Не исключено, что Присковую надо рассматривать как представителя раннего этапа куналейской культуры, занимающего позицию в конце эпохи мустье.

Для полного доказательства этого положения необходим детальный анализ материалов поселения Прискового, который предстоит выполнить в дальнейшем.

Реализация возможностей в выявлении линии развития явится дополнительным обоснованием правомерности выделения куналейской культуры.

Каменная индустрия куналейской культуры выглядит в сравнении с толбагинской не просто иначе, но и более архаично, по крайней мере, по внешним признакам, что проявляется прежде всего в технике расщепления, основанной на получении отщепа, от чего остаются грубые формы ортогональных нуклеусов и масса отщепов — отходов производства. Вместе с тем собственно орудия из тех же отщепов выглядят не менее эффективно, чем толбагинские и, очевидно, не менее эффективны в работе. В обеих культурах употребляется пример-

но одинаковая по характеру и позиционному распределению ретушь. Она, как правило, краевая, дорсальная, регулярная, ровная (без заломов). К тому же в Куналейской культуре проявляет себя технологически более сложная бифасиальная ретушь. (По нашим наблюдениям, орудия-бифасы чаще всего находят свое место в отщеповых индустриях, что вполне объясняется тем, что правильно ограниченную пластину совсем ни к чему обрабатывать по обоим поверхностям затратной по усилиям ретушь, тогда как отщеп с менее отрегулированным рельефом поверхностей к этому иногда призывает.)

Степень представительности инструментария обеих культур, отражающихся в типах и функциях орудий, примерно, одинакова. Особо отметим, что костяные орудия (немногочисленные) есть в материалах обеих культур; равно найдутся и типы каменных орудий, которые удобнее использовать в костяных или деревянных рукоятках.

Все это позволяет считать индустрию куналейской культуры по уровню развития соответствующей начальной поре позднего палеолита.

Как нетрудно заметить, памятники куналейской культуры базируются на той же территории, что и толбагинская. Более того, культурные комплексы одного и того же памятника — Каменка — относятся к разным культурам. Существование двух культур на одной территории вплоть до поселений на одних и тех же местах — весьма примечательное явление, позволяющее предположить взаимодействие культур.

В этом плане полезно обратиться к южному региону Байкальской Азии, где в долине р. Орхон выявлена группа стратифицированных палеолитических поселений, в том числе Орхон-1, Орхон-7, Мойлтын-ам. Все поселения, по определению авторов раскопок, связаны с одной и той же II надпойменной террасой высотой 12 м, на участке протяженностью не более 1,5 км по левобережью р. Орхон, близ древней столицы монголов Кара-Корум (современный Харахорин). Судя по описаниям и геохронологическим выкладкам пойменный аллювий данной террасы имеет зырянский возраст, а перекрывающие его покровные отложения — каргинско-сартанский-голоценовый. По нашим представлениям терраса подобного генотипа и возраста в пределах селенгинского бассейна должна определяться как IV надпойменная и коррелироваться с террасами в местах расположения Куналея, Приисковой и Фомичево.

На поселении Орхон-1 выявлено два культуросодержащих слоя. Нижний слой связан с пойменной фацией. Его технокомплекс характеризуется леваллуазскими принципами расщепления камня, преобладанием орудий на пластинах, экономным краевым ретуширова-

нием пластин, значительным удельным весом выемчатых и клювовидных изделий. Возраст нижнего слоя определяется мустьерской эпохой. Верхний слой залегает в делювиальных отложениях. Он относится к началу позднего палеолита и характеризуется датами 38600 ± 800 и 34400 ± 600 . В этом слое выявлена каменная индустрия принципиально иного характера в сравнении с нижним слоем. Орудия преимущественно изготавливаются из отщепов. В орудийном наборе преобладают скребла, выразительными образцами представлены концевые скребки из отщепов, есть скребки высокой формы (Деревянко, Петрин, 1990).

На поселении Орхон-7, примерно, в той же стратиграфической ситуации выделены слои мустье и позднего палеолита (Деревянко, Николаев, Петрин, 1992), но при этом нижний слой (из пойменной фации аллювия) характеризуется не леваллуазской, как на Орхоне-1, а ортогональной техникой расщепления и орудийным набором с зубчато-выемчатыми орудиями, орудиями с анкошами, выемчатыми скреблами. Еще один слой, залегающий в основании покровных отложений, опять же в отличии от Орхона-1, представлен не ортогонально-отщеповой техникой, а леваллуазскими нуклеусами, ретушированными пластинами, резцами.

Вырисовывается оригинальная взаимопересекающаяся ситуация: леваллуа-пластинчатый культурный пласт представлен нижним слоем Орхона-1 и верхним слоем Орхона-7; ортогонально-отщеповой культурный пласт нижним слоем Орхона-7 и верхним слоем Орхона-1. Оба культурных пласта развиваются самостоятельно по направлению от мустьерской к верхнепалеолитической индустрии.

Фактически полностью, хотя и в более представительном виде, повторяется ситуация из забайкальского региона исследования, что является немалым подтверждением изложенных нами взглядов. Налицо двулинейность развития в пределах мустье и начала позднего палеолита в рамках Байкальской Азии.

Нельзя ли предположить возможность взаимодействия двух культурных направлений? В этом отношении весьма интересен уже упомянутый Мойлтын-ам, открытый А. П. Окладниковым в 1949 г. Его нижние слои (2—5) «имеют возраст 40—30 тыс. лет. Иначе говоря, эта толща совпадает с концом среднего палеолита (мустьерское время по западноевропейским классификациям) и самым началом верхнего палеолита» (Окладников, 1981, с. 115; см. также Окладников, Троицкий, 1967, Окладников, 1972, Ранов, 1974). Материалы из этих слоев принято считать в полном соответствии со взглядами А. П. Окладникова, леваллуа-пластинчатыми («Фундаментальное значение имеет тот факт, что в основе техники расщепления камня, найденного во всех слоях поселения Мойлтын-ам и среди подъемного материала, лежат те приемы обработки ору-

дий и заготовок, которые мы называем леваллуазскими»; Окладников, 1981, с. 100). Вместе с тем на тех же страницах своей монографии, посвященной Мойлтын-аму, А. П. Окладников отмечал, что «зубчато-выемчатая техника изготовления каменных орудий является столь же важной, фундаментальной чертой этого памятника, как и леваллуазские нуклеусы и пластины», а также то, что «устойчиво сохраняются во всех слоях Мойлтын-ама ведущие формы каменных изделий: массивные скребла (в том числе скребла сибирского типа), остроконечники, чопперы, чоппероидные нуклеусы. Они придают всему комплексу каменного инвентаря специфический, галечный, характер» (там же, с. 100). Отсюда совершенно очевидно, что А. П. Окладников видел в палеолитических слоях Мойлтын-ама (2—5) соединение леваллуазских и галечных начал, при этом термин галечный вполне заменим на ортогональный. Анализ многочисленных таблиц с рисунками (там же) подтверждает, что инструментарий Мойлтын-ама включает в себя типы изделий как толбагинского, так и куналейского характера; как Орхона-леваллуаплатинчатого, так и Орхона-ортогонально-отщепового. В силу сказанного, вполне допустимо предположить, что на стыке мустье-позднего палеолита на каких-то локальных участках происходит соприкосновение двух линий развития, отчего рождается гибридный Мойлтын-ам.

* * *

Средний период позднего палеолита приходится на первую половину сартанского оледенения (25—18 тыс. л. н.). Он представлен серией памятников: Читкан (2), Мельничное (1), Санного Мыса (6, 7), Куналей (2). Эти памятники по характеру каменных индустрий неоднородны, но вполне возможны внутренние группировки. К тому же в рамках указанного периода устанавливается некоторая хронологическая дифференция памятников.

Начнем с Санного Мыса. Его горизонт 7 датирован в пределах 25—20 тыс. л. н., а горизонт 6—20—18 тыс. л. н. Небольшая, но выразительная коллекция артефактов происходит, в основном, из горизонта 7, тогда как в горизонте 6 изучалось жилище с каменной обкладкой и единичными трудноопределимыми изделиями (рис. 61, 62).

В набор каменных изделий входят четыре нуклеуса, из которых два — подпризматических и по-одному леваллуазскому и ортогональному, а также крупная пластина с эпизодической ретушью по краям со спинки и с брюшка, срединный резец из фрагмента пластины, 15 пластин средних размеров, 2 фрагмента пластины, 24 отщепа. По общему характеру этот комплекс пластинчатый. Он легко сопоставим с каменной индустрией Толбаги и других памятников этой культуры. Это обстоя-

тельство отмечали все исследователи, оперировавшие материалами Санного Мыса (см. Окладников, Кириллов, 1980; Асеев, Холюшкин, 1983, 1985). Можно предположить, что толбагинская культура датированная в пределах 35—25 тыс. л. н., находит хронологическое продолжение на отрезок времени до 20 (или 18) тыс. л. н. Важно было бы установить направление развития каменной индустрии этой культуры, но, к сожалению, санномысская коллекция слишком малочисленна и однородна, чтобы дать ответ на этот вопрос.

Иной характер индустрии присущ Читкану (2) (рис. 46—48). Читканская коллекция (936 экз.) состоит из необработанных отщепов (726 экз.); неправильных пластин, нередко сохраняющих первичную корку и иногда ретушированных по краям (62 экз.); отдельных нуклеусов, напоминающих подпризматические и крупные торцовые клиновидные (5 экз.). Микротехника едва заметна по пяти микропластинкам неустойчивых очертаний и обломку, в котором угадывается микронуклеус с несколькими достаточно правильными, но короткими микроснятиями. Орудийный набор представлен преимущественно изделиями из отщепов (скребла, долотовидные орудия, отдельные виды скребков, концевых скребков, резцов), реже — пластин. Особо отметим проколки индивидуальных очертаний с жальцами-шипами и концевые скребки. На основах с тонкими сечениями ретушь мелкая, приостряющая, регулярная, на утолщенных основах — формирующая, крутая; во всех случаях и с преобладанием дорсальных вариантов.

К читканским материалам из слоя 2 близка по облику каменная индустрия со стоянки Мельничное (1), включающая в себя подпризматические и ортогональные нуклеусы, пластины с разной степенью правильности очертаний, скребла из отщепов, чопперы (всего 99 экз.) (рис. 76, 10—18).

Возраст Читкана (2) и Мельничного (1) установлен в пределах 25—20 тыс. л. н.

К ним по возрасту и характеру примыкает Куналей (2), датированный 20—18 тыс. л. н. Его коллекция состоит из 266 артефактов. Наибольший интерес представляют 2 нуклеуса со следами неуверенных микроснятий. Они приближаются по характеру к торцовым клиновидным, отличаясь от них несовершенством и неустойчивостью в оформлении всех составляющих элементов. Интересной выглядит серия из 17 проколов разнообразных форм, отмеченных жальцами-шипами. Кроме того использовались долотовидные орудия, скребла, концевые скребки (всего 7 экз.), микроскребок и пластинки неправильных очертаний (9 экз.) (рис. 42, 1—12).

Создается впечатление, что группа памятников, состоящая из Читкана (2), Мельничного (1), Куналея (2), достаточно близка к куналейской культуре. Это заметно по преобладающему использованию отщепов в процес-

се изготовления орудий, а также по аналогиям в конкретных видах скребел и особенно проколов. Читканская группа отличается от индустрии куналейской культуры более существенным употреблением пластин. В отличие от толбагинских, эти пластины не столь правильны и серийны. Судя по всему в рамках куналейской культуры традиция в получении и использовании пластин только формировалась. По-видимому, отщеп, как форма заготовки, все ощутимей сковывал операционную свободу в производстве орудий, что и заставляло вести поиск на «пластинчатом направлении»; удлиненная форма пластины удачно дополняла разнообразные, но всегда укороченные конфигурации отщепов. Зарождается техника снятия микропластин. Едва заметная в Читкане, она отчетливее в более молодом Куналее (2). Еще полнее она проявляет себя в нижних горизонтах Усть-Мензы-2 (25—27) с рассчитанными датировками в пределах 20—18 тыс. л. н. (А. Константинов, 1987, отчет). Расположенные в толще аллювия II надпойменной террасы на глубине 6,8—7,1 м, они пока вскрыты на небольшой площади (24 кв. м). В них, помимо отщепов (254 экз.) и мелких обломков костей, найдены 9 пластин средних размеров, 57 микропластинок и 2 торцовых клиновидных микронуклеуса. Микронуклеусы отличаются архаичностью; первый экземпляр выглядит излишне утолщенным (ширина ударной площадки равняется высоте нуклеуса); у второго экземпляра латерали сходятся на клин, но специальной подработки не имеют. Оба нуклеуса отличаются укороченными пропорциями, отсюда и длина микрофасеток на торце не более 2,2 см. Большинство микропластинок при таких же размерах обладают асимметрией контура и огранки.

В итоге можно сказать, что принцип снятия микропластин обнаружен в период от 25 до 20 тыс. л. н., а на отрезке времени 20—18 тыс. л. н. предпринимаются попытки найти рациональные формы для систематического серийного производства.

Читканская группа памятников имеет стандартные аналогии с ангаро-енисейскими памятниками, увязываемыми со средней порой позднего палеолита. В него включают Тарачиху, Афанасьеву Гору, Мальту, Буреть, Ачинскую, Игетейский лог I и др. с датировками от 25—27 до 17—18 тыс. л. н. (Абрамова, 1989; Медведев, 1990; Васильев, 1991). В этих памятниках уже нет существенного леваллуазского и (или) ортогонального компонентов; происходит становление призматической и микропризматической техник; обычно употребляются пластинки средних и мелких размеров, встречается большее или меньшее число микропластинок; появляются единичные образцы клиновидных микронуклеусов; среди орудий заметны скребки высоких форм, долотовидные формы, резцы, острия; преобладает

краевое ретуширование. Объединение всех памятников в одну культуру невозможно в силу значительной вариабельности технокомплексов, хотя, разумеется, возможны более частные группировки, например Мальта, Буреть (образующие всеми признанную культуру) или — Тарачиха — Афанасьева Гора.

Читканская группа сопоставила с памятниками среднего палеолита не только по возрасту (установленному на основе собственных, забайкальских, данных геолого-археологического характера), но и определенному уровню развития и конкретному облику индустрий. Это заметно прежде всего по появлению призматической и микронуклеоидной техники, тогда как архаичные виды нуклеусов встречаются значительно реже. Больше, чем прежде употребляется пластин, но пластины, пожалуй, менее правильны, чем в других однообразных памятников Сибири. Есть еще одно отличие: в читканских памятниках орудия чаще изготавливаются из отщепов, чем из пластин. Совокупные данные позволили сделать вывод о происхождении Читкана из куналейской культуры, с ортогонально-отщеповой индустрией, но это совсем не означает, что енисейско-ангарские памятники генетически связаны с такими же по характеру вариантами более древних индустрий; пожалуй, их пролог видится в пластинчатых индустриях типа Кара-Бома, Малой Сыи и Макарово-4.

В этом плане еще раз полезно вспомнить Санний Мыс (6, 7), в коллекции которого наиболее приметны пластинки; большинство из них тех самых средних размеров, которые так показательны для сибирских памятников от Игетейского Лога I до Тарачихи. Санний Мыс (6, 7) восходит к «родственникам» Кара-Бома — Малой Сыи — Макарово 4 — забайкальским Толбаге и Варвариной Горе с их пластинчатыми технокомплексами.

Итак, в среднем периоде позднего палеолита восточного региона Байкальской Азии выявлено противопоставление в характере технокомплексов, увязываемое по происхождению с предшествующими периодами. Устанавливаются две «клинии связи»:

1) Толбага, Варварина Гора и др. — Санний Мыс (6, 7);

2) Приисковое — Куналей (3) — Читкан (2), Мельничное (1), Куналей (2).

Культурная принадлежность нижних горизонтов Усть-Мензы-2 (25—27) еще подлежит выяснению.

Поздний период позднего палеолита приходится на сартанскую эпоху в пределах от 18 до 10,8 тыс. л. н. К нему отнесены Студеное-1/14—19(4), Студеное-2 (3, 4), Усть-Менза-1 (21—25), Усть-Менза-2 (4—24), Усть-Менза-3 (2—5), Усть-Менза-4 (2, 3), Санний Мыс (3—5), Алтан (16—19), Косая Шивера (14). Культурные горизонты этих памятников разграничиваются по семи геологическим фазам (табл. 17), но системных различий в материале пока

не установлено, что заставляет ориентироваться на совокупные данные. Состав предметного материала отражен в сводной таблице 18, при этом сведения по горизонтам одного памятника для большей выразительности группируются или полностью суммируются. Меньше всего изделий обнаружено в палеолитических горизонтах Алтана и Усть-Мензы-1 (соответственно, 10 и 13 экз.), больше всего — на Студеном-1 (2613 экз.). По всем анализируемым горизонтам выявлено 8326 изделий, причем только 10 — костяные, остальные — каменные. В числе костяных — основа однолезного вкладышевого ножа длиной 26,8 см (Студеное-1; 18/2), 4 шила (Студеное-1; 15, 17; Усть-Менза-2; 8, 18, 20), лопаточка (Усть-Менза-1; 25), острие (Усть-Менза-3; 3), рукоятка и молоток из рога (Студеное-1; 17), отжимник и ложило (Усть-Менза-2; 20). Небольшое число костяных изделий объяснимо тем, что кость в слабоуплотненных песчаных отложениях сохраняется плохо, что равно сказывается и на фаунистических останках.

Из числа каменных изделий 78% относится к отщепам, при этом около половины отщепов — мелкие (меньше 1 см), так называемые чешуйки, что свидетельствует о местной (во многих случаях) обработке камня. В нуклеонидной технике наблюдается преобладание торцового клиновидного микронуклеуса (106 экз.; 76,2%), отражающее систематическое и результативное снятие микропластин (569 экз.). Для всех микронуклеусов характерны следующие элементы: фронт, расположенный на торце, в плане треугольный, покрытый негативами от снятых микропластин; латерали, оформленные системой специальных снятий и сходящихся на клин в боковой или (и) концевой позициях; ударные оббитые площадки, с вариантами от прямых до сильно скошенных, периодически подновляемые сколами оживления. В качестве преформ для микронуклеусов используются небольшие (чаще всего яшмовидные) галечки. Большая серия таковых (52 экз.) найдена на Санном Мысе. Впрочем, кроме простой галечной преформы известна более сложная, выполненная в бифасиальной или унифасиальной технике, при этом исходная форма практически полностью утрачивается (Студеное-2; 4). Особенностью всех микронуклеусов являются укороченные пропорции, при этом высота равна ширине, или же ширина превосходит высоту в 2—2,5 раза. В последнем случае возможно говорить о «гобийской» вариации. Существует взаимозависимость гобийской и обычной вариации, устанавливаемая процессом срабатываемости. Отмечены случаи переоформления сильно сработанных микронуклеусов в скребки, резцы, долота.

Кроме микронуклеусов обнаруживаются ортогональные, леваллуазские и подпризматические нуклеусы. В полном наборе типы нуклеусов известны только с Санного Мыса (3—

5), не исключается, что именно здесь наблюдается наиболее «взвешенное» процентное соотношение между ними, при, примерно, равном количестве, микроторцовых (16 экз.) и подпризматических (14 экз.) форм и уступающем, но заметном присутствии ортогональных (2 экз.) и леваллуазских (6 экз.).

В орудийном наборе самыми распространенными являются скребки (73 экз.). Они изготавливались из пластин (27 экз.) и отщепов (46 экз.). Скребки имеют размеры в пределах 1—3 см. Особо выделяются концевые формы (17 экз.). Один из концевых скребков оформлен на массивной пластине с дорсальной краевой ретушью (Студеное-1; 15). Этот экземпляр смыкается по параметрам со скребками из отщепов крупных и средних размеров.

Большинство скребел (59 экз.) оформлены краевой дорсальной ретушью. Рабочие края располагаются в поперечной и продольной позиции. Отмечены одинарные и двойные варианты. Редкими, но выразительными экземплярами представлены скребла, выполненные в бифасиальной или унифасиальной технике (Студеное-1; 18/2, 19/4; Усть-Менза-2; 4).

Небольшими сериями выделяются проколки (12 экз.), долотовидные орудия (26 экз.), резцы (26 экз.). Основами для них служат, как правило, небольшие по размерам отщепы и пластинки. Некоторые резцы изготовлены из микропластин. Проколки отличаются наличием тонких ретушированных жалец на нижнем конце основы. Известна проколка с тремя жальцами (Усть-Менза-2; 5). Одна проколка относится к плечиковым (Санний Мыс; 5). Долотовидные орудия отличаются чешуйчатым оформлением одного или двух рабочих краев. Среди резцов приметны трансверсальные с поперечными сколами, образующими рабочую кромку и ретушью по боковым краям (6 экз.). Среди остальных резцов возможно выделить угловые, боковые, срединные (на разных основах).

В единичных экземплярах известны остроконечник из пластин с унифасиальной обработкой (Усть-Менза-2; 1) и нож-бифас удлиненной формы (Студеное-1; 16).

Изредка ретушируются по краям микропластинки (25 экз.). Показательно, что пластин с такой обработкой в 2,2 раза больше (56 экз.).

Среди галечных орудий ведущими являются чопперы, как правило, обычные, и только иногда двойные, с рабочими краями на противоположных концах (27 экз.). К ним дополняются редкие теслаца (3 экз.), отбойники (5 экз.), отжимники (3 экз.).

В целом наблюдается незначительное преимущество орудий из отщепов (138 экз.) над орудиями из пластин (123 экз.); значительно отстают орудия из галек (38 экз.).

В сравнении с предшествующими периодами каменная индустрия позднего периода бес-

спорно выглядит как более развитая. Это проявляется прежде всего в использовании техники торцового микронуклеуса. Появляются вкладышевые инструменты. Более разнообразными оказываются орудия из кости. Среди каменных артефактов весьма заметными становятся орудия средних, малых и микроразмеров, что, по-видимому, предполагает более широкое применение рукояток. В то же время сохраняются элементы известные в раннее время — скребла из отщепов с преобладанием краевых дорсальных вариантов; аналогии с тем временем находят проколки и долотовидные орудия; практически неизменными остаются чопперы. При оформлении орудий также, как и прежде, используется в основном краевая ретушь и только изредка — фасиальная. Палеолитические комплексы позднего периода в отличие от предшествующих не удается разграничить между собой по технологическим признакам. Создается впечатление, что два направления развития, идущие от толбагинской и куналейской культур, сходятся в единое русло, переплетаясь между собой и создавая «стремнину», выводящую к новым техническим достижениям.

Впрочем, это не означает, что с накоплением новых данных не появятся иные варианты технокомплексов и не возникнет ситуация подобная енисейской, где З. А. Абрамова выделила афонтовскую и кокоревскую культуры (Абрамова, 1979а, б) (см. также Астахов, 1966, 1979; Лисицина, 1980; Дроздов, 1981; Васильев, 1984, 1991; Акимова, 1992, 1993; Вдовин, А. Ямских, Г. Ямских, Оводов, 1992; Акимова, Чеха и др., 1992). Такая аналогия вполне уместна, поскольку стадиальный уровень развития для памятников селенгинского бассейна и енисейских культур принципиально один и тот же. К этому же стадиальному уровню относятся одновозрастные памятники с территории Восточного Забайкалья (Сохатино-4 и др.), Прибайкалья (Красный Яр, Макарово-3 и др.), Якутии (Дюктайская пещера и др.) и Монголии (Мойлтын Ам, слой 1) (Окладников, Кириллов, 1980; Мочанов, 1969, 1970, 1973, 1976, 1977; Мочанов, Федосеева, Алексеев, 1983; Окладников, 1981). Для всех названных памятников характерно сочетание позднепалеолитических и внешне более архаичных «мустьерских» изделий. В их индустриях можно обнаружить проявления леваллуазоких и «галечных» черт, призматической техники и микротехники. Комбинация перечисленных элементов, а также конкретные типы изделий самые различные. Заметным отличительным индикатором являются бифасы. Они широко употреблялись в дюктайских памятниках Якутии и восточнозабайкальском Сохатино-4, тогда как на других — экзотичны или вообще отсутствуют. Орудия из крупных пластин характерны для кокоревской культуры; орудия из отщепов — для афонтовской

(см. Абрамова, 1989); для памятников селенгинского бассейна — определенное сочетание (без принципиального преобладания) отщепы и пластинки.

Все вышесказанное достаточно убедительно доказывает, что сибирский палеолит, в период от 18 до 10,8 тыс. л. н. не является однокультурным; в нем правомерно выделять ряд культур, среди которых займет свое место культура восточного региона Байкальской Азии. Для нее возможно предложить название «Студеновская (по поселениям Студеное-1 и 2 с большой серией палеолитических горизонтов).

Помимо локальных культур исследователи сибирского палеолита считают возможным выделять культурные ареалы и общности. А. П. Окладников разграничивал «мальтино-буретскую» и «афонтовско-ошурковскую» культуры, считая их разновозрастными и разнотипными (Окладников, 1968, с. 68, см. также Окладников, 1981). Ю. А. Мочанов выделял «дюктайскую» и «мальтино-афонтовскую» общности (традиции) (Мочанов, 1977, с. 223—227). З. А. Абрамова обосновывала существование «южносибирской культурной области», включая в нее енисейские, алтайские и забайкальские памятники (Абрамова, 1975, с. 24).

Существует и несколько иная концепция, сформулированная С. А. Васильевым. По его разъяснению «стоит взглянуть на перечисленные памятники, имея перед глазами карту Сибири, чтобы понять, что памятники различных общностей располагаются чересполосно, не образуя скоплений индустрий только определенного типа в очерченном регионе» (Васильев, 1988, с. 77). Сибирский палеолит воспринимается им не как сумма «некоего числа локальных культур», а как сложная панорама, в которой «замкнутые локальные культуры могли существовать наряду с общностями иного порядка» (там же, с. 78).

Авторский взгляд ближе всего к концепции С. А. Васильева (см. Базаров, Константинов и др., 1982, с. 116—117). При этом следует особо подчеркнуть, что правильное разграничение памятников во времени позволяет воссоздать культурную картину каждого «хронологического среза» (периода) в более точном и чистом виде.

Полное понимание сибирского палеолита невозможно без правильной оценки соотношения хронологического (возрастного), культурного и стадиального элементов анализа. Для одного хронологического периода вполне возможно выделение разных культур даже в рамках локальной территории (например, толбагинская и куналейская культуры каргинского времени в Забайкалье, или кокоревская и афонтовская культуры средне-, позднесартанского времени на Енисее). Столь же правомерно в рамках отдельно взятой культуры попытаться выделить этапы ее существования и раз-

вития. Ко всему прочему необходимо учитывать стадийный (общий, базовый) уровень развития культуры, как в целом, так и на ее отдельных этапах. Одинаковый стадийный уровень разных культур не обязательно проецируется на один и тот же хронологический период. Вполне возможно смещение, вызываемое опережением или замедлением в развитии (например, Куртак-4 на Енисее с его чисто отщеповой индустрией при возрасте 25—23 тыс.

л. н. выглядит на фоне микропризматических комплексов средней поры позднего палеолита как «реплика» от более раннего периода; см. Лисицин, 1980, 1990, Васильев, 1992).

Дополним к этому взаимовлияние культур и взаимопересечений линий развития,— и мы получим ту сверхсложную культурно-хронологическую картину, которую в сочетании с палеогеографическими условиями называют сибирским поздним палеолитом.

Таблица 18

Поздний период позднего палеолита. Предметный материал

Памятники, горизонты	Студеное-1 14—19/4	Усть-Менза-1 (21—25)	Алтан 16—19	Косая Шивера-14	Студеное-2		Усть-Менза-4		Усть-Менза-3 2х-5	Санный Мыс 3—5	Усть-Менза-2				Итого
					3	4	2	3			4	5—16	17—21	22—24	
Изделия	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Нуклеусы:															
1. Леваллуазские										6					6
2. Ортогональные	3			1			4			2					10
3. Подпризматические				1						14	1	1			17
4. Микрогортцовые клиновидные	6	1		2	15		1	11	5	16	17	25	8	2	109
5. Микропластины	380			7	20	67	6	77	55	11		128	228		979
6. Микропластины с ретушью					1	1			3		6	10	4		25
7. Пластины	9	1		1	7	3		2	48	34	2	29		3	139
8. Пластины с ретушью	4				1		5	16	3	6		15	6		56
9. Пластинчатые сколы						5	1	4				9	1		20
10. Скребки из отщепов	23			1					3	6		8			41
11. Скребки из пластин								1		9	1	5	1		16
12. Концевые скребки из отщепов										2		1			4
13. Концевые скребки из пластин	2					1				7			1		11
14. Скребла из отщепов	21			1	2				6	21	6	2			59
15. Проколки из отщепов								1		2	2				5
16. Проколки из пластин	1				1	1			1	1	1		2	1	8
17. Остроконечники из пластин											1				1
18. Долотовидные орудия из отщепов	5			1	3		1		2		3	6	2		23
19. Долотовидные орудия из пластин		1									1	1			3
20. Трансверсальный резец	4												2		6
21. Резцы из микропластин	4						1				1		1		7
22. Резцы из пластин										8	2				10
23. Резцы из отщепов				1					1	1					3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
24. Бифас (нож)	1														1
25. Скобель из отщепы	1			1								1			3
26. Тесло				1								1			2
27. Чоперы	8	1	1						5	2		9	1		27
28. Отбойники	1		1	1								2			5
29. Отжимники, ретушеры	1												1	1	3
30. Оббитые гальки	1	7	8		1	1	6	1	1	52	6	8	2		94
31. Отщепы	2126	1		746	78	240	96	293	512	711	131	884	676	67	6561
32. Отщепы ретушью	10			1	1	4		1	1	21	4	20	1	1	65
33. Костяные орудия	4+1	1								1		1	3		11
Итого	2616	13	10	766	115	338	121	407	645	933	185	1166	940	75	8330

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ

Несмотря на то, что выделение периодов в позднем палеолите основано прежде всего на анализе каменной индустрии, появилась необходимость специального раздела, посвященного региональным палеолитическим технокомплексам, их характеру и логике развития.

В генетической основе толбагинского технокомплекса бесспорно лежит леваллуазский принцип расщепления камня. В Толбаге и Варваринной Горе леваллуазские нуклеусы составляют 10—11% от общего числа нуклеусов. Отдельные леваллуазские экземпляры присутствуют в небольшой коллекции Мастеровой Горы и подъемных материалах Сапуна. На многих нуклеусах видны следы предварительного оформления и периодического переоформления поверхности, производимого в радиальной технике, в результате чего образовывалась черепаховидная поверхность, в процессе снятия сохранились следы боковых и концевых подправок; снятие заготовки производилось вдоль длинной оси нуклеуса, более того, снималась единственная заготовка, что является одним из признаков леваллуа; оббитые, слегка наклоненные площадки соответствуют характеру этой техники. Формально эти нуклеусы можно отнести к одно- и двухфронтальным; дву- и четырехплощадочным.

Единичные (реликтовые) экземпляры леваллуазских нуклеусов известны вне рамок собственно толбагинской культуры — в ранне- и среднесартанских комплексах (Санний Мыс; 5, 7), что свидетельствует о медленном угасании этой техники. Леваллуазская техника являлась достаточно трудоемкой. Для того, чтобы получить первую пластину с нуклеуса,

мастеру требовалось нанести десятки и даже сотни ударов по преформе по строго определенной системе, отбивая технические сколы (отщепы) и формируя рабочую и вспомогательные поверхности, включая ударную и опорную площадки, уделяя особое внимание боковым краям, с тем чтобы четко ограничить фронт для основных снятий. Еще более сложной организацией отличаются леваллуазские нуклеусы с двумя и более фронтальными поверхностями и ударными площадками. Снятие одной, в лучшем случае двух-трех пластин, приводило к искажению фронта, что заставляло затрачивать усилия на его переформление. Столь серьезные усилия оправдывались результатом — систематическими удачными пластинчатыми снятиями. Длительная подготовка и эффектное скорое результативное завершение, — вот отличительные черты леваллуазской техники расщепления.

Толбагинским мастерам обработки камня эта техника была известна во всех нюансах, но, судя по всему, они ей уже тяготились. Об этом свидетельствует небольшое число нуклеусов леваллуа в общей массе нуклеусов. В основном, употреблялась иная техника — подпризматическая. Она выросла из леваллуазской, явилась ее развитием и одновременно преодолением. Подпризматическая техника позволила получать пластины практически неотличимые от леваллуазских пластин, особенно по крупным и средним экземплярам. Ее существенное отличие от леваллуазской заключалось в упрощенном оформлении фронта и сопряженных поверхностей. Пожалуй, только ударная площадка точно и выверенно обозна

чалась на преформе; она оформлялась одним или несколькими ударами. Еще уделялось некоторое внимание концевым подтекам. Пластинчатые снятия с фронта производились без особой подготовки фронта, как бы с ходу, и потому сохраняли первичную корку. Второй и третий «заход» позволял получить пластины с огранкой. Эффект подпризматической техники основан на умелом подборе преформы. Предпочтение отдавалось удлиненным пропорциям, естественно-призматическим или близким к этому, что позволяло выбрать под фронт соседние поверхности, сходящиеся под определенным углом. С этого угла (естественного ребра) нередко и начиналось производство пластинчатых снятий. Фронт постепенно расширялся и приобретал дугу в пределах 70—180°. Контакт фронта и латеральных сторон, а при отсутствии последних — непосредственно с контрфронтом был резким, контрастным, отмеченным гранью. В некоторых случаях продольная боковая грань-ребро оформлялись намеренно несколькими поперечными ударами. Удаление с нуклеуса таких ребер приводило к появлению реберчатых пластин. Как известно, изучению реберчатых пластин и их значению в понимании характера древних индустрий, уделяется немалое внимание в специальных технологических исследованиях. В толбагинской коллекции серия реберчатых пластин вполне очевидна, хотя и немногочисленна.

Подпризматическая техника впитала в себя опыт и достижения техники леваллуа, отказываясь от ее чрезмерных сложностей, за счет лучшего понимания и использования преформы, в которой особое значение придавалось выпукло-угловатой фронтальной поверхности и оформлению продольных ребер. Эта техника позволяла получать большое число пластин при меньшей затрате времени и усилий.

Подпризматическая техника существовала с начала позднего палеолита и является преобладающей в толбагинской культуре. Она известна также в рамках сартанских периодов палеолита, но там соседствовала с техникой микронуклеуса, постепенно уступая ей позиции. Но к этому вопросу возвратимся в дальнейшем.

Пока же следует обратиться к анализу ортогональной техники расщепления камня. Понятие «ортогональности» сравнительно новое в палеолитической технологии. Его ввел в употребление Р. Х. Сулейменов в процессе изучения материалов среднеазиатского грота Оби-Рахмат (Сулейманов, 1968, 1972). Для сибирского палеолита впервые использовано автором на примере куналейской коллекции (Константинов, 1979). В Куналее (3) представлена серия ортогональных нуклеусов, типичной чертой которых являлось отсутствие специально подправленных ударных площадок, боковых и концевых подправок, предва-

рительного оформления поверхностей скальвания. Это всего-навсего куски породы с частично сохранившейся галечной коркой. С их плоскостей в различном направлении, без преимущественной ориентации в пространстве, сбивались отщепы разной величины, но нередко, судя по фасеткам, сравнительно тонкого сечения и довольно правильной формы. Ударными площадками у этих нуклеусов служили естественные поверхности или поверхности скальвания. Площадки располагались под небольшим углом к фронту. По форме некоторые нуклеусы напоминали кубовидные, грубопризматические или дисковидные. Внешний вид нуклеусов в начальной стадии обработки определялся формой гальки, а затем, по мере срабатываемости, существенно видоизменялся.

Ортогональная техника может представляться крайне архаичной, в ней меньше упорядоченности, чем даже в технике дисковидного нуклеуса с ее принципом радиального расщепления, уходящей по возрасту в глубины ашелья. Вместе с тем в конкретном исполнении она выглядит достаточно практичной. В качестве нуклеусов использовались специально отобранные крупные речные гальки, но не округлые, у которых только одна сферическая поверхность, а слабоокатанные с самостоятельными поверхностями, расположенными под углом друг к другу, что облегчало начальную стадию расщепления. В процессе расщепления галька-нуклеус вращалась так, чтобы найти удачный ракурс для удара, не затрагивая дополнительных усилий на оформление или подправку поверхностей. Удары наносились расчетливо, при этом расщепление происходило по слабоизогнутой линии, не оставляя глубоких вмятин на негативах и больших ударных бугорков на отщепах. Все это позволяет сказать, что техническое мастерство человека, держащего в руках ортоформу, в сравнении с леваллуа-расщеплением было не меньшим.

Полезно более конкретно сравнивать между собой этих «антогонистов» — леваллуазскую и ортогональную техники. В леваллуазской технике иной в сравнении с ортогональной центр приложения усилий. В первом случае он приходился на подготовку нуклеуса и в меньшей степени на снятие заготовки. Во втором случае — в основном на отщепление заготовок. Леваллуазская техника позволила использовать почти каждую полученную заготовку, при ортогональной — предстояло выбрать одну наиболее удачную из многих второсортных; но общий объем физических усилий на получение подходящей заготовки в том и другом случае был, пожалуй, одинаковым; при этом отщеп строгих очертаний с достаточно тонким сечением вряд ли существенно уступал по потенциальным достоинствам пластине. Не являются ли эти соображения достаточными для оправдания существования орто-

гональной техники в качестве основной для одной из культур начала позднего палеолита? или ее надо в любом случае за внешний архаизм определить как «ашело-мустьерскую»? В конечном счете, на наш взгляд, ответ определяется тем, насколько удачно первичное расщепление обеспечивается заготовками вторичный процесс, связанный с изготовлением орудий.

Ко всему прочему ортогональная техника Куналея не так уж слепа в своей бессистемности. Как уже отмечалось, некоторые ортогональные нуклеусы вполне напоминают грубо-призматические, а на их плоскостях видны пластинчатые фасетки. Пластины, как таковые, в определенном количестве состоят в куналейской коллекции, что опять же указывает на их возможное отщепление в подходящих случаях с ортоформ.

Ортогональная техника является преобладающей в рамках куналейской культуры начального периода позднего палеолита. Во втором периоде в памятниках читканской группы ортогональная техника отходит на второй план, уступая место подпризматической, вырастающей в данном случае на ее базе, как следствие систематизации в расщеплении камня. Как нами уже отмечалось, такой переход вызван тем, что отщеп, как преобладающая форма заготовки, сковывала свободу технических операций при отборе форм и изготовлении орудий труда; теперь отщеп в большей степени, чем прежде, дополняется пластиной.

Отсюда возможен вывод: подпризматическая техника возникает не только на базе леваллуазской, как ее упрощение и результирование главной цели, но и на основе ортогональной техники с помощью введения ее «бессистемности» в более строгое русло направленности снятий и удлиненности их формы.

Ортогональная техника напоминает о себе во втором и третьем периодах позднего палеолита немногочисленными экземплярами, демонстрируя свою «живучесть» и необходимость.

Существенное значение в рамках позднего палеолита имеет техника микронуклеуса. Впервые микронуклеусы, как таковые, фиксируются во втором периоде позднего палеолита (Читкан, 2; Куналей, 2; Усть-Менза (25—27)), но предтеча этой техники обнаруживается на порядок раньше — в толбагинской культуре. Постараемся выявить генезис техники микронуклеуса, опираясь на региональные памятники и собственный исследовательский опыт, а также привлекая материалы и наблюдения других археологов.

Изучая коллекции Мойлтын-ама и Херуула, А. П. Окладников изложил идею о происхождении техники микронуклеуса из техники леваллуа. Сначала это объяснялось только их хронологической последовательностью в культурных горизонтах, но затем были за-

мечены некоторые технологические связи, как-то «снятие пластин с одной лишь стороны», «скошенные, а не перпендикулярные по отношению к длинной оси изделия отбивные площадки», «подготовка рабочей поверхности нуклеусов ретушированием их краев» (Окладников, 1974, с. 337; см. также Окладников, 1981).

Нам кажется, что современные материалы позволяют пойти дальше в этом вопросе.

В толбагинской культуре (Толбага, Варварина Гора, Мастерова Гора) замечены нуклеусы крупных размеров с фронтом, смещенным с широкой поверхности на сравнительно узкую боковую, при этом позицию контрфронта заняла двусторонняя подтепка, создающая клин. Традиционная подправка нуклеусов леваллуа приобрела новое содержание и назначение — клин мог использоваться для зажима нуклеуса. Но подправка сохранила и свое первоначальное назначение — получение правильных пластин. Техника оформления и использования торцового клиновидного нуклеуса выступала по отношению к технике леваллуа как производная. В Толбаге найден также торцовый клиновидный нуклеус небольших размеров, причем это не сработанный крупный нуклеус. Он изготовлен из небольшой галечки, имеет четкую затеску клина с одной поверхности, тогда как другая поверхность, создающая клин, вогнутая, первичная. За счет этого сечение нуклеуса несколько асимметричное. Фронт занимал торцовую сторону. На нем видна только одна фасетка, подтреугольная по форме, размером 5,1×1,4 см. (Базаров, Константинов, 1982).

В последующий период, в Читкане (2), в серии из пяти нуклеусов — два экземпляра относятся к отчетливым крупным торцовым клиновидным.

Нетрудно предположить, что постепенное уменьшение в размерах таких нуклеусов приведет к появлению на них микропластинчатых снятий, что позволит определять их как торцовые клиновидные микронуклеусы.

Но это только один из возможных путей развития техники микронуклеуса.

В Толбаге выделена группа из 7 изделий средних и малых размеров со снятиями, близкими по характеру к микропластинчатым. Но интерпретировать их как нуклеусы все же затруднительно в связи с общей невыразительностью формы. В общем контексте толбагинской коллекции они фактически являлись или античными фрагментами пластин с обуховыми снятиями или обломками со случайным сочетанием фасеток. Впрочем, эти моменты небезынтересны, в них отражено то, из чего начинал черпать свои наблюдения о микроснятиях палеолитический мастер (рис. 39, 2, 4, 6).

Продолжим вслед за ним сбор информации о возникновении одиночных или системных, случайных или преднамеренных, но всегда

технических (оформительских) микроснятий. Материалы для размышлений представляют на этот счет ансамбли каменных изделий начальной и средней поры позднего палеолита различных регионов Сибири. Нам удалось заметить, что микроснятия фиксируются в виде негативов на артефактах в результате следующих технических действий:

1) оформления рабочей кромки резцов различного типа (см. Петрин, Чевалков, 1992);

2) оформления или использования долото-видных орудий (фасетки микроснятий возникали на широких поверхностях в результате давления на твердую поверхность);

3) оформления рабочей части скребков высокой формы; при этом в некоторых случаях возникают затруднения в том, как определить характер артефакта — скребок высокой формы или оригинальный микронуклеус? Такие скребки известны по Мальте и Бурети (Медведев, 1983, Абрамова, 1989). Они похоже являются замечательным хронологическим индикатором, указывающим на период от 25 до 20 тыс. л. н.;

4) оформления обушков у пластин за счет продольного снятия боковой кромки, что отчетливо проявляется в толбагинской коллекции (188 экз).

Еще раз подчеркнем: во всех изложенных случаях микроснятия не являлись самоцелью; негативы микроснятий оставались на используемых орудиях в виде «технологического декора» и вполне могли разбудить воображение мастера и сформулировать для него задачу: найти применение случайным микроснятиям, но еще важнее — перейти к преднамеренному получению микроснятий как основ для изготовления орудий. Первые результаты на этот счет достигнуты в среднюю пору позднего палеолита. Для ряда сибирских памятников характерно появление микропризматической техники и первых торцовых клиновидных микронуклеусов. В памятниках селенгинского бассейна наблюдается появление торцовых клиновидных микронуклеусов неустойчивых очертаний.

После 18 тыс. л. н. практически повсеместно в Сибири появляется развитая, высокоэффективная техника торцового клиновидного микронуклеуса, позволяющая получать серии микропластинок.

Для полноты восприятия каменной индустрии позднего палеолита необходимо рассмотреть некоторые специальные приемы обработки и использования вторичных заготовок. Прежде всего это относится к технике фрагментации, впервые для Северной и Центральной Азии, выделенной по материалам Толбаги (Константинов, 1978, 1979; Базаров, Константинов и др., 1982). О существовании такого приема свидетельствует прежде всего серийность фрагментов пластин (их в три раза

больше, чем полных пластин), оригинальная строгость их форм.

Последнее во многом определялось наличием устойчивых поперечных сечений. У большинства фрагментов сечение располагалось перпендикулярно к длинной оси пластины или с небольшим ($5-10^\circ$) отклонением. Профиль поперечного сечения — прямая, вертикальная или слегка наклонная линия, редко — дугообразная. На кромках сечений отдельных фрагментов четко выделялись ударные точки и отходящие от них волнистые фаски, свидетельствующие о том, что рассекающие удары наносились не с края, а со спинки или с брюшка, т. е. удар направлялся перпендикулярно плоскости пластины. Эта форма рассечения была основной. Кроме того, по данным М. Н. Мещерина (1988), специально изучавшим толбагинскую фрагментацию, применялись варианты продольного и комбинированного рассечения основы.

Существенным уточнением к сказанному будет то, что чаще всего фрагментации подвергались не сами пластины, а орудия, изготовленные из пластин. На это указывает взаимоотношение ретуши и сечения пластин: краевые фасетки нередко разрывались сечением, ретушь в этом случае не закругляла углы. Предваряющие ретуширование краев делало их более устойчивыми и позволяло избежать нежелательного слома или искажения при рассечении основы. При этом возникает ситуация, когда некоторые фрагменты, несущие ретушь, являются отходами производства, а не орудиями. К таковым, наверное, относятся самые верхние части пластин, обычно излишне утолщенные или искривленные. Во всех, однако, случаях отделить визуально такие «ложные» орудия от настоящих затруднительно. Разумеется, фрагменты появлялись не только в результате намеренного рассечения, часть пластин и пластинчатых орудий просто ломались в процессе работы.

В целом фрагментация являлась приемом, позволяющим получить более стандартизированное по форме орудие (или основу для орудия), более правильное, менее массивное, с необходимой формой лезвия. Фрагментация давала возможность найти применение неудачной пластине или получить несколько орудий из одной основы. Индекс утилизации пластин и фрагментов получается весьма высоким — 85%. Фрагментация позволяла разнообразить типы орудий. Так, судя по отдельным изделиям (особенно проколкам), сечение создавало благоприятную конфигурацию основы для образования рабочего края. Плоскость сечения при этом покрывалась ретушью.

Появление фрагментации связано с потребностью более совершенных орудий труда, основами для которых служат пластинчатые заготовки. В данном случае это привело к тому, что крупная пластина леваллуазского облика, всегда индивидуальная по форме, уже

не удовлетворяла человека, и он стремился заменить ее более стандартизированной заготовкой. В качестве такой заготовки выступал фрагмент. Техника фрагментации не являлась побочной и второстепенной. Она заложена в основу техники снятия заготовок. Уже с того момента, когда мастер брал в руки речную гальку, чтобы подготовить ее к снятию пластин, он знал, что у него есть возможность расщепить полученную пластину на части и выбрать наиболее удачный фрагмент. Использование фрагментации позволило мастеру внести коррективы в процесс оформления нуклеуса. Если не выявлять фрагментацию как технический прием, то фрагменты возможно признать отщепами. В этом случае придется считать, что по крайней мере две трети орудий в Толбаге (и других памятниках толбагинской культуры) изготовлены из отщепов.

Пока невозможно сказать, являлась ли фрагментация временным показателем, поскольку ее изучение в палеолите Северной и Центральной Азии только начинается. Однако следует отметить, что на Кавказе фрагментация известна в мустье (Ерицян, 1970; Любин, 1977). Очевидно, фрагментация была и в мустье Азии. Так, просматривая коллекцию Усть-Канской пещеры (Эрмитаж, коллекция № 2229), нами выделены обломки пластин с достаточно четко выраженными признаками расщепления (Константинов, 1979; Базаров, Константинов, 1982). Эту же коллекцию детально анализировал М. В. Шуньков, при этом он определил 8 орудий, как «намеренно расщепленные», в том числе «7 медиальных сегментов леваллуазских пластин без вторичной обработки и леваллуазская пластина с обломленным дистальным окончанием, оформленная затем в угловой резец». По его мнению, «устранение базальных и дистальных частей у этих предметов скорее всего вызвано потребностью в заготовках с тонким сечением и прямым профилем» (Шуньков, 1990, с. 48—52). Им же установлена фрагментация для другого мустьерского памятника Центрального Алтая — Тюмечина 1, где «фрагментация как специальный прием подготовки орудий явно прослеживается на 7 экз.» (там же с. 67). Упоминание о широком применении искусственного фрагментирования появилось в публикации, посвященной монгольскому памятнику Орхон-1 и его нижнему леваллуа-мустьерскому слою (Деревянко, Николаев, Петрин, 1992).

Надо полагать, фрагментация начала позднего палеолита, известная по толбагинской культуре, опиралась на мустьерскую традицию и служила ее дальнейшим развитием.

В фрагментации пластинчатая техника как бы самоотрицала себя, направляясь навстречу технике отщепа. В этом технологическом действии проявилась бьющаяся, ищущая мысль палеолитического мастера, пытающе-

гося создать более совершенные орудия труда. Однако отказ от пластин не был полным. Они употреблялись наряду с фрагментами в толбагинской культуре. Пластина сохранилась в последующие периоды, хотя постепенно на место крупной форме приходила средняя и малая. Маленькие пластины приобретали все более строгие очертания, получая право называться микропластинками. Они набрали множество в завершающий период позднего палеолита. Серийный стандарт микропластинки — $2,5 \times 0,3 \times 0,1$ см. Микропластинка меньше по объему среднестатистической толбагинской пластины ($6,5 \times 2,6 \times 0,3$ см) в 20 раз. Микропластинки иногда (после специальной обработки ретушью) употреблялись как резцы и проколки, но чаще всего они играли роль лезвий для вкладышевых орудий. Поскольку подбор лезвий для пазов требовал строгой прямоосности, то чуть изогнутые микропластины могли фрагментироваться. Фрагментация исторически повторялась, но на новой ступени: если для фрагментации толбагинского типа было необходимо немалое искусство, то микропластинка фрагментировалась проще — легким нажимом и изломом основы. Эффект вкладышевой техники нашел наиболее полное воплощение во вкладышевом ноже со Студеного (18/2). От него сохранилась костяная основа длиной 26,8 см с пазом для лезвий. Она превосходила по длине самые крупные толбагинские пластины на 3—5 см, а обычные пластины из той же коллекции — в 4 раза. Сложные и многоплановые усилия по подготовке микронуклеусов и отжиму микропластин оправдывали себя в таком осязательном результате — получении вкладышевых ножей с длинным и тонким лезвием.

Для полноты картины еще раз вспомним об отщепках и целых основах как формах заготовок орудий. И те и другие использовались на протяжении всего позднего палеолита. В начальный период, в куналейской культуре отщепы были ведущей формой заготовки, а в толбагинской культуре — вспомогательной (но при этом отметим, что фрагментация приводила к появлению большого числа орудий с пропорциями отщепов). В средний период, в читканской группе памятников, принадлежавших куналейской традиции, отщеп немного потеснился, но сохранил свое преобладание над пластиной. В позднем периоде отщепу также нашлось место, при этом наряду с крупными формами использовались средние и малые. Отщепы, как и пластины, служили основой орудий с тонким сечением — скребел, скребков, проколки, резцов, долотовидных форм и др. Целые основы использовались для изготовления объемных массивных орудий — рубящих, отбивающих, дробящих, выглаживающих. Их внешняя примитивность объяснима тем, что искусственная обработка играла дополнительную роль по отношению к природной форме. Но сама природная форма, по-

просту говоря речная галька, выбранная человеком из того неисчислимого множества, что представляет береговой пляж,— такая форма отличалась высоким совершенством, ее обработанные водой поверхности были лучше любых шлифованных. Галечный инструмент удобно лежал в руке, не подвергая ее опасности повреждения при значительном физиче-

ском усилии. В этой ситуации человек максимально эффективно использовал возможности, предоставленные природой. Галечные инструменты оставались одинаковыми на протяжении всего позднего палеолита, что свидетельствует не столько об их архаичности, сколько об удачно найденной и закрепленной форме.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД И ЖИЛИЩА

Образ жизни палеолитического населения в значительной степени определялся охотой. Она велась в сложных климатических условиях, характеризующихся прежде всего низкими температурами, удерживающимися большую часть года. На этот счет весьма показательны данные по современному климату. Средние температуры января держатся в пределах— 22—27°. Лето в долинах и небольших понижениях длится 3 месяца, зима 6,5 месяцев. В узких долинах безморозный период очень краток— 2 месяца, а в малых котловинах он продолжается несколько более двух месяцев. В течение года выпадает от 300 до 450 мм осадков; основная масса их приходится на теплое время года (280—420 мм). Мощность снежного покрова в котловинах меньше 20 см. В долинах встречается вечная мерзлота (Предбайкалье и Забайкалье, 1965, с. 370). В каргинском межледниковье, по крайней мере в его оптимальную фазу, климат был весьма сходен с современным. Примерно, таким же было соотношение сосново-березовых лесов (с примесью ели и сибирского кедра) и степных пространств. В эпоху сартанского оледенения леса деградируют, уступив место «открытым пространствам холодных степей, среди которых встречались сосновые и березовые редколесья, а также заболоченные пространства с кустарниковой березкой. В основном же в ландшафтах господствовали разнотравно-полюнно-злаковые ассоциации с большим участком ксерофитов— полыней и лебедовых» (Равский, 1972, с. 271).

В зимнее время в перегляциальных полупустынях Забайкалья было на 10—12° холоднее, чем ныне, при этом климат был еще более сухим, а количество осадков, особенно зимних— меньшим. Депрессия летних температур по отношению к современным предполагается того же порядка. В периоды кратковременных позднесартанских интерстадиалов температуры повышались, но значений межледниковий не достигали (там же).

По данным геолога Д. Б. Базарова, принимавшего участие в исследовании археологических памятников, плейстоценовому климату Западного Забайкалья присущи «все параметры аридности и сверхконтинентальности:

низкие среднегодовые температуры воздуха до минус 8—12°, дефицит влаги (приблизительно 100—150 мм в год), малоснежье в холодный период, низкие среднеянварские (30—40°) и среднеиюльские (10—15°) температуры, большие амплитуды суточных и годовых колебаний температур» (Базаров, 1986, с. 121). Вместе с тем природа Забайкалья имела весьма привлекательную особенность— богатую и разнообразную фауну, включающую как сибирские, так и центральноазиатские виды (Константинов, Оводов, Карасев, 1982, 1985).

Все это обусловило существование такой формы охоты, которая предполагает организацию долговременных общинных поселений. Располагались такие поселения, надо полагать, как бы в центре промысловых угодий с радиусом действий охотников предположительно в несколько дней пути, но не более. В охотничьих маршрутах, начинавшихся и в итоге заканчивавшихся на поселениях, необходимы были и кратковременные остановки.

Выбирая место для базового поселения люди учитывали не только наличие промысловой фауны в окрестностях, но и его комфортабельность. Это четко прослеживается на примере поселения Толбата, датированного начальным периодом позднего палеолита. Обитатели Толбаги посчитали за лучшее поселиться не на краю террасы, непосредственно у реки, а уйти на относительно крутой (10—12°) склон сопки, что поначалу оказалось полной неожиданностью для проводивших поиск археологов. Тем не менее, избранный древними толбагинцами участок, обладавший рядом незаменимых достоинств. Он располагался в глубине амфитеатра, созданного сопками, закрывающими поселение от ветров с севера, востока и запада. Находясь на высоте 30—60 м над уровнем реки зона поселения несомненно, быстрее освобождалась от холодных утренних туманов, скорее обогревалась и обсыхала, чем какой-либо более низкой «долинный» уровень. Устойчивая инверсия температуры в зимнее время, возникающая при стекании холодного воздуха в котловины (Соловьев, Карпов, 1983), приводила к тому, что на месте толбагинского поселения было на 5—7° теплее, чем на берегу реки. (Основанием для

этих данных служат специальные измерения и наблюдения в окрестностях Толбаги). С поселения открывался вид на значительный участок реки Хилок и ее двух притоков. Поселению находились отвесные скалы, глухие боковые распадки и другие элементы сильно пересеченного рельефа, несомненно способствовавшие организации загонной охоты.

Раскопки Толбаги проведены на обширной площади. Это позволило выявить серию жилищ, образующих охотничий поселок. Жилища были наземными с естественными суглинистыми полами, но разными по формам и размерам — округлые и овальные, длиной от 6 до 12 метров. Установлено, что два жилища имели вход в виде тамбура, обращенного на юг. Такая планировка позволяла сберечь тепло внутри помещения. Обогревались жилища простыми кострищами, разжигаемыми прямо на полу, или же с помощью очагов, сооруженных в небольших прямоугольных ямах, ограниченных по краям плитами. Наряду с древесиной в качестве топлива употреблялись, очевидно, кости.

Внутри жилищ происходила основная производственная и бытовая деятельность. Именно здесь сосредоточено большинство находок: орудия труда, отходы производства и кости животных. На наш взгляд, этот факт свидетельствует об обитании людей на поселении преимущественно в холодное время года, что заставило их укрываться в жилищах, тогда как в теплый сезон они могли покидать поселение, перемещаясь на низкие террасовые уровни в долину реки. Возвращаясь на поселение к холодам они поправляли и перестраивали жилища, перемещая на соседний более чистый участок. Культурный слой Толбагинского поселения запечатлел соответствующую ситуацию: 3 очага, хозяйственная яма, масса рассеянных артефактов и костей оказались не в жилище, а на пространстве между соседними жилищами, составив нечто вроде замусоренного участка, но не исключено, что на каком-то этапе здесь и стояло жилище. С «зимним» характером поселения связана и его топография, описанная выше. Кстати, люди, поселившиеся на высоком склоне, вдали от реки в зимнее время могли обеспечить себя водой, она была рядом — в виде снежных сугробов. О возможности же существования летнего, берегового поселения толбагинцев может говорить и то, что они широко использовали для изготовления орудий речную гальку, производя первичную обработку за пределами основного поселения.

Итак, мы предполагаем, что, во-первых, основное поселение в Толбаге служило людям длительное время, но вместе с тем использовалось сезонно. Во-вторых, наряду с «зимним» было и «летнее», береговое поселение.

Очень близок по характеру к Толбаге одно-возрастной ему памятник Варварина Гора в

долине р. Брянь. Общность проявлялась в облике жилищ, наборе каменных изделий, составе фауны. Оба поселения несомненно относятся к одной культуре, начальной поры позднего палеолита (35—25 тыс. л. н.). Возможно предположить, что она создана родственными общинами, но не исключено и то (позволим себе фантазии!), что Толбага и Варварина Гора — поселения одной и той же общины, изменившей свое основное место обитания. В последнем нет ничего нереального, поскольку оба памятника разделяет по прямой через хребет не более 80 км, а по удобному переходу по межгорным впадинам он не удлинится и вдвое. Даже для разновозрастного состава поднимающейся с места общины это всего лишь несколько дневных переходов — вариант миграции местного значения.

В Толбаге и Варваринной Горе широко представлены фаунистические останки. Судя по ним главное место в охотничьей добыче занимали носорог и лошадь, далее следуют архар, дзерен, винторогоая антилопа, байкальский як, северный олень, кулан, серый волк. Кроме того на Варваринной Горе найдены заяц-беляк, заяц-толай, сурок, лисица, корсак, бурый медведь и сибирский горный козел; в Толбаге — благородный олень и бизон (Оводов, 1987, см. также 1975). Скорее всего фауна двух памятников не отражала полный состав териофауны участков поселений, но в то же время как бы дополняла друг друга, раскрывая экосистему горностепных ландшафтов плейстоценовой эпохи. Ясно, что охота производилась на достаточно широкий круг животных, водившихся в дальних и близких окрестностях. Особый вопрос — о присутствии мамонта... На Варваринной Горе найдена поделка из бивня мамонта, а в Толбаге — фрагмент бивня. Остается не ясным — был ли мамонт объектом охоты? По крайней мере, он явно стоит на одном из последних мест в фаунистических списках. Это соответствует сложившимся представлениям о соотношении плейстоценовых видов животных в Забайкалье, с его малоснежьем, где привольно чувствовал себя носорог, и весьма неуютно мамонт.

Особо отметим, что на том и другом поселениях особи животных представлены чаще всего разрозненными костями, причем большинство из них разбиты. Расчленение туш животных, очевидно происходило на месте охоты. Впрочем, в некоторых случаях удачная охота происходила где-то «на задворках» поселений. На это, по мнению Н. Д. Оводова, указывает «сравнительно большое количество костей от «малосъедобных» участков туш (дистальные отделы конечностей, осколки черепов)» (Оводов, 1987, с. 124).

Примерно, так же как в Толбаге и на Варваринной Горе — в отдалении от реки, на высоких участках шлейфов — избирали «зимние квартиры» обитатели Мастерской Горы и Сапуна. Но есть для начала позднего палеолита

и другие примеры — на очень низких отметках долинных уровней, на более открытых местах поселялись охотники на носорогов и лошадей из Куналея и Каменки. Не являются ли эти поселения примерами летних стойбищ? По крайней мере, высокие, затаенные места находились рядом и при желании их всегда можно было освоить.

В эпоху сартанского оледенения состав промысловой фауны остается практически тем же, что и в каргинское межледниковье. Охотники Читкана (2), Студеного-2 (5), Санного Мыса (6, 7), обитавшие в период 25—18 тыс. л. н. охотились на носорога, бизона, винторогую антилопу, горного козла. Их потомки, обитавшие на Усть-Мензе и Студеном вплоть до норильской стадии добывали носорога, винторогую антилопу, байкальского яка, бизона. Обращает на себя внимание присутствие в фауне носорога, тогда как в других районах Сибири, он исчезает значительно раньше. Сухой и холодный климат с минимальным прерывистым снежным покровом был для этого вида, очевидно, наиболее благоприятным. Отпадает ныне версия о том, что винторогая антилопа вымирает в начале верхнего плейстоцена. Она существует вплоть до конца позднесартанских интерстадиалов. Практически однозначный характер фауны на протяжении всего позднего палеолита не дает оснований для теорий, по которой в период сартанского оледенения население Забайкалья переходит к «кочевому характеру охоты» (Кириллов, 1979). Вообще термин «кочевой» вряд ли приемлем по отношению к палеолитическим охотникам, его правильнее использовать для характеристики образа жизни определенной части более поздних скотоводов. Впрочем, дело не только в сохранении тех же объектов охоты, но и в том, что люди по-прежнему строят достаточно основательные жилища, образующие поселки на берегах рек.

Жилища — оригинальные и достойные проявления человеческого разума — заслуживают пристального внимания исследователей.

Они обнаружены на поселениях всех периодов позднего палеолита — в Толбаге, Студеном-1, 2, Усть-Мензе-1—4, Читкане, Санном Мысе, Косой шивере (рис. 15; 16; 28—38). Но это перечисление не создает полной картины «жилого фонда», поскольку многие памятники являются многослойными, а жилища встречаются в разных горизонтах, причем нередко не по одному, а по два и даже по три и четыре. Если не придерживаться очень строгой формы изложения, то можно сказать, что в палеолите «жилищная программа» решалась с большим успехом...

Сведения о наиболее полно сохранившихся жилищах сведены в таблицу 18. В нее включены данные о характере, размерах и возрасте жилищ. Существенным дополнением к таблице могут послужить некоторые разъясне-

ния. Прежде всего выделим общее: все жилища являются наземными, без заглублений в грунт. Палеолитический человек выбирал подходящую для строительства площадку, ориентируясь на ее горизонтальную позицию, или в крайнем случае — наклонную, в допустимых пределах. Последний вариант возник в Толбаге и Усть-Мензе-2 (20, жилище 1), где угол падения древней поверхности составлял 10—12°, что практически не ощутимо в процессе активной жизнедеятельности, но приводило к некоторым неудобствам во время отдыха (за этим стоят наблюдения из полевой экспедиционной жизни). Небольшой наклон (3—4°) имело естественное основание жилища в Читкане (2), на что вряд ли как-то обращали внимание его обитатели, но зато со временем «почувствовали» камни из обкладки жилища — они отчасти поползли вниз по склону и достигнув уступа, исчезли из поля зрения. Впрочем, это уже рассказ о деформациях тафономических остатков жилищ, являющийся составной частью планиграфического анализа (см. главу 3).

Террасовые поверхности или просторные склоны обычно обеспечивали значительную свободу древним строителям — проектировщикам в выборе конкретной позиции, но иногда возникали дополнительные сложности и условия.

Так на Санном Мысе (6) для жилища была выбрана площадка под невысоким скальным останцом с глыбовым свалом у основания. Глыбы мешали свободному творчеству, но не настолько, чтобы извлекаться от них совсем. Они были раздвинуты по сторонам и использованы при строительстве жилища.

В Толбаге отмечена иная ситуация. По поверхности серого суглинка протянулись вниз по склону узкие полосы гнейсовых плиточных обломков, проступающих из нижележащего слоя. Жилище (№ 1) расположили так, чтобы один край его пришелся на такую полосу. Плиты гнейса оказались «под рукой», их не нужно было существенно перемещать в пространстве.

Для всех без исключения жилищ основанием служила естественная поверхность песчаного или глинистого слоя. В пределах жилища она становилась «земляным полом», который, вероятно, постепено вытаптывался и уплотнялся. В трех случаях жилища базировались на тончайших прослоях, перекрывающих русловой галечник (Студеное-1, 19/4, жилища 1, 2, Усть-Менза-1; 25). Фактически пол таких жилищ был галечным, хотя речной гальки, как таковой, не было видно, но она простукивалась сразу под тонким песчаным налетом.

Жилища, как правило, сооружались с каменными обкладками в основании. Именно по таким обкладкам оно замечается и выделяется. Обкладки носят бесспорно искусственный характер. Особое место занимает в этой связи жилище Санного Мыса (6), в котором кон-

цы дугообразной искусственной обкладки стыкуются с краями глыбового свала, составившего часть общего контура. Санномыское жилище отличается особой массивностью кладки, сооруженной, в основном из крупных глыб, устанавливаемых на узкие торцовые стороны. Крупные глыбы дополнялись мелкими, которые использовались для заклинивания и подпорок. Высота обкладки над поверхностью обитания — до 0,7—0,85 м. В обкладке насчитано 108 камней. Еще больше камней в обкладке жилища из горизонта 25 Усть-Мензы-1. Их насчитывается 289. Это валуны, гальки, слабоокатанные глыбы размерами от 6 до 68 см. Камни в обкладке распределены крайне неравномерно. Отчетливо представлено обрамление с северной и западной стороны. Оно состоит из 240 камней. Камни образуют вал в форме дуги шириной 0,9—1,6 м, длиной 5 м, высотой 0,5 м. Камни лежат беспорядочным навалом. Отдельные уплощенные камни вроде бы установлены на ребро и плотно зажаты друг другом. Там, где дуга имеет наибольшую ширину, камни лежат на устойчивых широких плоскостях. С остальных сторон по линии предполагаемых границ жилища выявлены бессистемно расположенные валунчики. Внутри комплекса расположен очаг размерами 1,1×0,95 м (А. Константинов, Шлямов, 1987; А. Константинов, 1992).

Довольно крупные валуны (60—70 см) использованы для жилища на Усть-Мензе-4 (2). Они дополняются мелкими и средними камнями, но те «пост-фактум» снесены «солифлюкционной волной», образовав гряды рядом с жилищем. Для остальных жилищ использовались в основном валунчики длиной до 40 см. На обкладку уходило от 3 до 58 камней. Предпочтение отдавалось хорошо окатанным удлиненным речным камням, имеющим широкие поверхности. Камни были «приземистые», легко поднимаемые и переносимые. С ними не нужно было производить никаких особых операций вроде обтесывания для придания искусственной формы. В том не было необходимости, поскольку природа позволяла произвести отбор из имеющегося под рукой материала. Особый вариант известен по толбагинским жилищам № 1, 3, 4, где для обкладки использован гнейсовый плитняк (жилища № 3, 4 раскопаны частично).

При сооружении внешних обкладок камни укладывались непосредственно на дневную поверхность, чаще всего в один ряд. Вертикального наращивания за счет камней не производилось. В горизонтальной плоскости также чаще всего в ходу был один ряд камней, реже появлялись утолщения до 2 рядов. По насыщенности и плотности камней в кладках последние разделяются на замкнутые, фрагментальные и элементарные. В первом случае кладка сплошная, камни располагаются вплотную или близко друг к другу; во вто-

ром случае — камни образуют выкладки — цепочки только на отдельных участках; в-третьем, — камни немногочисленны и располагаются свободно.

Существенно разделение жилищ на одиночные и полинарные. Одиночные жилища просты и понятны. В пространстве культурного горизонта они были планиграфически самостоятельны. Их контуры четко очерчиваются каменными обкладками. Полинарные жилища — это сложносоставные конструкции. Их можно представить в виде 3—4 сближенных или же почти слившихся «одинарных» комплексов. Реконструкцию одиночных жилищ выполнить несложно. Они выглядели как чумы или как шалаши. Полинарные жилища дают больше вариантов интерпретации: вплотную друг к другу построенные чумы; чумы, соприкасающиеся краями, имеющие между собой крытые переходы; длинные шалаши, разделенные внутри на отдельные, малые сектора. Одиночные жилища на площади возможно разделить на малые — 6—9 кв. м. (Студеное-1; 19/4, жилища 1, 2; и другие), средние — 13—14 кв. м. (Студеное-1, 17, жилище 2; Косая Шивера, 14; Усть-Менза-1; 25) и крупные 16—19 кв. м — (Усть-Менза-4; 2; Студеное-2; 3; Толбага-1, жилище 1). Полинарные жилища имеют площади в пределах 25—42 кв. м, при этом их составляющие комплексы соответствуют малым одиночным жилищам (Усть-Менза-2; 20; Усть-Менза-3; 4).

В жилищах в некоторых случаях возможно выделить внутренние пологи. Их наличие и границы определяются дополнительной «интерьерной» кладкой (Студеное-2; 3) или углисто-золистым пятном с жестким контуром, занимающим позицию между внешней обкладкой и очагом (Студеное-1; 18/2, жилище 1; Косая Шивера; 14). Внутренний полог уменьшал обогреваемый объем жилища в 2—3 раза.

Особое жилище (№ 2) выявлено в Толбаге. Оно не обладало привычной обкладкой из камней, что конструктивно вполне допустимо, поскольку камни вполне могли заменяться деревом, снегом, грунтом. Это жилище крупнее всех остальных, его размеры 12×6,4 м. В нем 12 очагов.

Каркасы жилищ могли сооружаться только с использованием древесных жердей, от которых ничего не сохранилось, кроме небольшого отпечатка (следа) обломка жерди из жилища с Усть-Мензы-2 (4). При сборке чумов жерди устанавливались по кругу, а верхние концы их собирались «в пучок»; при сборке шалашей обязательна была коньковая жердь, на которой закреплялись боковые жерди.

Жилища непременно обогревались очагами. В одиночных жилищах, как правило, по одному очагу. Исключение составляют жилища Санного Мыса с 3 очагами и жилище № 1 Толбаги с 4 очагами. В полинарных жилищах число очагов равняется числу малых комплексов — 3 или 4-м.

Внутри жилищ велась основная хозяйственная деятельность. Здесь сосредоточены орудия труда, отходы производства, кости животных. Их число может быть различным, от единичных (Усть-Менза-1; 25) до многочисленных (Студеное-1; 17, жилище № 2). За пределами жилищ на аллювиальных памятниках находки чрезвычайно редки; на делювиальных памятниках, где склоновые процессы вносили некоторые коррективы, наблюдается преимущественное размещение предметного материала в жилищах.

В одном из толбагинских жилищ (№ 3) обнаружена редчайшая находка — скульптурное изображение головы медведя (рис. 17). Оно исполнено из зубовидного отростка второго шейного позвонка шерстистого носорога. Сравнение части позвонка, на которой изображена морда медведя, с аналогичными частями других вторых шейных позвонков шерстистого носорога исключает возможность патологических отклонений в строении зубовидного отростка именно такой формы. Для придания зубовидному отростку очертаний головы медведя древний скульптор сгладил гребень, идущий по заднему его краю, приходящемуся на затылочную часть головы медведя, и отчленил глубокой выемкой характерную для медведя нижнюю губу. Об этом свидетельствуют и оставленные орудием, которым действовал человек, следы «трения» в прорези пасти зверя

(Константинов, Сумароков, Филиппов, Ермолова, 1983). Следы скобления и резания, ясно проступающие на поверхности изделия при увеличении под микроскопом в 10—15 раз, указывают, что работа производилась каменным орудием с неоднократно выкрашивающимся краем. Используя конусовидную форму отростка, скульптор сумел экономными приемами, удаляя часть костной массы, создать реалистическое изображение медвежьей головы. Особую живость выражению его морды придает приподнятый кверху кончик носа, смоделированный таким образом, что хорошо чувствуются даже широкие ноздри принимающего зверя. Поразительно точно изображена характерная для медведей оттопыренная нижняя губа (у других хищников губы плотно прижаты к зубам). Свойственные медведю маленькие глаза едва угадываются на скульптуре, но тем не менее создан законченный образ со всеми присущими ему особенностями и пропорциями. Без сомнения, скульптура создана древним мастером, хорошо знавшим как натуру, так и материал и прекрасно владевшим резцом (Константинов, Сумароков, Ермолова, Филиппов, 1981). Пространственно близких аналогий скульптура не имеет. С учетом возраста культурного горизонта толбагинская скульптура может быть определена как древнейшая скульптура Азии и одна из древнейших в мире.

Таблица 18

Палеолитические жилища

№	Памятник	Культурный горизонт	Номер жилища	Расчетный возраст (в тыс. л. п.)	Характер, размеры (в м)
1	2	3	4	5	6
1	Студеное-1	16	1	11,5	Оди́нарное, округлое, 3,2×2,6, элементарная обкладка, очаг
2	Студеное-1	17	1	12,1	Оди́нарное, округлое, 2,8×3,1, элементарная обкладка, очаг
3	Студеное-1	17	2	12,1	Оди́нарное, округлое, 5,1×4,4, замкнутая обкладка, очаг
4	Студеное-1	18/1	1	12,2	Оди́нарное, округлое, 3,1×2,9, элементарная обкладка, очаг
5	Студеное-1	18/2	1	12,3	Оди́нарное, округлое, 3×3, фрагментарная обкладка, очаг
6	Студеное-1	18/2	2	12,3	Оди́нарное, овальное, 3,4×1,9, (видимые), элементарная обкладка, очаг
7	Студеное-1	19/3	1	12,6	Оди́нарное, округлое, 4×3,2, элементарная обкладка, очаг
8	Студеное-1	19/4	1	12,8	Оди́нарное, округлое, 4,3×3,7, замкнутая обкладка, очаг
9	Студеное-1	19/4	2	12,8	Оди́нарное, округлое, 3,6×3,2, замкнутая обкладка, очаг

1	2	3	4	5	6
10	Усть-Менза-4	2	1	12,0—10,8	Одиарное, округлое, 5×5, фрагментарная обкладка, очаг
11	Косая Шивера	14	1	12	Одиарное, округлое, 4,9×4,4, фрагментарная обкладка, очаг
12	Студеное-2	3	1	12,8—12,2	Одиарное, округлое, 4,69×4,75, двойная обкладка, очаг
13	Усть-Менза-1	25	1	12,8	Одиарное, округлое, 10,25×5, особая фрагментарная обкладка, очаг
14	Усть-Менза-3	4	1	16	Полиарное, овальное, фрагментарная обкладка, 14×3, четырехкомплексное, 4 очага
15	Усть-Менза-2	20	1	17	Полиарное, овальное, 9,5×3 (видимые), элементарная обкладка, трехкомплексное, 3 очага
16	Усть-Менза-2	20	2	17	Полиарное, овальное, элементарная обкладка, 8×3 (видимые), трехкомплексное, 3 очага
17	Санный Мыс	6	1	20—18	Одиарное, овальное, 10,25×5, особая замкнутая обкладка с использованием края глыбового свала, 3 очага
18	Читкан	2	1	25—20	Одиарное, округлое, 2×3(?), элементарная обкладка, очаг
19	Толбага	основной	1	35—25	Одиарное, округлое, 6×6, фрагментарная обкладка, 4 очага
20	Толбага	основной	1	35—25	Особое, овальное, 12×6,4, без видимой обкладки, 12 очагов

ГЛАВА 7

МЕЗОЛИТ

Мезолит как самостоятельную эпоху удалось выделить благодаря исследованиям на многослойном поселении Студеное-1. Его отличает четкая исследовательность 26 культурных горизонтов, из которых 5 горизонтов (10—13/2) относятся к мезолиту; они подстилаются палеолитическими и перекрываются неолитическими слоями. Важным дополнением к Студеному-1 стала Усть-Менза-1, где открыто 10 горизонтов мезолита (9—20) в том же самом археостратиграфическом окружении. Четкий горизонт раннего мезолита выделен на Конюхово (3), по горизонту позднего мезолита — на Студеном-2 (2) и Подлопатках (1). По-видимому серию мезолитических горизонтов удастся вычлениить на многослойных поселениях Солонцовое и Косая Шивера. Пока материалы этих памятников находятся на стадии изучения. Очень существенным для расширения источниковедческой базы является переоценка возраста Ошурково, которое, по нашим представлениям, относится к раннему и среднему мезолиту.

По геологическим позициям мезолитических горизонтов указанных памятников их следует относить к финалу плейстоцена — раннему и началу позднего голоцена, замыкая во времени от 10,8 до 6,5 тыс. л. н. В рамках мезолита четко определяются три фазы: норильская стадия сарганского оледенения — ранний мезолит (10,8—10,3 тыс. л. н.); бореальный период — средний мезолит (10,3—8,0 тыс. л. н.); первая половина атлантического оптимума — поздний мезолит (8,0—6,5 тыс. л. н.). По норильскому периоду получены радиоуглеродные даты, подтверждающие его возраст в пределах 10,8—10,3 тыс. л. н. (Усть-Менза-1, горизонт 2 — 10380 ± 250 (ГИН-5459); Студеное-1, горизонт 13/1 — 10755 ± 140 (СОАН-1653)).

На двух основных памятниках — Студеное-1 и Усть-Менза-1 представлены горизонты раннего и позднего мезолита. Средне-мезолитические горизонты не выявлены. На наш взгляд, это объясняется тем, что содержащиеся их отложения были размыты. Установление этого факта не менее важно, чем выделение этапов, подкрепленных археологическим материалом. Зато слои среднего мезолита удастся выделить по Ошурково (1 и 2), где они оказались связаны с бореальными почвами в субэриальной части отложений. К сожалению,

материалы этих горизонтов из раскопок А. П. Окладникова остаются в развернутой форме не опубликованными, что затрудняет историко-культурное расчленение мезолита на этапы. Ныне нам представляется более правомочным дать характеристику мезолита в обобщенной форме.

На мезолитических памятниках выявлены жилища. Эти жилища были наземными с песчаными «полами». Основания жилищ были округлые или близкие к таковым, диаметром от 2,0 до 3,75 м. Для подобного основания наиболее рациональна верхняя конструкция типа чума. Составляющие его каркас жерди должны ставиться наклонно и сходиться в центре, в пучке. Условное сечение жилища такой конструкции на любом уровне окажется округлым, а следовательно внутреннее помещение будет более или менее просторным. У некоторых жилищ по контуру основания лежали камни — речные валуны размерами 20—40 см. Таких камней было от 3 до 12. Они располагались отдельно друг от друга, как бы пунктирно. Как можно полагать, камни предназначались для закрепления нижних краев внешнего покрытия жилищ. Наряду с этим камни могли служить оттяжками для ремней, которыми наискось опоясывалось верхнее покрытие. Очагам придавалась форма «розетки». Углисто-золистая масса, накапливающаяся в очаге, растекалась за его пределы и в виде тонкой пленки достигала в отдельных случаях внешней обкладки. Три таких жилища известно по Усть-Мензе-1. Они происходят из горизонтов позднего (9) и раннего (11, 12) мезолита.

У жилищ другого типа обкладок не существует. Нет и специально устроенных очагов. Вместе с тем, округлые золистые пятна имеют достаточно четкие границы, что свидетельствует о их формировании в пределах замкнутого пространства. В центре пятен отмечается увеличение мощности углистой массы с дополнением в виде подстилающего красного прокала. Два жилища данного типа зафиксировано в поздне-мезолитических горизонтах Студеного-1 (10, 11).

Размеры жилищ обоих типов невелики — от 4 до 11 кв. м. Очевидно, здесь обитали небольшие группы людей. Их численность могла определяться, если считать по максимуму,

числом людей, размещающихся на полу жилища во время ночлега. Внутри жилищ велась активная производственная деятельность, в том числе осуществлялось расщепление камня и кости, оформление орудий, переработка охотничьей добычи и рыбного улова. Вне жилищ встречаются отдельные кострища и небольшие скопления находок, что установлено не только по Усть-Мензе-1 и Студеному-1, но и по Ошурково (3) и Студеному-2 (2).

По костным остаткам определяется, что обитатели поселений охотились на благородного оленя, косулю, джейрана, барана, лошадь, кабана. Териофауна такого рода свидетельствует о том, что в окрестностях поселения водились как лесные, так и степные звери, точнее животные горного лесостепья. Это соответствует данным спорово-пыльцевых анализов, полученных на наших памятниках, и совпадает с прежними наблюдениями геологов о распространении лесостепных ландшафтов на юго-западе Забайкалья (Равский, 1972; Хотинский, 1977). Охота на перечисленных животных могла быть продуктивной только при наличии лука и стрел. Между тем каменных наконечников стрел не обнаружено. Объяснение этому виделось в том, что данное оружие применялось за пределами поселения: стрела, выпущенная из лука и не попавшая в цель, чаще всего терялась, стрела же удачливого охотника вновь возвращалась в колчан. При определенной бережливости и аккуратности древнего человека такие важные изделия, как наконечники стрел, не попадали в культурный слой поселения. Впрочем, по мере расширения площади раскопок на поселениях, выяснились важные обстоятельства. Оказалось, что наконечники стрел могли быть вкладышевыми: выявлено две костяные основы с глубокими, четкими прорезями. Они — двупазные, узкие (до 1 см) и как ножи в использовании были бы не удобны. Одна основа имеет заостренное жало и уплощенный насад, от второй основы сохранилась только средняя часть. Пазы костяных основ несомненно предназначались для вкладных лезвий — микропластин. Непосредственно в пазах их не сохранилось, но зато в большом количестве они находятся по соседству в тех же самых горизонтах и жилых комплексах (Студеное-1; 11; Усть-Менза-1; 12). Таким образом, наконечники стрел все-таки обозначили свое присутствие на памятниках. Еще большая уверенность в этом появилась с обнаружением (Усть-Менза-1; 11) костяного наконечника стрелы (без пазов). Особо отметим другой костяной предмет, определяемый нами как охотничья заколка. Она изготовлена из метакарпalia косули. Современные забайкальские охотники легко узнавали в этой заколке предмет, называемый укэном, ланцуком или карбашином, который входит в снаряжение охотника на пушного зверя. Добытый зверек с по-

мощью такой заколки (ныне она чаще всего железная) через пасть и глаз нанизывался на кожаный ремешок. Конец ремешка привязывался за спиной к поясу, и, подобно португее, перебрасывался через плечо на грудь, где заколка затыкалась за поясной ремень. Самое главное было в том, что добытый зверек располагался за спиной у охотника, при этом тушка зверя (в отличие от рюкзачного способа) оказывалась в вертикальном положении, мех ее не сминаясь и не пачкался кровью. Такой способ переноски добычи в древности был необходим только охотнику, вооруженному луком и стрелами. Употребление костяных заколок косвенным образом указывает на применение этого оружия. С тем, чтобы оттенить это положение, отметим, что при добыче пушного зверя капканами, которые, как считается, вполне могли употребляться в мезолите, необходимости в «португее» с заколками уже не было, так как попавший в капкан зверек смерзался и его переноска в заплечном мешке уже не могла повлиять на чистоту меха.

В условиях Забайкалья описанные элементы снаряжения могли применяться при добыче прежде всего таких пушных зверей, как белка, заяц, соболь, сурок, колонок. Конечно, в связи с высказанными соображениями может возникнуть вопрос о том, почему на поселении не обнаружены остатки пушных зверей? Не исключено, что шкурки со зверьков снимались на временном пристанище во время охоты, как это делается нередко и сейчас. Если же такой работой занимались на основном поселении, то тушки могли закапываться где-то на его окраине с соблюдением определенного ритуала, в порядке проявления заботы о воспроизводстве зверя. Именно так поступали, к примеру, палеолитические мальтинцы в Прибайкалье, захоронившие в небольших углублениях 14 песцов (История Сибири, 1968).

Важное значение в хозяйстве имело рыболовство. Кости рыб обнаружены в горизонтах раннего (Ошурково; 3; Усть-Менза-1; 11; 12) и позднего (Студеное-1; 10; 11) мезолита. По определенным костям установлено, что обитатели поселений ловили небольших сибирских ельцов и сибирскую плотву (до 20 см), а также крупных налимов и щук (длиной до 50 см). На Студеном-1 обнаружены рыболовные крючки. Два цельных, слабоизогнутых, с кососрезанным основанием и пришлифованной поверхностью крючка длиной до 7 см были изготовлены из рогов косули. Крючки, очевидно, закреплялись на специальных удлиненных планках с отверстиями для крючка на одном конце и нарезками для привязывания лесы — на другом. Планки с такими крючками найдены в неолитических погребениях Прибайкалья (Окладников, 1974, 1975). Найдено также 2 прямых костяных стерженька из небольших косточек, которые могли быть частью составных крючков. И те и другие крюч-

ки использовались, несомненно, при ловле рыбы более крупной, чем представленная в остеологическом материале.

В раннемезолитическом горизонте Ошурково (3) найдено два гарпуна. Они двузубчатые с округленным основанием. Рядом с одним из них обнаружилась птичья кость, похожая на вязальную спицу. С помощью гарпунов вели своеобразную охоту на рыбу. Спица могла пойти в дело для вязания сетей. Наверное, существовали и иные способы добычи рыбы, более производительные. Так в дело могли пойти плетеные корчаги — верши, по небольшим речкам устанавливались заездки-западки и т. д. Типично «рыбными» являются и те места, где располагались поселения. Селенгинское Ошурково могло быть ориентировано на омуля, поднимающегося из Байкала вверх по реке на нерест. На Студеном-1 и Усть-Мензе-1, немного ниже соседних скал, на зайленных участках, между глыб, обитает налим. Особенно удачно он ловится здесь весной, когда река освобождается ото льда. Уда, Хилок, Чикой и особенно, Менза до сих пор считаются «рыбными» реками, где с успехом ловят тайменя, ленка, хариуса, щуку, окуня, сома, сазана. Посещают эти места байкальские язи и енисейские сизи (Голиков, 1976).

Материальную культуру мезолитических обитателей поселений ярко характеризует каменная индустрия. Она представлена развитой техникой расщепления камня, основанной на получении больших серий микропластин с торцовых клиновидных микронуклеусов. По пропорциям торцовые нуклеусы делились на гобийские и обычные. У первых ширина в 1,5—2 раза больше высоты, у вторых ширина равна высоте или меньше ее в 1,5—2 раза. По мере снятия микропластин масса нуклеуса уменьшалась, и тело его сокращалось в ширину. Периодически происходило переоформление ударных площадок (на это указывают сколы оживления), что уменьшало высоту нуклеусов. Важным элементом нуклеусов являлся клин, предназначенный прежде всего для зажима нуклеуса в устойчивом положении при снятии с него микропластинок (Семенов, 1974). Отмечены варианты в расположении клина (боковой, концевой и совмещенный). Микропластинки использовались прежде всего как вкладыши, при этом часто без дополнительной обработки. Целые экземпляры обычно имели длину 3,5—4 см. Как правило, брюшко у них слегка изогнутое. Большинство же микропластинок обломано. Возможно, что микропластинки перед употреблением фрагментировали, выбирая при этом прямоосные части. К этим вопросам мы уже обращались при анализе индустрий позднего периода позднего палеолита.

Употреблялись также нуклеусы для снятия более крупных пластинчатых заготовок. Они определяются как подпризматические. В ка-

честве основ использовались крупные гальки, у которых более или менее тщательно оформлялись площадки и практически не оформлялись фронтальные поверхности. С фронтов снимались чаще всего один или два ряда пластинок. Пластинки имели длину до 10 см. Они нередко сохраняли корку, но вместе с тем были пластинки и с огранкой. Крупные гальки использовались для получения отщепов. Расщепление производилось без строгой системы, с изменением ориентации нуклеуса в пространстве, с попеременным изменением функций площадки и фронтов. Из массы получаемых отщепов выбирались наиболее подходящие по конфигурации и размерам.

Из приемов вторичной обработки широко использовалась краевая ретушь, реже — унифасиальная или бифасиальная, а также техника резцовых сколов.

В инструментарий, кроме отмеченных вкладышевых основ и микропластинок, входили угловые резцы из микропластинок, трансверсальные резцы из пластинок, остроконечники из крупных пластинок подтреугольной формы, долотовидные орудия из небольших отщепов, округлые и концевые скребки, в том числе высокой формы, скребла из отщепов и галек различных модификаций, скобели из отщепов с ретушированной выемкой, чопперы и топорики из речных галек.

Из костяных изделий, кроме уже упомянутых гарпунов, рыболовных крючков, наконечников стрел, следует назвать костяные иглы и вкладышевые основы для ножей. Последние обнаружены только в Ошурково (Окладников, 1959; Абрамова, 1989).

Мезолитические памятники с четкими культурными горизонтами объединяют вокруг себя значительную группу стоянок бассейна р. Селенги с подъемным материалом, таких как Зарубино, Харанхой, Няньги, Номоконово, Усть-Кяхта, Дурены, Хара-Бусун, Береговая и других, достаточно хорошо известных по ряду публикаций, где они охарактеризованы как палеолитические (Окладников, 1959; Абрамова, 1959; Береговая, 1960). В более широком плане указанная группа мезолитических памятников Забайкалья близка монгольскому поселению Хереуул (Окладников, 1974), прибайкальским памятникам, прежде всего Верхоленской Горе, а также Макарово-1 (нижний слой), Макарово-2 (слой 2) и Кистеново (Мезолит Верхнего Приангарья, 1971; Аксенов, 1970; Аксенов и др., 1975; Медведев и др., 1975). Это обстоятельство позволяет предполагать, что в эпоху мезолита в южной части Восточной Сибири и в Северной Монголии существовали родственные по характеру этнические общности.

Происхождение забайкальского мезолита, очевидно, местное. Мезолитические комплексы объединяет с подстилающими палеолитическими горизонтами широкое употребление микронуклеусов и микропластин, округлых и

концевых скребков, угловых резцов. Вместе с тем на материалах этих памятников достаточно отчетливо прослеживается развитие от палеолита к мезолиту. В мезолите, по сравнению с палеолитом, техника расщепления камня становится более совершенной. Палеолитические формы нуклеусов для пластин и отщепов уступили преобладающие позиции торцовым клиновидным микронуклеусам. Примерно такая же линия развития прослеживается и в наборе орудий труда: макроформы вытесняются микроформами. Это наглядно устанавливается по соотношению скребел и скребков на материалах Студеного-1: в палеолитических горизонтах соответственно 54 и 46%, в мезолитических — 12,5 и 87,5%. В эпоху палеолита в качестве рубящих инструментов широко употреблялись чопперы. Они сохраняются в мезолите, но вместе с тем получают распространение топорики и тесла. В мезолит перешли такие формы орудий, как остроконечники, долотовидные орудия, трансверсальные и угловые резцы, различные формы скребков. Вообще подбирается своеобразный набор изделий, который в комплексе не встречался ни в палеолите, ни в неолите.

Не менее интересно сравнивать хозяйство людей эпохи палеолита и мезолита. В палеолите от его начала и до конца люди охотились на крупных животных — шерстистого носорога, лошадь и др. В мезолите природно-климатическая обстановка изменилась, причем сначала она стала особенно холодной (норильская фаза), а затем близкая к современной. На первом месте теперь стоят благородный олень и косуля. Охота как ведущая форма хозяйства сохранилась, но в значительной степени изменилась по объектам и по способу.

Состав голоценовой териофауны, как уже неоднократно отмечалось исследователями, приводит к возникновению индивидуальной охоты. Она ведется с помощью лука и стрел (Бадер, 1970; Ермолова, 1977 а, б, 1978, Ермолов, 1985). Предполагать существование рыболовства в эпоху палеолита трудно, поскольку орудия рыболовства или кости рыб не найдены ни на одном из памятников селенгинского бассейна. В мезолите дело обстоит иначе: в культурных горизонтах появляются кости рыб и орудия рыболовства — крючки, гарпуны. Возникновение рыболовства несомненно, связано с переустройством хозяйства при переходе от плейстоцена к голоцену, с поисками новых путей в его развитии, и новых возможностей в добывании продуктов питания.

В целом хозяйство в мезолите осталось приживающимся, но характер его в значительной степени изменился. Не исключено, что в период мезолита в этих местах была одомашнена собака, как это было, например, в соседнем Прибайкалье (Медведев, 1966б, История Сибири, 1968).

В мезолите сохраняется традиция сооружения жилищ с каменными обкладками, но проявляется тенденция к уменьшению их площади, а также массивности кладок, появляются малые жилища вообще без внешней обкладки. Предельно тонкими становятся культурные горизонты. Это, вероятно, связано с большей подвижностью населения в мезолите, вынужденного вести охоту за животными, обитающими, в основном, не стадами, а индивидуально (или небольшими группами).

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что мезолит — самостоятельная эпоха в истории восточного региона Байкальской Азии с характерными для нее укладом, техникой обработки камня и кости, орудиями труда, с существенной тенденцией к преобладанию микроформ. В то же время самостоятельность мезолита не исключает взаимосвязи ее с другими эпохами. Мезолит можно также назвать эпохой переходной, но лишь в той степени, в какой эта переходность характерна для любого другого этапа в истории человечества, поскольку каждый из них — лишь звено в цепи исторического процесса. Выделение эпохи мезолита приводит к «укорочению» палеолита. Палеолит заканчивается близко к концу верхнего плейстоцена. В самом конце плейстоцена примерно 11 тыс. л. н. начался мезолит — новый прогрессивный период истории древнего забайкальского населения.

Длительность мезолита определяется в 4—4,5 тысяч лет. Около 6,5 тыс. л. н. мезолит сменяется неолитом с его важнейшим четко выраженным археологическим признаком — керамической посудой.

* * *

Как уже отмечалось (см. главу I), существуют иные оценки сибирского мезолита. По концепции А. П. Окладникова, этот период в истории Сибири, и в том числе Забайкалья, определялся как эпипалеолит, т. е. «как возможность существования реликтовой палеолитической культуры в отдельных районах в то время, когда в других областях сложилась более передовая... культура» (1966, с. 213). К числу эпипалеолитических памятников отнесены Ленковка, Усть-Белая, Верхоленская Гора на Ангаре, Бирюса на Енисее. Забайкальские памятники в этой связи прямо не назывались, но некоторые эпипалеолитические элементы усматривались в Ошурково («азильские гарпуны»), Фофаново и Няньги (скребла, чопперы, нуклеусы) (там же, с. 216, 222).

По Окладникову, в Забайкалье и в Сибири в целом, «время как бы остановилось и замерло неподвижно», тогда как «на огромных пространствах Африки, Южной Азии и Европы» обнаруживается «процесс становления новой культуры» (История Сибири, 1968, с. 77, 78). С этим положением нельзя полностью согласиться. Во всей ойкумене происходят геоло-

гические изменения, отразившиеся в климате, фауне, ландшафтах, что приводит к изменению хозяйства, к поискам нового в технике обработки и формах каменных и костяных орудий. В сибирском регионе этот процесс происходил в рамках присваивающего хозяйства, при этом совершенствовались способы охоты и возникло рыболовство. Заметим, что в европейском палеолите рыболовство появилось в позднем мадлене, что фиксируется прежде всего по гарпунам и изображениям рыб (Монгайт, 1973, Столяр, 1985). Вероятно, в Сибири появление рыболовства оказалось отсрочено до тех пор, пока вообще не исчезла с «горизонта» плейстоценовая фауна; в Забайкалье ее самым распространенным представителем оказался носорог, задержавшийся в этих холодных, сухих, малоснежных местах значительно дольше, чем где-либо. Попросту можно сказать, пока люди охотились на носорогов, бизонов, байкальских яков они и не помышляли об удилище с «лесой» или гарпуне. Заря рыболовства наступила в пору «продуктового» кризиса. «Рыбные дни» на кухне — это изобретение тех времен.

Разумеется, это не значит, что в южных и северных регионах развитие происходило принципиально одинаково. Южные регионы сделали серьезный шаг в сторону производящего хозяйства — земледелия и скотоводства. Этот момент справедливо выделялся А. П. Окладниковым. Но ускоренное развитие благодатных регионов «юга» совсем не обязывает исследователя сурово оценивать культуры «севера»; здесь не было застойности, движение к новому в археологических материалах просматривается отчетливо; человек не только подчинялся давлению изменяющейся природной среды, но и находил достойные ответы, проявившиеся в хозяйственной сфере.

А как обстоит дело с каменной индустрией? По мнению А. П. Окладникова в «европо-африканской области» в мезолите появляются микролиты, тогда как в «восточно-азиатско-сибирской области» «продолжали устойчиво удерживаться древние традиции»; «основную массу каменных орудий составляют крупные орудия древних азиатских форм: чопперы, массивные скребла, нуклеусы леваллуазского облика» (1966, с. 222, 223). В этих положениях также допускались неточности. В «европо-африканской области» микролиты, широко употреблявшиеся в мезолите, начинают использоваться в предшествующий период — в конце позднего палеолита (например, в Крыму) или даже в среднюю пору позднего палеолита (например, на Кавказе) (Григорьев, 1970; Палеолит СССР, 1984). В силу этого в данных районах также достаточно сложно решать задачи стадильных определений памят-

ников с микролитами; предстает та же дилемма — это еще палеолит или уже мезолит? Перемены в характере каменных индустрий при переходе от плейстоцена к голоцену происходят столь же плавно, без качественных скачков — и в Европе, и в Сибири.

Еще один тезис «противосибирского» характера, заключенный в изложенном положении А. П. Окладникова, состоит в том, что в этом регионе в мезолит переходит архаичная индустрия чуть ли не с «мустьерскими» формами, чем фактически подчеркивается не только постепенность, но и застойность. На самом деле по всем новейшим данным с берегов Енисея, Ангары и Селенги на позднем этапе позднего палеолита сформировалась техника снятия микропластинок с микронуклеусов, при этом стандарт «миниатюрности» оказался весьма высоким; в мезолите он получил дальнейшее развитие — в отношении массовости и правильности микропластин. По степени миниатюрности, стандартности, симметричности микропластинки, а тем более ее фрагмент, ни в чем не уступят геометрическому микролиту. Более того, ширина микропластинки меньше, чем у микролита; она по пропорциям стройнее его, хотя «по шкале образности» (наблюдение А. Д. Столяра) уступает микролиту, в чем последний обязан особо выразительной ретуши (крутой, пильчатой); но если не вдаваться в эти метрическо-художественные тонкости, то, очевидно, что микропластинка и микролит — это своеобразная «родственная пара», разведенная судьбой на разные территории, с тем, чтобы представлять принципиально одно и то же направление в развитии — миниатюризацию инструментария. Разумеется, в мезолите употреблялись и макролиты, при этом сибирский чоппер — из аккуратной, симметричной по форме гальки — и конкурировал с другими видами рубящих инструментов, и соседствовал с ними.

Итак, мы полагаем, что в Сибири, Забайкалье, Байкальской Азии переход от палеолита к мезолиту в сфере материальной культуры происходил плавно, что особенно отчетливо проявляется в характере каменной индустрии, но эта постепенность имела место также и в южных регионах; ни в том, ни в другом регионе ситуация не должна определяться как застойная.

Против выделения мезолита высказывалась критика и с других позиций. Его предлагалось вне зависимости от региона считать эпипалеолитом, поскольку в нем сохраняется присваивающее хозяйство (Рогачев, 1966). По этой схеме новая эпоха наступает только с появлением земледелия и скотоводства, что могло происходить одновременно с возникновением керамики, или даже раньше этого события.

Новая эпоха чаще всего определяется как неолит. Но как быть с Забайкальем, где в неолите (выделяемому по появлению керамики) не только не происходит перехода к производящему хозяйству, но даже его первоначальных элементов (за исключением появления собаки) не возникает? Не стоит ли тогда называть неолит — эпи-эпипалеолитом, или же керамическим палеолитом?! (причем и керамики здесь довольно мало!). Эти рассуждения приводят к мысли, что в наших условиях (за весь мир отвечать все-таки сложно) впол-

не правомерно выделять мезолит как самостоятельную эпоху, поскольку такое выделение отражает объективно выявляемое поступательное развитие культуры древнего населения, происходящее в рамках присваивающего хозяйства. Полноценное и все более совершенствуемое «присвоение» природных продуктивных ресурсов как нельзя более соответствовало характеру природной среды — по сибирски холодной, по центральноазиатски — особенно сухой.

Впрочем, пора перейти к неолиту...

ГЛАВА 8

НЕОЛИТ

Неолитические горизонты связаны с отложениями второй половины атлантического оптимума и началом суббореального периода — в пределах 6,5—3,8 тыс. л. н. В неолите отчетливо выделяется три этапа — ранний, средний, поздний, хотя хронологические рамки каждого из них намечены достаточно условно (в силу отсутствия корректных радиоуглеродных дат). Принципиально расчленение неолита на этапы стало возможным после открытия поселения Студеное-1. Оно подтвердилось в результате исследования Усть-Мензы-1. Дополнительные материалы стали известны благодаря раскопкам на Алтане, Косой Шивере, Черноярво, Егоркиной пещере.

* * *

К раннему неолиту (6,5—5,5 тыс. л. н.) отнесены, как опорные, горизонты 8,9 поселения Студеное-1 и горизонты 7,8 поселения Усть-Менза-1. В них представлены каменный и костяной инвентарь, керамика, фаунистические останки. Каменный инвентарь характеризуется нуклеусами, орудиями, заготовками, пластинками, отщепами.

Нуклеусы относятся к торцовым клиновидным и торцовым (без клина), при количественном соотношении типов 2:1 (46 экз.). Оба типа предназначены для снятия микропластин. Высота и ширина нуклеусов примерно равны. Подпризматический нуклеус известен только в одном экземпляре.

В большом количестве сохранились микропластинки (1230 экз.). Пластинки встречаются значительно реже (53 экз.). Есть и крупные пластины (61 экз.). Большинство из них найдено в горизонте 8 Студеного-1 на рабочей площадке, где происходило расщепление одной крупной речной гальки. Отсюда происходит 58 целых и обломанных пластин. Они частично аплицируются, благодаря чему восстанавливаются первоначальные размеры речной гальки и техника ее расщепления. Большинство пластин — и с этой площадки и вообще — неправильные, первичные или полупервичные. Они являются отходами производства. Все виды пластинчатых основ изредка ретушировались по краям, преимущественно со спинки (21 экз.).

Небольшими сериями (3—5 экз.) выражены угловые резцы из микропластинок, трансвер-

сальные резцы из пластинок, остроконечники из крупных пластин с краевой ретушью, скребла из отщепов и плиток с различными вариантами оформления рабочего лезвия краевой ретушью, округлые и концевые скребки из отщепов, такие же формы микроскребков, долотовидные орудия из небольших отщепов с чешуйчатой подтеской края, плоские тесла овальных очертаний с оббивкой по краям, чоперы из массивных галек с затеской одного края.

Набор поделок включал в себя 2 обломка узких двулезных костяных основ с глубокими четкими пазами, заколку из метакарпалия козули и подвеску из зуба маралья. В узких двулезных основах возможно узнать обломки вкладышевых наконечников стрел; заколка входила в состав снаряжения охотника на пушного зверя (см. главу 7); подвеска служила украшением.

На обоих памятниках в горизонтах раннего неолита обнаружены немногочисленные фрагменты керамики (см. ниже).

Материалы Студеного-1 — Усть-Мензы-1 дополняются раскопками на Косой Шивере, где в аналогичной стратиграфической позиции, в горизонте 6, обнаружено 1592 каменных изделий того же состава и характера, что представлено выше, но при полном отсутствии керамики, подтверждая ее редкость (А. Константинов, 1993, отчет).

Немного иначе с формальных позиций обстоит дело в Черноярво, где в слое палеолочвы атлантического оптимума, сформировавшихся в структуре эолового песка, чудом сохранилось несколько мелких фрагментов керамики с отпечатками нитей. Каменные орудия в слое немногочисленны. Зато они в изобилии оказались на дне котловины выдувания, составив коллекцию в 912 номеров. Эта коллекция исследовалась трасологическим методом Г. Ф. Коробковой. Ею отмечено, что большинство микропластинок использовалось без дополнительной обработки. Отдельные микропластинки имеют ретушь преимущественно по одному краю со спинки или с брюшка. Микропластинки могли выполнять функции вкладышей как ножей, так и охотничьего орудия типа копыя или дротика.

В деревянных или костяных рукоятках употреблялись концевые скребки из отщепов

средних размеров, иногда из неправильных пластинчатых отщепов и пластинок. Также в рукоятках, очевидно, употреблялись концевые и округлые микроскребки. В пользу этого свидетельствует сравнительно небольшие размеры орудий, наличие выемок на боковых краях, позволяющих более плотно крепить орудие в рукоятках, отсутствие залощенности от руки на поверхности орудий и наличие обломанных экземпляров. Излом последних, очевидно происходил в той части, где скребок выступает из торца рукоятки. Характер рабочего лезвия скребков позволяет предположить, что данные орудия, хотя и являлись скребками, могли использоваться для второй операции при обработке шкур — пушении бахтармы. Несмотря на малую производительность труда небольших скребков, они оказались незаменимыми орудиями при обработке шкур в складках, на участках лап и головы. Как скребла употреблялись пластинки с ретушью по одному или двум краям со спинки, рабочее лезвие у них интенсивно изношено: орудия использовались в деле длительное время и, главным образом, в мездрении шкуры. На это указывает характер занозистого крутого края скребков, как наиболее эффективного именно в этой операции. Благодаря длине рабочего лезвия, захватывающего при обработке значительную поверхность шкуры, эти скребки почти в два раза производительнее концевых и округлых скребков из отщепов. Скребки из пластинок использовались без рукояток, на что указывают как сами размеры скребков, так и следы изношенности рабочего края, неравномерно расположенные по всей длине лезвия. Отдельно характеризуем скребок из пластины удлинненно-трапециевидной формы унифициальной обработки со спинки. Орудие имеет четыре лезвия — боковые продольные и нижнее и верхнее концевые. Они обработаны мелкой зубчатой ретушью, способствующей повышению эффективности орудия при мездрении шкуры. Нижнее концевое лезвие дополнительно подправлено с брюшка, что делает похожим этот скребок на долотовидное орудие. В работе использовались четыре лезвия скребка. Наиболее сильно изношено боковое продольное лезвие. Это орудие употреблялось без рукоятки. Резцы выделены двух типов: угловые из микропластинок и пластинок и трансверсальные из пластинок с диагональным сколом «правой» или «левой» руки и дополнительной ретушью по краям со спинки (р и с. 79). Два трансверсальных резца были исследованы под бинокуляром. Это дало неожиданный результат — резовых лезвий на них не было зафиксировано. Следы сработанности говорят об использовании одного из них в качестве концевого бокового скребка для снятия мездры, а второго — в качестве скобеля для обработки дерева и изготовления деревянных изделий. В роли рабочих у

обоих орудий использовались боковые продольные лезвия. Анализ двух «трансверсальных резцов» заставляет поставить вопрос о возможном употреблении диагонального скола как технического приема, позволяющего удалить примыкающую к ударной площадке утолщенную с бугорком и забитостью часть пластины. Разумеется, мы не собираемся на основе этого частного наблюдения делать вывод о назначении всех изделий, называемых трансверсальными резцами и имеющими широкое распространение.

Четкими образцами представлены острокопечники из пластин и отщепов с формирующей ретушью по краям со спинки и долотовидные орудия из отщепов с чешуйчатой подтеской рабочего края. В качестве рубящих орудий использовались чоперы из массивных галек с затеской одного края и тесла плоские овальных очертаний с обивкой по краям; в Черноярво найден один топорик с лезвием, затесанным с двух поверхностей и естественной зауженностью в средней части.

Сравнение раннеолитического инвентаря с позднемезолитическим показало, что сохраняются практически все виды орудий и нуклеусов, хотя в последних и происходит некоторая «подвижка», проявляющаяся в стремлении получить микропластинки не только с клиновидных форм микронуклеусов, но и с торцовых без клина (что, пожалуй, указывает на появление особых приемов закрепления нуклеусов в процессе отжатия с них микропластин), а также во всем большем отказе от крупно- и среднепластинчатой техники расщепления.

Отличительной чертой раннеолитических горизонтов являлась керамика. Она выглядела весьма архаично. Сосуд из горизонта 9 Студеного-1, представленный 55 мелкими фрагментами, был остродонным с непрофилированными стенками. На одном фрагменте сохранились короткие наклонные насечки в один ряд. Венчик от сосуда не сохранился. Наверное, где-то близко к венчику располагались небольшие конусовидные налеты. Их найдено 2 экземпляра. Показательно, что этот сосуд изготовлен техникой выколачивания, о чем свидетельствуют тонкие стенки (0,2—0,3 см) и отски нитей на поверхности.

На Усть-Мензе-1 найден 81 фрагмент от толстостенного сосуда с очень рыхлой структурой теста с примесью песка и мелконарезанной травы. На сосудах с обоих памятников присутствуют отски нитей. Два тонкостенных фрагмента с отсками нитей найдены в культурном горизонте Черноярво.

Отски сетки-плетенки, характерной для раннего неолита Якутии и Прибайкалья, не выявлены. Это подтвердило правильность вывода И. И. Кириллова (1969) о возникновении в Забайкалье с самого начала совершенно иных, по сравнению с соседними регионами, приемов изготовления сосудов. Они основы

вались на технике выколачивания с использованием лопаточки, обмотанной нитями. Оттиски нитей на керамике косвенным образом указывали на возникновение ткачества.

Ранний неолит обозначенных памятников близок по характеру к стоянке Мухино на Селенге. «Характерная особенность каменного инвентаря этого поселения,— отмечал А. П. Окладников (1975, с. 10) — материал, служивший здесь для изготовления каменных орудий. В дело шла черная кремнистая галька — лидит, такая же, как в палеолитических поселениях на Селенге. Среди каменных орудий на первом месте миниатюрные нуклеусы — скребки, скребочки различного рода и гальки, оббитые в виде чопперов. Из кости выделялись шилья, гарпуны. Керамика, видимо самая древняя за Байкалом, представлена обломками круглодонных сосудов, покрытых оттисками лопаточки, обмотанной грубой тканью или нитями».

Новые раскопки на Мухино (Ярославцева, 1993) позволили установить, что этот памятник — многослойный со стратиграфией принципиально аналогичной чиковско-мензинским поселениям, связанным с I террасой. В числе семи культурных горизонтов раннеолитический по возрасту определен как 6-ой и представлен двумя иловатыми прослойками (6/1 и 6/2), при этом основной материал происходит из нижней. Здесь выявлено 666 предметов, в том числе 10 фрагментов керамики со «штриховым декором», 3 нуклеуса, 12 скребков, 16 резцов (боковых, угловых, трансверсальных), 4 проколки, 5 острий, 7 микропластинок с ретушью, чоппер-чоппинг и другие. Особо отметим редкие 11 пилок — фрагментов пластин с пришлифованными краями.

К эпохе раннего неолита А. П. Окладниковым был отнесен ряд селенгинских стоянок с подъемным материалом: в 2,5—3 км выше д. Ошурково, Усть-Кяхта, пункт 1 и 2, Херексурин-ури, Ивашка, Дюрбен. «Самой характерной их чертой является, с одной стороны, полное отсутствие или крайняя редкость древних форм каменных изделий в виде остроконечников мустьерского облика, крупных дисковидных или овальных скребловидных орудий, нуклевидных скобелей. Вместо крупных скребел распространяются мелкие скребки, правильных форм, часто концевые и дисковидные, близкие к неолитическим «даурской» культуры. Исчезают прежние крупные нуклеусы и пластины; господствуют зато изящные призматические нуклеусы и соответствующие им тонкие, узкие пластинки, симметрично ограниченные, со строго параллельными длинными фасетками» (Окладников, 1959, с. 20, 21). К этому же комплексу А. П. Окладников относил «изредка встречающиеся на р. Селенге в подъемных сборах своеобразные накопечники с боковой выемкой у основания вдоль одного края» (там же), но «инситу» изде-

лий такого типа в раннеолитических слоях до сих пор не встречалось. В целом, ранний неолит Забайкалья А. П. Окладников определил как мухинский. С этим можно вполне согласиться.

* * *

Средний неолит (5,5—4,5 тыс. л. н.) представляют три памятника: Студеное-1 (6, 7), Усть-Менза (6), Косая Шивера (5). Они обладают одинаковым составом материала, что позволяет привести для полноты картины их сводную характеристику. Из каменного инвентаря выделены: торцовые клиновидные микронуклеусы (14 экз.), торцовые микронуклеусы (3 экз.), микропластинки (241 экз.), пластинки (20 экз.), пластины (10 экз.), боковые пластинчатые сколы (5 экз.), микропластинка с краевой ретушью (1 экз.), пластинки с краевой ретушью (2 экз.), трансверсальные резцы из пластинок (9 экз.), угловые резцы из пластинок (2 экз.), концевые и округлые скребки из отщепов (23 экз.), остроконечники из пластин подтреугольной формы с краевой ретушью со спинки (2 экз.), 6 чопперов, 1311 отщепов. Особо отметим нож с бифасиальной обработкой ассиметрично-миндалевидной формы, найденный на Студеном-1 (7).

Судя по этой небольшой, но выразительной коллекции в среднем неолите получила дальнейшее развитие техника микронуклеуса. Нуклеусы становятся более «стройными», высокими, фасетки на фронтальных поверхностях более соразмерными, ударные площадки менее скошенными и вогнутыми (Семина, 1986). Набор орудий остается традиционным. Обращают на себя внимание остроконечники, как наиболее крупные пластинчатые орудия, серии достаточно разнообразных скребков из отщепов и устойчиво повторяющиеся трансверсальные резцы.

Керамика на поселениях по-прежнему малочисленна. В совокупности обнаружено не более 70 фрагментов, однако они достаточно показательны. Устанавливается, что сосуды по-прежнему изготавливаются способом выколачивания, но на лопаточку наматывались более тонкие нити. Иногда применяется легкое заглаживание наружной поверхности. Стенки сосудов более плотные, в качестве отошителей используется мелкозернистый песок (Семина, 1986). Некоторые изменения коснулись и форм сосудов. Если в раннеолитических горизонтах был великолепный образец остродонного сосуда, то в горизонтах среднего неолита, наряду с остродонными найдены остатки круглодонных сосудов. Они были, вероятно, более прочными и устойчивыми, так как центр тяжести располагался ближе к основанию. Днища у этих сосудов были округлые, стенки прямые. Отмечено некоторое усложнение венчиков. По наблюдениям Л. В. Семиной, это происходит «за счет небольших наплывов-кар-

низиков или рассечения их по верхнему срезу лопаточкой. Зона венчика украшается несквозными овальными вдавлениями» (1986, с. 9). Отчетливо ощущается желание мастеров исполнить керамические изделия симметричными, аккуратными, добротными. Приобретение определенного опыта при обжиге подсказывало мастеру, что в формах сосудов весьма желательно избегать резких изломов, поскольку именно в этих местах могут возникнуть трещины. В керамическом производстве исподволь рождалось художественное творчество, проявляющееся пока только в робкой орнаментации и поисках симметрии, но тающее в себе возможность разрешения великой задачи — выявления гармоничного соотношения утилитарного и эстетического. Несмотря на своеобразие глины, как производственного материала, в обращении с ней, несомненно сказывался длительный опыт работы человека с камнем и костью, требовавший знания их исходных свойств, терпения и выдумки в работе.

* * *

Поздний неолит (4,5—3,8 тыс. л. н.) нашел отражение в серии памятников. Среди береговых поселений на первом месте по выразительности стоит Алтан с его семью поздне-неолитическими горизонтами (9—15). Не менее интересные материалы получены на Студеном-1 (2—5) и Усть-Мензе-1 (3—5). К ним примыкают потенциально перспективные поселения Косая Шивера (3, 4) и Нижняя Еловка-2 (3). Особое место в этом ряду занимает комплекс (своего рода «кладовочка») из Егоркиной пещеры.

В позднем неолите происходят заметные изменения в каменной индустрии (Семина, 1986). Прежде всего они проявляются в характере используемого камня. Наряду с обычными темными породами стали применяться полудрагоценные цветные и ярко белые породы — яшма и халцедон. Они отличаются очень удачным соотношением твердости и пластичности. Не исключено, что данное обстоятельство явилось одной из причин изменения пропорций нуклеусов, вытянувшихся в высоту с превышением над шириной в 4—5 раз. Нуклеусы становятся более разнообразными по типам. Наряду с торцовыми и торцовыми клиновидными, как основными формами, употреблялись торцовые двухплощадочные, конические, уплощенно-конические и призматические. Со всех типов нуклеусов снимались микропластинки. В соответствии с характером нуклеусов они удлиняются, но при этом сохраняется прямоосность и четкость огранки. Значительно чаще микропластины стали ретушироваться по краям. Насчитывается около десятка вариантов позиции краевой ретуши, позволяющей сформировать рабочие лезвия вкладышей, пилкок, скобелей, скребков. Особое

место среди микропластинчатых орудий занимают проколки, называемые также остриями даурского типа. Их отличает экономное оформление жалец за счет ретуши, наносимой чаще всего с брюшка. Кроме того появляются трехгранные проколки из боковых сколов. Микропластины использовались при изготовлении резцов — угловых и боковых. Принципиально новыми изделиями являются двустороннеобработанные, наконечники стрел. Они — подтреугольные, с вогнутой базой. В качестве наконечников могли употребляться также некоторые даурские острия.

Для изготовления скребков использовались в основном отщепы. В отличие от более ранних этапов скребки становятся более миниатюрными и уплощенными. Своеобразны скребки из горизонта 5 Студеного-1. Они имеют высокую форму и изготовлены из нуклеидных желваков. Нельзя исключить, однако, что эти изделия более раннего происхождения, вплоть до палеолитического.

По-прежнему употребляются скребла из отщепов и плиток, но их в четыре раза меньше, чем скребков.

Из крупных орудий зафиксированы чопперы из объемных галек и тесла из плоских сланцевых плиток. Единичными экземплярами выражены пест и грузило.

Костяные поделки редки, но выразительны. Это — два рыболовных цельнорезных крючка и шило.

Более полно в культурных горизонтах позднего неолита представлена керамика (Семина, 1985, 1986). Собрана коллекция из 750 фрагментов, как минимум, от 10 сосудов. Способ изготовления остается тем же — выколачивание с использованием лопаточки, обмотанной нитями. Улучшается качество формовочной массы и обжиг, хотя он по-прежнему производится на открытых кострищах. Формы сосудов традиционные — полуяйцевидные с закругленным дном. В верхней части намечается шейка за счет легкого изгиба профиля. Больше внимания уделялось венчикам. Они могут быть утолщены, что, возможно, предотвращало появление окраинных трещин при обжиге. Иногда венчик слегка отгибается наружу. Существенно усложняется орнамент. Его основу составляют гребенчато-пунктирные отпечатки, образующие «строчки» разной длины. Строчки наносятся достаточно густо, параллельно или под углом к венчику, иногда образуя сложную композицию. Орнамент выходит из зоны венчика на тулово, но вместе с тем захватывает и внутреннюю кромку сосуда. Орнамент штампового характера наносился на сосуд до обжига, во время которого он мог растрескаться. Развитие орнамента свидетельствует о росте гончарного мастерства в целом, о большей, чем прежде уверенности мастеров в результативном завершении работы. Пожалуй, орнамент выступает не только как украшение сосуда, но и как свое-

образное «заклинание» в том, что сосуд должен «состояться». Рождение орнамента свидетельствует о формировании художественного вкуса, об удачном поиске прекрасного в обыденном.

Хозяйственный уклад жизни обитателей неолитических поселений в характере культурных горизонтов не находит полного воплощения. Какие-либо сложные конструкции отсутствуют. Сохраняются только углистые пятна, с которыми, как правило, связан предметный материал. Малые пятна возможно трактовать как кострища, более крупные, диаметром до 3 м — как следы от жилищ. Их отличие от палеолитических и мезолитических очевидно, поскольку каменные обкладки оснований не применялись; нет в жилищах и специально устроенных очагов.

По-немногим фаунистическим останкам ус-танавливается, что объектами охоты служили благородный олень, лось, косуля. Конечно, фактически состав природных биоценозов был значительно представительнее.

Охота, как и в мезолите, велась с помощью лука и стрел. Появление, наряду с вкладышевыми, миниатюрных каменных наконечников стрел свидетельствует о попытках усовершенствования этого оружия.

Немалое значение имело рыболовство. Рыболовные крючки из Алтана и грузило с Егоркиной пещеры не позволяют этому утверждению «повиснуть в воздухе».

Усложнение хозяйства наиболее полно отражается в появлении глиняной посуды, а ее орнаментация, пожалуй, является не только своеобразным украшением быта, но и косвенным показателем его возрастающей устойчивости.

* * *

От неолитической эпохи сохранились древнейшие в нашем регионе погребения. Они немногочисленны, но достаточно показательны. Особый интерес представляет Фофановский могильник, расположенный на приметном месте — на высокой горе, откуда открывается вид на придельтовую низменность Селенги и дальний манящий простор Байкала. Фофановский могильник состоит из погребений неолита и бронзы. К неолитическим относится 7 могил. (Герасимов, Черных, 1975). Внешних кладок они не имели. Глубина ям от 0,35 до 1,04 м. Уровень заложения ям связывается с промежуток между первой и второй, или со второй погребенной голоценовой почвой. Тем самым фиксируется их большая стратиграфическая древность в сравнении с могилами эпохи бронзы.

Погребенные, как правило, засыпались охрой, хотя интенсивность окраски в разных могилах неодинакова. В 6 могилах оказались одиночные захоронения, при этом в пяти случаях скелеты сохранились полностью. Они ориентированы головой на юго-восток. 4 ске-

лета располагались либо на спине, либо на боку, с согнутыми в коленях ногами. Один погребенный лежал на спине с ногами, соединенными в ступнях, но разведенными в разные стороны коленями. Могила 7 оказалась коллективная. В тесной прямоугольной яме расчищено 7 скелетов. Установлена последовательность захоронения. «Первым был положен мужчина, второй — женщина, третьим — мальчик, а затем девочки 14 и 10 лет, юноша и младенец. Кости скелетов частично присыпаны охрой. В могиле найдено 4 халцедоновых пластины. В тазе мужчины обнаружен разрушенный костяной заостренный предмет, возможно наконечник стрелы» (там же, с. 29). Скелеты из погребения принадлежат людям, находившимся в тесных родственных отношениях. «Характерно разделение могильной ямы на две половины — мужскую и женскую, порядок укладывания трупов, положение женщин в могиле по правилу антитезы по отношению к мужчинам» (там же). У скелета юноши отсутствует череп. По мнению авторов раскопок не исключено, что мы столкнулись здесь с проявлениями ритуального каннибализма» (там же). В связи с этим следует отметить, что в могиле 3 рядом со скелетом взрослого человека оказались посторонние «кости двух рук, отрубленные по локти, положенные параллельно туловищу концами друг к другу» (там же, с. 26).

Погребальный инвентарь из семи погребений составляют: 7 костяных кинжалов с тонкими узкими халцедоновыми и кремневыми вкладышами, роговое долото, небольшое костяное острие, 2 стерженька рыболовных крючков, скребок из галечки, 4 клыка кабана, мраморные кольца диаметром 4—9,6 см, зубы марала, остатки разрушившихся перламутровых пластин. Керамики не обнаружено. Большая часть инвентаря происходит из погребения 5. «Погребенный в ней был вероятно знатным человеком. У его большой и свободной могильной ямы был поставлен столб» (там же).

По определению М. М. Герасимовой для черепов из перечисленных погребений (№ 2, 5, 6) характерна «массивность, крупные размеры черепной коробки и лицевого скелета, узкий покаты́й лоб со сближенными лобными буграми, сильная уплощенность переднего плана высокого и широкого лица... Можно сказать, что черепа обладают выражено монголоидными особенностями наряду с некоторыми конструктивными особенностями архайского плана» (Герасимова, 1992, с. 99).

Детальные промеры длинных костей скелета позволили составить представление о физических данных древних фофановцев. Их средние показатели роста и веса равняются, соответственно, 165,8 см и 61,7 кг (там же, с. 104).

По фофановским погребениям получены радиоуглеродные даты: погребение 2—6720±70 (ГИН-4127), погребение 3—6870±70 (ГИН-

3329), погребение 5—6640±140 (ГИН-4470), погребение 6—6670±100 (ГИН-4472), погребение 7, костяк 1—6830±60 (ГИН-4476), погребение 7, костяк 2—6780±110 (ГИН-4478), погребение 7, костяк 3—6780±120 (ГИН-4471), погребение 7, костяк 4—7610±210 (дата считается «менее надежной»), погребение 7, костяк 5—7040±160 (ГИН-5890), погребение 7, костяк 6—7000±60 (ГИН-4130), погребение 7, костяк 7 (образец 1) — 6450±50 (ГИН-4131), погребение 7, костяк 7 (образец 2) — 6780±110 (Мамонова, Сулержичский, 1989; Герасимова, 1992).

Перечисленные даты относятся к компактному отрезку времени, равному 400 годам — от 7040 до 6640 л. н., что позволяет достаточно уверенно относить погребения к раннему неолиту. Известно, что по первоначальной схеме А. П. Окладникова они считались поздне-неолитическими (Окладников, 1955). Все без исключения исследователи данных погребений определяют их по характеру как принадлежащие культуре, выделенной по погребальным памятникам, находящимся, в основном, на территории Прибайкалья (Окладников, 1950; Герасимов, Черных, 1975; Гохман, 1977, 1980; Алексеев, Гохман, 1984; Мамонова, 1957, 1973, 1980; Герасимова, 1992).

Из разных мест селенгинского бассейна известны одиночные захоронения эпохи неолита.

Одно из захоронений обнаружено Ю. Д. Талько-Грынцевичем в местности Тулту — Дабан. Скелет человека лежал в почти скорченном положении, с подогнутыми ногами. Он был обильно засыпан охрой. В погребальный инвентарь входили наконечники стрел из халцедона, кинжал из кости, украшенный узором и снабженный лезвиями-вкладышами, а также пестик из ноздреватой лавы или базальта (Талько-Грынцевич, 1928; Окладников, 1975).

Второе погребение найдено А. П. Окладниковым в 1950 г. на Чикое близ с. Поворот. Оно экспонируется в Кяхтинском краеведческом музее. Человек был по-ребен в сильно скорченном положении на правом боку, колени подтянуты к груди и достигают где-то второго позвонка. Костяк сохранился полностью, но от черепа осталась только часть челюсти с зубами. В головах найдены обломки зубов животного и кусок красной охры. Рядом со скелетом находились обломки зубов животного. Здесь же находится кусок красной охры. В погребение входит 6 микропластинок из халцедона и кремня и костяная игла длиной 5 см со сквозным отверстием в ушке. По устному сообщению А. П. Окладникова погребение располагалось почти на поверхности, кладка не прослеживалась. Материалы погребения не опубликованы.

Третье погребение обнаружено в окрестностях г. Улан-Удэ на Лысой Горе. Оно оказалось полуразрушенным, положение костяка

не установимо. Из вещей обнаружены шлифованное нефритовое тесло и наконечник копья.

Четвертое погребение также происходит с окрестностей г. Улан-Удэ и обозначается как Тологой-2. Под каменной насыпью на глубине 0,5 м лежала на спине погребенная с сильно согнутыми и поднятыми в коленях ногами. Оба погребения с окрестностей Улан-Удэ А. П. Окладников датировал китойским временем (Мамонова, 1957, с. 118—120).

Пятое погребение выявлено в 1954 г. Л. Н. Иваньевым в бассейне р. Уды, на р. Кудун, близ улуса Монгсохон. На глубине 0,92 м оказался костяк человека, лежащий на спине с сильно согнутыми в коленях ногами, засыпанным охрой. Погребальный инвентарь включает в себя костяной нож, игольник из трубчатой кости с двумя иглами без ушков, халцедоновые отщепы, обломки раковины с маленькими просверленными отверстиями, резцы кабарги (там же, с. 126).

Шестое погребение выявлено Г. Б. Коноваловым в 1967 г. около с. Дунда — Киреть на р. Хилок. Скелет взрослого человека располагался в грунтовой яме (без перекрывающей кладки) на глубине 1,0 м на спине с согнутыми ногами, развернутыми влево, и сложенными на груди руками. Ориентировка головой на ССВ. В погребении обнаружен мелкий бисер из белых раковинных бус, подвеска из клыка марала, обломки ложки из рога оленя, скребок, 2 отщепы, кусочки красного кровавика и графита (Коновалов, 1975).

Седьмое погребение выявлено в процессе раскопок поселения Усть-Менза-5 (рис. 82). В подперной каштановой супеси расширена каменная кладка из речных галек и кусков щебня. Размеры кладки 1,7×2,45 м. Погребенный был положен на спину, руки согнуты в локтевых суставах, при этом кисть левой руки прикрывает среднюю часть таза. Ноги развернуты налево, бедренные кости по позиции почти перпендикулярны позвоночнику. Скелет густо засыпан красной охрой. Ориентирован головой на восток. Дата по кости — 6940±160 (ГИН-5000) (Родникова, Селин, 1986).

Восьмое погребение известно с поселения Мельничное (рис. 83). Останки человека находились в грунтовой яме на глубине 0,7—0,8 м. Характер засыпки ямы не позволил четко установить уровень ее заложения, но вероятно он связан со слоем, уничтоженным распашкой. Скелет обильно засыпан охрой. Он лежал на спине, головой на север. Нижние конечности были согнуты и развернуты на бок; верхние были согнуты в локтях и подняты кистями вверх, запястье правой руки прислонено к черепу. В погребении найдены пиррофиллитовые бусы, тонкая бляшка из раковины со спиралевидным орнаментом, тонкая бляшка с отверстием в центре, просверленный зуб марала и пластинчатое острие. Дата по

кости — 7480±180 (ГИН-4997) (Черепанов, Остроумов, 1986).

Особый интерес представляют результаты исследования в 1954 г. погребения близ поселка Хамнигота в бассейне р. Чикой. Скелет лежал на спине с сильно согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями. Ориентирован скелет головой на северо-запад. В области шейных позвонков обнаружены перламутровые бусинки и пластинки овальной формы с просверленными по краям отверстиями. Н. Н. Мамонова произвела скульптурную реконструкцию облика погребенной. По ее характеристике погребение принадлежало женщине в возрасте 30—35 лет; «лицо этой женщины было достаточно высоким, широким, сильно уплощенным с очень массивными щеками, с низким очень покатым лбом. Глаза типично монголоидны с наклонным разрезом глаз, с набухшим веком, переходящим в эпикантус. Нос мало выступающий, высокий и широкий с легкой горбинкой и слегка приспущенным кончиком носа. Подбородок довольно массивный с хорошо оформленным подбородочным бугром» (Мамонова, 1957, с. 131). По мнению исследователя «антропологическое изучение этого черепа говорит о безусловной его принадлежности к большой монголоидной расе. В нем абсолютно отсутствуют какие-либо европеоидные черты» (там же).

Одиночные захоронения по антропологическим и археологическим данным близки к неолитическому могильнику из Фофаново, что проявляется в общем облике захоронений (грунтовые ямы глубиной до 1,0 м, как правило, без курганных кладок), в характере трупоположения (костики с подогнутыми ногами); в присутствии охры, вплоть до обильной засыпки; в сходстве многих элементов погребального инвентаря. Существенен факт не использования в погребальном обряде керамической посуды.

Ориентировка погребенного по сторонам света варьирует; отмечается юго-восточное, северо-западное, северо-восточное, северное направления. Чаще всего исследователи определяют обряд захоронения в этих погребениях как китойский, а антропологический материал, как близкий китойским захоронениям из Фофаново.

Напомним, что антропологический материал бесспорно свидетельствует о выраженной монголоидности облика погребенных, о принадлежности их к палеосибирскому антропологическому типу (Дебец, 1948; Мамонова, 1957, 1980; Герасимова, 1992).

Ряд погребений — Фофаново (1—7), Мельничное, Усть-Менза-5 — если опираться на результаты радиоуглеродного датирования, скорее всего относятся к раннему неолиту; для остальных погребений возможно размещение

на разных ступенях неолита с допустимым выходом в пределы бронзы.

Отдельно следует остановиться на характеристике вторичного погребения, выявленного близ с. Кандабаево на р. Хилок в 1972 г. Оно оказалось в пределах раскопа. При сооружении погребения выкапывалась яма глубиной до 1,5 м, на дно которой были уложены двумя прямоугольниками отдельные кости двух женщин. Преобладали кости конечностей. Концы их намеренно обломаны. На некоторых костях есть следы зубов хищника. Погребение засыпалось красной охрой, а затем грунтом. Кладки над погребением не сооружалось. Отчетливо устанавливается, что длинные оси двух «прямоугольников» параллельны реке (ЮЗ — СЗ). Возможно реконструировать следующий обряд захоронения. Первоначальное погребение было несомненно наземным. Оно было потревожено хищниками: на костях сохранились следы их зубов. По прошествии определенного времени останки людей, конкретно — отдельные разрозненные кости (святочно-сухожильный аппарат уже отсутствовал) были захоронены в грунтовой яме с соблюдением определенных обрядовых правил. С погребенными были положены два резца тарбагана, служивших украшениями.

Кровля погребальной ямы связывается с палеопочвенным слоем атлантического оптимума, в котором содержатся неолитические орудия и керамика. Эти обстоятельства позволяют датировать погребения эпохой неолита. Вторичные погребения известны также из неолита Прибайкалья (Лежненко, Михнюк, 1973, с. 224). Вторичный обряд сохранялся у многих народов Сибири. Г. М. Василевич сообщал про похороны у эвенков: «Другие в это время заготовляли помост (гирамкин) на двух или четырех столбах и обмазывали все кровью убитого оленя. Мужчину несли мужчины, женщину — женщины, ребенка — отец» (1969, с. 241). «Обряд отправления души умершего в мир мертвых производился шаманом, примерно, через год после разложения трупа» (там же, с. 242). Наземные погребения встречались еще в прошлом столетии у карачасов, уренхайцев, удэгейцев, тувинцев и др. (Деревянко, 1977, с. 145—147; Дьяконова, 1975, с. 68—84, с. 101—106). Древние летописи сохранили сведения о наземном способе погребения у мохэ, шивэях, киданей. По сообщению Н. Я. Бичурина, если у мохэсцев «отец и мать умрут весной или летом, то немедленно зарывают и над могилою строят хижину, чтобы дождь не мочил ее. Если же умрут осенью или зимой, то трупом их ловят соболей. Большая часть соболей, полакомившихся телом их, излавливается» (Бичурин, 1950, с. 71, 75, 77, 78). Действительно, в мохэских могильниках часто

встречаются вторичные погребения (Деревянко, 1977, с. 144—145).

Исследование вторичного погребения в Кандабаево и его археолого-этнографические аналогии позволяет предположить, что данный обряд захоронения имел определенное распространение у неолитических обитателей селенгинского бассейна.

Всестороннее изучение погребального обычая позволяет заглянуть в бездны духовного мира древних людей с его важнейшими составляющими: отношением к жизни и смерти, заботе об умершем и страхе перед кончиной,

брачно-семейными проблемами, соотношением трагического и бытового (тела умерших использовали как приманку для зверя), ритуальными обычаями, включающими столь многозначные действия как отделение черепа или рук (с удалением их из погребения или с перемещением в «чужое» захоронение).

Дальнейший поиск и изучение неолитических погребений позволит сделать новые необходимые шаги от «мертвых культур» к палеоэтносам, а через них — к этносам современным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Непросто подводить итоги в книге, которая создавалась многие годы. Ее первый вариант был подготовлен еще в 1977 году. Нельзя сказать, что из него ничего не удалось взять для окончательного расклада. Почти полностью пришла оттуда Толбага с ее примечательным возрастом — началом позднего палеолита. На том этапе исследований вполне стало понятно Студеное-1, где благодаря правильному расчету удалось соединить два отдаленных участка и получить совокупные данные по археологической и геологической стратиграфии, отражающей события в пограничной области между плейстоценом и голоценом и позволяющей выделить не только палеолитические, но мезолитические и неолитические горизонты. Но на том же Студеное-1 была допущена неточность в оценке верхней части разреза. Она была поправлена с открытием Усть-Мензы-1. Ее «позднеолитический уровень» вдруг стал «сообщать» сведения о металлургии и металлообработке. То же самое обнаружилось и при дополнительной инспекции на Студеное-1. Стало ясно, что поздний неолит опускается на одну «ступень» ниже, чуть-чуть потеснив средний неолит.

Но самая большая неприятность связалась с Куналеем. С самого начала было понятно, что его основной культурный слой (3) содержит весьма архаичный по облику материал, но его стратиграфические позиции были уверенно оценены геологическим консилиумом как позднесартанские. Пришлось «придумывать» логические ходы для оправдания его задержавшейся во времени архаичности. Прозрение пришло опять же благодаря «спарринг-партнеру» — поселению Приисковому — чрезвычайно похожему по разрезу и материалу на Куналей. Анализ Приисковой, проведенный С. М. Цейтлиным, оказался своего рода «шоковой терапией». Стало очевидно, что две тонкие почвы позднесартанских интерстадиалов располагаются значительно выше по разрезу, тогда как культурный слой спрятался в каргинской почве. Срочный возврат на Куналей подтвердил, что эти наблюдения правильны. В результате основной культурный слой Куналея стремительно удревнел до начала позднего палеолита, придя в согласие с собственной архаичностью, а культурный слой Приисковой (из самого нижнего отдела каргинской почвы), ушел в мустье, расширив пределы забайкальской истории на десятки тысячелетий. Попытка включить ее в рамки

монографии однако по-настоящему не удалась, и не только потому, что Приисковская коллекция слишком объемна и «своенравна» по характеру, но и потому, что из-за пределов мустье вдруг стал проглядывать ашель, отразившийся в подъемных сборах с разных мест. Попробуем огласить их ориентировки — Базин-6 (авторские находки) и Русло Гыршелунки (Мещерин, 1992), расположенные в долине Хилка. Стало понятно, что нижний палеолит Забайкалья — тема самостоятельного исследования. Прозрачные образы синантропов и неандертальцев из этих мест, лишили звания первопроходцев азиатских кроманьонцев из Толбаги и Куналея — они только продолжали дело своих предшественников. Обустроив свои поселения жилищами и очагами, они утвердились на этой земле окончательно, несмотря на ее предельно суровый климат. Впрочем, берега забайкальских рек служили не только местом постоянного обитания, но и своего рода стартовой площадкой для освоения еще более северных мест, вплоть до Берингии и Северной Америки, ранние страницы истории которой — за пределами 12 тысяч лет! — еще остаются непроглядными в ледниковой тьме. Но при попытке представить как может выглядеть предполагаемая культура начала позднего палеолита Нового Света нелишне заглянуть в толбагинские и куналейские коллекции. Полного повторения, конечно, не будет, но «концептуальные» аналогии, наверное, состоятся. Эти соображения — своего рода приглашение американским специалистам к знакомству с теми палеолитическими территориями, которые, судя по всему, входили в первоначальную ойкумену праиндейского народа.

Толбагинцы и куналейцы селенгинского бассейна с их разными по происхождению и характеру культурами создали, используя язык этнографии и первобытной истории, те значительные общины, в которых проявил себя родовой строй и где человек раскрыл великие возможности сапиентного разума. Суровые будни охотников и собирателей освещает лучистый свет рождающегося искусства. Скульптура головы медведя, исполненная с помощью каменного отщепы из позвонка шерстистого носорога (великолепный антураж эпохи!) и сохранившаяся в культурном слое Толбаги, со спокойным достоинством раскрывает творческие возможности людей, обитавших в глинах перегляциальных пустынь. «Толбагин-

скому медведю» вполне возможно посвятить отдельную книгу.

Новое культурное поле — и возможно не без контактов представителей ранних общин — возникает в период с 18 тысяч лет назад, когда распространяется техника микронуклеуса в сочетании с вкладышевыми системами. Еще совсем недавно об этом времени сообщить что-либо определенное не удавалось; теперь же лагуна между началом и концом палеолита все более плотно заполняется. Люди этого времени продолжали охотиться на носорогов, лошадей, байкальских яков и строить жилища в виде шалашей и чумов (сибирский вариант индейских типи и вигвамов) с каменными обкладками в основании. Опираясь на «вековой» опыт обитания в этом регионе, люди умело выбирали места поселений. В сезоны ледяных рек (как минимум, с октября до начала мая) они уходили с открытых ветрам долинных низин на высокие террасы и склоны. Время открытой воды приглашало охотников построить жилища прямо на галечном пляже, у речной кромки, что они с большим успехом реализовали на Студеном-1 и Усть-Мензе-1.

Сложные природные события в конце плейстоцена, резкие изменения климата и итоговое голоценовое потепление погубило «хладнокровных» животных. Человек же оказался более пластичным. Биологическая неизменчивость восполнилась экологической приспособляемостью, основанной на умении анализировать окружающую действительность и изобретать новое. Вооруженный луком и стрелами, гарпуном и другими охотничьими и рыболовными снастями человек перешагнул в новую геологическую эпоху с тем, чтобы преодолеть возникший продуктовый кризис и закрепиться на этих берегах, оставив ученым потомкам памятники эпохи мезолита.

Открытие этих памятников, отмеченных выразительными жилищно-хозяйственными комплексами и индустриально-артефактными ансамблями, ставит серьезные препятствия для «мезолитической неурядицы», столь распространенной во многих регионах. По крайней мере, на место «голых» рассуждений о неправомерности выделения мезолита, мы представляем уверенно датированный материал, залегающий в стратиграфически отчетливых условиях. Вариантность оценок этого материала вполне возможна, но стоит ли мезолитическую проблему превращать в драму, построенную на правилах непродуктивного агностицизма?

Понимание неолитической эпохи нашего региона длительное время было неотделимо от теоретических построений по неолиту Прибайкалья. Единичные памятники с селенгинских берегов, сохранивших культурные слои — не публиковались, а только упоминались в печа-

ти. Общим местом стала ссылка на периодизацию А. П. Окладникова с ее этапами — исаковским, серовским, китойским. Попытки объединить местный и прибайкальский материалы оказывались эклектическими, поскольку, помимо региональных различий, с трудом находили согласование данные по забайкальским стоянкам и прибайкальским погребениям. Прибавим к этому концептуальный кризис. Усилиями иркутских археологов Г. М. Георгиевской (1979), В. И. Базалийского (1982), а также московских исследователей Н. Н. Мамоновой и Л. Д. Сулержицкого (1989) получила подтверждение теория М. М. Герасимова о ранне-неолитическом возрасте китойской культуры. В результате дополнительных исследований стало ясно, что «опора и надежда» селенгинского бассейна — Нижняя Березовка должна покинуть неолитические пределы и разместиться в бронзовом веке. После всего этого от селенгинского неолита остались пустота в материалах и развал в теоретических построениях. Нами выстроена новая периодизация неолита селенгинского бассейна, основанная на материалах многослойных поселений. С точки зрения понимания общего характера и направления в развитии ее вряд ли удастся поколебать — помешает солидная объективная основа, но при этом вполне возможно выделение локальных вариантов, поскольку вряд ли, скажем, близ берегов Байкала, на открытых пространствах придельтовой низменности Селенги и в таежном высокогорье Мензы неолитический охотник и рыбак был во всем одинаков. Неолитические погребения немногочисленны и рассеяны по забайкальским просторам и потому весьма сложно привязать их к определенным этапам неолита. Зато эти погребения дают надежду выйти на проблему неолитического этноса.

Модным становится приобщение древней экономики разных по географическим позициям территорий к неолитической революции. Записывалось в «революционное племя» и забайкальское неолитическое население. Так по предположению А. П. Окладникова здесь в неолите могло возникнуть «плужное земледелие» (1962). Но вернее будет другое. Это был район существования присваивающего хозяйства, основанного на охоте, рыболовстве и собирательстве и развивающегося столь быстро, сколь позволяла природная среда. Напомним: в палеолите здесь возникла «плейстоценовая цивилизация», вполне достойная мирового уровня; но с переходом к голоцену с его глубокой природно-климатической дифференциацией эта территория постепенно потеряла темп развития, соизмеримый с высшим мировым стандартом, обеспеченный производящим хозяйством. В это время население лесов и лесостепей Забайкалья, равно, как и других тер-

риторий этой природной зоны, продолжало заниматься охотой, рыболовством и собирательством. Принципиальные экономические перемены произошли и здесь, но с некоторым опозданием — в рамках бронзового века, когда появились домашние животные (овцы, козы, свиньи), еще немногочисленные, почти экзотические звери на вольном выпасе. Наверное, это направление набрало бы должное ускорение, но случилось обычное для новых, «варварских» времен дело — с юга, из степей Мон-

голии, продвинулось на север успешнее сформироваться номадическое племя, представляющее культуру плиточных могил. Вполне возможно, что оно не только подмяло и рассеяло местное население, но и частично ассимилировало его, включив в стремнину центрально-азиатской истории. Отсюда совсем близко по времени оставалось до появления за Байкалом очередной волны южных кочевников — хуннов, с которых начинается новый этап не только региональной, но и мировой истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Архив ИИМК СПб, д. 165, л. 1, 4, 5, 8.
Архив ИИМК, СПб, д. 169, л. 6.
Архив ФСК. Архивно-следственное дело № 10136, 426 л.
ГАЧО. Ф. Р-162, оп. 1, д. 10, л. 17, 23—32.
ГАЧО. Ф-1683, оп. 1, д. 40, л. 9.
ГАЧО. Ф. 18, оп. 1, д. 21, л. 1—10
ГАЧО. Ф. 1 пол., оп. 1, д. 1201, л. 5.

СПРАВОЧНИКИ ЭНЦИКЛОПЕДИИ.

- Академия педагогических наук РСФСР. Справочник на 1951 г. М., 1951.
Библиография Бурятии за 1890—1931 гг. Вып. V. История дореволюционной Бурятии, Октябрьской революции и образования БМ АССР. Улан-Удэ: Бурятское книж. изд-во, 1970, 168 с.
Библиография М. М. Герасимова. Составитель М. М. Герасимова // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М. Наука, 1973, с. 153—178.
Геологический словарь. Т. I, II.— М.: Недра, 1978.
Декабристы и Сибирь. Библиографический указатель. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985, 152 с.
Движение декабристов. Указатель литературы 1960—1976 гг.— М.: Наука, 1983, 302 с.
Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Граната. М.: Советская энциклопедия, 1989.
Ларичев В. Е. Сорок лет среди сибирских древностей. Материалы к библиографии академика А. П. Окладникова. Аннотированная библиография. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1970, 238 с.
Михалкин И. И., Хороших П. П. Опыт указателя литературы по археологии Забайкалья // Материалы Читинского краеведческого музея им. А. К. Кузнецова. Вып. 1. Археология. Иркутск—Чита. 1929.— С. 5—17.
Наука и научные работники СССР, часть VI. Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1928.
Петряев Е. Д. Краеведы и литераторы Забайкалья. Библиографический указатель. Дореволюционный период. Чита—1981, 128 с.
Советская археологическая литература. Библиография. М., 1965.
Список печатных работ Г. П. Сосновского. Составитель Заднепровская Т. Н. (приложение к статье Абрамовой З. А.) // СА, 1, 1981, с. 116—117.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З. А. Первоначальное заселение человеком Забайкалья // Дипломная работа. Рукопись.— Л., 1951.
Абрамова З. А. Палеолитические находки в районе Кяхты. // МИА, № 39.— М.— Л., 1953.— С. 266—275.
Абрамова З. А. Памятник палеолита низовьев р. Селенги. // Археологический сб. Вып. 1.— Улан-Удэ: 1959.— С. 26—33.
Абрамова З. А. Локальные особенности палеолитических культур Сибири // VII международный конгресс доисториков и протодисториков. Доклады и сообщения археологов СССР.— М.: 1966.— С. 46—55.
Абрамова З. А. О локальных различиях палеолитических культур Ангары и Енисея. // СА, № 3—1966.— С. 9—17.
Абрамова З. А. Два пути развития енисейского палеолита. // Материалы к конференции «Этногенез народов Северной Азии».— Новосибирск, 1969.— С. 32—33.
Абрамова З. А. Палеолит Южной Сибири. // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука. 1970.— С. 5—17.
Абрамова З. А. Новые данные по палеолиту Енисея. // МИА, № 173 — М.: Наука, 1971.— С. 241—281.
Абрамова З. А. Галечные орудия в палеолите Енисея (опыт типологии) // МИА, № 185.— М.: Наука, 1972.— С. 125—141.
Абрамова З. А. Археологические культуры в верхнем палеолите Северной Азии и южно-сибирская культурная область. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий.— Новосибирск: 1975.— С. 19—30.
Абрамова З. А. Палеолит Енисея. // Предварительные итоги исследований Красноярской экспедиции. КСИА, 14, 1975.— С. 3—11.
Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура.— Новосибирск: Наука, 1979а.— 158 с.

- Абрамова З. А.** Палеолит Енисея. Кокоревская культура.—Новосибирск: Наука, 1979б.—200 с.
- Абрамова З. А. Г. П. Сосновский (1899—1941) и проблемы палеолита Северной Азии**—СА, № 3.—1981.—С. 109—117.
- Абрамова З. А.** Палеолит Северной Азии//Палеолит мира. Палеолит Кавказа и Северной Азии.—М: Наука, 1989.
- Аверкиева Ю. П.** История теоретической мысли в американской этнографии.—М: Наука, 1979.—288 с.
- Акимова Е. В., Чеха В. П., Кольцова В. Г., Оводов Н. Д., Сулержицкий Л. Д.** Позднепалеолитическая стоянка Лиственка. //Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян).—Красноярск, 1992.—С. 34—48.
- Акимова Е. В.** К вопросу об афонтовской и кокоревской культурах в контексте многослойной стоянки Лиственка. //Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке.—Красноярск, 1992.—С. 3—6.
- Акимова Е. В.** Палеолит Красноярского археологического района //Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.—Новосибирск, 1993.—16 с.
- Аксенов М. П.** Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Макарово на Лене //Сибирь и ее соседи в древности.—Новосибирск: Наука, 1970.—С. 43—51.
- Аксенов М. П., Лынша В. А., Шуньков М. В.** Комплекс донеолитических местонахождений у д. Кистенево на Верхней Лене (предварительные итоги) //Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 3.—Иркутск, 1975.—С. 81—114.
- Аксенов М. П.** Макарово III. //Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири.—Иркутск, 1990.—С. 96—98.
- Аксенов М. П.** Палеоэкология древнего человека верхней Лены. //Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Доклады международного симпозиума.—Новосибирск, 1990.—С. 7—10.
- Алексеев В. П., Гохман И. И.** Антропология азиатской части СССР.—М: Наука, 1984.—150 с.
- Анучин Д. Н.** О людях русской науки и культуры.—М: Госуд. изд-во географической литературы, 1950.—335 с.
- Арембовский И. В., Иванов Л. Н.** Иван Деметьевич Черский как первый исследователь палеолита //И. Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И. Д. Черском и А. И. Черском.—Иркутское книжное изд-во, 1956.—С. 55—60.
- Арсеньев В. К.** Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири //Сочинения, т. V.—Владивосток, 1948.—С. 112—137.
- Археологические экспедиции 1919—1956.—М, 1962.
- Археология СССР. Палеолит СССР.—М: Наука, 1984.—384 с.
- Археология СССР. Мезолит СССР.—М: Наука, 1989.—352 с.
- Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая (экскурсия № 1). //Путеводитель международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (палеоэкологический аспект)».—Новосибирск, 1990.—159 с.
- Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири. (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). //Путеводитель экскурсии международной конференции «Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке».—Красноярск, 1992.—130 с.
- Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.** Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений).—Новосибирск, 1984.—210 с.
- Асеев И. В., Холюшкин Ю. П.** Предварительные результаты изучения каменного инвентаря палеолитического местонахождения Сапун в Бурятской АССР. //Палеолит Сибири.—Новосибирск: Наука, 1983.—С. 21—33.
- Асеев И. В., Холюшкин Ю. П.** Палеолитические местонахождения в районе Хоринска (БАСССР). //Археологические исследования в районах новостроек Сибири.—Новосибирск: Наука, 1985.—С. 7—11.
- Асеев И. В., Холюшкин Ю. П.** Новые местонахождения эпохи палеолита в районе Хоринска. //Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Вып. III. История и культура народов Сибири.—Новосибирск, 1981.—С. 40—41.
- Астахов С. Н.** Новые данные по палеолиту Енисея. //Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна.—Новосибирск, 1979.—С. 35—37.
- Астахов С. Н.** Поселения Афонтовой горы и их место в палеолите Сибири. //Автореф. дисс... канд. ист. наук.—Л, 1966.
- Бадер Н. О.** Мезолит. Каменный век на территории СССР.—М: Наука, 1970.—С. 90—99.
- Базаров Д. Б.** К вопросу о генезисе и возрасте отложений разреза Ошурково (Западное Забайкалье). //Сибирь и ее соседи в древности.—Новосибирск, 1970.—С. 53—56.
- Базаров Д. Б.** Кайнозой Прибайкалья и Западного Забайкалья.—Новосибирск: Наука, 1986.—183 с.
- Базаров Д. Б.** Четвертичные отложения и основные этапы развития рельефа Селенгинского среднегорья.—Новосибирск: Наука, 1968.—С. 98—99.
- Базаров Д. Б.** Изучение рельефа и четвертичных отложений Селенгинского среднегорья //Краеведческий сборник, вып. VII.—Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1962.—С. 43—55.
- Базаров Д. Б., Константинов М. В., Базарова Л. Д.** Возраст археологических памятников Забайкалья по геологическим и радиологическим данным. //Геохронология

четвертичного периода. Тезисы докладов Всесоюзной конференции, 18—21 ноября 1985 г.— Москва — Таллин, 1985.

Базаров Д. Б., Антощенко-Оленев И. В., Резанов И. Н., Ербаева М. Н., Едрихинский А. С., Зеленский Е. Е., Хлыстов П. А. Стратиграфия кайнозойских отложений Западного Забайкалья и некоторых сопредельных территорий. //Стратиграфия кайнозойских отложений Западного Забайкалья.— Улан-Удэ, 1976.— С. 5—70.

Базаров Д. Б., Константинов М. В., Иметханов А. Б., Базарова Л. Д., Савинова В. В. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья.— Новосибирск: Наука, 1982.— С. 163.

Базарова Л. Д. Палеогеографические реконструкции эпохи обитания первобытного человека в юго-западном Забайкалье (по материалам исследования археологических памятников). //Автореф. дисс... канд. геогр. наук.— Новосибирск: 1985.— 16 с.

Базарова Л. Д., Лбова Л. В. К определению геологического возраста палеолитических ансамблей Брянского археологического комплекса. //Петр Алексеевич Кропоткин — гуманист, ученый, революционер.— Российская научная конференция. Сб. тезисов.— Чита: Изд-во Чит. пед. ин-та, 1992.— С. 53—55.

Базарова Л. Д., Константинов М. В. Древние поселения как природно-исторические памятники. //Природная среда и древний человек в позднем антропогене.— Улан-Удэ, 1987.— С. 97—109.

Базарова Л. Д., Семина Л. В., Сурин Ю. П. Алтан — многослойный памятник позднего антропогена Забайкалья. //Природная среда и древний человек в позднем антропогене.— Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1987.— С. 167—179.

Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев. М: Госкультпросветиздат, 1954.— 273 с.

Бараев В. В. Древо: декабристы и семейство Кандиных.— М: Изд-во полит. лит-ры, 1991.— 270 с.

Бахаев В. Б. Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии (1820—1860).— Новосибирск: Наука, 1980.— 175 с.

Бестужев Н. А. Очерки забайкальского хозяйства //Декабристы о Бурятии: статьи, очерки, письма.— Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1975.— С. 57—158.

Бестужев Н. А. Гусиное озеро. //Декабристы в Бурятии.— Верхнеудинск: Бурят-Монгольское о-во им. Доржи Банзарова. Историко-этнологическая секция, 1927.— 108 с.

Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР.— МИА, 81.— М.— Л: Изд-во АН СССР, 1960.— 216 с.

Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР (1958—1970 гг.).— Л: Наука, 1984.— 170 с.

Богач Г. П. Далече северной столицы. О творчестве Пушкина в Молдавии.— Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1979.— 191 с.

Букштынович А. Г., Сокольский А. Г. Изучение и охрана памятников, связанных с жизнью и деятельностью декабристов //Декабристы и Сибирь.— Новосибирск: Наука, 1977.— С. 238—248.

Бибилова В. И., Верещагин Н. К., Гарутт В. Е., Юрьев К. Б. Новые материалы по четвертичной фауне Забайкалья (Ошурково, Тологой). //Палеолит и неолит СССР. МИА, 39.— М.— Л: 1953.— С. 463—476.

Бикерман Э. Хронология древнего мира.— М. Наука, 1975.— 336 с.

Бичурин И. А. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1.— М.— Л., 1950.

Вангенгейм Э. А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии.— М: Наука, 1977.— 170 с.

Васильев С. А., Ермолова Н. М. Майнинская стоянка — новый памятник палеолита Сибири //Палеолит Сибири.— Новосибирск: Наука, Сибирское отд-е, 1983.— С. 67—75.

Васильев С. А. Палеолитические памятники Западного Саяна /сравнительный анализ каменного и костяного инвентаря/. Автореф. канд. дисс... канд. ист. наук.— Л., 1984.

Васильев С. А. Локальные культуры и специфика верхнего палеолита Сибири. //Методические проблемы археологии Сибири.— Новосибирск: Наука, 1988.— С. 64—82.

Васильев С. А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по итогам раскопок на водохранилище Майнской ГЭС).— СА, 1991, № 2.— С. 5—20.

Васильев С. А. Локальное и стадияльное в развитии позднепалеолитической культуры на Енисее. //Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири.— Тезисы докладов к Всесоюзной научной конференции.— Барнаул, 1991.— С. 11—13.

Васильев С. А. Феномен сибирского позднего палеолита и его место среди культурных проявлений финально-плейстоценового возраста. //Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Краткое содержание докладов Международного симпозиума.— Красноярск, 1992.— С. 28—30.

Васильев С. Г., Кузнецов О. В., Мещерин М. Н. Поселение Толбага (новый этап исследований) //Природная среда и древний человек в позднем антропогене.— Улан-Удэ, 1987.— С. 109—121.

Васильев С. Г., Базарова Л. Д., Константинов А. В., Константинов М. В. Палеолитическое жилище на Санном Мысе: характер и возраст. //Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья.— Новосибирск: Наука, 1993.— С. 27—36.

Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографический очерк.— Л: Наука, 1969.

Витковский Н. И. Краткий отчет о раскопке могил каменного периода //Известия ВСОРГО. Т. XI.— № 3—4.— Иркутск, 1881.

- Вдовин А. С., Ямских А. Ф., Ямских Г. Ю., Оводов Н. Д. Позднепалеолитическая стоянка Большая Слизнево. //Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Ала-тау и Восточный Саян).— Красноярск, 1992.— С. 22—34.
- Воробьева Г. А., Медведев Г. И. Плейстоцен — голоценовые отложения и почвы археологических памятников юга Средней Сибири. ч. 1. Плейстоцен.— Иркутск, 1984.— 44 с.; ч. II. Голоцен.— Иркутск, 1984.— 44 с.
- Воробьева Г. А., Аксенов М. П. Макарово IV. //Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири.— Иркутск: ИГУ, 1990.— С. 89—96.
- Герасимов М. М. Реки Селенга и Белая, 1936—Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.— М.— Л., 1941.— С. 316—318.
- Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу.— М., 1949.— 187 с.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек). //Труды института этнографии АН СССР. Т. 28.— М., 1955.— 585 с.
- Герасимов М. М., Черных Е. П. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. //Первообитная археология Сибири.— Л.: Наука, 1975.— С. 23—48.
- Герасимов М. М. Экологические проблемы в прошлой, настоящей и будущей географии мира.— М.: Наука, 1985.— 248 с.
- Герасимова М. М. Список скульптурных реконструкций М. М. Герасимова //Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. Сборник памяти М. М. Герасимова.— М.: Наука, 1973.— С. 165—178.
- Герасимова М. М. Черепа Фофановского могильника (р. Селенга) //Древности Байкала.— Иркутск, 1992.— С. 97—110.
- Голиков В. Водоемы и рыбы Забайкалья.— Иркутск: Вост.— Сиб. кн. изд-во, 1976.
- Городцов В. А. Первообитная археология.— М., 1908.
- Городцов В. А. Культура бронзовой эпохи в Средней России.— М., 1916.
- Городцов В. А. Археология. т. I.— М., 1921.
- Городцов В. А. Археология. т. I. Каменный период.— М.— Пг., 1923.
- Гохман И. И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицкосавско-Кяхтинском отделении Русского географического общества //Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Труды института этнографии. Т. 104.— Л.: Наука, Ленинградское отд-е, 1977.— С. 158—164.
- Гохман И. И. Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов //СМАЭ. Т. 36.— М., 1980.— С. 5—34.
- Григорьев Г. П. Верхний палеолит. Каменный век на территории СССР.— М.: Наука, 1970.— С. 43—63.
- Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. //Труды ин-та геологических наук. Вып. 64.— М., 1948.
- Гришин Ю. С. О некоторых забайкальских медно-бронзовых изделиях эпохи средней бронзы (карасукского времени). //СА, № 3.— 1968.— С. 180—182.
- Гришин Ю. С. К вопросу о древней добыче олова в Забайкалье. //КСИА, № 114.— М., 1968.— С. 10—13.
- Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья.— М.: Наука, 1975.— 125 с.
- Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья.— М.: Наука, 1981.— С. 3—34.
- Даревская Е. М. Изучение Монголии Троицкосавско-Кяхтинским отделением Русского Географического Общества //Труды Кяхтинского музея им. академика В. А. Обручева и Кяхтинского отделения ГО СССР, т. 18.— Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1961.— С. 60—74.
- Даревская Е. М. А. Д. Старцев — сын Н. А. Бестужева //Сибирь и декабристы. Вып. 2.— Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1981.— С. 132—159.
- Дебец Г. Ф. Следы доисторического человека в долине р. Уды //Бурятияведение, № 1.— 1925а.— С. 13—16.
- Дебец Г. Ф. Итоги и задачи палеоэтнологии в Западном Забайкалье //Бюллетень ВСОРО, № 6—1925б.— С. 82—84.
- Дебец Г. Ф. Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье //Жизнь Бурятии, № 6.— 1926а.— С. 114—118.
- Дебец Г. Ф. Могильник железного века у с. Зарубино— Бурятияведение, № 2—1926б.— С. 14—16.
- Дебец Г. Ф. Отчет об археологических разведках на оз. Котокель //Бурятияведение, № 2—1926в.— С. 20—21.
- Дебец Г. Ф. Последние палеоэтнологические исследования (Ирк. гос-го университета) в Восточной Сибири (Иркутская область, БМ АССР, Читинский округ) //Северная Азия, 1929, кн. 1.— С. 131—133.
- Дебец Г. Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья //Известия ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом фак-те МГУ, т. III, № 2а.— 1930.— С. 151—169.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР //ТИЭ (нов. сер.), т. 4— М. 1948.— С. 56—64.
- Демиденко Ю. Э., Усик В. В. О «принципе реберчатой пластины» в палеолите. //Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Краткое содержание докладов Международного симпозиума.— Красноярск, 1992.— С. 68—71.
- Деревянко А. П., Петрин В. Т. Пространственный и временный аспекты существования комплексов каменного инвентаря типа Кара-Бом. //Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири.— Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1988.

- Деревянко А. П., Петрин В. Т.** Стратиграфия палеолита Южного Хангая (Монголия). //Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Доклады Международного симпозиума.—Новосибирск, 1990.— С. 161—173.
- Деревянко А. П., Николаев С. В., Петрин В. Т.** Геология и археология палеолитических памятников Хангая (Монголия). //Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Краткое содержание докладов Международного симпозиума.—Красноярск, 1992.— С. 79—83.
- Деревянко Е. И.** Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977.— 223 с.
- Древняя Сибирь** (макет 1 тома «История Сибири»).—Улан-Удэ, 1964.— 739 с.
- Дроздов Н. И.** Каменный век Северного Приангарья. //Автореф. дисс... канд. ист. наук.—Новосибирск, 1981.
- Дьяконова В. П.** Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник.—Л: Наука, 1975.—163 с.
- Елинек Ян.** Большой иллюстрированный атлас первобытного человека.—Артия, 1983.—559 с.
- Ерицян Б. Г.** Ереванская стоянка и ее место среди древнейших памятников. Автореф. дисс... канд. ист. наук.—М., 1970.
- Ермолов Л. Б.** Охотничья деятельность и экология в каменном веке Северной и Центральной Азии. //КСИА. № 181 — М: Наука, 1985.— С. 40—44.
- Ермолова Н. М.** Охота и природа Южной Сибири в каменном веке //Палеоэкология древнего человека.—М: Наука, 1977.— С. 197—201.
- Ермолова Н. М.** Териофауна долины Ангары в позднем антропогене.—Новосибирск: Наука, 1978.— 222 с.
- Ивашина Л. Г.** О раннем неолите Западного Забайкалья. //Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья.—Новосибирск: Наука, 1993.— С. 81—88.
- Ивашина Л. Г.** Неолит и энеолит Бурятии.—Новосибирск: Наука, 1979.— 159 с.
- История Сибири**, т. 1, Древняя Сибирь.—Л: Наука, 1968.— 454 с.
- Зильберштейн И. С.** Художник-декабрист Николай Бестужев.—М: Изобразительное искусство, 1988,— 677 с.
- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.** Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода).—М: Наука, 1975.— 173 с.
- Кириллов И. И.** Каменный век Восточного Забайкалья. //Автореф. дисс... канд. ист. наук.—Новосибирск, 1969.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В.** Исследования в Читинской области //Археологические открытия 1970 года.—М: Наука, 1971.—С. 186—188.
- Кириллов И. И., Рижский М. И.** Очерки древней истории Забайкалья.—Чита, 1973.
- Кириллов И. И.** Восточное Забайкалье в древности и в средневековье. Учебное пособие.—Иркутск, 1979.— 96 с.
- Кириллов И. И.** Восточное Забайкалье в древности. //Автореф. дисс... докт. ист. наук.—Новосибирск, 1981.— 38 с.
- Кириллов И. И.** Толбагинская палеолитическая культура Забайкалья и ее корреляция с культурами сопредельных территорий. //Древности Сибири и Дальнего Востока.—Новосибирск: Наука, 1987.— 124 с.
- Кириллов И. И., Каспаров А. А.** Археология Забайкалья. Проблемы и перспективы (эпоха палеолита). //Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Доклады Международного симпозиума.—Новосибирск, 1990.— С. 194—198.
- Кинд Н. В.** Геохронология позднего антропогена по изотопным данным.—М: Наука, 1974.— 255 с.
- Константинов М. В.** Палеолитическое поселение Толбага (предварительные итоги) //Вопросы краеведения Забайкалья. Вып. 2.—Чита, 1973.— С. 73—89.
- Константинов М. В., Немеров В. Ф.** Древнее поселение Подлопатки в Западном Забайкалье// Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 2.—Иркутск, 1974.— С. 116—129.
- Константинов М. В., Немеров В. Ф.** Древности реки Чикой (на северных границах Монголии) //Археология и этнография Монголии.—Новосибирск: Наука, 1978.— С. 181—197.
- Константинов М. В.** Палеолит Хилка и Чикоя (юго-западное Забайкалье). //Автореф. дисс... канд. ист. наук.—Новосибирск, 1979.— 18 с.
- Константинов М. В., Сумароков Б. В., Ермолова Н. М., Филиппов А. К.** Скульптура медведя из Забайкалья 30 тысяч лет. //Природа, № 11, 1981.— С. 119.
- Константинов М. В., Оводов Н. Д., Карасев Г. Л.** Охота и рыболовство на ранних этапах истории Забайкалья// XI Конгресс ИНКВА, Тезисы докладов. Т. III.—М., 1982.— С. 172—173.
- Константинов М. В.** Палеолит Западного Забайкалья. //Палеолит и мезолит юга Сибири. Сб. научных трудов.—Иркутск: ИГУ, 1982.— С. 154—173.
- Константинов М. В.** Развитие взглядов на палеолит Западного Забайкалья. //По следам древних культур Забайкалья.—Новосибирск: Наука, 1983.— С. 26—45.
- Константинов М. В.** Археологические исследования памятников в долине р. Мезы. Научный отчет ОПИ о полевых исследованиях 1983 г.—Чита, 1984.— 123 с.
- Константинов М. В., Сумароков Б. В., Филиппов А. К., Н. М. Ермолова.** Древнейшая скульптура Сибири. //КСИА. № 173 — М: Наука, 1983.— С. 78—81.
- Константинов М. В.** Археологические исследования памятников в долине р. Мезы. //Научный отчет о полевых исследованиях 1983 г.—Чита. 1984.— 123 с.
- Константинов М. В., Оводов Н. Д., Карасев Г. Л.** Древние охотники и рыболовы Забайкалья. //КСИА, № 181.—М: Наука, 1985.— С. 50—52.

- Константинов М. В., Оводов Н. Д., Карасев Г. Л. Древние охотники и рыболовы Забайкалья // КСИА. № 181. Каменный век.— М., Наука, 1985.— С. 50—52.
- Константинов М. В. Многослойное поселение Алтан на реке Мензе // Научный отчет об исследованиях в 1984 г. Ч. 2.— Чита: 1985.— 85 с.
- Константинов М. В. Методика исследований многослойных поселений эпохи камня и палеометалла Сибири. // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Тезисы докладов к региональной конференции.— Иркутск, 1986.
- Константинов М. В., Пархоменко С. В. Усть-Менза—5: на пути к открытию мусье. // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири». Ч. 2.— Улан-Удэ, 1986.— С. 72—73.
- Константинов М. В. Первый мусьецкий памятник Забайкалья—Усть-Менза—5 // Корреляция отложений, событий и процессов антропогена. Тезисы докладов VI Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода.— Кишинев, 1986.— С. 235—236.
- Константинов М. В., Базарова Л. Д. Древние поселения как объекты археологических исследований. // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тезисы докладов и сообщений к научной конференции.— Барнаул, 1988.— С. 28—32.
- Константинов М. В. Основные проблемы исследования палеолита Забайкалья. // Проблемы изучения Сибири. Тезисы докладов научно-практической конференции.— Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1989.— С. 83—86.
- Константинов М. В., Семин Л. В., Колосов В. К., Сулержицкий Л. Д. Проблема определения возраста археологических памятников Забайкалья. // Геохронология четвертичного периода. Тезисы докладов Всесоюзного совещания 9—11 ноября 1989 г.— М — Таллин, 1989.— С. 118.
- Константинов М. В. Археологические раскопки в бассейне реки Чикой в 1990 г.— Чита, 1991.— 127 с.
- Константинов М. В. Археологические раскопки в бассейне реки Чикой в 1990 г. Отчет ОПИ.— Чита, 1991.— 127 с.
- Константинов М. В., Константинов А. В. Начало позднего палеолита в Забайкалье. // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к Всесоюзной научной конференции.— Барнаул, 1991.— С. 13—16.
- Константинов М. В. Мезолитические памятники Забайкалья. // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья.— Новосибирск: Наука, 1993.— С. 64—81.
- Константинов А. В., Руденко Ю. Т. Пещеры Читинского Забайкалья. // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Тезисы докладов к региональной конференции.— Иркутск, 1986.— С. 107—109.
- Константинов А. В., Шлямов К. О. Палеолит Усть-Мензинского комплекса (возраст и характер) // Природная среда и древний человек в позднем антропогене.— Улан-Удэ, 1987.— С. 150—167.
- Константинов А. В. Раскопки многослойного поселения Усть-Менза—2 в Читинской области. Отчет ОПИ.— Чита, 1987.— 37 с.
- Константинов А. В. Раскопки поселений Усть-Менза—2 и Косая Шивера в Читинской области. Научный отчет ОПИ о полевых исследованиях в 1987 г.— Чита, 1988.— 61 с.
- Константинов А. В. Раскопки поселений Усть-Менза—2 и Косая Шивера в Читинской области. Научный отчет о полевых исследованиях в 1987.— Чита, 1988.— 61 с.
- Константинов А. В. Изучение поселения Косая Шивера в Читинской области. Научный отчет о полевых исследованиях в 1988 г.— Чита, 1988.— 62 с.
- Константинов А. В. Изучения поселения Усть-Менза—2 в Читинской области. Отчет ОПИ.— Чита, 1989.— 49 с.
- Константинов А. В. Палеолитические жилища Чикойско-Мензинской провинции Западного Забайкалья. Диссер. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук.— СПб, 1992.— 206 с.
- Константинов А. В., Клейнос С. А. Палеолитическое жилище на поселении Косая Шивера в Западном Забайкалье. // Культуры и памятники раннего металла и камня Забайкалья.— Новосибирск: Наука, 1993.— С. 36—47.
- Константинов А. В. Исследования в пади Широкая на р. Мензе в Читинской области. Отчет ОПИ.— Чита, 1993.— 72 с.
- Коновалов П. Б. Неолитическое погребение возле Дунда-Киреть на р. Хилок (Южная Бурятия) // Вопросы краеведения Бурятии. Вып. 8.— Улан-Удэ, 1975.
- Копоцкий А. К. А. П. Окладников и музейное дело в Сибири. // Гуманитарные исследования в Сибири: итоги и перспективы.— Новосибирск: Наука, 1984.
- Колчин Б. А., Шер Я. Н. Абсолютное датирование в археологии. // Проблемы абсолютного датирования в археологии.— М: Наука, 1972.— С. 3—11.
- Коробкова Г. Ф., Семин Л. В. Егоркина пещера (неолитический комплекс) // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья.— Новосибирск: Наука, 1993.— С. 88—98.
- Краткие сообщения Института Археологии № 149. Памятники эпохи мезолита.— М: Наука, 1977.— 127 с.
- Кропоткин П. А. Из Восточной Сибири. Иркутск, 10 мая 1865 г. (Окрестности Байкала) // Современная летопись.— М., 1965, № 23.— С. 5—8.
- Кропоткин П. А. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции // Записки Императорского русского географического общества, т. III.— СПб, 1873.
- Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции.— СПб, 1907.
- Кропоткин П. А. Исследования о ледниковом периоде.— СПб, 1876, 718 с.

- Кропоткин П. А. Письма из Восточной Сибири.—Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1983.—191 с.
- Кропоткин П. А. Записки революционера.—М: Московский рабочий, 1988.—544 с.
- Кузнецов А. К. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892// Известия ВСОРГО, т. XXIV, № 2.—1893.—С. 1—12.
- Кузнецова И. Иван Деметьевич Черский //Вестник естествознания, № 1—2,—1893.—С. 1—38.
- Кузнецов О. В. Археологические связи Красноярска и Забайкалья (к истории изучения палеолита Сибири)// Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев (тезисы докладов научно-практической конференции).—Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1989.—С. 78—81.
- Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья.—Новосибирск: Наука, 1993.—142 с.
- Лазуков Г. И. Плейстоцен на территории СССР. Восточно-Европейская платформенная равнина.—М: Изд-во МГУ, 1980.—270 с.
- Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Часть 1. Азия и проблема Родины человека (история идей и исследования).—Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1969.—388 с.
- Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Часть 2. Азия и проблема локальных культур (исследования и идеи).—Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1972.—415 с.
- Ларичев В. Е. Искусство верхнепалеолитического поселения Малая Сья: датировка, виды его и образы, их художественный стиль и проблемы интерпретации (предварительное сообщение) //Изв. СО АН СССР, 1978. № 11. Серия общ. наук. Вып. 3.—С. 104—119.
- Ларичев В. Е. Верхний палеолит лессовых районов Центральной и Восточной Азии (основные этапы эволюции и характер культуры). //Палеолит средней и восточной Азии.—Новосибирск: Наука, 1980.—С. 121—164.
- Ларичев В. Е., Холушкин Ю. П. Археология верхнепалеолитического поселения Малая Сья. //Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири. Путеводитель экскурсии.—Красноярск, 1992.—С. 119—122.
- Лежненко И. Л., Михнюк Г. Н. Раскопки нового могильника в Верхнем Приангарье //Археологические открытия 1972 года.—М., 1973.—С. 223—224.
- Лбова Л. В. Палеолит в Бурятии: итоги, проблемы, перспективы. //Арсеньевские чтения. Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения.—Уссурийск, 1993.—С. 183—185.
- Лбова Л. В. Техничко-морфологическая и функциональная характеристика инвентарного комплекса палеолитического местонахождения Каменка-1. //Петр Алексеевич Кропоткин — гуманист, ученый, революционер. Российская научная конференция.—Чита: Изд-во Читин. пед. ин-та, 1992.—С. 55—57.
- Лбова Л. В. Брянский палеолитический комплекс (к обоснованию археологического района). //Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Краткое содержание докладов Международного симпозиума.—Красноярск, 1992.—С. 162—165.
- Лбова Л. В. Особенности размещения археологических памятников Южного Забайкалья (долина р. Хилок). //Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии. Тезисы докладов.—Иркутск, 1987.—С. 72—74.
- Лбова Л. В. Палеолитическое поселение Каменка-1: предварительные итоги исследования 1990 г. //Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Посвящается 100-летию Н. К. Аурбаха. Краткое содержание докладов. Т. 1.—Красноярск, 1991.—С. 54—55.
- Лбова Л. В., Волков П. В. Инструментарий палеолитического местонахождения Каменка-1: типология и функции. //Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья.—Новосибирск: Наука, 1993.—С. 3—21.
- Лисицин Н. Ф. К вопросу о генезисе афонтовской культуры. //Арсеньевские чтения. Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения.—Уссурийск, 1993.—С. 185—187.
- Лисицин Н. Ф. Стоянка Куртак-4. //Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири. Бассейн р. Енисей. Путеводитель Международного симпозиума.—Новосибирск: 1990.—С. 104—108.
- Лисицин Н. Ф. Каменный век Минусинской котловины. //Автореф. дисс... канд. ист. наук.—Л, 1980.—17 с.
- Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа.—Л: Наука, 1977.—223 с.
- Лихачев Д. С. Предисловие //Репрессированная наука.—Л: Наука, Ленинградское отделение, 1991.—С. 5—6.
- Ляйзль Ч. Древность человека.—СПБ, 1864.—512 с.
- Марков К. К. Избранные труды. Проблемы общей физической географии и геоморфологии.—М: Наука, 1986.—287 с.
- Марков К. К. Избранные труды. Палеогеография и новейшие отложения.—М: Наука, 1986.—280 с.
- Мамонова Н. Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным. //Проблемы археологии Урала и Сибири.—М: Наука, 1973.—С. 18—28.
- Мамонова Н. Н. Новые находки неолитических черепов в Забайкалье. //Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. № 23.—1957.—С. 118—135.
- Мамонова Н. Н., Суларжицкий Л. Д. Опыт датирования по С¹⁴ погребений Прибайкалья эпохи голоцена. //СА, № 1.—1989.—С. 19—32.

- Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д.** Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным. //Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири. Итоги и перспективы.—Иркутск, 1986.—С. 15—21.
- Мамонова Н. Н.** Население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии (к вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) //Палеоантропология Сибири.—Новосибирск, 1980.—С. 64—88.
- Макаров Н. П.** К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций //Век подвижничества.—Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989.—С. 131—188.
- Мартос А. И.** Чикой и Хилок (отрывок из писем о Восточной Сибири). //Енисейский альманах.—1822.—С. 99—107.
- Медведев Г. И.** К истории исследования мезолита Приангарья. //Мезолит Верхнего Приангарья. Ч. 1.—Иркутск, 1971.—С. 7—30.
- Медведев Г. И.** Палеолит Южного Приангарья; //Автореф. дисс... докт. ист. наук.—Новосибирск, 1983.
- Медведев Г. И., Кононова Т. Н., Пержаков С. Н., Федоренко А. Б.** Игетейские палеолитические местонахождения. //Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири.—Иркутск: ИГУ, 1990.—С. 49—62.
- Медведев Г. И.** К итогам исследований на многослойном поселении Усть-Белая, 1957—1964 гг. //Изв. Вост.—Сиб. отд.-я Геогр. о-ва СССР, 1966. Т. 65.—С. 133—143.
- Медведев Г. И., Мизнюк Г. Н., Шмыгун П. Е.** Мезолит юга Восточной Сибири //Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 3.—Иркутск, 1975.—С. 74—81.
- Мещерин М. Н., Туганов Б. М.** Древняя стоянка у села Гыршелун. //Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья.—Новосибирск: Наука, 1993.—С. 21—27.
- Мещерин М. Н.** О намеренной фрагментации пластинчатых орудий в палеолите Толбаги. //Проблемы археологии Северной Азии. Тезисы докладов XXVIII региональной студенческой конференции.—Чита, 1988.—С. 106—107.
- Мещерин М. Н.** Древние находки у села Гыршелун //Петр Алексеевич Кропоткин — гуманист, ученый, революционер. Российская научная конференция.—Чита, 1992.—С. 62—64.
- Мезолит Верхнего Приангарья. Ч. 1.**—Иркутск, 1971.—241 с.
- Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1.—М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
- Михалкин И. И. А. К.** Кузнецов как археолог //Сборник памяти Алексея Кирилловича Кузнецова.—Чита, 1929.—С. 61—62.
- Мостиц А. П.** Археологические находки в окрестностях слободы Усть-Кяхты //Протокол ТКПОИРГО, 1984, № 3.—С. 17—18.
- Мостиц А. П.** Следы каменного века в долине р. Селенги //Протоколы общего собрания ТКПОИРГО, 1896, № 1—2.—С. 5—17.
- Мостиц А. П.** Следы доисторического человека в долине р. Чикоя //Протокол обыкновенного общего собрания ТКПОИРГО, 1897, № 1—2, приложение.—С. 5—9.
- Михно П. С. и Петри Б. Э.** Чикойский всадник //Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН, т. IV.—1929.
- Монгайт А. Л.** Археология Западной Европы. Каменный век.—М: Наука, 1973.—355 с.
- Мочанов Ю. А.** Северо-Восточная Азия в IX—V тысячелетиях до н. э. (сумнагинская культура). //Проблемы археологии Урала и Сибири.—М: Наука, 1973.—С. 29—43.
- Мочанов Ю. А.** Дюктайская верхнепалеолитическая культура и некоторые аспекты ее генезиса. //СА, № 4.—1969.—С. 235—239.
- Мочанов Ю. А.** Дюктайская пещера — новый палеолитический памятник Северо-Восточной Азии. //По следам древних культур Якутии.—Якутск, 1970.—С. 40—64.
- Мочанов Ю. А.** Палеолит Северной Евразии и начальные этапы заселения Америки человеком. //Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое.—Хабаровск, 1973.—С. 14—15.
- Мочанов Ю. А.** Палеолит Сибири (некоторые итоги изучения). //Берингия в кайнозое.—Владивосток, 1976.—С. 540—565.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Алексеев А. Н. и др.** Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы.—Новосибирск: Наука, 1983.
- Муратов В. М., Оводов Н. Д., Панычев А. В., Сафарова С. А.** Общая характеристика палеолитической стоянки Малая Сыя в Хакасии. //Археология Северной Азии.—Новосибирск: Наука, 1982.—С. 23—48.
- Мочанов Ю. А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии.—Новосибирск: Наука, 1977.—263 с.
- Обручев В. А.** Геологические исследования вдоль линии Забайкальской железной дороги (предварительный отчет) //Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. Вып. 6.—СПБ, 1897.—С. 1—84.
- Обручев В. А.** Геологические исследования в юго-западной части Забайкальской области в 1897 г. //Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. Вып. 12.—СПБ, 1899.—С. 1—30.
- Обручев В. А.** Селенгинская Даурия. Орографический и геологический очерк.—Л: Издательство Троицкосавского отделения Государственного географического общества, 1929.—209 с.
- Обручев В. А.** Признаки ледникового периода в Северной и Центральной Азии //Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 3.—1931.
- Обручев В. А.** Геология Сибири. Т. 3.—М.—Л: Изд-во АН СССР, 1938.

- Окладников А. П. Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях села Кабанска // Бурятоведческий сборник. Вып. III и IV.— Иркутск, 1927.— С. 102—105.
- Окладников А. П. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия, 1928, № 3, с. 63—69.
- Окладников А. П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. // ВДИ, № 1, 1938.— С. 244—260.
- Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР. // КСИИМК, 1946.— Вып. 26.— С. 7—11.
- Окладников А. П. Краткий отчет о работах Бурят-Монгольской археологической экспедиции летом 1947 г. // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики, 1948.— Вып. VIII.— С. 106—115.
- Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г. // ВДИ, 1948.— 155—163.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Части 1 и 2. МИА № 18, М—Л: Изд-во АН СССР, 1950—412 с.
- Окладников А. П. Археологические исследования в низовьях р. Селенги. (Предварительные сообщения о раскопках, произведенных в 1948 г.) // КСИИМК. вып. 35—М—Л, 1950.
- Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии. // Известия АН СССР: серия истории и философии. Т. VIII.— 1951.— № 5.— С. 440—450.
- Окладников А. П. Итоги работ Бурят-Монгольской экспедиции за 1947—1950 гг. // Тезисы докладов на сессии отд. истории, философии, на пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.— М.: 1951.— С. 55—56.
- Окладников А. П. Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 гг. // КСИИМК, XIV.— М., 1952.— С. 40—48.
- Окладников А. П. Археология и изучение древней истории Забайкалья. // Совещание по основным вопросам истории Бурят-Монголии при ИИМК СССР, 27 окт. 1952 г., Тезисы докладов.— Улан-Удэ, 1952.— С. 21—22.
- Окладников А. П. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом. // КСИИМК.— Вып. 51.— 1953.— С. 16—23.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. Глазковское время. МИА № 43. М—Л: Изд-во АН СССР, 1955—374 с.
- Окладников А. П. Новые данные по палеолиту и четвертичной геологии Забайкалья. // Тезисы доклада Всесоюзного межведомственного совещания по изучению четвертичного периода 16—27 мая 1957 г. Секция истории ископаемого человека.— М.: 1957.— С. 7—8.
- Окладников А. П. Археологические исследования в бассейне р. Уды летом 1958 года. // Записки Бур. НИИ Культуры, № 25.— 1958.— С. 204—207.
- Окладников А. П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк // Археологический сборник. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959, с. 5—25.
- Окладников А. П. Археологические исследования в низовьях реки Селенги (предварительное сообщение о раскопках, произведенных в 1948 г.) // КСИИМК, 1960, вып. 35.— С. 85—90.
- Окладников А. П., Флоренсов Н. А. Новые данные по палеолиту и четвертичной геологии Забайкалья (находки на горе Тологой и дер. Ошурково). // Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Т. 1—М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Окладников А. П. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // Труды Кяхтинского музея краеведения им. академика В. А. Обручева и Кяхтинского отделения ГО СССР, т. 18.— Улан-Удэ, 1961.— С. 19—37.
- Окладников А. П. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир.— М., 1962.— С. 418—431.
- Окладников А. П., Ларичев В. Е. Археологические исследования в Монголии в 1961—1962 гг. (Краткие итоги работ советско-монгольской экспедиции по изучению каменного века Центральной Азии). // Изв. СО АН СССР, № 1.— Вып. 1.— 1963.— С. 78—89.
- Окладников А. П. К вопросу о мезолите и энепалеолите в азиатской части СССР (Сибирь и Средняя Азия). // МИА СССР, № 126.— М.— Л., 1966.— С. 213—223.
- Окладников А. П., Хамзина Е. А. Работы в Ошурково в 1958 г. // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР.— Вып. 16.— Серия востоковедения.— Улан-Удэ, 1965.
- Окладников А. П., Троицкий С. Л. К изучению четвертичных отложений и палеолита Монголии // Бюл. Комис. по изучению четверт. периода, № 33.— 1967.— С. 3—30.
- Окладников А. П. Древние связи культур Сибири и Средней Азии. // Бахрушинские чтения, 1966.— Новосибирск, 1968.— С. 144—158.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья, Ч. 1.— Л.: Наука, 1969.— 218 с.; Ч. 2. Л.: Наука, 1970.— 264 с.
- Окладников А. П. Неолит Сибири и Дальнего Востока. // Каменный век на территории СССР.— М.: Наука, 1970.— С. 172—193.
- Окладников А. П. Многослойное поселение Санный Мыс на реке Уде (раскопки 1968 г.). // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Вып. 1.— Новосибирск, 1971.— С. 7—87.
- Окладников А. П. К истории первоначального освоения человеком Центральной Азии. // Центральная Азия и Тибет.— Новосибирск, 1972.— С. 15—25.
- Окладников А. П. Ранняя история Забайкалья в свете новых исследований: итоги и проблемы. // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов.— Чита, 1972.— С. 21—30.

- Окладников А. П.** Проблемы древнейших культурных и этнических связей Средней Азии и Сибири. //Каменный век Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов совещания.—Ташкент: 1972.—С. 5—8.
- Окладников А. П.** Отчет об исследовании палеолитического поселения в местности Варварина Гора (Заиграевский район Бур. АССР) в 1973 г.—Новосибирск, 1974.
- Окладников А. П.** Поселение каменного века на горе Хере-уул (Восточная Монголия) и докерамические культуры Японии. //Сб. памяти академика Н. И. Конрада.—М. 1974.—С. 322—338.
- Окладников А. П.** Варварина Гора — новый памятник леваллуазского этапа палеолита за Байкалом. //Археологические открытия 1973 г.—М. 1974.—С. 215—216.
- Окладников А. П.** Неолитические памятники Ангары (от Щукина до Бурети).—Новосибирск, 1974.—318 с.
- Окладников А. П.** Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк) //Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II. Забайкалье.—Новосибирск, 1975.—С. 6—20.
- Окладников А. П.** Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды).—Новосибирск: Наука, 1975.—318 с.
- Окладников А. П.** Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серова до Братска).—Новосибирск: Наука, 1976.—С. 328.
- Окладников А. П.** История и культура Бурятии. Сборник статей. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1976, 458 с.
- Окладников А. П.** Мезолит Дальнего Востока (докерамические памятники). //КСИА, № 149.—М.: Наука, 1977.—С. 115—119.
- Окладников А. П.** Отчет об экспедиции исследования палеолитического поселения Усть-Кяхта в 1976 г.—Новосибирск: 1977.
- Окладников А. П.** Верхоленинский могильник — памятник древней культуры народов Сибири.—Новосибирск: Наука, 1978.—288 с.
- Окладников А. П.** Научный отчет о раскопках палеолитического поселения на Варваринной Горе в 1977 г.—Новосибирск, 1988.
- Окладников А. П.** Научный отчет о раскопках стоянки Усть-Кяхта-1. (Кяхтинский район Бур. АССР) в 1978 г.—Новосибирск, 1979.
- Окладников А. П., Кириллов И. И.** Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы.—Новосибирск: Наука, 1980.—278 с.
- Окладников А. П.** Палеолит Центральной Азии. Мойлтын ам (Монголия).—Новосибирск: Наука, 1981.—460 с.
- Окладников А. П.** Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае (по материалам раскопок 1980 года). //Палеолит Сибири.—Новосибирск: Наука, 1983.—С. 5—30.
- Оводов Н. Д.** Фауна палеолитических стоянок Сибири и проблема хронологических и палеоландшафтных толкований. //Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий.—Новосибирск: 1975.—С. 35—50.
- Оводов Н. Д.** Фауна палеолитических поселений Толбага и Варварина Гора в Западном Забайкалье. //Природная среда и древний человек в позднем антропогене.—Улан-Удэ, 1987.—С. 122—140.
- Пархоменко С. Н.** Жизнь и научно-исследовательская деятельность Бернгардта Эдуардовича Петри. Дипломная работа (рукопись).—Чита, 1991.—108 с.
- Пархоменко С. Н.** Архивно-следственное дело Б. Э. Петри //Петр Алексеевич Кропоткин — гуманист, ученый, революционер. Российская научная конференция. Сборник тезисов. Изд-во Читинского педагогического института, 1992, с. 25—27.
- Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть 3.—СПб, 1788.
- Пасецкий В. М., Пасецкая-Креминская Е. К.** Декабристы-естествоиспытатели.—М: Наука, 1989.—255 с.
- Палеолит Кавказа и Северной Азии.**—М.: Наука, 1989.—272 с.
- Памятники эпохи мезолита.**—М.: Наука, 1977.—128 с.
- Памятники археологии Читинской области (Западные районы)**—Составители: М. В. Константинов и др. Буклет. Чита, 1986.
- Петрин В. Т., Чевалков Л. М.** О возникновении микролитической торцовой техники скальвания на примере палеолитической стоянки Кара-Бом. //Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Краткое содержание докладов Международного симпозиума.—Красноярск, 1992.—С. 206—209.
- Петри Б. Э.** Вторая поездка в Предбайкалье //Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, серия 2, № 3.—1914.—С. 89—106.
- Петри Б. Э.** Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопке стоянки Улан-Хада //Сборник МАЭ РАН, т. III, 1916, с. 113—132.
- Петри Б. Э.** Сибирский палеолит.—Иркутск, 1923.—47 с.
- Петри Б. Э.** Сибирский неолит //Известия БГИ при ИГУ, т. III, вып. VI.—1926.—С. 39—75.
- Петри Б. Э.** Сибирский палеолит. Атлас. Рисунки М. М. Герасимова. Вып. I. Ангарский палеолит.—Иркутск, 1927.—24 с.
- Петри Б. Э.** Древности озера Косогол (Монголия).—Иркутск, 1926.—31 с.
- Петри Б. Э.** Далекое прошлое Прибайкалья. Научно-популярный очерк. 2-е издание.—Иркутск, 1928.—73 с.
- Петри Б. Э.** Задачи дальнейшего исследования туземцев Сибири и метод обследования целых народностей. Отдельный оттиск из Трудов «Первого Сибирского краеведческого научно-исследовательского съезда», т. V, —1928.—5 с.

- Петрзев Е. Д. Вперед — огни. Очерк культурного прошлого Забайкалья. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1968.
- Поляков И. С. Отчет // Известия ИРГО, т. IV, № 1. — СПб, 1868. — С. 127—139.
- Поляков И. С. Отчет о поездке в Восточный Саян // Отчет о действиях СОИРГО за 1868 г. — СПб, 1869. — С. 109—198.
- Поляков И. С. Описание каменных орудий Курганского округа // Антропологическая выставка 1879, т. 3, ч. I. — М., 1879, С. 87—95.
- Попов В. В. П. С. Михно как краевед // Бурятияведение, № 3—4, — 1929. — С. 59—64.
- Попов А. В. Очерк палеозоологических исследований и достижений ВСОИРГО за 75 лет (1851—1926) // Известия ВСОИРГО, т. 4, вып. I. — Иркутск, 1927. — С. 43—59.
- Природная среда и древний человек в позднем антропогене. — Улан-Удэ, 1987. — 181 с.
- Прибайкалье и Забайкалье. Природные условия и естественные ресурсы СССР. — М., 1965. — 492 с.
- Птицын В. В. Следы доисторического человека в долине р. Селенги в Забайкалье. — СПб, 1890. — С. 1—7.
- Птицын В. В. Селенгинская Даурия. Очерки забайкальского края. — СПб, 1896. — 306 с.
- Праслов Н. Д. История изучения палеолита Костенковско-Борщевского района и сложение костенковской школы // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879—1979. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. — 285 с.
- Протоколы общего собрания ТКОРГО, 1894, № 3, заседание 23 ноября 1894 г.
- Пубаев Р. Е. Г. Ц. Цыбилов (1873—1930) // Г. Ц. Цыбилов. Избранные труды, т. 1. — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1981. — С. 7—26.
- Равский Э. И., Александрова Л. П., Вангенгейм Э. А., Гербова В. Г., Голубева Л. В. Антропогенные отложения юга Восточной Сибири. // Труды Геологического ин-та АН СССР. — Вып. 105. — 1964.
- Равский Э. И. Осадконакопления и климаты Внутренней Азии в антропогене. — М.: Наука, 1972.
- Ранов В. А. Остатки стоянок каменного века у Сомона-Тамир (Монголия) и некоторые вопросы палеолита Центральной Азии // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 2. — Иркутск, 1974. — С. 35—53.
- Распутин В. Г. Что в слове, что за словом? — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. — 336 с.
- Рижский М. И. Из глубины веков. — Иркутск: 1965. — 172 с.
- Рогачев А. Н. Некоторые вопросы изучения палеолита Восточной Европы // МИА. № 126. — М—Л, 1966.
- Родникова Е. А., Селин В. В. Усть-Менза—5: погребение бронзового века // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири». Ч. II. — Улан-Удэ, 1986. — С. 74—76.
- Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы). Автореф. канд. дисс... ист. наук. — Новосибирск, 1989. — 26 с.
- Сирин А. А. Бернгард Эдуардович Петри (к вопросу о становлении «Иркутской школы» советской археологии и этнографии) // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири. Итоги и перспективы. — Иркутск, 1986. — С. 30—33.
- Свинин В. В. Археологические памятники на территории Бурятской АССР. Рукопись. — Иркутск — Улан-Удэ, 1971.
- Семина Л. В. Керамика эпохи неолита и бронзы юго-западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи: Новосибирск: Наука, 1985. — С. 104—122.
- Семина Л. В. Эпоха неолита и палеометалла юго-западного Забайкалья. // Автореф. дисс... канд. ист. наук. — Л. 1986. — 16 с.
- Семина Л. В. Кристинкина пещера — памятник раннего металла Южного Забайкалья. // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск: Наука, 1983. — С. 61—70.
- Семина Л. В., Гребенщикова О. В. Памятники раннего неолита Западного Забайкалья. // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. — Новосибирск: Наука, 1993. — С. 113—128.
- Семина Л. В. Археологические раскопки в бассейне р. Мензы. // Научный отчет о полевых исследованиях летом 1988 г. — Чита, 1989. — 85 с.
- Семина Л. В. Раскопки древних поселений в бассейне реки Мензы. // Научный отчет о полевых исследованиях летом 1990 г. — Чита; 1991. — 83 с.
- Семина Л. В. Раскопки на Усть-Мензе—1 и Черноярое в Западном Забайкалье в 1991 г. Отчет ОПИ. — Чита, 1992. — 113 с.
- Семина Л. В. Археологическая разведка в окрестностях с. Менза Читинской области в 1981 году. Отчет ОПИ. — Чита, 1982. — 38 с.
- Семина Л. В. Раскопки многослойного поселения Усть-Менза—1 в 1989 г. Отчет ОПИ. — Чита, 1990. — 117 с.
- Семенов С. А. Географическая среда и орудия каменного века // Первобытный человек и природная среда. — М., 1974. — С. 41—48.
- Соловьев А. И., Карпов Г. В. Словарь-справочник по физической географии. — М.: Просвещение, 1983. — 224 с.
- Сообщение из письма Черского о находке на берегу р. Селенги... // Древности. Труды Московского Археологического общества, 1880. Т. VIII. Протоколы заседаний. С. 36.

- Сосновский Г. П. Краткий отчет о летней работе археологического отряда Бурят-Монгольской экспедиции АН СССР в 1928 г. //Бурятияведение, 1928, IV (8).— С. 162—166.
- Сосновский Г. П. Археологический отряд Бурято-Монгольской экспедиции, 1928 г. //Отчет о деятельности АН СССР за 1928 г. Отд. 2. Отчет о научных командировках и экспедициях.— Л., 1929а.— С. 178—180.
- Сосновский Г. П. Археологический отряд Бурято-Монгольской экспедиции, 1929 г. //Осведомительный бюллетень комиссии экспедиционных исследований АН СССР.— Л., 1929б.— С. 166—167.
- Сосновский Г. П. Археологическая Бурят-Монгольская экспедиция, 1929 г. //Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. Отд. 2. Отчет о научных командировках и экспедициях.— Л., 1930.— С. 153—155.
- Сосновский Г. П. О находках древней каменной индустрии и остатков страуса в Селенгинской Даурии //Сообщение ГАИМК, 1932, № 11—12, с. 19—24.
- Сосновский Г. П. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье //Труды Комиссии по изучению четвертичного периода при Академии наук, № 3, вып. 1.— 1933.— С. 23—40.
- Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии //Труды II международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V.— М.— Л., 1934. С. 246—304.
- Сосновский Г. П. Итоги работ Бурят-Монгольского отряда Академии наук СССР в 1928—1929 гг. //Проблемы Бурят-Монгольской АССР. Труды 1-й конференции по изучению производительных сил Бурято-Монгольской АССР.— М.— Л., 1936.— С. 318—321.
- Сосновский Г. П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири //КСИИМК, VII.— М.— Л., 1940.— С. 86—90.
- Сосновский Г. П. Ранние кочевники Забайкалья //КСИИМК, 1940, № 8, с. 36—42.
- Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья //Труды Отделения истории первобытной культуры (Государственный Эрмитаж), т. 1.— 1941.
- Сосновский Г. П. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя (Забайкалье) //КСИИМК.— 1947.— С. 35—39.
- Спицын А. А. Русский палеолит //Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. XI.— 1913.
- Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства.— М., 1985.
- Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири.— Иркутск: Из-во ИГУ, 1990.— 168 с.
- Стратиграфия СССР. Четвертичная система. Полутом I.— М.: Недра, 1982.— 443 с.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовое педи Троицкосавского округа Забайкальской области. Палеознтологические исследования //Труды ТКОПОИРГО, т. 1, вып. 2.— М., 1899.— 77 с.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Древние обитатели Центральной Азии //Русский антропологический журнал, 1900, № 2, с. 1—12.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеознтологии Забайкалья, VII //Труды ТКОПОИРГО, т. IV, вып. 2, 1901.— М., 1902.— С. 32—59.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами. Сравнительно-антропологический очерк //Труды ТКОПОИРГО, т. VIII, в. 1, 1905а, с. 32—51.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Древние памятники Западного Забайкалья (с картой их распределения) //Труды XII археологического съезда в Харькове, 1902, № 1.— М., 1905б.— С. 492—505.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских //Бурятияведение, № 1—3 (5—7).— Верхнеудинск, 1928.— С. 91—103.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеознтологии Забайкалья //Труды ТКОПОИРГО, т. III, вып. 2 и 3, 1900.— Иркутск, 1902.— С. 9—38.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Из пережитых дней, т. I—II.— Варшава, 1930—1932 (на польском языке).
- Тиваненко А. В. Археологические увлечения Н. А. Бестужева //Сибирь и декабристы, вып. 5.— Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство.
- Титов Е. И. Научные открытия учащихся школы 1-й ступени (из заметок руководителя экскурсии) //Вопросы просвещения на Дальнем Востоке, 1924, № 5, с. 76—80.
- Титова З. Д. Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д-га Мессершмидта) //Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. VIII — Труды института этнографии, т. 107.— М.: Наука, 1978.— С. 5—14.
- ТКОПОИРГО, 1897, № 4, 5.
- Труды ТКОПОИРГО, 1898, т. 1, вып. 1, годовое собрание, № 2, заседание 4 марта.
- Труды ТКОПОИРГО, 1899—1900, т. II, вып. 1, 2. Обыкновенное общее собрание, 20 октября.
- Труды ТКОПОИРГО, т. 7, вып. 3, 1904 г. Обыкновенное общее собрание, 15 ноября, 4 с.
- Уваров А. С. Археология России. Каменный период. Том 1.— М., 1881.— 640 с. У истоков древних культур. //МИА СССР, № 126—М.— Л., 1966.
- Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического.— Новосибирск: Наука, 1976.— 222 с.
- Фирсов Л. В., Панычев В. А., Орлова Л. А. Каталог радиоуглеродных дат.— Новосибирск: Наука, 1985.— 88 с.
- Флоренсов Н. А., Олюнин В. Н. Рельеф и геологическое строение. //Предбайкалье и Забайкалье.— М.: Наука, 1965.— С. 23—90.

- Флоренсов Н. А.** Геологические описания Санного Мыса (приложение к отчету о раскопках в Бур. АССР в 1968 г.) //Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции.— Вып. II.— Новосибирск: 1971.— С. 84—86.
- Флоренсов Н. А.** К изучению научного наследия Н. А. Бестужева («Гусиное озеро») //Сибирь и декабристы, вып. 3.— Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983.— с. 77—102.
- Формозов А. А.** Очерки по истории русской археологии.— Москва: Изд-во АН СССР, 1961.— 128 с.
- Формозов А. А.** Археологические путешествия.— М.: Наука, 1974.— 120 с.
- Формозов А. А.** Пушкин и древности. Наблюдения археолога.— М.: Наука, 1979.— 118 с.
- Формозов А. А.** Начало изучения каменного века в России.— М.: Наука, 1983.— 127 с.
- Формозов А. А.** Русское общество и охрана памятников культуры.— М.: Советская Россия, 1990.— 112 с.
- Хамзина Е. А.** Археологические памятники Западного Забайкалья.— Улан-Удэ: 1970.— 141 с.
- Хамзина Е. А.** Археологические исследования в Бурятии за 50 лет. //Исследования и материалы по истории Бурятии.— Улан-Удэ, 1973.
- Хамзина Е. А.** Археологические памятники Бурятии.— Новосибирск, 1982.— 152 с.
- Хамзина Е. А.** Три археологические карты Западного Забайкалья //Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири. Итоги и перспективы.— Иркутск, 1986.— С. 56—57.
- Хотинский Н. А.** Голоцен Северной Евразии.— М.: Наука, 1977.— 199 с.
- Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн р. Енисей). Экскурсия № 2.** //Путеводитель международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки.— Новосибирск: 1990.— 184 с.
- Цейтлин С. М., Голубева Л. В.** Стоянка Ошурково (Западное Забайкалье). //Палеоэкология древнего человека.— М., 1977.— С. 186—192.
- Цейтлин С. М.** Геология палеолита Северной Азии.— М.: Наука, 1979.— 287 с.
- Цейтлин С. М.** Геология палеолита и задачи геологических исследований памятников палеолита Северной Азии. //Природная среда и древний человек в позднем антропогене.— Улан-Удэ, 1987.— С. 6—12.
- Цейтлин С. М.** Схема геологической периодизации палеолита Северной Азии. //Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий.— Новосибирск, 1975.— С. 31—34.
- Цейтлин С. М., Константинов А. В., Одоев А. Г., Дружинин А., Золотарев В.** Присковая — новый палеолитический памятник //Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири». Ч. II.— Улан-Удэ, 1986.— С. 76—77.
- Цейтлин С. М., Константинов А. В., Одоев А. Г.** Палеолитическое поселение Присковое // Природная среда и древний человек в позднем антропогене.— Улан-Удэ, 1987.— С. 141—149.
- Цыбиков Г. Ц.** Культ огня у восточных бурят-монголов //Бурятоведческий сборник, № 3—4.— Иркутск, 1927.— С. 63—64.
- Цыбиков Г. Ц.** Цагалган //Бурятоведение, № 3—4, Верхнеудинск, 1927.— С. 71—72.
- Цыбиков Г. Ц.** Избранные труды, т. 1.— Новосибирск: Наука, 1981.— 265 с.; т. 2, Новосибирск: Наука, 1981.— 240 с.
- Черский И. Д.** Предварительный отчет о геологических исследованиях береговой полосы оз. Байкала //Известия ВСОРГО, т. IX.— 1880.— с. 1—37.
- Черский И. Д.** Отчет о работе в 1881 г. в Забайкальской области //Известия ВСОРГО, т. XII, № 2—3,— 1881а.— С. 87—90.
- Черский И. Д.** Отчет о поездке на Селенгу в 1881 г. //Отчет ВСОРГО за 1881 год. Известия ВСОРГО, т. XIII, № 3, 1881б.— с. 1—2.
- Черский И. Д.** Геологическая экскурсия на высокое плоскогорье (система р. Селенги) и берег Байкала между устьями рр. Селенги и Кики (Отчет за лето 1881 года) //Известия ВСОРГО, 1882, т. XIII, № 1—2, с. 36—112.
- Черский И. Д.** Описание коллекций послетретичных млекопитающих животных, собранных Новосибирской экспедицией 1885—86 гг. Приложение к XV тому «Записок Академии Наук», № 1,— 1891.
- Черский И. Д.** Неопубликованные статьи, письма и дневники.— Иркутск, 1956.
- Черепанов В. В.** Изучение археологических памятников в зоне добычи золота в пади Мельничной. Отчет ОПИ.— Чита, 1986.— 71 с.
- Черепанов В. В., Остроумов В. М.** Археологический памятник в Мельничной пади //Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири». Ч. II.— Улан-Удэ, 1986.— С. 83—86.
- Чернецов В. Н.** Этно-культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита. //Проблемы археологии Урала и Сибири.— М., 1973.— С. 10—17.
- Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Тезисы докладов Всесоюзной конференции.— Ч. 1 — Улан-Удэ, 1986.— 117 с.; Ч. II.— Улан-Удэ, 1986.— 101 с.**
- Чимитдоржиев Ш. Б.** Россия и Монголия. М.: Главная редакция восточной литературы, 1987.— 240 с.
- Чеха В. П., Оводов Н. Д.** Геология и палеонтология стоянки Малая Сыя. //Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау, Восточный Саян). Путеводитель экскурсии международной конференции.— Красноярск, 1992.— С. 109—113.

- Шлямов К. О. Древнее поселение Усть-Менза-4. Отчет ОПИ. Чита,— 1987.
- Шуньков М. В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая.— Новосибирск: Наука, 1990.— 159 с.
- Шмидт С. О. Краеведение — дело, значение которого не может быть преувеличено // Памятники Отечества, № 1.— 1989.— С. 12—18.
- Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири.— Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990.— 246 с.
- Яроцкий А. Ф. О деятельности экспедиции П. Л. Шиллинга в Забайкалье // Труды Кяхтинского музея краеведения им. академика В. А. Обручева и Кяхтинского отделения ГО СССР, т. 18.— Улан-Удэ, 1961.— С. 75—84.
- Ярошевский М. Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука.— Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. С. 9—33.
- Яснитский В. Краткий обзор ботанических исследований ВСОГРГО в Восточной Сибири (1851—1926) // Известия ВСОГРГО, т. 4, вып. 1.— Иркутск, 1927.— С. 95—108.
- Ярославцева Л. Г. Многослойное поселение Мухино // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья.— Новосибирск: Наука, 1993.— С. 128—139.
- Ямских А. Ф. О реконструкциях седиментационной цикличности в речных долинах Южной Сибири при изучении палеолита. // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. Доклады Международного симпозиума.— Новосибирск, 1992.— С. 83—91.
- Ямских А. Ф., Ямских Г. Ю. Геолого-геоморфологические особенности стоянки Малая Сыя. // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири. Путеводитель экскурсии.— Красноярск, 1992.— С. 114—118.
- Bordes F. Typologie du paleolithique ancien et moyen— Bordeaux,— 1961.
- Boule M., Breuil, Licent E., Teit Hard P. La Paleolithique de la Chine. Archives de L'institut de Paleontologie Humaine, Memoire, 4.— Paris, 1928.
- Clark J. G. D. Mesolithic Prelude—Edinburgh, 1980.
- Okladnikov A. P. Paleolithic sites in Trans—Baikal. Asian Perspectives, 1960, v. IV, no. 1—2, p.p. 157—182.
- Okladnikov A. P. The paleolithic of Trans—Baikal— American antiquity, 1961, N 26, no 4, p.p. 486—497.
- Müller Beck H. (ed.). Early men news 1. Newsletter of the commission for the Paleocology of Early man of INQVA. Tübingen, 1976.
- Ranov V. A. The paleolithic industries of the Central Asia: A revolution // Le paleolithique interieur. Nice, 1976.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории.
ВСОГРГО
или ВСОРГО	— Восточно-Сибирский отдел Государственного Русского Географического Общества.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ГАЧО	— Государственный архив Читинской области.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры.
ИРГО	— Императорское русское географическое общество.
ЗБМИК	— Записки Бурят.-Монгольского научно-исследовательского института.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МЭ РАН	— Музей археологии и этнографии Российской Академии наук.
МИА	— Материалы и исследования по археологии.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА	— Советская археология.
СОИРГО	— Сибирский отдел императорского русского географического общества.
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР.
ТКОПОИРГО
или ТКОРГО	— Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела императорского русского географического общества.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. Региональная историография: исследователи экспедиции, памятники	13
— Николай Бестужев: воспой простые предков нравы	13
— Петр Кропоткин: исследование о ледниковом периоде	15
— Иван Поляков: забайкальский казак, российский ученый	18
— Иван Черский: открытая и забытая Итанца	19
— Николай Витковский: памятники археологии подобны листкам летописи	20
— Алексей Уваров: на пользу и развитие русской археологии	21
— Владимир Птицын: древние богатства даурских степей	22
— Александр Мостиц: доисторический человек на берегах Селенги и Чикая	23
— Юлиан Талько-Грынцевич: история, прочитанная по курганам	24
— Бернгард Петри: счастье открытий и трагедия жизни	25
— Владимир Обручев: строение и возраст четвертичных отложений	27
— Алексей Окладников: три десятилетия поисков и открытий	28
— Новый этап исследований	33
ГЛАВА 2. Вопросы методологии и методики исследования древних поселений как природно-исторических памятников	39
ГЛАВА 3. Древние памятники: новые открытия и научное наследие	45
Толбага	45
Куналей	60
Читкан	66
Студеное-1	71
Студеное-2	86
Усть-Менза-3	89
Усть-Менза-4	92
Санный Мыс	94
Ошурково	99
И все остальные...	103
ГЛАВА 4. Геология и геохронология древних поселений	108
Геоморфологическая справка	108
Террасовый ряд и генотипы террас	108
Геологический возраст древних поселений	119
ГЛАВА 5. Хронология и периодизация по данным археологии: общие принципы и местная специфика	120
Исходные позиции и размышления	120
Конкретная задача и ее решение	121
ГЛАВА 6. Палеолит	124
Периоды и культуры	124
Каменная индустрия	136
Хозяйственный уклад и жилища	141
ГЛАВА 7. Мезолит	147
ГЛАВА 8. Неолит	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
ПРИЛОЖЕНИЕ	164

CONTENTS

FOREWORD	7
Chapter I Regional Historiography: explorers, expeditions, relics of the past	13
— Nickolai Bestuzhev: glorify the simple morals and manners of the forefathers	13
— Pyotr Kropotkin: exploration of the glacial epoch	15
— Ivan Polyakov: Zabaikalian cosstck, Russia's Scientist	18
— Ivan Chersky: discovered and forgotten Itantsa	19
— Nickolai Vitkovsky: relics of the archaeology are like the sheets of chronicle	20
— Alexei Uvarov: for the benefit and development of the Russian archaeology	21
— Vladimir Ptitsyn: ancient riches of the Daurian steppes	22
— Alexei Mostits: prehistoric man on the banks of the Selenga and Chickoi rivers	23
— Julian Talko-Gryntsevich: history read due to burial-mounds	24
— Berngard Petry: happiness of the discovery and the tragedy of life	25
— Vladimir Obrutchev: 30 years of search and discovery	27
— New stage of investigation	33
CHAPTER II The problems of methodology and methods of investigation of ancient sites as the natural-historical monuments	39
CHAPTER III Ancient monuments: new discoveries and scientific legacy	45
Tolbaga	45
Kunalei	60
Chitkan	66
Studyonoye-1	71
Studyonoye	86
Ust-Menza	89
Ust-Menza-4	92
Sanny Myss	94
Oshurkovo	99
And all the others	103
CHAPTER IV Geology and geochronology of ancient sites	108
1. Geomorphological reference	108
2. Terrace row and genotype of terraces	108
3. Geological age of ancient sites	119
CHAPTER V Gronology and division into periods owing to the facts of the archaeology: general principles and local specific features	120
1. Initial data and reflections	120
2. Concrete task and its solution	121
CHAPTER VI Palaeolithic Age	124
1. Division into periods and cultures	124
2. Stone industry	136
3. Mode of production and dwellings	141
CHAPTER VII Mesolithic Age	147
CHAPTER VIII Neolithic Age	153
CONCLUSION	161
APPENDIX	164
HIBLIOGRAPHY	164

КОНСТАНТИНОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
Каменный век восточного региона Байкальской Азии.
К Всемирному археологическому интер-конгрессу
(Забайкалье, 1996)

Ответственные редакторы:
Абрам Давидович Столяр
Семен Маркович Цейтлин

Утверждено к печати
Институтом общественных наук БНЦ СО РАН
Читинским государственным педагогическим
институтом им. Н. Г. Чернышевского

Редакторы издательств: **Л. Д. Базарова, Л. В. Сёмина.**

№ 020494 — ЛР № 040275

ISBN—5—85158—052—6

Сдано в набор 22.06.94. Подписано к печати 24.10.94. Формат 60×84¹/₈.
Бумага типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать.
Усл.-изд. л. 23,8. Тираж 500 экз. Заказ № 20. Цена договорная.

Издательство ИОН БНЦ СО РАН. Издательство Читинского пединститу-
та. Полиграфкомбинат, г. Новосибирск, Красный проспект, 22.

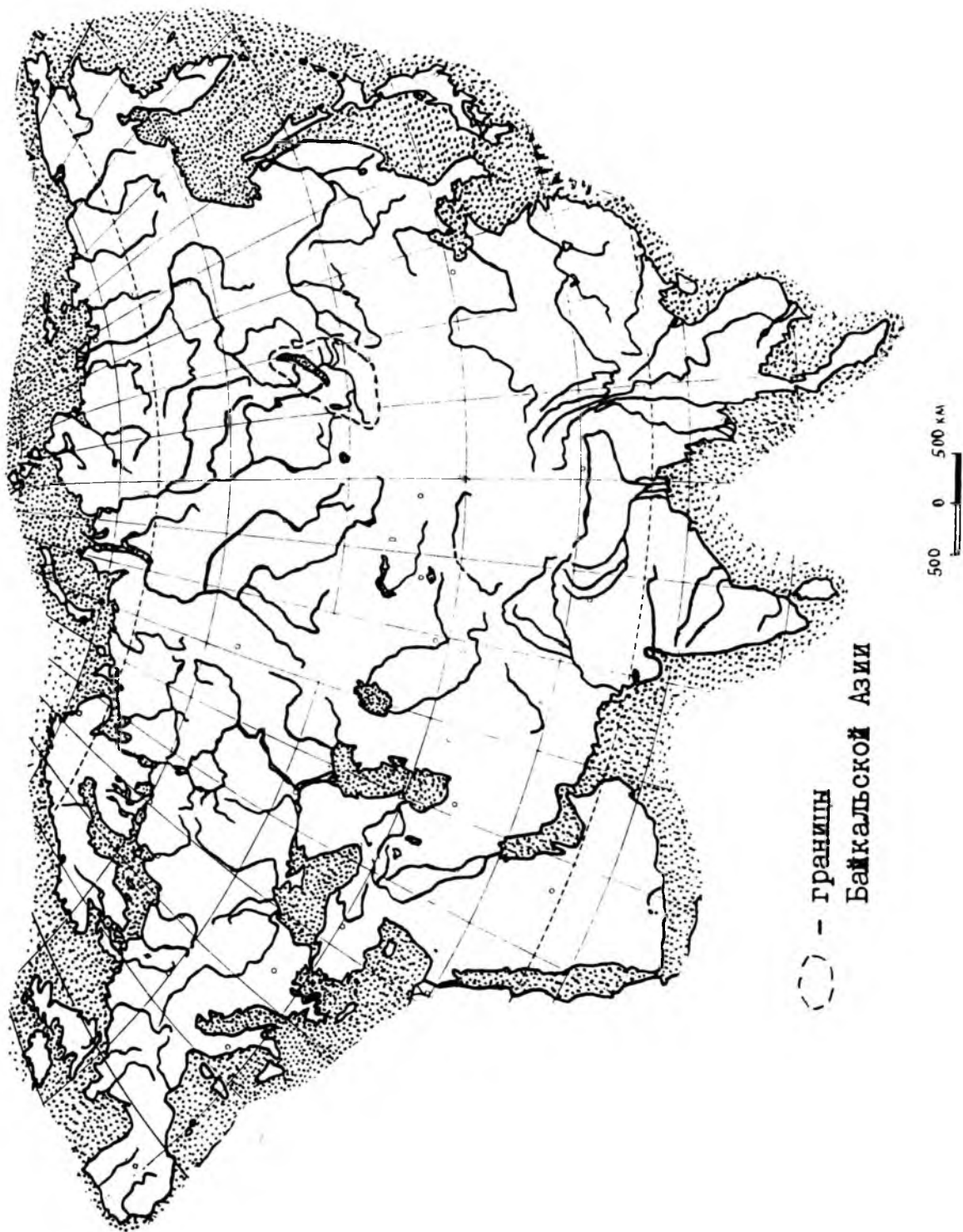

Рис. 1. Байкальская Азия на карте Евразии.

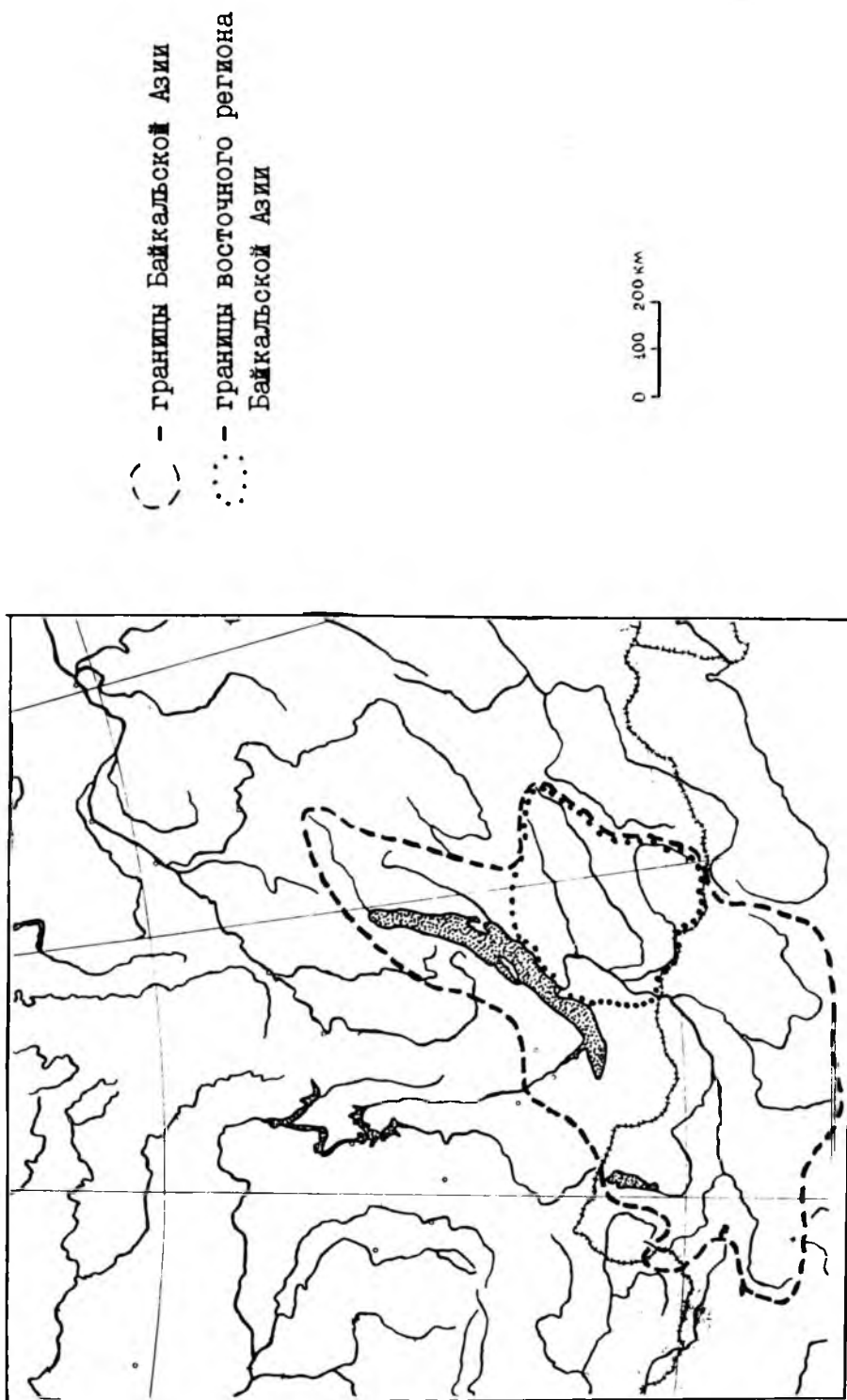

Рис. 2. Байкальская Азия и ее восточный регион.

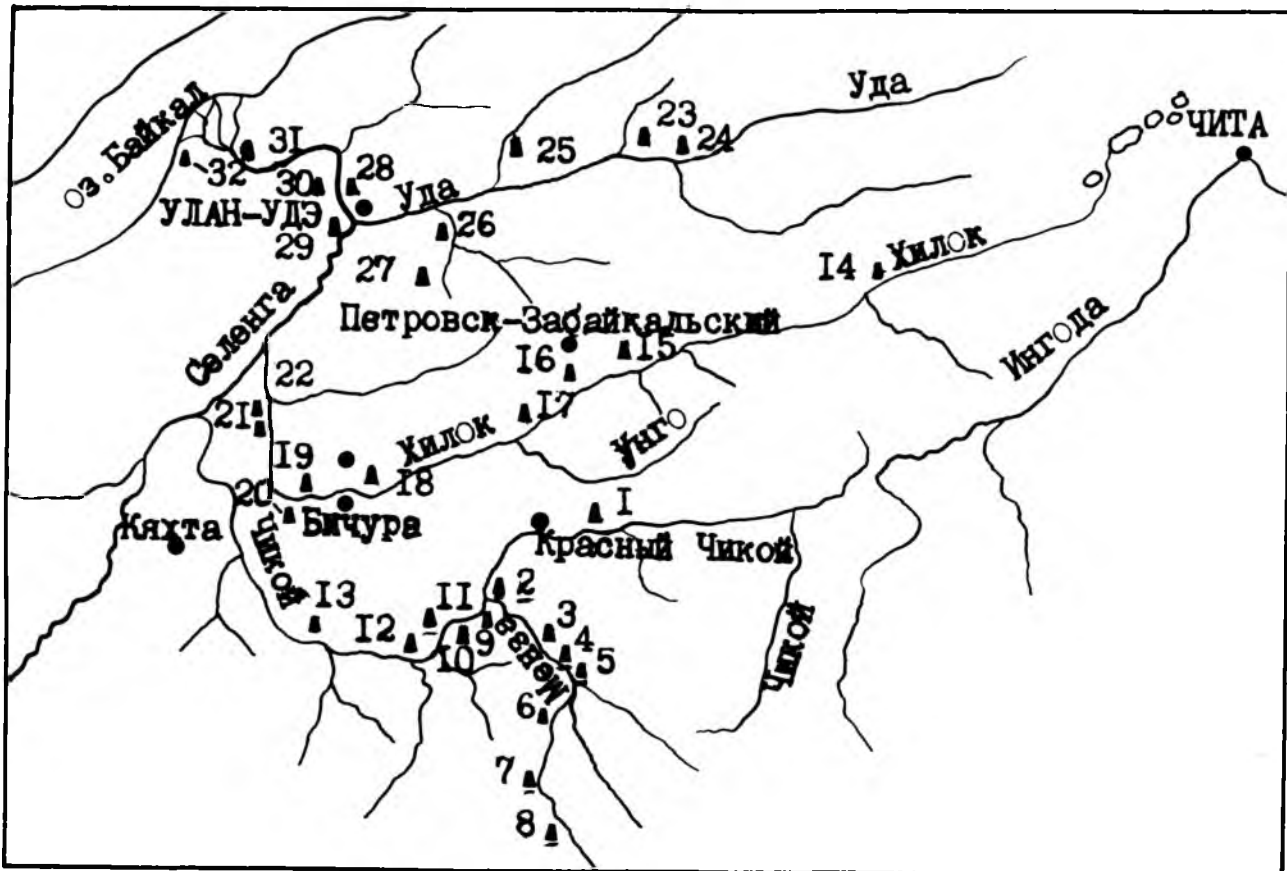

Рис. 3. Схема расположения археологических памятников восточного региона Байкальской Азии.

1 — Фомичево; 2 — Усть-Менза-1—5; 3 — Косая Шивера; 4 — Нижняя Еловка-2; 5 — Алтан; 6 — Солонцовое; 7 — Егоркина пещера; 8 — Кристинкина пещера; 9 — Присковое; 10 — Мельничное; 11 — Студеное-1, 2; 12 — Читкан; 13 — Хамнигота; 14 — Мастера Гора; 15 — Толбага-1; 16 — Черемушки; 17 — Кандабаево; 18 — Куналей; 19 — Базино; 20 — Дунда-Киреть; 21 — Чернаярво; 22 — Подлопатки; 23 — Санный Мыс; 24 — Сапун; 25 — Могсохон; 26 — Каменка; 27 — Варварина Гора; 28 — Нижняя Березовка; 29 — Мухино, Тологой-2, Лысая Гора; 30 — Ошурково; 31 — Фофаново; 32 — Посольское.

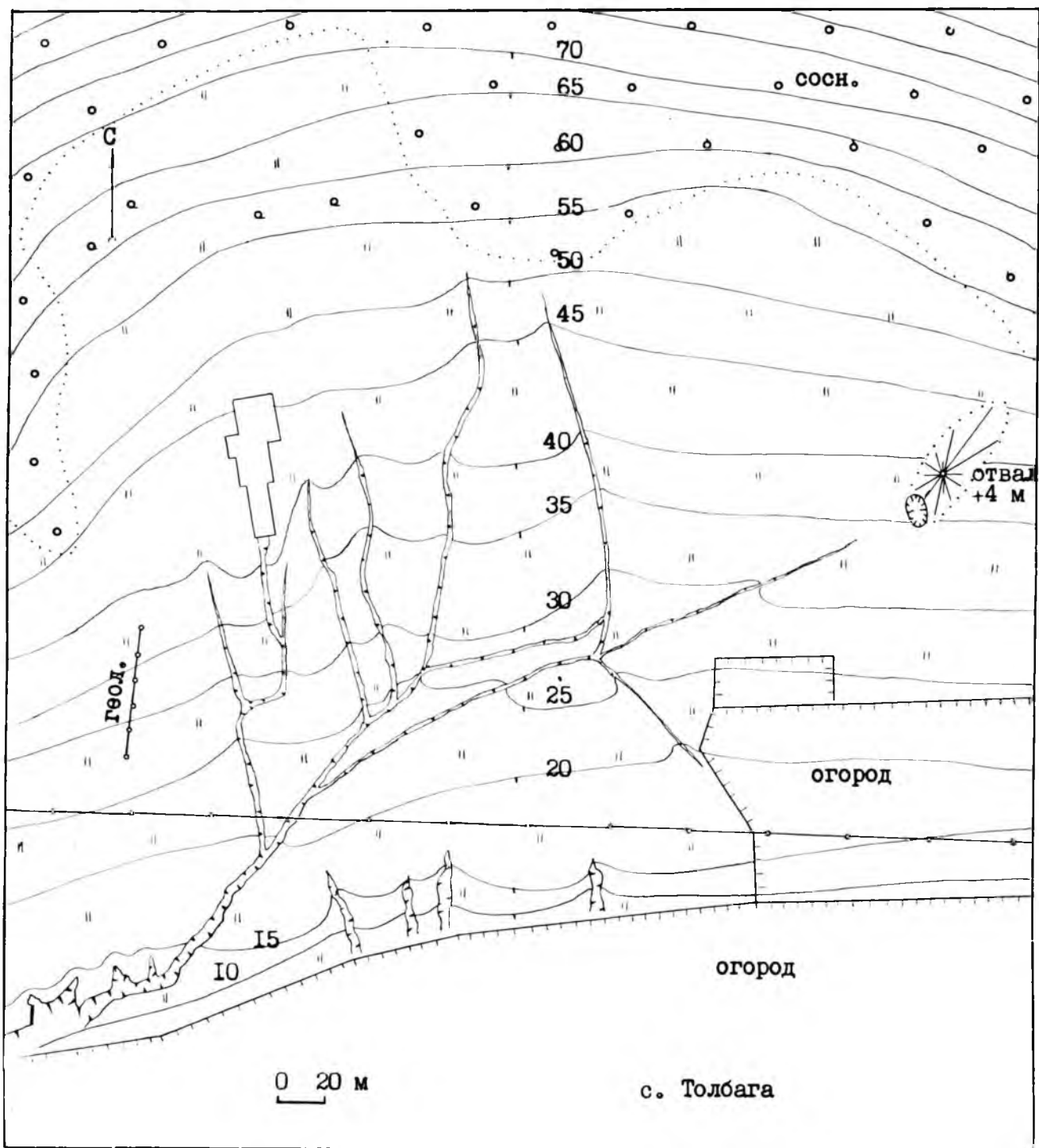

Рис. 4. Топоплан поселения Толбага-1.

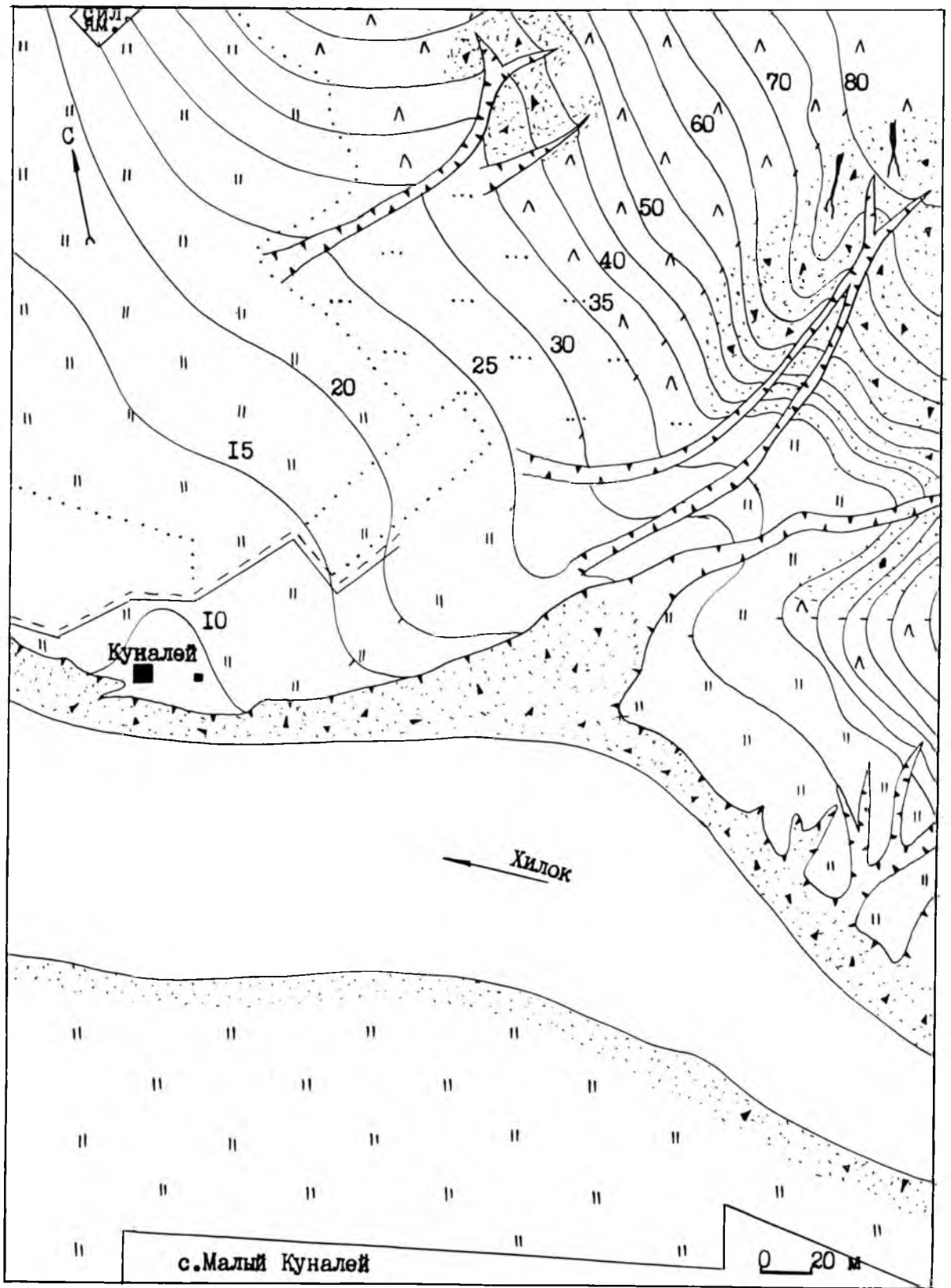

Рис. 5. Топоплан поселения Куналей.

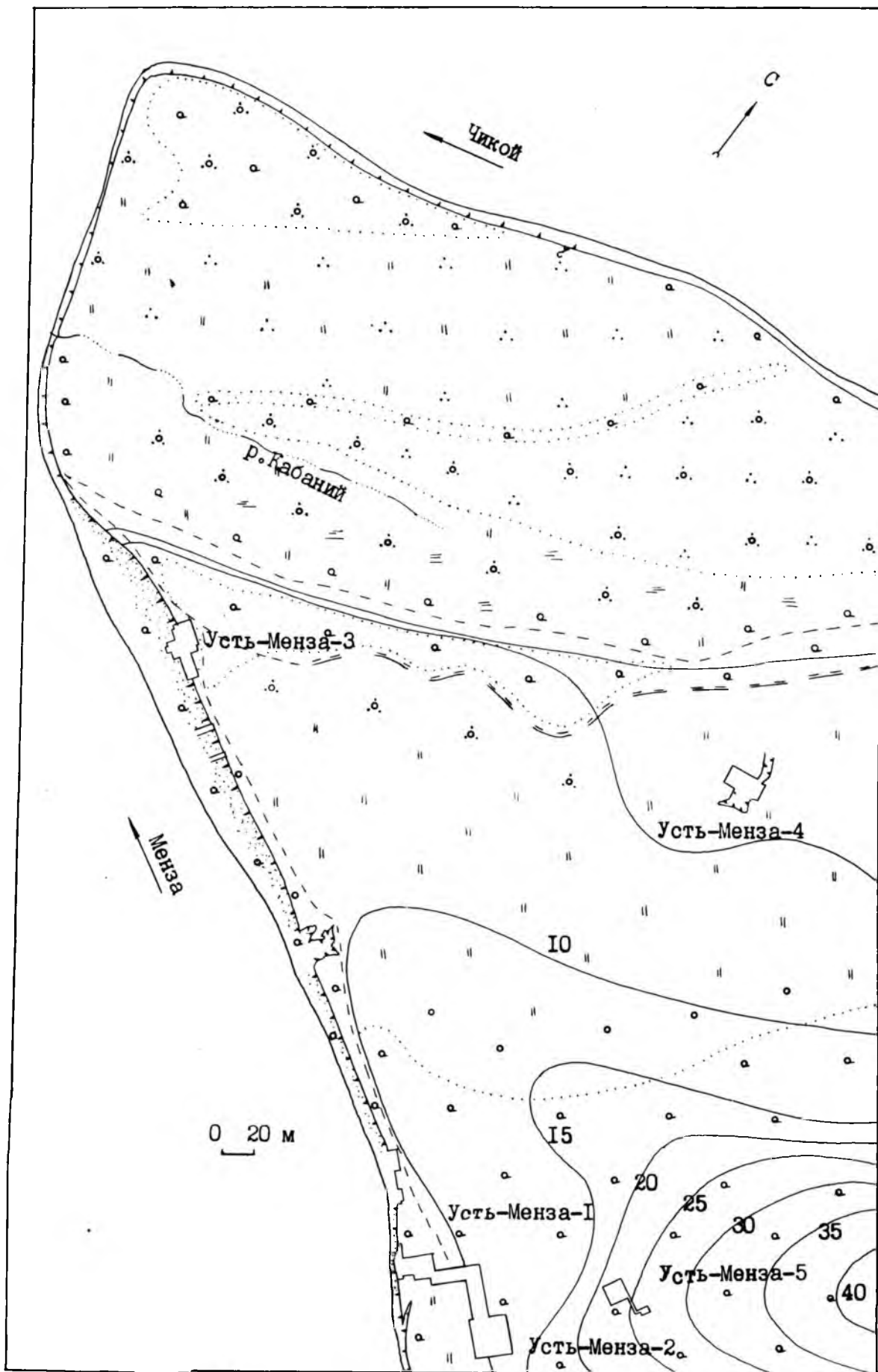

Рис. 6. Топоплан поселений в устье р. Менза (Усть-Менза-1—5).

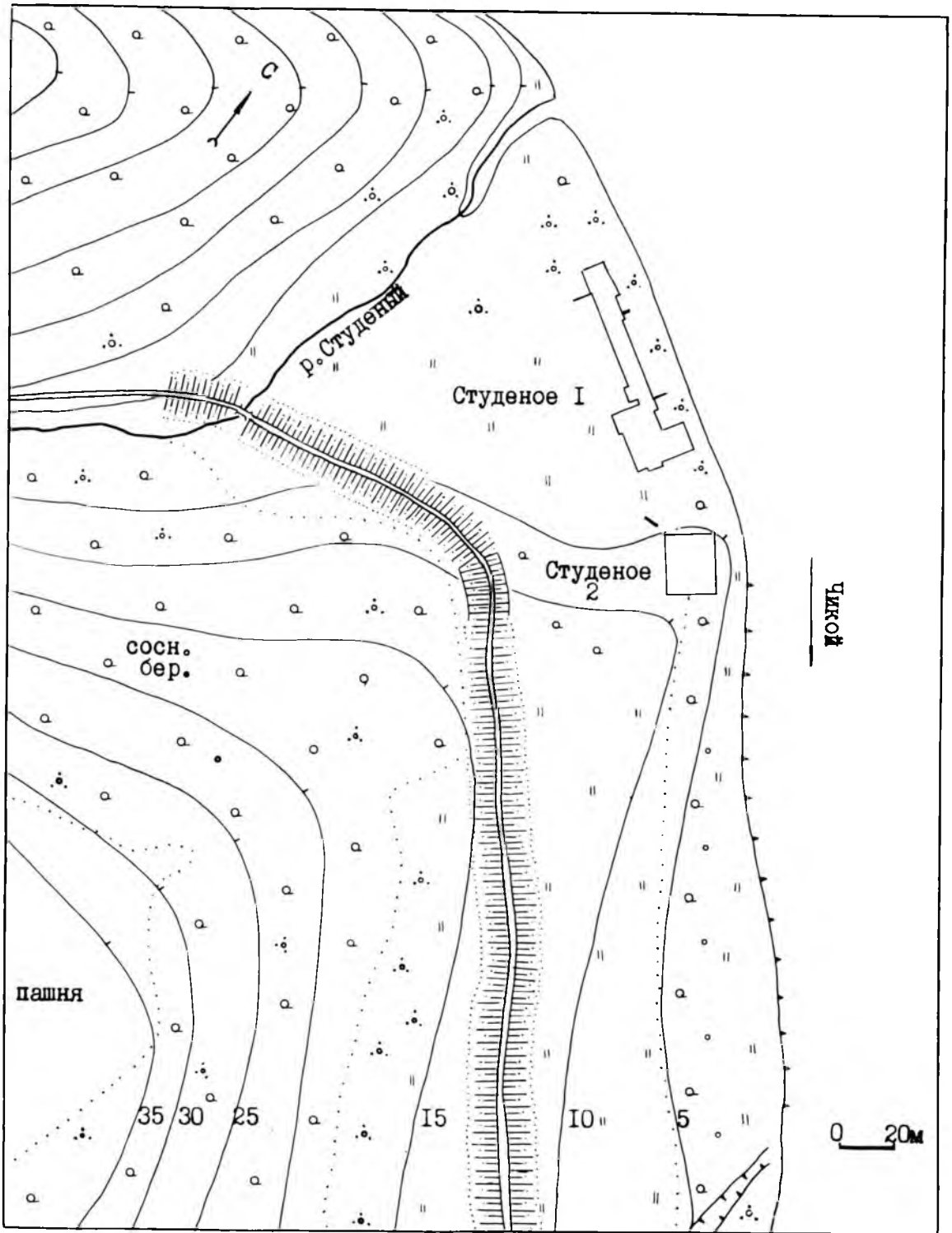

Рис. 7. Топоплан поселений Студеное-1—2.

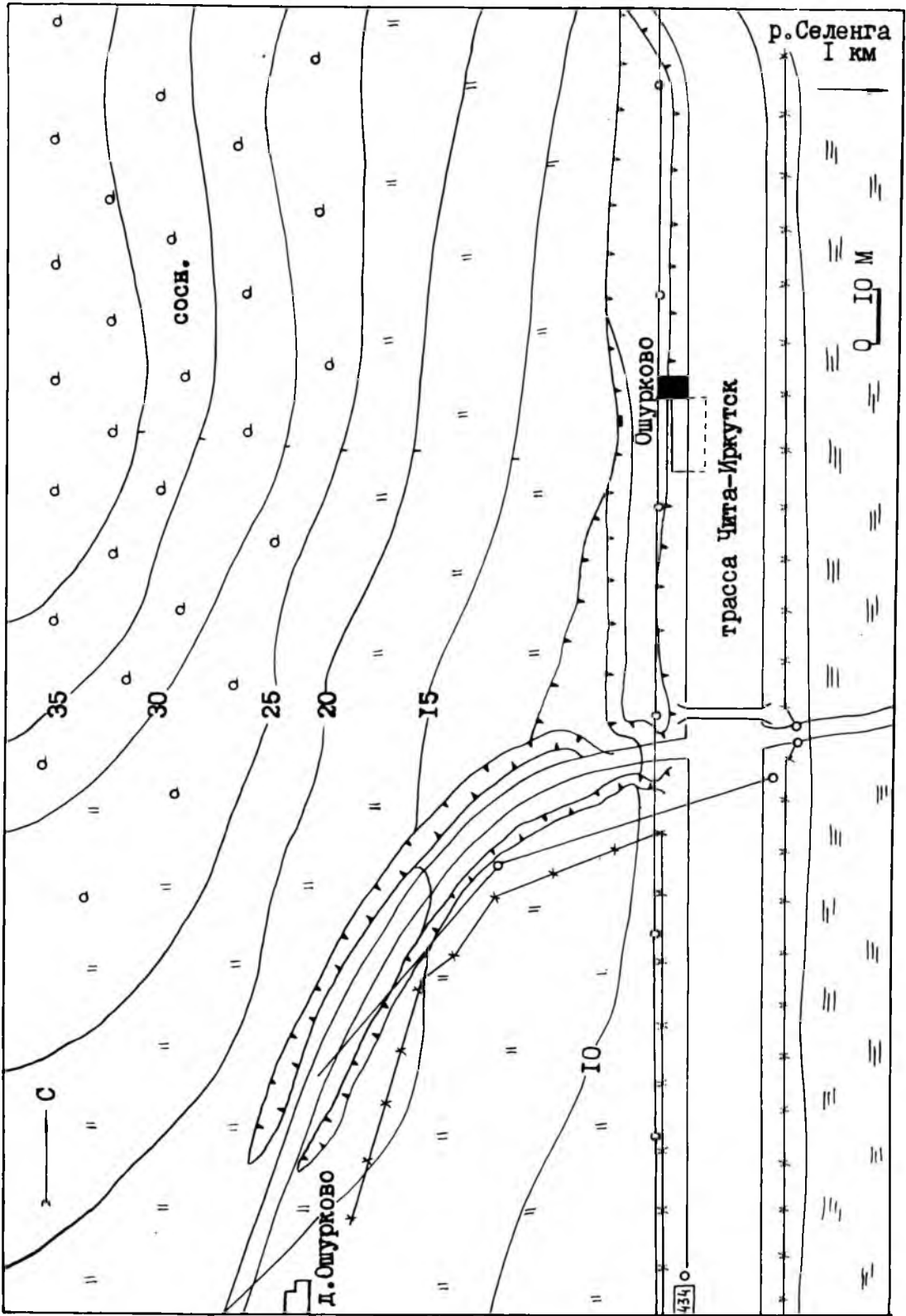

Рис. 8. Топоплан поселения Ошурково.

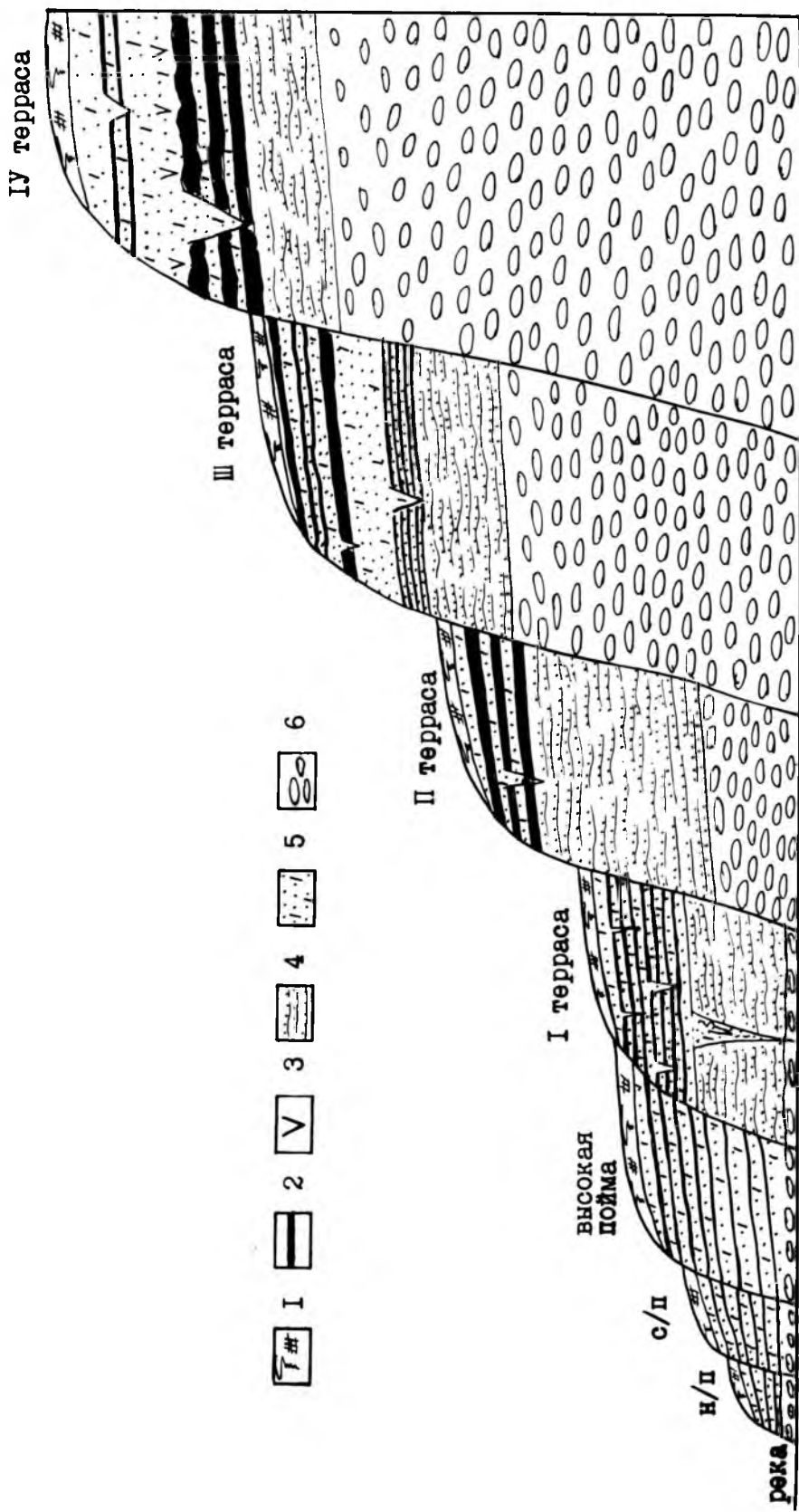

Рис. 9. Схема строения террасового ряда в бассейне р. Селенги. Условные обозначения: 1 — современная почва; 2 — палеопочва; 3 — мерзлотный клин; 4 — аллювиальный песок; 5 — делювиальные супеси и суглинки; 6 — галечник.

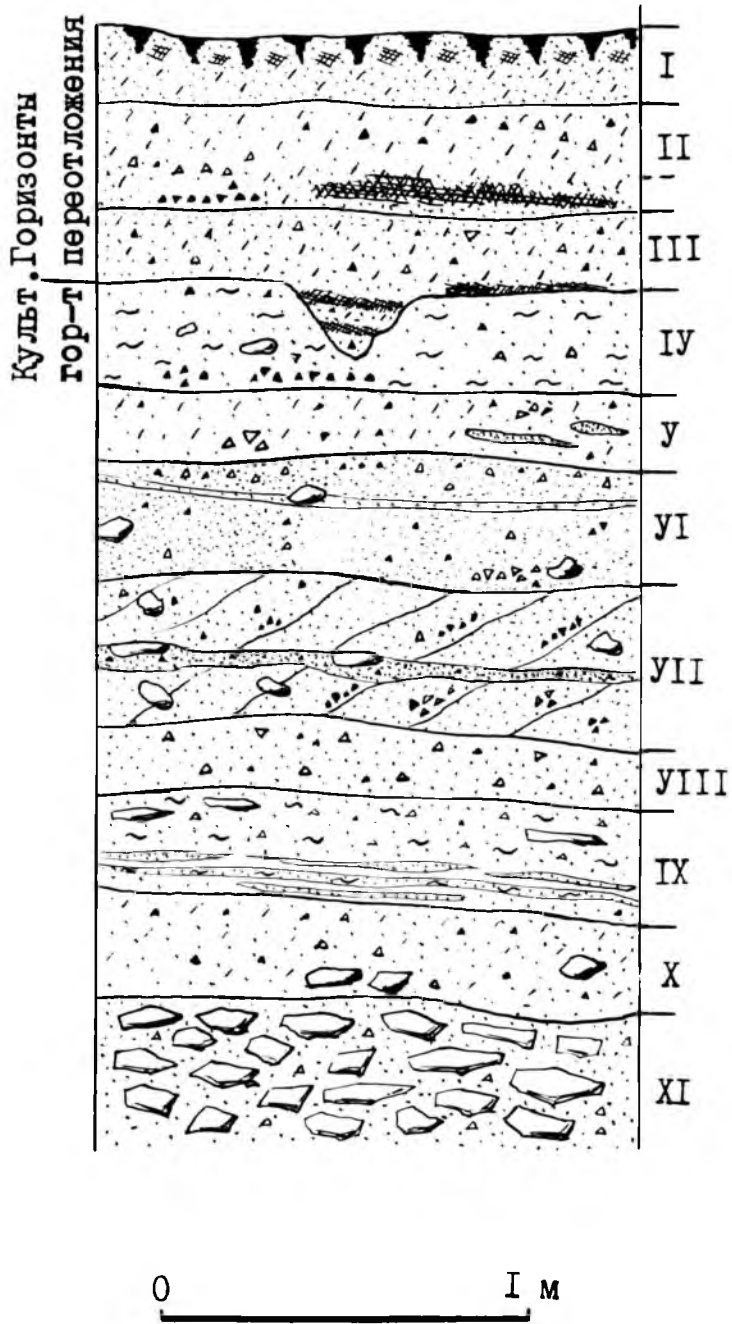

Рис. 10. Толбага. Стратиграфический разрез.

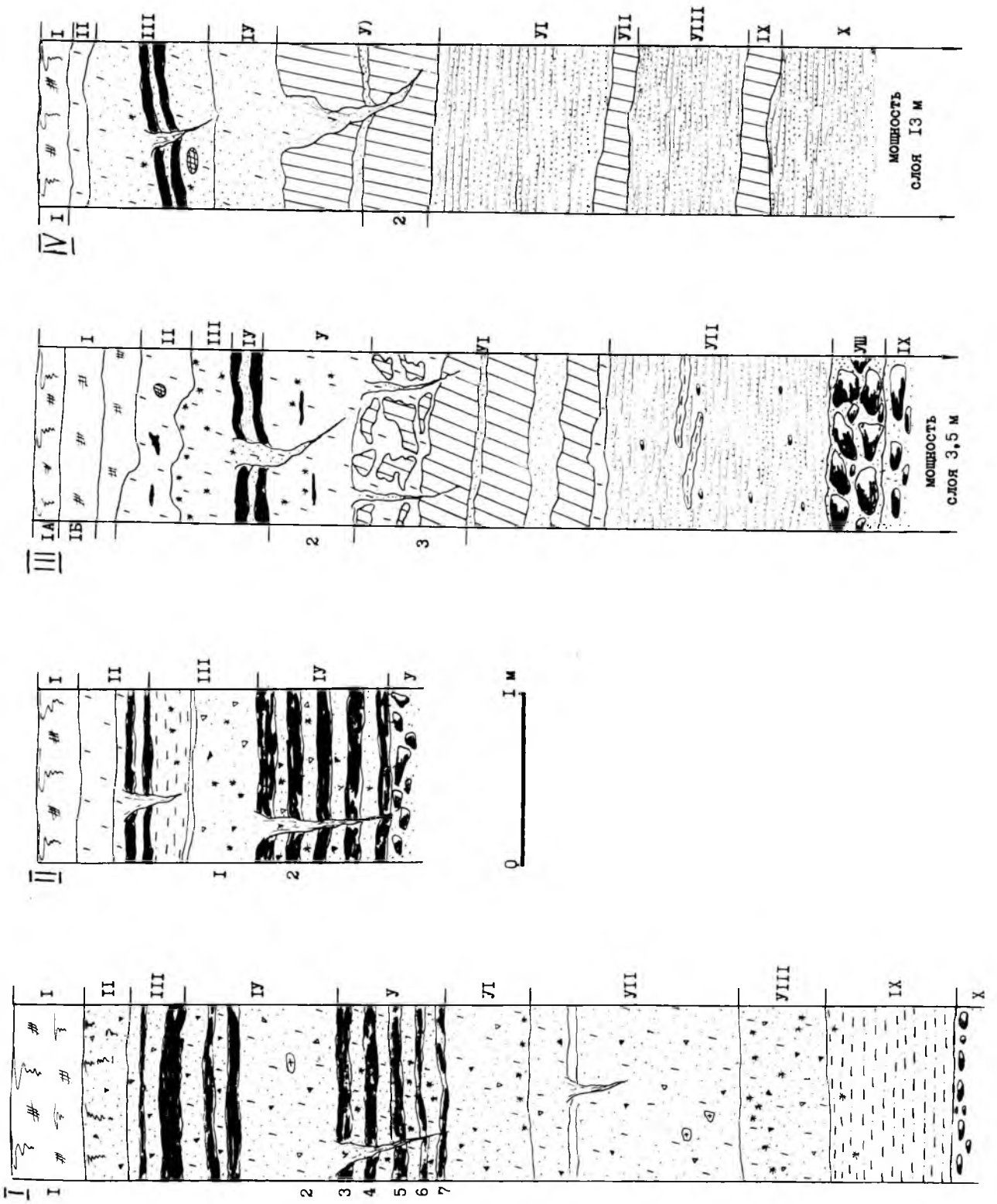

Рис. 11. Стратиграфические разрезы. I — Читкан, II — Мельничное, III — Куналей, IV — Присковое.

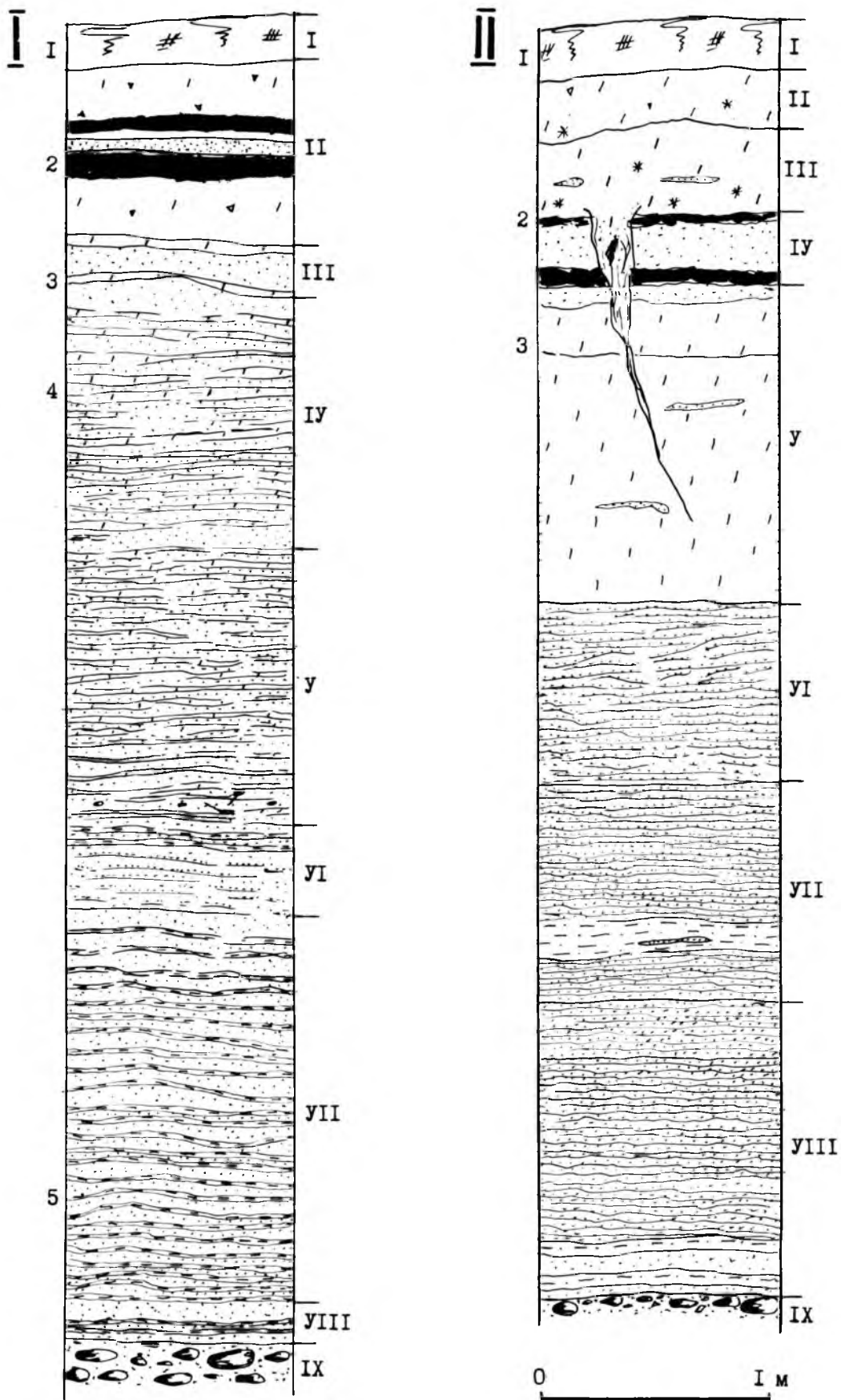

Рис. 12. Стратиграфические разрезы. I — Студеное-2, II — Усть-Менза-4.

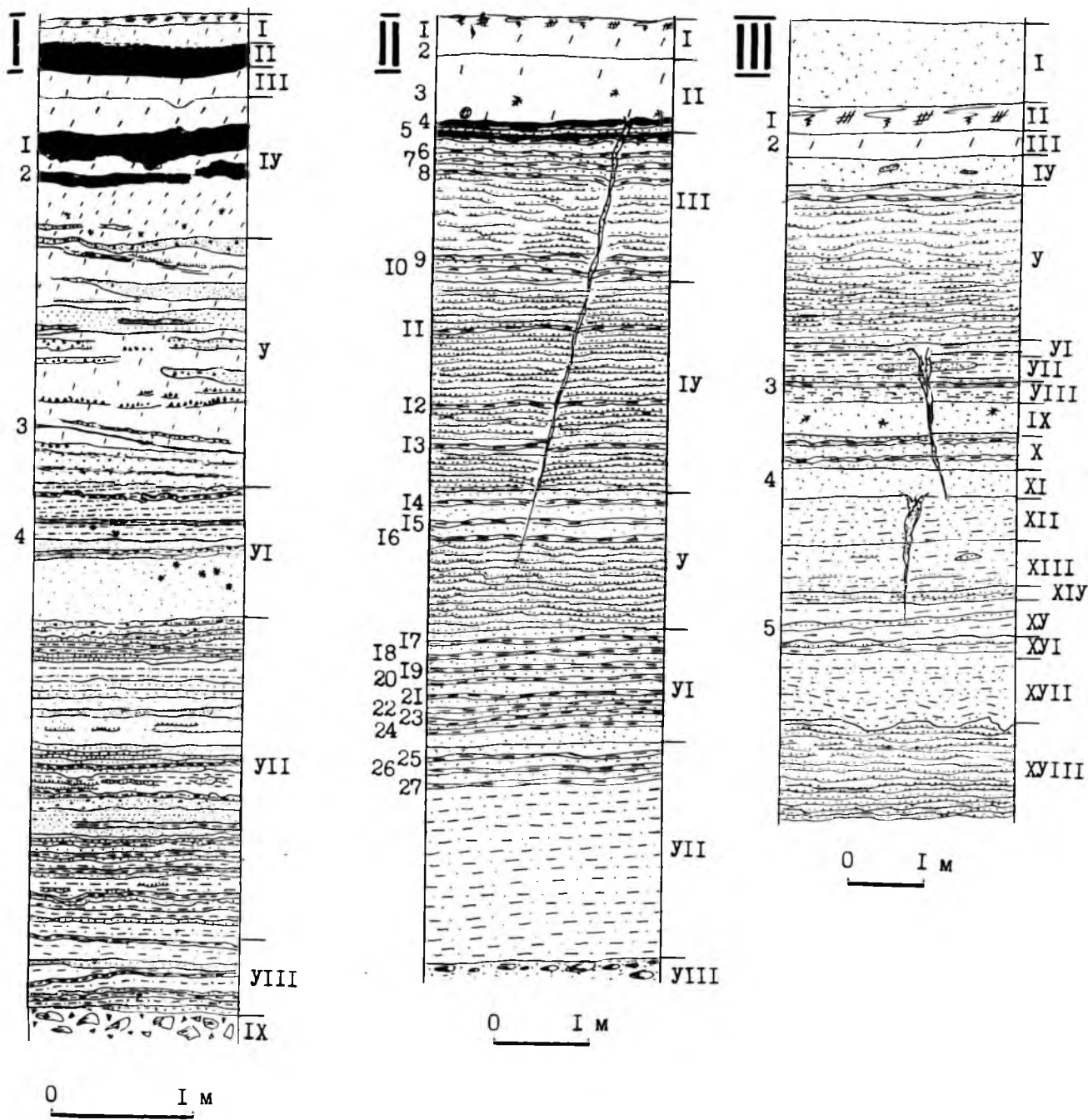

Рис. 13. Стратиграфические разрезы. I — Ошурково, II — Усть-Менза-2, III — Усть-Менза-3.

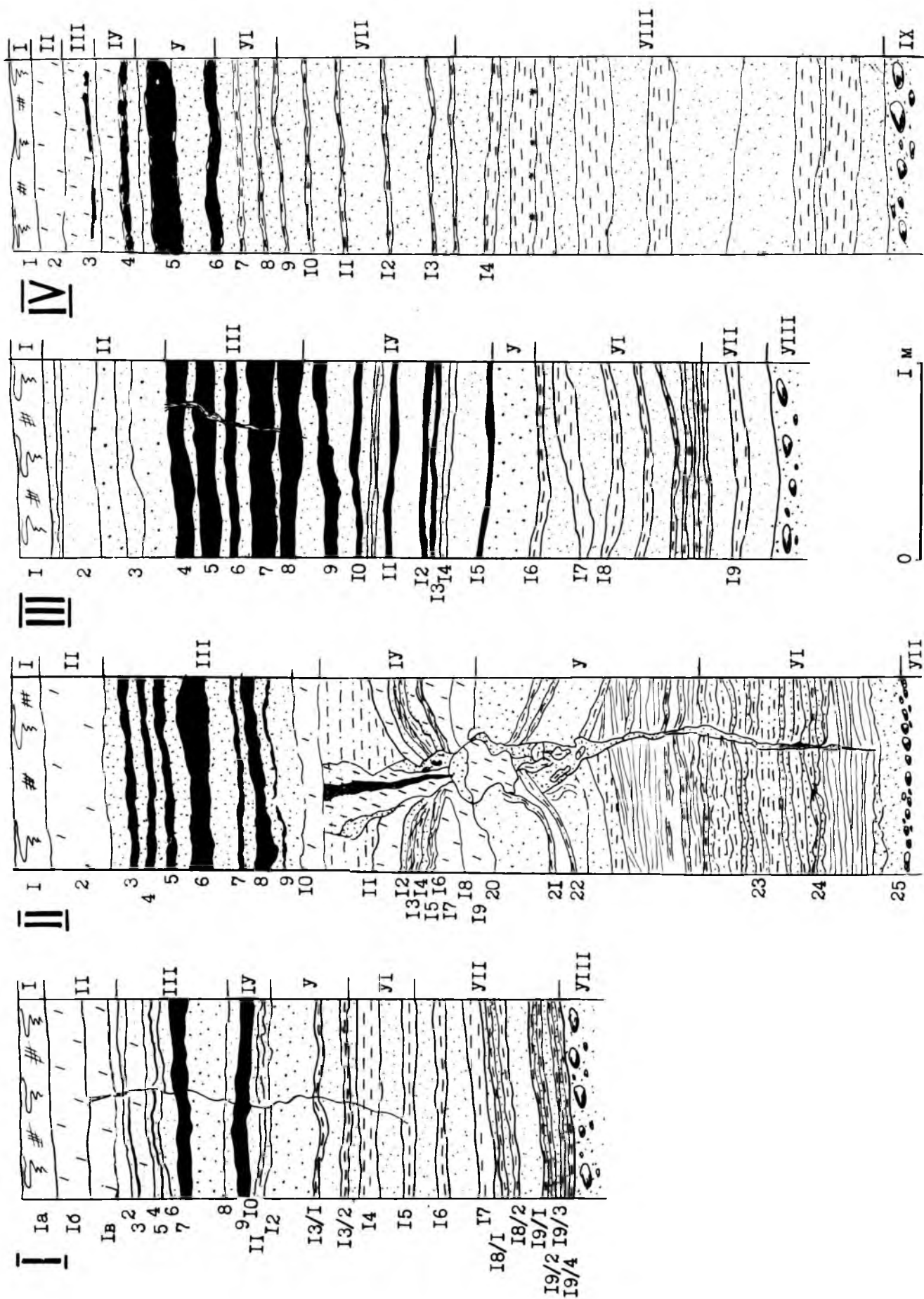

Рис. 14. Стратиграфические разрезы. I — Студеное-1, II — Усть-Менза-1, III — Алтан, IV — Косая Шивера.

Рис. 15. Толбага-1. Фрагмент плана культурного слоя с жилищами 1, 4, 5.

Рис. 16. Толбага-1. Фрагмент плана культурного слоя с жилищем 2.

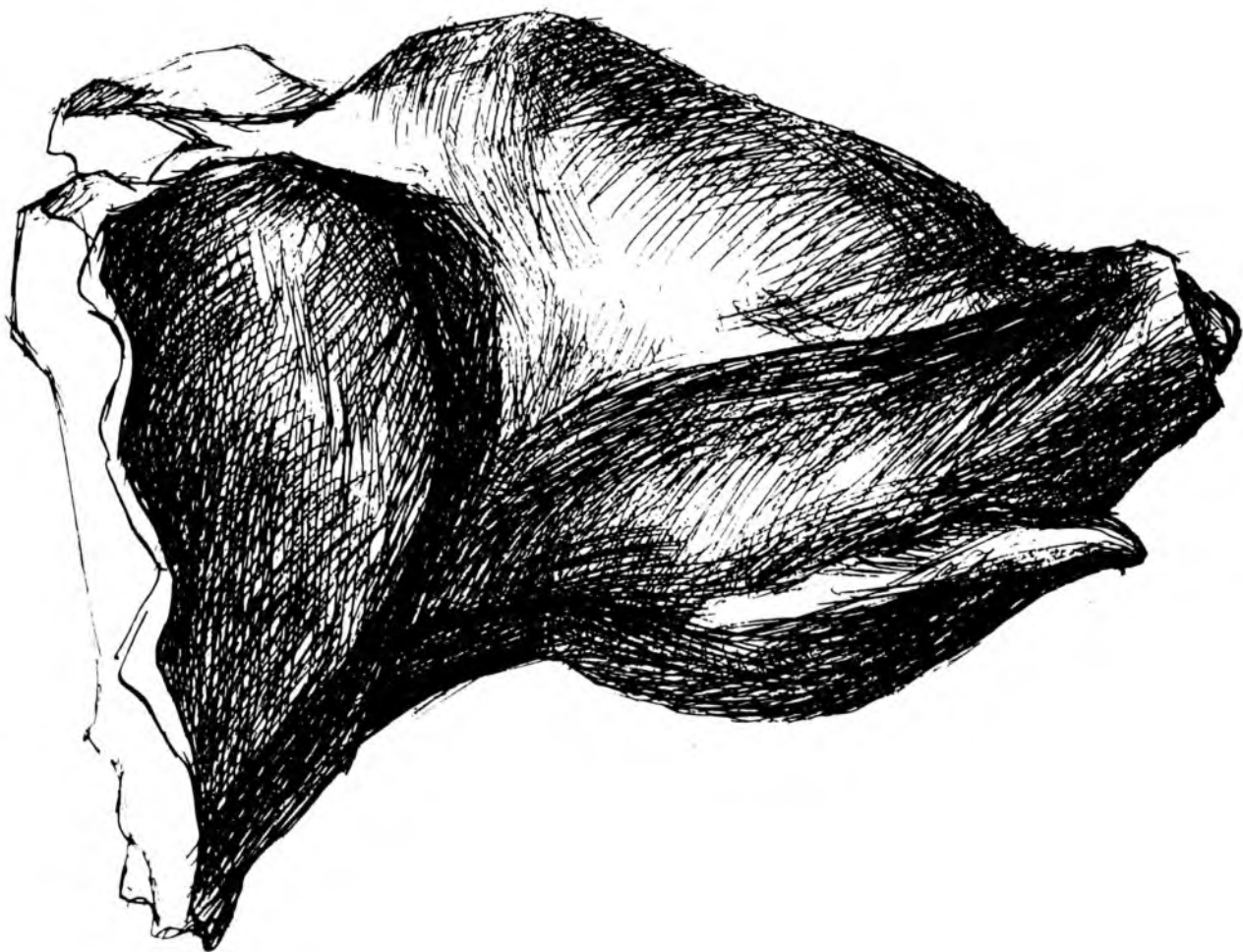

Рис. 17. Толбага-1. Скульптура головы медведя (эскиз).

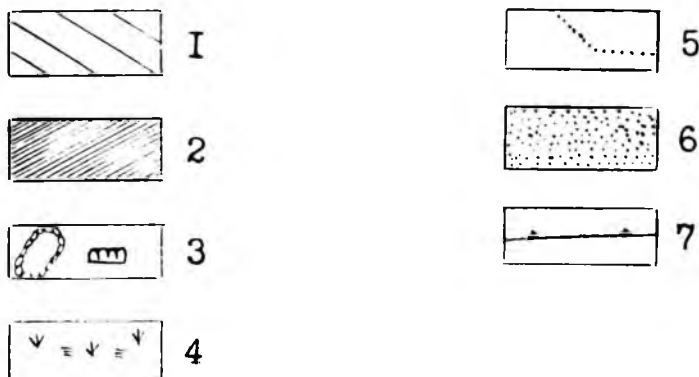
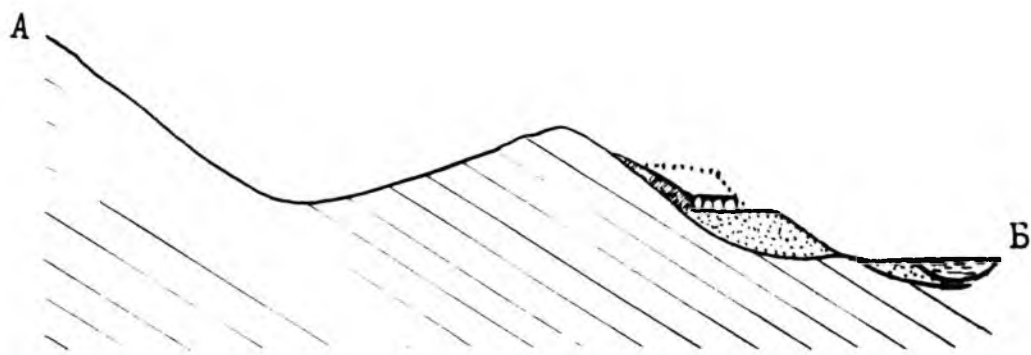
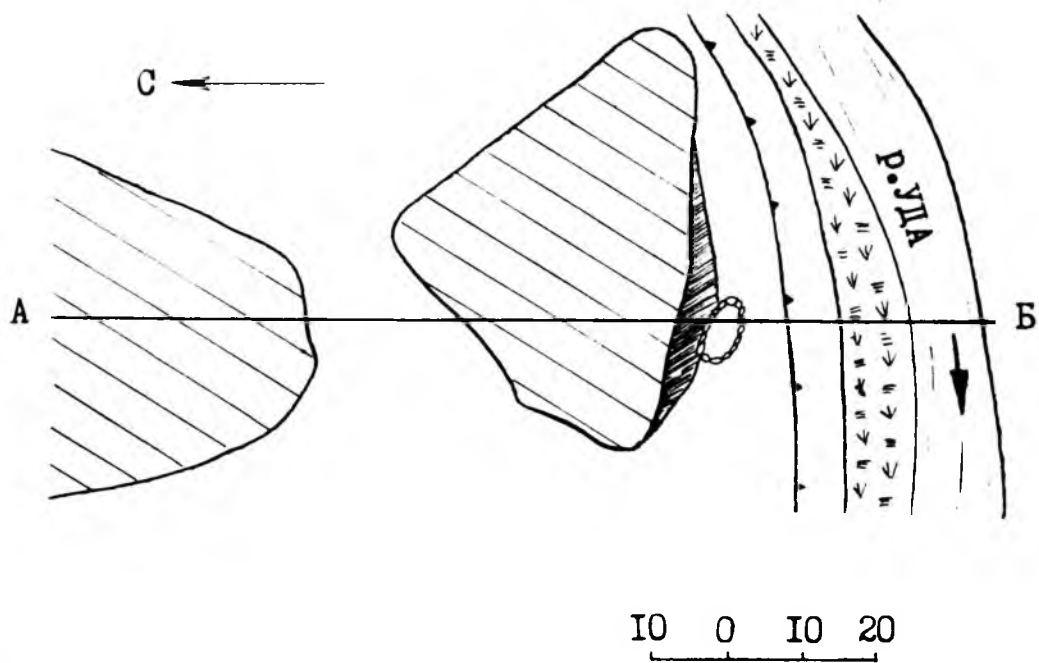

Рис. 18. Ситуационный план и геоморфологический разрез поселения Санный Мыс. 1 — коренные выходы сиенитов; 2 — зона коллювиального свала; 3 — жилище; 4 — пойма; 5 — место расположения раскопа 1968 г.; 6 — аллювиальные отложения; 7 — бровка террасы.

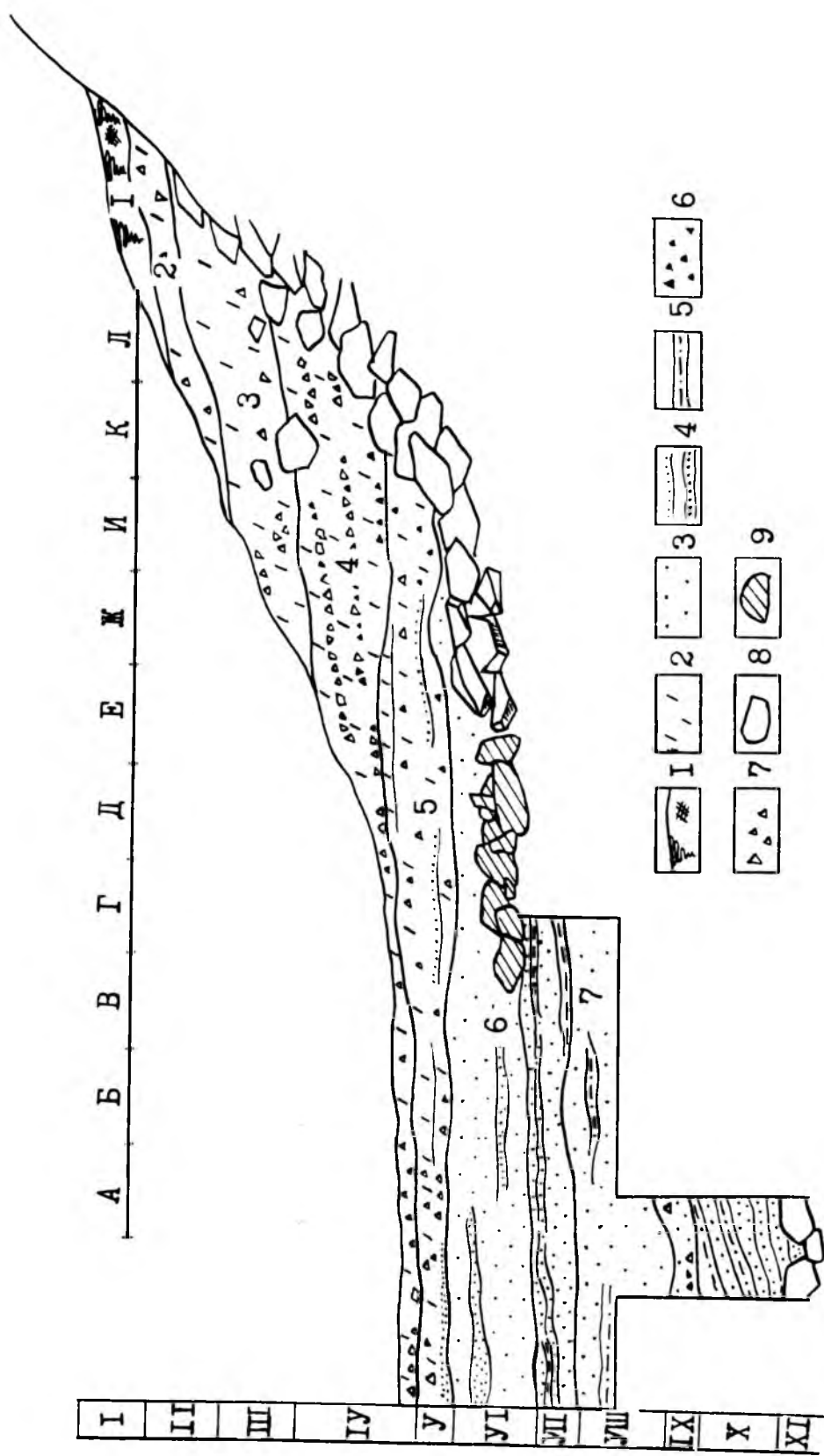

Рис. 19. Санный Мыс. Стратиграфический разрез отложений. 1 — почвенный слой; 2 — супеси и легкие суглинки; 3 — разнородные пески; 4 — мелкозернистые пески; 5 — иловатые пески и алевроиты; 6 — древесина; 7 — щебень; 8 — глыбы сиенитов; 9 — камни из кладки жилища. Буквенные обозначения соответствуют разметке раскопа 1968 г.

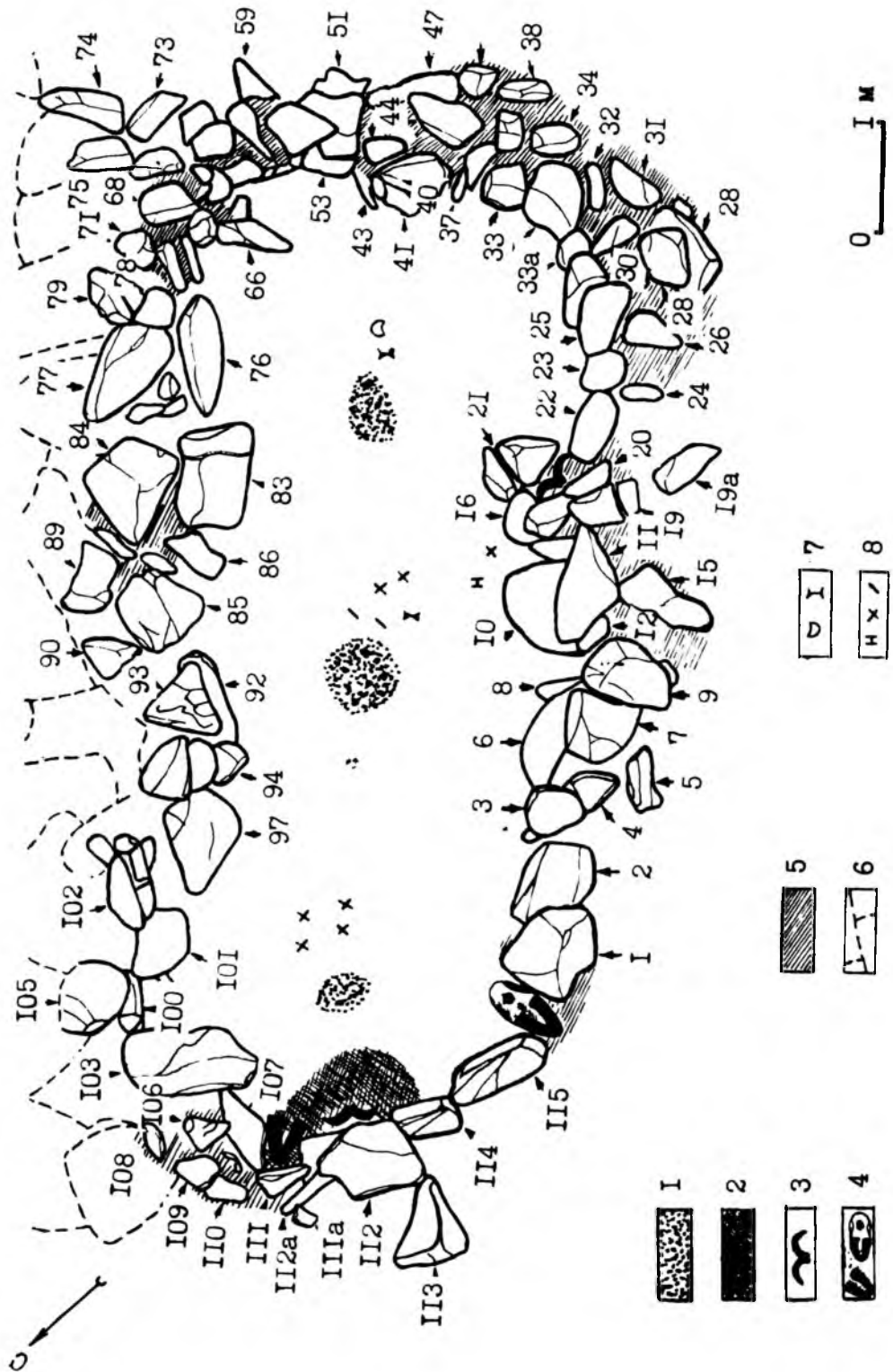

Рис. 20. Санный Мыс. План жилища. 1 — очаги; 2 — хозяйственная яма; 3 — рога винторогой антилопы; 4 — челюсть и череп шерстистого носорога; 5 — плоскости цементной заливки; 6 — глыбы коллювиального свала; 7 — кости, оббитые гальки; 8 — пластины, отщепы, нуклеусы.

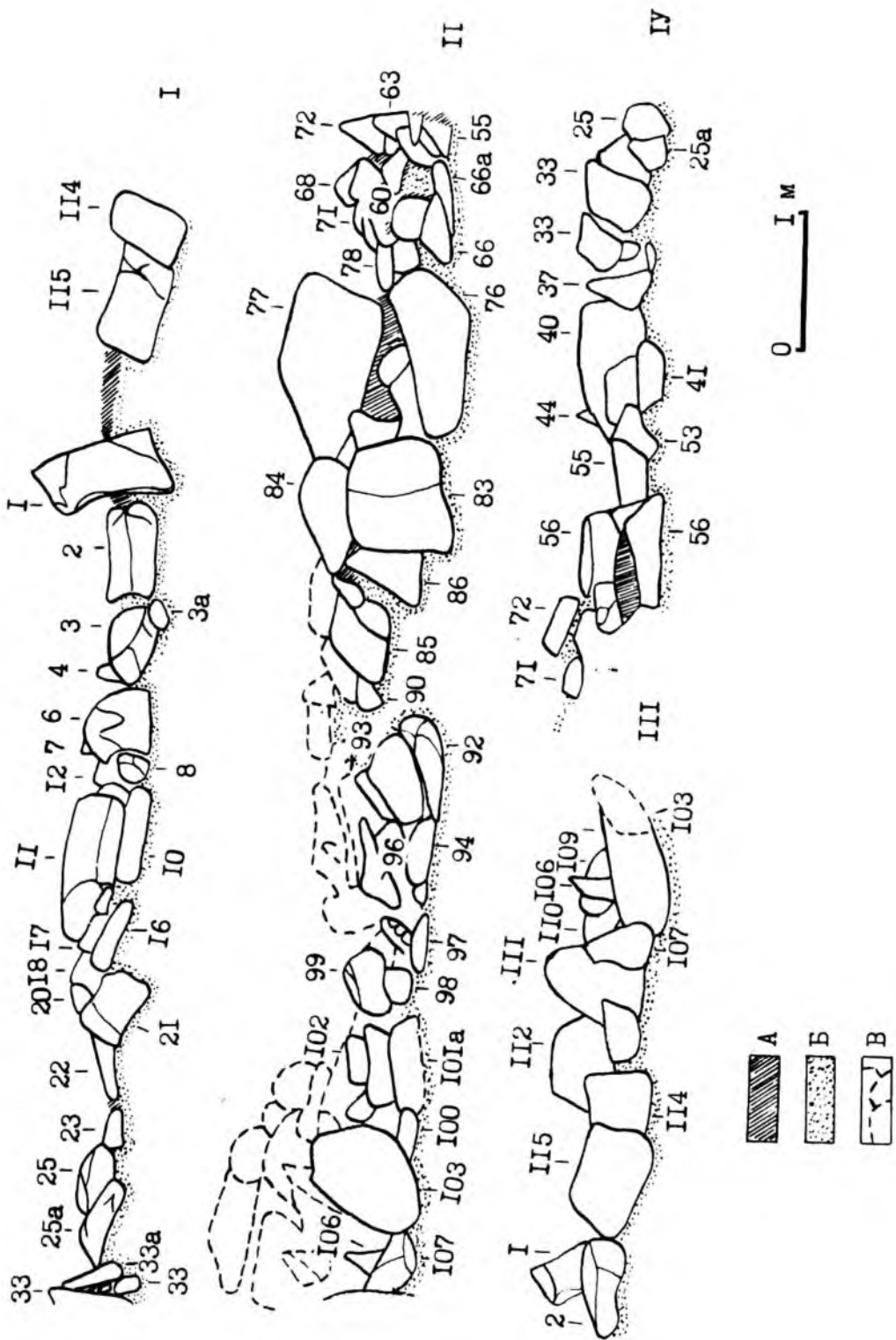

Рис. 21. Санный Мыс. Профили жилища (вид изнутри). I — юго-западная стенка; II — северо-восточная; III — северо-западная; IV — юго-восточная стенка а-зоны цементной заливки; б — песок; в — глыбы сиенитов.

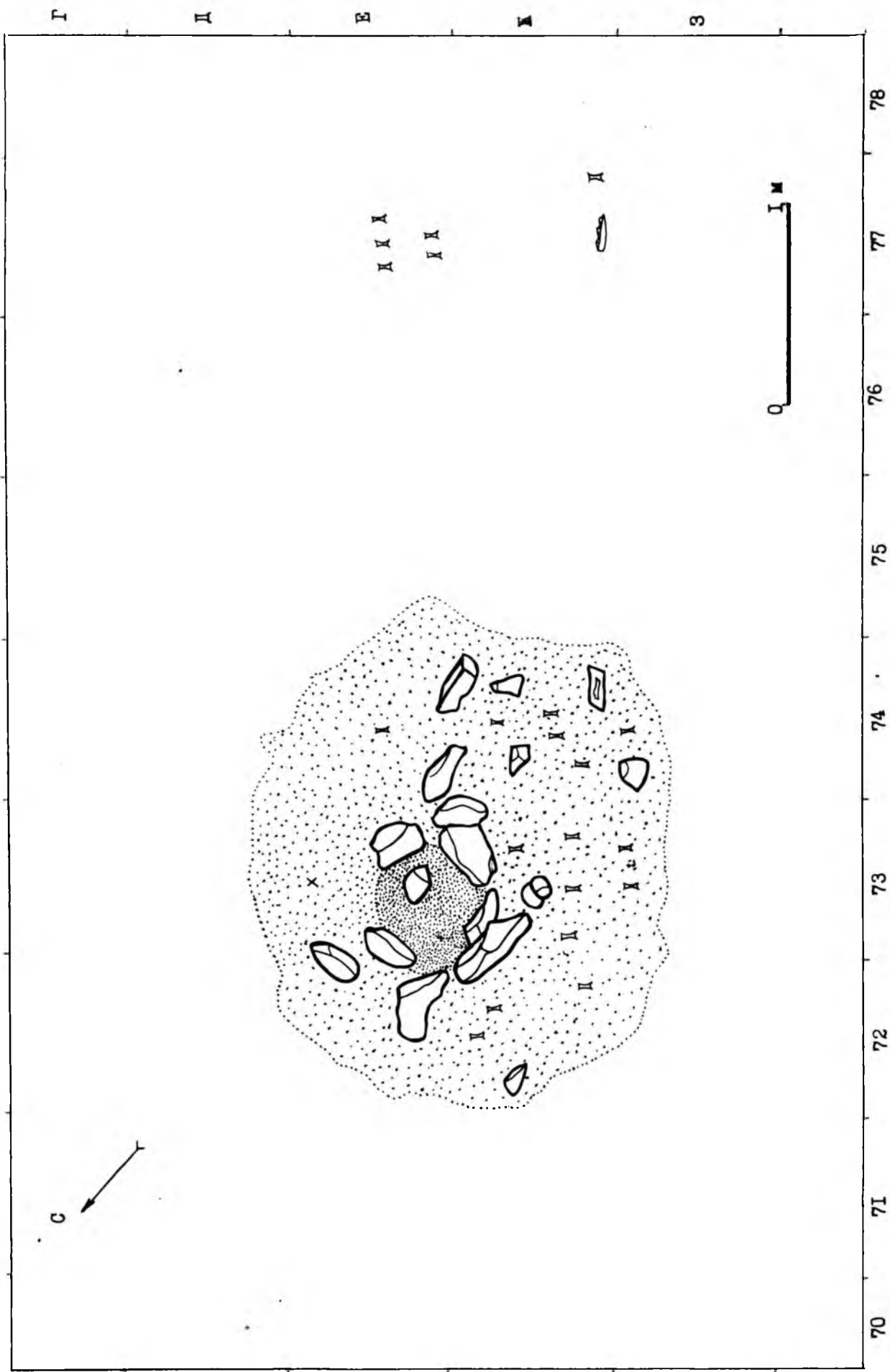

Рис. 22. Студеное-1. Горизонт 16. Жилище.

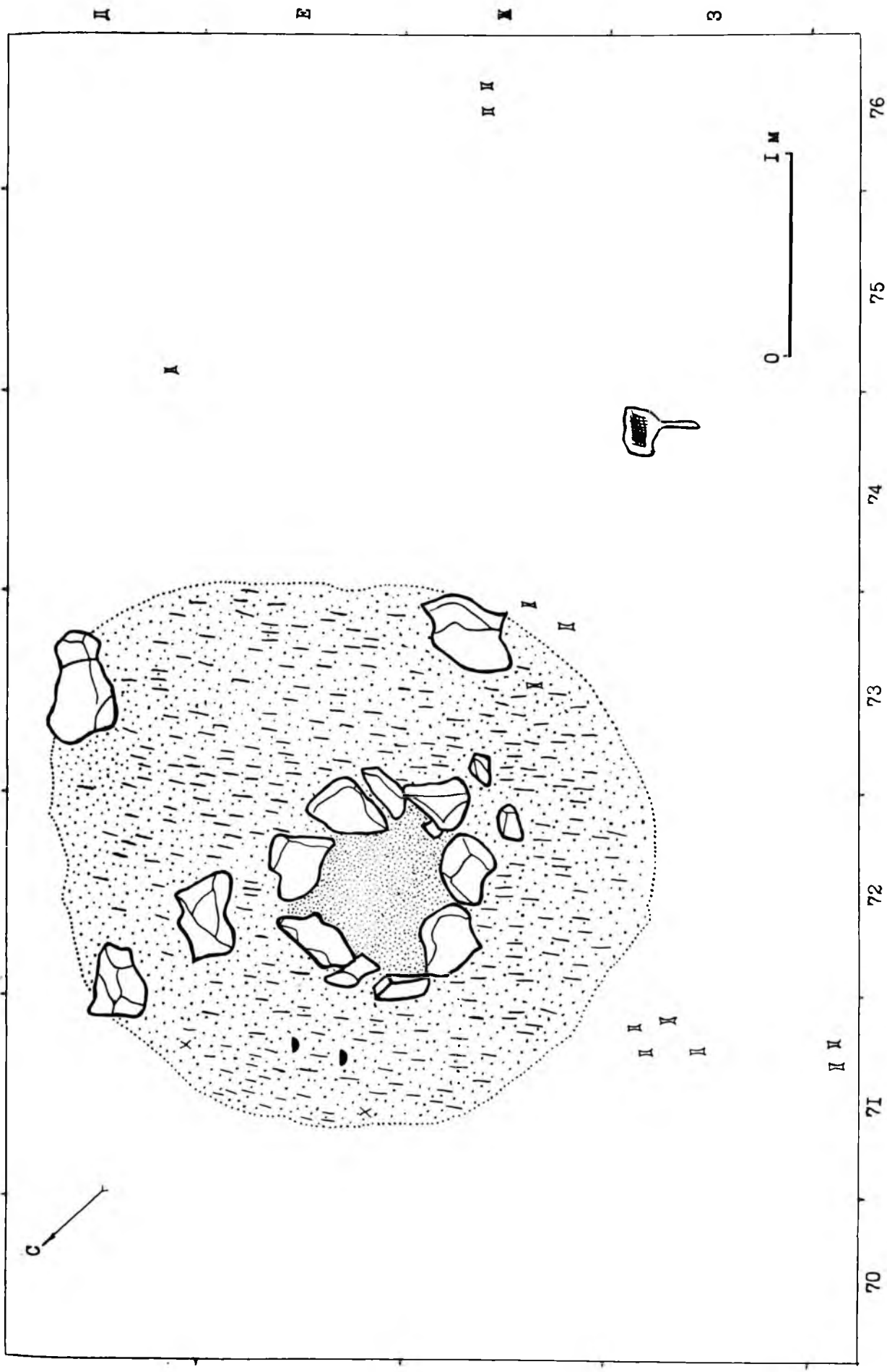

Рис. 23. Ступенка-1. Горизонт 17; Жилище 1

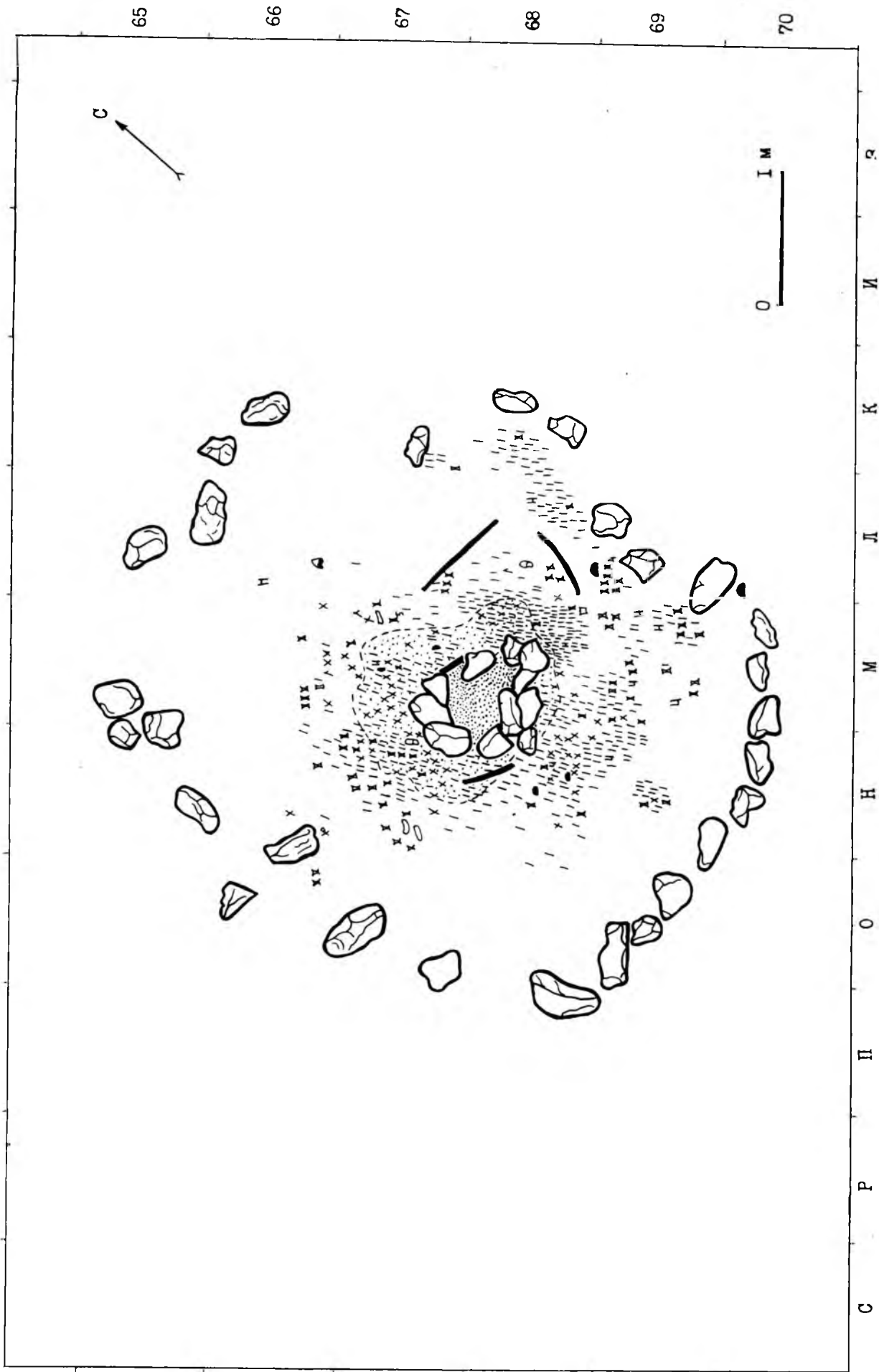

Рис. 24. Студеное-Г. Горизонт 17. Жилище 2.

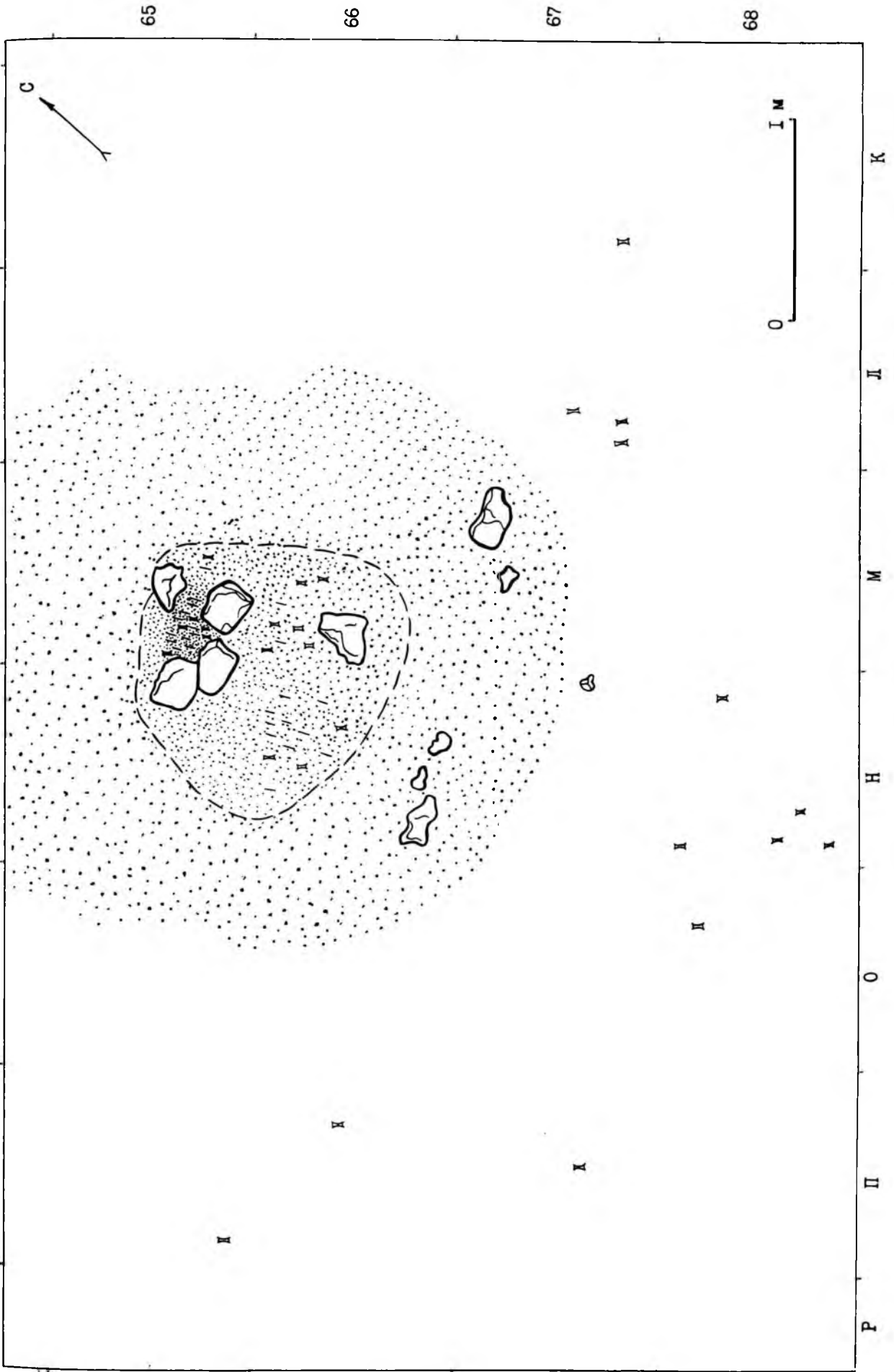

Рис. 25. Студеное-1. Горизонт 18/1. Жилище.

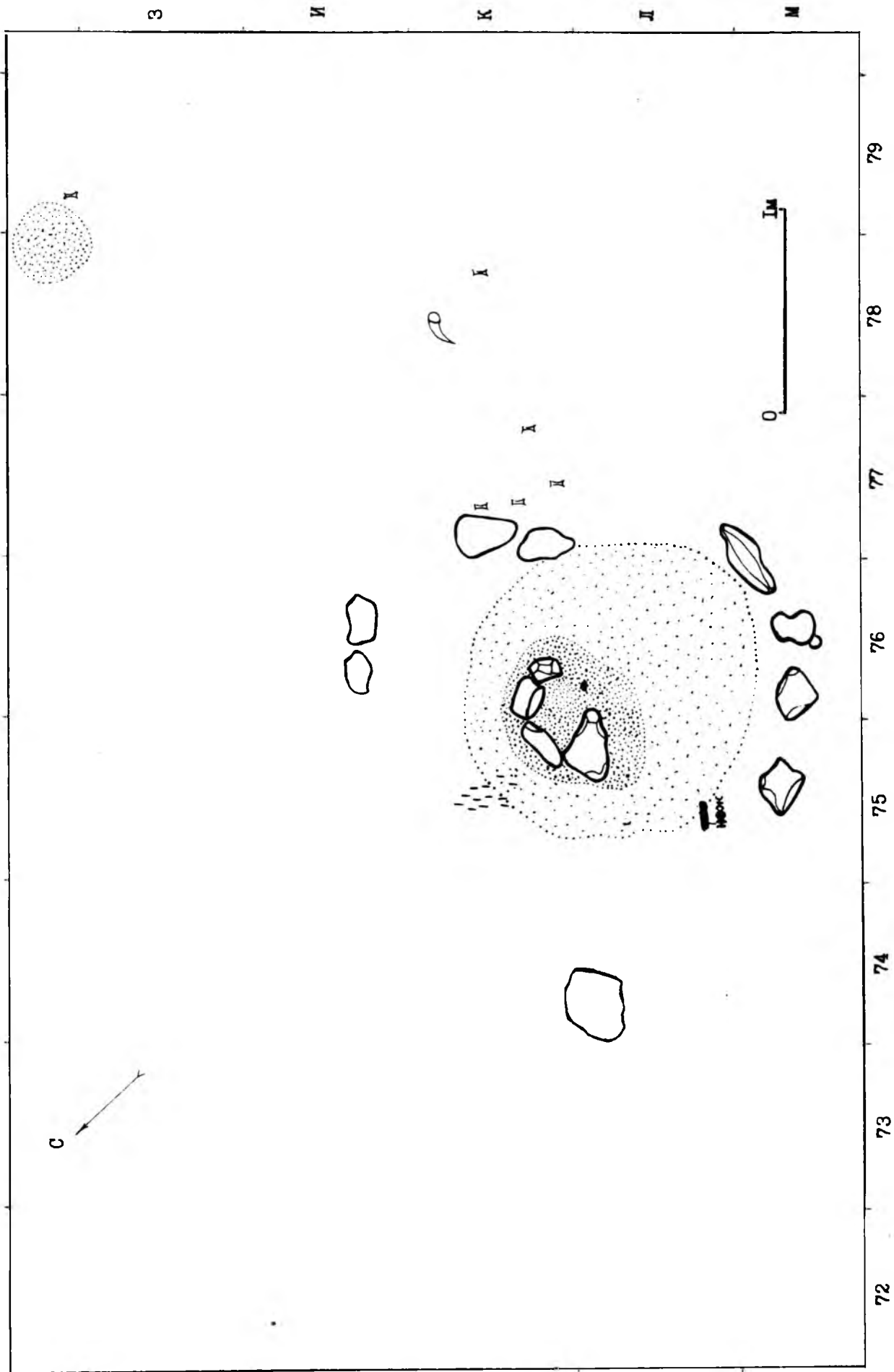

Рис. 26. Студеное-1. Горизонт 18/2. Жилище I.

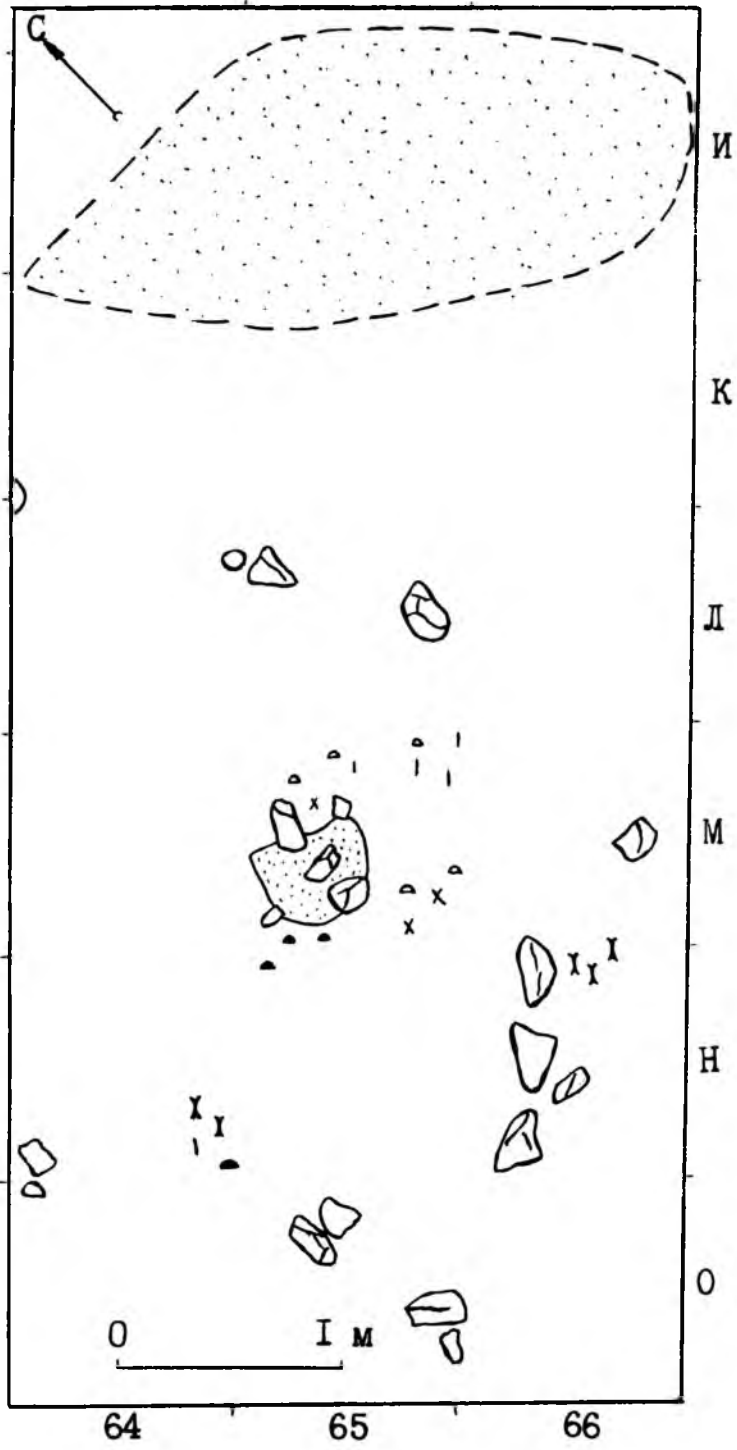

Рис. 27. Студеное-1. Горизонт 18/2. Жилище 2.

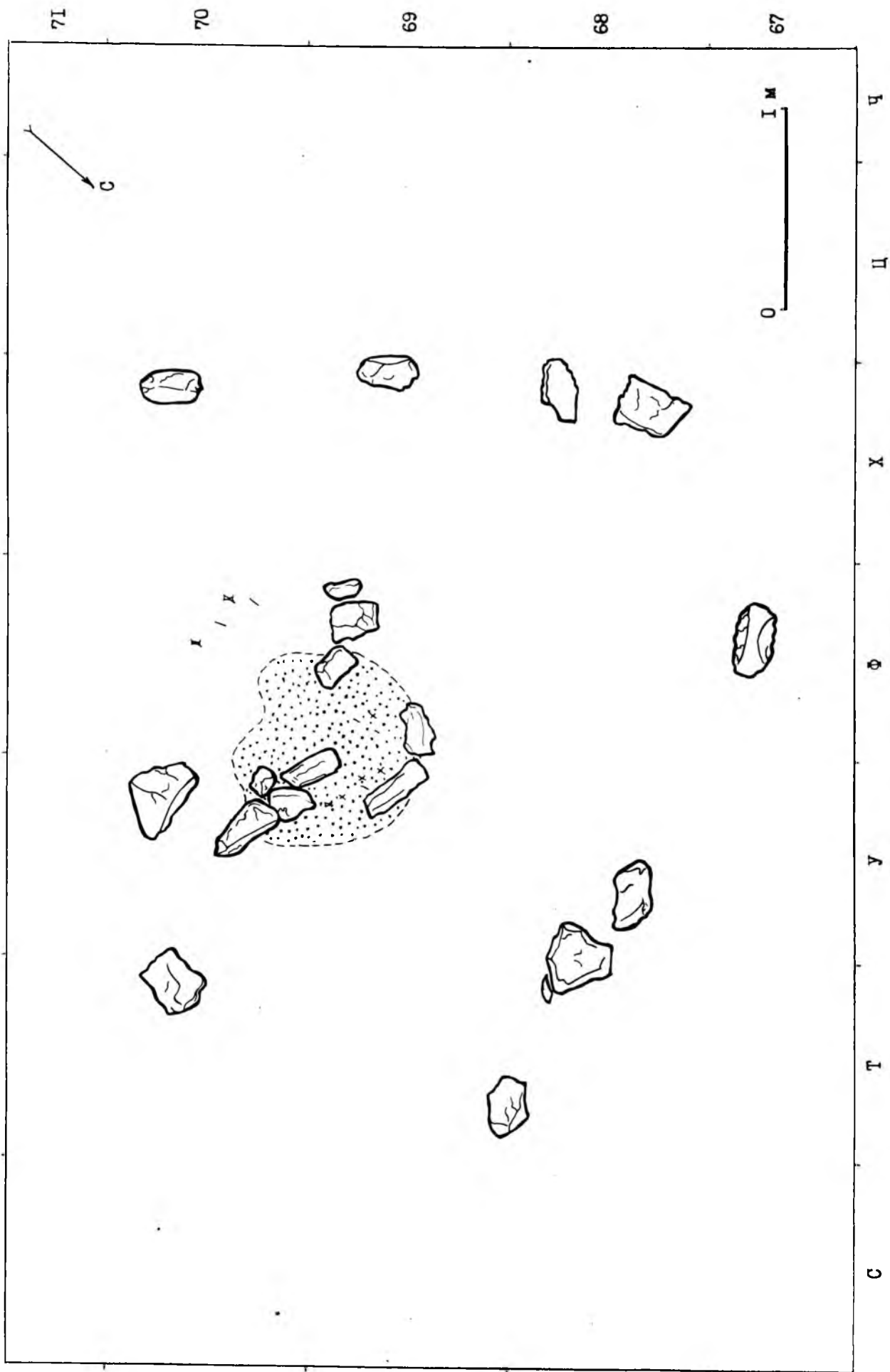

Рис. 28. Студеное-1. Горизонт 19/3. Жилище.

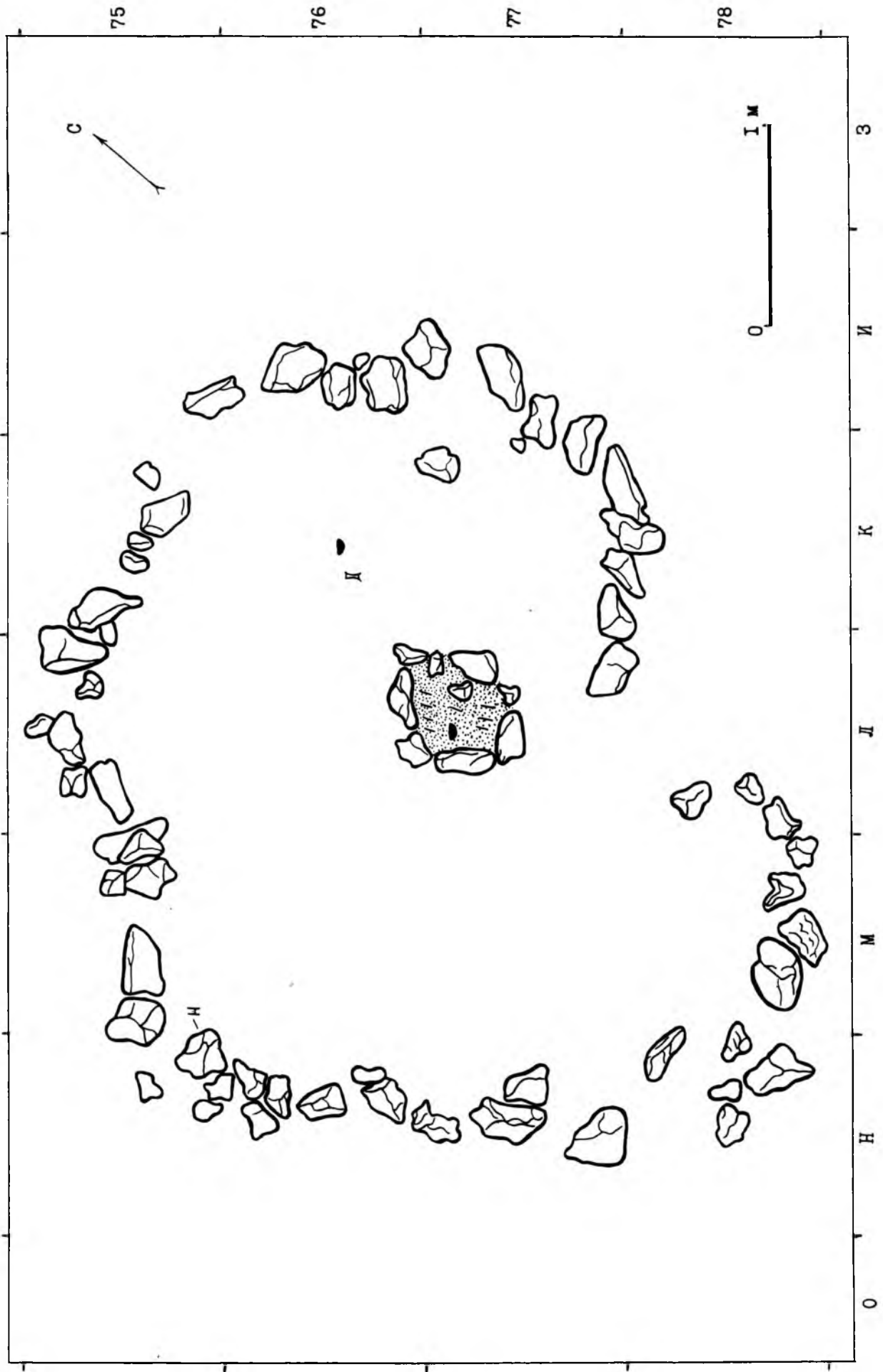

Рис. 29. Студеное-1. Горизонт 19/4. Жилище 1.

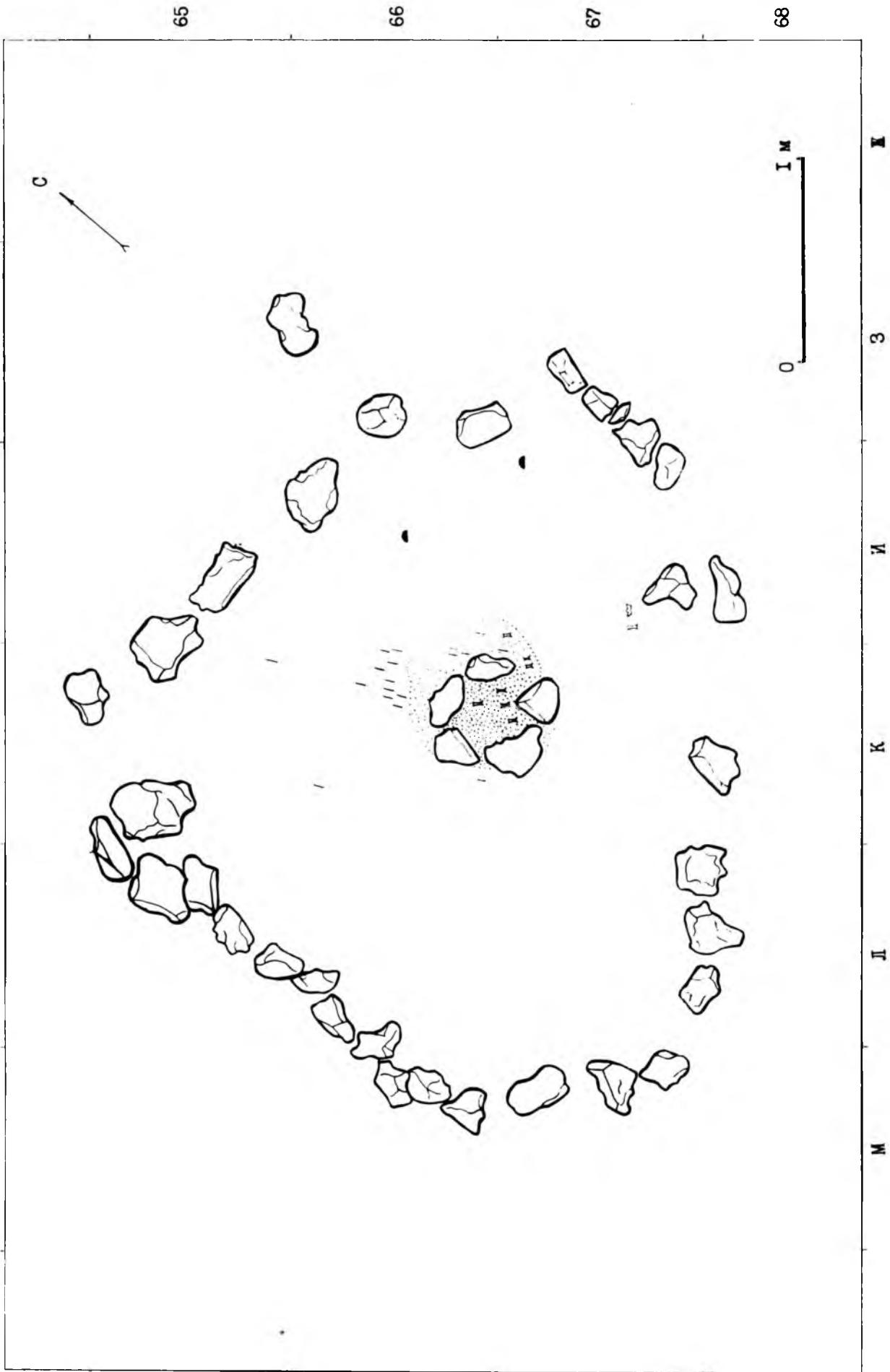

Рис. 30. Студеное-1. Горизонт 19/4. Жилище 2.

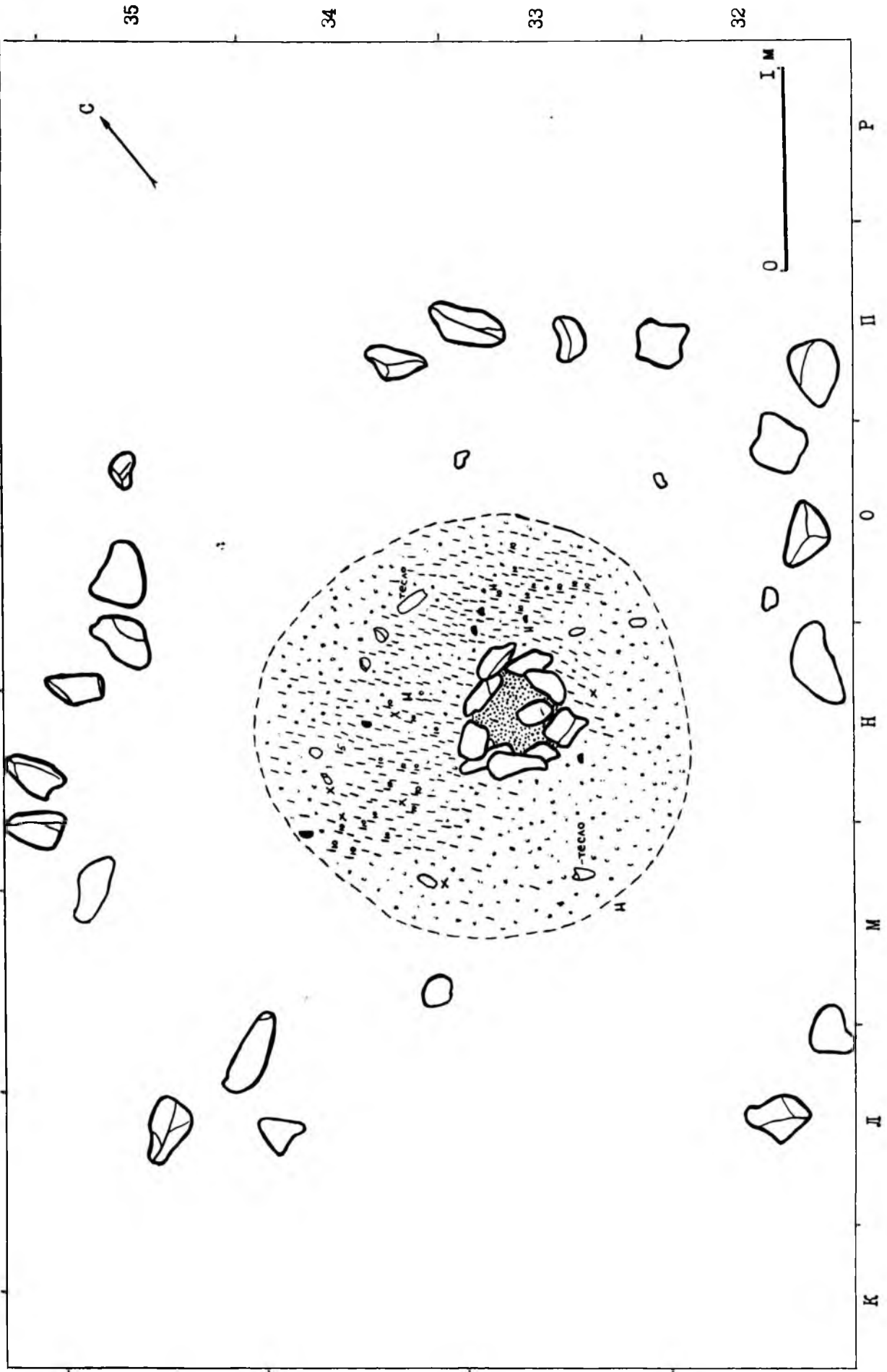

Рис. 31. Косая Шивера. Горизонт 14. Жилище.

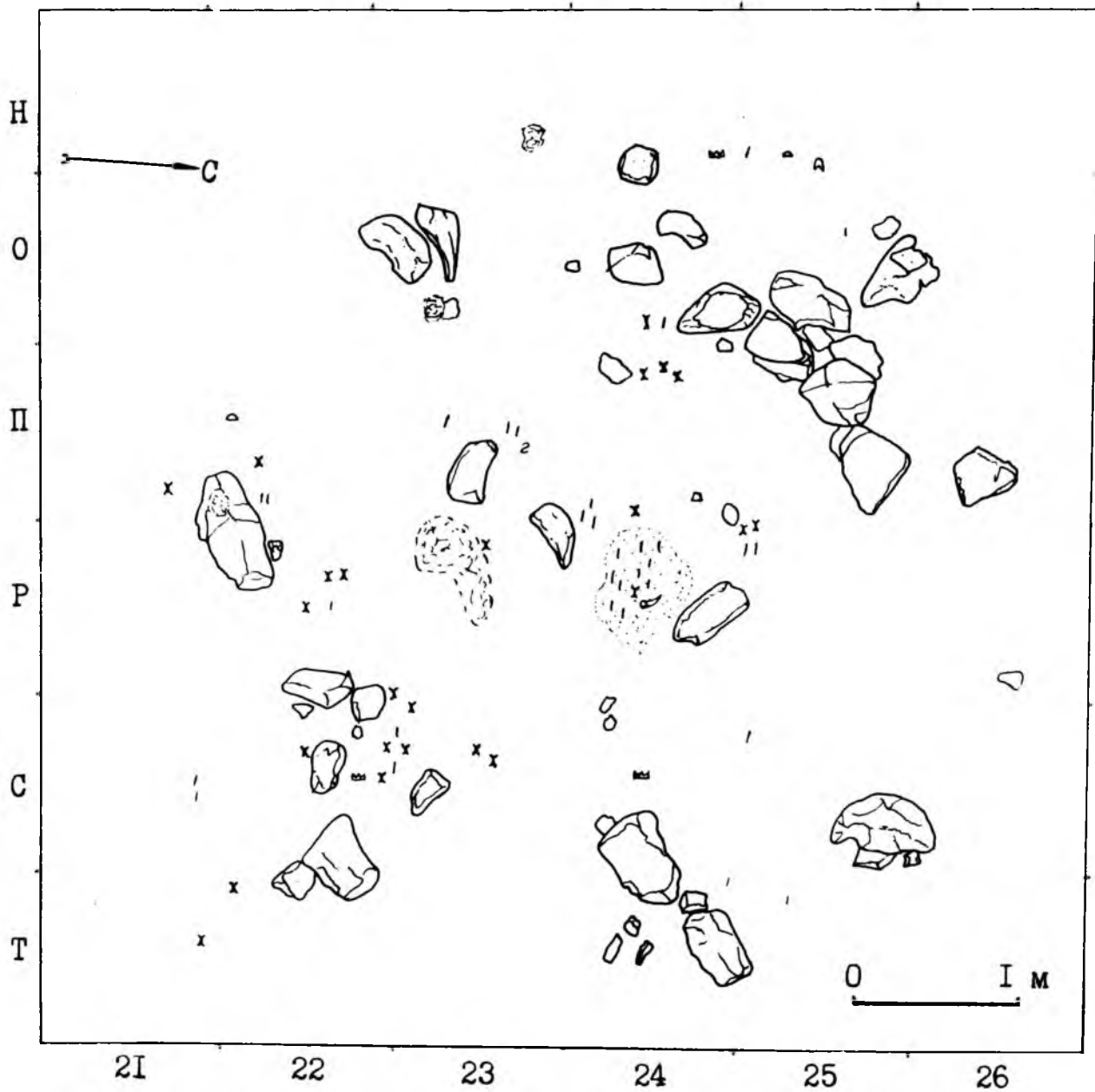

Рис. 32. Студеное-2. Горизонт 3. Жилище.

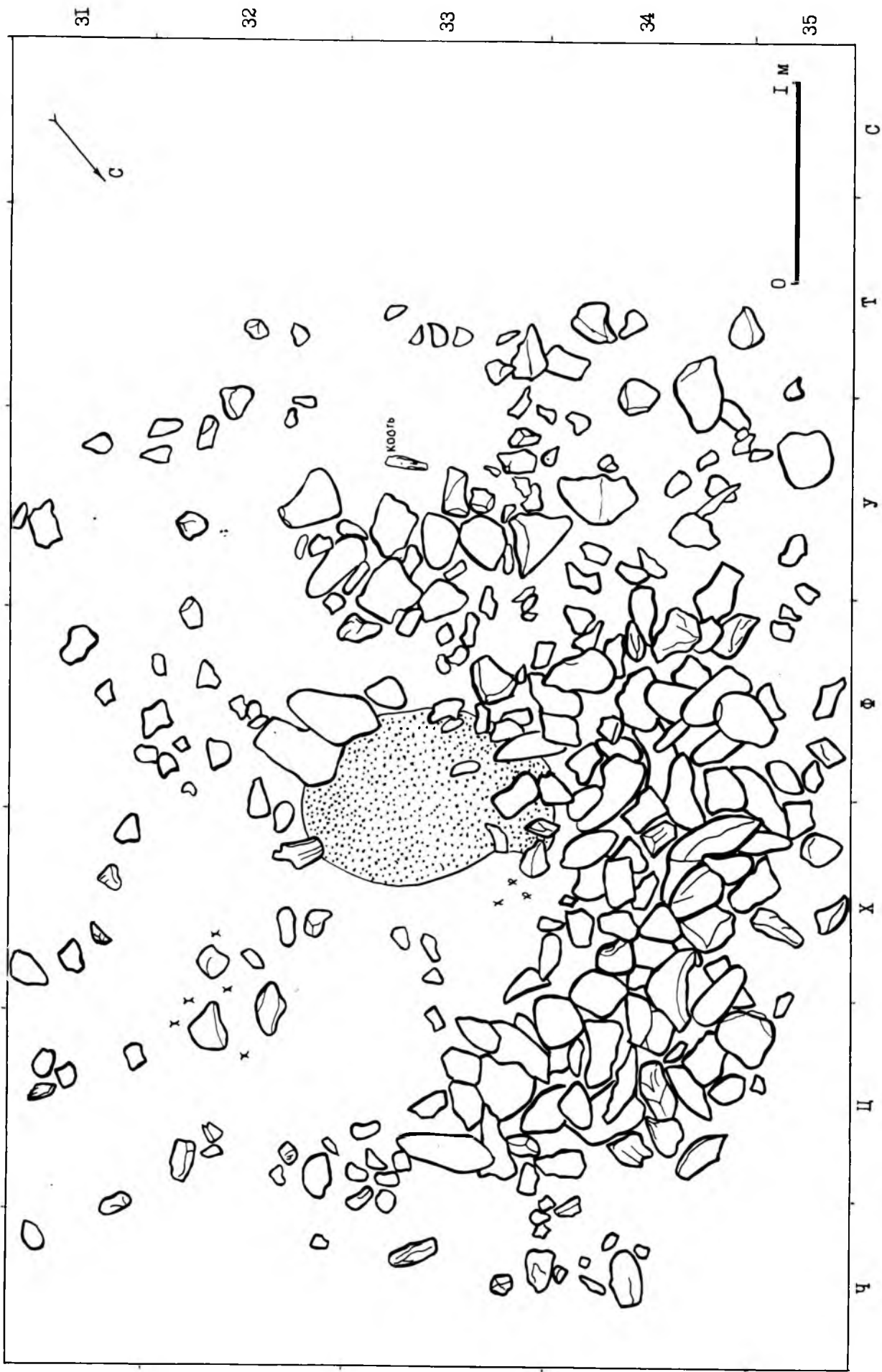

Рис. 33. Усть-Менза-1. Горизонт 25. Жилище.

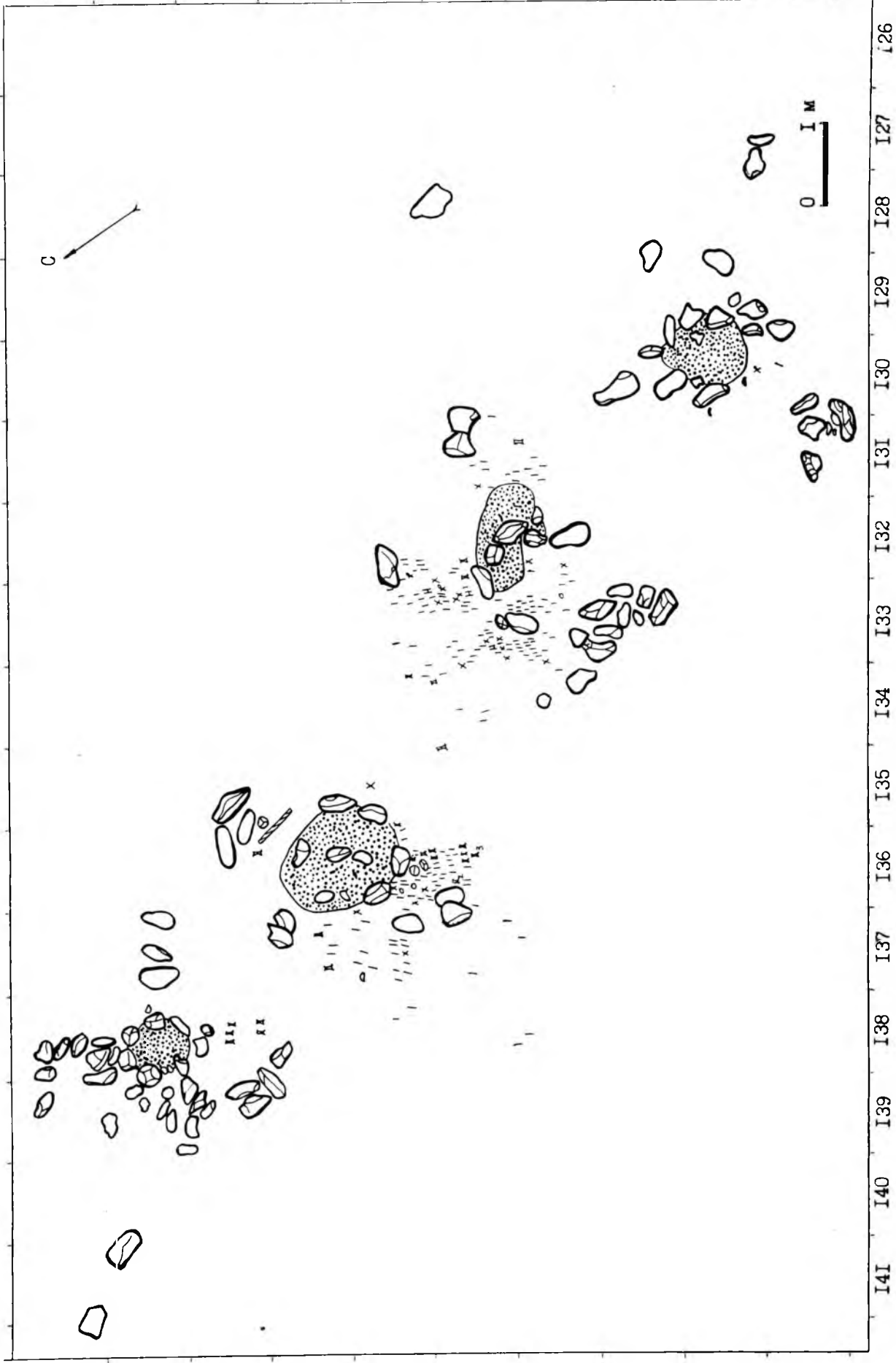

Рис. 34. Усть-Менза-3. Горизонт 4. Жилище.

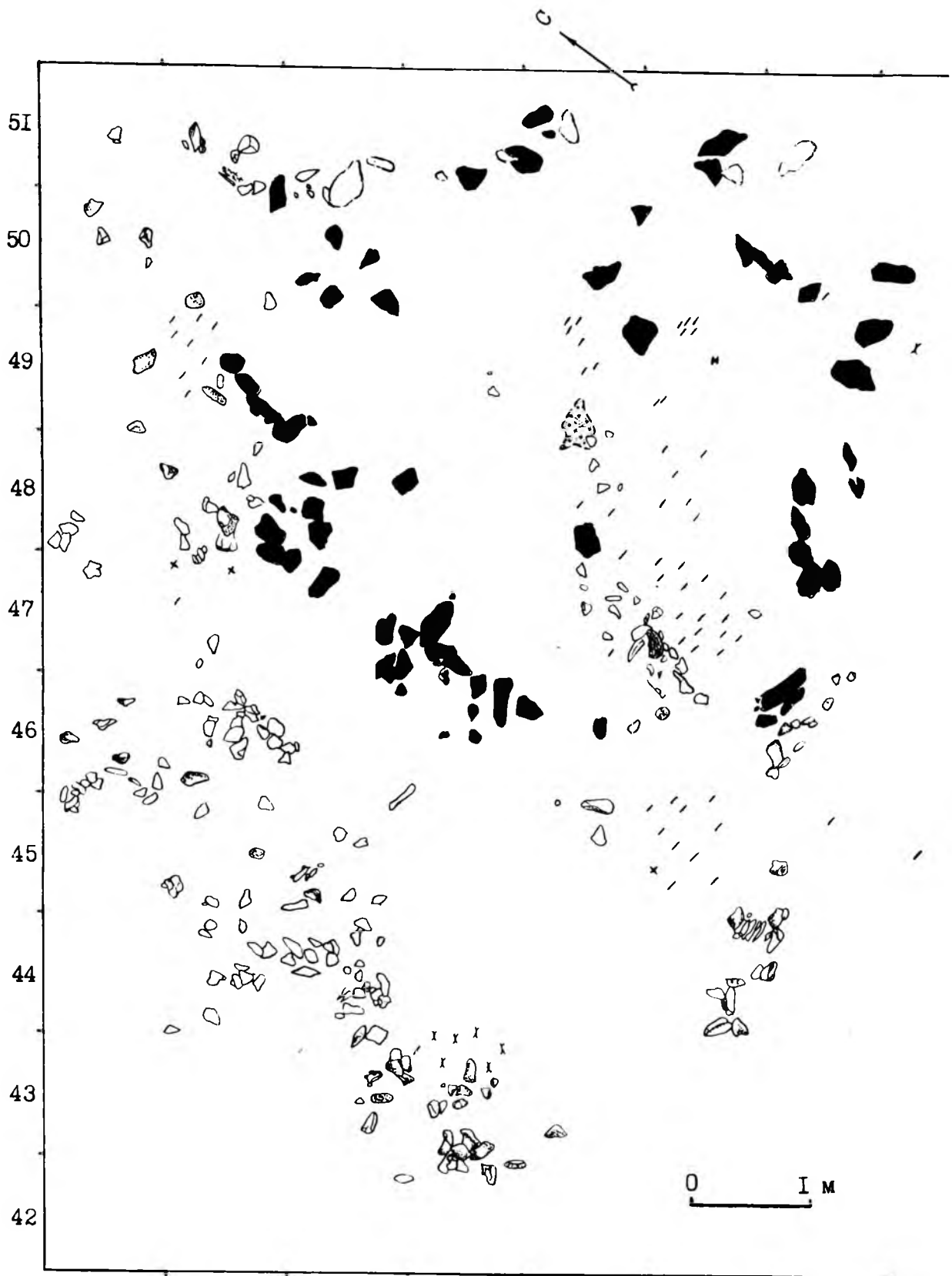

Рис. 35. Усть-Менза-4. Горизонт 2. Жилище.

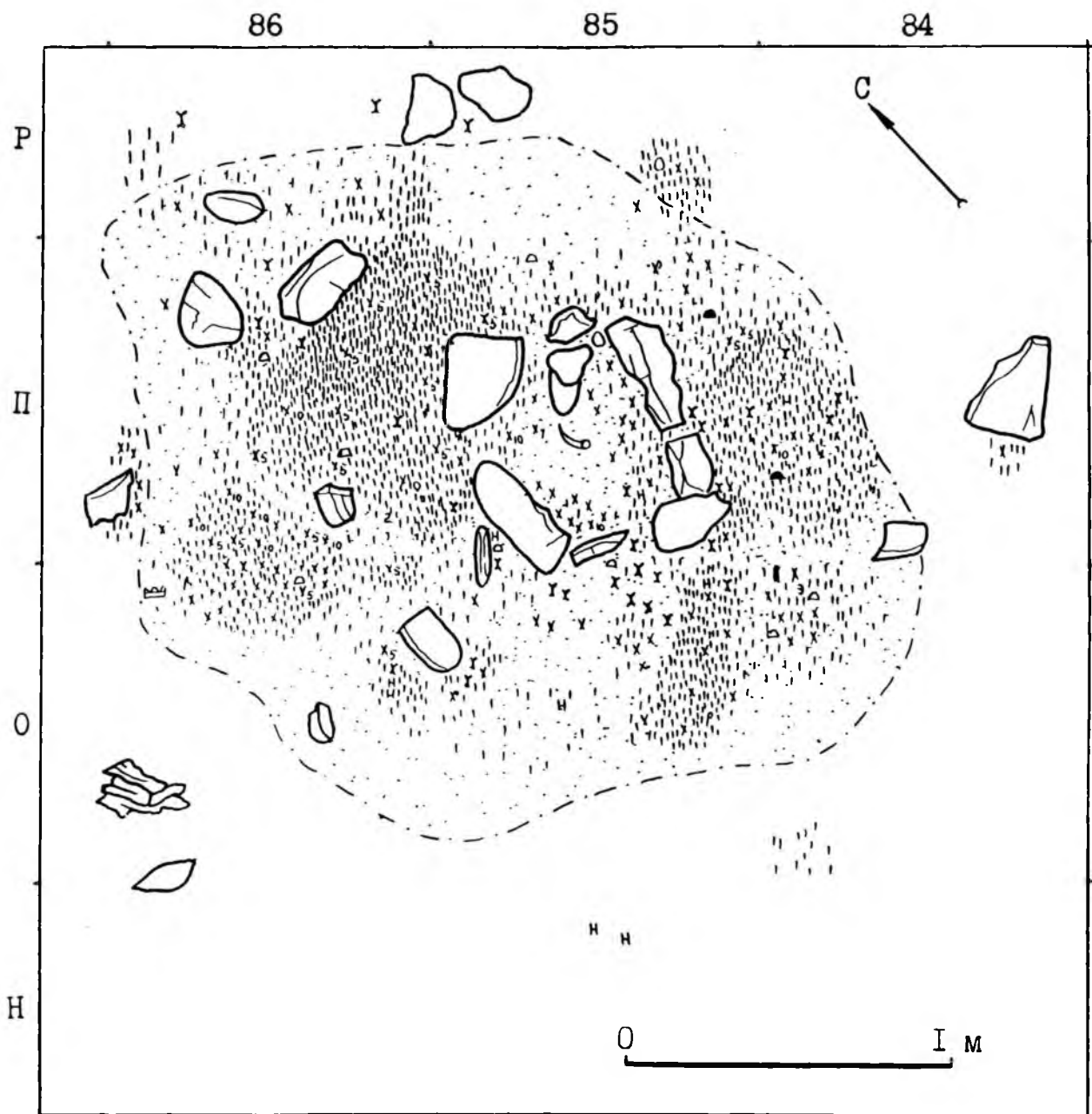

Рис. 36. Усть-Менза-1. Горизонт 9. Жилище.

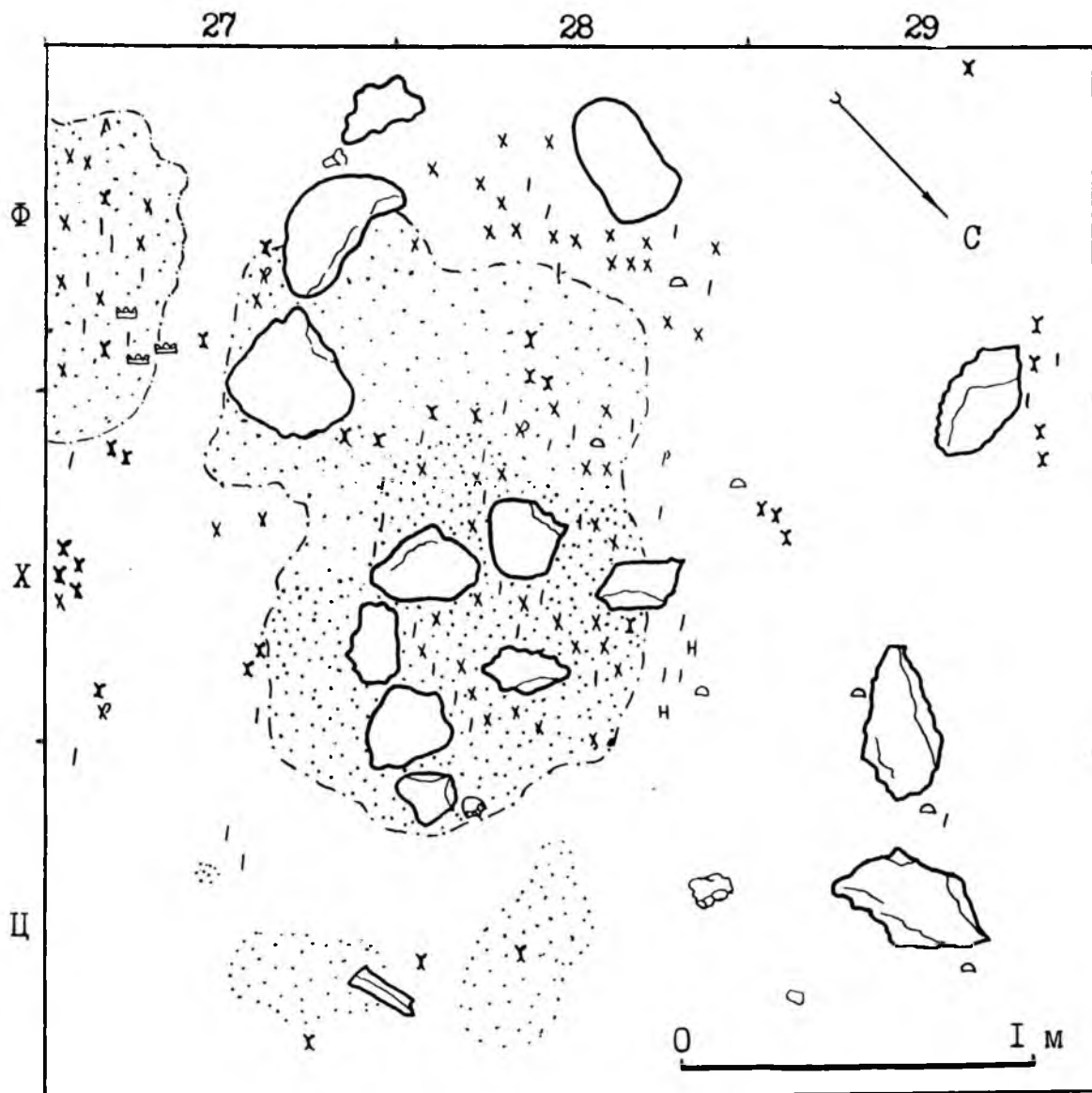

Рис. 37. Усть-Менза-1. Горизонт 11. Жилище.

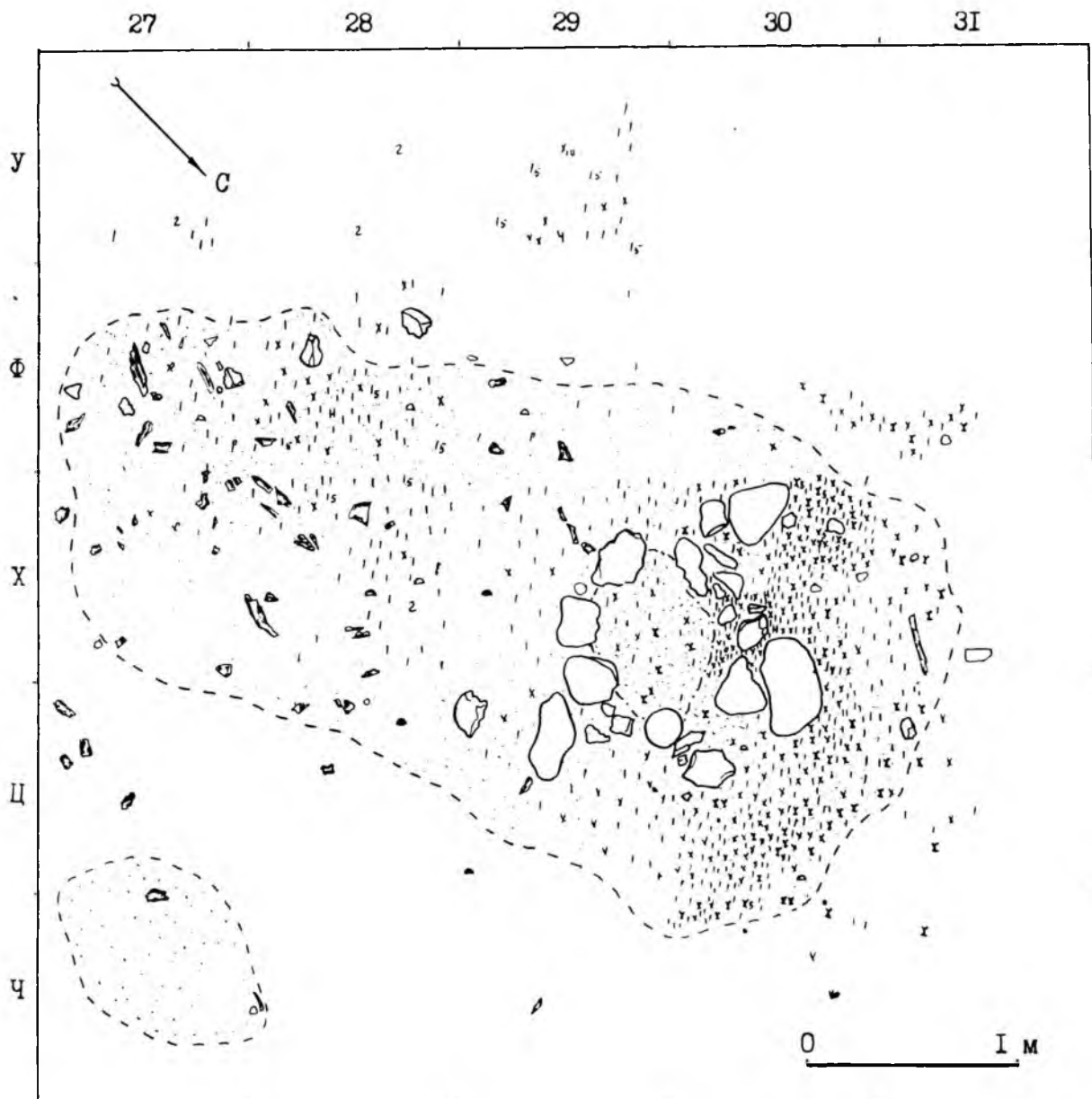

Рис. 38. Усть-Менза-1. Горизонт 12. Жилище.

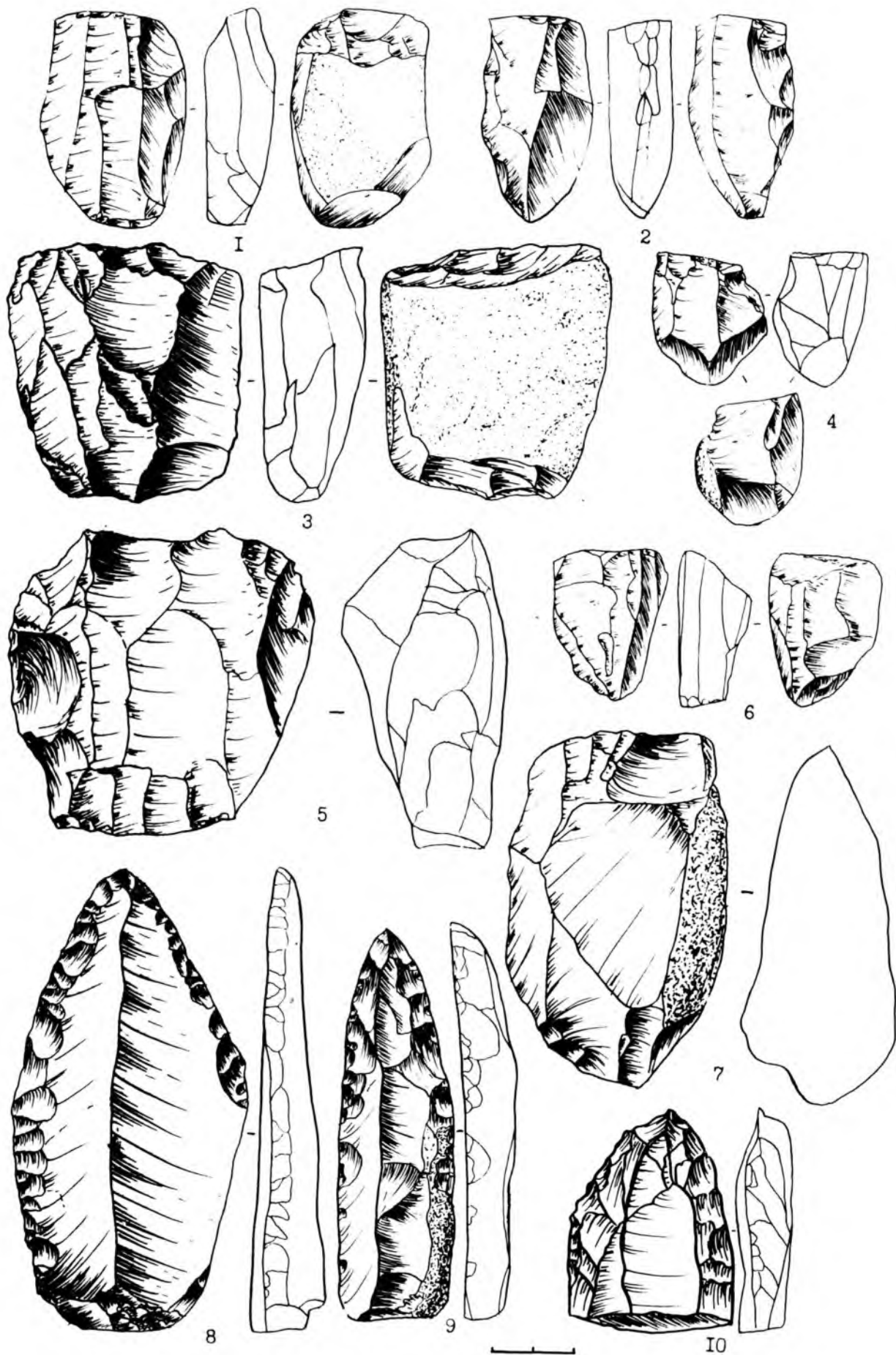

Рис. 39. Толбага-1. 1, 2, 4, 6, 9 — слой 3; 3, 5, 10 — слой 4; 1, 3, 5, 7 — нуклеусы; 2, 4, 6 — фрагменты пластин (со следами случайных микроснятий); 8—10 — остроконечники.

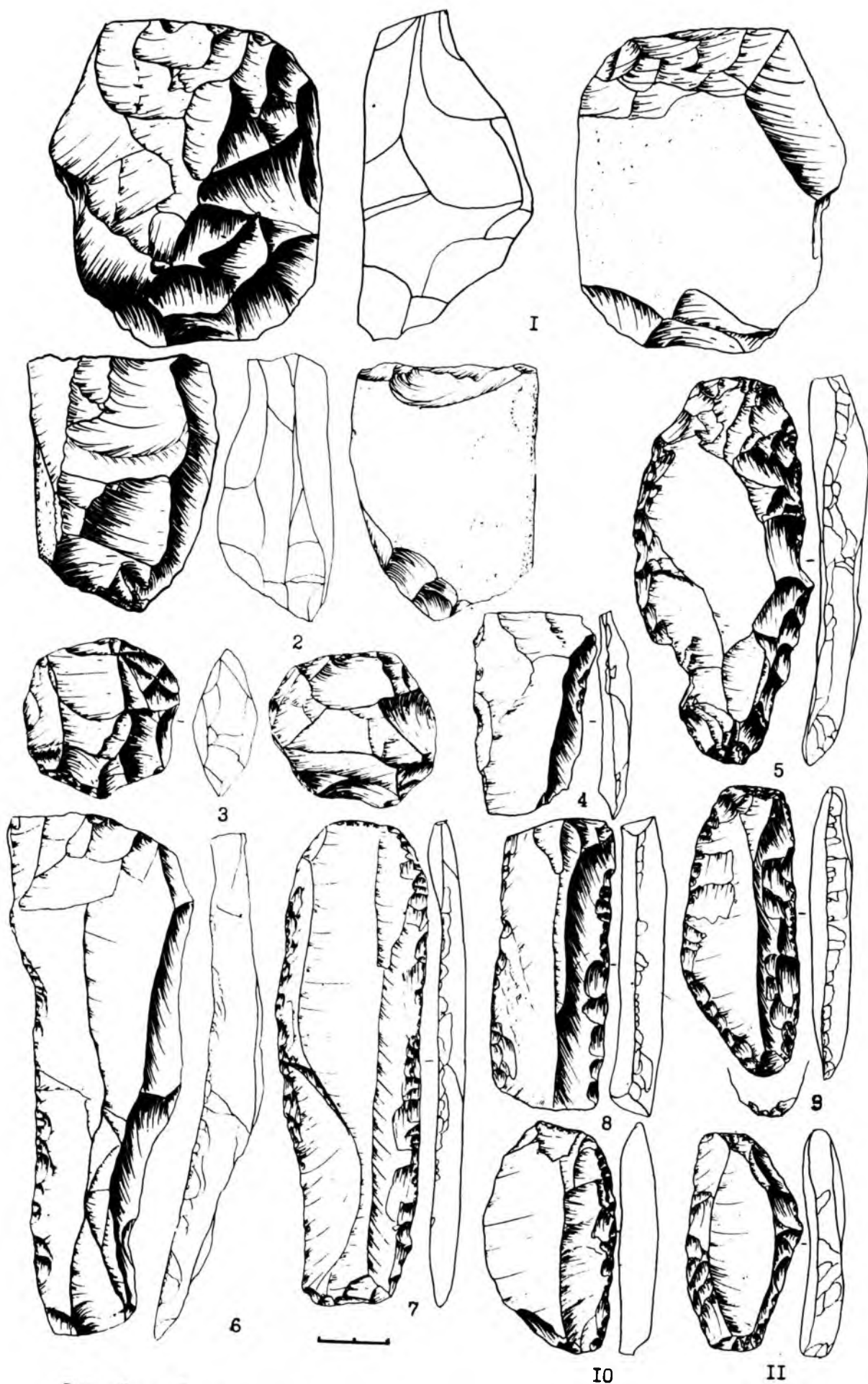

Рис. 40. Толбага-1. Слой 4. 1—3 — нуклеусы; 4, 6—8, 10 — пластины с ретушью; 5, 9, 11 — концевые скребки.

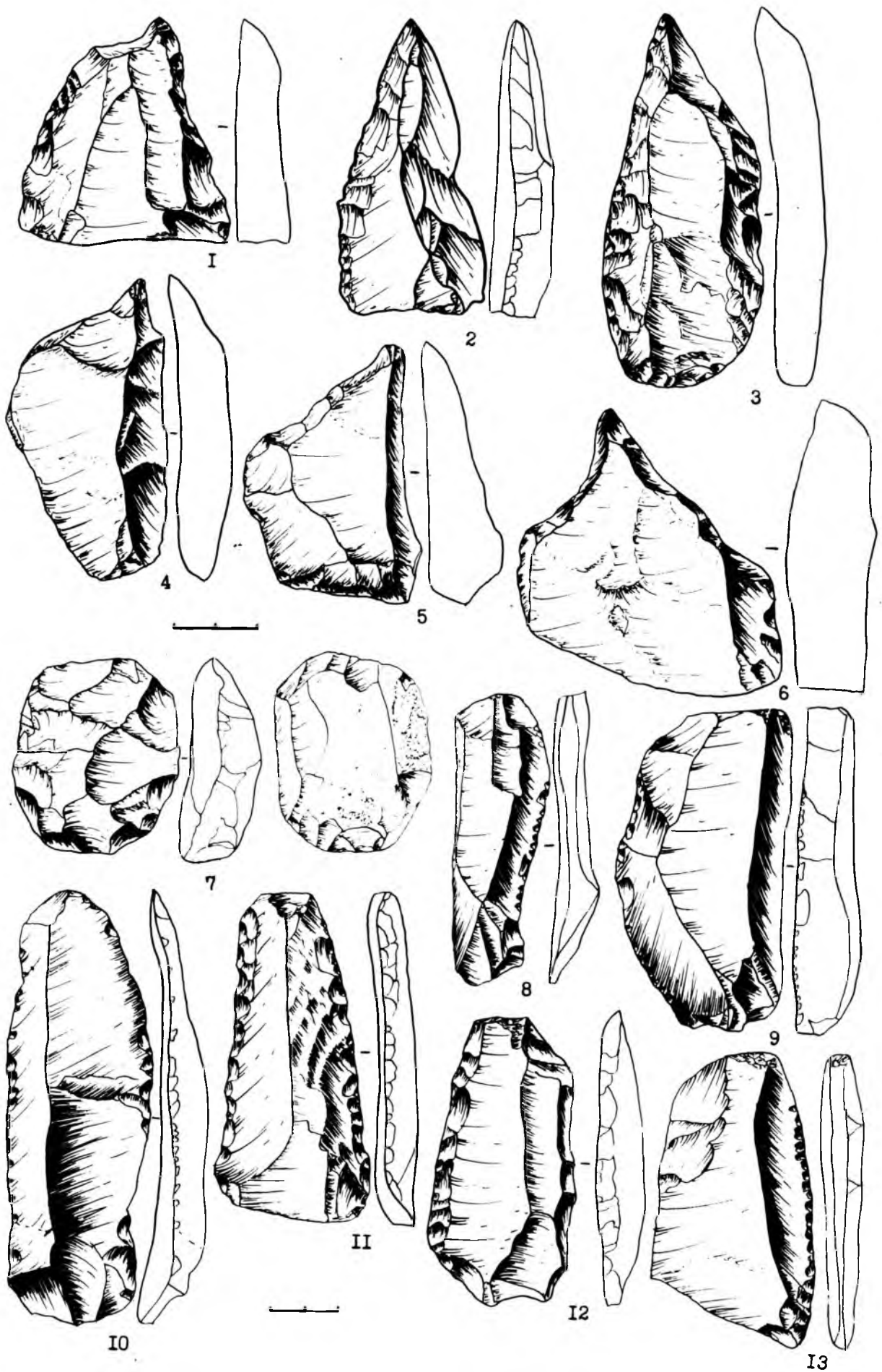

Рис. 41. Толбага-1. 1—6 — слой 4; 7—13 — слой 3; 1, 3—6 — проколки; 2 — остроконечник; 7 — нуклеус; 8—13 — пластины с ретушью.

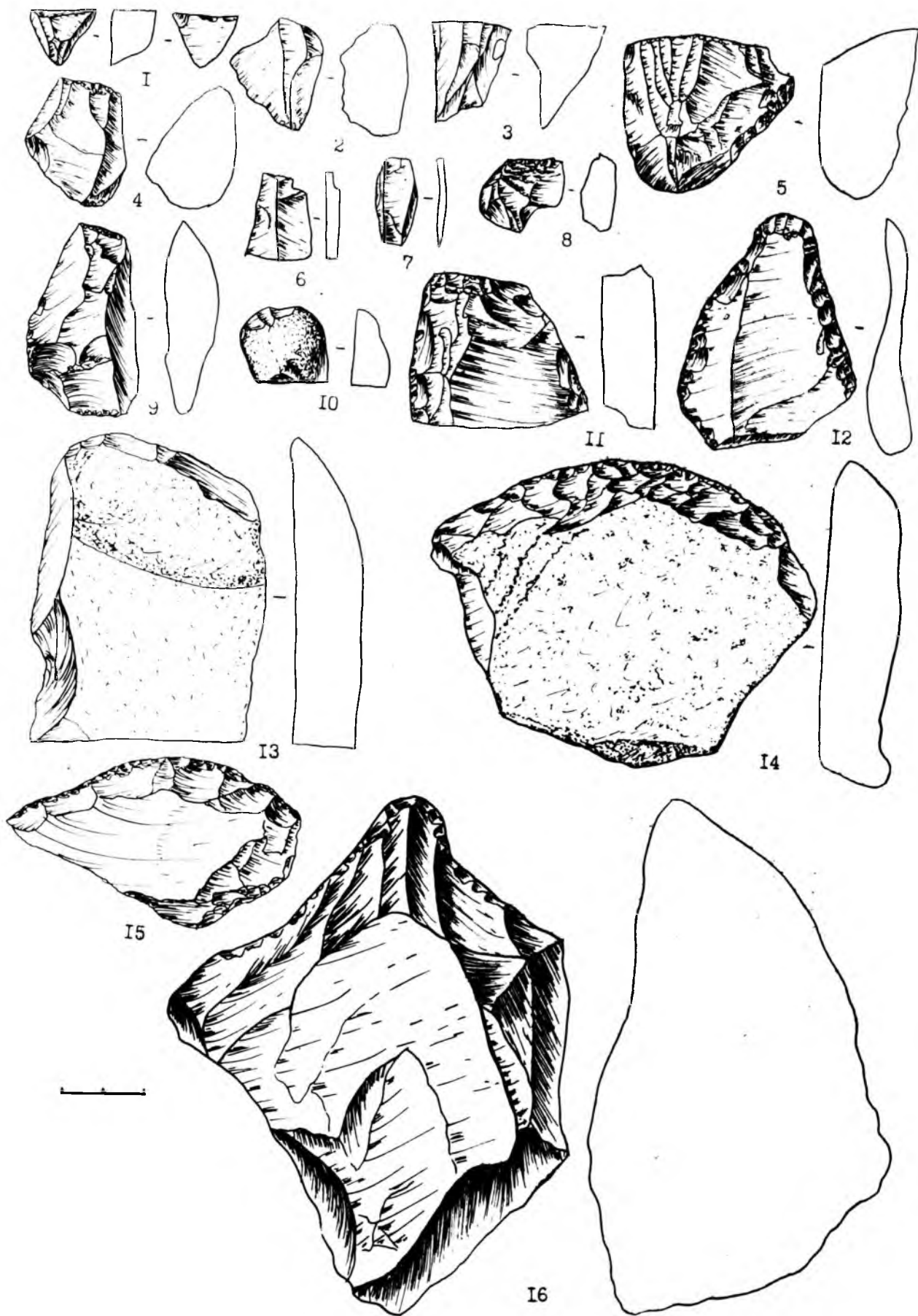

Рис. 42. Купалей. 1—12 — горизонт 2; 13—16 — горизонт 3; 1—3, 5—
 нуклеусы; 4, 8, 9 — долотовидные орудия; 6, 7 — пластинки; 10, 12 —
 скребки; 13—15 — скребла; 16 — рубящее оружие с носиком.

Рис. 43. Куналей. Горизонт 3. 1 — пластинка; 2 — пластина; 4 — пластинчатый скол с ретушью; 3, 5—7 — скребла; 8—11, 13, 16 — скребки; 12, 14, 15, 17, 18 — проколки.

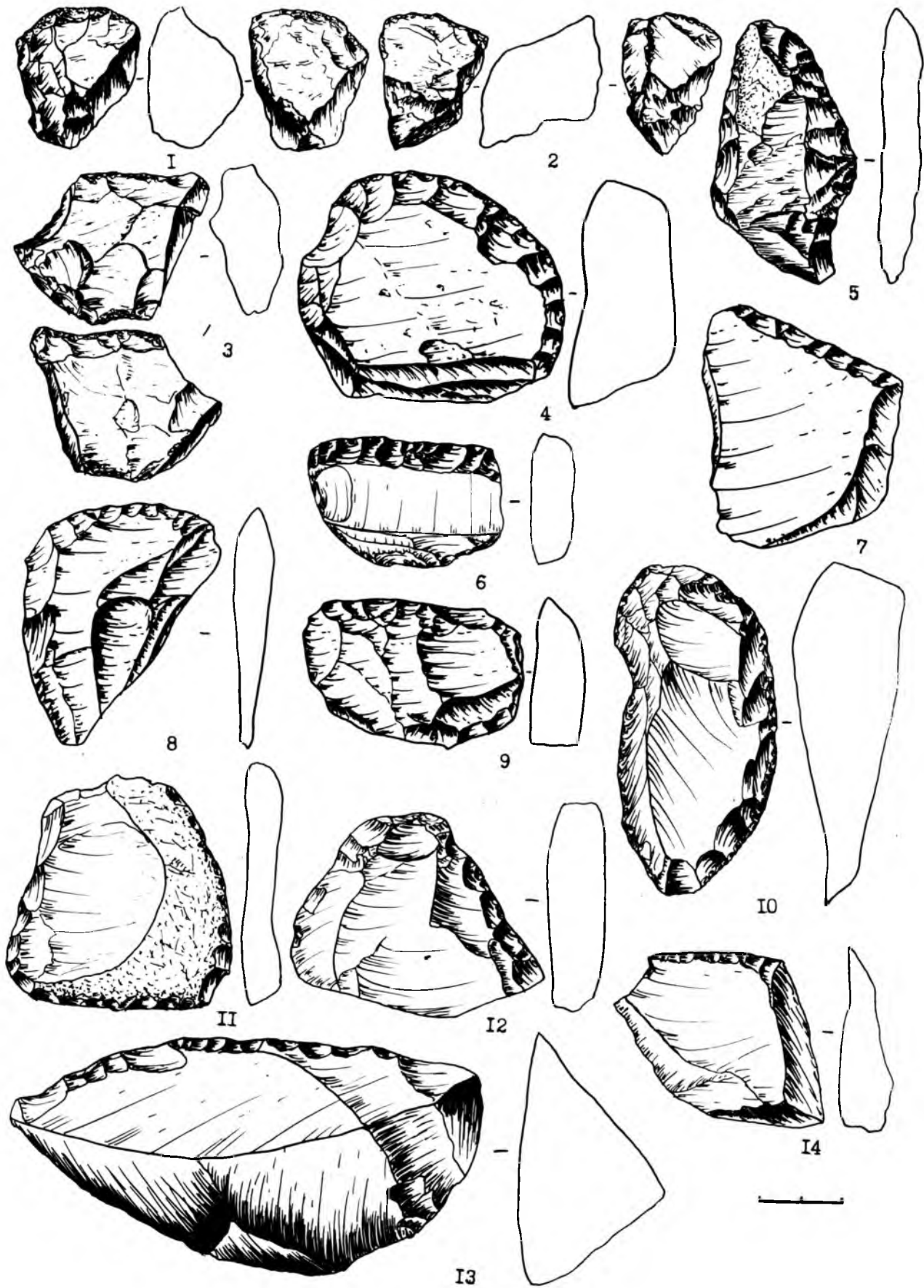

Рис. 44. Куналей. Горизонт 3. 1—3 — долотовидные орудия; 4—14 — скребла.

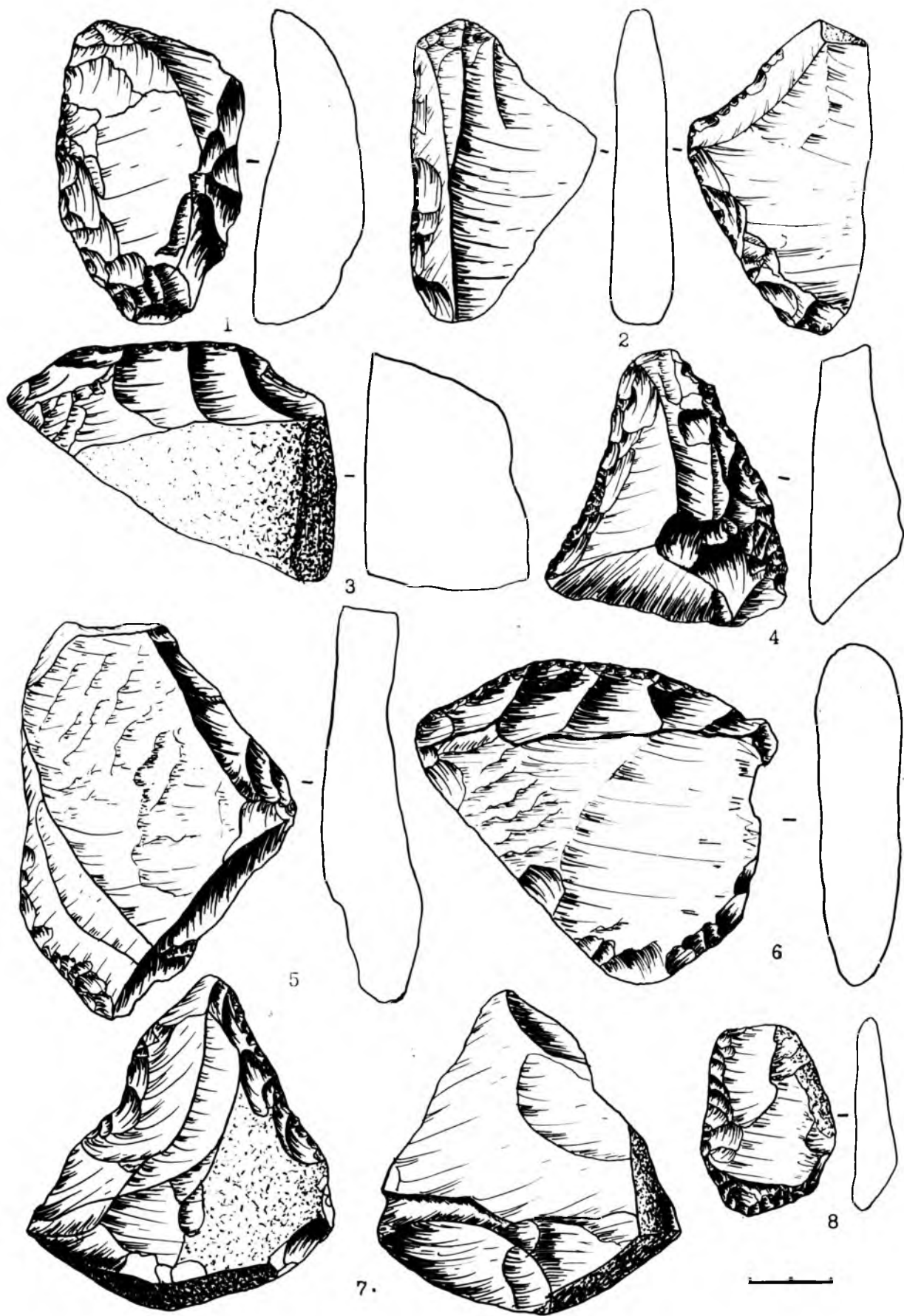

Рис. 45. Куналей. Горизонт 3. Скребла.

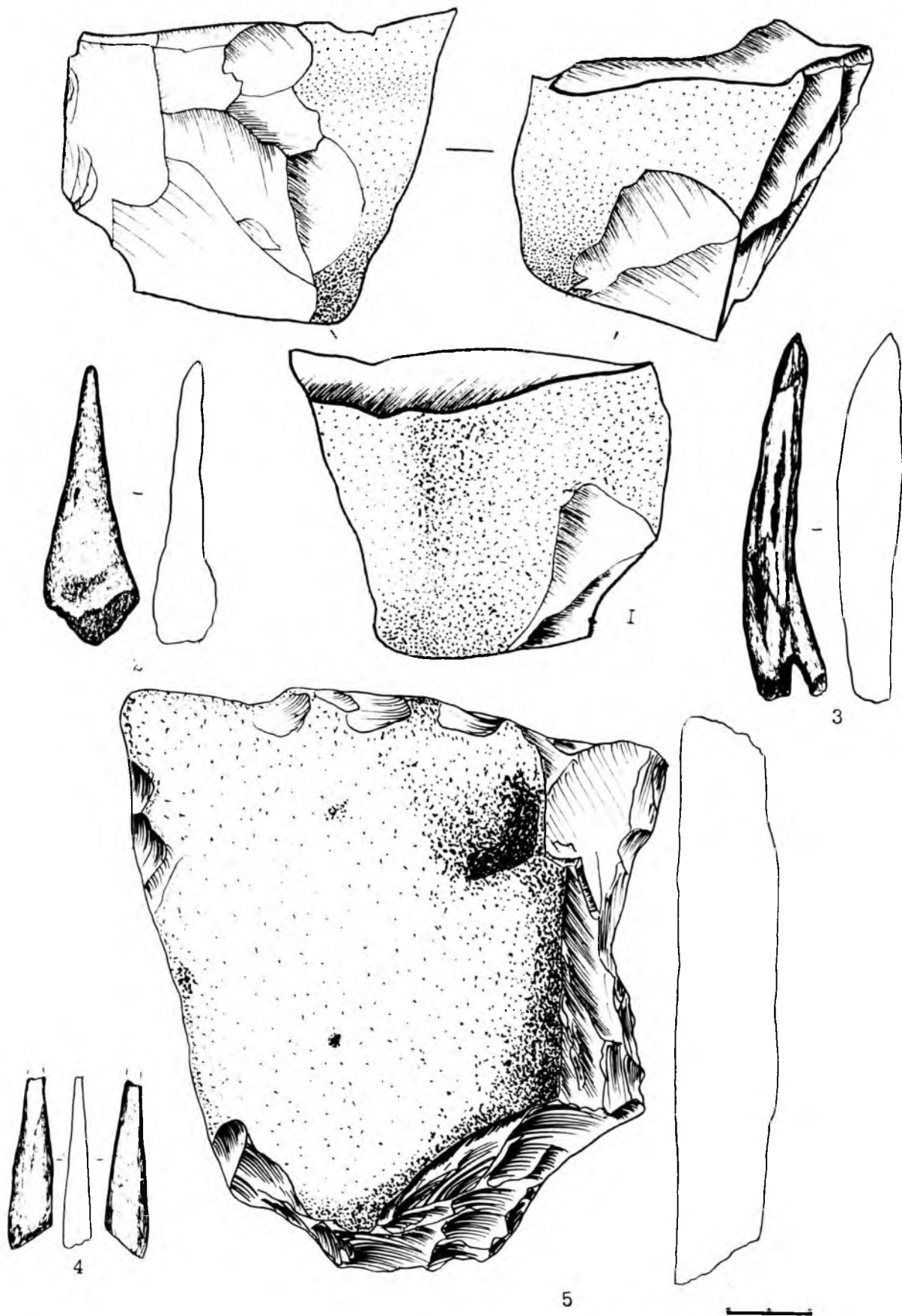

Рис. 46. Читкан (1 — литологический слой; 5, горизонт 5); Куналей (2—5 — горизонт 3). 1 — нуклеус; 2—4 — костяные шилья; 5 — чоппер.

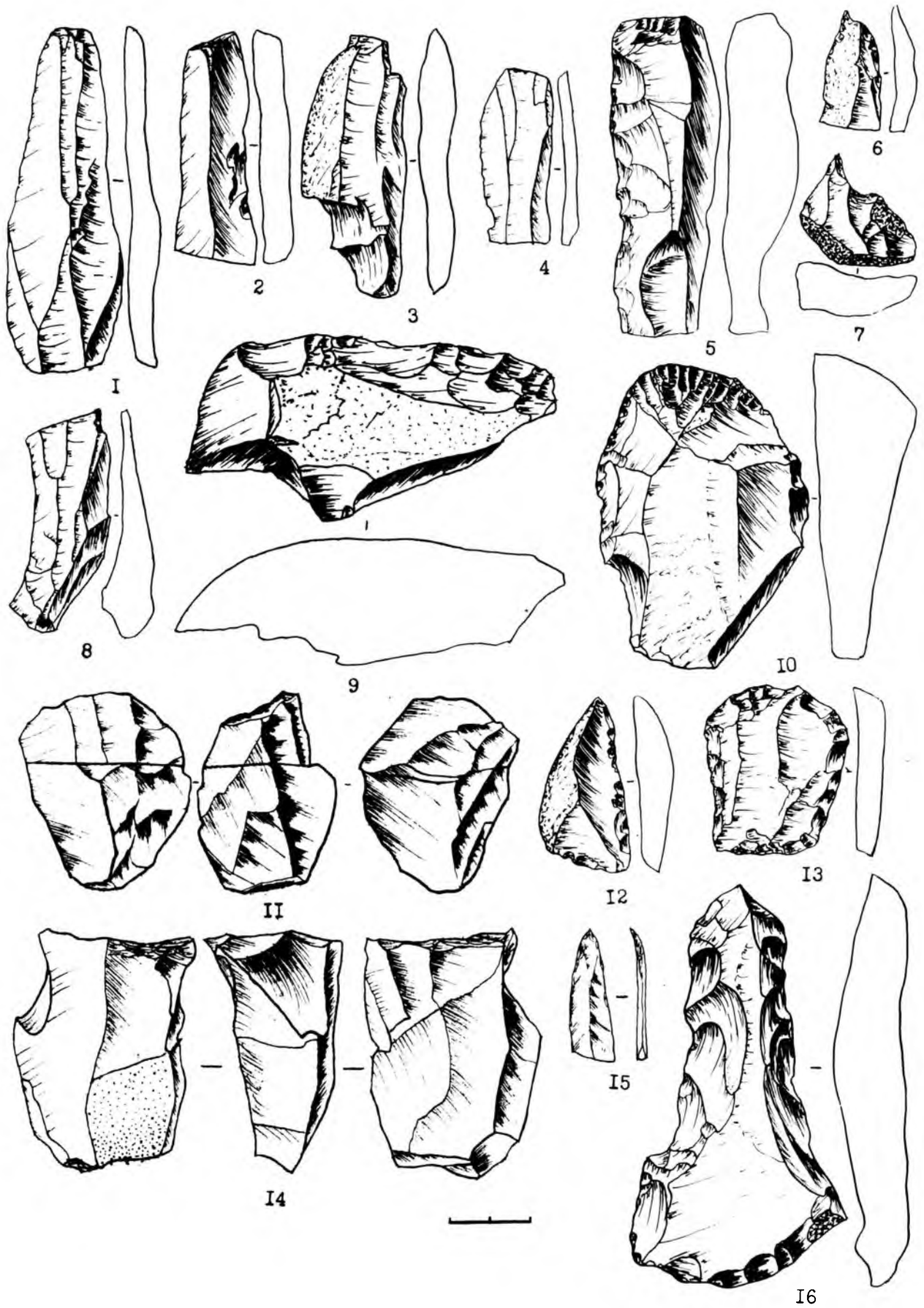

Рис. 47. Читкан. Горизонт 2. 1 — уровень 1; 2—9 — уровень 2; 12—13 — уровень 3; 10, 11, 14—16 — уровень 4. 1—4 — пластинки; 5 — пластинка с ретушью; 6—8, 15 — проколки; 11, 14 — нуклеусы; 12 — отщеп с ретушью; 9 — скребло; 10, 13, 16 — скребки.

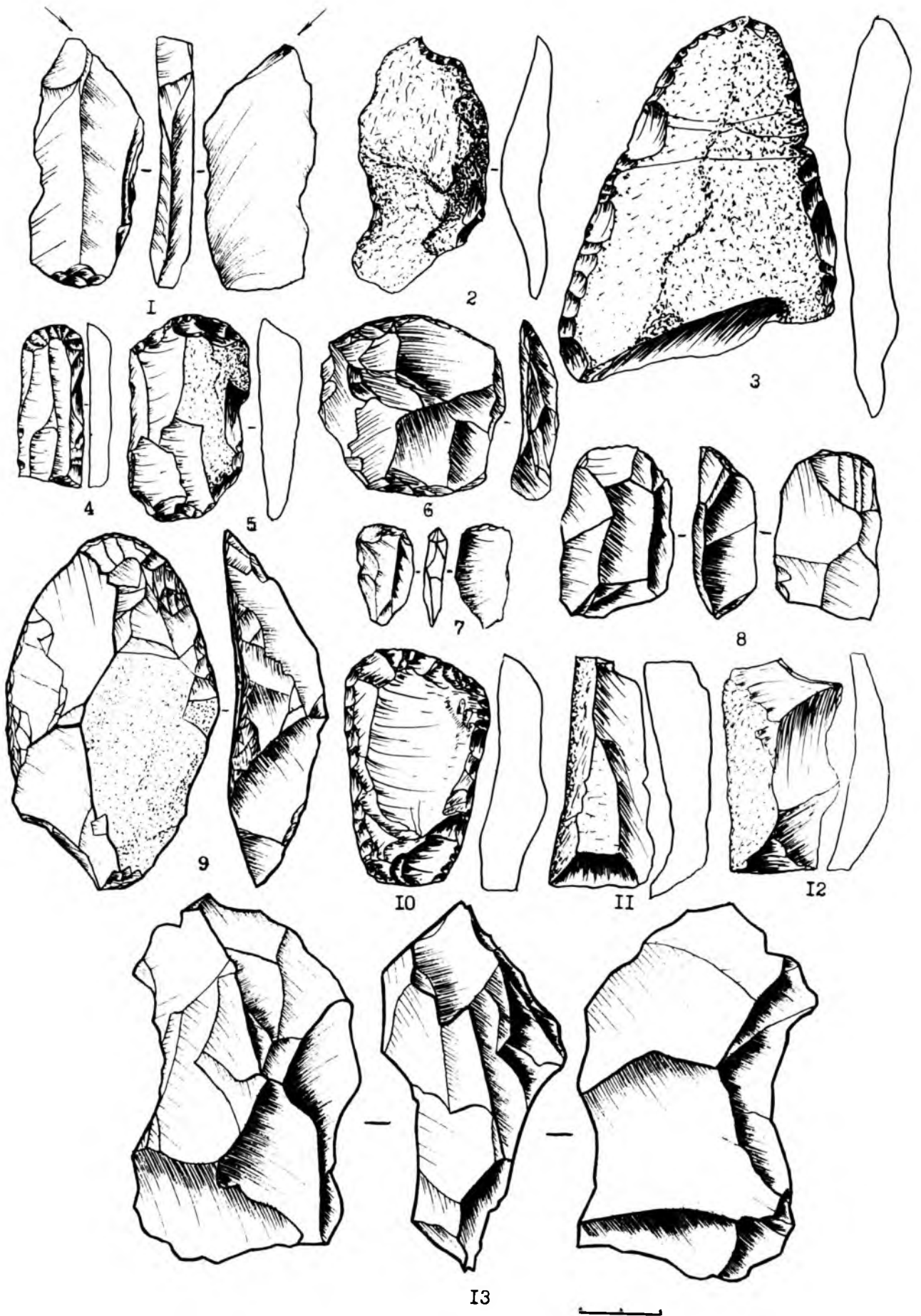

Рис. 48. Читкан. 13 — горизонт 2, уровень 2; 1, 2, 7, 11, 12 — горизонт 2, уровень 3; 4, 9, 10 — горизонт 3; 5, 6 — горизонт 4; 8 — горизонт 7. 1 — резец; 2 — проколка; 3, 6, 9 — скребла; 4, 5, 10 — скребки; 7 — доловидное орудие; 11, 12 — пластинки; 8—13 — оббитые желвачки.

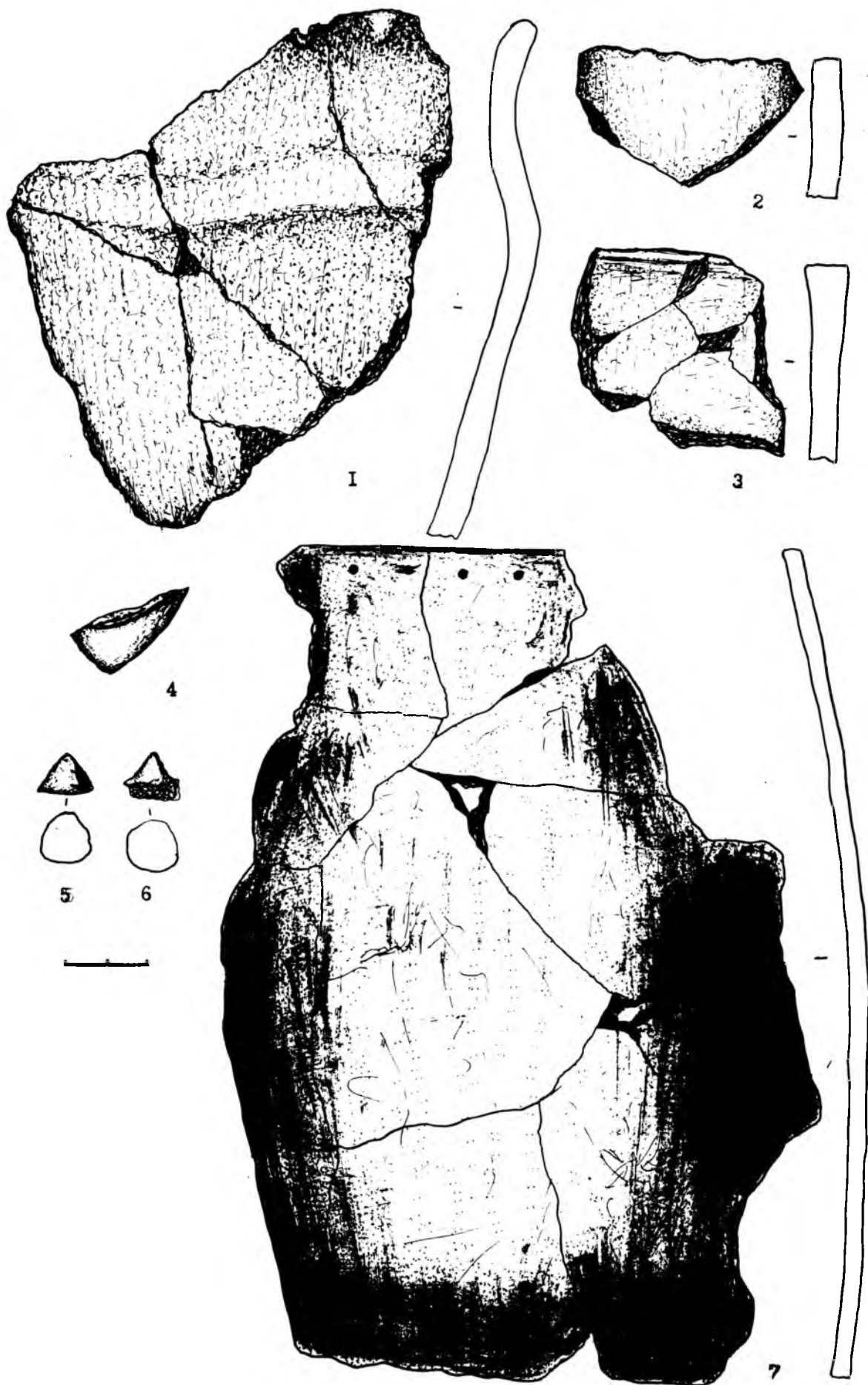

Рис. 49. Студеное-1. Керамика. 1 — горизонт 9б; 2, 3 — горизонт 8; 4—6 — горизонт 9г; 7 — горизонт 3.

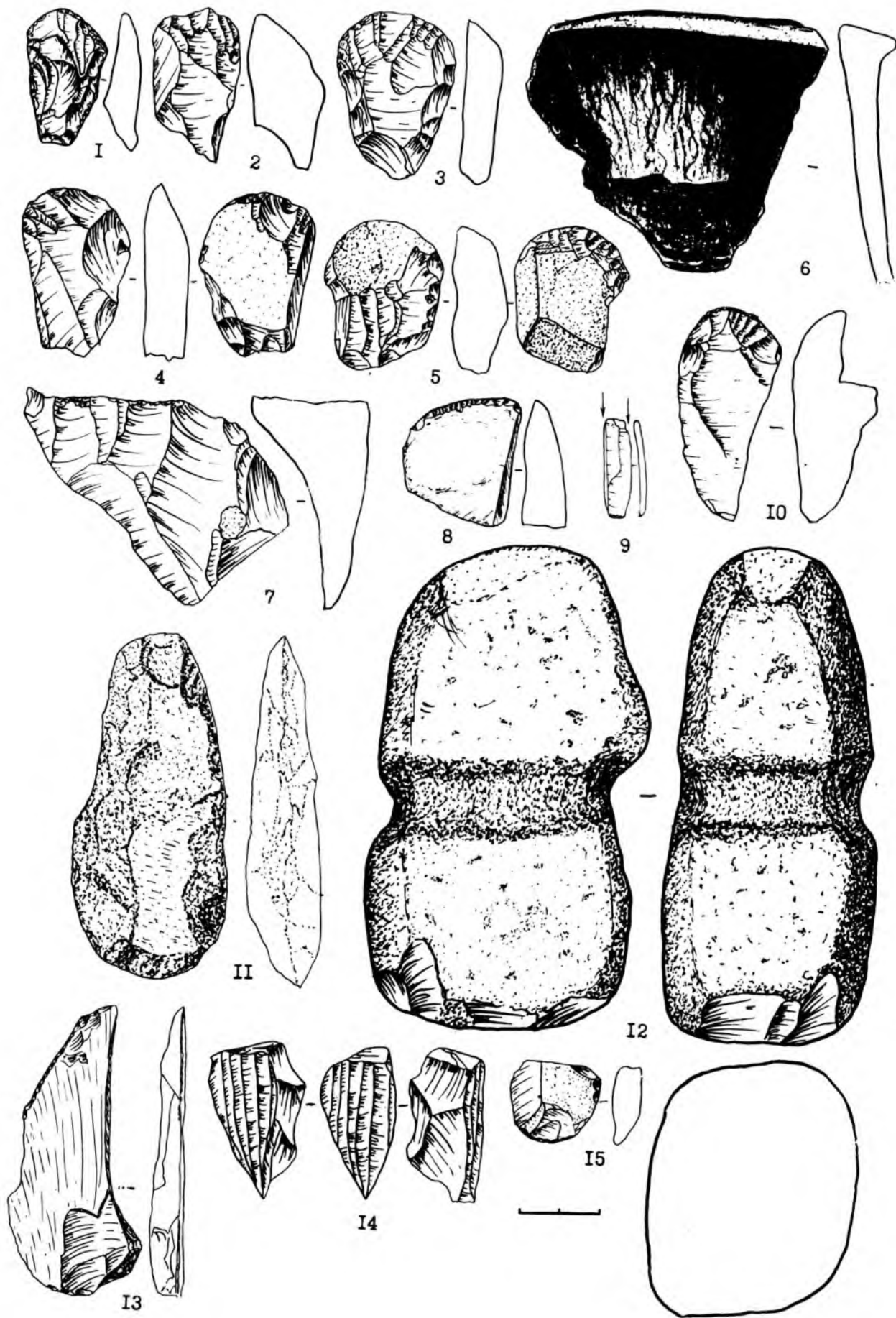
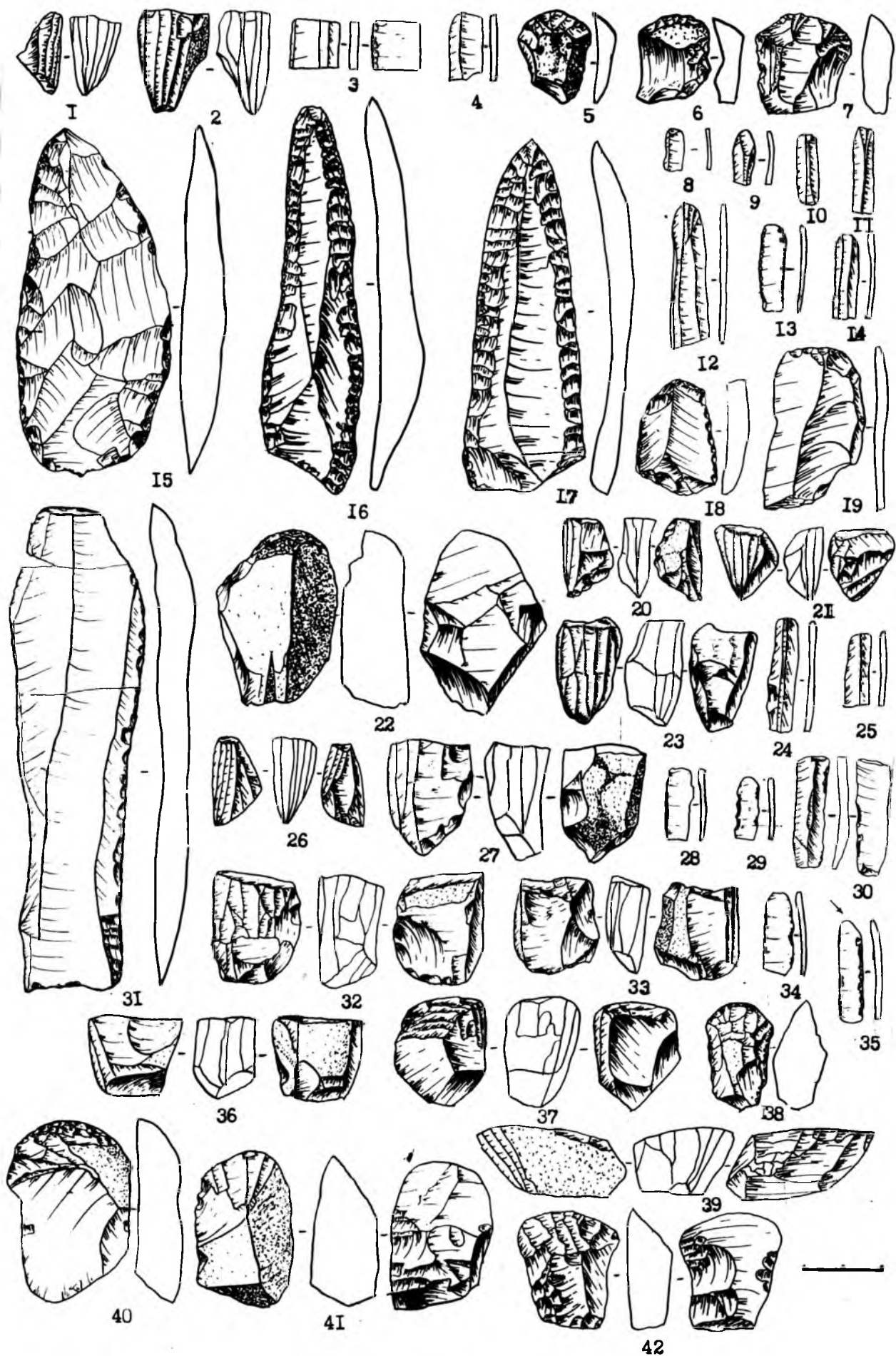
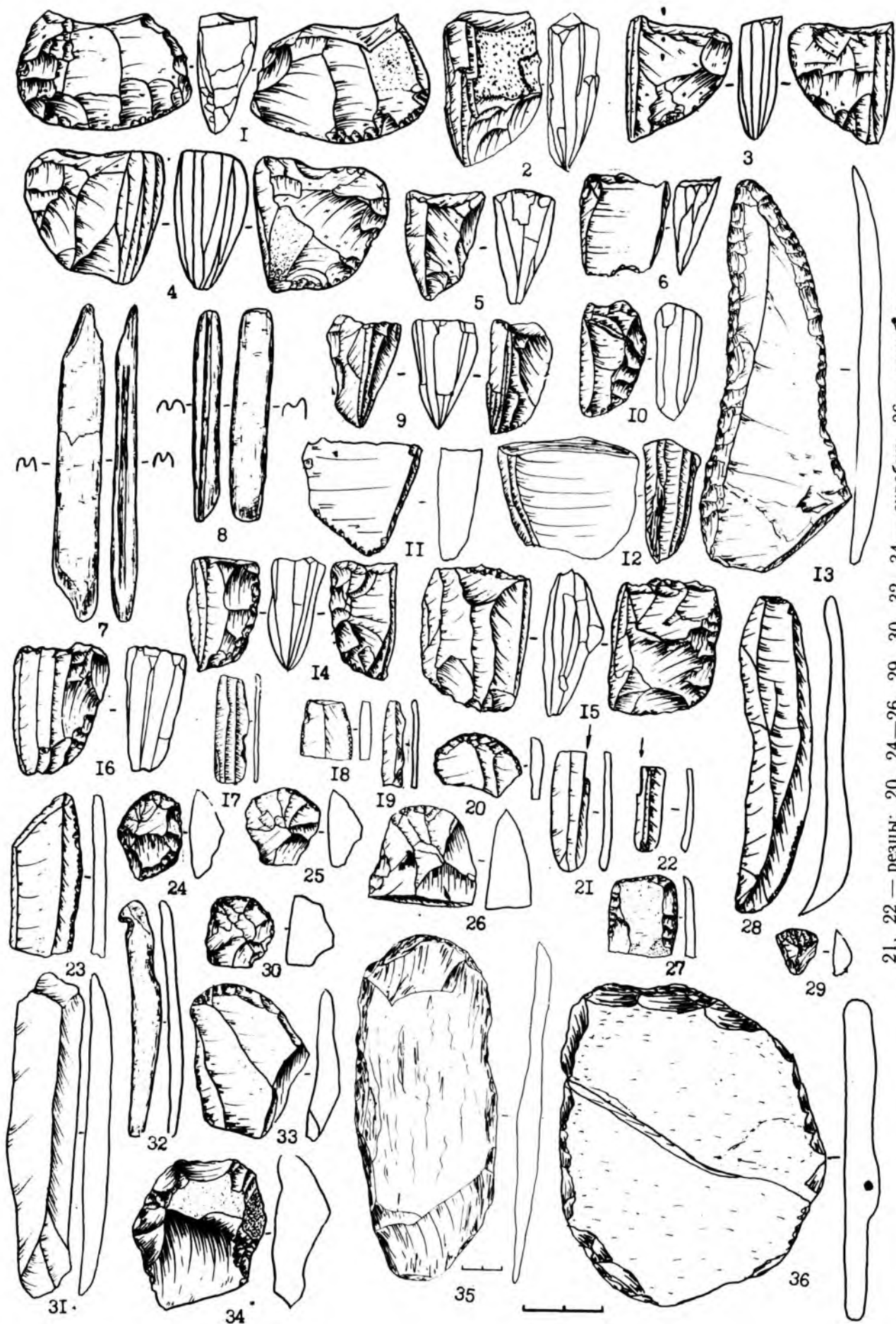

Рис. 50. Студеное-1. 1—6, 10 — горизонт 5; 7—9 — горизонт 4; 12 — горизонт 3; 11, 13—15 — горизонт 2. 1—5, 8, 10, 15 — скребки; 6 — керамика; 7 — скол; 9 — резец; 12 — молоток.

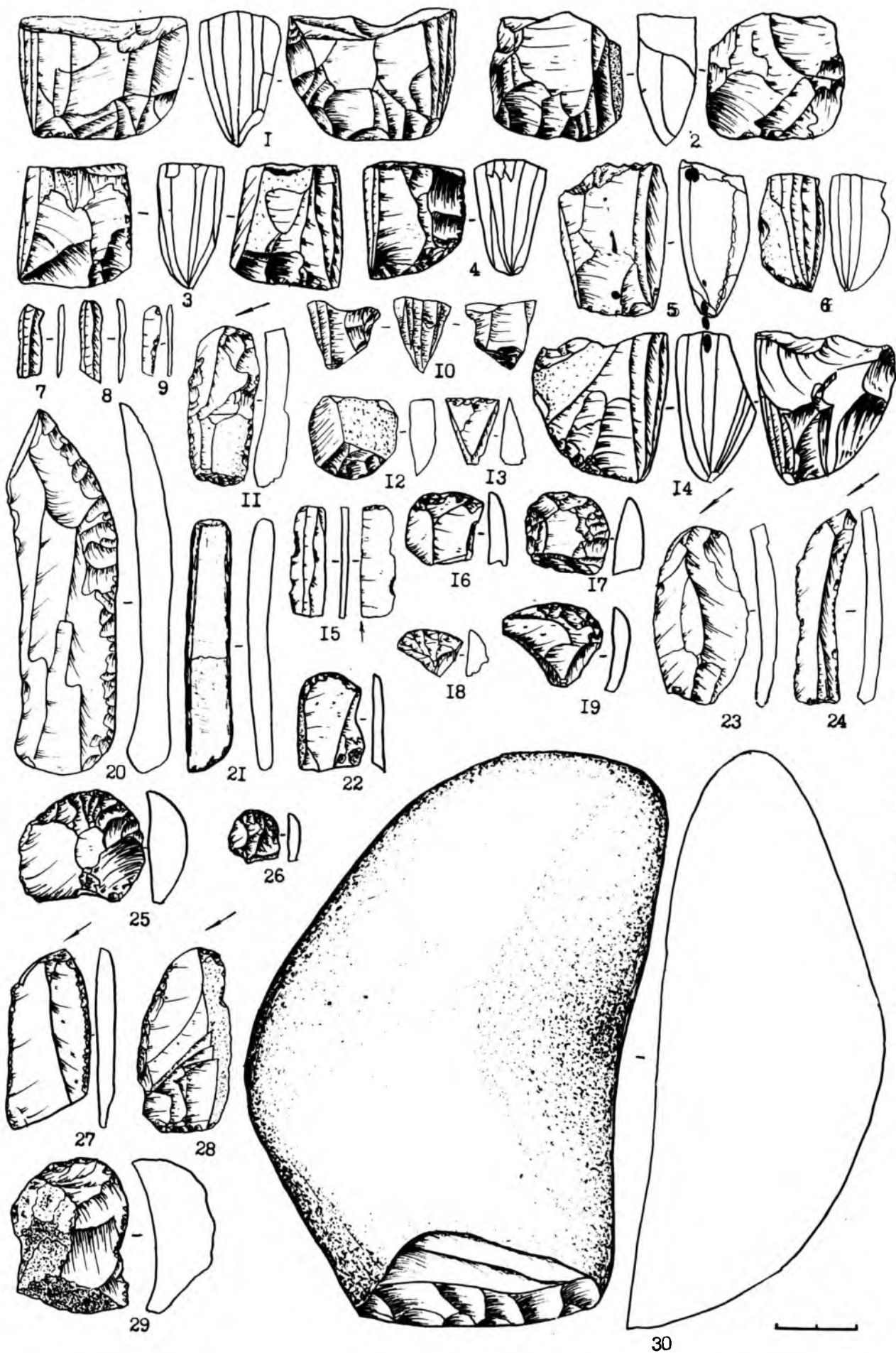
3, 13, 28—30, 34 — микропластинки с ретущью; 31 —
 пластина с ретущью; 35 — резец; 5—7, 18, 22, 38, 40—42 — скребки;
 15 — нож; 16, 17 — остроконечники.

Рис. 51. Студеное-1. 1—4, 16—17 — горизонт 7; 5—7, 15 — горизонт 76; 8—14, 18, 19, 22, 31 — горизонт 6; 20, 21, 23—30, 32—42 — горизонт 5. 1, 2, 20, 21, 23, 26, 27, 32, 33, 36, 37, 39 — нуклеусы; 4, 8—12, 14, 19, 24, 25 —

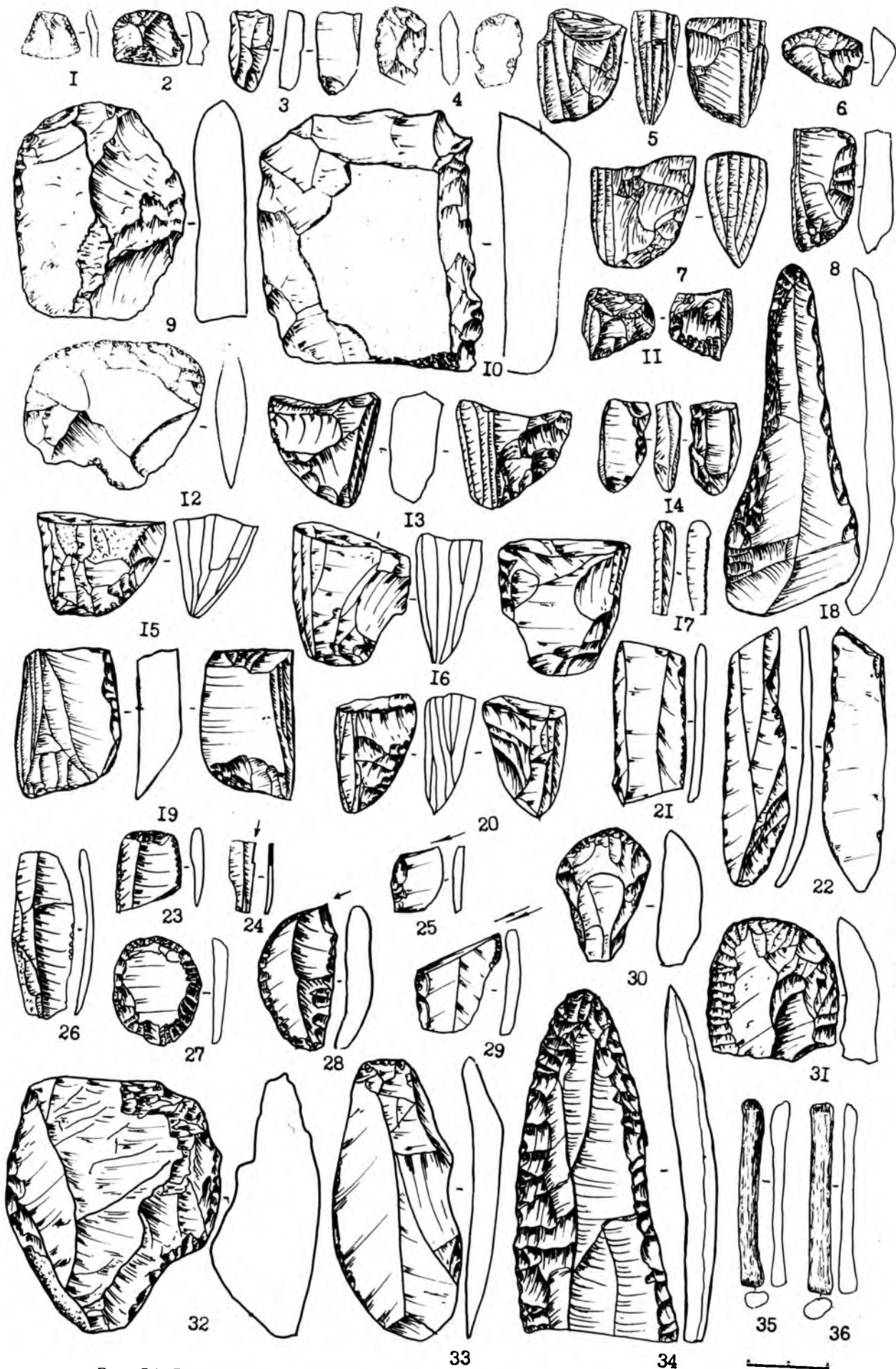
21, 22 — резцы; 20, 24—26, 29, 30, 32, 34 — скребки; 36 — скребло;
 7, 8 — костяные вкладышевые основы; 31 — костяная закладка; 35 —
 тесло.

Рис. 52. Студеное-1. 1—8, 13 — горизонт 9ж; 35 — горизонт 9е; 9—12, 14—
 34, 36 — горизонт 8. 1—6, 9—12, 14—16 — нуклеусы; 19 — микропластинка;
 17, 18 — микропластинки с ретушью; 14, 23, 28 — пластинки с ретушью;

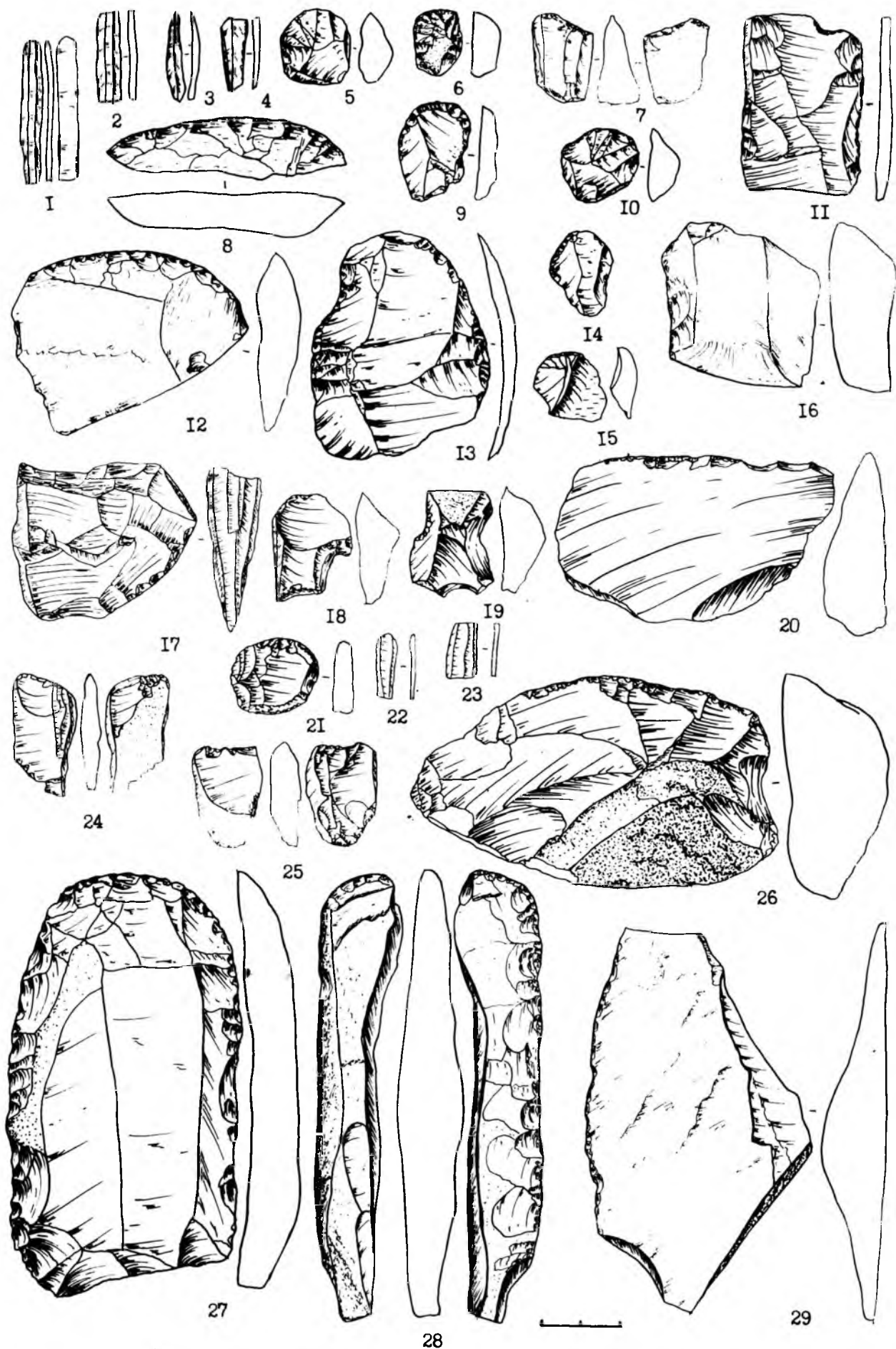
28 — резцы; 12, 16—19, 22, 25, 26, 29 — скребки; 20 — пластина с ретушью; 21 — костяная поделка.

Рис. 53. Студеное-1. 1—9, 11 — горизонт 9; 10, 12, 20 — горизонт 9г; 13 — 19, 22—30 — горизонт 9е; 21 — горизонт 9д. 1—6, 10—14 — нуклеусы; 7—8 микропластинки; 9 — микропластинка с ретушью; 11, 15, 23, 24, 27,

пластина с ретушью; 3, 5, 7, 8, 11, 13—16, 19, 20, 20, 32 — нуклеусы; 4 — долото; 6, 12, 27, 30, 31 — скребки; 9, 10 — скребла; 18, 34 — остроконечники; 24, 25, 28, 29 — резцы; 35, 36 — поделки из кости.

Рис. 54. Студеное-1. 1, 2, 9, 12, — горизонт 13/2; 3—5, 10 — горизонт 13/1; 6 — горизонт 126; 7, 8, 18 — горизонт 12; 11, 13—16 — горизонт 11; 17, 19 — 36 — горизонт 10. 1, 17, 21—23, 26 — пластинки с ретушью; 33 —

лезвия; 12, 13, 20, 26, 27, 29 — скребла; 17, 18 — нуклеусы; 28 — скре-
бок-нож; 19 — скобель; 2, 22, 23 — микропластинки.

Рис. 55. Студеное-1, 1—16, 27—29 — горизонт 15; 17—26 — горизонт 14.
1, 3, 4 — пластинки с ретушью; 5, 6, 9, 10, 14, 15, 21 — скребки;
7, 24, 25 — долота; 11, 16 — пластины с ретушью; 8 — обломок режущего

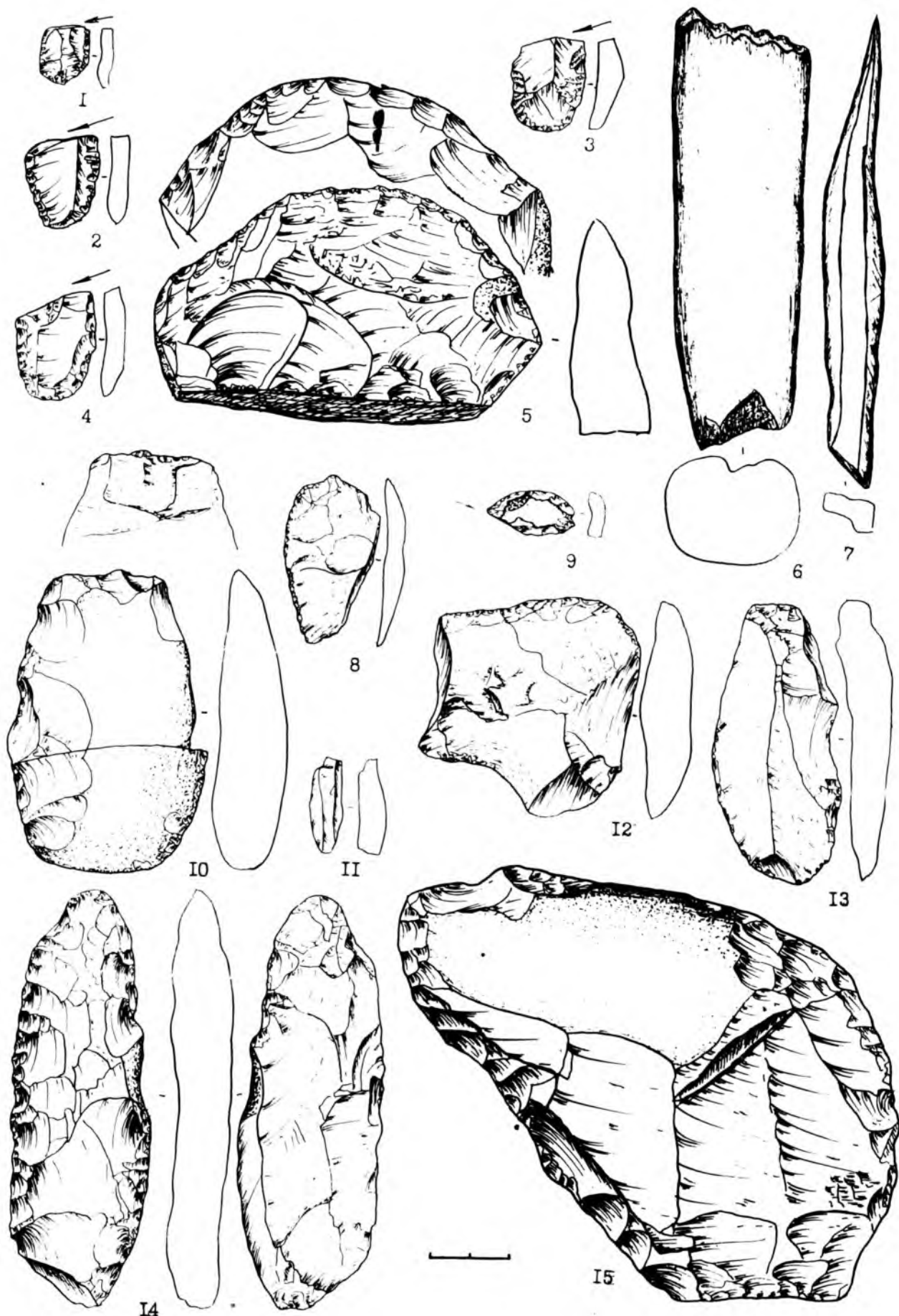

Рис. 56. Студеное-1. 1—7, 15 — резцы; 5, 12, 15 — скребля; 7 — 11 — пластинка; 13 — пластинка с ретушью; 6 — костяная рукоятка; 7 — костяное шило.

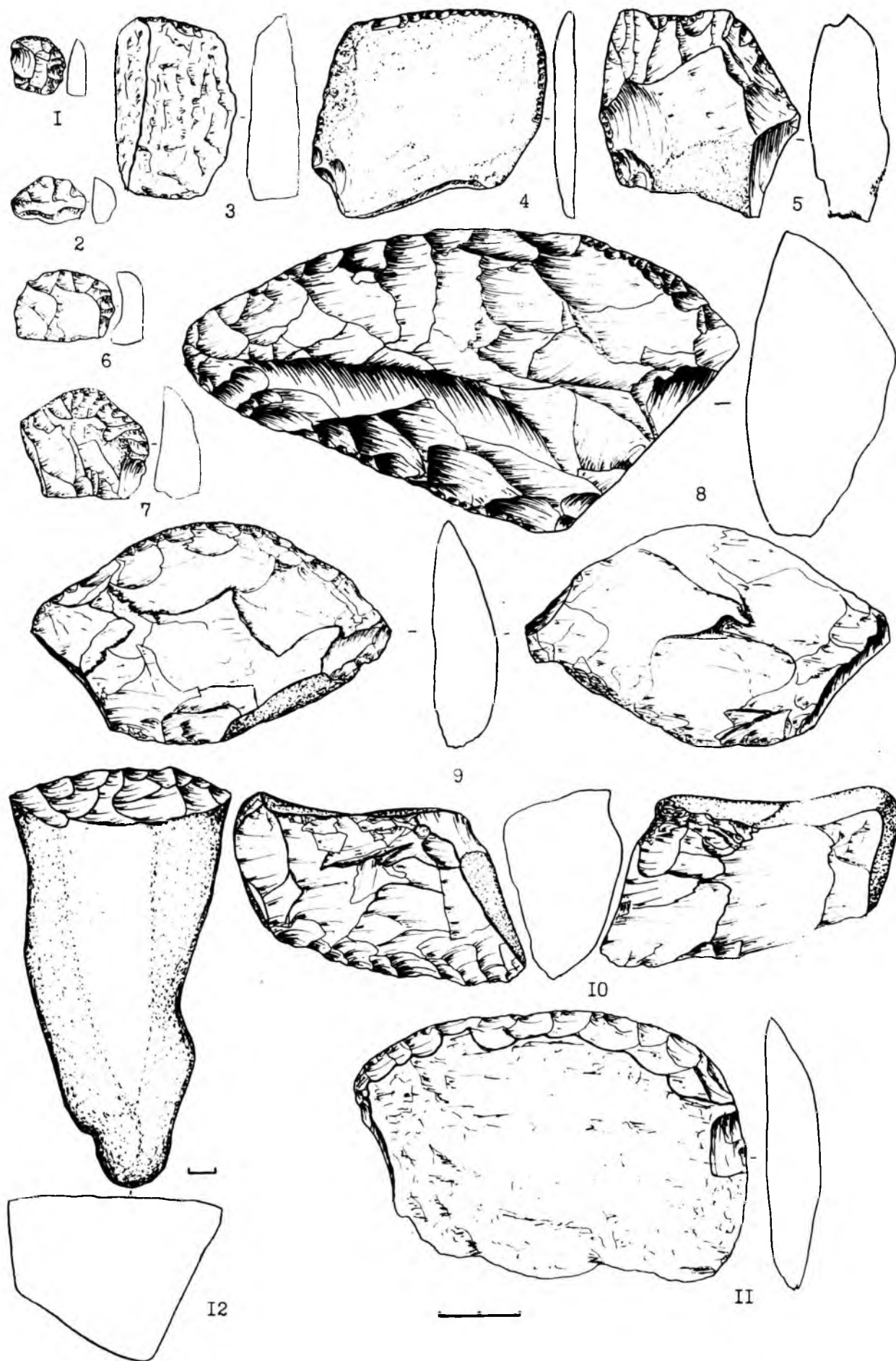

Рис. 57. Студеное-1. 1—11 — горизонт 18/2; 12 — горизонт 17. 1—3, 6, 7 — скребки; 4, 5, 8—11 — скребла; 12 — чоппер.

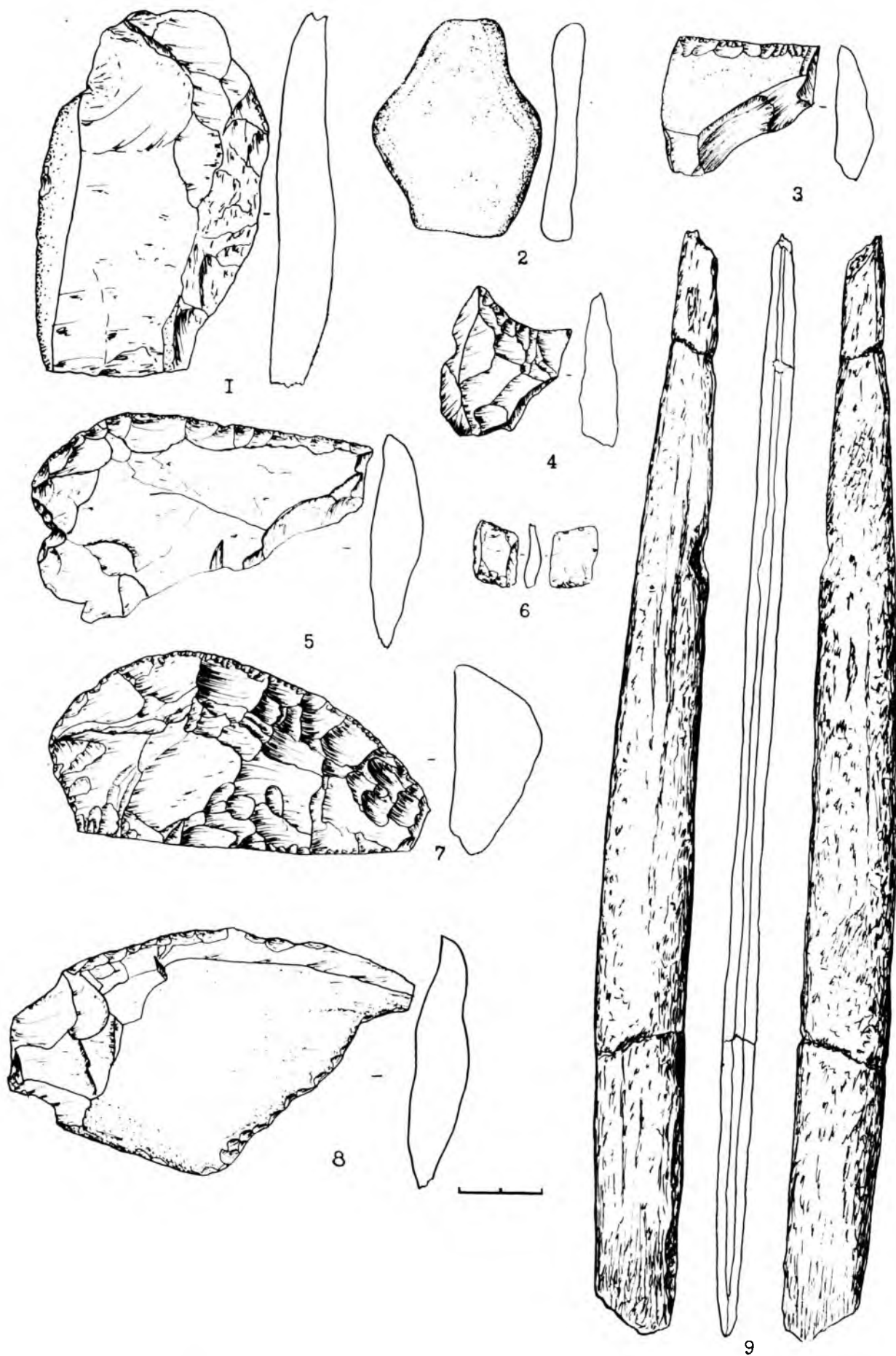
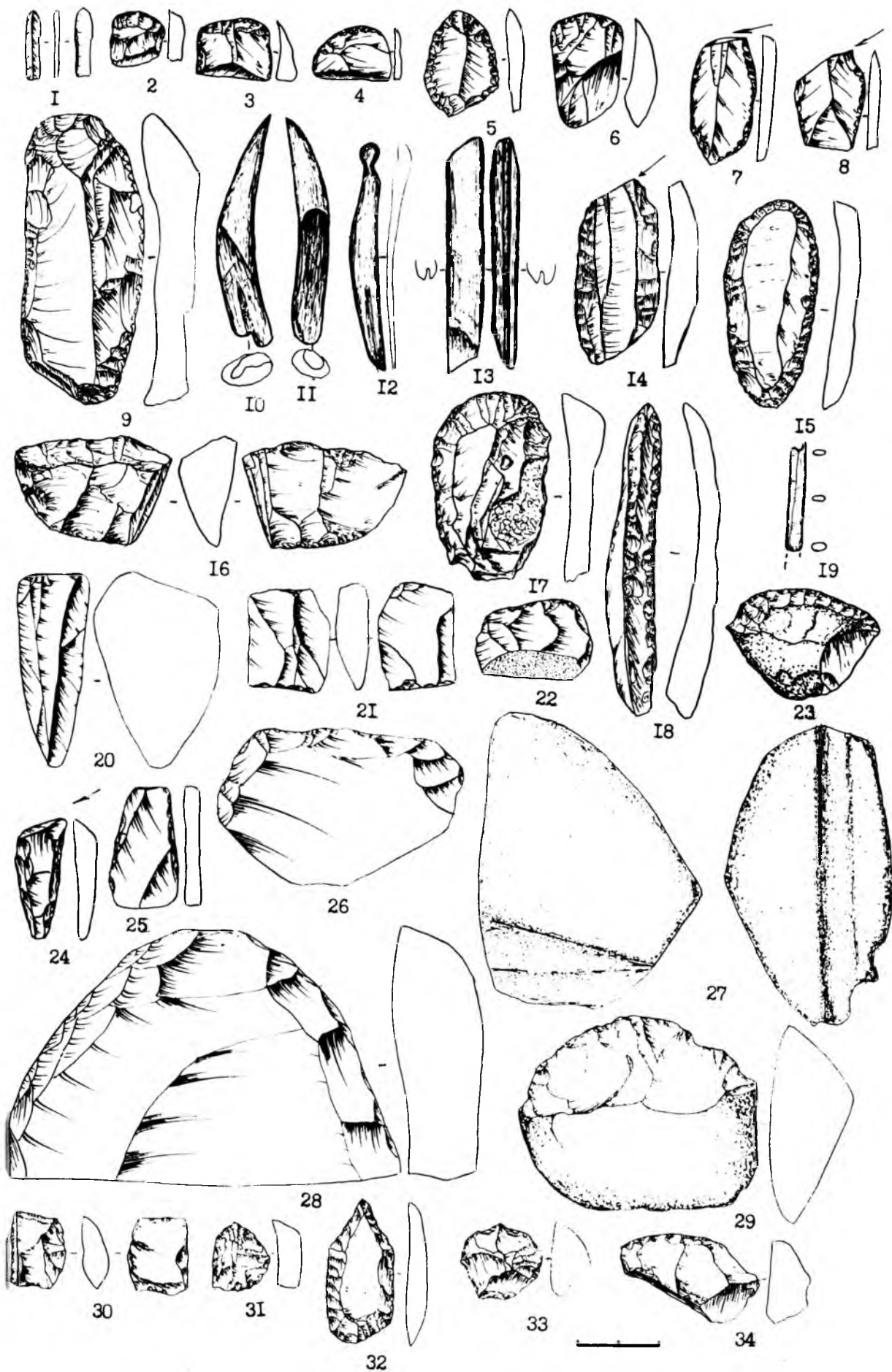

Рис. 58. Студеное-1. 1—9 — горизонт 19/4; 10 — горизонт 18/2. 2 — галька; 3 — обломок режущего лезвия; 4 — скобель; 1, 5—9 — скребла; 6 — долото; 10 — костяной вкладышевый нож.

1, 25, 18 — пластинки с ретушью; 2—6, 15, 17, 22, 23, 26, 29, 31, 33, 34 — скребки; 7, 8, 14, 24 — резцы; 16, 20 — нуклеусы; 9 — пластинка с ретушью; 27 — образцовый инструмент; 28 — скребло; 21, 30 — долота; 32 — проколка; 10, 11 — рыболовные крючки; 12 — костяная поделка; 13 — основа костяного вкладышевого ножа; 19 — обломок костяной иглы.

Рис. 59. Студеное-1 (1—14 — горизонт 11); Студеное-2 (15—19 — горизонт 4; 20—28 — горизонт 2); Солонцовое-1 (30 — горизонт 9; 29 — горизонт 8; 31 — горизонт 7; 32—34 — горизонт 5).

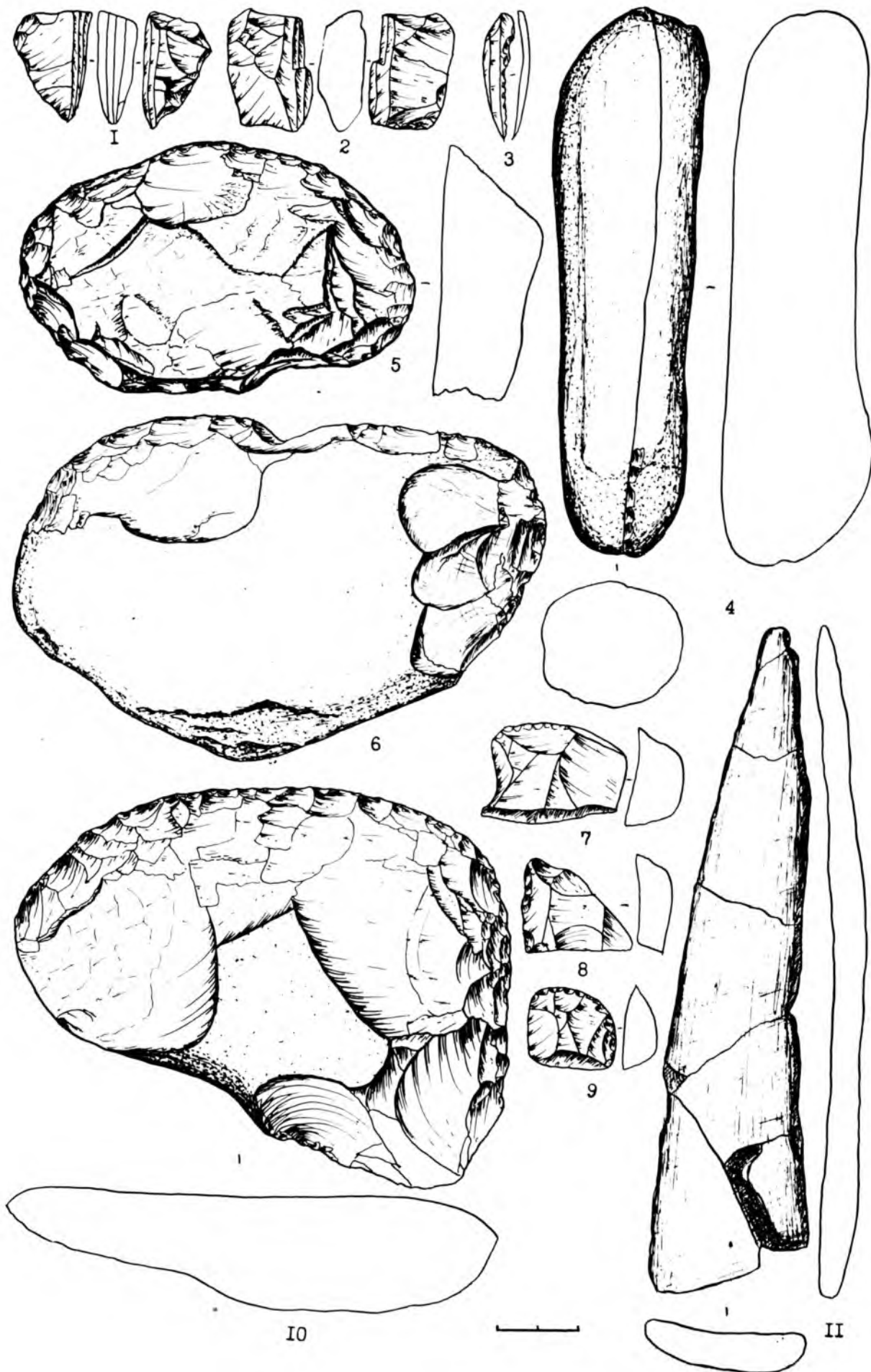
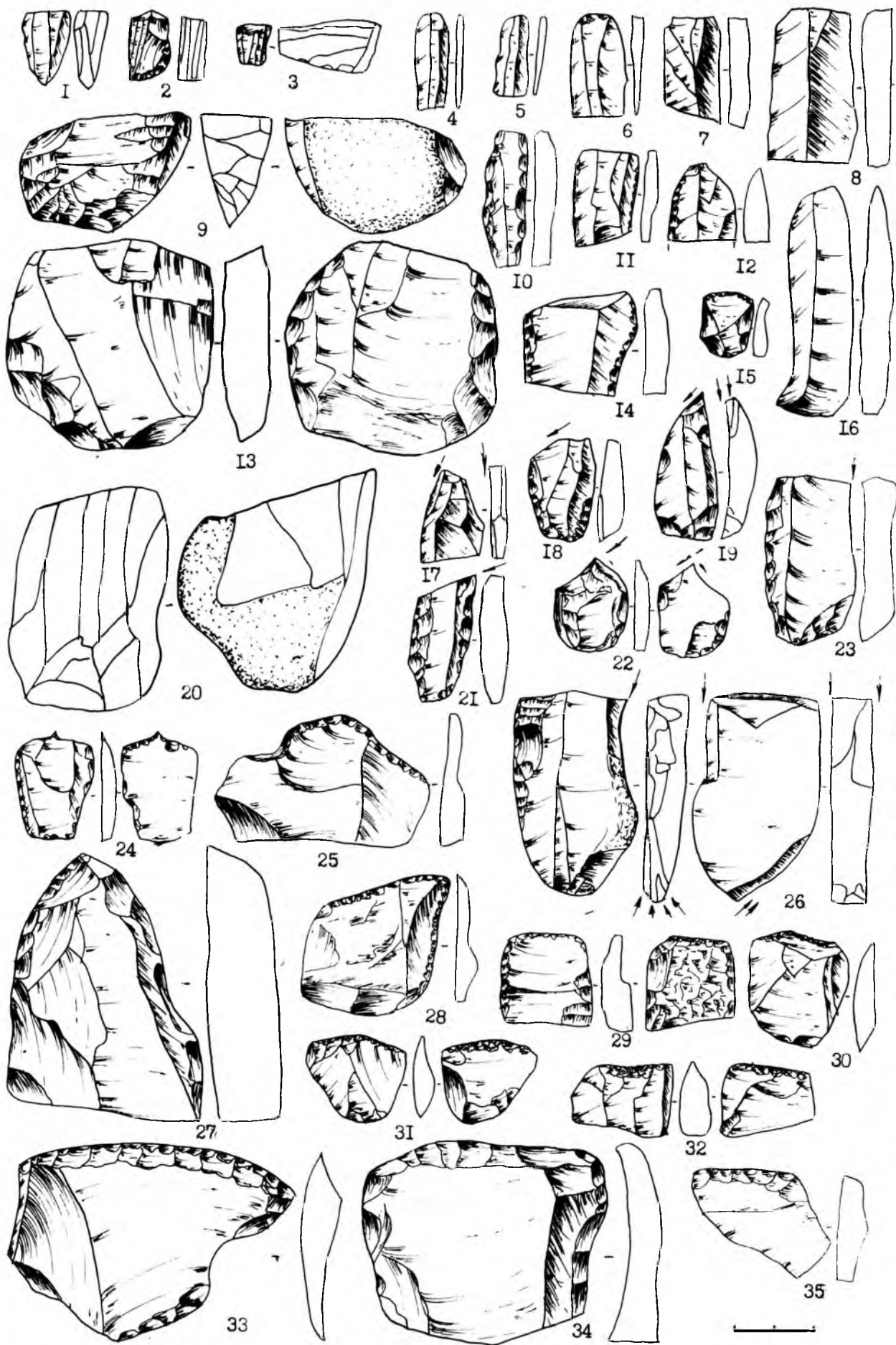

Рис. 60. Усть-Менза-3. 1, 2, 4, 7, 8, 9, 11 — горизонт 4; 5, 6, 10 — горизонт 2а. 1, 2 — нуклеусы; 3 — микропластинка с ретушью; 4 — отбойник; 7, 9 — скребки; 5, 6, 10 — скребла; 11 — костяной остроконечник.

с ретушью; 15, 25, 28, 35 — скребки; 17—19, 21—23, 26 — резцы; 24 — про-
 колка; 27 — остроконечник; 29—32 — долота; 33—34 — скребла.

Рис. 61. Санный Мыс. Горизонты 3—5 (по Окладникову). 1—3, 9, 20 —
 нуклеусы; 4—8, 16 — микропластинки, пластинки; 10—12, 14 — пластинки

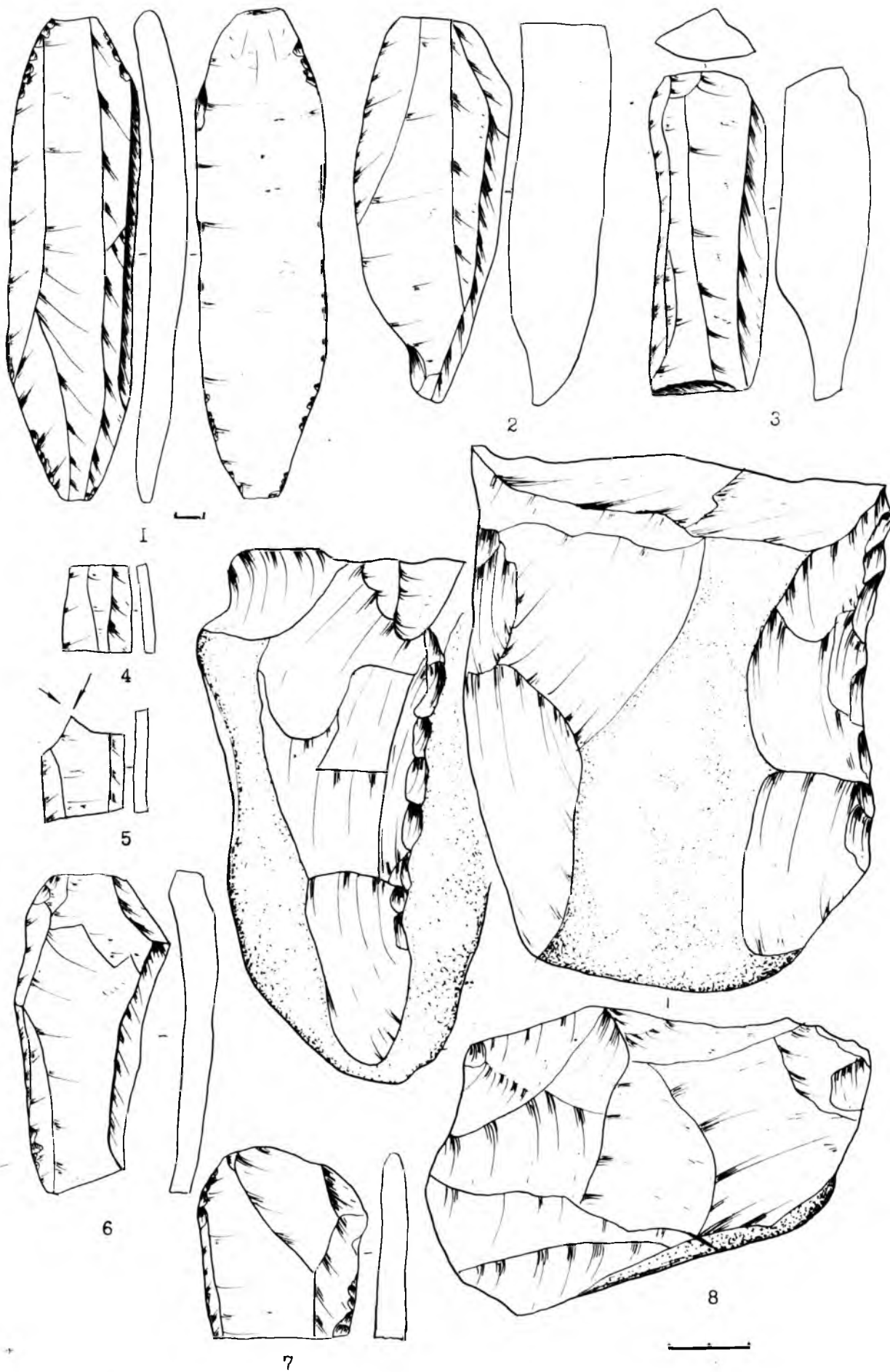

Рис. 62. Санный Мыс. Горизонт 7 (по Окладникову). 1, 6, 7 — пластины с ретушью; 2, 3, 4 — пластины; 5 — резец; 8 — нуклеус.

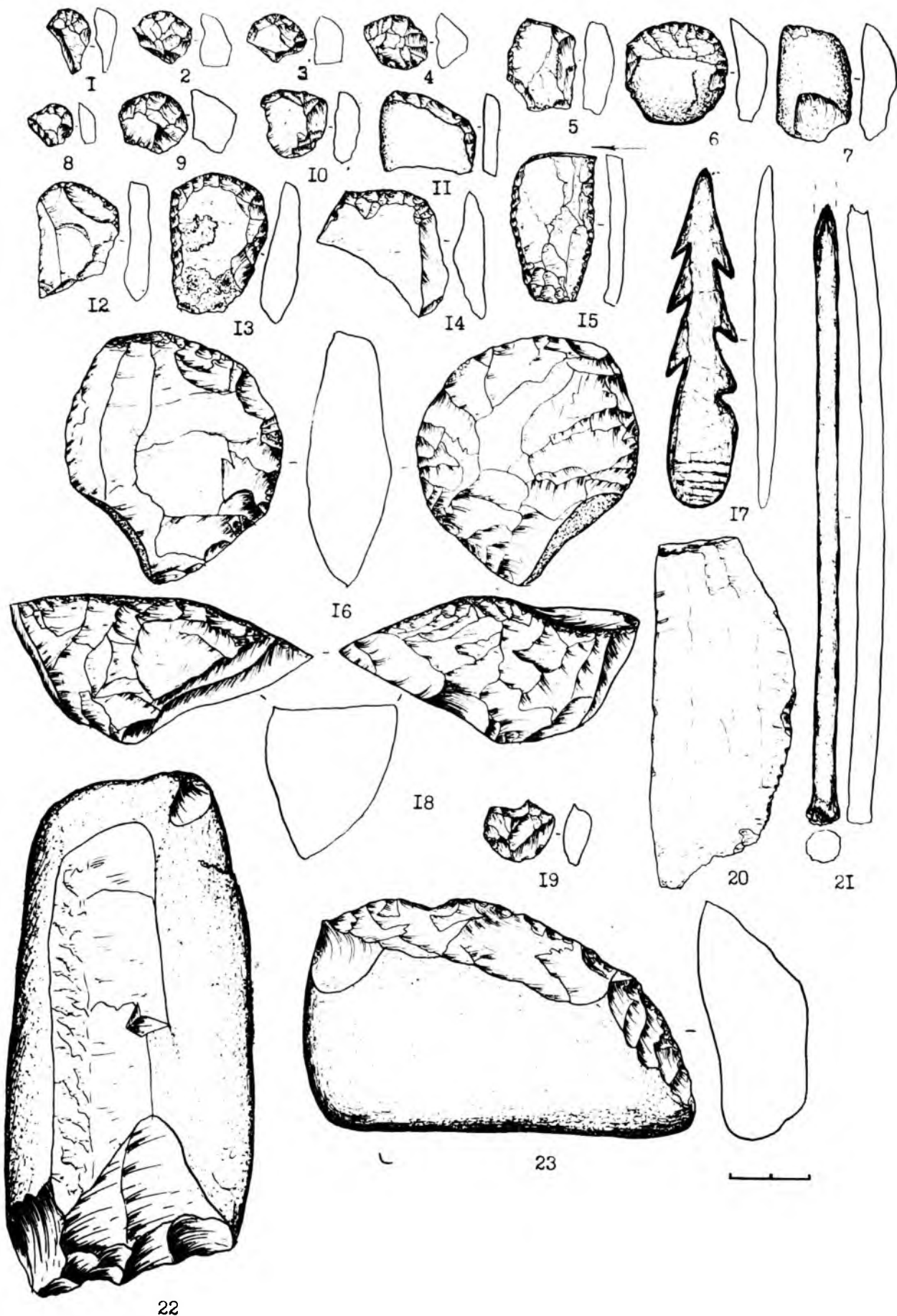
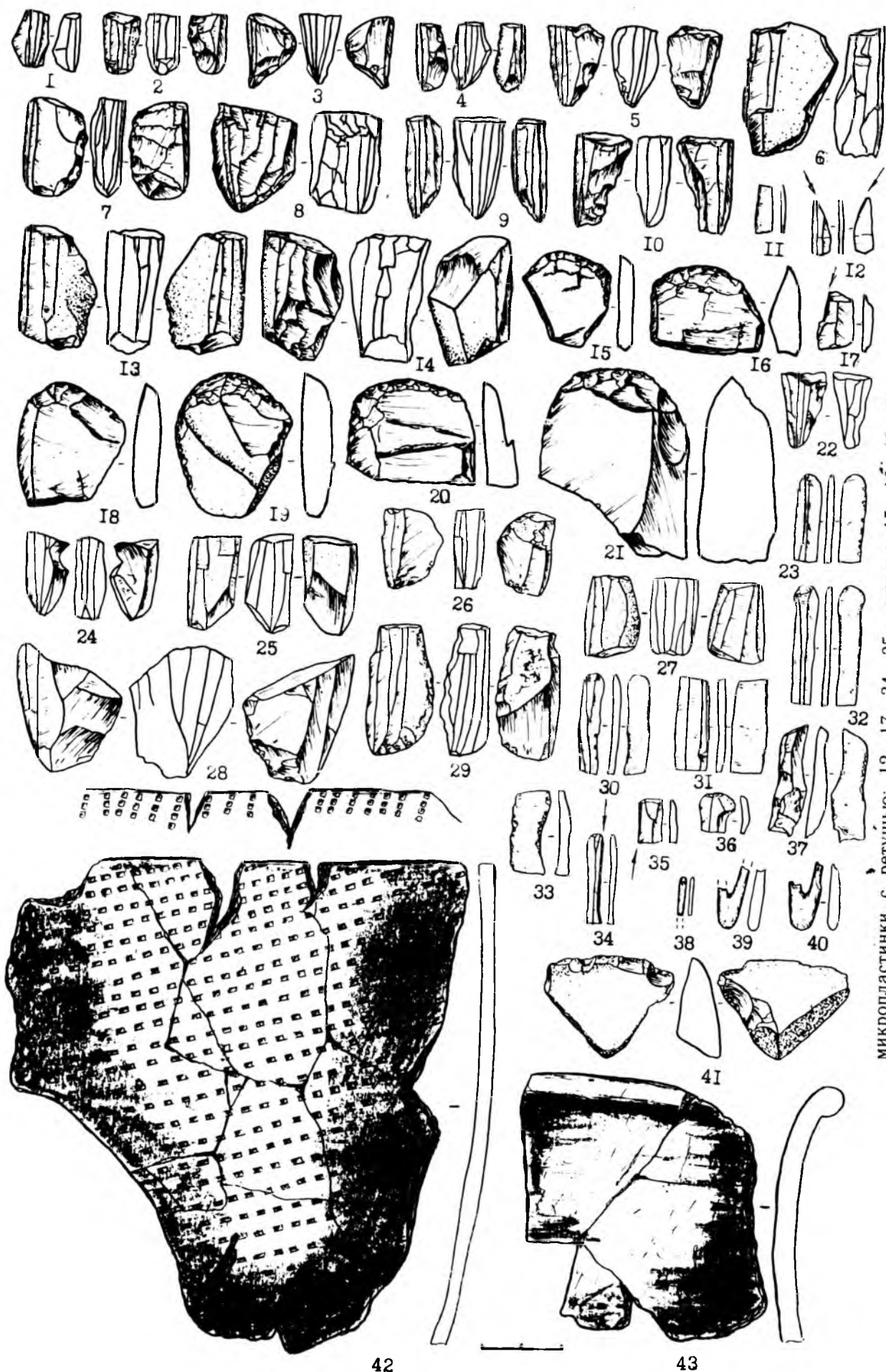
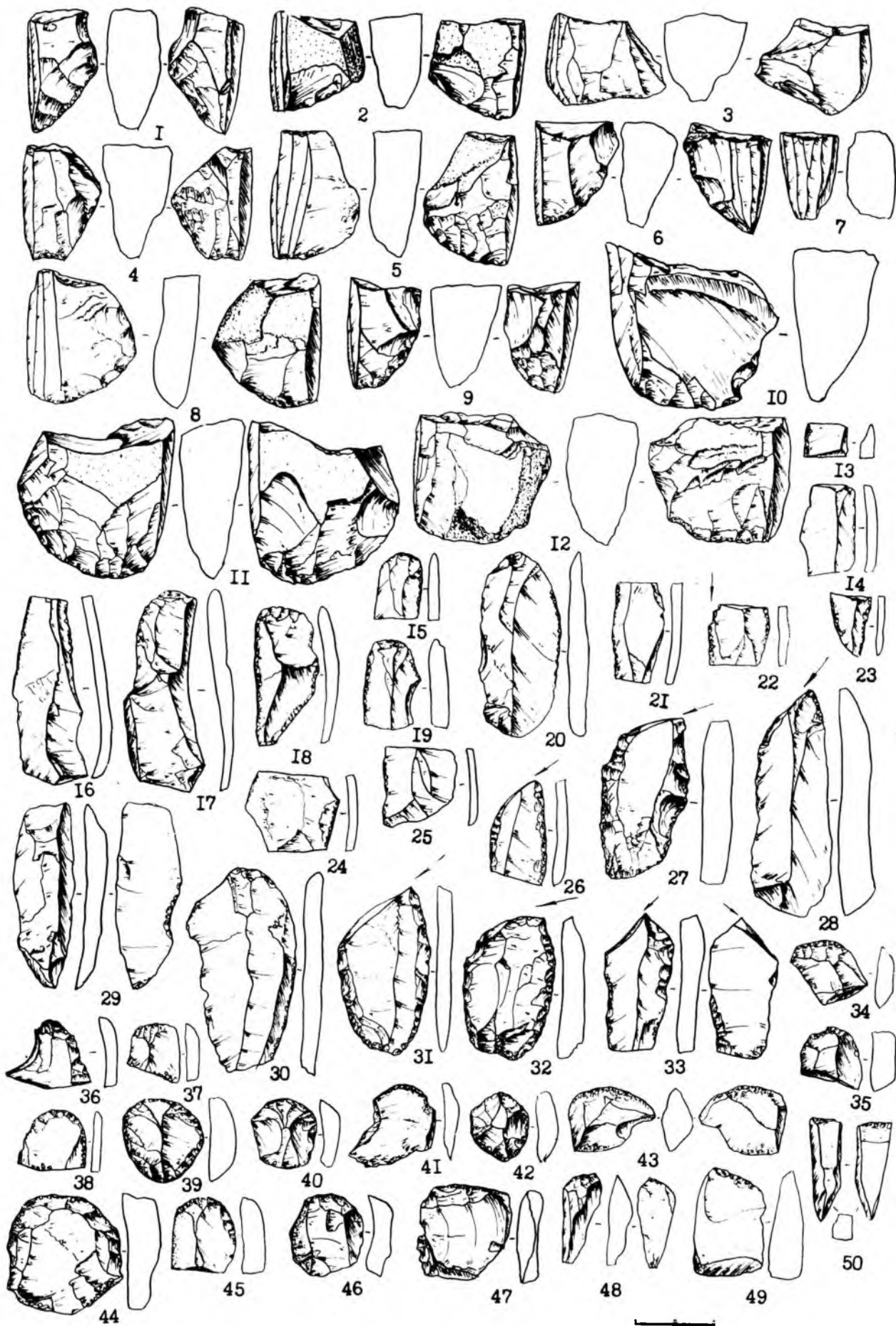

Рис. 63. Ошурково. Горизонт 3. 16, 18 — нуклеусы; 1—15, 19 — скребки; 20 — пластина с ретушью; 23 — скребло; 22 — чоппер; 17 — костяной гарпун; 21 — изделие из кости.

микропластинки с ретушью; 12, 17, 34, 35 — резцы; 15, 16, 18—21,
 36, 41 — скребки; 38 — костяная игла; 39, 40 — костяные поделки;
 42, 43 — керамика.

Рис. 64. Алтан. 1—21, 42 — горизонт 14; 22—41 — горизонт 12; 43 — го-
 ризонт 10. 1—10, 13, 14, 22, 24—29 — нуклеусы; 11, 23, 30—33, 37 —

13—21, 23, 24, 25, 29, 30 — пластинки с ретью; 22, 26—28, 31—33 — резцы; 34—47 — скребки; 48—50 — долота.

Рис. 65. Косая Шивера. 1—20, 23—25, 29, 30, 33—36, 38—43, 45—50 — горизонт 6, 21, 22, 26—28, 31—32, 37, 44 — горизонт 5. I—12 — нуклеусы;

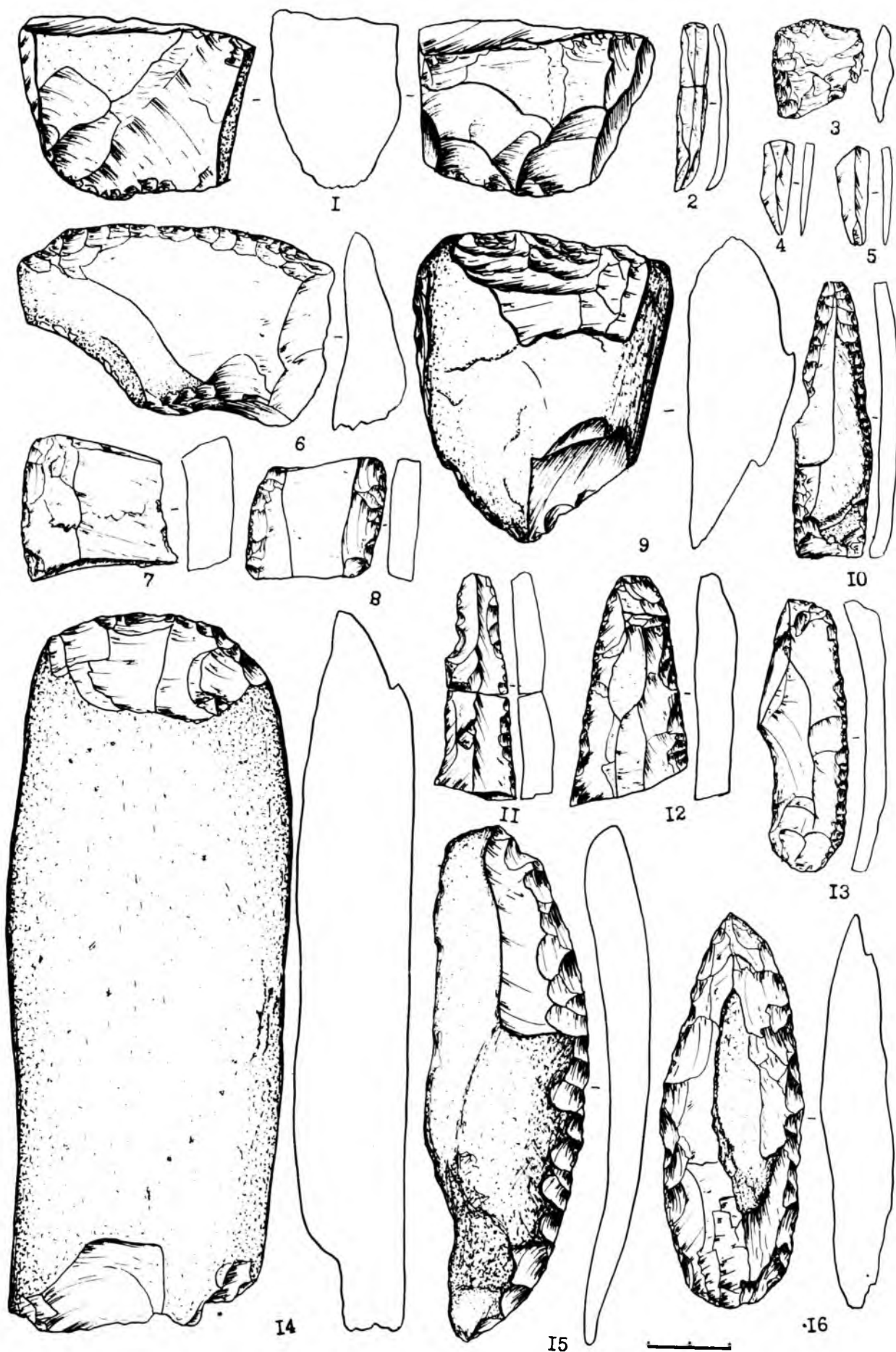

Рис. 66. Косая Шивера. 1—6, 9, 14 — горизонт 14; 7, 8, 10—13, 15, 16 — горизонт 6. 1 — нуклеус; 2, 4, 5 — микропластинки; 6 — скребок; 7, 8, 13 — пластины с ретушью; 10—12 — остроконечники; 9 — нож (?); 14 — чоппер; 15, 16 — режущескоблящие инструменты.

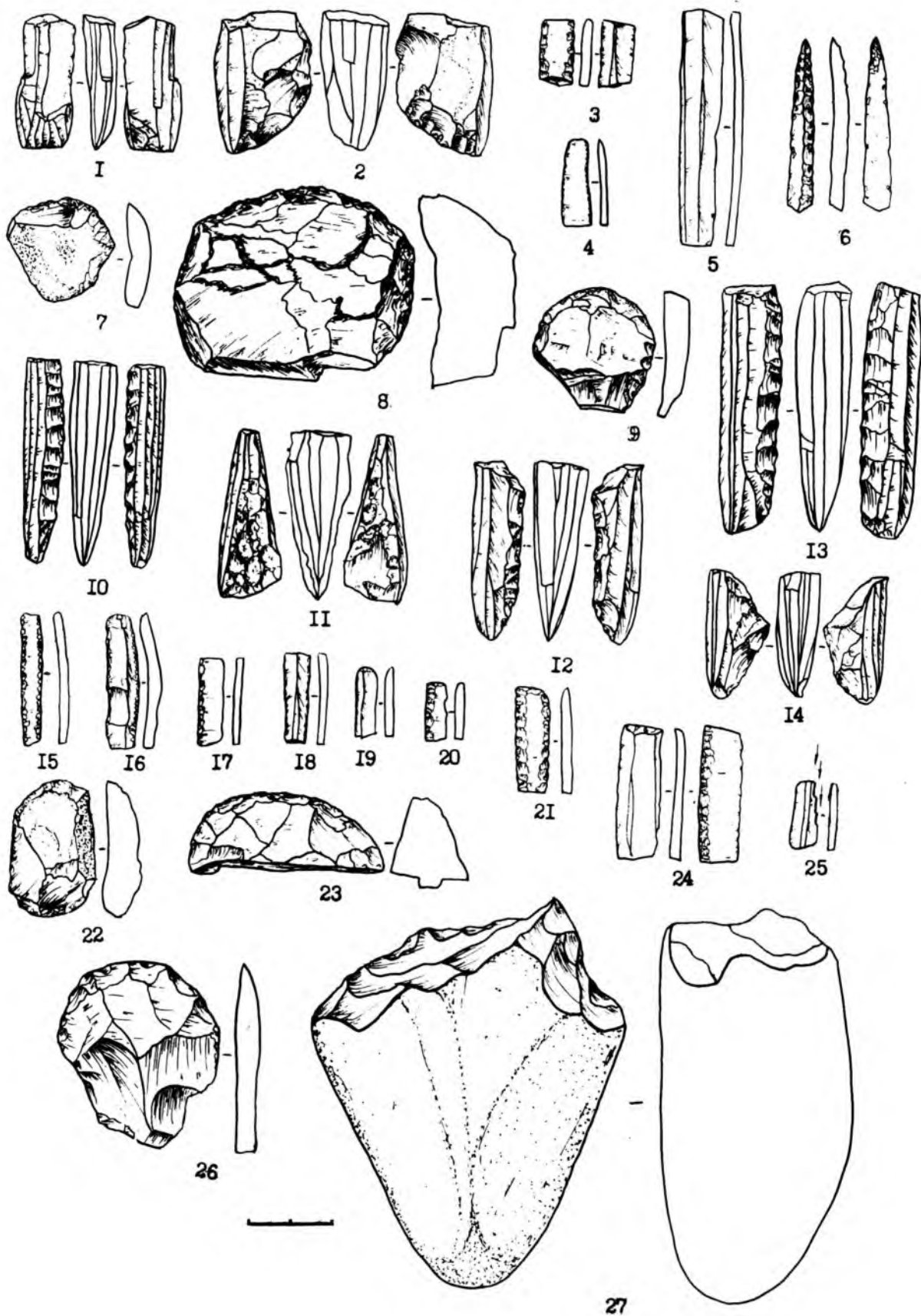

Рис. 67. Усть-Менза-1. 27 — горизонт 6; 1—9 — горизонт 5; 10—26 — горизонт 4. 1, 2, 10—14 — нуклеусы; 3—5, 15—21, 24 — микропластинки с ретушью; 6 — проколка; 7—9, 22, 23, 26 — скребки; 25 — резец; 27 — чоппер.

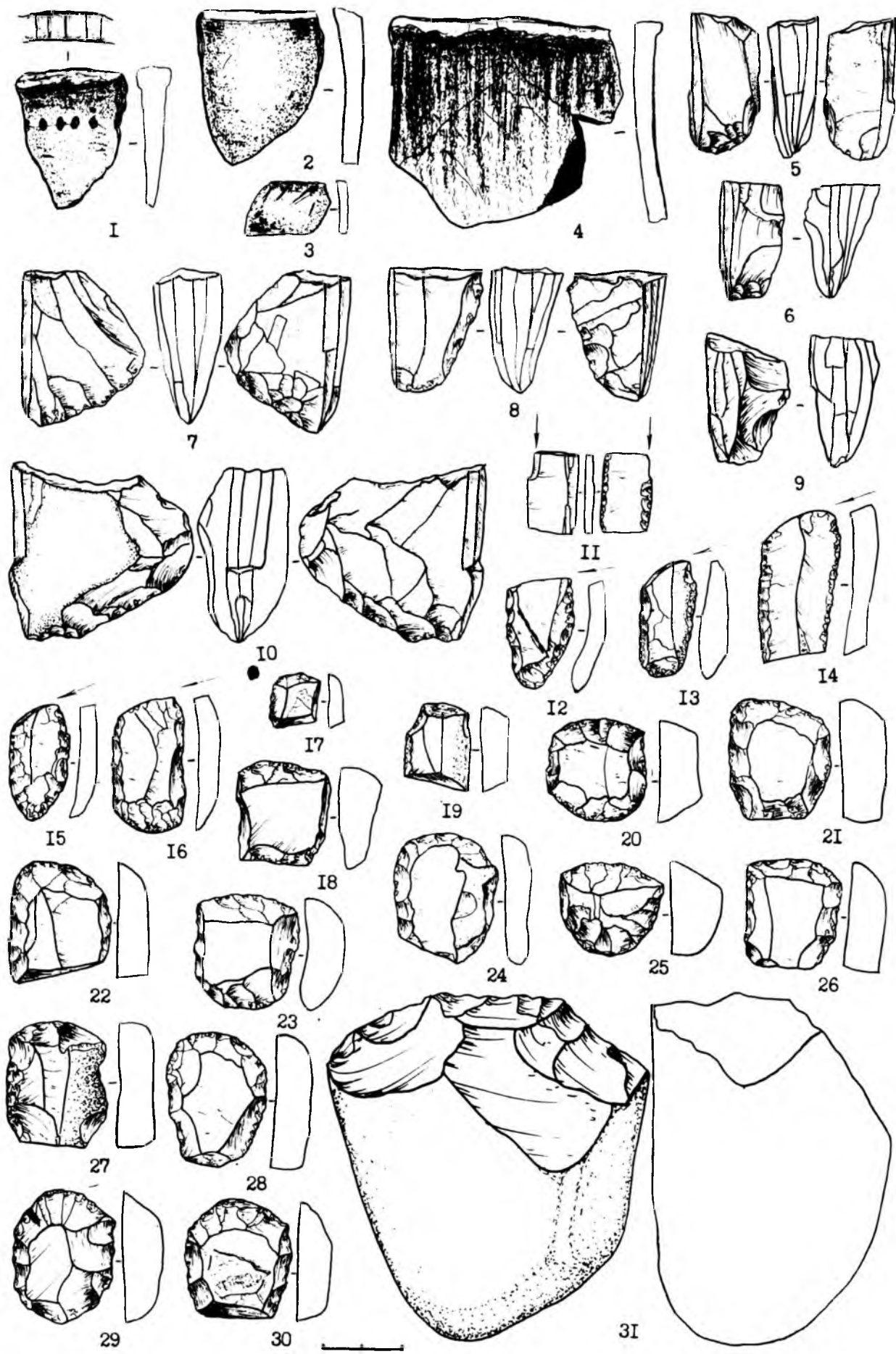

Рис. 68. Усть-Менза-1. Горизонт 6. 1—4 — керамика; 5—10 — нуклеусы; 11—16 — резцы; 17—30 — скребки; 31 — чоппер.

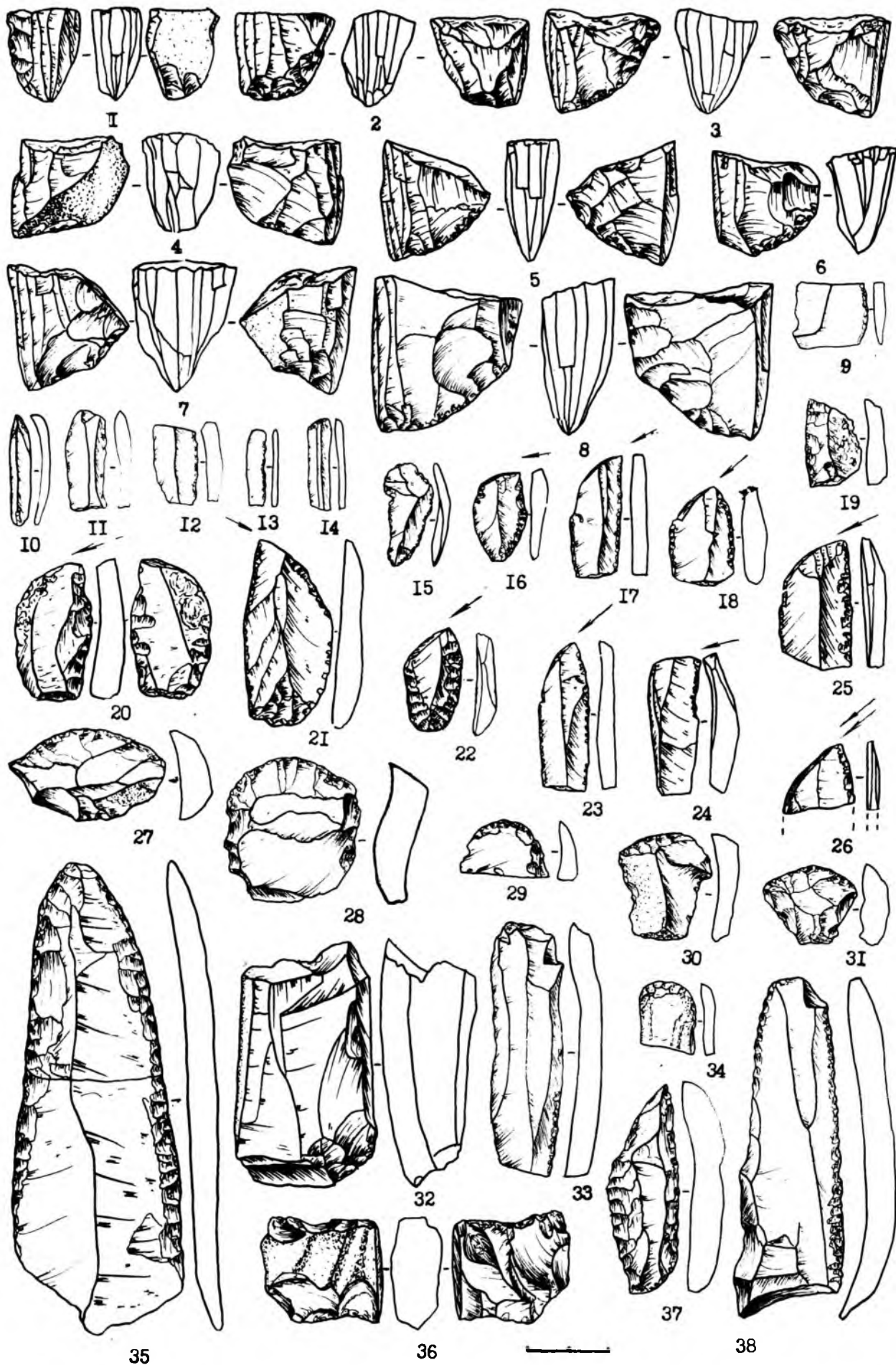
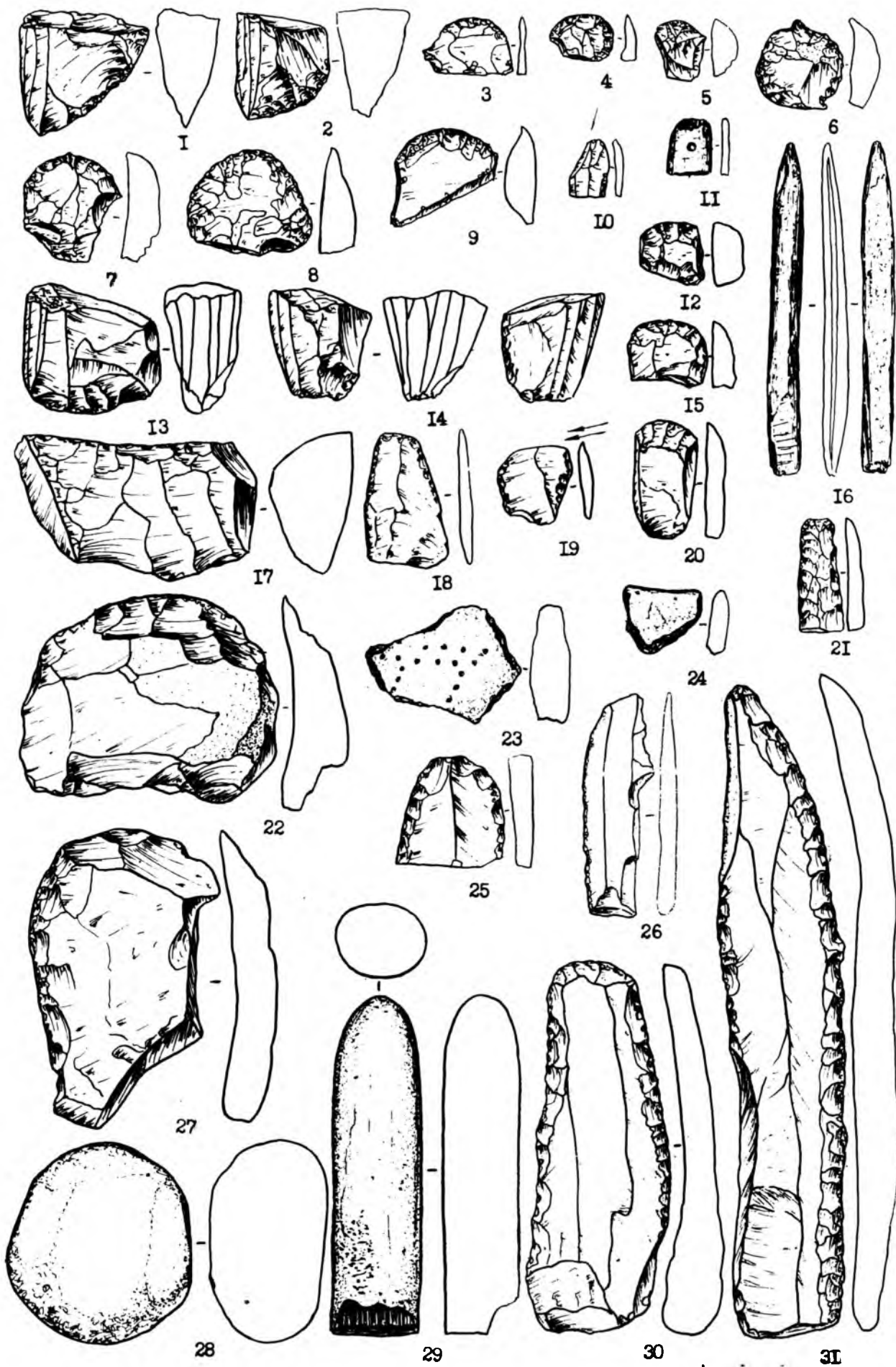

Рис. 69. Усть-Менза-1. Горизонт 8. 1—8, 32 — нуклеусы; 9—15, 19, 32 — пластинки с ретушью; 16—18, 20—26 — резцы; 27—31, 34 — скребки; 35, 37 — режущие инструменты; 36 — долото; 38 — пластина с ретушью

18, 21 — вкладыши; 22, 27 — скребла; 23, 24 — керамика; 25, 26 — пластинки с ретушью; 28, 29 — отжимники; 30, 31 — режущие инструменты; 11 — фрагмент костяного изделия; 16 — костяной вкладышевый макочешник стрелы

Рис. 70. Усть-Менза-1. 1—11, 16 — горизонт 11; 12—15, 17—22, 27 — горизонт 9; 23, 24, 28, 29 — горизонт 8; 25, 26, 30, 31 — горизонт 6. 1, 2, 13, 14, 17 — нуклеусы; 3—9, 12, 15, 20 — скребки; 10, 19 — резцы;

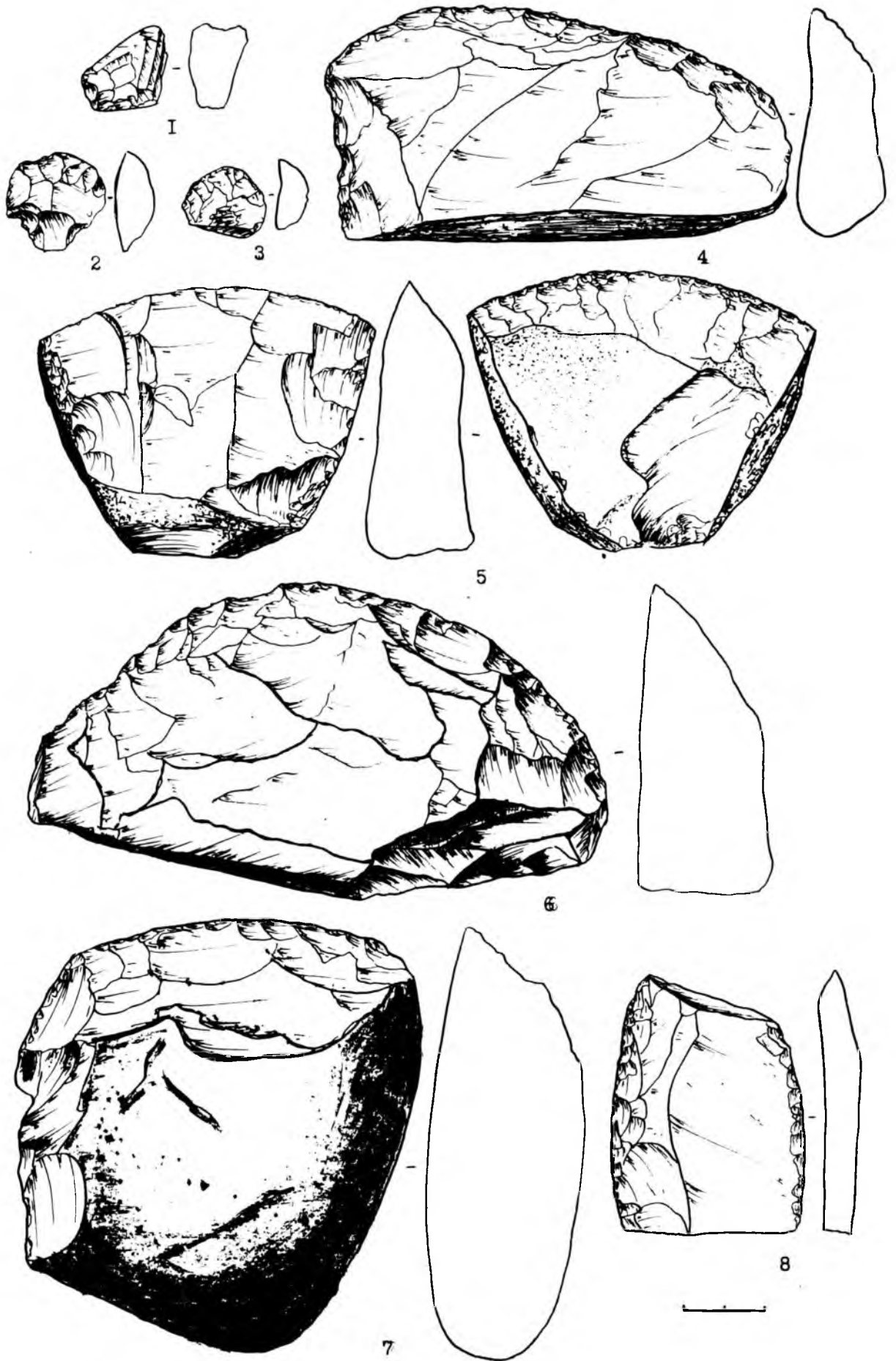
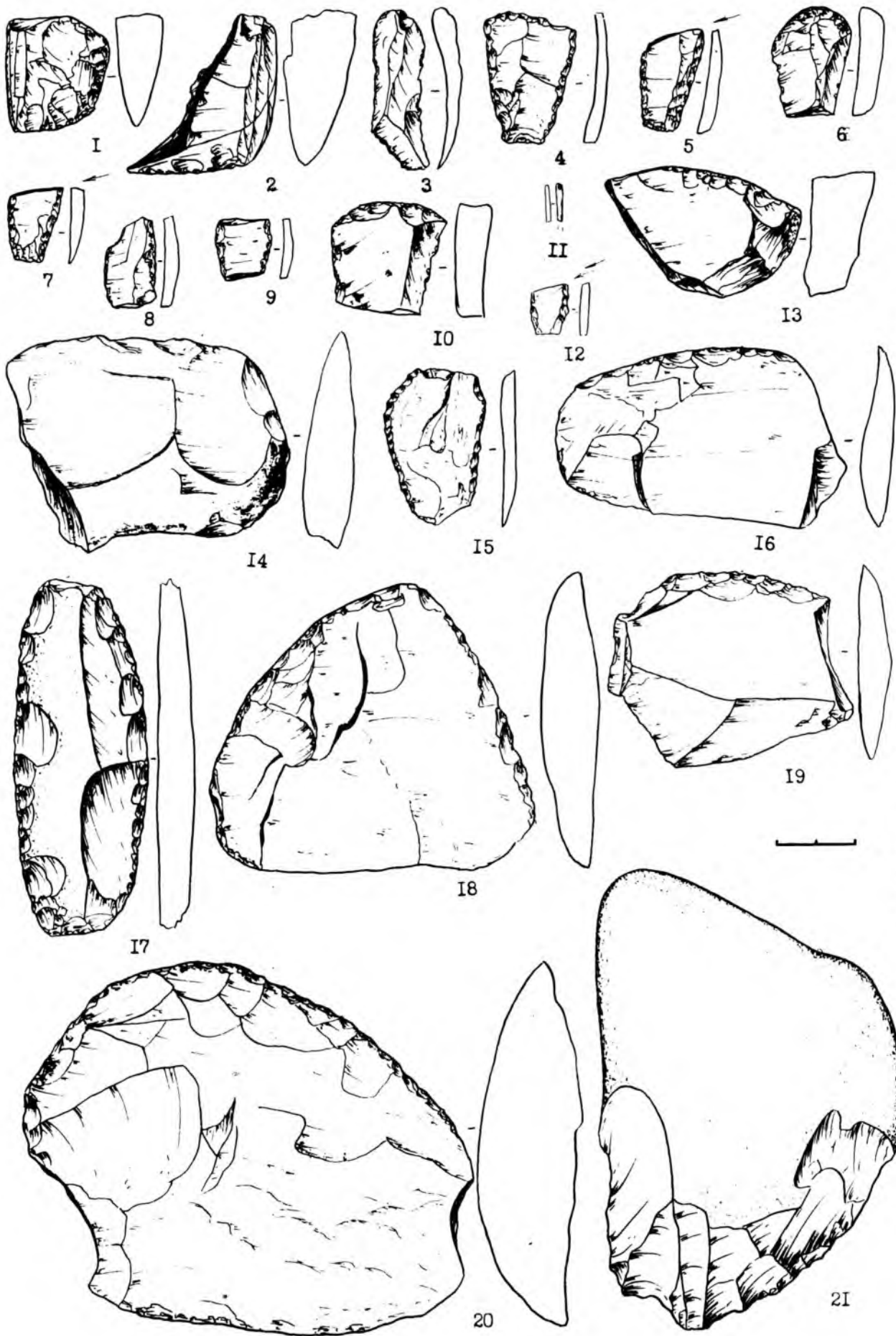
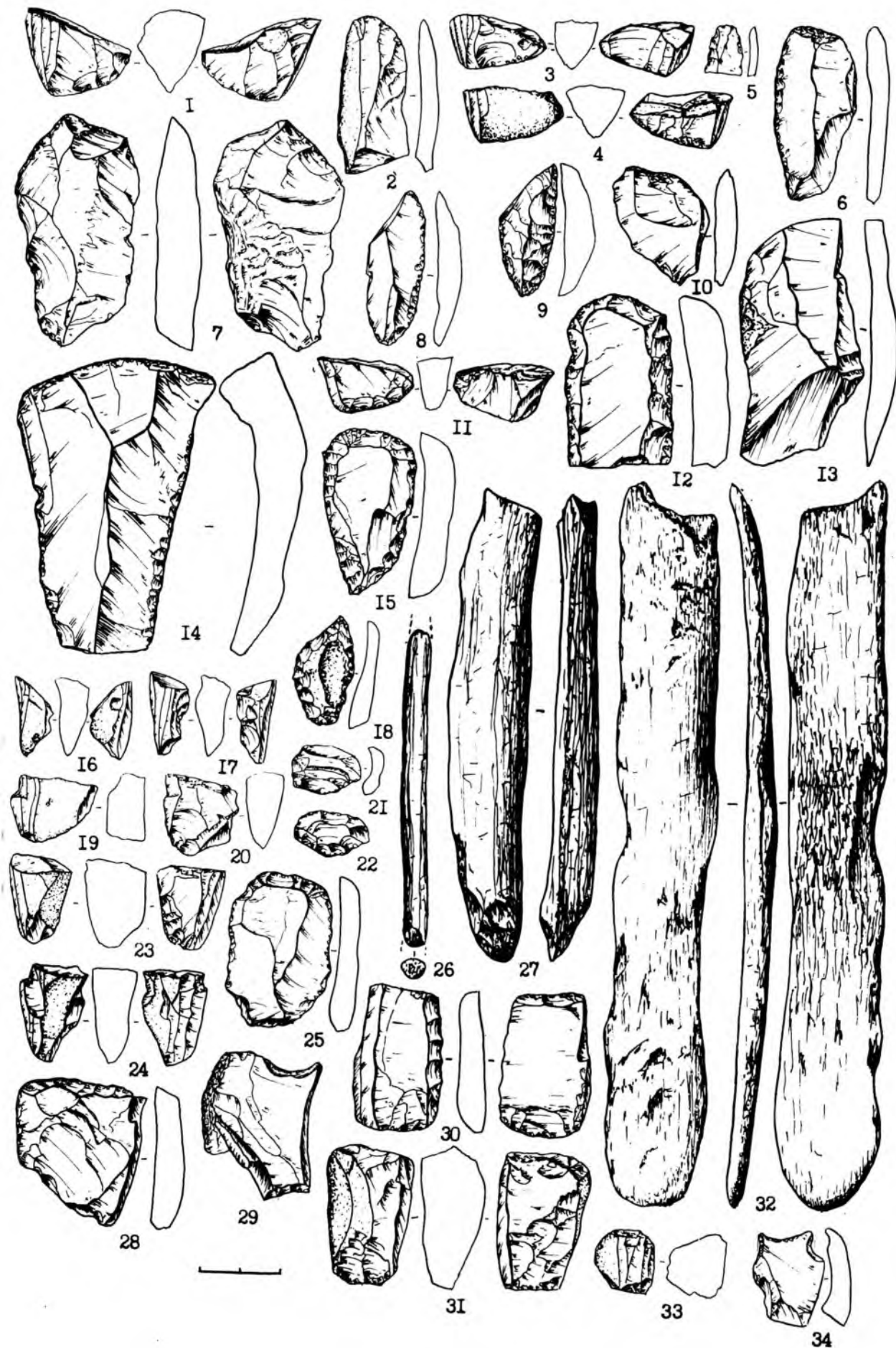

Рис. 71. Усть-Менза-1. Горизонт 12. 1 — нуклеус; 2—3 — скребки; 4—6 — скребла; 7 — чоппер; 8 — пластина с ретушью.

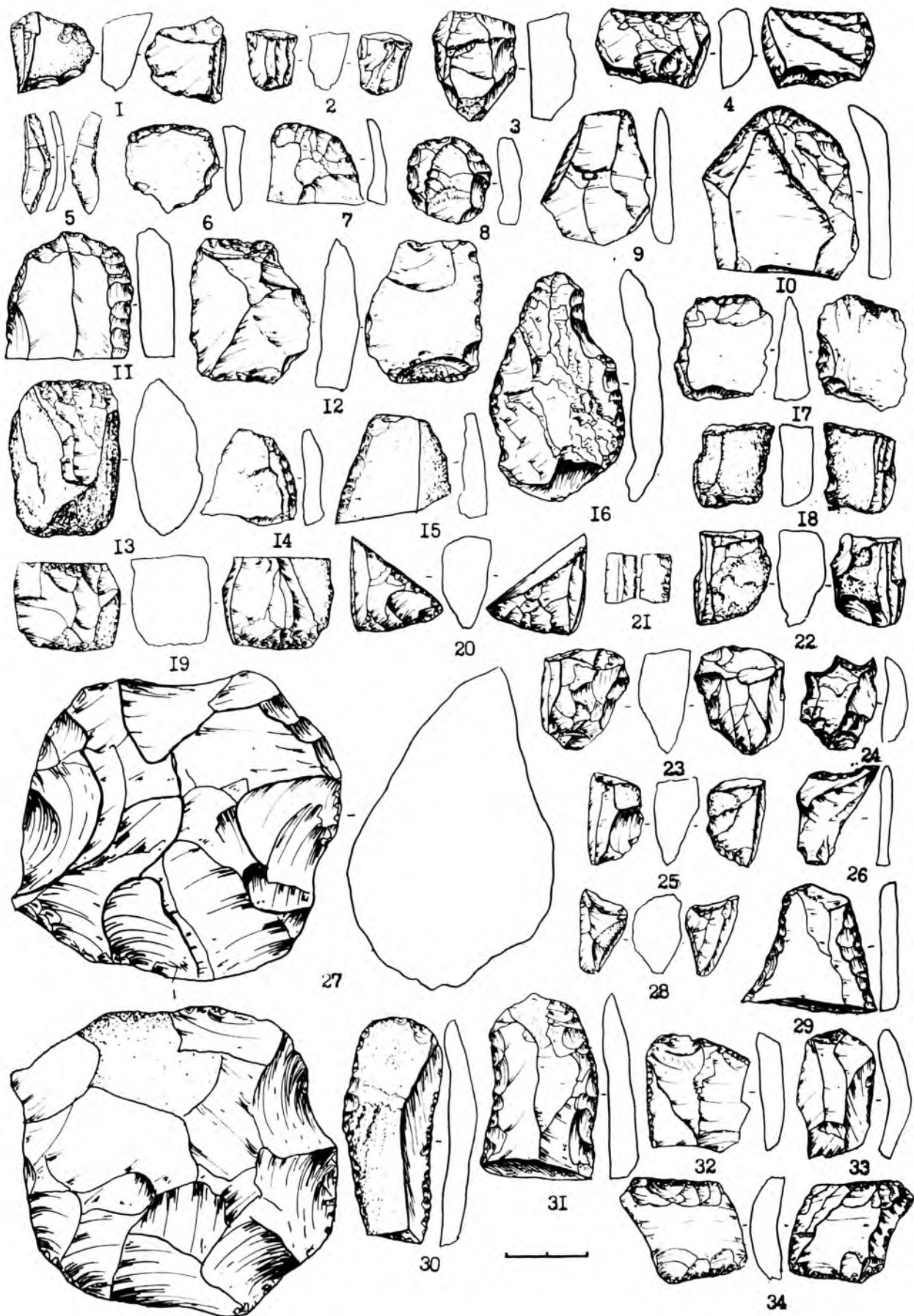
14, 16, 18—20 — скребла; 17 — пластина с ретушью; 21 — заготовка
 нуклеуса.

Рис. 72. Усть-Менза-1. 1—10, 13, 14, 18, 20 — горизонт 20; 21 — горизонт 19; 11, 12, 15, 19 — горизонт 18; 16, 17 — горизонт 17. 1, 2, 13 — нуклеусы; 3, 8, 9 — пластинки с ретушью; 4, 6, 10 — скребки; 5, 7, 12, 15 — резцы,

20, 23, 24, 30, 31, 33 — нуклеус; 2, 5, 6 — пластинка с ретушью; 7, 10 — долота; 8, 9 — резцы; 12, 15, 21, 22, 25, 28 — скребки; 13, 29, 34 — прокол-ки; 26 — шлифованная косточка; 27 — отжимник; 32 — инструмент для разглаживания швов.

Рис. 73. Усть-Менза-2. 1 — горизонт 24; 7 — горизонт 23; 2 — горизонт 22; 3—6, 8—10, 12—14, 26, 27, 32 — горизонт 20; 11, 15 — горизонт 19; 16—22 — горизонт 13; 23—25, 28—31, 33, 34 — горизонт 8; 1, 3, 4, 11, 16, 17, 19,

7, 21 — микропластинки с ретушью; 6—11, 16, 32, 33 — скребки; 12, 13, 17, 34 — долота; 24 — проколка, 26 — скобель.

Рис. 74. Усть-Менза-2. 1—5 — горизонт 7; 6—17 — горизонт 6; 18—26, 27—34 — горизонт 5; 1—4, 18—20, 22, 23, 25, 27, 28 — нуклеусы;

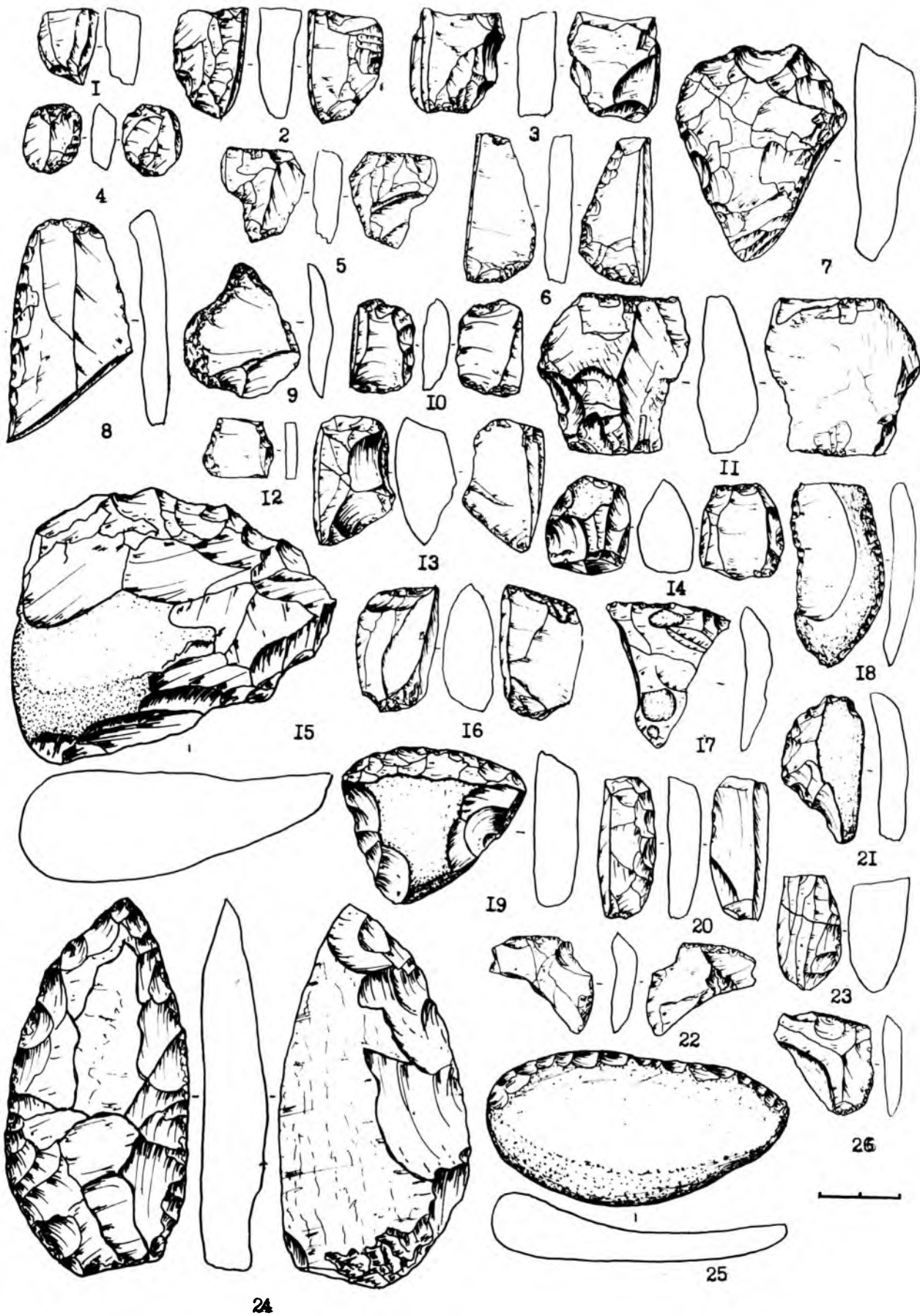

Рис. 75. Усть-Менза-2. 1—11, 13—16, 18, 19, 24, 25 — горизонт 4; 12, 17, 20—23, 26 — горизонт 3. 1—3, 6, 13, 20, 23 — нуклеусы; 4, 7, 17, 19, 21 — скребки; 8, 12, 18 — пластинки с ретушью; 9 — проколки; 5, 10, 11, 14, 16, 22, 26 — долото; 15, 25 — скребла; 24 — остроконечник.

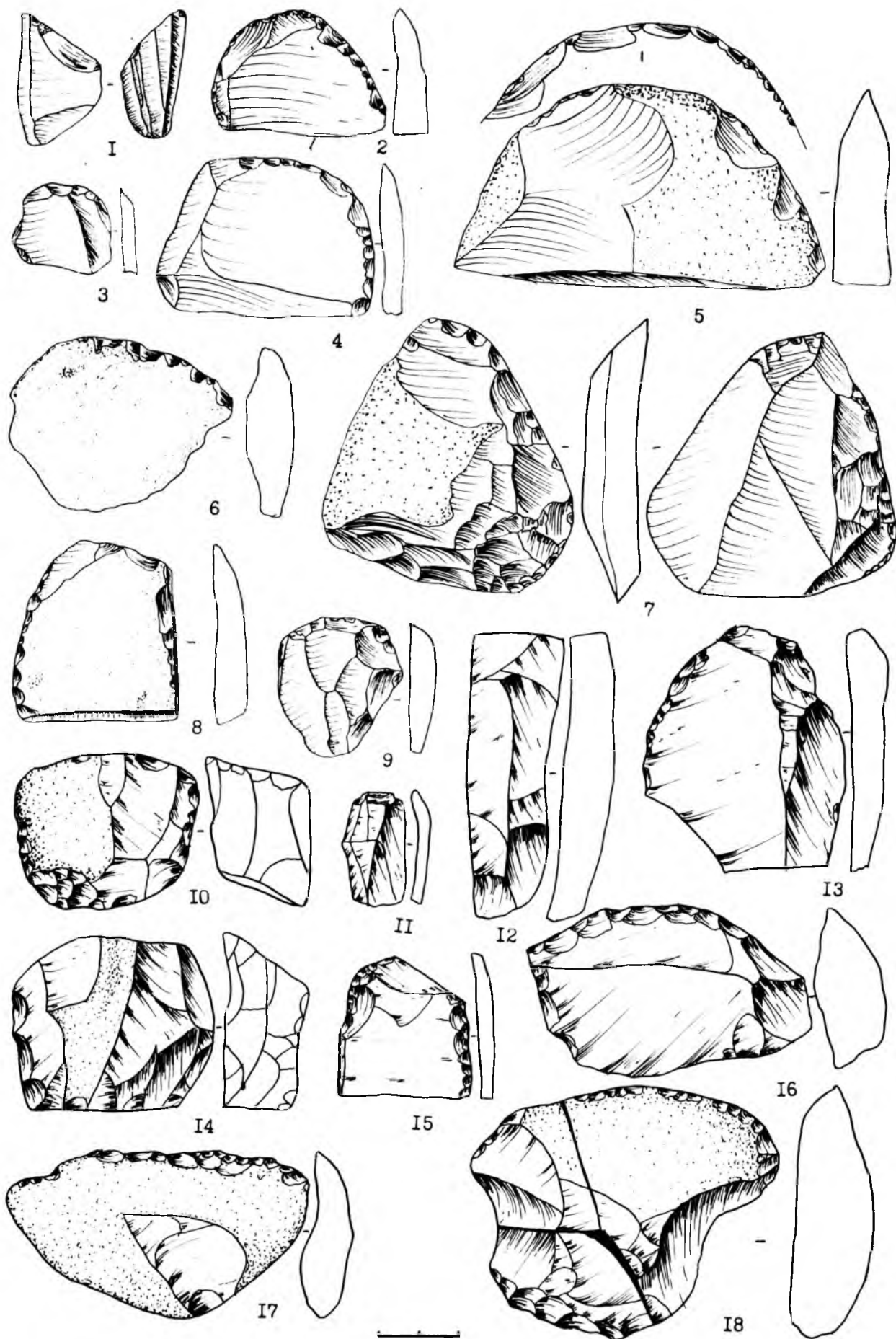

Рис. 76. Фомичево-1—9 (подъемный материал); Мельничное, слой 1—10—18; 1, 10, 14 — нуклеусы; 3, 9 — скребки; 2, 4, 5—8, 16—18 — скребла; 11—12 — пластинки; 13, 15 — пластины с ретушью.

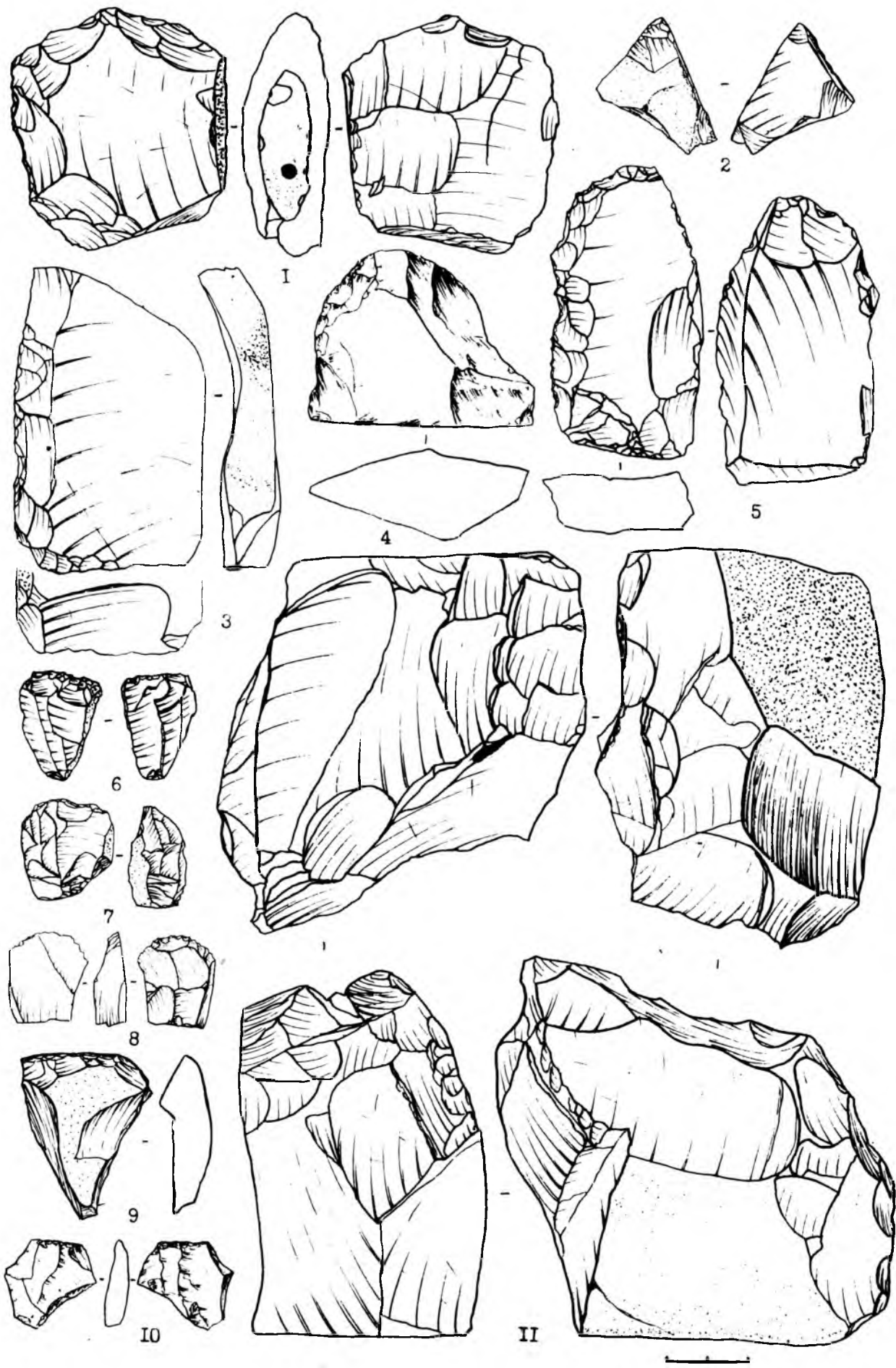

Рис. 77. Приисковое. 1—11 — нуклеусы; 2 — проколка; 3—5 — скребла; 6—9 — скребки; 10 — долото.

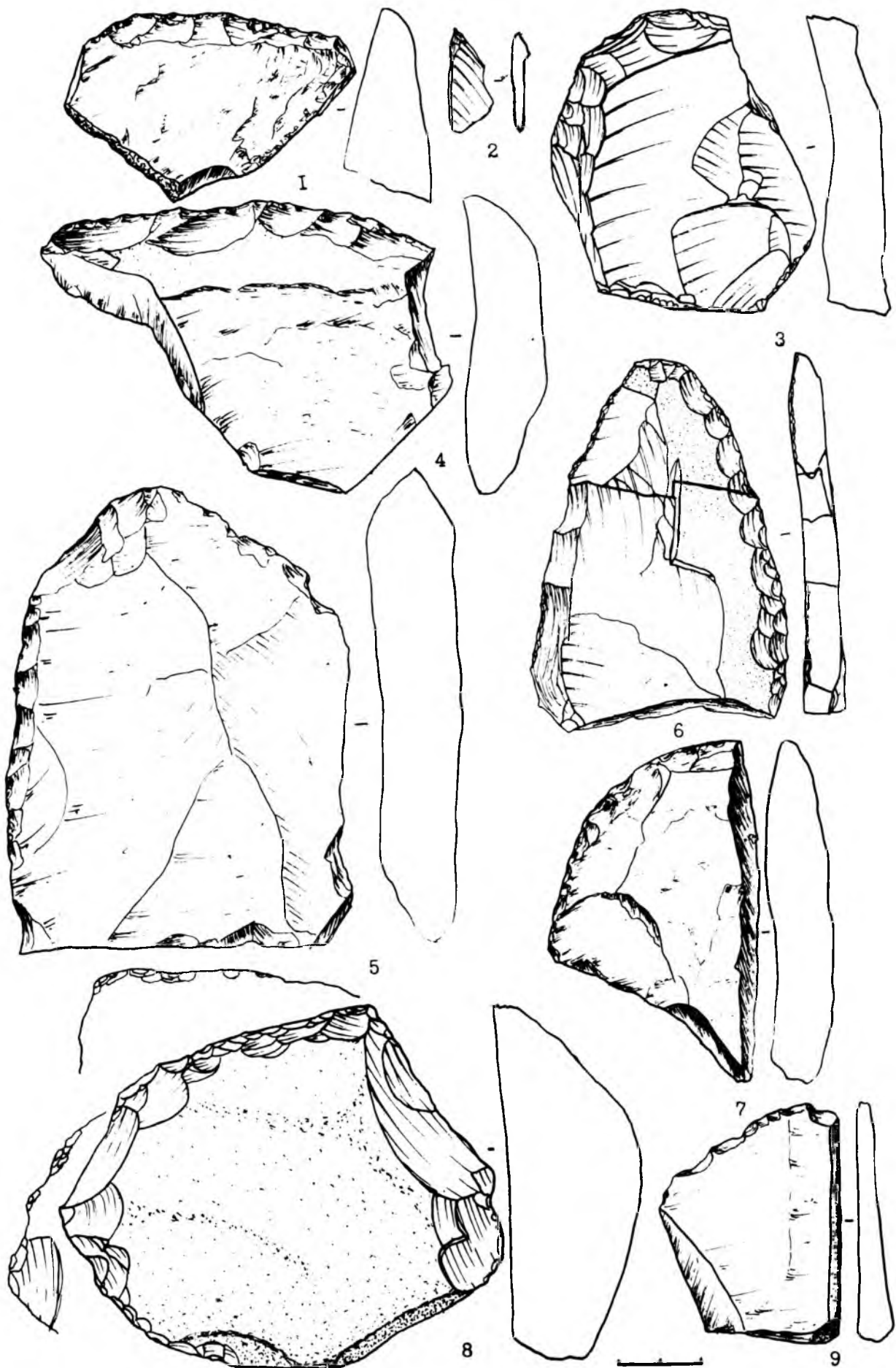

Рис. 78. Присковое. 1, 3—9 — скребла; 2 — проколка.

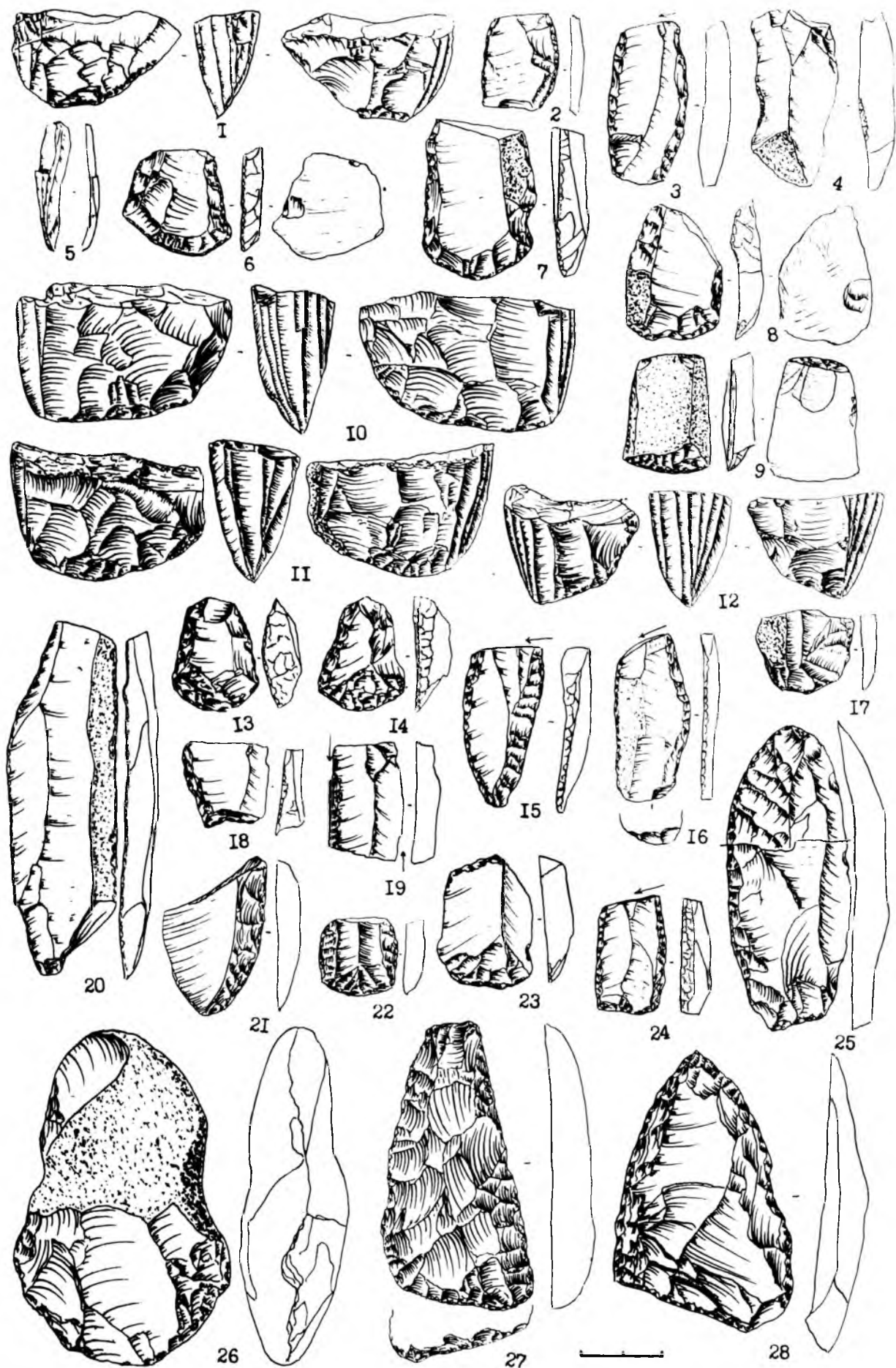

Рис. 79. Чернявово-1. 1—9 — культурный горизонт; 10—28 — подъемный материал; 1, 10—12 — нуклеусы; 5 — микропластинки; 2, 4, 18, 21 — пла-

стинки с ретушью; 20 — пластина с ретушью; 3, 15, 16, 19, 24 — резцы; 6—9, 13, 14, 17, 22, 23 — скребки; 25, 27 — ножи, 26 — топорик; 28 — остроконечник

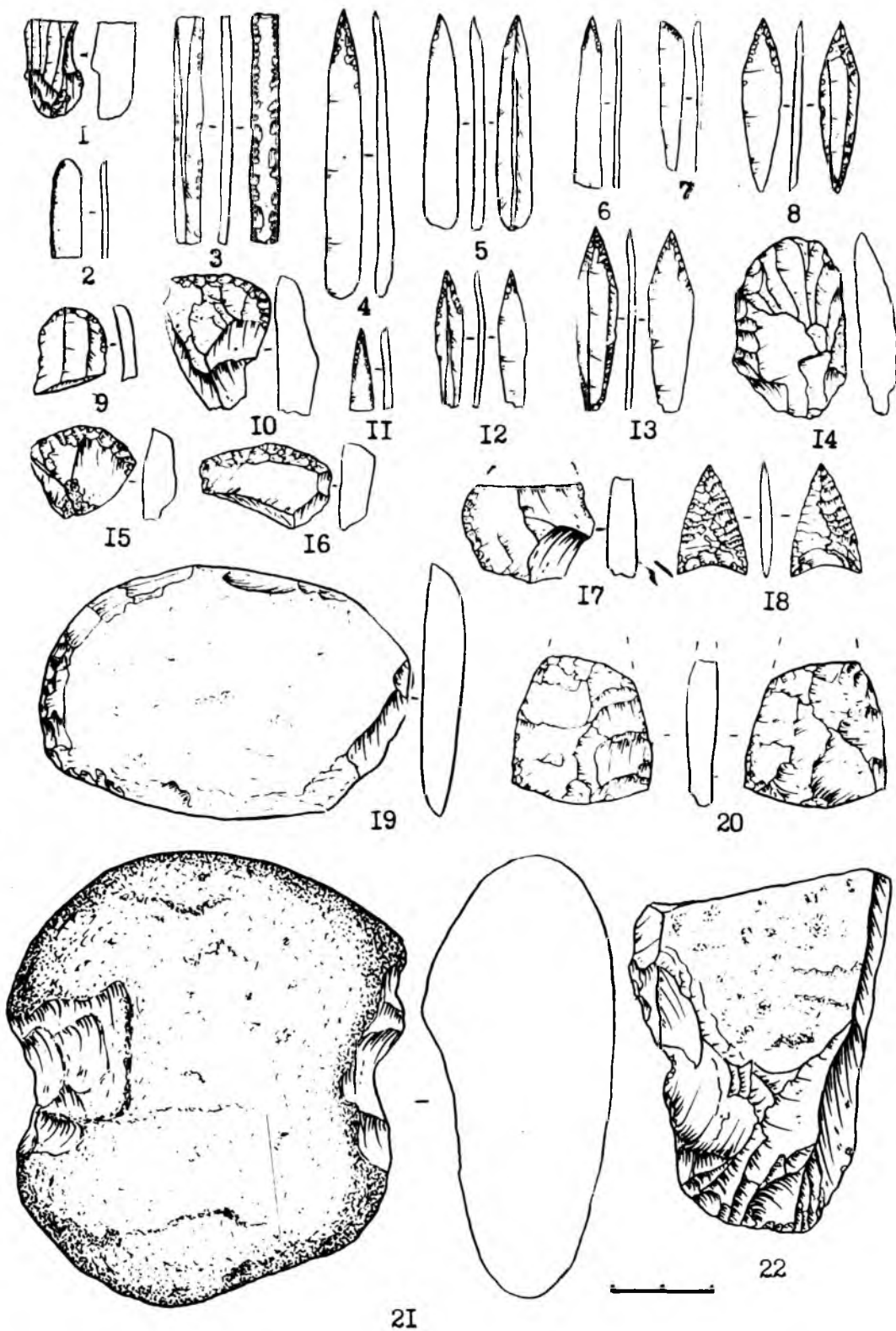

Рис. 80. Егоркина пещера. 1, 22 — нуклеусы; 2 — пила; 4—8, 11—13 — проколки; 9, 10, 15—17 — скребки; 14 — стамеска; 18, 20 — наконечники стрел; 19 — скребло; 21 — грузило.

Рис. 81. Усть-Менза-5; горизонт 4—1; горизонт 3—2; Усть-Менза-4, горизонт 3—3—7; 1 — скребло; 2 — скол; 3 — отщеп; 4, 5 — нуклеусы; 6 — пластинка с ретушью; 7 — проколка.

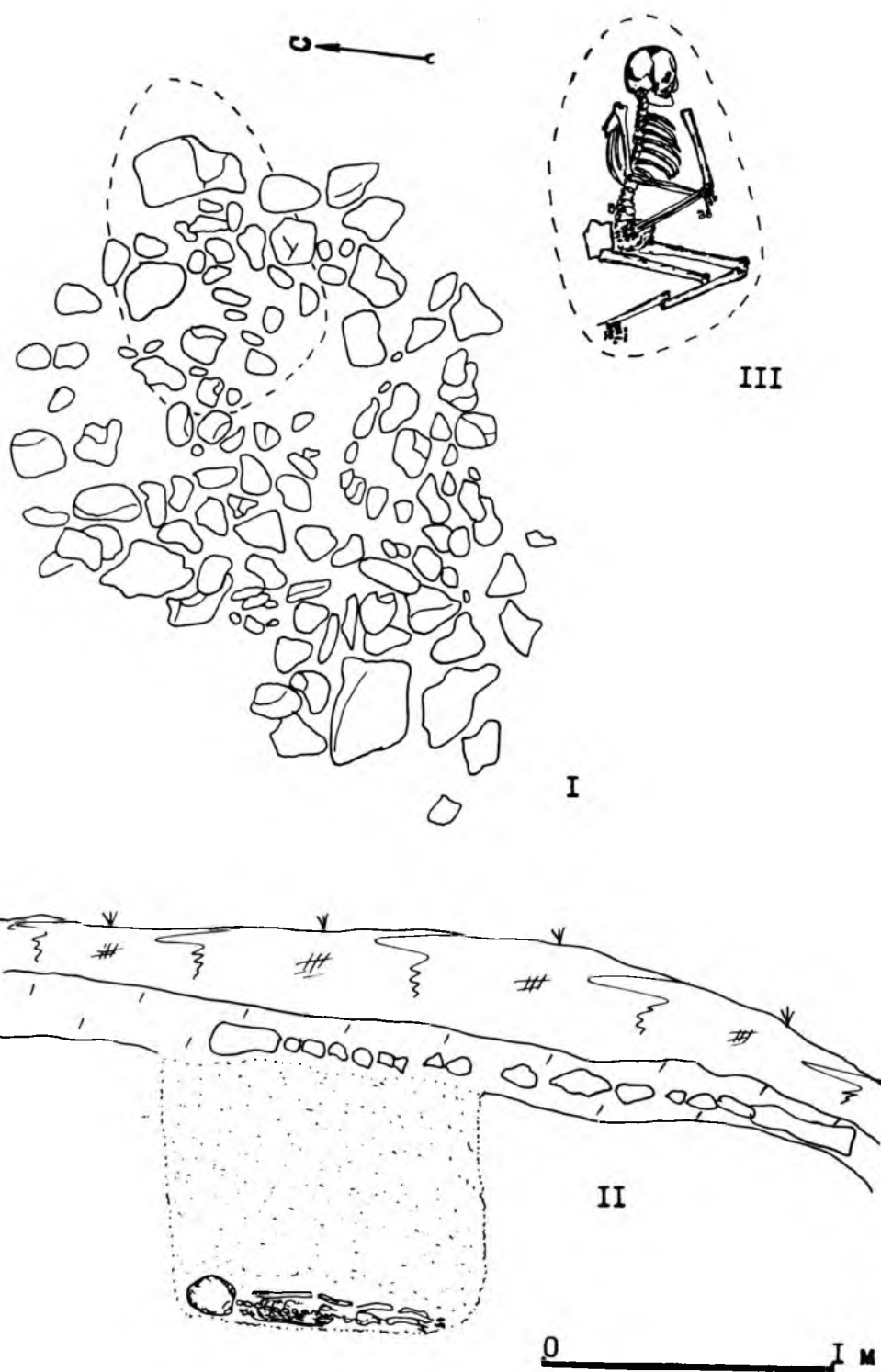

Рис. 82. Усть-Менза-5. Погребение I — кладка; II — разрез; III — могильная яма и скелет.

С
↑

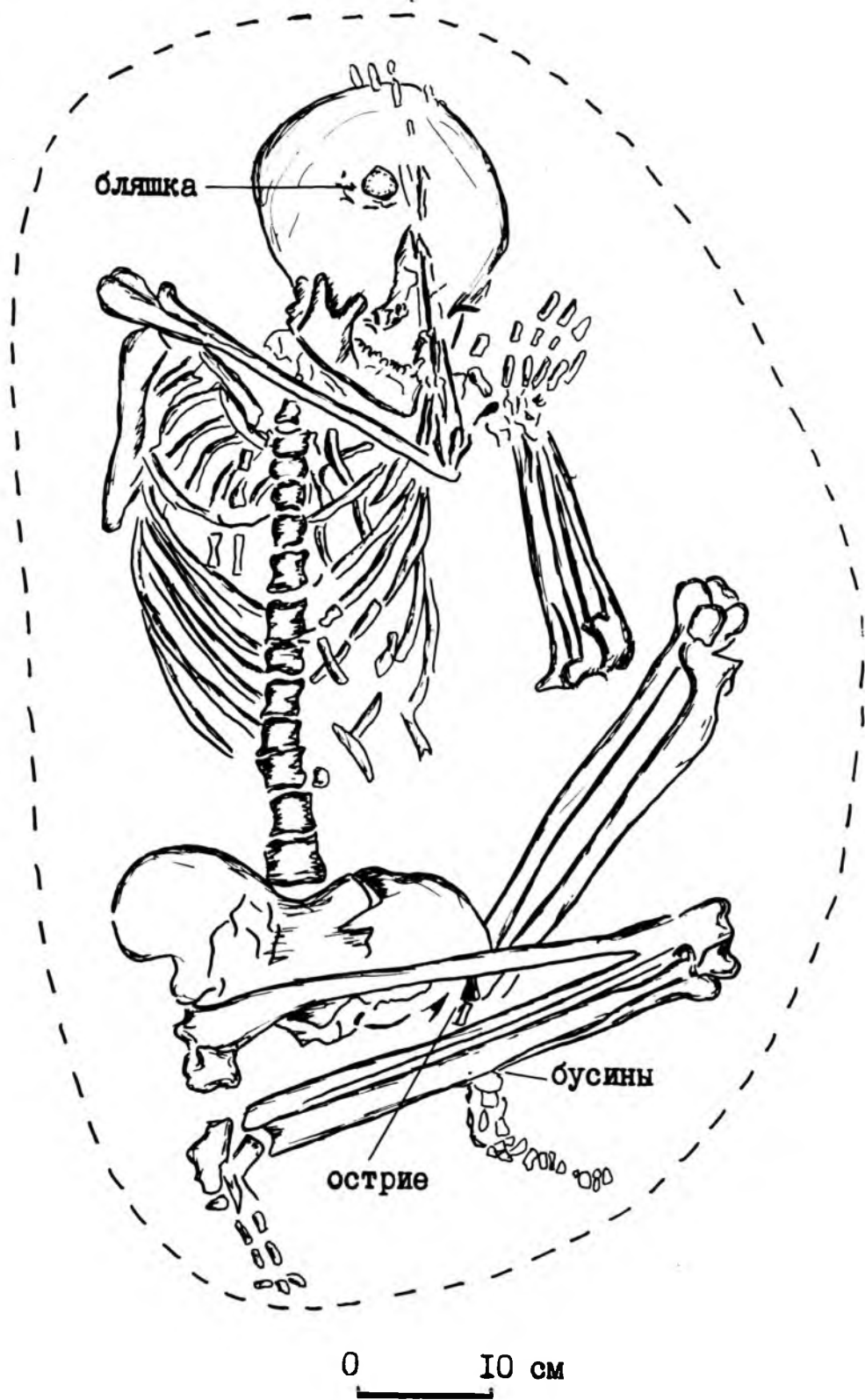

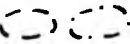

Рис. 83. Мельничное. Погребение.

ПЛАНЫ ЖИЛИЩ

- Н - нуклеус
- / - отщеп
- Р - отщеп с ретушью
- Х - пластина, фрагмент пластины, микропластинка, фрагмент микропластинки
- Х - пластина, микропластинка с ретушью
- Λ - проколка
- Δ - остроконечник
- ▷ - скребок
- ◐ - скребло
- Λ - резец
- ▷ - долотовидное орудие
- 2, Q - оббитая галька
- Ч - чоппер, чоппинг
- X - кость
- М - зуб
- - челюсть
- - рог
- Э - эмаль
- - следы от деревянных палочек
- - условная граница жилища /для Толбаги-I,'
- - границы углистых, прокаленных пятен
- - камни, щебень
- - очаги и очажные пятна
- - старый геологический шурф

У С Л О В Н Ы Е О Б О З Н А Ч Е Н И Я

ТОПОПЛАНЫ

- - лес
- а - редкий лес
- - кустарник
- ” ” - луговая растительность
- - степная растительность
- - кочка
- ≡ - болото
- ◄ ► - скальные выходы
- ◄ / ► - овраг, промоина
- == - полевая дорога
- - - трога
- - линия электропередач
- * * - изгородь
- ┌┐┐ - огород
- - геологические шурфы
- □ - раскопы, шурфы

ПРОФИЛИ

- ≡ # - почва современная
- | | - супесь
- - песок
- - - суглинок
- - - ил
- ≡ — - палеопочва
- ◄ ► - щебень, дресва
- * * - карбонатизация
-
- ⊕ - кротовина
- ⊕ - камень
- ⊕ - галька
- У - номер литологического слоя
- 2 - номер культурного горизонта

